3 1761 08106841 3

Бюллетени литературы и жизни.

g. 4, no. 4-6

Title transliterated:
Bfulletoni literatury i zhizni

AP
50
B54
8.4
NO.4-6

ц. 20 к.

Bulleten literatury i zhizni

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 4. Октябрь. 1912.

(Четвертый годъ изданія.)

AP
50
B54
g.4
no 4-6

СОДЕРЖАНІЕ

1) Анкета о современныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ.
2) Умѣнье хотѣть. (Научная постановка опроса о самовнушеніи.)
3) Достоевскій и Кантъ.
4) Любовь Толстого.
5) Мечниковъ о Толстомъ.
6) Личность Генри Джоржа.
7) Р. Хинъ о пребываніи въ Москвѣ Германа Банга.
8) Б. Зайцевъ и А. Ремизовъ.
9) „Путь къ славѣ“ (Повѣсти И. Н. Потапенко „Прикватники славы“.)
10) О такъ называемой классовой художественной литературѣ.
11) Какъ использовать духовныя богатства Россіи. (Проектъ проф. И. Х. Озерова.)
12) О книжномъ потопѣ и новомъ „ноевомъ ковчегѣ“.
13) Русская мысль о смертной казни.
14) Изъ жизни англійскаго студенчества.

Отзывы о книгахъ.—Новыя книги.—Содержаніе журналовъ.—Книги, поступившія въ редак.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Тверской бульв., д. 26, книжн. маг. „Трудъ“. Тел. 34-54. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція“.

МОСКВА.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА **1912—13** ГОДЪ.

(Годъ изданія шестой. Съ сентября 1912 по сентябрь 1913 г.)

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СВОБОДНОЕ ВОСПИТАНІЕ“

(ОРГАНЪ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНІЯ И ВОСПИТАНІЯ)

подъ редакціей *И. Горбунова-Посадова*,

для городскихъ и сельскихъ учителей и для родителей.

Цѣль журнала: разработка вопросовъ о такомъ воспитаніи и образованіи, которое основано на самодѣятельности, на удовлетвореніи свободныхъ запросовъ дѣтей и юношества и на производительномъ трудѣ, какъ необходимой основѣ жизни.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Статьи по вопросамъ умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія, образованія и самообразованія; 2) изъ семейной, школьной и общественной жизни съ точки зрѣнія интересовъ воспитанія и образованія; 3) о материнствѣ и воспитаніи ребенка въ первые годы жизни; 4) по вопросамъ защиты дѣтей отъ жестокости и эксплоатаціи; 5) о свободно-образовательныхъ начинаніяхъ для трудового населенія; 6) по ручному труду (земледѣльческому, ремесленному и т. д.); 7) по природовѣдѣнію, устройству экскурсій и т. д. 8) по вопросамъ гигіены дѣтства и юношества; 9) „Изъ книги и жизни“: обзоръ журналовъ, книгъ и газетъ по вопросамъ воспитанія и образованія; 10) переписка между лицами, интересующимися вопросами реформы воспитанія и образованія; 11) вопросы и отвѣты читателей; 12) библіографія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Е. Бёмъ, П. А. Бенецкій, д-ръ Г. М. Беркенгеймъ, П. И. Бирюковъ, д-ръ А. С. Буткевичъ, проф. Ю. И. Вагнеръ, В. М. Величкина, К. П. Вентцель, М. В. Веселовская, Ю. А. Веселовскій, А. М. Вихровъ, Е. Е. Горбунова, И. П. Горбуновъ-Посадовъ, А. А. Громбахъ, П. Н. Гусевъ, А. Г. Дауге, д-ръ А. Дернова-Ярмоленко, Е. А. Дунаева, С. П. Дурылинъ, П. Я. Живаго, А. У. Зеленко, А. С. Зоновъ, д-ръ П. А. Кабановъ, О. В. Кайданова, акад. П. А. Касаткинъ, М. В. Кистяковская, Н. С. Киричко, А. Китаевъ, М. М. Клечковскій, А. П. Коншинъ, П. В. Кротковъ, Н. Крупская, С. А. Левицкій, В. П. Лукьянская, Ю. И. Менжинская, И. П. Пакашидзе, П. Оеттли, Сергѣй Орловскій, А. П. Печковскій, О. В. Полетаева, Е. П. Поповъ, С. А. Первухинъ, А. Б. Петрищевъ, В. В. Петровъ, С. А. Порѣцкій, А. С. Пругавинъ, Ф. А. Рау, д-ръ В. В. Рахмановъ, П. А. Рубакинъ, проф. П. Е. Рѣпинъ, М. Х. Свентицкая, П. М. Соловьевъ, Е. К. Соломинъ, В. М. Сухова, Е. Я. Фортунатова, А-дръ А. Фортунатовъ, К. А. Фортунатовъ, А. М. Хирьяковъ, Г. Г. Черкезовъ, С. Г. Чефрановъ, Е. П. Чижовъ, С. Т. Шацкій, Л. К. Шлегеръ, д-ръ А. Шкарванъ и др.

Въ 1912—1913 г. въ „Свободномъ Воспитаніи“ появится рядъ статей, содержащихъ въ себѣ описаніе постановки и дѣятельности передовыхъ школъ Европы и Америки, статьи, описывающія работу передовыхъ школъ Россіи, статьи, излагающія новые методы школьнаго обученія, статьи по вопросамъ семейнаго и дошкольнаго обученія (дѣтскіе сады и т. д.), статьи по вопросамъ совмѣстнаго воспитанія, полового воспитанія и т. д. и т. д. Вообще же постоянною задачею журнала будетъ и дальше освѣщеніе главныхъ вопросовъ воспитанія и снабженіе учителей и родителей практическими указаніями для ихъ работы съ дѣтьми.

Подписная цѣна: на 1 годъ съ пересылкой 3 р., на полгода — 1 р. 50 к.; безъ доставки въ Москвѣ 2 р. 50 к., за границу 3 р. 60 к. Для сельскихъ учителей на 1 годъ 2 р., на полгода 1 р. Подписка принимается: 1) въ редакціи журнала „Свободное Воспитаніе“ (Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., 8), 2) въ книгоиздательствѣ „Посредникъ“ (Москва, Арбатъ д. 36); 3) въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“ (Москва, Петровскія линіи,) и во всѣхъ другихъ книжныхъ магазинахъ, принимающихъ подписку на журналы.

Издатель А. Н. Коншинъ. Редакторъ И. Горбуновъ-Посадовъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ-издательница О. П. ПРОХАСКО. **„ОГНИ“.** Адресъ редакціи и конторы Кіевъ, Фундуклеевская, 26.

Цѣна съ дост. и перес. въ Россіи: по 1-е янв. 1913 г.—2 р., по 1-е іюля 1912 г.—1 р., по 1-е апр. 1912 г.—50 к. Номера за 1911 г. (съ № 1-го отъ 30-го сент.) высыл. за 40 к.

Журналъ, давая беллетристическій матеріалъ (повѣсти, разсказы, стихотворенія), даетъ въ то же время и недѣльные обзоры того, что происходитъ какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей (Русская жизнь, Еврейская жизнь, Украинская жизнь, Польская жизнь, Заграничная жизнь), а также статьи по вопросамъ политическимъ, экономическимъ, научнымъ, литературнымъ, статьи по коопераціи, земскому дѣлу и пр. Письма изъ провинціи, изъ деревни, изъ-за границы. Особое вниманіе обращено на жизнь рабочихъ массъ, которую освѣщаютъ, какъ отдѣлъ „Въ мірѣ труда“, такъ и статьи.

ОТЪ КОНТОРЫ: при настоящемъ № „Бюллетеней“ всѣмъ подписчикамъ разсылается каталогъ К—ва „**ЗВѢЗДА**“. Неполучавшихъ просятъ обращаться въ издательство Москва, М. Никитская, д. 14.

АКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
1 строка петита . . 50 к.

№ 4 — Октябрь 1912 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к., на 2 м.—75 к., на 1 м.—35 к. За-границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора:
Москва. Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67.

Анкета о современныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ.

Одинъ изъ заграничныхъ журналовъ, по словамъ „Вѣст. Теософіи“, предпринялъ анкету для выясненія современныхъ религіозныхъ воззрѣній. Большой успѣхъ этого его перваго опроса даетъ ему поводъ продолжить и расширить его. Опубликованные отвѣты опрошенныхъ лицъ, будучи собраны въ 2 или 3 тома, составятъ, конечно, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ документовъ современной мысли, зеркало, дѣйствительно отражающее самыя интимныя мысли и чувства людей всѣхъ расъ и вѣроисповѣданій, и можетъ быть дастъ начало созданію истинной религіи духа, согласно стремленіямъ современнаго вѣка. Если эта анкета, говоритъ журналъ, освѣтитъ всю разнообразность религіозныхъ опытовъ и воззрѣній, то ова также покажетъ,—журналъ въ этомъ убѣжденъ,—глубокое единство и сокровенную однородность ихъ.

Анкета состоитъ изъ 10 вопросовъ.

1) Дѣлаете ли вы различіе между „религіей“ и „религіями“, между религіозностью общей всѣмъ въ разныхъ степеняхъ и исповѣдуемой религіей, ограниченной догмами даннаго вѣроисповѣданія? Въ какомъ смыслѣ, изъ этихъ двухъ, вы будете употреблять слово „религія“ въ вашихъ отвѣтахъ?

2) Думаете ли вы о Богѣ? Какимъ образомъ представляете вы Его? Чему это слово наиболѣе соотвѣтствуетъ въ вашемъ представленіи? Что вы думаете о молитвѣ?

3) Что называете вы религіознымъ чувствомъ? Если оно необходимо или, по крайней мѣрѣ, полезно, то какія средства считаете Вы наиболѣе возможными и совершенными, чтобы развить, укрѣпить и очистить его. При какихъ обстоятельствахъ испытали вы религіозный подъемъ? Почему вы его назвали религіознымъ? Къ какой категоріи или какимъ ступенямъ эмоціи можно приложить спеціально названіе религіозной?

4) Задавались ли вы вопросомъ о „будущей жизни“? Можете вы представить себѣ переживаніе личности послѣ физической смерти? Понимаете вы будущую жизнь въ переносномъ смыслѣ, какъ переживаніе насъ, нашихъ дѣяній или какъ нѣкую реальность за могилой.

5) Какую вы видите связь между догмой и религіей? Первая есть ли необходимое условіе второй? и что вы понимаете подъ „догмой“?

6) Могутъ ли слиться вѣра и знаніе? и, если да, то какимъ образомъ?

7) Считаете вы нравственность независимой отъ религіи? Принимаете вы понятіе грѣха и искупленія? Вѣрите вы въ реальность зла, какъ нѣкоей силѣ, противостоящей добру? Считаете вы нужнымъ и возможнымъ побѣдить зло нашими собственными усиліями, — или только при помощи свыше?

8) Считаете вы школу жизнеспособной и безъ понятія о Богѣ? Считаете вы языческую школу или вообще не исповѣдующую никакой религіи менѣе способной преслѣдовать свои вступительныя цѣли, чѣмъ—исповѣдующая? и чѣмъ считаете вы возможнымъ замѣнить недостающій религіозный элементъ? А если вы считаете его необходимымъ или, по крайней мѣрѣ, полезнымъ, то какимъ піпіітіш можно, по вашему, ограничиться въ воспитаніи, чтобы онъ все же не былъ слишкомъ расплывчатымъ и недостаточнымъ?

9) Сохранили ли Вы нетронутой свою дѣтскую вѣру? Если нѣтъ, то въ какомъ возрастѣ и при какихъ обстоятельствахъ разорвали вы съ традиціоннымъ исповѣданіемъ, какой была

можно думать, ваша вѣра? И какое вліяніе этотъ разрывъ возымѣлъ на ваши чувства, мысли и поведеніе?

10) Допускаете вы связь между Государствомъ и Церковью и какимъ образомъ вы это себѣ представляете?

Умѣніе хотѣть.

(Научная постановка вопроса о самовнушеніи.)

> Не такъ надо *знать* (слово это—кумиръ прошлаго нынѣ развѣнчанный); не такъ надо *мочь* (это тоже пройденная ступень), какъ надо умѣть *хотѣть*. „Хочу!“ — вотъ то веретено, которое тянетъ и сучитъ нить жизни...
>
> *Д. Абсольдясевъ.*
>
> („Тѣнь вѣка сего“.)

> Коли хочешь, то и можешь — говорятъ люди. Это вѣрно, но лишь при двухъ условіяхъ: хотѣть возможнаго и умѣть хотѣть.
>
> *Проф. Бернгеймъ.*
>
> (Изъ введенія къ кн. П. Леви „Раціональное воспит. воли.“)

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ во Франціи пользуется значительнымъ успѣхомъ книга д-ра П. Леви „Раціональное воспитаніе воли“, переведенная теперь и на русскій языкъ (съ 7-го изданія). Названная книга ставитъ своей цѣлью служить практическимъ руководствомъ какъ къ духовному самолеченію, такъ и самовоспитанію. Авторъ ея справедливо замѣчаетъ въ своемъ предисловіи: „Намъ кажется, что этотъ трудъ можетъ имѣть значеніе и за предѣлами (чистой медицины), нами отмежеванными ему вначалѣ, а именно — значеніе философское и нравственное, мало тогда нами предвидѣнное, но которое не лишне было бы отмѣтить“. Съ точки зрѣнія этого, общаго, значенія оригинальная книга П. Леви заслуживаетъ особеннаго вниманія въ Россіи, гдѣ болѣзнь нашего вѣка, „тѣнь вѣка сего“ — *неумѣнье хотѣть*—стала чуть не національной...

Происхожденіе нашего безволія.

Величайшая болѣзнь нашего времени,— говоритъ французскій психотерапевтъ,—это слабость воли. Аксіома избитая. Всѣ сколько нибудь размышляющіе люди въ одинъ голосъ оплакиваютъ это общее отсутствіе воли. Вы рѣдко встрѣтите человѣка, который не назвалъ бы себя неврастеникомъ въ той или другой степени. А развѣ характерная особенность неврастеніи не заключается, по мнѣнію всѣхъ, главнымъ образомъ, въ ослабленіи силы воли?

Эти факты неоспоримы. Но для того, чтобы не сдѣлать грубой ошибки въ опредѣленіи причинъ, вызвавшихъ это явленіе, и въ пріисканіи средствъ для его устраненія, мы не должны ограничиться поверхностнымъ объясненіемъ и воображать, что эта болѣзнь воли, эта абулія только что появилась у людей, что ею стали страдать лишь люди нашего поколѣнія. Это зло болѣе давняго происхожденія, и кто хочетъ познать его истинныя причины, тотъ долженъ, по нашему мнѣнію, мысленно возвратиться къ эпохѣ великаго крушенія, ознаменовавшаго собой конецъ XVII столѣтія. Именно тогда началась эволюція, которая и въ настоящую минуту далеко еще не закончилась, заставляя страдать и насъ. До тѣхъ поръ человѣку говорили лишь о его *обязанностяхъ*. Теперь же ему указали на всю великость его *правъ* и призвали его управлять самимъ собой. А развѣ онъ былъ подготовленъ къ такой задачѣ? И если нѣтъ — предпринято ли хоть что-нибудь, чтобы сдѣлать ее посильной для него?

Обратите вниманіе: царившее тогда понятіе о нравственной свободѣ, о волѣ, къ несчастью, владѣетъ умами и до сихъ поръ. На волю смотрѣли какъ на автономную, самовластную способность, какъ на какую-то таинственную силу, благодаря которой человѣкъ можетъ располагать собой, какъ ему вздумается. Однако, эта яко бы независимая сила, невѣдомо для себя самой, подчинялась могучимъ внушеніямъ *авторитета* и въ особенности *религіи*, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ представляли для нея поддержку; и ихъ достаточно было для руководства совѣстью и для направленія всей жизни. Правильна-ли была эта теорія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ она не играла значительной роли. Большинство людей даже не удивлялись, когда ихъ яко бы могущественной волѣ приходилось терпѣть неудачу, что случалось нерѣдко; ибо, несмотря на эти преходящіе инциденты, они чувствовали, что она сильна и способна быстро оправиться, а потому и не интересовались знать, откуда у нея берется эта сила—изъ собственныхъ запасовъ, или же изъ какихъ-нибудь внѣшнихъ источниковъ.

Съ тѣхъ поръ авторитетъ постепенно потерялъ свой престижъ. Нынче онъ уже не господствуетъ надъ нами, ибо онъ дробится въ каждомъ изъ насъ. Религіозныя вѣрованія въ свою очередь подверглись сомнѣнію: мы гово-

римъ о тѣхъ вѣрованіяхъ, которыя проявляются не только въ словахъ и позахъ, но проникаютъ глубоко въ душу и руководятъ жизнью. А между тѣмъ ничто не явилось на смѣну этой рушившейся двойной духовной власти. У насъ нѣтъ ничего, достойнаго уваженія, и нѣтъ надъ нами руки, и никто насъ не научилъ уважать самихъ себя и самимъ держать себя въ рукахъ. Заботясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы надѣлить насъ знаніями, современное воспитаніе не позаботилось снабдить насъ солидными принципами, твердыми убѣжденіями. Даже побѣдоносная наука—эта слава нашего вѣка—лишь еще болѣе отдалила насъ отъ этой главной науки — *познанія самого себя:* увѣривъ насъ въ томъ, что наше счастье внѣ насъ, она только увеличила наши потребности и наши желанія. Пропитанные насквозь доктринами, унаслѣдованными нами по традиціи, мы продолжаемъ провозглашать всемогущество воли. Но эта всемогущая воля не откликается больше на нашъ зовъ. Она никогда не старалась проникнуть въ тайну своей власти Поддерживавшіе ее когда-то факторы исчезли, и она пала подъ собственной тяжестью, и ея паденіе было тѣмъ тяжелѣе, что къ нему не были подготовлены.

Отсюда это всеобщее уныніе духа, а также эта безпорядочная суетливость, зачастую плохо прикрывающая пустоту мысли. Отсюда эта скука, это отчаяніе—родъ пессимизма, отвращенія къ жизни, наложившаго такую тяжелую руку на нынѣшнее поколѣнье — результатъ несоотвѣтствія между преподаннымъ намъ могуществомъ воли и ея полнымъ банкротствомъ при столкновеніяхъ съ реальной жизнью.

Отсюда этотъ всеобезпложивающій скептицизмъ, это снисходительное отношеніе къ господству страстей, эта всеобщая притупленная и въ то же время чрезмѣрная чувствительность, истощающая наши жизненныя силы, чувствительность слишкомъ подчеркнутая, черезчуръ пунктуально воспроизведенная современной литературой, которая этимъ лишь плодитъ ее. Отсюда такое ужасное развитіе нервныхъ болѣзней, отсюда наконецъ такъ безмѣрно растущее число самоубійствъ—это высшее проявленіе отсутствія воли, доходящаго до утраты воли къ жизни.

Конечно, это еще не доказываетъ, чтобы энергія совсѣмъ умерла; она даже не находится въ состояніи оцѣпенѣнія. Она просто-на-просто плохо примѣнена — она сошла съ пути истины. Очутившись на дурной дорогѣ, она помнитъ и оплакиваетъ утраченную силу, дававшую ей здоровое направленіе. Явится достаточно сильный толчокъ, и она тотчасъ же возвратится на прежній путь и будетъ вполнѣ счастлива, что нашла его. Чего ей дѣйствительно не достаетъ, такъ это—постояннаго побужденія и направленія, правильной дисциплины, которая сильной рукой удерживала бы ее на прямомъ пути, ибо лишь продолжительное усиліе заслуживаетъ названія воли. Все это она ищетъ внѣ себя, и ищетъ напрасно: *она должна искать въ себѣ самой* и найдетъ. Только и слышно, какъ повторяютъ на всѣ лады, что важнѣйшая и настоятельнѣйшая наша задача въ настоящую минуту, это—воспитаніе воли. Это такъ вѣрно, какъ только можетъ быть. Но это—лишь первый шагъ. Надо проникнуться убѣжденіемъ, что эта задача довлѣетъ сама себѣ, въ себѣ самой видитъ свое удовлетвореніе, право на существованіе, свою цѣль и свою санкцію.

Теорія самовнушенія.

Что же такое значитъ хотѣть? Хотѣть—это вовсе не такъ просто, какъ думаютъ; можно и слѣдуетъ учиться хотѣть. Воля не есть единая, нераздѣльная сила, какъ обыкновенно ее себѣ представляютъ, это—продуктъ многочисленныхъ факторовъ: идей, ощущеній, всякаго рода чувствъ. А между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ лишь самая незначительная часть изъ всѣхъ этихъ различныхъ элементовъ представляется намъ ясно, все же остальное остается несознаннымъ, такъ что даже при серьезныхъ размышленіяхъ эта сложная работа всѣхъ элементовъ воли совершается внѣ насъ и помимо нашего вѣдѣнія. Съ кѣмъ не случалось, что, сдѣлавъ что-нибудь, спрашиваешь себя, какія соображенія заставили тебя поступить такъ, а не иначе, и, наконецъ, посредствомъ, къ несчастію, слишкомъ поздняго анализа, доискиваешься причины тѣхъ идей, тѣхъ чувствъ, которыя безсознательно повліяли на твое рѣшеніе. Бываетъ и такъ: видишь ясно, что надо сдѣлать, но чувствуешь, что не хватаетъ силъ. Мы скажемъ: хотѣть, это значитъ — съ помощью *размышленія* (которое есть не что иное, какъ одна изъ формъ вниманія) отдавать себѣ ясный отчетъ въ различныхъ развертывающихся въ насъ, борющихся другъ съ другомъ элементахъ; судить о нихъ хладнокровно, безпристрастно, какъ если бы мы были постороннимъ зрителемъ, и такимъ образомъ стать въ самыя благопріятныя условія для принятія здраваго рѣшенія. А затѣмъ, разъ рѣшеніе принято — дать ему, съ помощью сосредоточенія на немъ вниманія, достаточно силы, чтобы оно овладѣло умомъ и воплотилось въ дѣйствіе. Слѣдовательно, учиться хотѣть—зна-

читъ учиться дисциплинировать вниманіе, чтобы предоставить его къ услугамъ ума.

Итакъ, научиться хотѣть — значитъ пользоваться самовнушеніемъ и внушеніемъ. Но если даже, при настойчивомъ и умѣломъ примѣненіи изученныхъ пріемовъ, волѣ не удастся овладѣть собой, дѣло ея еще не проиграно: тогда она должна обратиться за помощью къ внушенію извнѣ. Это послѣднее — вопреки ходячимъ предразсудкамъ — не станетъ навязывать ей волю другого. Напротивъ, оно научитъ ее, какъ справиться съ собой, собрать разсѣявшіяся силы: оно будетъ лишь ея руководителемъ и воспитателемъ, но руководителемъ вѣрнымъ ей и воспитателемъ самымъ могучимъ и самымъ раціональнымъ.

Итакъ, воля теряетъ пресловутое допѣріе къ самой себѣ, которымъ она себя убаюкивала, нисколько не думая о томъ, чтобы поглубже изслѣдовать этотъ вопросъ. Стѣсненная законами, управляющими духомъ и дѣйствіемъ духа на тѣло, она можетъ освободиться и повелѣвать, лишь подчинившись этимъ законамъ. Ея мнимая свобода маскировала ея поистинѣ вассальное состояніе: теперь же, наоборотъ, она кажется пассаломъ, а на самомъ дѣлѣ она свободна, и свободна въ широкомъ смыслѣ этого слова, ибо въ силу всеобщности и строгости правила, на которое она опирается, нѣтъ такого физическаго или психическаго явленія, нѣтъ точки въ организмѣ, на которыя она не могла бы вліять самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Рибо говоритъ въ своей „Психологіи вниманія“ о взаимномъ вліяніи души и тѣла и возстаетъ противъ этого традиціоннаго дуализма, которымъ, по его словамъ, все еще пропитана психологія и отъ котораго ей и посейчасъ трудно отдѣлаться. Такое же замѣчаніе можно сдѣлать и медицинѣ. Мы привыкли смотрѣть на тѣло и душу какъ на два совершенно различные міра, и вліяніе одного на другое всегда носитъ въ нашихъ глазахъ нѣсколько таинственный характеръ. Во всякомъ случаѣ, если мы и допускаемъ, что оно можетъ проявляться, то лишь кое-когда и временно.

Въ сущности для того, чтобы вліять на тѣло, духу нѣтъ надобности перепрыгивать черезъ загородку, такъ какъ оба они — если можно такъ выразиться — живутъ въ одномъ и томъ же этажѣ. Формула Бернгейма: „Мысль становится ощущеніемъ или движеніемъ“ вполнѣ правильна и отвѣчаетъ дѣйствительности. Мысль не есть событіе, происходящее „въ мірѣ эфирномъ, сверхъестественномъ, неуловимомъ“, она живетъ и имѣетъ отзвукъ въ нашемъ организмѣ. Мы настаиваемъ на этихъ данныхъ потому, что намъ слѣдуетъ поближе съ ними познакомиться и понять, какъ далеко можетъ простираться наше вліяніе на насъ самихъ, въ зависимости отъ направленія, какое мы даемъ нашимъ мыслямъ.

Когда больной жалуется на усталость, безсонницу, я его увѣряю, что усталость сейчасъ пройдетъ, что онъ уже и теперь чувствуетъ себя свѣжѣе и бодрѣе, и что онъ отлично заснетъ. Другой жалуется на головную боль, боль въ желудкѣ, въ членахъ; я стараюсь убѣдить его, что боль уменьшится, а затѣмъ и совершенно исчезнетъ. У третьяго рука отнялась; и его я успокаиваю; это, молъ, пройдетъ, и рука попрежнему будетъ дѣйствовать. Конечно, если существуетъ органическое поврежденіе, то все это нравственное вліяніе разобьется о непреодолимое препятствіе. Но если дѣло идетъ о чисто нервномъ страданіи, хотя бы и при наличности нѣкотораго органическаго поврежденія, но при условіи, что болѣзненный симптомъ, съ которымъ мы боремся, не есть непосредственный результатъ этого послѣдняго, можно ожидать весьма благопріятнаго исхода болѣзни отъ нравственнаго леченія. Такъ какъ всякая мысль стремится къ своему реальному осуществленію, то, повторяя настойчиво мои увѣренія, я этимъ вызываю къ жизни благопріятныя мысли, которыя и могутъ, заручившись значительной силой, парализовать болѣзненныя явленія. Мысли о силѣ, о снѣ, въ концѣ концовъ, побѣдятъ усталость, безсонницу и преобразятся въ реальную силу и сонъ. Мысль объ отсутствіи боли уменьшитъ испытываемую боль. Мысль о томъ, что движеніе можетъ возстановиться, на самомъ дѣлѣ возстановитъ эту способность, и параличъ исчезнетъ. Вотъ въ главныхъ чертахъ теорія внушенія. Несмотря на то, а можетъ быть и именно потому, что она такъ проста, эта теорія открыла для леченія и особенно для леченія разнообразныхъ недуговъ нервной системы новый плодотворный путь. Самая всеобщность идеи, вложенной въ формулу, на которую опирается эта теорія, тотчасъ же указываетъ на то, что это — терапевтика не исключеній, а примѣнимая ко всѣмъ людямъ.

Спрашивается: коль скоро мы можемъ имѣть такое благодѣтельное вліяніе на другихъ, кто намъ мѣшаетъ употреблять его въ свою собственную пользу? Почему бы, страдая, намъ не искать въ самихъ себѣ и тѣми же средствами облегченія нашихъ страданій? Это и есть принципъ разумнаго и сознательнаго самовнушенія, и на немъ-то и зиждется возможность примѣненія къ намъ самимъ психической терапевтики.

Въ мірѣ явленій сознанія—въ мірѣ волнующихъ насъ идей, чувствъ, хотѣній, какъ и вездѣ и во всемъ, первенство дается тому, кто сильнѣе и лучше вооруженъ для борьбы. Къ несчастію, каждый знаетъ по опыту, что побѣда не всегда остается за тѣмъ, кого мы хотѣли бы видѣть побѣдителемъ. Мы лѣнимся, когда у насъ дѣла по горло; мы позволяемъ, чтобы надъ нами господствовали страсти, которыя могутъ испортить намъ здоровье и всю будущность; мы въ отчаяніи опускаемъ руки, тогда какъ намъ больше всего необходимо вооружиться мужествомъ. Итакъ, всѣ эти мысли о работѣ, о спокойномъ состояніи духа, о мужествѣ и пр., почти изгнанныя изъ нашего сознанія противоположными идеями, мысли, въ данную минуту робкія, едва очерченныя, остающіяся на заднемъ планѣ, но которымъ мы желали бы полнаго торжества, не смѣя о томъ и думать,—въ нашей власти, если мы хотимъ и умѣемъ хотѣть, надѣлить эти мысли необходимой силой, чтобы онѣ въ свою очередь взяли верхъ. Главнымъ факторомъ въ дѣлѣ такого превращенія является наше вниманіе, которымъ мы располагаемъ въ весьма обширной степени. Утвердившись на какой-нибудь идеѣ и часто возвращаясь къ ней, мы сосредоточиваемъ на ней наше вниманіе, держимъ ее постоянно въ умѣ, и тѣмъ самымъ сообщаемъ ей достаточно жизненной силы, чтобы она могла всплыть изъ темной пучины, гдѣ она прозябала, наверхъ, къ полному свѣту сознанія. И такимъ образомъ безплодное сочувствіе которое мы дарили этой идеѣ, преобразуется въ твердую, плодотворную вѣру, и она такъ разовьется, расширится, что ее роковымъ образомъ потянетъ къ реальному осуществленію.

Глядя темной ночью на небо, вначалѣ мы не видимъ тамъ ни одной свѣтлой точки; но по мѣрѣ того, какъ мы вглядываемся въ небо, мы начинаемъ различать на фонѣ, казавшемся намъ однообразнаго темнаго цвѣта, нѣсколько сверкающихъ звѣздъ. Благодаря обращенному на него вниманію, это ощущеніе, вначалѣ еще неосознанное, выдѣлилось затѣмъ изъ общаго воспринятаго ощущенія.

И, наоборотъ, внушая себѣ прекращеніе боли, мы первымъ дѣломъ лишаемъ поддерживавшаго эту боль вниманія, и такимъ образомъ она умираетъ за недостаткомъ пищи. Всѣмъ извѣстно, что боль отъ предвидѣннаго удара гораздо сильнѣе, чѣмъ отъ неожиданнаго, и наоборотъ, человѣкъ совсѣмъ или почти не чувствуетъ боли, если вниманіе его отвлечено въ другую сторону.

Итакъ, весь механизмъ, скрывающійся подъ простой формой самовнушенія, заключается въ нашемъ вниманіи, которое — смотря по тому, прибываетъ оно или убываетъ — усиливаетъ или ослабляетъ, создаетъ или уничтожаетъ.

Фактъ, достойный вниманія: если пользованіе внушеніемъ въ терапевтическихъ цѣляхъ, долгое время не признаваемое или пренебрегаемое, наконецъ, завоевало законно принадлежащее ему мѣсто, примѣненіе его къ намъ самимъ до сихъ поръ почти не извѣстно. А между тѣмъ о самовнушеніи въ терапевтикѣ уже давно говорили знаменитые ученые.

Практика самовнушенія.

Вотъ что говорится въ книгѣ П. Леви о самомъ процессѣ самовнушенія.

„Вы отправитесь въ темную комнату, гдѣ, по возможности, ни свѣтъ, ни шумъ не будутъ васъ безпокоить. Вы разляжетесь настолько удобно, чтобы ничто не стѣсняло вашего тѣла и чтобы ничто не отвлекало вашего вниманія; словомъ, вы создадите тѣ самыя условія, въ которыхъ мы находимся каждый вечеръ, ложась спать. Затѣмъ, закрывъ глаза, вы сосредоточитесь на мысли, что заснете. Въ случаѣ надобности, вы можете подвинуть впередъ осуществленіе этого перваго внушенія, отвлекая, такъ сказать, безъ всякаго усилія, ваше вниманіе отъ всего васъ окружающаго, отъ вашего тѣла, отъ вашихъ размышленій, чтобы направить его къ одной мысли — мысли объ отдыхѣ. Можно также прибѣгнуть къ тѣмъ различнымъ средствамъ, вызывающимъ сонъ, которыя имѣются у каждаго: считать цифры, произносить различныя формулы, представлять въ своемъ воображеніи ландшафты, регулировать дыхательный ритмъ и пр. Наступаетъ минута, когда вы начинаете ощущать нѣкоторое оцѣпенѣніе, спокойствіе и духа, и тѣла, ваши мысли и чувства какъ бы покрываются флеромъ, затуманиваются. Даже тѣ самыя явленія, противъ которыхъ вы боретесь, потеряли свою первоначальную остроту. Вотъ тутъ-то вы и приступаете къ внушеніямъ себѣ того, что вамъ желательно. И вы продѣлываете это столько времени, сколько вамъ кажется необходимымъ, иной разъ мысленно, лучше же вполголоса или даже громко, чтобы легче овладѣть вашимъ вниманіемъ. Можете даже, при случаѣ, употреблять какіе-нибудь жесты, дотрогиваться до больного мѣста или слегка растирать его, какъ бы для того, чтобы воплотить ваше внушеніе, чтобы указать самому себѣ ту точку, на которую должно быть направлено все ваше вниманіе. Да развѣ мы не дѣлаемъ того же самаго инстинктивно, когда ударимся обо что-нибудь, когда у насъ

заболитъ голова? Развѣ мы первымъ дѣломъ не подносимъ руку къ больному мѣсту, какъ бы для того, чтобы утишить хотя бы на минуту боль? Покончивъ съ внушеніемъ, вы открываете глаза: переходъ такъ незамѣтенъ, что тутъ едва ли можетъ быть рѣчь о пробужденіи.

Если въ продолженіе нѣсколькихъ дней продѣлывать эти упражненія самовнушенія при легкомъ снѣ, вотъ какіе результаты можно замѣтить: умъ привыкаетъ быстрѣе сосредоточиваться; закрывъ глаза, даже въ состояніи полнаго бодрствованія, гдѣ бы и когда бы то ни было, среди толпы, на прогулкѣ, вы можете духовно уединиться настолько, что вамъ становится гораздо легче прежняго дѣлать себѣ внушенія. И эта способность къ самовнушенію постепенно растетъ.

Надо имѣть въ виду слѣдующее соображеніе; самовнушеніе не требуетъ (или требуетъ очень рѣдко) напряженія воли, волевого усилія. Употреблять фразу: „я хочу“, даже вредно, ибо она выражаетъ желаніе, а слѣдовательно и предположеніе, что оно можетъ и неосуществиться. Стало быть, не слѣдуетъ говорить: „я хочу быть сильнымъ, здоровымъ“ и пр. Слѣдуетъ говорить утвердительно: „я здоровъ, силенъ, спокоенъ, я не страдаю“ и пр. Даже если мы вначалѣ не придаемъ вѣры этимъ фразамъ, однако, машинально повторяя ихъ, мы мало-по-малу осваиваемся съ выражаемой ими идеей. Затѣмъ, мы постараемся яснѣе опредѣлить эту идею, придать ей болѣе осязательныя очертанія, болѣе живую конкретную форму. Мы будемъ представлять себѣ свою собственную особу такой, какой мы желали бы, чтобы она была: сильной, крѣпкой, цвѣтущаго здоровья. Чѣмъ точнѣе, выпуклѣе, образнѣе становится идея, тѣмъ вѣрнѣе ея осуществленіе. То, что хорошо понятно и усвоено, легко осуществляется“.

Интересно отмѣтить здѣсь, что новѣйшая западная медицина, въ лицѣ Ліебо, Фейхтерслебена, самого Леви, своимъ ученіемъ о самовнушеніи, въ сущности, только повторяетъ опытъ Востока — тѣ положенія, какіе уже давно разработаны, напримѣръ, индусскими іогами. (См. книгу Рамачарака „Хатха-Іога“.)

Достоевскій и Кантъ.

Въ новомъ сборникѣ статей извѣстнаго экономиста М. Тугавъ-Барановскаго, носящемъ названіе „Къ лучшему будущему“, на первомъ мѣстѣ, давая „тонъ“ всей книгѣ,— этюдъ о нравственномъ міровоззрѣніи Достоевскаго, „Три великихъ этическихъ проблемы“. Статья эта, какъ и остальныя, въ свое время помѣщенныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, собственно уже не имѣетъ характера „новизны“. Однако „Бюллетенямъ“ нельзя пройти мимо нея. Такъ содержательна статья и такъ значительно это содержаніе.

Изъ всѣхъ русскихъ писателей,— говоритъ авторъ, — Достоевскій всего болѣе писатель будущаго. При жизни онъ почти не былъ понятъ; въ немъ видѣли талантливаго романиста, цѣнили его защиту „униженныхъ и оскорбленныхъ“, но совершенно не подозрѣвали геніальнаго мыслителя. Въ „Преступленіи и наказаніи“ замѣтили только „гуманную мысль“ — что преступникъ не всегда бываетъ злодѣемъ; „Идіотъ“ былъ совершенно не понятъ и почти незамѣченъ, а „Бѣсы“ вызвали негодованіе, какъ пасквиль на либераловъ и революціонеровъ.

Въ наше время Достоевскій все болѣе и болѣе приковываетъ къ себѣ вниманіе. Но его всемірно-историческое значеніе еще мало сознается; у насъ его едва начинаютъ понимать, а на Западѣ онъ болѣе возбуждаетъ любопытства, чѣмъ дѣйствительнаго и глубокаго интереса. А между тѣмъ, если за послѣднія полвѣка былъ писатель, въ равной степени необходимый и важный для всякаго современнаго человѣка, какой бы національности онъ ни былъ, то это именно творецъ „Братьевъ Карамазовыхъ“. Несмотря на свою необычайно тѣсную связь съ Россіей, Достоевскій такъ же мало принадлежитъ только Россіи, какъ Шекспиръ Англіи или Гете Германіи. Въ этомъ смыслѣ онъ еще весь въ будущемъ; и, быть можетъ, еще пройдетъ много десятилѣтій ранѣе, чѣмъ цивилизованный міръ откроетъ Достоевскаго, узнаетъ, пойметъ и полюбитъ его.

Достоевскаго много разъ сопоставляли съ Ницше. И дѣйствительно многія страницы его предвосхищаютъ излюбленныя мысли нѣмецкаго философа; но въ общемъ и цѣломъ стройное и законченное міросозерцаніе нашего писателя имѣетъ лишь нѣкоторые пункты соприкосновенія съ причудливымъ и парадоксальнымъ фейерверкомъ мыслей Ницше. Для Достоевскаго идеи Ницше были только однимъ изъ превзойденныхъ этаповъ его умственнаго развитія, точнѣе, однимъ изъ уголковъ его собственнаго философскаго царства. И если ужъ сопоставлять Достоевскаго съ кѣмъ-либо изъ философовъ Запада, то скорѣе всего съ величайшимъ изъ философовъ новаго времени — Кантомъ.

Трудно допустить прямое вліяніе Канта на

автора „Карамазовыхъ“: слишкомъ ужъ они различны по всему своему духовному складу. Но Кантъ былъ величайшимъ философскимъ выразителемъ того міросозерцанія, характернаго для всей новой исторіи со временъ Возрожденія, которое признало верховной святыней жизни человѣческую личность; то же міросозерцаніе выразилъ въ небывалыхъ во всемірной литературѣ, по своей силѣ и яркости, художественныхъ образахъ и Достоевскій. Міросозерцаніе одного было міросозерцаніемъ и другого, и было каждому изъ нихъ въ равной мѣрѣ внушено духомъ всей нашей исторической эпохи. И вотъ почему самые поразительные образы Достоевскаго составляетъ какъ бы художественный комментарій къ нравственной философіи Канта; комментарій — и вмѣстѣ развитіе и углубленіе.

Центральной идеей нравственной философіи Канта является идея безконечной цѣнности человѣческой личности; какъ естественный выводъ отсюда получается идея равноцѣнности человѣческой личности, ибо безконечность равна безконечности. Но, формулировавъ эту идею съ полной ясностью, Кантъ не далъ ей окончательнаго развитія и не показалъ разрѣшенія съ ея точки зрѣнія чрезвычайно трудныхъ проблемъ практической жизни. Именно это исполнилъ Достоевскій, и въ этомъ его непреходящая заслуга, какъ моральнаго философа.

Прежде всего, идея верховной цѣнности человѣческой личности требуетъ обоснованія: нужно показать, почему мы цѣнимъ человѣческую личность такъ необычайно высоко. Обоснованіе это непосредственно приводитъ къ *проблемѣ Бога*. Затѣмъ, идея эта должна быть истолкована, какъ основа нравственнаго закона — она приводитъ къ *проблемѣ человѣчества*. И, наконецъ, съ ея точки зрѣнія должно быть дано объясненіе нарушенію нравственнаго закона, иначе говоря — требуетъ разрѣшенія *проблема мірового зла*. Эти три великія проблемы поглощали все вниманіе Достоевскаго и имъ посвящено его лучшее творчество.

„Меня Богъ всю жизнь мучилъ“, говоритъ въ „Бѣсахъ“ Кириловъ. Въ лицѣ Кириллова мы имѣемъ передъ собой человѣка огромной душевной силы и съ неутомимой жаждой абсолюта.

Безъ вѣры въ абсолютную цѣнность жить онъ не можетъ. Но въ Бога онъ не вѣритъ; если же нѣтъ Бога, разсуждаетъ онъ, то нѣтъ и абсолютнаго нравственнаго закона, ибо какое другое основаніе, кромѣ абсолютнаго добра, можетъ имѣть этотъ законъ? Гдѣ же найти, однако, абсолютную цѣнность, если Богъ и добро не являются таковой? Единственной цѣнностью, и, значитъ, уже абсолютной цѣнностью, послѣ упраздненія другихъ, остается человѣческая личность. И вотъ Кириловъ приходитъ къ выводу, что человѣкъ долженъ стать для себя абсолютной цѣнностью, иначе говоря, „стать для себя богомъ“. „Сознать что нѣтъ Бога и не сознать, что самъ богомъ сталъ, есть нелѣпость“, думаетъ онъ.

Но стать для себя богомъ не значитъ не признавать другихъ цѣнностей, кромѣ своихъ интересовъ. Интересы человѣка относительны, достиженіе ихъ ограничено законами природы и, въ концѣ концовъ, смертью, предстоящей каждому. Кириловъ же жаждетъ абсолютной цѣнности, которая ничѣмъ не можетъ быть ограничена, и хочетъ превратить въ нее единственную цѣнность, которая у него осталась — человѣческую личность.

Чтобы стать абсолютной цѣнностью, человѣческая личность должна стать безгранично могущественной и свободной. А для этого нужно, чтобы воля человѣка не была ничѣмъ стѣснена, чтобы человѣкъ ничего не боялся, не боялся того, что всего больше страшитъ его — смерти.

Аттрибутомъ этого новаго человѣка — человѣко-бога — будетъ „своеволіе“ — безграничная дерзость воли, полное и абсолютное безстрашіе. Но какъ можетъ человѣкъ доказать, что его воля лишена всякаго страха? Только однимъ — добровольнымъ самоубійствомъ. Именно этотъ актъ является верховнымъ и единственнымъ доказательствомъ того, что всѣ границы для воли человѣка безповоротно и окончательно пали. „Я три года искалъ аттрибутъ божества моего. Этотъ аттрибутъ — своеволіе. Это все, чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу свою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы доказать непокорность и новую страшную свободу свою“.

Самоубійство есть высшее доступное человѣку проявленіе его своеволія. Низшимъ проявленіемъ того же было бы убійство другого человѣка. Убивая другого, человѣкъ доказываетъ, что для его воли не существуетъ преградъ нравственнаго закона, что Бога для него нѣтъ; но онъ самъ еще не становится поэтому богомъ — для его воли могутъ остаться преграды страха боли и смерти. И только убивая себя, человѣкъ разрушаетъ всѣ преграды для своей воли, становится богомъ.

Конечно, самоубійцъ были милліоны, но всѣ они убивали себя отъ жизненныхъ неудачъ, изъ страха, а „не для того, чтобы страхъ убить. Кто убьетъ себя только для того, чтобы

страхъ убить, тотъ тотчасъ богомъ станетъ".

И Кирилловъ себя убиваетъ, убиваетъ въ отвратительной обстановкѣ, служа низкимъ цѣлямъ человѣка, котораго презираетъ и ненавидитъ,— Петра Верховенскаго, представляющаго собою моральный антиподъ ему самому.

Какой же смыслъ этого удивительнаго художественнаго образа, созданнаго Достоевскимъ? Кирилловъ, какъ сказано, прежде всего глубоко религіозная натура; онъ не можетъ жить безъ Бога, но въ Бога онъ не вѣритъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это не мистикъ и не аскетъ, не понимающій и чуждый жизни. Напротивъ, онъ страстно любитъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ; онъ во всемъ чувствуетъ радость жизни. „Когда мнѣ было десять лѣтъ — говоритъ онъ Ставрогину — я зимой закрывалъ глаза нарочно и представлялъ себѣ листъ зеленый, яркій, съ жилками, и солнце блеститъ. Я открывалъ глаза и не вѣрилъ, потому что очень хорошо, и опять закрывалъ... Человѣкъ несчастливъ, потому что не знаетъ, что онъ счастливъ; только потому. Это все, все? Кто узнаетъ, тотчасъ станетъ счастливъ, сію минуту... Я всему молюсь. Видите, паукъ ползетъ по стѣнѣ, я смотрю и благодарю ему за то, что онъ ползетъ". По своей любви къ жизни, по своей способности понимать красоту и прелесть міра, Кирилловъ братъ по духу святыхъ Достоевскаго — князя Мышкина и старца Зосимы; и для него, какъ и для нихъ, „жизнь есть рай". И, однако, онъ добровольно бросаетъ этотъ рай и отдаетъ свою жизнь въ распоряженіе злодѣя для его честолюбивыхъ цѣлей. Почему такой ужасный контрастъ между душевнымъ обликомъ и практическимъ дѣломъ?

Отвѣтъ ясенъ. Потому, что Кириллову не хватило самаго главнаго для практическаго дѣла — вѣры въ Бога. Онъ самъ этимъ объясняетъ въ предсмертномъ разговорѣ съ Верховенскимъ свою трагическую судьбу. „Богъ необходимъ и потому долженъ быть. Но я знаю, что Его нѣтъ и не можетъ быть. Неужели ты не понимаешь, что человѣку съ двумя такими мыслями нельзя оставаться въ живыхъ? Неужели ты не понимаешь, что изъза этого только одного можно застрѣлить себя? Ты не понимаешь, что можетъ быть такой человѣкъ, одинъ человѣкъ изъ тысячи вашихъ милліоновъ, одинъ, который не захочетъ и не перенесетъ?"

Утративши Бога, Кирилловъ попытался замѣнить его человѣческой личностью. Но оказалось, что идея верховной цѣнности человѣческой личности, внѣ идеи Бога, не только не пригодна для построенія жизни, а, наоборотъ, ведетъ прямымъ путемъ къ отказу отъ жизни и самоубійству. Фигурой Кириллова Достоевскій говоритъ, что идея самоцѣльности человѣческой личности неизбѣжно предполагаетъ, какъ свое скрытое основаніе, идею абсолютнаго добра, иначе говоря, идею Бога Внѣ этой послѣдней идеи личность перестаетъ быть верховной цѣнностью, а жажда превратить ее въ таковую приводитъ къ собственному уничтоженію личности. Идея самоцѣльной личности внѣ абсолютнаго добра есть, иными словами, внутренне-противорѣчивая идея.

Итакъ, личность человѣка становится абсолютной цѣнностью лишь постольку, поскольку мы предполагаемъ существованіе абсолютнаго добра. Внѣ Бога и человѣкъ утрачиваетъ свою безконечную цѣнность — таковъ отвѣтъ Достоевскаго на вопросъ объ обоснованіи идеи самоцѣнности личности. Нравственный законъ самымъ фактомъ своего существованія требуетъ признанія Бога.

Такимъ образомъ разрѣшается Достоевскимъ проблема Бога — въ полномъ соотвѣтствіи съ философіей Канта, постулирующей Бога, какъ единственно возможную основу нравственнаго закона. Человѣкъ обладаетъ безконечной цѣнностью потому, что обладаетъ нравственнымъ сознаніемъ; въ его нравственномъ сознаніи отражается Божественный разумъ, на человѣкѣ почіетъ отблескъ Божества, сообщающій свою безконечную цѣнность и носителю нравственнаго сознанія — человѣку.

Но всѣ ли люди обладаютъ въ равной мѣрѣ нравственнымъ сознаніемъ? Конечно, нѣтъ. Если же такъ, то не слѣдуетъ ли заключить, что цѣнность человѣческой личности должна быть, по необходимости, различна? Чѣмъ ниже нравственное сознаніе человѣка, тѣмъ меньшую цѣнность представляетъ его личность, переставая быть верховной цѣлью въ себѣ и превращаясь въ средство для болѣе высокихъ личностей. Люди неравноцѣнны и болѣе высокіе изъ нихъ имѣютъ нравственное право превращать въ средство для своихъ высокихъ цѣлей личности людей, стоящихъ ниже ихъ по своему нравственному сознанію. Неравенство — не только законъ существующаго человѣческаго общества, но, повидимому, и неизмѣнный законъ морали.

Такимъ образомъ возникаетъ новая этическая проблема — какъ примирить безконечную цѣнность человѣческой личности и вытекающую отсюда ихъ равноцѣнность съ реальнымъ неравенствомъ людей, логически приводящимъ, повидимому, къ признанію ихъ неравноцѣнности. Эта вторая проблема — проблема человѣческаго общежитія, проблема человѣчества — непосред-

ственно вытекаетъ изъ первой проблемы, проблемы Бога, какъ основы нравственнаго закона. Разрѣшеніе этой второй проблемы Достоевскій далъ въ цѣломъ рядѣ художественныхъ образовъ.

Убѣжденіе въ неравноцѣнности людей есть основное убѣжденіе Раскольникова въ „Преступленіи и наказаніи“. Убивши старуху, онъ не только не испытываетъ раскаянія, но больше, чѣмъ когда-либо, вѣритъ въ свою теорію. Даже въ послѣднюю минуту, идя въ участокъ, чтобы выдать себя, онъ не хочетъ признать, что ему есть въ чемъ раскаиваться.

Но, несмотря на убѣжденіе въ своей правотѣ, онъ идетъ и доноситъ на себя, принимаетъ наказаніе за преступленіе, котораго, по его мнѣнію, не совершалъ. Что-то высшее, чѣмъ доводы разсудка, побѣждаетъ его волю. Эта борьба безсознательной воли, протестующей противъ пролитой крови, и разума, оправдывающаго кровь, и составляетъ душевную драму Раскольникова послѣ преступленія. Даже когда воля—слѣпой и непонятный нравственный инстинктъ—окончательно побѣждаетъ, когда Раскольниковъ уже томится на каторгѣ, разумъ все не сдается и все отказывается признать свою неправоту. „И хотя бы судьба послала ему раскаяніе — жгучее раскаяніе, разбивающее сердце, отгоняющее сонъ, такое раскаяніе, отъ ужасныхъ мукъ котораго мерещится петля и омутъ! О, онъ обрадовался бы ему! Муки и слезы—вѣдь это тоже жизнь. Но онъ не раскаялся въ своемъ преступленіи. Вотъ въ чемъ одномъ признавалъ онъ свое преступленіе: только въ томъ, что не вынесъ его и сдѣлалъ явку съ повинной“.

Эта явка съ повинной доказывала въ его глазахъ не то, что его теорія не вѣрна, а то, что онъ самъ не принадлежитъ къ числу великихъ людей, которые могутъ преступать нравственные законы. „Если бы только я зарѣзалъ изъ-за того, что голоденъ былъ, то я бы теперь счастливъ былъ“ говоритъ онъ Сонѣ Мармеладовой. „Мнѣ надо было узнать тогда, и поскорѣе узнать, вошь ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? Смогу ли я преступить или не смогу? Осмѣлюсь ли нагнуться и взять или нѣтъ? Тварь ли я дрожащая или право имѣю?.. И неужели ты думаешь, что я не зналъ, напримѣръ, хоть того, что ужъ если я началъ себя спрашивать и допрашивать: имѣю ли я право власть имѣть? — то, стало быть, не имѣю права власть имѣть. И что если задаю вопросъ: вошь ли человѣкъ?—то стало быть ужъ не вошь человѣкъ *для меня*, а вошь для того, кому этого и въ голову не заходитъ, кто прямо безъ вопросовъ идетъ. Ужъ если я столько дней промучился, пошелъ ли бы Наполеонъ или нѣтъ? Такъ вѣдь ужъ ясно чувствовалъ, что я не Наполеонъ“.

Вотъ это-то и терзаетъ Раскольникова—онъ оказался обыкновеннымъ человѣкомъ, подвластнымъ нравственному закону. Онъ хотѣлъ имѣть „свободу и власть, а, главное, власть! Надъ всей дрожащей тварью, надъ всѣмъ муравейникомъ!“ И эту власть онъ долженъ былъ получить освобожденіемъ себя отъ нравственнаго закона. Но нравственный законъ оказался сильнѣе его, и онъ палъ...

И только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ каторги въ душѣ Раскольникова совершается переворотъ: онъ признаетъ свое преступленіе и этимъ возрождается къ новой жизни. Нравственное сознаніе побѣдило.

Такова трагедія Раскольникова. Безсознательный инстинктъ оказался сильнѣе теоріи, несмотря на ея логическую неуязвимость. Именно неотразимая логика этого разсужденія и губитъ Раскольникова; онъ не боится правды, не хочетъ подчиняться слѣпымъ инстинктамъ—и гибнетъ. Какая-то ошибка въ его разсужденіи, слѣдовательно, была.

Да, была, была въ томъ, что онъ хотѣлъ логически обосновать, раціонализировать нѣчто по самому своему существу не допускающее такого логическаго обоснованія, раціонализированія. Онъ хотѣлъ вполнѣ раціональной морали—и логическимъ путемъ пришелъ къ ея полному отрицанію. Онъ искалъ логическихъ доказательствъ нравственнаго закона — и не понималъ, что нравственный законъ не требуетъ доказательствъ, не долженъ, не можетъ быть доказанъ—ибо онъ получаетъ свою верховную санкцію не извнѣ, а изъ самого себя. Почему личность всякаго человѣка представляетъ собой святыню? Никакого логическаго основанія для этого привести нельзя, какъ нельзя привести логическаго основанія для всего того, что существуетъ собственной своей силой, независимо отъ нашей воли. Фактъ тотъ, что наше нравственное сознаніе непобѣдимо утверждаетъ намъ святость человѣческой личности; таковъ нравственный законъ. Каково бы ни было происхожденіе этого закона, онъ столь же реально существуетъ въ нашей душѣ и не допускаетъ своего нарушенія, какъ любой законъ природы. Раскольниковъ попробовалъ его нарушить — и палъ. И такъ долженъ пасть каждый, кто, *обладая нравственнымъ сознаніемъ*, нарушитъ нравственный законъ.

Этотъ нравственный законъ провозглашаетъ, что всякая человѣческая личность есть верховная святыня совершенно независимо отъ того, каковы моральныя достоинства этого че-

ловѣка. Самый низкій и самый преступный человѣкъ такая же безконечная цѣнность, какъ и самый высокій: никто не можетъ быть средствомъ въ рукахъ другого, а каждый составляетъ цѣль въ себѣ. Или, какъ говоритъ Кантъ, „въ природѣ все, что угодно, надъ чѣмъ мы имѣемъ власть, можетъ служить намъ средствомъ, и только человѣкъ, и съ нимъ всякое разумное существо есть цѣль въ себѣ... Человѣкъ и вообще всякое разумное существо существуетъ, какъ цѣль въ себѣ, не какъ средство для той или другой воли, но всегда долженъ разсматриваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ какъ на него самого, такъ и на другія разумныя существа, какъ цѣль".

Въ этомъ смыслѣ всѣ люди равны между собой, какъ бы они ни были различны и неравны въ другихъ отношеніяхъ. Раскольниковъ отвергъ начало равноцѣнности человѣческой личности и тѣмъ самымъ отвергъ нравственный законъ. Если вообще личность человѣка можетъ быть святыней, то личность всякаго человѣка безъ различія. Ибо отъ святого до злодѣя существуетъ безчисленное множество незамѣтныхъ переходовъ: на какой же изъ этихъ ступеней личность человѣка становится священной? Или всѣ личности священны, или никакая изъ нихъ.

Интересно сравнить Раскольникова съ Кирилловымъ. Трагедія того и другого существенно различны. Кириллова мучитъ Богъ; онъ стремится къ *свободѣ*, хочетъ сдѣлать человѣка богомъ и для этого убиваетъ себя. Раскольниковъ не думаетъ о Богѣ, онъ стремится къ *власти*, хочетъ подчинить себѣ „дрожащую тварь" и для этого убиваетъ другого человѣка. Кирилловъ ничего не хочетъ для себя — онъ вѣритъ въ безконечную цѣнность, значитъ, равноцѣнность человѣческой личности; Раскольниковъ всего хочетъ для себя, онъ отрицаетъ равенство людей. Кирилловъ осуществляетъ собой высшую ступень человѣческаго своеволія, Раскольниковъ — низшую.

Въ лицѣ Кириллова Достоевскій казнитъ отрицаніе Бога и показываетъ, что человѣческая личность, сама по себѣ, не можетъ быть Богомъ. Въ лицѣ Раскольникова Достоевскій казнитъ отрицаніе святости человѣческой личности и показываетъ, что всякая человѣческая личность обладаетъ этой святостью и что въ этомъ отношеніи всѣ люди равны.

Еще глубже та же проблема самоцѣльности и равноцѣнности человѣческой личности разработана Достоевскимъ въ его послѣднемъ великомъ романѣ — въ „Братьяхъ Карамазовыхъ". Въ „Великомъ инквизиторѣ" Достоевскій сопоставляетъ два соціальныхъ идеала, которые дѣлятъ между собою человѣчество. Въ чемъ идеалъ человѣческой жизни — въ наибольшемъ счастьи или въ наибольшей нравственной высотѣ личности? — таковъ вопросъ, который ставитъ Христу въ своей изступленной рѣчи великій инквизиторъ. Этотъ старикъ еще гораздо глубже Раскольникова убѣжденъ въ коренномъ неравенствѣ людей; но въ отличіе отъ Раскольникова, онъ не убиваетъ, а самъ себя приноситъ въ жертву. Онъ презираетъ людей и любитъ ихъ любовью, основанной на жгучемъ состраданіи къ ихъ жалкой безпомощности и къ ихъ ничтожеству — любитъ, какъ любятъ слабыхъ, порочныхъ дѣтей. Правда, съ этой любовью соединяется такая жажда власти и такая гордыня, которыхъ Раскольникову и не снилось. Раскольниковъ хочетъ побѣдить людей силой — хочетъ, чтобы передъ нимъ „трепетала дрожащая тварь"; честолюбіе великаго инквизитора гораздо больше — онъ хочетъ окончательно покорить себѣ волю людей, всю безъ остатка, хочетъ стать для людей высшимъ, непререкаемымъ авторитетомъ, богомъ, передъ которымъ добровольно преклонялись, на котораго молились бы эти жалкія существа.

Передъ нами поразительная картина человѣчества, въ которомъ огромное большинство до такой степени унижено, до такой степени утратило человѣческую личность, что даже лишилось высшаго дара человѣка — безсмертной души, — но зато пріобрѣло счастье, а меньшинство получило безграничную власть надъ остальными милліонами, но заплатило за эту власть страшной цѣной неутолимой душевной муки.

Гдѣ же правда? Христосъ любилъ людей, но принесъ имъ страданіе свободы; великій инквизиторъ также любитъ людей — и онъ былъ въ пустынѣ, и онъ истязалъ себя, и онъ пожертвовалъ собой для человѣчества — и принесъ людямъ счастье, лишивъ ихъ свободы. Съ точки зрѣнія утилитаризма вся правда на сторонѣ инквизитора: вѣдь люди счастливы въ его царствѣ. Что съ того, что они перестали быть людьми и утратили безсмертную душу? Людямъ нужно только счастье и его они получили.

Но для кого человѣческая личность, во всей своей сложности, со своей свободой совѣсти, со своимъ свободнымъ нравственнымъ созваніемъ есть высочайшая цѣнность, тотъ никогда не согласится пожертвовать человѣческой свободой ни для чего въ мірѣ — даже и для счастія человѣчества. Лучше пусть люди стра-

дают отъ познанія добра и зла, чѣмъ будутъ счастливы, отказавшись отъ этой свободы. Человѣчество существуетъ не для счастья, а для безконечнаго совершенствованія личности человѣка; счастье же цѣнно потому, что оно идетъ рядомъ съ этой болѣе высокой цѣлью и содѣйствуетъ ея достиженію. И потому вся правда на сторонѣ Христа. Мечта же великаго инквизитора есть ложь, внушенная ему непониманіемъ величія человѣческой личности. Въ своей гордынѣ онъ думаетъ, что другіе люди не обладаютъ такой личностью, какъ онъ самъ; но люди не такъ ничтожны, какъ ему кажется, и, главное, не должны быть такъ ничтожны и не всегда будутъ такъ ничтожны. Слабый человѣкъ можетъ стать сильнѣе—и къ этому-то и нужно стремиться, твердо вѣруя въ возможность возвышенія человѣка; какъ ни низко стоитъ человѣчество, но въ своемъ историческомъ развитіи оно идетъ не внизъ, а вверхъ, и никто не можетъ сказать, какъ далеко оно зайдетъ въ этомъ движеніи. Именно въ этомъ движеніи и заключается жизнь, а то, что проповѣдуетъ инквизиторъ, есть отказъ отъ жизни, духовная и физическая смерть.

Весь секретъ великаго инквизитора, — какъ говоритъ Алеша Карамазовъ,— въ томъ, что онъ не вѣруетъ въ Бога. Не вѣруя въ Бога, онъ не вѣритъ и въ человѣка, въ самоцѣльность человѣческой личности. Этимъ послѣднимъ онъ отличается отъ Кириллова—и именно потому можетъ жить: нельзя вѣрить въ человѣка и не вѣрить въ Бога, если же нѣтъ вѣры ни въ Бога, ни въ человѣка, то жизнь возможна, но жизнь внѣ нравственнаго закона— даже при возвышенномъ духѣ и любви къ людямъ. Мрачная и фантастическая мечта великаго инквизитора равносильна уничтоженію человѣчества — ибо если одни люди утратили человѣческую личность и превратились въ покорныхъ животныхъ, а другіе отдались духу лжи и только этимъ сохранили свою личность, то какую цѣнность имѣетъ такое человѣчество и не представляетъ ли оно просто „діаволовъ водевиль“? И не лучше ли смерть и окончательное уничтоженіе такого человѣчества, чѣмъ то подобіе жизни, которое сохраняетъ ему инквизиторъ?..

Въ томъ же романѣ Достоевскій съ необычайной силой ставитъ и третью великую проблему, которая его мучила—проблему мірового зла. Проблема эта непосредственно вытекаетъ изъ двухъ первыхъ. Если Богъ существуетъ и если человѣкъ самоцѣль, то человѣкъ можетъ страдать только за свои вины, за то злое, что онъ совершилъ: страданіе непосредственно вытекаетъ въ этомъ случаѣ изъ факта свободнаго самоопредѣленія преступника и представляетъ собой единственное средство для возстановленія попраннаго нравственнаго закона Ибо если зло не будетъ искуплено, то гдѣ же справедливость? Но какъ объяснить и оправдать безвинное страданіе? А вѣдь безвинное страданіе не только существуетъ въ мірѣ, но его ужасно, безмѣрно много. За что страдаютъ, напримѣръ, дѣти, въ которыхъ никакого зла быть не можетъ уже потому, что они не обладаютъ еще полнымъ нравственнымъ сознаніемъ?

„Если всѣ должны страдать — говоритъ Иванъ Карамазовъ своему брату Алешѣ,— чтобы страданіемъ купить вѣчную гармонію, то причемъ тутъ дѣти, скажи мнѣ пожалуйста? Совсѣмъ непонятно, для чего должны страдать и они, и зачѣмъ имъ покупать страданіями гармонію? Для чего они-то тоже попали въ матеріалъ и унавозили собой для кого-то будущую гармонію? Солидарность въ грѣхѣ между людьми я понимаю, понимаю солидарность и въ возмездіи, но не съ дѣтками же солидарность въ грѣхѣ, и если правда въ самомъ дѣлѣ въ томъ, что и они солидарны съ отцами ихъ во всѣхъ злодѣйствахъ отцовъ, то ужъ, конечно, правда эта не отъ міра сего и мнѣ непонятна... Не хочу гармоніи, изъ-за любви къ человѣчеству не хочу. Я хочу лучше оставаться со страданіями неотмщенными. Лучше ужъ я останусь при неотмщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, хотя я былъ бы и не правъ. Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно. И если только я честный человѣкъ, то обязанъ возвратить его какъ можно заранѣе. Это я и дѣлаю. Не Бога я не принимаю, я только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю“.

Итакъ, міръ не отъ Бога, ибо въ мірѣ зло, а Богъ абсолютное добро. Но если не отъ Бога, то отъ кого? И мыслима ли идея Бога, стоящаго внѣ міра и не подчиняющаго себѣ міръ? Конечно, нѣтъ. И потому Иванъ Карамазовъ совершенно напрасно говоритъ, что онъ принимаетъ Бога, а только отвергаетъ его міръ: отвергнувши міръ, онъ отвергъ и Бога.

Проблема мірового зла есть самая трудная проблема религіознаго сознанія — точнѣе говоря, неразрѣшимая проблема для нашего „эвклидова“ ума. Ясно только одно, что мы не можемъ представить себѣ міра внѣ безвиннаго страданія, ибо безъ такового міръ лишится всякаго нравственнаго смысла. Дѣйствительно, представимъ себѣ, что въ мірѣ нѣтъ безвиннаго страданія, иначе говоря, что всякій страдаетъ по заслугамъ, а, значитъ, и награждается

по заслугамъ. Развѣ это не уничтожило бы въ корнѣ, окончательно и безъ остатка, смыслъ нравственнаго подвига? Вѣдь въ томъ именно и заключается величіе человѣческаго духа, что человѣкъ на свой собственный страхъ осуществляетъ нравственный законъ, не смущаясь господствомъ зла въ окружающемъ его мірѣ. Если добродѣтель награждается въ этомъ мірѣ, а порокъ наказывается, то исполненіе нравственнаго закона превращается въ дѣло простого расчета — иначе говоря, нравственность исчезаетъ. Безъ борьбы нѣтъ побѣды — зло есть необходимое искушеніе, чтобы добро показало свою силу. И чѣмъ больше въ мірѣ безвиннаго страданія, иначе говоря, чѣмъ больше зла, тѣмъ лучезарнѣе и ярче выступаетъ непобѣдимая сила добра. Міръ безъ зла былъ бы раемъ, но рай не есть жизнь и въ раю нѣтъ заслугъ. Жизнь можетъ кончаться раемъ, но заключаться въ немъ не можетъ.

Міровое зло преодолѣвается у Достоевскаго мистической идеей вины каждаго за всѣхъ. Неотомщенное безвинное страданіе заставляетъ Ивана отвергнуть міръ во имя оскорбленнаго нравственнаго чувства, требующаго мести; но есть нѣчто болѣе высокое, чѣмъ месть — это прощеніе и любовь. Чѣмъ сильнѣе любовь, тѣмъ меньше мѣста остается для негодованія и мести. Иванъ не любитъ людей и вовсе не во имя любви къ людямъ онъ отвергаетъ міръ: онъ потому и останавливается на страданіяхъ дѣтей, что дѣтей онъ любитъ, а людей нѣтъ. Для гордаго человѣка дѣтей любить гораздо легче, чѣмъ людей: съ дѣтьми не приходится ничего дѣлить, дѣти ничѣмъ не могутъ оскорбить, дѣтямъ не въ чемъ завидовать. И дѣтей Иванъ любитъ и жалѣетъ жгучей жалостью. Взрослыхъ же людей Иванъ не только не любитъ, а прямо и не обинуясь заявляетъ, что „они отвратительны и любви не заслуживаютъ“.

„Отвлеченно еще можно любить ближняго— думаетъ онъ— и даже иногда издали, но вблизи почти никогда... Положимъ, я, напримѣръ, глубоко могу страдать, но другой никогда, вѣдь, не можетъ узнать, до какой степени я страдаю, потому что онъ другой, а не я, и, сверхъ того, рѣдко человѣкъ согласится признать другого за страдальца (точно будто это чинъ). Почему не согласится? Потому, напримѣръ, что отъ меня дурно пахнетъ, что у меня глупое лицо, потому, что я разъ когда-то отдавилъ у него ногу“.

Но бываютъ люди, хотя ихъ и мало, которые обладаютъ этимъ чуднымъ даромъ любви: ихъ не пугаетъ и дурной запахъ другого человѣка и его непріятное лицо. Они любятъ не только хорошихъ (которыхъ любить легко и которыхъ всякій полюбитъ), но и дурныхъ и даже иногда именно на дурныхъ и останавливаютъ, по преимуществу, свое любовное вниманіе изъ особаго состраданія къ нимъ. Такіе люди, когда встрѣчаютъ зло, то по душевной организаціи своей больше волнуются состраданіемъ и жалостью къ обиженному, чѣмъ злобой и негодованіемъ противъ обидчика, ибо вообще въ ихъ душѣ любовь сильнѣе злобы. Любовь дастъ имъ великое счастье и радость и потому, сколько бы зла они ни видѣли вокругъ, они органически не могутъ проклясть міръ, какъ это дѣлаетъ Иванъ. Они для этого слишкомъ любятъ этотъ міръ и, если видятъ зло вокругъ себя, то по любящей натурѣ своей скорѣе склонны усматривать причину этого зла не въ другихъ, а въ самихъ себѣ. „Знайте, милые, поучаетъ старецъ Зосима,—что каждый единый изъ насъ виновенъ за всѣхъ и за вся на землѣ несомнѣнно, не только по общей міровой винѣ, а единолично каждый за всѣхъ людей, за всякаго человѣка на сей землѣ“.

Князь Мышкинъ въ „Идіотѣ“, старецъ Зосима и Алеша въ „Карамазовыхъ“—вотъ типы истыхъ человѣколюбцевъ у Достоевскаго. Великая любовь къ людямъ приводитъ такихъ человѣколюбцевъ къ тому, что ихъ собственная личность какъ бы растворяется и сливается съ человѣчествомъ, не только, однако, не теряя своей индивидуальности, но именно утверждая ее; полные любовью, они благословляютъ жизнь и міръ. „Мама, говоритъ умирающій братъ Зосимы, не плачь, жизнь есть рай, всѣ мы въ раю, да не хотимъ знать того, а если бы захотѣли узнать, завтра же и сталъ бы на всемъ свѣтѣ рай“.

Если жизнь есть рай, то гдѣ же проблема мірового зла? Ея уже нѣтъ, потому что нѣтъ и самого зла, прощеннаго, побѣжденнаго любовью.

Міръ полонъ тайны и подчиняется своимъ собственнымъ жестокимъ и неумолимымъ законамъ, смысла и цѣли которыхъ человѣческому уму постигнуть невозможно. Но бываютъ иногда мистическіе моменты, когда грубая ткань міра начинаетъ какъ бы сквозить и просвѣчивать потустороннимъ свѣтомъ. Такой моментъ пережилъ и любимый герой Достоевскаго—Алеша Карамазовъ—послѣ смерти своего друга и учителя. „Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ, сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился неясный еще Млечный путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлые башни и золотыя главы собора

сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошные цвѣты въ клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная какъ бы соприкасалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною... Алеша стоялъ и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю. Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ. „Облей землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои“... прозвенѣло въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны „и не стыдился изступленія сего“. Какъ будто нити отъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала „соприкасаясь мірамъ инымъ“. Простить хотѣлось ему всѣхъ и за все, и просить прощенія, о! не себѣ, а за всѣхъ, за все и за вся, а „за меня и другіе просятъ“—прозвенѣло опять въ душѣ его. Но съ каждымъ мгновеніемъ онъ чувствовалъ какъ бы осязательно, какъ что-то твердое и незыблемое, какъ этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то какъ бы идея воцарялась въ умѣ его—и это уже на всю жизнь и на вѣки вѣковъ. Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ, и созналъ и почувствовалъ это вдругъ, въ ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не могъ забыть Алеша во всю жизнь свою потомъ этой минуты. „Кто-то посѣтилъ мою душу въ тотъ часъ“ говорилъ онъ потомъ съ твердой вѣрою въ слова свои“...

Любовь Толстого.

Кого изъ насъ не трогали и не плѣняли тѣ удивительныя, никѣмъ не превзойденныя, страницы въ твореніяхъ Толстого, гдѣ великій художникъ описываетъ нѣжную, чистую, прекрасную, какъ майское утро, любовь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, кому изъ насъ, когда проходило первое очарованіе, не хотѣлось знать: а какъ любилъ *самъ онъ*, этотъ волшебникъ-тайновидѣцъ?.. Если зачитываемся мы исторіей всякой любви, то какой жгучій интересъ должна возбудить исторія любви такого романиста, какъ Толстой!

Эту исторію теперь — въ память пятидесятилѣтія со дня свадьбы его (23 сент.) — подробно разсказала намъ та, которой выпала честь и счастіе быть героиней толстовскаго подлиннаго романа.

Графиня С. А. Толстая, какъ извѣстно, пишетъ свои мемуары — „Моя жизнь“. Это будетъ обширная повѣсть, размѣромъ въ семь книгъ. Разсказъ графини о женитьбѣ Л. Н., появившійся въ „Рус. Сл.“, составляетъ отрывокъ изъ этихъ ея „записокъ“. Беремъ наиболѣе выпуклые моменты.

Первое „объясненіе“ между Л. Н. и С. А., нашедшее свое художественное отраженіе въ „Аннѣ Карениной“, въ извѣстной сценѣ между Левинымъ и Китти, произошло въ августѣ 1862 г. въ имѣніи ея дѣда Исленьева— въ Ивицахъ, гдѣ гостила она съ матерью и сестрами.

Толстой зналъ, и хорошо зналъ, свою будущую супругу еще ребенкомъ, бывая часто въ домѣ Берсовъ, съ которыми онъ былъ очень друженъ, особенно съ хозяйкой дома — подругой дѣтскихъ игръ Л. Н. Однако онъ и не замѣтилъ, какъ милый ребенокъ превратился въ прелестную дѣвушку, и на первыхъ порахъ всѣ въ семьѣ Берсовъ склонны были смотрѣть на графа Толстого, какъ на возможнаго жениха старшей изъ сестеръ— Лизы. Но вотъ пришло время — и сердце открыло наконецъ ему глаза.

„Было что-то очень много гостей, — вспоминаетъ С. А. — молодежь, послѣ дневного катанья, вечеромъ затѣяла танцы. Тутъ были и офицеры, и молодые сосѣди-помѣщики, и много барышень и дамъ. Все это — толпа неизвѣстныхъ намъ, чужихъ и чуждыхъ лицъ. Но что было за дѣло? Было весело, и только и надо было. Танцы на фортепіанахъ играли, чередуясь, разныя лица.

— Какія вы здѣсь всѣ нарядныя, — замѣтилъ Л. Н.

— А вы, что жъ, не танцуете?—сказала я.

— Нѣтъ, куда мнѣ, я уже старъ.

На двухъ столахъ старички и дамы играли въ карты. Когда потомъ всѣ разъѣхались и и разошлись, столы остались открытыми, свѣчи догорали, а мы все еще не шли спать, потому что Л. Н. оживленно разговаривалъ и удерживалъ насъ. Но мама нашла, что всѣмъ пора отдохнуть, и строго велѣла нити спать. Мы не смѣли ослушаться. Уже я была въ дверяхъ когда Л. Н. меня окликнулъ:

— Софья Андреевна, подождите немного.

— А что?

— Вотъ прочтите, что я вамъ напишу.

— Хорошо, — согласилась я.

— Но я буду писать только начальными

буквами, а вы должны догадаться, какія это слова.

— Какъ же это? Да это невозможно! Ну, пишите.

Л. Н. счистилъ щеточкой всѣ карточныя записи, взялъ мѣлокъ и началъ писать. Мы оба были очень серьезны, но сильно взволнованы. Я слѣдила за его большой, красной рукой и чувствовала, что всѣ мои душевныя силы и способности, все мое вниманіе было энергично сосредоточены на этомъ мѣлкѣ, на рукѣ, державшей его. Мы оба молчали.

„В. м. и п. с. с.` ж. и. м. м. с. и н. с.“, — написалъ Л. Н. „Ваша молодость и потребность счастья слишкомъ живо напоминаетъ мнѣ мою старость и невозможность счастья“, — прочла я.

Сердце мое забилось такъ сильно, въ вискахъ что-то стучало, лицо горѣло, — я была внѣ времени, внѣ сознанія всего земного: мнѣ казалось, что я все могла, все понимала, обнимала все необъятное въ эту минуту.

— Ну, еще, — сказалъ Л. Н. и началъ писать.

„В. в. с. с. л. в. и. м. и в. с. Л. З. м. в. с. в. с. Т.“.

„Въ вашей семьѣ существуетъ ложный взглядъ на меня и вашу сестру Лизу. Защитите меня вы съ вашей сестрой Танечкой“, — быстро и безъ запинки читала я по начальнымъ буквамъ.

Л. Н. даже не былъ удивленъ. Точно это было самое обыкновенное событіе. Наше возбужденное состояніе было настолько болѣе повышенное, чѣмъ обычное состояніе душъ человѣческихъ, что ничто уже не удивляло насъ.

Послышался недовольный голосъ матери, звавшей меня спать. Мы наскоро простились, потушили свѣчи и разошлись. Наверху за шкапомъ я зажгла маленькій огарокъ и принялась писать свой дневникъ, сидя на полу и положивъ тетрадь на деревянный стулъ. Я тутъ же вписала слова Л. Н., написанныя мнѣ начальными буквами, и тутъ же смутно поняла, что между имъ и мной произошло что-то серьезное, значительное, что уже не можетъ прекратиться. Но я не дала ходу ни своимъ чувствамъ, ни своимъ мечтамъ по разнымъ причинамъ. Я точно заперла на ключъ все случившееся въ этотъ вечеръ, съ тѣмъ, чтобы спрятать до времени то, что еще не должно видѣть свѣта“.

На обратномъ пути изъ Швицъ заѣхали на одинъ день въ Ясную Поляну. Здѣсь, разсказываетъ С. А., „меня смущало отношеніе ко мнѣ Л. Н. и подозрительные взгляды сестеръ и окружающихъ. Мать моя, казалось, тоже была чѣмъ-то озабочена“.

Когда настала минута прощанія, Л. Н. вдругъ заявилъ:

— Я ѣду съ вами. Развѣ можно теперь оставаться въ Ясной Полянѣ? Будетъ такъ пусто и скучно,— прибавилъ онъ.

Не отдавая себѣ отчета, почему мнѣ вдругъ стало такъ весело, почему такимъ все освѣтилось счастьемъ, я побѣжала объявить новость матери и сестрамъ. Рѣшено было, что въ заднемъ, наружномъ мѣстѣ *) будетъ все время ѣхать Л. Н., а мы съ сестрой Лизой будемъ чередоваться: одну станцію поѣдетъ она, другую я, и такъ до Москвы.

И вотъ мы ѣдемъ, ѣдемъ... Помню, вечеромъ, мнѣ страшно хотѣлось спать. Я зябла, куталась и чувствовала такое спокойное счастье возлѣ любимаго мною съ дѣтства, привычнаго друга семьи, любимаго автора „Дѣтства“, и теперь такого ласковаго и еще болѣе симпатичнаго. Онъ разсказывалъ мнѣ длинно и красиво о Кавказѣ, о своей жизни тамъ, о красотѣ горъ и первобытной природы, о своихъ подвигахъ. Мнѣ такъ хорошо было отъ его голоса, равномѣрнаго, но какъ-будто горлового, издалека откуда-то, и нѣжно растроганнаго. И я то минутами засыпала, то опять просыпалась, и все тотъ же голосъ разсказывалъ мнѣ красиво и поэтично свои кавказскія сказки. Мнѣ совѣстно было за свою сонливость, но я была еще такъ молода, и хотя жаль было не все услыхать, что разсказывалъ Л. Н., я все-таки минутами не могла преодолѣть сна. Ѣхали всю ночь. Внутри кареты всѣ спали, и только изрѣдка переговаривались моя мать съ Маріей Николаевной (сестрой Л. Н.), или пищалъ во снѣ маленькій Володя.

Но вотъ стали подъѣзжать къ Москвѣ. Послѣдняя станція опять моя, и я должна ѣхать со Л. Н. въ заднемъ, наружномъ мѣстѣ. На послѣдней станціи подходитъ ко мнѣ моя сестра Лиза и проситъ уступить ей ѣхать въ наружномъ мѣстѣ.

— Соня, если тебѣ все равно, уступи мнѣ,— просила она.—Въ каретѣ такъ душно.

Мы вышли изъ станціи и стали всѣ садиться по мѣстамъ. Я полѣзла въ карету.

— Софья Андреевна! — окликнулъ меня Л. Н., — вѣдь, теперь ваша очередь ѣхать сзади.

— Я знаю, но мнѣ холодно, — уклончиво отвѣтила я, и дверка кареты захлопнулась за

*) Въ каретѣ—такъ назыв. анненской—внутри было четыре мѣста и сзади два, какъ въ крытой пролеткѣ съ верхомъ.

мной. Л. Н. постоялъ минуту, какъ бы задумавшись о чемъ-то, и сѣлъ на козлы"...

Берсы уѣхали къ себѣ на дачу, въ Покровское-Глѣбово. А Толстой поселился въ Москвѣ. Но онъ почти каждый день приходилъ въ Покровское.

„Помню, разъ мы были всѣ очень веселы и въ игривомъ настроеніи. Я все повторяла одну и ту же глупость: „Когда я буду государыней, я сдѣлаю то-то", или: „Когда я буду государыней, я прикажу то-то". У балкона стоялъ кабріолетъ моего отца, изъ котораго только-что выпрягли лошадь. Я сѣла въ кабріолетъ и кричу: „Когда я буду государыней, я буду кататься въ такихъ кабріолетахъ!"

Л. Н. схватилъ оглобли и вмѣсто лошади рысью повезъ меня, говоря: „Вотъ я буду катать свою государыню".

— Не надо, не надо, вамъ тяжело!— кричала я. Но мнѣ было очень весело, и мнѣ нравилось, что Л. Н. такой сильный и катаетъ меня.

Какіе были тогда чудесные, лунные вечера и ночи. Какъ сейчасъ вижу я ту полянку, всю освѣщенную луной, и отраженіе луны въ ближайшемъ пруду. Были какія-то стальныя, свѣжія, бодрящія, августовскія ночи... „Какія сумасшедшія ночи",— часто говаривалъ Л. Н., сидя съ нами на балконѣ или гуляя съ нами вокругъ дачи. Не было между нами никакихъ романтическихъ сценъ или объясненій. Мы такъ давно знали другъ-друга. Общеніе между нами было такъ легко и просто. И точно я спѣшила доживать какую-то чудесную, свободную жизнь, ясную, ничѣмъ не спутанную, дѣвичью жизнь. Все было хорошо, легко, ничего не хотѣлось, никуда я не стремилась.

14-го сентября Л. Н. мнѣ сказалъ, что долженъ мнѣ сообщить нѣчто очень важное, но не успѣлъ мнѣ сказать, что именно. Догадаться было нетрудно. Разговаривалъ онъ со мной въ этотъ вечеръ долго. Я играла на роялѣ въ гостиной, а онъ стоялъ, прислонившись всей фигурой къ печкѣ, и какъ только я замолкала, онъ повторялъ: „Играйте, играйте"... Музыка мѣшала другимъ слышать его слова, а руки мои дрожали отъ волненія, и пальцы путались, играя чуть ли не въ десятый разъ все тотъ же мотивъ вальса „Il Bassio", который я выучила наизусть, чтобы аккомпанировать пѣнью сестры Тани.

Предложеніе мнѣ тогда Л. Н. еще не дѣлалъ, и я подробно не помню теперь его рѣчи. Помню, что смыслъ его словъ былъ таковъ, что онъ меня любитъ, что хочетъ на мнѣ жениться. Но все это были только намеки. А въ дневникѣ онъ писалъ:

„12-го сентября 1862 года. Я влюбленъ, какъ не вѣрилъ, чтобы можно было любить. Я сумасшедшій, я застрѣлюсь, если это такъ продолжится. Былъ у нихъ вечеръ. Она прелестна во всѣхъ отношеніяхъ"...

„13-го сентября 1862 года. ...Завтра пойду какъ встану и все скажу, или застрѣлюсь... 4-й часъ ночи... Я написалъ ей письмо и отдамъ завтра, т.-е. нынче, 14-го, Боже мой, какъ я боюсь умереть! Счастье, и такое, мнѣ кажется невозможнымъ. Боже мой, помоги мнѣ"!..

Прошелъ еще день, 15-го. 16-го сентября, въ субботу, вечеромъ, пріѣхали кадеты: мой братъ Саша и его товарищи. Въ столовой пили чай и кормили голодныхъ кадетовъ. Л. Н. весь этотъ день провелъ у насъ, и, выбравъ отъ постороннихъ глазъ минутку, вызвалъ меня въ комнату моей матери, гдѣ никого въ то время не было.

— Я хотѣлъ съ вами поговорить,—началъ онъ,— но не могъ. — Вотъ письмо, которое я уже нѣсколько дней ношу въ карманѣ. Прочтите его. Я буду здѣсь ждать вашего отвѣта.

Я схватила письмо и стремительно бросилась бѣжать внизъ, въ нашу общую, дѣвичью комнату, гдѣ мы жили всѣ три сестры. Вотъ содержаніе его:

„Софья Андреевна, мнѣ становится невыносимо. Три недѣли я каждый день говорю: нынче все скажу, и ухожу съ той же тоской, раскаяніемъ, страхомъ и счастьемъ въ душѣ. И каждую ночь, какъ и теперь, я перебираю прошлое, мучаюсь и говорю: зачѣмъ я не сказалъ, и какъ, и что бы я сказалъ. Я беру съ собою это письмо, чтобы отдать его вамъ, ежели опять мнѣ нельзя, или недостанетъ духу сказать вамъ все. Ложный взглядъ вашего семейства на меня состоитъ въ томъ, какъ мнѣ кажется, что я влюбленъ въ вашу сестру Лизу. Это несправедливо. Повѣсть ваша засѣла у меня въ головѣ, оттого, что, прочтя ее, я убѣдился въ томъ, что мнѣ, Дублицкому, не пристало мечтать о счастьѣ, что ваши отличныя поэтическія требованія любви... что я не завидую и не буду завидовать тому, кого вы полюбите. Мнѣ казалось, что я могу радоваться на васъ, какъ на дѣтей. Въ Ивицахъ я писалъ: „Ваше присутствіе слишкомъ живо напоминаетъ мнѣ мою старость, и именно вы" Но и тогда, и теперь я лгалъ передъ собой. Еще тогда я могъ бы оборвать все и опять пойти въ свой монастырь одинокаго труда и увлеченія дѣломъ. Теперь я ничего не могу, а чувствую, что напуталъ у васъ въ семействѣ; что простыя, дорогія отношенія съ вами, какъ съ другомъ, честнымъ человѣкомъ потеряны

И я не могу уѣхать и не смѣю остаться. Вы честный человѣкъ, руку на сердце, не торопясь, ради Бога не торопясь, скажите, что мнѣ дѣлать? Чему посмѣешься, тому поработаешь. Я бы померъ со смѣху, если бы мѣсяцъ тому назадъ мнѣ сказали, что можно мучаться, какъ я мучаюсь, и счастливо мучаюсь это время. Скажите, какъ честный человѣкъ, хотите ли вы быть моей женой? Только ежели отъ всей души, смѣло вы можете сказать: да, а то лучше скажите: нѣтъ, ежели въ васъ есть тѣнь сомнѣнія въ себѣ. Ради Бога, спросите себя хорошо. Мнѣ страшно будетъ услышать: нѣтъ, но я его предвижу и найду въ себѣ силы снести. Но ежели никогда мужемъ я не буду любимымъ такъ, какъ я люблю, это будетъ ужасно!"

Письмо это я хорошенько не прочла сразу, а пробѣжала глазами до словъ: „Хотите ли вы быть моей женой". И уже хотѣла вернуться наверхъ, къ Л. Н. съ утвердительнымъ отвѣтомъ, какъ встрѣтила въ дверяхъ сестру Лизу, которая спросила меня: „Ну, что?" — „Le comte m'a fait la proposition",— отвѣчала я ей быстро. Вошла моя мать и сразу поняла, въ чемъ дѣло. Взявъ меня рѣшительно за плечи и повернувъ къ двери, она сказала:

— Поди къ нему и скажи ему свой отвѣтъ.

Точно на крыльяхъ, съ страшной быстротой вбѣжала я на лѣстницу, промелькнула мимо столовой, гостиной и вбѣжала въ комнату матери. Л. Н. стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, въ углу комнаты и ждалъ меня. Я подошла къ нему, и онъ взялъ меня за обѣ руки.

— Ну, что?— спросилъ онъ.

— Разумѣется, да,—отвѣчала я.

Черезъ нѣсколько минутъ весь домъ зналъ о случившемся, и всѣ стали насъ поздравлять.

Невѣстой я была только недѣлю: отъ 16-го до 23-го сентября. Возили меня по магазинамъ, и я равнодушно примѣряла платья, бѣлье, уборы на голову. Приходилъ ежедневно Л. Н. и привезъ мнѣ разъ свои дневники. Помню, какъ тяжело меня потрясло чтеніе этихъ дневниковъ, которые онъ мнѣ далъ прочесть, отъ излишней добросовѣстности, до свадьбы. И напрасно: я очень плакала, взглянувъ въ его прошлое.

Помню, разъ, вечеромъ, мама съ сестрами поѣхала въ театръ. Давали „Отелло", и игралъ знаменитый тогда трагикъ Ольриджъ. Мать моя прислала и за нами коляску, чтобы мы тоже пріѣхали въ театръ. Помню мое чувство, что я немного боялась Л. Н., боялась, что онъ во мнѣ, глупой, ничтожной дѣвочкѣ, скоро разочаруется. И мы почти всю дорогу молчали.

А то разъ онъ пришелъ днемъ, а я сижу съ своей подругой, Ольгой З., въ залѣ, у окна, и она горько плачетъ.

Л. Н. удивился.

— Точно вы ее хороните,— сказалъ онъ.

— Все кончено, вы ее увезете, и она для насъ всѣхъ пропадетъ,— сказала она по-французски, не въ силахъ остановить своихъ слезъ.

Эта недѣля прошла какъ тяжелый сонъ. Отъ подарковъ и нарядовъ я большого восторга не испытывала,— не то меня интересовало. Я вся была поглощена своей любовью и страхомъ потерять любовь Л. Н. И этотъ страхъ и потомъ, во всю мою жизнь, оставался въ моемъ сердцѣ, хотя, благодаря Бога, въ 48 лѣтъ нашей супружеской жизни мы сохранили эту любовь.

Когда мы со Л. Н. говорили о нашемъ будущемъ, онъ предлагалъ мнѣ избрать, гдѣ я хочу быть послѣ свадьбы: остаться пожить въ Москвѣ, съ родными, ѣхать ли за границу, или прямо въ Ясную Поляну. И я избрала послѣднее, чтобы сразу начать серьезную, семейную жизнь *дома*. И Л. Н., повидимому, былъ этому радъ.

Наступилъ и день свадьбы, 23-го сентября. Я весь день не видала Л. Н. Только на минутку забѣжалъ онъ, и мы сидѣли съ нимъ на уложенныхъ уже каретныхъ вожахъ, и онъ началъ меня мучить допросами и сомнѣніями моей любви къ нему. Мнѣ даже казалось, что онъ хочетъ бѣжать, что онъ испугался женитьбы. Я начала плакать. Пришла моя мать и напала на Л. Н. — „Нашелъ, когда ее разстраивать, — говорила она. — Сегодня свадьба, ей и такъ тяжело, да еще въ дорогу надо ѣхать, а она вся въ слезахъ. — Льву Н-чу стало какъ-будто совѣстно.

Обрядъ нашего вѣнчанія прекрасно описалъ Л. Н. въ романѣ своемъ „Анна Каренина", когда онъ описывалъ свадьбу Левина и Китти. Онъ ярко и художественно изобразилъ и внѣшнюю сторону обряда, и весь психологическій процессъ въ душѣ Левина. Что касается меня, я уже столько пережила волненій, что стоя подъ вѣнцомъ, я ничего не испытывала и не чувствовала. Мнѣ казалось, что совершается что-то несомнѣнное, неизбѣжное, какъ всякое стихійное явленіе. Что все дѣлается такъ, какъ нужно и разсуждать уже нечего".

Сейчасъ же послѣ вѣнчанія новобрачные покинули Москву. Разлука съ родными, особенно съ матерью, оказалась для молодой графини Толстой очень тяжелой.

„Забившись въ уголокъ кареты, вся разбитая отъ усталости и горя, я, не переставая, плакала. Л. Н. казался очень удивленнымъ и

даже недоумѣвающе-недовольнымъ. У него настоящей семьи—отца, матери — не было, онъ выросъ безъ пихъ, и понять меня, какъ мужчина, онъ тоже не могъ. Онъ мнѣ намекалъ, что я его, стало-быть, мало люблю, если такъ тяжело разстаюсь съ своей семьей. Онъ тогда не понялъ, что если я такъ страстно и горячо любила свою семью, то ту же способность любви я перенесу на него и на нашихъ дѣтей. Такъ и было впослѣдствіи".

Мечниковъ о Толстомъ.

И. И. Мечниковъ весною 1909 г. имѣлъ возможность познакомиться съ Толстымъ и узнать поближе его взгляды на „нѣкоторые самые общіе вопросы, волнующіе мыслящее человѣчество". Цѣлый день провелъ знаменитый нашъ соотечественникъ въ Ясной Полянѣ въ обществѣ Л. Н. — и нашелъ, какъ онъ самъ говоритъ, „ключъ къ пониманію міровоззрѣнія Толстого".

Содержаніе своихъ бесѣдъ съ яснополянскимъ философомъ, впечатлѣніе отъ нихъ и тѣ выводы, къ какимъ привели онѣ его, Мечниковъ излагаетъ въ обширной статьѣ, появившейся теперь въ „Рус. Сл.".

Любопытно, съ какою осторожностью отнесся Л. Н. къ своему ученому гостю, знаменитому біологу, и какое значеніе придавалъ онъ, повидимому, и пріѣзду его и бесѣдѣ съ нимъ.

„За столомъ,—припоминаетъ Мечниковъ,— Толстой намѣренно не возбуждалъ разговора на интересныя общія темы, такъ какъ хотѣлъ это сдѣлать съ глазу на глазъ. Для этого онъ предпринялъ поѣздку въ сосѣднее имѣніе Чертковыхъ и взялъ меня въ свой маленькій экипажъ, запряженный одною лошадью, которой онъ правилъ самъ. Только что мы выѣхали за ворота усадьбы, какъ онъ повелъ, очевидно, уже ранѣе продуманную рѣчь".

Потомъ, въ Телятникахъ, у Чертковыхъ, „затрогивая самыя различныя темы, мы оба, видимо, хотѣли подойти ближе къ общимъ вопросамъ".

„На возвратномъ пути въ Ясную Поляну Толстой сѣлъ верхомъ на лошадь. Онъ сразу вскочилъ на нее, поскакалъ молодцомъ, перепрыгивалъ съ нею черезъ ровъ и вообще имѣлъ видъ очень бодрый и точно щеголялъ этимъ. Въ эти минуты съ его плечъ какъ-будто спадало нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Когда мы со Львомъ Николаевичемъ поднялись въ его рабочій кабинетъ, онъ, пристально посмотрѣвъ на меня, спросилъ: „Скажите мнѣ, зачѣмъ вы, въ сущности, пріѣхали сюда?.."

Въ своихъ бесѣдахъ съ Толстымъ Мечниковъ особенно старался разрѣшить „задѣвавшую" его всегда загадку,—„какимъ образомъ геніальный писатель, живущій въ вѣкъ усиленнаго научнаго развитія, можетъ такъ упорно отрицать науку и оказываетъ ей всяческое противодѣйствіе".

„Давно умершій мой старшій братъ Иванъ Ильичъ (смерть котораго послужила канвой для всѣмъ извѣстнаго разсказа Толстого), хорошо знавшій Толстого, увѣрялъ меня, что, несмотря на его поразительную геніальность, онъ не отличался глубокимъ и логическимъ умомъ. Чтобы пояснить свою мысль, мой братъ сдѣлалъ слѣдующее сравненіе: „Вотъ ты,—говорилъ онъ мнѣ,—профессоръ зоологіи; ты отлично знаешь все ученіе, касающееся лѣсной дичи. Ты знаешь, напримѣръ, что написано о вальдшнепѣ на разныхъ языкахъ, какъ устроены его внутренности и тому подобное. Но, идя на охоту, я возьму не тебя, чтобы ты помогъ мнѣ найти вальдшнепа въ лѣсу, а собаку, которая ничего не зная о немъ, разыщетъ его гораздо лучше, чѣмъ ты, однимъ чутьемъ. Таковъ и Толстой. Чутье его относительно внутренняго содержанія человѣческой души необыкновенно, и онъ отгадываетъ самыя скрытыя побужденія съ изумительной вѣрностью. Тамъ же, гдѣ нужно рѣшить вопросъ при помощи разсужденія и логики, Толстой очень часто не выдерживаетъ критики.

Толстой, какъ бы угадывая недоумѣнія своего собесѣдника, прежде всего повелъ рѣчь объ отношеніи своемъ къ наукѣ и религіи. „Меня напрасно обвиняютъ,—началъ онъ,— въ томъ, что я противникъ религіи и науки. И то, и другое совершенно несправедливо. Я, напротивъ, глубоко вѣрующій; но я возстаю противъ церкви съ ея искаженіемъ истинной религіи. То же и относительно науки. Я высоко цѣню истинную науку, — ту, которая интересуется человѣкомъ, его счастіемъ и судьбою, но я врагъ той ложной науки, которая воображаетъ, что она сдѣлала что-то необыкновенно важное и полезное, когда она опредѣлила вѣсъ спутниковъ Сатурна или что-нибудь въ этомъ родѣ. Истинная наука прекрасно вяжется съ истинной религіей". Развивая далѣе эту тему, Толстой упомянулъ о томъ, что прежде, чѣмъ выработать свое теперешнее окончательное міровоззрѣніе, онъ боялся смерти, но поборолъ этотъ страхъ благодаря своей вѣрѣ.

Когда онъ кончилъ, я сказалъ ему, что наука далеко не отворачивается отъ вопросовъ, которые онъ считаетъ наиболѣе существенными

а старается по возможности разрѣшить ихъ. Въ краткихъ словахъ я изложилъ ему свое воззрѣніе, основанное на томъ, что человѣкъ—животное, которое унаслѣдовало нѣкоторыя черты организаціи, ставшія источникомъ его несчастій. Съ этимъ связаны краткость человѣческой жизни и зависящій отъ нея страхъ смерти. Когда со временемъ наука доведетъ людей до того, что они смогутъ раціонально прожить полный циклъ ихъ жизни, то инстинктивный страхъ смерти самъ собою уступитъ мѣсто тоже инстинктивной потребности небытія. Когда человѣчество дойдетъ до этого, то безпокойство о болѣзняхъ, старости и смерти и все сопряженное съ этимъ прекратится, и люди смогутъ полнѣе и спокойнѣе отдаться искусству и чистой наукѣ.

Внимательно выслушавъ меня, Толстой замѣтилъ, что, въ концѣ-концовъ наши міровоззрѣнія сходятся, но съ тою разницей, что онъ стоитъ на спиритуалистической, а я на матеріалистической точкѣ зрѣнія.

У Чертковыхъ разговоръ зашелъ, между прочимъ, о вегетаріанствѣ. Л. Н. оживился и сталъ развивать свои мысли по этому поводу. Онъ, по его словамъ, дошелъ до того, что видъ приносимаго окорока или другого какого-нибудь мясного блюда ему сдѣлался отвратительнымъ до тошноты. „Я теперь не могу понять,—сказалъ онъ далѣе,—какъ это я въ былые годы могъ увлекаться охотой и по цѣлымъ днямъ думать о томъ, какъ бы побольше настрѣлять дичи“. Вмѣшавшись въ бесѣду я замѣтилъ, что, не сдѣлавъ въ моей жизни ни одного выстрѣла и ни разу не охотившись ни на какое животное, я, тѣмъ не менѣе, не считаю охоту дѣломъ дурнымъ. Не имѣя возможности прожить полный циклъ жизни, да и, очевидно, не сознавая потребности въ послѣднемъ, животныя почти всегда умираютъ насильственной смертью. Разъ начиная старѣть, они неизбѣжно становятся добычей другихъ животныхъ. Смерть же отъ хищниковъ и отъ всякаго рода паразитовъ должна быть несравненно мучительнѣе, чѣмъ большей частью неожиданная и очень быстрая смерть отъ пули или дроби охотника. Если бы прекратилась охота, то количество хищныхъ животныхъ значительно бы увеличилось, что было бы прямымъ ущербомъ и для людей. Что же касается вегетаріанства, какъ некущагося о счастьѣ животныхъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что всеобщее распространеніе его повело бы значительное уменьшеніе этого счастья. Если бы люди перестали ѣсть мясо и внутренности животныхъ, то сохранились бы только такія породы, которыя доставляютъ молоко и яйца (не говоря, разумѣется о животныхъ, отъ которыхъ человѣкъ извлекаетъ шерсть и перья, и о животныхъ, служащихъ для передвиженія и переноски тяжестей). Тогда бы исчезли такія породы, какъ свиньи, эти эпикурейцы животнаго міра, видимо, наслаждающіяся своимъ существованіемъ, и счастье которыхъ такъ бросается въ глаза.

„Послушайте,—возразилъ Толстой,—если мы будемъ все подвергать разсужденію, то мы сможемъ дойти до самыхъ невѣроятныхъ нелѣпостей. Пожалуй, въ такомъ случаѣ можно будетъ оправдать и людоѣдство“. Въ этомъ отвѣтѣ, на мой взглядъ, сказался весь Толстой, и изъ всего нашего разговора эти слова его мнѣ показались самыми знаменательными. Въ вопросѣ такой важности, какъ вопросъ объ ѣденіи мяса, захватывающій столько сторонъ гигіеническої и экономической жизни, Толстой видитъ лишь вопросъ, разрѣшаемый безповоротно чувствомъ, безъ всякаго соображенія съ тѣмъ, чего требуетъ „разсужденіе“. Впечатлительность и чувствительность Толстого до такой степени овладѣли всей его чисто художественной натурой, что умственная сторона, разсужденіе и логика, у него отошла на задній планъ. Эта основная черта его характера бросается въ глаза во всей его жизни, во всѣхъ его произведеніяхъ и сказалась также и въ разговорахъ, которые онъ велъ со мною.

Хотя Толстой былъ совершенно правъ, когда во время нашей поѣздки вдвоемъ онъ говорилъ, что наши цѣли сошлись въ рѣшеніи главнаго вопроса человѣческой жизни, — вопроса о предѣлѣ ея, смерти,—но пути, по которымъ каждый изъ насъ шелъ для этого, совершенно различны, часто даже прямо противоположны.

На основаніи чтенія произведеній Толстого и того, что я узналъ отъ него самого и отъ его близкихъ, я слѣдующимъ образомъ представляю себѣ развитіе его взгляда на жизнь и смерть. Крайне чувствительный отъ природы, при видѣ вблизи случаевъ смерти, особенно кончины его любимаго брата и другихъ близкихъ ему лицъ, онъ долженъ былъ вынести чрезвычайно сильное, прямо подавляющее впечатлѣніе. Когда, позже, наступленіе старости вызвало въ немъ мысль о близости собственной смерти съ той рельефностью, съ какой ему вообще представлялись душевныя движенія даже постороннихъ людей, онъ пришелъ въ настоящій ужасъ. Состояніе это описано имъ съ мастерствомъ, на которое только онъ былъ способенъ, въ его „Исповѣди“ и въ „Аннѣ Карениной“ устами Левина, его alter ego. Вопросъ о неизбѣжности смерти и безсмыслен-

ности жизни, ведущей къ такому страшному концу, совершенно овладѣлъ имъ. Находясь тогда въ періодѣ развитія, когда онъ раздѣлялъ матеріалистическую точку зрѣнія, онъ сталъ искать рѣшенія мучившихъ его вопросовъ въ наукѣ. Исканіе это врядъ ли шло дальше поверхности, какъ и его матеріализмъ, такъ какъ научныя познанія его были очень неглубоки. Но даже если бы ему удалось и основательнѣе проникнуть въ научное міровоззрѣніе того времени, то онъ все-таки не нашелъ бы удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ, который казался ему самымъ важнымъ, даже единственнымъ, достойнымъ серьезнаго вниманія.

Подъ тонкимъ поверхностнымъ слоемъ матеріалистическаго или, пожалуй, позитивнаго міросозерцанія, у Толстого была глубокая залежь непосредственной, прямолинейной чувствительности и религіознаго настроенія. Это видно и изъ его біографіи, и изъ его литературныхъ произведеній. Герои его, болѣе всего похожіе на него, отличались именно значительнымъ преобладаніемъ чувства надъ разсудкомъ. Желая отмѣтить эту особенность, Толстой часто впадаетъ въ преувеличеніе, выставляя ихъ черезчуръ непрактическими, неспособными къ логическому мышленію мечтателями. Такъ, Пьеръ въ „Войнѣ и мирѣ“, очень интересовавшійся вопросами о человѣческой судьбѣ, о смыслѣ жизни и смерти, пожелавъ принять участіе въ разговорѣ, „выдвинулся впередъ, чувствуя себя одушевленнымъ, самъ не зная еще чѣмъ, и самъ не зная еще, что онъ скажетъ“. (Т. VII, 131). Или дальше: „Пьеръ слушалъ слова Бенигсена, напрягая всѣ свои умственныя силы къ тому, чтобы понять сущность предстоящаго сраженія, но съ огорченіемъ чувствовалъ, что умственныя способности его были недостаточныя. Онъ ничего не понималъ“. (Т. VII. 283). Или еще: „У всѣхъ были дѣла до Пьера, которыя онъ долженъ былъ разрѣшить. Пьеръ ничего не понималъ, не интересовался этими дѣлами и давалъ на всѣ вопросы только такіе отвѣты, которые бы освободили его отъ этихъ людей“. (Т. VII. 416). Коню Толстого, Левина, „разсужденія приводили въ сомнѣнія и мѣшали ему видѣть что должно и что не должно... онъ жилъ, не зная и не видя возможности знать, что онъ такое, и для чего живетъ на свѣтѣ...“. Т. XI, 362).

Эти оба Толстые—Пьеръ и Левинъ—нашли свою дорогу подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ разговоровъ съ очень первобытными людьми. Когда повліявшій такъ на Пьера солдатъ Платонъ Каратаевъ „говорилъ свои рѣчи, онъ, начиная ихъ, казалось, не зналъ, чѣмъ онъ ихъ кончитъ“. Каратаевъ „не могъ вспомнить того, что онъ сказалъ минуту назадъ“. (Т. VIII, 70). Несмотря на это, Пьеръ вывелъ изъ такой несвязной рѣчи, что жизнь его „имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ“. (Т. VIII, 71).

Левинъ, мучимый страхомъ смерти, мыслью, что его „закопаютъ и ничего не останется“, и остановившійся передъ вопросомъ: „къ чему?“, услышалъ отъ одного мужика, что богатый крестьянинъ, тоже называвшійся Платономъ, „для души живетъ“. Эти слова поразили его какъ громомъ. „При словахъ мужика о томъ, что Ѳоканычъ (Платонъ) живетъ для души, по правдѣ, по-Божью, неясныя, но значительныя мысли толпою какъ-будто вырвались откуда-то изъ заперти и, всѣ стремясь къ одной цѣли, закружились въ его головѣ, ослѣпляя его своимъ свѣтомъ“. „Левинъ шелъ большими шагами по большой дорогѣ, прислушиваясь не столько къ своимъ мыслямъ (онъ не могъ еще разобрать ихъ), сколько къ душевному состоянію, прежде никогда имъ не испытанному“. (Т. XI, 366).

Какъ прежде подъ вліяніемъ Каратаева у Пьера проснулось пантеистическое вѣрованіе, такъ потомъ у Левина подъ вліяніемъ словъ мужика пробудилось скрытое христіанское чувство. Въ обоихъ случаяхъ тонкій слой позитивизма легко прорвался и уступилъ внушенному съ дѣтства религіозному вѣрованію. Убѣдившись въ томъ, что нужно жить „по-Божью“, Толстой рѣшилъ, что въ смерти „нѣтъ ничего ни непріятнаго, ни страшнаго“. (Т. XII, 513). Ему показалось, что „если взглянуть на жизнь въ ея истинномъ значеніи, то становится труднымъ понять даже, на чемъ держится странное суевѣріе смерти“. (Т. XII, 536). Несмотря на всѣ подобныя соображенія, Толстой, однако, не переставалъ бояться смерти. Около десяти лѣтъ послѣ того, какъ онъ написалъ приведенныя здѣсь строки, онъ въ бесѣдѣ съ Лазурскимъ „сталъ говорить о томъ, какъ грустно человѣку, который всю жизнь работаетъ, волнуется, стремится къ чему-то, всегда имѣть въ сознаніи, что всѣ эти страданія должны разомъ прекратиться, и отъ насъ не останется и слѣда“. („Воспоминанія о Толстомъ“. Москва. 1911, стр. 78). Близкія Толстому лица мнѣ подтверждали, что страхъ смерти не покидалъ его и въ старости. И неудивительно, такъ какъ этотъ страхъ является не въ результатѣ умствованія, а есть проявленіе инстинктивнаго чувства, котораго не побороть никакими соображеніями, но которое можетъ изсякнуть само съ годами, какъ половое чувство. Не-

смотря на то, что у Толстого инстинктъ жизни и страха смерти былъ чрезвычайно упоренъ, несмотря на всю его религію и философію, но и у него подъ конецъ стало изрѣдка проявляться чувство пресыщенія жизнью. Въ этомъ отношеніи особенно характерна его запись въ дневникѣ, сдѣланная имъ, когда ему было 80 лѣтъ. „Нынче ночью испыталъ безъ всякой внѣшней причины особенно сильное и, мало сказать—пріятное, а серьезное, радостное чувство—совершенное отпаденіе не страха даже, а несогласія со смертью". (Гусевъ, стр. 187). Это новое чувство, которое начинаетъ проскальзывать иногда раньше, иногда позже, чѣмъ у Толстого, и есть инстинктъ потребности небытія, подобный инстинкту потребностей во снѣ.

Такимъ образомъ, не своимъ ученіемъ, а своей жизнью Толстой посодѣйствовалъ разрѣшенію вопроса о смыслѣ жизни и смерти; только онъ въ этомъ не далъ себѣ отчета. Ставъ на точку зрѣнія, навѣянную ему разговоромъ о Оканычѣ, Толстой не могъ не увидѣть, что она въ полномъ разрѣзѣ съ положительнымъ знаніемъ. Отсюда его враждебное отношеніе къ наукѣ. Чтобы оправдать его, онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выставить отрицательныя стороны научныхъ построеній и отмѣтить смѣшныя черты ученыхъ, въ чемъ, разумѣется, недостатка никогда не было.

Такъ какъ изъ всей области знанія къ жизни всего ближе медицина, и такъ какъ она до недавняго времени стояла на весьма шаткомъ основаніи, то неудивительно, что Толстой съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ ея недостатки. Но, по принципу своей религіи враждебный наукѣ, онъ не хотѣлъ видѣть ея успѣховъ даже тогда, когда они уже прямо бросались въ глаза.

Подобно тому, какъ онъ не оцѣнилъ, напр., сдѣлавшихъ переворотъ въ медицинѣ открытій Пастера, такъ же точно онъ ошибся и въ сужденіи о наукѣ вообще. Несмотря на его огромную популярность, Толстой не оказалъ никакого сколько-нибудь замѣтнаго вліянія въ смыслѣ противодѣйствія наукѣ, которая пошла и идетъ дальше впередъ, обогащая человѣчество все новыми и новыми пріобрѣтеніями ради достиженія блага и цѣли человѣческой жизни. Можно предвидѣть время, когда наукѣ удастся справиться съ бѣдствіями, тяготѣющими надъ людьми, когда заботы о болѣзняхъ, страхъ смерти и боязнь старческихъ невзгодъ будутъ преодолѣны. Жизнь сложится не помимо разсудка, не противъ него, а въ гармоническомъ сочетаніи чувства и разума. Только такимъ образомъ люди будутъ избавлены отъ тѣхъ вѣчныхъ противорѣчій, въ которыхъ запутывался Толстой, и которыя привели его къ слѣдующему возгласу, вложенному въ уста героя его превосходной драмы „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ" и, очевидно, выражающему мысль самого автора: „Неужели я заблуждаюсь? Заблуждаюсь въ томъ, что вѣрю тебѣ? Нѣтъ, Отецъ! помоги мнѣ" („Посмертныя произведенія". Т. II, 229).

Статья Мечникова вызвала возраженія. Вотъ что замѣчаетъ по поводу его мнѣнія Д. Левинъ („Рѣчь").

„Въ общемъ,—говоритъ онъ,—это объясненіе представляется нѣсколько... упрощеннымъ, черезчуръ схематичнымъ. Въ дѣйствительности процессъ былъ сложнѣе и многосторонніе,—я имѣю въ виду не только процессъ прорастанія вражды къ наукѣ въ душѣ Толстого, сквозь тонкую оболочку поверхностнаго позитивизма, но и процессъ тяжбу между наукой и... чѣмъ? или кѣмъ? Кто или что является здѣсь противной стороной, выдвигающей свои притязанія противъ притязаній науки? На этотъ вопросъ уже не такъ легко дать опредѣленный отвѣтъ, ибо „имя ему легіонъ" и по природѣ своей онъ крайне измѣнчивъ, протеистиченъ и выступаетъ въ разныхъ видахъ и подъ разными личинами. То—это религія, то—метафизика, то—это нѣкоторыя стремленія человѣческаго духа или потребности человѣческаго организма, не находящія удовлетворенія въ наукѣ, защищающія свое бытіе противъ отрицаній науки и ея ignoramus, то—это нѣкоторые новые пути и формы познанія, отличные отъ путей и методовъ науки и заявляющіе о своемъ превосходствѣ надъ научнымъ познаніемъ. Вообще, тяжба эта очень сложная и запутанная, попытокъ ея разрѣшенія было много, и не мало ихъ предлагается сейчасъ; одна изъ нихъ получила теперь особенную популярность,—я говорю о философской попыткѣ Бергсона. Мечниковъ не упоминаетъ о Бергсонѣ, но онъ напомнилъ мнѣ о немъ однимъ сравненіемъ, которое онъ приводитъ со словъ своего давно умершаго старшаго брата, Ивана Ильича.

Мечниковъ тутъ близко подошелъ къ бергсоновской темѣ о различіи между научнымъ познаніемъ и „интуиціей", но не остановился и прошелъ мимо.

Не спорю, вражда къ наукѣ, какъ у Толстого, по мечниковскоау объясненію, можетъ вытекать изъ религіозной жажды, которой наука не даетъ утоленія. Но какъ разъ въ то время, когда Толстой выступилъ съ отрицаніемъ науки, а Мечниковъ, какъ онъ самъ разсказываетъ, опасаясь практическаго успѣха

проповѣди Толстого среди русской молодежи счелъ нужнымъ ополчиться въ защиту науки,—это было въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка,—объявленіе „банкротства“ науки, столь характерное для „конца вѣка“ было съ особенной радостью принято людьми, вся религія которыхъ сводится къ вѣрѣ въ то, что „наслажденіе пріятно“. Вы помните, какое это было великое торжество... наука обанкротилась! Внезапно вспыхнувшая радость, какъ въ осажденномъ городѣ, когда жители узнаютъ, что осада снята и врагъ удалился, разбитый, уничтоженный, охватила тѣхъ, кто исповѣдуетъ евангеліе о блаженствѣ владѣющихъ. Ибо владѣніе есть существующій фактъ, огражденный ореоломъ неприкосновенности; это фактъ и вѣрованіе, слитые воедино, составляющіе религіозное табу. Но для науки нѣтъ ореолане-прикосновенности, ее не отпугиваетъ никакое табу.

Вотъ почему всѣ тѣ, которые могли сказать о себѣ: beati possidentes—блаженны владѣющіе, видѣли въ наукѣ врага. Съ ней соединялось представленіе о величайшей опасности для самаго существованія общества. Такъ или иначе, хорошо или сносно, съ милостью и грѣхомъ пополамъ, но общество существуетъ. Съ одной стороны, это непреложный фактъ, не возбуждающій удивленія, не вызывающій вопросовъ—фактъ исконный, незапамятный, привычный, какъ небо надъ головою и земля подъ нашими ногами. Кому придетъ на мысль задаваться вопросами: почему, зачѣмъ, отчего... вообще, „раціонализировать“ этотъ фактъ? Только наукѣ. Но тутъ и обнаруживается другая, оборотная сторона факта, покоящагося на привычкѣ. Не является ли привычка его главной, быть можетъ, единственной опорой и, во всякомъ случаѣ, его единственнымъ оправданіемъ? Существованіе общества держится нѣкоторой суммой привычныхъ вѣрованій и привычныхъ дѣйствій—тонкая и хрупкая преграда, которая на подобіе досокъ корабля отдѣляетъ установившуюся общественную „гармонію“ отъ бездны первобытнаго „хаоса“. Что—если преграда дастъ трещину, и необъятный міръ возможностей, которыя таятся во чревѣ „хаоса“, ворвется въ узкій, тѣсный, привычный „космосъ“? Это будетъ катастрофа почище землетрясенія: вообразите океанъ, хлынувшій въ щели разбитаго судна. Существованіе общества есть фактъ, но цѣнность этого факта не для всѣхъ общественныхъ группъ одинакова; „сладкая привычка бытія“, вѣрованіе, что „наслажденіе пріятно“—если эта привычка и это вѣрованіе опираются на рядъ другихъ привычекъ и вѣрованій, то понятна вражда ко всему тому, что можетъ поколебать ихъ устойчивость.

Личность Генри Джорджа.

Ученіе знаменитаго американскаго экономиста и публициста, проповѣдника націонализаціи земли, которымъ такъ увлекался нашъ Толстой, уже общеизвѣстно, по крайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ чертахъ. Но о личности этого дѣятеля попрежнему знаютъ у насъ весьма немного. А между тѣмъ самая личность Генри Джорджа не менѣе замѣчательна, чѣмъ его книги.

Въ числѣ статей М. Туганъ-Барановскаго, которыя онъ собралъ и выпустилъ теперь въ отдѣльномъ изданіи подъ названіемъ „Къ лучшему будущему“, находимъ и статью, посвященную Джорджу. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ нея, наиболѣе характеризующія знаменитаго американца, какъ человѣка, общественнаго дѣятеля и писателя.

Въ ранней молодости онъ перепробовалъ самыя разнообразныя профессіи: былъ приказчикомъ, конторщикомъ, юнгой, искалъ золотоносныхъ участковъ, но въ концѣ концовъ остановился на своемъ прежнемъ ремеслѣ наборщика. Затѣмъ онъ попытался въ компаніи съ нѣсколькими наборщиками основать небольшую собственную газету. Дѣло лопнуло—и въ этотъ критическій для себя моментъ, на чужой сторонѣ, не имѣя ни гроша въ карманѣ, молодой Джорджъ женился. О матеріальномъ положеніи юной четы можно составить себѣ понятіе по тому, что все имущество невѣсты помѣстилось въ небольшомъ узелкѣ, а со стороны жениха единственнымъ обезпеченіемъ ихъ дальнѣйшаго существованія явился полученный имъ изъ какой-то кухмистерской двухнедѣльный кредитъ для него и его будущей жены.

Первые годы семейной жизни Джорджа сопровождались для него тяжелыми лишеніями. Приходилось почти голодать; когда родился второй ребенокъ, нечѣмъ было накормить родильницу. „И вотъ,—разсказываетъ онъ самъ,—я вышелъ на улицу и рѣшилъ попросить денегъ у перваго попавшагося мнѣ человѣка, по внѣшности котораго можно было бы думать, что деньги у него есть. Я остановилъ какого-то совершенно незнакомаго мнѣ человѣка и попросилъ у него пять долларовъ. „Зачѣмъ вамъ нужны эти деньги?“ спросилъ онъ. Я сказалъ, что у меня родила жена, мнѣ нечего дать ей поѣсть.. И онъ далъ мнѣ эти деньги. Я находился тогда въ состояніи такого отчаянія, что, кажется, если бы онъ мнѣ не далъ, я убилъ бы его.

Но, несмотря на всѣ эти трудности, молодому супругу не пришлось раскаиваться въ своей женитьбѣ. Онъ нашелъ въ женѣ преданнаго и

вѣрнаго друга на всю жизнь. Любовь между супругами только углублялась годами. „Какое счастье быть въ бракѣ, — писалъ Джорджъ много лѣтъ спустя своей женѣ,—какое счастье быть въ бракѣ и тѣломъ, и душою и разумомъ,—въ томъ бракѣ, въ которомъ находимся мы съ тобою... Какъ много радости въ нашей любви... Какую крѣпкую связь она образуетъ между нами. Какъ близко мы бываемъ другъ къ другу даже тогда, когда насъ раздѣляетъ пространство. Да и не есть ли эта любовь нѣчто переходящее за предѣлы земной жизни? Другіе могутъ, но мы съ тобой, моя дорогая, не должны сомнѣваться въ благости Божьей. А чѣмъ болѣе я думаю о ней, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что наша любовь не ограничится одной нашей теперешней жизнью“.

Съ такой же нѣжностью, заботливостью и любовью Джорджъ относился и къ своимъ четверымъ дѣтямъ.

Способность къ увлеченію далекими, возвышенными цѣлями, — пишетъ М. Туганъ-Барановскій,—соединялась у Джорджа (а это встрѣчается не часто) съ любовью къ близкимъ, къ тѣсному кругу людей, съ которыми его сводила судьба. По справедливой характеристикѣ одного изъ его друзей, „высокій умъ и мужественный характеръ сочетались въ немъ съ простотой и мягкостью ребенка — съ тѣмъ женственнымъ элементомъ, который, по выраженію одного француза, всегда можно замѣтить въ истинно великихъ людяхъ“.

Среди англосаксовъ мы встрѣчаемъ два одинаково законченныхъ типа человѣческаго характера—упорнаго, настойчиваго и безпощаднаго себялюбца и столь же упорнаго и настойчиваго человѣколюбца. Ко второму типу принадлежали многіе великіе англосаксонскіе общественные дѣятели, къ нимъ же принадлежитъ и авторъ „Прогресса и бѣдности“. Люди этого душевнаго склада, соединяя съ здоровой и крѣпкой жизненной энергіей англосаксонской расы чрезвычайную способность къ увлеченію возвышенными цѣлями, представляютъ собою удивительно привлекательный образчикъ человѣческой породы. Въ нихъ есть что-то какъ бы библейское. Въ большинствѣ случаевъ, великіе люди хороши только издали, откуда видны не столько они сами, сколько ихъ великое дѣло. Но это совсѣмъ не вѣрно въ примѣненіи къ людямъ того склада, о которыхъ я теперь говорю. Напротивъ, они тѣмъ лучше, тѣмъ намъ милѣе, чѣмъ ближе мы къ нимъ подходимъ, чѣмъ ярче и опредѣленнѣе обрисовываются черты ихъ повседневной, будничной жизни.

Они обладаютъ добродѣтелями тѣхъ скромныхъ, маленькихъ людей, которыхъ не знаетъ исторія и которые дороги только крошечному кружку своихъ близкихъ. И если эти черты встрѣчаются у человѣка историческаго значенія, то онѣ кажутся намъ чѣмъ-то особенно трогательнымъ, дѣлаютъ его особенно привлекательнымъ въ нашихъ глазахъ, сообщаютъ ему нѣчто какъ бы дѣтское и наивное.

Писалъ Джорджъ свою первую книгу „Прогрессъ и бѣдность“, доставившую ему такую популярность, съ величайшимъ душевнымъ подъемомъ, безпорядочно, иногда днемъ, иногда ночью, часто бросая работу, когда волненіе достигало крайняго предѣла и слова не успѣвали угнаться за мыслью. „Однажды,—говорилъ онъ одному своему другу много лѣтъ спустя,— среди бѣла дня, на одной изъ городскихъ улицъ мнѣ представилась мысль, видѣніе, зовъ—назовите, какъ хотите. Но каждая жила во мнѣ задрожала. И тогда же я далъ себѣ обѣщаніе, которому остался вѣренъ и въ горѣ, и въ радости, и въ томъ, что я дѣлалъ, и въ томъ, что я не дѣлалъ. Оно побудило меня написать „Прогрессъ и бѣдность“ и оно поддерживало меня въ то время, когда я чувствовалъ себя безсильнымъ. И когда я окончилъ послѣднюю страницу моего изслѣдованія, я упалъ на колѣни и заплакалъ, какъ дитя. Все остальное уже было въ Господнихъ рукахъ. Чувство, которое я испыталъ, никогда не покидало меня, оно всегда со мною. Оно вело меня куда-то все выше и выше. Оно дѣлало меня болѣе честнымъ, болѣе чистымъ человѣкомъ. Оно было для меня религіей, сильной и глубокой, хотя и неопредѣленной,—религіей, о которой я никогда не любилъ говорить, которую я никогда не допускалъ до чисто внѣшнихъ проявленій, но которой однако, я всегда стремился слѣдовать“.

Къ концу марта 1879 г. рукопись „Прогресса и бѣдности“ была готова и разослана нѣсколькимъ издателямъ съ предложеніемъ ее издать.

Отвѣты издателей были однако неблагопріятны, и авторъ долженъ былъ самъ приступить къ набору и печатанію своего произведенія. Въ дневникѣ Джорджа подъ 17 мая стоитъ: „Началъ наборъ книги. Собственными руками набралъ двѣ первыя гранки“. Въ августѣ печатаніе книги было закончено, причемъ было напечатано всего 500 экземпляровъ. Часть экземпляровъ была продана, часть разослана знакомымъ и издателямъ, съ предложеніемъ выпустить новое изданіе. Теперь издатель нашелся немедленно.

Своему отцу, которому въ это время шелъ семьдесятъ первый годъ, Джорджъ препроводилъ одинъ изъ первыхъ экземпляровъ книги съ письмомъ такого содержанія:

„Съ чувствомъ глубокой благодарности къ Небесному Отцу посылаю Вамъ печатный экземпляръ моей книги. Я благодарю Его за то, что Онъ далъ мнѣ возможность жить, чтобы написать ее, а Вамъ—видѣть ее. Она потребовала не мало труда и жертвъ; но теперь она кончена. Сначала она не будетъ признана, быть можетъ, не будетъ признана и въ теченіе нѣкотораго болѣе или менѣе продолжительнаго времени; но въ концѣ концовъ на нее будутъ смотрѣть, какъ на великую книгу, ее будутъ издавать на обоихъ полушаріяхъ и ее будутъ переводить на разные языки. Это я знаю, хотя, быть-можетъ, ни Вамъ, ни мнѣ не придется увидѣть этого здѣсь. Но то вѣрованіе, которое выражено мною въ этой книгѣ, — что насъ ждетъ еще иная жизнь,— дѣлаетъ это обстоятельство не имѣющимъ большого значенія".

Ожиданія Джорджа вполнѣ оправдались: его книга имѣла огромный, прямо небывалый въ исторіи экономической литературы успѣхъ и при томъ не только на его родинѣ, но и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра. Жизнь Джорджа рѣзко переломилась. Еще такъ недавно онъ былъ неизвѣстнымъ, скромнымъ провинціальнымъ публицистомъ, всѣ усилія котораго были направлены къ тому, чтобы кое-какъ обезпечить свою семью; теперь же, въ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ сталъ знаменитостью. Кругъ дѣятельности его сразу чрезвычайно расширился. Санъ-Фравциско становится ему тѣсенъ, и онъ ѣдетъ, по приглашенію нѣкоторыхъ лицъ, въ Нью-Іоркъ, гдѣ говоритъ на митингахъ и читаетъ публичныя лекціи.

Конецъ его былъ, такъ же прекрасенъ, какъ и вся его жизнь—жизнь человѣка поразительнаго душевнаго благородства. Его здоровье уже было сильно расшатано неутомимой дѣятельностью; вслѣдствіе нервнаго переутомленія, онъ лишился на нѣкоторое время способности рѣчи. Затѣмъ онъ нѣсколько отдохнулъ, и его силы возстановились. Въ 1897 г. предстояли новые выборы лордъ-мэра въ Нью-Іоркѣ, и Джорджа опять выставили кандидатомъ, какъ и одиннадцать лѣтъ назадъ. Но тогда это былъ крѣпкій, какъ духомъ, такъ и тѣломъ, боецъ въ расцвѣтѣ своихъ силъ, теперь же это былъ старикъ, столь же бодрый духомъ, но тѣломъ совершенно разбитый. Врачи предупреждали его, что участіе въ избирательной агитаціи грозитъ ему смертью. Онъ обѣщалъ переговорить съ своей женой и прямо поставилъ ей вопросъ. „—Анна!— сказалъ онъ,— помнишь ли, какъ послѣ убійства въ Фениксъ-паркѣ въ 1882 г. ты посовѣтовала Михаилу Девитту отправиться въ Дублинъ и быть тамъ со своимъ народомъ, рискуя поплатиться за это жизнью? Я сказалъ тебѣ тогда, что, можетъ-быть, напомню тебѣ когда-нибудь твои слова. И вотъ насталъ день, когда мнѣ понадобилось тебѣ ихъ напомнить. Откажешься ли ты повторить теперь то же самое мнѣ? Народъ зоветъ меня; у него нѣтъ другого человѣка, который могъ бы всѣхъ объединить. На очереди стоитъ не просто вопросъ о хорошемъ управленіи. Стоитъ мнѣ принять кандидатуру, какъ самъ собою выдвинется вопросъ о естественныхъ правахъ человѣчества. Нью-Іоркъ станетъ театромъ міровой борьбы, и мой успѣхъ двинетъ впередъ наше дѣло".

— Ты долженъ поступить такъ, какъ тебѣ предписываетъ твой долгъ, все равно, чего бы это тебѣ ни стоило,—отвѣчала ему жена.

Началась избирательная кампанія. Опять Джорджъ говорилъ одну рѣчь за другой съ такимъ же жаромъ и воодушевленіемъ, какъ и одинадцать лѣтъ назадъ. Но прежней силы уже не было. Здоровье его не вынесло этого послѣдняго напряженія, и струна лопнула, 29 октября 1897 г., за пять дней до выборовъ. Джорджъ скончался отъ апоплексическаго удара.

Чтобы дать понятіе о писательской манерѣ Джорджа, остановимся на слѣдующемъ отрывкѣ изъ „Прогресса и бѣдности".

„По мѣрѣ того, какъ земля повышается въ цѣнѣ, увеличивается бѣдность и появляется нищенство. Въ новыхъ поселеніяхъ, гдѣ земля мало стоитъ, вы не найдете нищихъ, а также и значительнаго экономическаго неравенства. Въ большихъ городахъ, гдѣ земля такъ дорога, что продается на аршины, вы найдется крайніе предѣлы роскоши и нищеты. И это различіе двухъ противоположныхъ ступеней соціальной лѣстницы всегда пропорціонально цѣнѣ земли. Въ Нью-Іоркѣ цѣна земли выше, чѣмъ въ Санъ-Франциско; и житель Санъ-Франциско приходитъ въ ужасъ отъ нищеты въ Нью-Іоркѣ. Въ Лондонѣ земля дороже, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ, и въ Лондонѣ нищета выступаетъ въ еще болѣе мрачныхъ краскахъ, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ.

Оставимъ всякую теорію въ сторонѣ и обратимся къ простому здравому смыслу. Скажите любому практическому человѣку: „Вотъ передъ вами деревня; черезъ десять лѣтъ здѣсь будетъ большой городъ; желѣзная дорога замѣнитъ почтовыхъ лошадей, электрическій свѣтъ— керосиновую лампу; въ городѣ будетъ множество машинъ и другимъ усовершенствованныхъ орудій труда, которыя такъ повышаютъ производительность работы. Повысится ли черезъ десять лѣтъ процентъ прибыли?".

Вамъ отвѣтятъ: „Нѣтъ!"

„Повысится ли плата за чернорабочій трудъ? Будетъ ли легче зарабатывать кусокъ хлѣба

человѣку, не имѣющему ничего, кромѣ своихъ рукъ и головы?“

„И вамъ опять отвѣтятъ:—„Нѣтъ. Плата за чернорабочій трудъ не повысится; наоборотъ, слѣдуетъ думать, что она понизится; рабочему не будетъ легче, а, скорѣе, труднѣе находить себѣ работу“.

Что же, въ такомъ случаѣ, повысится?

Арендная плата за землю — цѣна земли. Поспѣшите купить землю въ этой деревнѣ.

И если вы послѣдуете этому совѣту, вы поступите весьма благоразумно. Вы можете спокойно сидѣть и курить трубку; вы можете валяться на солнцѣ, какъ нищіе въ Неаполѣ или въ Мексикѣ; и, не сдѣлавши ни малѣйшаго усилія, не прибавивши самой малѣйшей части къ народному богатству страны, вы будете черезъ десять лѣтъ богаты. Въ новомъ городѣ вы, быть-можетъ, построите себѣ роскошный домъ; но среди общественныхъ зданій этого города будетъ и пріютъ для бѣдныхъ“.

Р. Хинъ о пребываніи Германа Банга въ Москвѣ.

Датскій писатель Германъ Бангъ, какъ извѣстно, два года тому назадъ былъ въ Москвѣ и читалъ лекцію о своихъ произведеніяхъ. Московская публика отнеслась къ писателю съ полнымъ равнодушіемъ, и на лекціи его почти совсѣмъ не было слушателей. Объ этой лекціи и о встрѣчѣ съ Бангомъ теперь вспоминаетъ Р. Хинъ въ сентябрьской книжкѣ „Вѣст. Евр.“.

Унылая, холодная зала. Раздѣленные широкимъ проходомъ, тянутся ряды вѣнскихъ стульевъ. На голыхъ, гладкихъ, точно больничныхъ стѣнахъ—ни одной картины, ни одного портрета... Эстрада,—вѣрнѣе, опрокинутый, наскоро сколоченный ящикъ для приличія прикрытъ клеенкой. Простой столъ, простой стулъ, на столѣ графинъ съ водой и стаканъ. Передъ эстрадой, на ослабѣвшемъ шнуркѣ, болтается измятая плюшевая портьера, образуя широкую щель, сквозь которую можно видѣть какіе-то тюки и мелькающія ноги въ черныхъ брюкахъ. Публики такъ мало, что всѣ съ недоумѣніемъ и даже какъ будто съ упрекомъ поглядываютъ другъ на друга... .

Плюшевая занавѣска распахнулась и на эстраду взбѣжалъ тощій, смуглый старичекъ во фракѣ, на которомъ ослѣпительной, раздражающей бѣлизной вырѣзывался твердый пластронъ сорочки и пышный бѣлый цвѣтокъ въ петлицѣ. Странная, почти фантастическая фигура старичка сразу приковывала вниманіе. Его черные волосы, блестящіе, какъ лакъ, казались намазанными на черепъ; печальные, огромные, черные глаза смотрѣли изъ своихъ глубокихъ впадинъ, точно изъ глубины вѣковъ; маленькое, коричневое, все въ морщинахъ лицо, темная тѣнь надъ блѣднымъ ртомъ съ всезнающей, снисходительной улыбкой муміи...

Не поклонившись публикѣ, онъ потрогалъ графинъ, переставилъ стулъ, и, закинувъ ногу на ногу, придвинулъ поближе столъ, облокотился, склонилъ усталую голову на свою изящную, сухую руку и вздохнулъ.

Торопливо, словно судебный протоколъ, онъ сталъ излагать содержаніе одного своего романа, заявивъ, что послѣднюю главу онъ прочтетъ. Закончивъ протоколъ, онъ немного помолчалъ, затѣмъ, точно подъ властью посторонней силы, оттолкнулъ стулъ и подошелъ къ самому краю эстрады... Мумія вдругъ ожила. Передъ залой былъ не чтецъ, а актеръ. Онъ игралъ свой романъ. Онъ плакалъ, иронизировалъ, хохоталъ... Презрительнымъ жестомъ онъ смелъ, какъ пыль, утонченную роскошь, среди которой умиралъ его герой, покинутый единственнымъ любимымъ существомъ. Онъ проклиналъ славу, бросался на жалкій, деревянный столъ, рыдалъ, ухватившись за убогій вѣнскій стулъ и, простирая руки, призывалъ въ неутолимой тоскѣ любовь—только любовь—ось жизни, щитъ противъ смерти... Первое впечатлѣніе было чрезвычайно непріятное. Какая-то волна враждебности прокатилась по залѣ. Эта декламація... этотъ театральный пафосъ... Вѣдь онъ не актеръ, а писатель!.. Зачѣмъ онъ ломается!..

Но прошло нѣсколько мгновеній. Глаза присмотрѣлись къ непривычной мимикѣ, уши прислушались къ непривычной интонаціи, и нахмуренныя лица прояснились. Ему повѣрили, что онъ не ломается, а на самомъ дѣлѣ живетъ, плачетъ, любитъ и умираетъ, обманутый всѣмъ, чему онъ отдалъ свою душу, и его страданье покорило горсть чужихъ, за минуту враждебныхъ людей, собравшихся въ холодной, чужой залѣ посмотрѣть на чужого знаменитаго писателя. И когда, потрясенный, онъ крикнулъ, что герой освободился—умеръ!.. его проникновенные печальные глаза встрѣчали со всѣхъ сторонъ лишь дружелюбные взоры и взволнованныя лица, а зала гремѣла такими аплодисментами, точно она была полна несмѣтной толпой...

Два часа спустя, старичокъ, похожій на мумію, шагалъ мелкими шажками по кабинету дамы, которая была на его лекціи. Онъ остановился передъ портретомъ Толстого...

— Какіе мы всѣ пигмеи передъ нимъ!— сказалъ онъ.—Безсмертный!.. Его власть въ томъ, что онъ никого и ничего не боялся... Я не говорю о талантѣ... Гёте былъ и есть всемірный геній, но онъ былъ также и нѣмецкій Geheimrat... Одинъ Толстой даже себя не боялся. А этотъ jouisseur—(онъ показалъ толстымъ пальцемъ на Анатоля Франса въ бронзовой рамѣ)—этотъ вольнодумецъ, этотъ энциклопедистъ, проснувшійся въ XX-омъ вѣкѣ—холоденъ, какъ ледъ... Il se fiche de tout...

Онъ сѣлъ въ кресло, опустилъ голову и замолкъ. Хозяйка поставила передъ нимъ чашку чая...

— Я такъ мечталъ о Россіи,—промолвилъ онъ тихо, словно думая вслухъ,—объ этой миѳологической странѣ, и вотъ, такой ужасный провалъ!..

— Не провалъ, а огромный успѣхъ... Вы убѣдитесь въ этомъ на второй лекціи...

— Второй лекціи не будетъ,—возразилъ онъ.—Я больше никогда сюда не пріѣду. Въ жизни ничего не надо повторять...

Хозяйка разсказала ему о барышняхъ, которыя читаютъ его по-датски, для которыхъ его пріѣздъ останется незабвеннымъ событіемъ...

Онъ встрепенулся.

— О, какъ это мило! Отчего вы мнѣ ихъ не показали? Впрочемъ, можетъ быть, вы выдумали этихъ дѣвицъ, чтобы меня утѣшить!—воскликнулъ онъ, засмѣявшись.—Такъ вѣдь я не очень огорченъ. Въ Нью-Іоркѣ, Чикаго, мнѣ помогутъ забыть русское гостепріимство.

Замѣтивъ смущеніе хозяйки, онъ вдругъ улыбнулся доброй, открытой улыбкой, отъ которой замѣтно помолодѣло его сморщенное лицо.

— Не вѣрьте мнѣ,—сказалъ онъ.—Конечно, я огорченъ, очень огорченъ. Но это такъ стыдно для человѣка, который уже 30 лѣтъ каждый день познаетъ, что все на свѣтѣ суета сует.

Онъ сталъ разсказывать о своей жизни, о своей юности, промчавшейся какъ весенній потокъ, о нѣжной принцессѣ Маріи, которая рвалась изъ дворца, какъ изъ тюрьмы, и добровольно ушла изъ міра съ разбитымъ сердцемъ. Онъ былъ ея другомъ... Онъ обѣщалъ положить ей въ гробъ красную розу... Онъ принесъ эту завѣтную розу съ первыми лучами солнца... Но ему сказали, что онъ пришелъ поздно, что гробъ уже заколоченъ. Онъ осмѣлился настаивать... Ему сказали, что онъ безумецъ... Тогда онъ ушелъ отъ знатныхъ и сильныхъ—къ бѣднякамъ и скитальцамъ. Онъ жилъ въ балаганахъ съ акробатами, клоунами, канатными плясуньями, укротителями звѣрей... Родина извергла его, какъ недостойнаго сына, а онъ такъ ее любилъ!.. несправедливую, неблагодарную, жестокую, безсовѣстную... Онъ долженъ бы ее презирать, ненавидѣть!.. Что значитъ,—воскликнулъ онъ со слезами въ голосѣ,—что значитъ эта вѣковѣчная загадка человѣческаго сердца—любить то, что больше всего терзаетъ.

— Но теперь вы могли бы спокойно жить на своей родинѣ. Зачѣмъ вы ѣдете въ Америку?—спросила хозяйка.

Онъ пожалъ плечами.

— Вѣроятно, чтобы умереть гдѣ-нибудь по дорогѣ,—сказалъ онъ.— Вѣдь я обреченный... Я послѣдній въ родѣ. Я самъ никому не далъ жизни,—въ этомъ грѣхѣ я неповиненъ! Но природа терпитъ только смиренныхъ рабовъ и лакеевъ, и мститъ гордымъ мятежникамъ. Она зажгла мою душу ненасытной жаждой любви къ людямъ. Я долженъ видѣть какъ можно больше людей. Люди, люди и опять люди... Я люблю всѣхъ людей—добрыхъ, злыхъ, красивыхъ, уродливыхъ, порочныхъ. Я преодолѣлъ отвращеніе, и люблю человѣка прежде всего, несмотря ни на что. Любовь—ось жизни, щитъ противъ смерти...

Онъ опустилъ глаза, словно желая скрыть горѣвшее въ нихъ пламя...

Черезъ два мѣсяца онъ умеръ въ больницѣ какого-то американскаго города.

Зайцевъ и Ремизовъ.

Точно сговорились два молодыхъ критика—А. Закржевскій и А. Долинскій. Одинъ облюбовалъ творчество Алексѣя Ремизова, и свои „впечатлѣнія“ о немъ передаетъ въ кіевскихъ „Огняхъ“; другой въ это же самое время („Рѣчь“, № 269, ст. „Тихія зори“) вноситъ критическій взоръ свой въ литературный обликъ Бориса Зайцева.

Ремизовъ и Зайцевъ — писатели-сверстники. Почти одновременно вышли они на большую литературную дорогу. Но пошли они *не однимъ путемъ*. Наоборотъ — трудно найти у насъ сейчасъ двухъ писателей-художниковъ, пути которыхъ такъ расходились бы.

Кажется, еще не дѣлалось попытки сопоставить ихъ столь различныя, хотя въ основѣ своей родственныя, писательскія индивидуальности и, черезъ сравненіе, до дна исчерпать различіе это. Статьи названныхъ авторовъ,

имѣетъ взятыя, какъ разъ даютъ подобную литературную параллель, тѣмъ болѣе интересную, что *такая* параллель имѣетъ одно преимущество: проведена она, такъ сказать, нечаянно, непреднамѣренно, и значитъ, безъ неизбѣжной при обычныхъ условіяхъ тенденціозности, искусственности.

Ремизовъ.

Ремизовъ, — читаемъ у А. Закржевскаго,— кровно связанъ съ Достоевскимъ, какъ, впрочемъ, и все современное творчество. У нихъ общій зародышъ — великое страданіе. Но у Достоевскаго страданье все же являлось силой животворной, этотъ титанъ сумѣлъ изъ страданья своего родить себѣ Бога, онъ могъ выдержать пытку адскую благодаря своему генію, какая-то тайная сила спасла его отъ гибели. Ремизовъ же придушенъ страданіемъ своимъ, тоской своей жгучей.

Въ подвалы Достоевскій прятался отъ людей и отъ жизни, тамъ онъ залѣчивалъ раны, приводилъ въ исполненіе замыслы, задумывалъ катастрофы. Ремизовъ въ подвалахъ погребенъ навѣки. Не можетъ онъ выйти на свѣтъ Божій: — страшно. Сидитъ, задыхается, роется, копается въ ранахъ. бередитъ ихъ съ ожесточеніемъ. Каменная боль въ сердцѣ. И міръ словно погибъ. Но нѣтъ, вотъ онъ рождаетъ въ творческихъ своихъ мукахъ міръ свой, собственный, міръ рожденный кровью сердца, міръ истерзанный и расплавленный въ пылающей смолѣ страданья—и вотъ писатель живетъ, вотъ обжигаетъ, вотъ разсыпается тысячью самоцвѣтныхъ камней, вотъ чаруетъ переливами красокъ, дышитъ, горитъ, восходитъ въ вѣчность... Каковъ же этотъ міръ, и каковы люди въ немъ? Это тотъ же самый міръ, который рождался въ творчествѣ Достоевскаго, но сквозь его геніальную лабораторію онъ прошелъ все же опредѣленнымъ, законченнымъ, завершеннымъ, отлитымъ въ кристаллѣ философской мысли, пріобщенный вѣчности уже вслѣдствіе тѣхъ великихъ религіозныхъ проблемъ, которыми изобилуетъ. Міръ же Ремизова страдаетъ хаотичностью, это не Логосъ образуетъ своды его и строитъ мосты и укрѣпляетъ зданья, это пылаютъ, трещатъ, пламенѣютъ, рушатся въ огнѣ всѣ зданья, и міръ—какъ стонъ одинъ, какъ боль одна, какъ одна стихія, въ которой нѣтъ ничего законченнаго, которая кричитъ, жалуется, проклинаетъ, воетъ, стонетъ, надрывается, оглушаетъ ревомъ своимъ, вся сущность которой въ огнѣ, адской смолѣ, воѣ бурь, грохотѣ громовъ...

Люди Ремизова — это тѣ же „бѣдные люди“ Достоевскаго, видоизмѣненные современностью, это тѣ же — униженные, оскорбленные, обиженные, несчастные, больные, припадочные, которыми такъ богата Русь и которые глубоко въ подвалахъ ея запрятаны и только такимъ-же подвальнымъ жильцамъ, какъ Ремизовъ, и вѣдомы... Одинокіе, пришибленные, сбитые съ пути, испепеленные, конченные, припадочные, — они нашли пріютъ въ его твореніяхъ онъ сумѣлъ отразить ихъ, окрасить кровью, вдохнуть въ нихъ жизнь — и вотъ предъ нами цѣлая вереница ихъ („Часы“, „Прудъ“, „Крестовыя сестры“), и вотъ проходятъ они словно истекающія кровью жертвы, чтобы искалѣченнымъ видомъ своимъ поразить насъ и обезсилѣть. И оттого, что страданье ихъ имъ не подъ силу, и оттого, что Ремизовъ не могъ дать имъ того утѣшенія, которое имъ даровалъ Достоевскій,— Бога, — они несчастны, они живые трупы, они — слѣпо повинуются всевозможнымъ пыткамъ, всевозможнымъ казнямъ и издѣвательствамъ, лишь бы забыться въ боли, лишь бы сверкнула въ глазахъ синебагровая заря жестокой радости, никому непонятной, лишь бы душу свою увидѣть униженною до послѣдней степени, издыхающею, разлагающеюся въ корчахъ и стонахъ — и ядомъ муки упиться, и въ безсонныя желѣзныя ночи биться головой объ стѣну и молить, чтобы разлетѣлась наконецъ она въ дребезги...

Ремизовъ отъ этой боли юродивымъ сталъ. Ошалѣлъ въ юродствѣ своемъ — потянулъ за собой длинный стягъ юродивыхъ — своихъ созданій, въ царство тьмы, плача и скрежета зубовнаго, въ царство проклятья, въ царство Діавола... Онъ знаетъ тайну боли, онъ болью крещенъ — и оттого и улыбки эти юродивыя, и заклинанія и ворожба, и мистическій страхъ жизни.

И одно спасеніе — юродивая, пришибленная, мистическая вѣра въ чорта. Чортъ здѣсь является единственныхъ спасеніемъ. Къ одинокимъ, замученнымъ, пьянымъ тоской, изуродованнымъ и истерзаннымъ тихо подкрадывается чортъ и закидываетъ сѣти свои и издѣвается надъ жизнями, кровь сосетъ, пытки измышляетъ, унижаетъ, надъ страхомъ, надъ молитвами, надъ безсиліемъ потѣшается. Въ творчествѣ Ремизова черти кишатъ какъ въ заколдованномъ омутѣ. Тысячи мелкихъ чертей разсыпаны въ разсказахъ черною жутью — манящею, изводящею, сказочною... И вотъ онъ забавляется ими чисто по-дѣтски, придумываетъ для нихъ затѣйливыя игры, хохочетъ, дразнитъ, лукаво посмѣивается, любитъ сводить и разводить ихъ, любитъ особенно маленькихъ, тоненькихъ, черненькихъ, подвиж-

ныхъ — вотъ тѣхъ, которые подъ иконами любятъ гнѣздиться, которыя искушенія нашептываютъ... Но, возясь съ чертовщиной — Ремизовъ вдругъ почувствуетъ, какъ почва уходитъ изъ-подъ ногъ, какъ рушится міръ въ послѣдней агоніи, какъ душу скальпируетъ ужасная жажда божества — и тогда изъ чертовскаго царства рождается владыка — Сатанаилъ, искуситель, самъ грозный Демонъ, повелитель тварей ночныхъ!.. И тогда неминуема смерть въ безднахъ омута, и тогда смертельный страхъ подкашиваетъ ноги, радъ бы уйти — да поздно, какая-то нечеловѣческая сила тянетъ въ адскія бездны, гдѣ изготовляютъ самый отборный ядъ, гдѣ совершаются шабаши вѣдьмъ, гдѣ сатанинская сила готовитъ подземный взрывъ, великое разрушеніе, всемірный пожаръ...

Уставшій въ мукѣ, испепеленный непосильными переживаніями — художникъ ищетъ другихъ міровъ въ своемъ творчествѣ, отъ которыхъ не было бы боли, гдѣ могла бы отдохнуть душа, гдѣ бы открылась завѣса неизвѣстной еще доселѣ жизни... Свидригайловъ у Достоевскаго опьянялся безумными, гашишными снами, онъ посредствомъ этихъ сновидѣній входилъ въ потусторонній міръ, онъ испытывалъ неописанное наслажденіе въ творчествѣ этихъ хаотическихъ, бредовыхъ, кошмарныхъ сновъ, и это была новая сфера для его пресыщенной, пустой и измученной души... Примѣру Свидригалова послѣдовалъ и Ремизовъ. Онъ создалъ цѣлый циклъ сновъ — въ своемъ замѣчательномъ и по оригинальности единственномъ въ русской литературѣ произведеніи: „Бѣдовая доля“.

Искусство стало для Ремизова тѣмъ, чѣмъ для другихъ въ этихъ случаяхъ становится религія. Всецѣло отдавшись чистому искусству, онъ тѣмъ самымъ какъ бы изобрѣлъ для себя защиту отъ той жуткой, демонической стороны, которая привела его къ тупику. Мнѣ такой ходъ спасенія кажется не столько спасеніемъ, сколько омертвѣніемъ...

Зайцевъ.

Теперь уже можно сказать—безъ всякаго риска ошибиться, — пишетъ А. Долининъ,—что все творчество Зайцева, если взять его въ цѣломъ, знаетъ, какъ основной мотивъ свой, заунывную настроенность тихой, благоговѣйной молитвы, въ которой всегда чуется или проникновенное стремленіе къ „священной серьезности, обращающей жизнь въ вѣчность“, или робкая, стыдливая благодарность Творцу, если въ самомъ дѣлѣ удается уловить просвѣты въ эту вѣчность; что міръ воспринимаетъ онъ, всегда, какъ святую тайну, религіозно, благоговѣйно. Воспринимаетъ именно какъ христіанинъ, а не какъ язычникъ. Недаромъ вѣдь онъ задумчивъ даже въ такихъ радостныхъ, казалось бы, вполнѣ „языческихъ“, вещахъ, какъ „Заря“, „Полковникъ Розовъ“ или „Молодые“. Недаромъ и они обвѣяны его скорбной думой, осѣнены его обычнымъ, тихимъ (я бы сказалъ: медлительнымъ) настроеніемъ.

И вотъ теперь, если захотѣть проникнуть въ глубь его художественныхъ концепцій, понять, постичь основную суть его метафизики, опредѣляющей весь характеръ и своеобразіе его творчества, то придется прежде всего отмѣтить, что въ ней (метафизикѣ его) меньше всего есть что-нибудь отъ Ratio, что она почти сплошь соткана изъ элементовъ *міроощущенія, но не міропониманія*. Ибо онъ, какъ всякій мистикъ, надѣленъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ обыкновенные люди, той яркой „сознательностью“, разумностью, которая, отъединяя человѣка отъ сферы ирраціональнаго, устремляетъ его взоры на міръ внѣшней предметности, всегда воспринимаемой нами въ своихъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ моментахъ. Онъ всегда гораздо больше чувствуетъ, чѣмъ мыслитъ, гораздо больше ощущаетъ, чѣмъ понимаетъ. И не взоръ, этотъ вѣрный рыцарь дневной ясности, главное орудіе пытливаго разума, обращенъ у него внутрь, въ тайники его души, а слухъ, — чуткій стражъ ночного царства, гревожно улавливающій смутные шорохи, рождаемые во мракѣ. Имъ, только слухомъ своимъ, воспринимаетъ онъ прибои волнъ изъ тѣхъ подсознательныхъ таинственныхъ сферъ, гдѣ запрятана наша интимная и вѣчная связь съ жизнью Вселенной. Имъ же онъ чуетъ ту высшую, не разумную, не человѣческую правду, что онѣ — эти волны — приносятъ съ собой.

Дневная ясность, все выявляющая и все собою опредѣляющая — причина всего многообразія красокъ и линій, и порождаемыя ею яркость и выпуклость, ограниченность каждой особи, каждаго индивидуальнаго явленія — съ одной стороны.

А съ другой: ночь, все поглощающая и все въ себѣ уничтожающая, символъ слитности и единства — отображеніе вѣчности, прообразъ космической жизни.

Такъ противостоятъ они, оба эти начала, какъ двѣ крайнія противоположности, какъ два взаимно исключающихъ полюса. Противостоятъ, какъ Разумъ и неразумность, какъ человѣческое и Божеское сознанія.

Всѣмъ почти достаются пышныя сокровища первой (дневной ясности) и лишь рѣдкіе, ис-

ключительные, удостаиваются „евангельской пищеты“ второй — ночи.

Зайцевъ именно причастенъ ко второму началу. Всей душою своей, всей своей сущностью ощущаетъ онъ, что крѣпче всего стоимъ мы тамъ, гдѣ стоимъ во мракѣ (Эккехартъ), что „лишь во снѣ, въ ночномъ видѣніи Богъ открываетъ у человѣка ухо и запечатлѣваетъ свое наставленіе“ (книга Іова).

Такъ воплощаетъ онъ въ своемъ творчествѣ вѣчный смыслъ тютчевскихъ словъ:

И чудится давно минувшимъ сномъ,
Теперь ему все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаетъ наслѣдье родовое.

Воплощаетъ его полностью, цѣликомъ, съ той лишь разницей, что „наслѣдіе“ это никогда не кажется ему трагическимъ, а ночь, выявляющая его, — порожденіемъ жестокаго и безсмысленнаго хаоса. Не кажется именно потому, что, какъ мы уже сказали выше, вмѣстѣ съ этимъ „наслѣдіемъ“, вмѣстѣ съ ощущеніемъ слитности, единства со всѣмъ космосомъ, приходитъ къ нему и ощущеніе той высшей, не нашей, не человѣческой правды (приходитъ всегда безсознательно — вѣдь ему никогда не удается сказать о ней словами), и она-то, правда эта, утѣшаетъ и успокаиваетъ его, осмысливаетъ и оправдываетъ нашу жизнь; что міръ воспринимаетъ онъ всегда, какъ святую тайну, торжественно-благоговѣйно, какъ христіанинъ, а не какъ язычникъ, и что космическія его ощущенія лишь фонъ, на которомъ проявляется его христіански-религіозная настроенность, — лишь необходимыя для послѣдней условія.

Такъ переходитъ у него всегда космическій мистицизмъ въ христіанскій.

Такъ протягиваетъ онъ нити, связующія „бездну внизу съ бездной вверху“. Ощущаетъ въ мірѣ Бога и въ Богѣ міръ.

Солнце, вверху, солнце внизу,
Звѣзды вверху, звѣзды внизу,
Все, что вверху, то и внизу.

Благо тому, кто постигаетъ эту великую тайну.

Ему дано это благо.

Но вотъ, что всего характернѣе для Бориса Зайцева, что дѣлаетъ его оригинальнымъ, своеобразнымъ, опредѣляетъ весь смыслъ и характеръ его творчества, — это поразительное постоянство, я бы сказалъ — непрерывность въ ощущеніи имъ своей слитности съ общимъ, „цѣлымъ“; то, что онъ не въ рѣдкія, какія-нибудь исключительныя минуты, *а всегда и въ каждое мгновеніе* можетъ нащупать свою связь съ космосомъ и черезъ него съ Богомъ — осязать ее съ удивительной легкостью, почти ясностью, совершенно не зная тѣхъ великихъ усилій и необычайнаго напряженія воли, цѣною которыхъ обыкновенно достигается это счастье.

Въ этомъ смыслѣ жизненный путь его, одинъ изъ малыхъ, если и перекрещивается съ конечнымъ пунктомъ великихъ путей Толстого и Достоевскаго, то по направленію своему онъ совершенно *обратный*. Не послѣ борьбы и протестовъ противъ „Главнаго Архитектора“, допустившаго какую-то неправильность во всемъ мірозданіи; не послѣ томительныхъ вопрошаній, безотвѣтныхъ и безутѣшныхъ, усталый, измученный, склоняется онъ покорно у лона вѣчности. А когда присматривается къ нашей жизни и видитъ въ ней „трагическое“, повсюду разлитое, то не какъ бывшій гордый бунтарь, въ дерзаніяхъ истративній всѣ свои силы, смиряется онъ предъ ея стихіей: ничего, молъ, другого ужъ не осталось,—а совсѣмъ по иному. Полностью, безъ надрыва, а главное — изначально, пріемлетъ онъ ее со всѣми ея невзгодами, со всей ея печалью и скорбью. Пріемлетъ именно потому, что тѣ просвѣты въ вѣчность, которые онъ постигаетъ въ ночную пору, по своему озаряютъ ему и его дневные пути его; что, пребывая въ сферѣ „ирраціональнаго“, заколдованный ея святыми видѣніями, онъ и на нашу „дневную“ жизнь смотритъ сквозь дымку „общаго“, сквозь тѣни своихъ религіозно-мистическихъ ощущеній. Ибо, повторяемъ, общее, универсальное — тамъ, гдѣ царствуетъ вѣчный синтезъ — вотъ что составляетъ основной фонъ его души, а потому и творчества; отдѣльныя же индивидуальныя, разрозненныя явленія въ которыхъ и воплощается трагедія жизни, трагедія индивидуаціи — только слабыя, блѣдныя точки, мелькающія на немъ, на этомъ фонѣ. И онъ весь въ плѣну этого „общаго“ — мистическаго начала. Его одно онъ только славословитъ, ему одному слагаетъ акаѳисты. Вынырнетъ на моментъ его слабая младенческая душа изъ этой стихіи, изъ „цѣлаго“, приметъ на мигъ обликъ индивидуальности, присмотрится къ нашей жизни, полной горъ и печали, содрогнется на этотъ моментъ отъ ея ужасовъ. Но не долго выдерживаетъ онъ это испытаніе и скорѣе уходитъ къ себѣ, въ свой „отчій домъ“. А тамъ припадетъ къ груди общей матери-природы, окунется въ свою сферу — и снова яснѣетъ его душа, и снова онъ покорно спокоенъ. Стоитъ ему только поднять свои молитвенныя очи вверхъ, увидѣть звѣздное небо, уловить „звучность и тишину“

ранняго разсвѣта или строгую торжественность вечерняго заката, и онъ уже въ общеніи съ вѣчностью, съ Богомъ, постигаетъ „высшее и безмѣрно мудрое“, чувствуетъ „радость надъ-жизненнаго свѣтло-ключевого, нетлѣннаго бытія, процвѣтающаго на высотахъ“.

Такъ легко, однообразно и, главное, органически естественно разрѣшаются у него всѣ наши проклятые вопросы, которые жизнь подсовываетъ намъ. Легко именно потому, что онъ, какъ мы видѣли, всегда находится въ сторонѣ отъ нашей жизни (или вѣрнѣе: выше, надъ нею); что онъ отнюдь не отшельникъ зосимовскаго типа, а скорѣе врожденный монахъ, отприродный схимникъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, — не успѣвшій еще вкусить ни сладости, ни горечи страсти, грѣха, — еще отказывающійся отъ жизни.

Вотъ этимъ именно характеромъ изначальности — я бы сказалъ: апріорности — его мистицизма, этой его надъ-жизненностью, вытекающей изъ сущности его метафизики, всегда тяготѣющей къ „общему“, къ слитности, объясняется своеобразная манера его творчества, художественная композиція большинства его произведеній. Вѣдь у него всегда такъ: какая-нибудь величавая всепоглощающая стихія: ночь ли, густая и однообразная въ своемъ мракѣ, безбрежная ли даль безконечно тянущихся полей или поднебесная высь съ міріадами совершенно одинаковыхъ звѣздъ, и рядомъ съ этой стихіей проникающій или тяготѣющій къ ней человѣкъ. И онъ, человѣкъ этотъ, никогда не противостоитъ ей, какъ нѣчто обособленное, отдѣльное отъ нея; наоборотъ, всѣ его чувства, мысли, переживанія настроенія не только находятся въ полной согласованности съ этой стихіей, но ею же большей частью порождаются. Изъ „общаго“ взятыя, они въ „общее“ и возвращаются. И это у Зайцева не декорація, не обычно писательское подведеніе фона подъ героя, а установленіе глубокой причинной зависимости, констатированіе невидимой, но ощутимой связи между человѣкомъ и природой, ощутимой у его героевъ тѣмъ болѣе, что всѣ они, какъ и авторъ, находятся нѣсколько вдалекѣ отъ жизни, вытолкнутые ею или намѣренно ушедшіе отъ нея. Вотъ почему у насъ всегда такое чувство, что онъ какъ будто никогда не пріобщаетъ насъ къ жизни своихъ героевъ, что мы являемся какъ бы ея зрителями, но не соучастниками. Откуда-то, изъ неизвѣстности, окутанныя слегка туманомъ, выплываютъ онѣ, его фигуры; тихо, медленно шествуя по начертанному пути, онѣ какъ будто приближаются къ намъ, на моментъ становятся яснѣе, но сейчасъ же уходятъ, также тихо медленно уплываютъ, скрываясь въ ту же неизвѣстность. И потому, что онѣ вышли изъ стихіи и такъ еще близки къ ней, онѣ не столь цѣпко-судорожно хватаются за жизнь, какъ мы, не столь энергично завоевываютъ себѣ кусокъ „счастья“ и — само собой разумѣется, — гораздо меньше страдаютъ въ жизни и гораздо легче справляются съ нашими „проклятыми“ вопросами.

Въ его твореніяхъ не отражается трагедія индивидуаціи, пришедшая къ намъ изъ Западной Европы вмѣстѣ съ культомъ личности, лежащимъ въ основѣ ея культуры.

Онъ не признаетъ нашихъ мучительныхъ антитезъ: я да міръ, я да Богъ, я да человѣчество: ему вѣдь дано начало слитности, ощущенія единства съ „общимъ“, „цѣлымъ“, съ Богомъ, и онъ ихъ разрѣшаетъ въ формѣ: я въ мірѣ, я въ человѣчествѣ, я въ Богѣ.

Можно, такимъ образомъ, прибавить, что его душа не только цѣльна но и однокачественна. Въ этомъ мы видѣли раньше силу и очарованье его твореній, но въ этомъ же и кроется причина явной ограниченности и односторонности его дарованія. Нѣжна и прекрасна его кисть, когда онъ рисуетъ намъ свои тихія, полныя трогательнаго лиризма, картины природы. Есть у него также достаточно силы и средствъ, чтобы заставить насъ вѣрить, въ его высшую правду царствующую тамъ гдѣто, на высотахъ, въ видимыхъ ему одному безбрежныхъ даляхъ и приходящую къ нему „изъ подземныхъ нѣдръ“ вмѣстѣ съ тѣми „свѣтлыми силами, которыя приливаютъ къ сердцу“. Словомъ, тамъ, въ своей сферѣ, въ „своихъ горнихъ“, онъ весьма убѣдителенъ. Но стоитъ ему коснуться индивидуальныхъ земныхъ переживаній человѣка, затронуть обычные — они же самые близкіе, самые тренетные — мотивы нашей жизни, какъ онъ уже теряетъ почву, ибо слабъ его взоръ и не любитъ онъ нашихъ цвѣтовъ, а слухъ, привыкшій всегда вникать въ „горній ангеловъ полетъ“ и дрожаніе подземныхъ силъ, едва улавливаетъ наши, быть можетъ, „скучныя пѣсни земли“.

Жизнь какъ бы мститъ ему за его постоянное пребываніе „въ горнихъ“, лишая его того разнообразія и богатства оттѣнковъ, въ которыхъ мы обычно воспринимаемъ ее и безъ которыхъ она не поддается художественному воплощенію.

Путь къ славѣ и „счастію“.

(Повѣсть И. Н. Потапенко „Привратники славы“).

„Вѣстникъ Европы“ далъ недавно, въ лѣтнихъ своихъ книжкахъ, повѣсть И. Потапенко „Привратники славы“. Въ художественномъ отношеніи повѣсть стоитъ невысоко, психологія героевъ разработана поверхностно. Это именно, что называется „лѣтняя“ беллетристика. Недаромъ критика—за исключеніемъ Э. С. въ „Вѣст. Знанія“ (сент.)—оставила новую вещь Потапенко безъ вниманія.

Однако тема, выбранная авторомъ, интересна, жизненна, и содержаніе повѣсти стоитъ того, чтобы быть отмѣченнымъ. Передъ нами здѣсь развертывается—жаль только, что въ какомъ-то туманѣ—картина тяжелой, неравной, такой обычной въ наше время (еще недавно были примѣры), борьбы молодой, талантливой, на свою бѣду красивой, артистки съ разными „привратниками славы“—директорами театровъ, режиссерами, рецензентами вліятельныхъ газетъ и проч.—за право входа въ храмъ славы. Заманчивъ, завиденъ жребій немногихъ—блистать въ лучахъ славы, но какой ужасной цѣной *многимъ* изъ этихъ *немногихъ* дается онъ!.. Въ этомъ отношеніи любопытно сопоставить повѣсть И. Потапенко съ пьесой Островскаго „Таланты и поклонники“. Островскій счелъ возможнымъ назвать свою пьесу комедіей. Положеніе современныхъ Нѣгиныхъ настолько „сложнѣе“ и трагичнѣе, что слово „комедія“ тутъ уже никакъ не вяжется, даже въ примѣненіи къ героинѣ Потапенко, хотя авторъ и кончаетъ повѣсть самымъ благополучнымъ образомъ.

У Наталіи Сергѣевны Стромиловой замѣчательный голосъ и музыкальный талантъ. Она мечтаетъ о славѣ и богатствѣ. Она уже дебютировала въ операхъ въ Петербургѣ, ей тамъ пророчили блестящую будущность, и она сама знаетъ, что если ей дадутъ возможность выступить въ крупныхъ роляхъ, то ея будущность и слава обезпечены. Но ее держатъ на третьестепенныхъ роляхъ, не пускаютъ дальше: „привратники славы“ требуютъ „платы“. Дворянская гордость и цѣломудріе дѣвушки препятствуютъ ей удовлетворить желаніе сатировъ, стоящихъ у преддверья храма славы. Въ концѣ концовъ она убѣдилась, что нужно отказаться отъ мечты о своемъ счастьи или пожертвовать своей честью. Она рѣшилась на послѣднее. Но она не хочетъ рѣшиться на этотъ шагъ, оставаясь m-lle Стромиловой. Это было бы болѣе зазорно передъ свѣтомъ, къ которому она принадлежитъ по своему рожденію. Она задумала выйти замужъ. Найти мужа ей нужно было къ осеннему сезону, когда должна была рѣшиться ея судьба. Мужъ ей нуженъ былъ такой, который предоставлялъ бы ей полную свободу и не предъявлялъ бы никакъ правъ на нее. И вотъ, въ такомъ настроеніи, она пріѣхала на лѣтніе каникулы къ брату въ имѣніе и тамъ познакомилась съ Щербатьевымъ—„ликвидаторомъ“, скромнымъ чиновникомъ министерства земледѣлія.

Щербатьевъ не думалъ о женитьбѣ. Онъ жилъ въ интимной связи съ одной дамой, нѣкоей Марьей Григорьевной, и былъ доволенъ своимъ положеніемъ холостяка. Познакомившись съ Наталіей Сергѣевной, онъ положительно былъ очарованъ ея красотою, но, какъ ему казалось, не былъ въ нее влюбленъ, а только чувствовалъ къ ней безпредѣльную преданность, причемъ эта преданность все усиливалась и усиливалась по мѣрѣ ихъ знакомства. Убѣдившись въ его преданности, Наталія Сергѣевна однажды объявила ему, что „18 іюля, самое позднее 3 августа“ она должна быть въ Петербургѣ и къ этому времени ей надо выйти замужъ. И на вопросъ Щербатьева: „гдѣ же женихъ“? она отвѣтила:

— Женихъ? Это тотъ преданный другъ, который не будетъ разспрашивать, зачѣмъ мнѣ это нужно, а удовольствуется заявленіемъ, что безъ этого я не могу сдѣлать ту карьеру, какой заслуживаю... Это тотъ человѣкъ, который способенъ, выполнивъ нѣкоторыя, впрочемъ, не особенно обременительныя, обязанности, связанныя съ званіемъ мужа, отказаться отъ всякихъ правъ и отойти въ сторону, когда его объ этомъ попросятъ... Словомъ, это человѣкъ, сознательно преданный мнѣ, безъ малѣйшихъ оговорокъ.

И когда Щербатьевъ, не задумываясь, изъявляетъ согласіе взять на себя „нѣкоторые обязанности мужа, отказываясь, отъ всякихъ правъ“, она взволнованно поясняетъ ему:

— Мнѣ это нужно,—да, да... Вѣдь я же не виновата, что все это такъ сложилось... Отецъ такъ жилъ... Мы бѣдны. И я хочу жить... О, какъ страстно я хочу жизни! Я не говорю, что безъ этого нельзя... Можно, да—но не такъ легко и не такъ вѣрно... Я не хочу рисковать... И это развяжетъ мнѣ руки... Можетъ быть, вы уже поняли?

Щербатьевъ отвѣтилъ, что онъ понялъ. И въ скоромъ времени бракъ былъ заключенъ. Щербатьевъ для соблюденія приличій взялъ отпускъ на мѣсяцъ, чтобы отвезти ее въ Петербургъ. Брату Наталіи Сергѣевны они сказали, что впослѣдствіи Щербатьевъ совсѣмъ переведется въ Петербургъ. По дорогѣ они

остановились въ Москвѣ. Въ гостинницѣ заняли два номера рядомъ; двери, отдѣляющія номера, не были закрыты. Щербатьевъ, сидя въ своемъ номерѣ, слышалъ, какъ Наталія Сергѣевна мылась, раздѣвалась, ложилась въ постель. Онъ волновался и отчасти сознавалъ, что въ немъ живетъ не одно только чувство преданности къ ней. Но сила воли брала верхъ, и онъ сдерживалъ свои чувства. Вдругъ она позвала его къ себѣ и усадила на кровати...

Дальнѣйшее выписываемъ полностью.

„— ... Если бы вы знали, мой другъ, до чего они всѣ противны, эти властители подмостковъ, вершители карьеръ... Вы думаете, что женщина, которая уступаетъ ихъ притязаніямъ, продается? Ну, да, такъ принято думать и такъ обыкновенно говорятъ. Но это не правда. Она покупаетъ. Продаются они... Продаютъ свое вліяніе, искусство, власть. А она покупаетъ. Она платитъ имъ тѣмъ, чего они ищутъ и добиваются. О, разумѣется, не всѣ; есть и порядочные люди; но, къ сожалѣнію, какъ-то выходитъ, что главное зависитъ отъ негодяевъ... Денегъ они не берутъ— они „честны“. Деньги—это взятка. Ее запрещаетъ законъ... За нее сажаютъ въ тюрьму... А если и берутъ, то съ такой миной и съ такими словами, будто дѣлаютъ этимъ честь. Но это... Это называется чувствомъ, для котораго нѣтъ законовъ... Слушайте же. Годъ тому назадъ, когда я поступила на сцену, послѣ перваго выхода моего, въ публикѣ сейчасъ же заговорили обо мнѣ. Я пѣла Маргариту... Я первый разъ была на подмосткахъ, передъ публикой, страшно волновалась, играла глупо, какъ ребенокъ; но голосъ самъ звучалъ и успѣхъ былъ большой. Сейчасъ же пришли они, каждый отдѣльно, и начали говорить слова—такія ясныя, что и ребенокъ пойметъ. Но я тогда не поняла. Ну, просто не поняла, потому что мои мысли были далеко отъ этого. Я поняла, какъ любезные комплименты—и только. И вотъ, появились рецензіи: „хорошій матеріалъ; если будетъ работать, выйдетъ что-нибудь... А пока нельзя выпускать въ отвѣтственныхъ роляхъ“... А свои—директора, режиссеры, дирижеры, всѣ эти власть имущіе пигмеи—„пустили въ ходъ свои мѣры. И вотъ мнѣ даютъ Ольгу въ „Русалкѣ“, пажа въ „Гугенотахъ“... Ахъ, да вы въ этомъ ничего не понимаете, мой другъ... Однимъ словомъ, весь сезонъ держатъ на полуроляхъ... Да, но все продолжаютъ нашептывать тихонько, въ уголкѣ, жмутъ руки, намекаютъ, называютъ роли, отъ которыхъ кровь въ голову бросается. Можете вы понять это? Представьте вы себѣ существо, въ которомъ все кипитъ и бѣшено рвется къ успѣху, къ славѣ, къ жизни. Развѣ есть что-нибудь, что пожалѣешь изъ-за этого? Добродѣтель? О, я видѣла, какъ всѣми она почтительно презирается, какъ мимо нея проходятъ съ кислой миной и какъ всѣмъ и всему она уступаетъ дорогу. Къ чорту добродѣтель, если она никому не нужна. Я видѣла артистокъ, которыя цинически, почти открыто отдавали себя всю тому, кто только хотѣлъ. И что же? Ихъ воля была закономъ на сценѣ. Для нихъ не только ставили, но и создавали произведенія. Ихъ носили на рукахъ, а публика поклонялась имъ, какъ чистымъ богинямъ... Сцена это—искусство. Искусство требуетъ таланта; покажи намъ талантъ, а до твоей добродѣтели намъ нѣтъ никакого дѣла. Добродѣтель требуется въ курятникѣ господина Чарльсона... Вы меня понимаете, мой другъ? Это немножко оправдываетъ меня въ вашихъ глазахъ?.. Немножко, немножко...

— Правда... Я становлюсь на вашу точку зрѣнія, на точку зрѣнія таланта, и понимаю васъ.

— И все-таки не жалѣете?

— Нѣтъ, радуюсь, если удастся помочь вамъ.

— Боже! Что вы за человѣкъ? Если бъ вы только знали, чего вы стоите... Но вы не понимаете еще одного: какъ они презрѣнны, какое я питаю къ нимъ отвращеніе... Нѣтъ, стойте... Идите сюда... Ближе, ближе,—я вамъ скажу это тихонько.

Она сжала мнѣ руку и притянула меня близко къ себѣ.

— Поймите же, что я лишилась бы разсудка, если бы кто-нибудь изъ нихъ былъ первымъ...

— А кто же?—вырвалось у меня.

— Кто?—и въ красивомъ полумракѣ сверкнули ея чудные зубы.—Тотъ, кто этого стоитъ, кто заслужилъ своей нечеловѣческою преданностью.

Она придвинулась ближе къ подушкѣ и, поднявшись на локтѣ, другую руку положила мнѣ на плечо.

— А развѣ вчера мы не повѣнчались? Развѣ ты мнѣ не мужъ?—тихо, ласково говорила она и прикоснулась пальцами къ моей шеѣ.

— Но...—почти безъ мысли произнесъ я, самъ не зная, что именно хочу возразить; но она и не позволила мнѣ продолжать.

— Ахъ, да... Вы отказались отъ правъ... но я возвращаю вамъ ихъ на сегодня... Да будь же безуменъ наконецъ... Слышишь?“

Они, дѣйствительно, провели тридцать шесть

безумныхъ часовъ въ Москвѣ, вели себя все время, какъ влюбленные, закончили тамъ всѣ необходимыя дѣла, посѣтили родныхъ Наташи,—теперь уже она была Наташа,—волновавшихся о томъ, что Стромилова на сценѣ, а теперь успокоившихся такъ какъ она замужемъ и мужъ не допуститъ до крайности. А въ случаѣ чего, будетъ фигурировать фамилія не Стромиловыхъ, а Щербатьевыхъ. Но счастливое московское время скоро закончилось: они пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ Щербатьевъ оставилъ Наташу одну, а самъ возвратился къ себѣ на службу.

Но возвратился совсѣмъ въ другомъ настроеніи. Онъ не хотѣлъ себѣ сознаться, хотя въ глубинѣ души и чувствовалъ, что его дѣйствіями руководила не одна преданность къ Наташѣ, а еще нѣчто другое. Онъ старался подавить въ себѣ пробудившееся чувство, но это было не легко. Приходили газеты, въ которыхъ краснорѣчиво описывались необычайные успѣхи Наташи. Ея братъ радовался этимъ успѣхамъ. Щербатьевъ тоже показывалъ видъ, что радуется, но въ душѣ терзался. Онъ зналъ, какая цѣна заплачена за каждый шагъ на сценѣ, за каждую хвалебную статью. Щербатьевъ получалъ отъ Наташи ласковыя письма, въ которыхъ она, упоминая о своихъ успѣхахъ, постоянно благодарила его за его безкорыстное великодушіе и благородство. Но въ этихъ письмахъ также постоянно сквозили невысказанныя горе и терзанія, которыя переживала Наташа, вынужденная жить и поступать противно своей натурѣ, принося жертвы ради своего таланта.

Такъ шло дѣло въ теченіе всей зимы. Но вотъ въ февралѣ мѣсяцѣ Щербатьевъ получилъ письмо отъ Наташи, въ которомъ она умоляла его пріѣхать немедленно въ Петербургъ. Онъ въ тотъ же день собрался и выѣхалъ въ Петербургъ. Онъ нашелъ Наташу похудѣвшей, поблѣднѣвшей и страшно нервной. Она встрѣтила его чрезвычайно радостно и нѣжно, сказала ему, что на дняхъ будетъ ея послѣдній спектакль, а затѣмъ ей предстоитъ поѣздка заграницу, въ Парижъ и Лондонъ, гдѣ ее ожидаетъ окончательное упроченіе славы и богатства, но что она больше не въ состояніи вести той жизни, которую вела до сихъ поръ въ Петербургѣ. Она умоляла его остаться при ней, ѣхать вмѣстѣ за границу и стать между нею и искателями ея тѣла. Она разсказала ему все, что ей пришлось пережить въ Петербургѣ...

„... И вотъ началось. О, ей не намекали, не ходили вокругъ да около. Желаніе предъявлялось прямо, въ не оставлявшей ни малѣйшаго сомнѣнія формѣ.

„Если—то... А нѣтъ—пеняйте на себя“...

Такъ просто, безъ всякихъ оговорокъ и смягченій. У васъ голосъ, у васъ талантъ, у васъ обаятельная внѣшность,—кто же въ этомъ сомнѣвается? Но, чтобы все это было замѣчено и оцѣнено, нужно, чтобы васъ выпустили въ соотвѣтствующей обстановкѣ. Безъ этого вы можете всю жизнь просидѣть въ темномъ углу съ вашимъ голосомъ и талантомъ и обаятельной внѣшностью.

Это—точка зрѣнія директора, того, съ черной крашеной бородой. О, конечно, есть и другіе, и они иначе относятся, но онъ-то какъ разъ въ театрѣ сила. Онъ можетъ сказать: поставьте такую-то оперу и пусть главную роль поетъ Стромилова,—и это будетъ исполнено. Но онъ можетъ и никогда не сказать этого.

Но, если онъ сказалъ, то выступаютъ на сцену дирижеръ, режиссеръ; у каждаго въ распоряженіи тысячи придирокъ и претензій. Она сбивается въ счетѣ, никогда не сбивалась, а вотъ тутъ вдругъ начала—она никогда не выучитъ партіи. Она расходится съ оркестромъ. Благодаря ей путается хоръ.

Это въ самомъ театрѣ. Но надо еще подготовить и расположить къ себѣ улицу. А улица въ рукахъ печати—рецензентовъ.

Все въ распоряженіи господина „Квинты“ и его товарищей. Они начнутъ за цѣлый мѣсяцъ вырабатывать общественное мнѣніе.

— „Мы слышали о поразительныхъ успѣхахъ, которые сдѣлала молодая и подающая блестящія надежды пѣвица Стромилова... Ея предстоящій выходъ обѣщаетъ тріумфъ“.

Или: „Мы уже не разъ обращали вниманіе на царящій въ нашихъ операхъ фаворитизмъ, являющійся неискоренимымъ тормазомъ въ искусствѣ... Третьестепеннымъ пѣвицамъ поручаютъ отвѣтственныя роли... Мы слышали, что господа директора оперы собираются выпустить въ такой-то роли госпожу Стромилову, которой и ничтожная роль пажа оказалась непосильной...“

Какъ хотите... У пера нѣтъ совѣсти, оно напишетъ и то и другое.

Но это для той публики, которая придетъ на первое предетавленіе. А есть еще цѣлая толпа, которая можетъ наполнить театръ сто разъ и можетъ оставить его пустымъ. Это сдѣлаютъ рецензіи... Онѣ могутъ начинаться: „наконецъ-то, мы присутствуемъ на праздникѣ русскаго музыкальнаго искусства“... или: „никогда мы еще не видѣли такого позора родного искусства“...

Выводъ ясенъ. Для женщины, которая обладаетъ всѣми данными для блестящей артистической карьеры и хочетъ во чтобы ни стало эту карьеру сдѣлать, не теряя времени и силъ, не отдавая свою судьбу въ руки случайностей, ничего другого не остается"...

Раньше это ей казалось такимъ простымъ и легкимъ но когда *оно* начало приближаться, Наталія Сергѣевна вдругъ почуствовала себя такъ, какъ будто бы ее вели на казнь. „Во мнѣ,—говоритъ она,—сидѣла какая-то бездна цѣломудрія, душевной чистоты, что ли, я не знаю, что это..."

„... И вотъ подходитъ моментъ, я почти наканунѣ его. И совершенно явственно, вотъ какъ то, что я вижу тебя предъ собой и говорю съ тобой,—я чувствую, что не могу, ну вотъ не могу органически... Это выше моихъ силъ...

При одной мысли о прикосновеніи ко мнѣ одного изъ этихъ гадовъ, я вся холодѣла, кровь останавливалась во мнѣ, какъ будто прекращалась жизнь...

Не могу, не могу... Я прячусь, откладываю выдумываю нелѣпыя отговорки и вижу: косые взгляды, какая-то заминка, задержка въ дѣлѣ. Изъ-подъ земли выростаютъ неожидаемыя случайности, изъ-за которыхъ откладывается моя репетиція... кто-то заболѣваетъ, кто-то умираетъ незамѣнимый... намеки на возможность отмѣны и самой оперы. Моей оперы, въ которой я собираюсь побѣдить міръ... Понимаешь ли: скрытый, глухой, темный закулисный шантажъ.

Почва ускользала изъ подъ моихъ ногъ. Лишиться того, что уже почти въ рукахъ? Того, къ чему рвется вся душа, безъ чего нѣтъ для меня жизни, зачеркнуть будущее, зачеркнуть себя... Милый, да развѣ можно требовать этого отъ женщины?

„И я дѣлаю страшныя нечеловѣческія усилія, я рѣшаюсь. Я иду на казнь"...

И все совершилось такъ, какъ было и съ другими, но Наташѣ это давалось не легко. Она мучилась, страдала, худѣла и сѣдѣла. У нея на головѣ въ одномъ мѣстѣ появился даже клокъ сѣдыхъ волосъ. Одно время она думала прекратить все, разсчитывая, что ее защитятъ успѣхъ и любовь публики, ломившейся на спектакль, гдѣ она участвовала, но это было не такъ легко. Ея положеніе сейчасъ же пошатнулось.

„Сейчасъ же все заколебалось. Недѣля, другая—моего имени нѣтъ на афишѣ, въ репертуарѣ готовится переворотъ, въ газетахъ нѣмое молчаніе.

Меня точно забыли.

Публика? О, ее, можно убѣдить въ чемъ угодно и, можетъ быть, уже собирались убѣждать. То тамъ, то здѣсь появились предвѣстники: два слова,—о, конечно, сочувственныхъ,—по поводу болѣзни горла нашей „симпатичной артистки". Предположеніе о передачѣ ея ролей другой, „къ глубокому сожалѣнію, конечно".

Но я слишкомъ хорошо знаю всѣ эти пріемы, чтобы пройти мимо нихъ равнодушно. Сдѣлаютъ все, что хотятъ. Бывали случаи, что и послѣ тріумфа умѣли затирать. А я ужъ не могла отказаться отъ положенія, завоеваннаго такою цѣною.

И это пошло и сдѣлалось постояннымъ, привычкой, чѣмъ-то такимъ обыкновеннымъ, какъ чашка чаю..."

Но теперь она, дѣйствительно, можетъ со всѣмъ этимъ порвать, если Щербатьевъ согласится ей помочь. Она стоитъ теперь твердой ногою на подмосткахъ славы, кончаетъ надолго съ Петербургомъ, и если мужъ будетъ ее повсюду сопровождать, то она будетъ защищена отъ преслѣдованій театральныхъ сатировъ. Она любитъ его теперь и вмѣстѣ съ нимъ ей легче будетъ отстоять себя и достигнуть того, къ чему она стремится.

Щербатьевъ въ концѣ-концовъ соглашается. И съ этой минуты все пошло иначе. Они совершили блестящую поѣздку по Европѣ, полную успѣховъ, возвратились обратно къ брату въ имѣніе съ большими деньгами, провели у него лѣто и, порвавъ съ Петербургомъ, съ которымъ связано было столько тяжелыхъ воспоминаній, отправились въ артистическую поѣздку по Америкѣ.

Такимъ образомъ, добрый авторъ, къ удовольствію читателя, уготовалъ наконецъ для своихъ героевъ,—какъ когда-то давно, въ одномъ изъ раннихъ разсказовъ, для героя и героини съ „здравыми понятіями",—жизнь, полную безмятежнаго счастія...

О такъ называемой „классовой" художественной литературѣ.

До сихъ поръ такого вопроса въ нашей литературѣ не существовало. Не существовало, какъ многіе думаютъ, потому, что рабочій классъ въ Россіи еще не достаточно оформился. Теперь, повидимому, насталъ чередъ для его постановки и теоретической разработки. Инициатива въ этомъ отношеніи принадлежитъ „По-

вому Журналу для Всѣхъ". Для начала въ сентябрьской книжкѣ журнала напечатана статья Ф. Калинина „Типъ рабочаго въ литературѣ", въ которой именно этотъ вопросъ и выдвигается на сцену.

Редакція сопровождаетъ статью Ф. Калинина такимъ примѣчаніемъ: „Эту статью, любопытную, можетъ быть, только какъ выраженіе непосредственнаго голоса изъ рабочей среды, редакція печатаетъ съ цѣлью дать возможность читателямъ журнала высказаться по поводу поднятаго здѣсь вопроса о „классовой" художественной литературѣ. Отвѣты будутъ систематизированы и болѣе яркіе изъ нихъ напечатаны. Необходимо, чтобы при отвѣтахъ было указано соціальное положеніе автора и его профессія".

Итакъ, каковы же „мысли рабочаго" о классовой художественной литературѣ?

Литературный критикъ марксистскаго направленія П. Орловской,—пишетъ авторъ указанной выше статьи,—въ объясненіе несовершенства художественныхъ произведеній, выражающихъ настроеніе пролетаріата, пишетъ: „Художественное творчество, носящее опредѣленныя классовыя черты, складывается лишь тогда, когда самъ классъ уже значительно оформился и созналъ свою самостоятельность".

Я нахожу это положеніе невѣрнымъ именно въ примѣненіи къ рабочему классу. Развѣ рабочій классъ не оформился и не созналъ свою самостоятельность? Можно ли даже ставить подобный вопросъ по отношенію къ западно-европейскому пролетаріату? И, однако, несмотря на такую высокую сознательность и рѣзкую классовую оформленность, рабочій классъ и на Западѣ своего художественнаго творчества не имѣетъ. Есть нѣкоторыя попытки въ этомъ родѣ, но онѣ показываютъ лишь зачаточное состояніе пролетарскаго искусства и имъ нельзя еще придавать вполнѣ серьезнаго значенія.

По нашему мнѣнію, уровень художественнаго творчества рабочаго класса опредѣляетъ характерная особенность выступленія его на полѣ общественной дѣятельности. Рабочій классъ въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ другихъ классовъ и группъ—и различіе это отразилось на многихъ сторонахъ рабочей идеологіи.

Различіе, о которомъ мы говоримъ, заключается въ томъ, что рабочій классъ проявилъ свою самостоятельность лишь въ *непосредственномъ дѣйствіи*, направленномъ на улучшеніе его положенія и увеличеніе его общественнаго вѣса. Идеологія же, отражавшая дѣйствія рабочаго класса и теоретически организовавшая его, создавалась для пролетаріата интеллигенціей, выходцами изъ чужого для пролетаріата класса, хотя бы и вставшими, благодаря сложнымъ соціальнымъ причинамъ, на точку зрѣнія пролетарскую.

Пока дѣло касалось политико-экономическихъ и подобныхъ вопросовъ, все шло хорошо: интеллигенція развивала идеологію рабочаго класса въ этой части вполнѣ въ духѣ пролетаріата и въ полной связи съ его развитіемъ. Однимъ словомъ, та область идеологіи, гдѣ рѣшающее слово принадлежитъ уму, является богато разработанной и поражаетъ глубиной и совершенствомъ изслѣдованій. Кто станетъ, напримѣръ, отрицать, что марксистскій методъ примѣняется во всѣхъ важнѣйшихъ областяхъ общественныхъ наукъ, что съ каждымъ днемъ онъ завоевываетъ себѣ все болѣе значительное положеніе и занялъ ужъ столь опредѣленное мѣсто въ наукѣ, что и теоретики господствующихъ классовъ не могутъ съ нимъ не считаться.

Совсѣмъ другое видимъ мы въ тѣхъ формахъ идеологіи, гдѣ рѣшающее слово принадлежитъ не уму, а *чувству*, и гдѣ дѣло идетъ объ организаціи жизни эмоціональной, непосредственныхъ душевныхъ переживаній. Эти идеологическія формы поражаютъ своею бѣдностью, если сравнить ихъ съ идеологіями перваго рода.

Явленіе это намъ кажется вполнѣ объяснимымъ.

Основой первой идеологіи являются внѣшніе факты и проявленія, которые нужно только добросовѣстно изслѣдовать и обобщать, для чего необходимо имѣть дисциплинированный умъ и мощную логику, что лучшимъ представителямъ интеллигенціи въ достаточной мѣрѣ дало воспитаніемъ. Совершенно не то въ области чувствъ, переживаній; чтобы умѣть ихъ изображать, надо пережить ихъ самому или, по крайней мѣрѣ, настолько близко стоять къ описываемому классу, чтобы непосредственно перечувствовать переживанія его представителей. Если художнику-интеллигенту приходилось изображать типы несознательныхъ рабочихъ съ примитивными переживаніями души, то они ему сравнительно удавались. Примитивная психологія въ силу своей непосредственности находится въ болѣе или менѣе полномъ соотвѣтствіи съ внѣшними поступками, которые подмѣтить не такъ трудно. Совсѣмъ не такъ легко понять сознательнаго рабочаго, какъ общественнаго борца, отражающаго стремленія растущаго класса, съ его усложненной психологіей. Кругъ опыта такого типа чрезвычайно разнообразенъ. Уже многообразіе и сложность тѣхъ общественныхъ явленій, къ которымъ онъ имѣетъ отношеніе, опредѣляютъ многообразіе и сложность его психологіи.

Настоящій художникъ почти никогда не творитъ умомъ, холодно суммируя свои наблюденія, — онъ творитъ интуиціей и въ моментъ творчества многое, далеко неосознанное умомъ, выливается въ законченные образы. Если въ своемъ внутреннемъ мірѣ художникъ не имѣетъ непосредственныхъ переживаній, которыя онъ хочетъ вложить въ изображаемый типъ, то въ моментъ творчества интуиція перестанетъ служить ему — и типъ окажется искаженнымъ въ своемъ развитіи, потому что интуиція совершенно также, какъ интеллектъ, можетъ работать лишь на основѣ опыта.

Но, быть можетъ, за организацію своей эмоціональной жизни, т.-е. художественнаго творчества, могъ бы взяться самъ рабочій классъ? Нѣтъ, онъ оказывается неспособенъ говорить въ этой области голосомъ, достойнымъ того неуклонно растущаго значенія, какой онъ пріобрѣтаетъ въ обществѣ. Чрезмѣрный трудъ своей продолжительностью и изнурительностью не даетъ ему ни времени, ни силъ мыслить и разобраться въ самомъ себѣ и окружающихъ условіяхъ. Очень характерно, что такіе рабочіе-писатели, какъ австрійскій поэтъ Петцольдъ, нѣмецкій Церфасъ, стали писателями лишь послѣ того, какъ получили профессіональное увѣчье, что заставило ихъ жить на пенсію: тутъ появилось свободное время, давшее имъ возможность стать писателями. Даже нашъ „извѣстный“ Сивачевъ сталъ писателемъ послѣ того, какъ получилъ ревматизмъ, заставившій его бросить физическій трудъ. И не характерно ли для Сивачева, что онъ именно на основаніи своего ревматизма сталъ предъявлять требованіе ва признаніе себя литераторомъ.

Если западно-европейская литература не дала сколько-нибудь законченный типъ рабочаго, то своеобразіе русскихъ условій служило еще большимъ препятствіемъ для такой законченности. Воспитаніе и сознательное отношеніе къ общественной борьбѣ рабочій Запада получилъ въ профессіональныхъ союзахъ, въ партіи, въ прямой связи со своимъ рабочимъ станкомъ. Воспринимаемое извнѣ онъ пропускалъ черезъ призму своего рабочаго опыта, производилъ отборъ,— инородное откидывалъ, а все соотвѣтствующее развивающемуся положенію класса усваивалъ.

Русскій же рабочій, въ силу особенности условій и въ силу общественной молодости, не окрѣпъ еще въ чистый классовый типъ, не успѣлъ очистить себя отъ наноснаго и чуждаго. Въ противоположность своему западному товарищу, передовой слой нашихъ рабочихъ получилъ свое воспитаніе въ значительной степени будучи оторваннымъ отъ своей среды: въ тюрьмѣ, ссылкѣ, подпольѣ. Вмѣстѣ съ положительными идеями этотъ слой рабочихъ получалъ отъ своихъ идейныхъ вдохновителей и отрицательныя качества или просто окрашивался въ ихъ цвѣтъ, ибо не вполнѣ опредѣлившееся положеніе, какъ несовершенное орудіе, не можетъ дать и совершеннаго отбора.

На пути къ законченности художественнаго выраженія, въ ряду перечисленныхъ препонъ, рабочій классъ встрѣчаетъ и такія препятствія, какъ невольное *подражаніе* тѣмъ писателямъ, которые близко къ нему стоятъ, — къ этому толкаетъ его отсутствіе художественнаго воспитанія и привычки къ творчеству. Однимъ изъ препятствій на этомъ пути является также и *тенденціозность*—подчиненіе образовъ предвзятой идеѣ. Вначалѣ идея, воспринятая умомъ, скользитъ по поверхности сознанія, не доходитъ еще до сердца, не является внутренней принадлежностью субъекта, не сливается съ чувствомъ въ одно цѣлое — и до тѣхъ поръ, пока не станетъ плотью и кровью души, выражается слишкомъ прямолинейно и примитивно. И, наоборотъ, воплощеніе въ образъ вполнѣ опредѣленной идеи, если она исходитъ изъ глубины души, не кажется уже тенденціознымъ, какъ, напримѣръ, у Толстого, у котораго идея сливается съ образомъ, является необходимой, въ интересахъ цѣльности, его принадлежностью.

Многіе изъ соціалистическихъ критиковъ придаютъ преувеличенное значеніе изображенію массовыхъ явленій. Они склонны даже утверждать, что такого рода описанія и являются специфической задачей пролетарской литературы. Намъ кажется, что такая односторонность постановки цѣлей можетъ оказаться вредной. Не отрицая важности изображенія массовыхъ явленій, приходится ограничить ихъ значеніе.

Я уже отмѣчалъ, что двѣ стороны классовой идеологіи пролетаріата — идейная и эмоціональная — развиты несоразмѣрно. Преобладаніе идеологіи теоретической и лежитъ въ основѣ упомянутыхъ критиковъ. Они просто распространили способы изслѣдованія рабочаго движенія, примѣняемые въ политико-экономической области, какъ наиболѣе привычные для нихъ, и на совершенно иную область—художественную. Въ политико-экономическихъ изслѣдованіяхъ рѣшающее значеніе имѣетъ статическій методъ, въ нихъ важны не единичные факты, а массовыя явленія, выраженныя въ колоннахъ цифръ. Отсюда недалеко было дойти до распространенія подобнаго взгляда и на художественную литературу, какъ на подчиненную.

Въ массовомъ движеніи проявленіе чувствъ всегда ограничено опредѣленными рамками и не можетъ быть изображено такъ и съ такимъ разнообразіемъ, какое позволяетъ изслѣдованіе индивидуальной души. Но и само массовое движеніе можетъ быть болѣе богато изображено опять-таки въ отображеніи его въ индивидуальной душѣ. Даже чисто техническія условія дѣлаютъ наиболѣе легкимъ отображеніе соціальной связи въ индивидуальной душѣ. Возьмите разсказъ Чехова „Злоумышленникъ". Съ какой поразительной глубиной и яркостью, непревзойденной сжатостью безъ ущерба для полноты, на двухъ съ половиной страничкахъ онъ изображаетъ двѣ культуры въ двухъ индивидуальныхъ представителяхъ. Въ лицѣ судьи встаетъ передъ вами городская капиталистическая культура, съ ярко выраженнымъ и точно опредѣленнымъ взглядомъ на собственность, что „она священна и неприкосновенна" и что всякій, нарушившій это положеніе, долженъ понести наказаніе. Въ лицѣ крестьянина выражена деревенская, отживающая культура, съ ея натуральнымъ хозяйствомъ, гдѣ общинный укладъ не даетъ точныхъ разграниченій, что мое и чужое, гдѣ и самыя эти понятія для представителей этой культуры неясны. Сталкиваясь въ лицѣ того и другого, одна культура стихійно, безъ разсужденій, ломаетъ сложившійся вѣковой обычай другой, а другая съ той же стихійностью, съ растерянностью непониманіемъ, сопротивляется.

Намъ кажется, что методъ, примѣненный здѣсь Чеховымъ, является не только равноправнымъ съ методомъ непосредственнаго описанія массъ, но имѣющимъ серьезное преимущество. Между тѣмъ, засилье политико-экономическихъ взглядовъ на задачи пролетарскаго художества можетъ поставить его въ тѣнь, къ великому ущербу для развитія пролетарской литературы.

Русская художественная литература не разъ пыталась изобразить типъ сознательнаго рабочаго, но эти попытки, если не считать произведеній М. Горькаго, были крайне неудачны.

...Интеллигентный рабочій съ жадностью обращаетъ взоры къ литературѣ, онъ можетъ найти тамъ много для себя цѣннаго, получивъ часы высокаго наслажденія, но самаго важнаго для себя онъ тамъ не найдетъ. Я говорю объ отвѣтѣ на его собственныя терзанія, о точкахъ опоры для организаціи тѣхъ бурь чувства, которыя въ немъ бушуютъ.

Вѣдь, интеллигентный рабочій выноситъ на своихъ плечахъ не только огромную задачу общественной борьбы, но и вынужденъ заново опредѣлить всѣ свои отношенія къ міру, выковать свою душу, устроить личную жизнь при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, въ соотвѣтствіи съ самымъ высокимъ идеаломъ, какой когда-либо ставилъ человѣкъ себѣ на землѣ.

Помощи въ литературѣ онъ не найдетъ, пока не выдвинутся писатели его собственнаго класса, а этого — боимся — ждать еще долго. Интеллигентъ же можетъ еще *думать* за симпатичный ему молодой классъ, но *чувствовать* за него онъ не можетъ.

Какъ использовать духовныя богатства Россіи.

(Проектъ проф. И. Х. Озерова).

Нигдѣ, кажется, ни въ одномъ государствѣ, вопросъ о матеріальномъ положеніи учащейся молодежи не является такимъ обостреннымъ, такимъ хронически-больнымъ вопросомъ, какъ въ Россіи. Сколько уже по этому злосчастному вопросу написано статей, сказано рѣчей, проведено анкетъ! Но... „возъ и нынѣ тамъ".

На совершенно новую позицію ставитъ тотъ же вопросъ извѣстный спеціалистъ въ области политической экономіи проф. Озеровъ (въ журналѣ „Вѣст. Знанія"; ст. „Въ поискахъ за талантами"), причемъ широко раздвигаетъ рамки вопроса, придавая ему общегосударственный характеръ. Послѣ тѣхъ мыслей, какія высказалъ о ненормальности установившихся отношеній между обществомъ и бѣдствующей частью студенчества М. Арцыбашевъ (см. „Бюл. Л. и Ж." № 3), авторитетное предложеніе проф. И. Озерова пріобрѣтаетъ еще большій интересъ и значеніе.

Намъ нужно, — говоритъ онъ, — разрабатывать наши колоссальныя богатства, для чего мы нуждаемся въ постройкѣ хорошихъ путей сообщенія, въ привлеченіи къ намъ капиталовъ и т. д. Но дорогамъ нечего будетъ возить, наши богатства не выйдутъ изъ нѣдръ земли, если надъ страной не будетъ раздаваться властнаго слова человѣка — творца. Намъ нужно прежде всего создать этого творца.

Мы организуемъ въ настоящее время развѣдки для отысканія богатствъ, сокрытыхъ въ нѣдрахъ земли: нужно организовать развѣдочныя работы и на талантливыхъ людей, — людей сильной воли, могучей иниціативы; ихъ-то и нѣтъ у насъ, но нужно ихъ найти...

Сколько разбросано у насъ этихъ талантовъ по обширной русской землѣ и сколько ихъ про-

падаетъ зря, безъ пользы для нашей родины,— такъ же пропадаетъ, какъ наше золото и серебро, вѣками дремлющее въ тайникахъ нашей земли.

Мы эти свои духовныя сокровища не используемъ и лишь незначительную долю ихъ мы пускаемъ въ оборотъ; при томъ нерѣдко при самой обработкѣ этихъ талантовъ — Божьихъ алмазовъ, — въ которыхъ сокрыта небесная искра, мы ихъ портимъ, такъ же портимъ, какъ неопытный ювелиръ портитъ обдѣлываемый имъ алмазъ, и этотъ, послѣдній, уменьшается тогда въ своемъ вѣсѣ.

Что бы мы сказали о будущемъ той страны, войско которой состояло бы изъ инвалидовъ?

Молодое поколѣніе — это армія, долженствующая сражаться за лучшее будущее своей страны. А какія же доблести эта армія можетъ проявить въ борьбѣ съ природой въ отвоеваніи у нея тѣхъ тайнъ, которыя она тысячелѣтіями хранитъ отъ насъ, если эта армія состоитъ изъ людей, духовно искалѣченныхъ?

Если мы хотимъ вступить на путь сильнаго, яркаго творчества, если мы хотимъ свою волю выгравировать на страницахъ исторіи, если мы хотимъ, чтобы слово наше звучало властно, намъ надо создать другого человѣка и прежде всего обратить вниманіе на тѣ лабораторіи, гдѣ сейчасъ у насъ шлифуется этотъ новый человѣкъ, — на наши школы.

Но прежде всего надо подумать о матеріальной обезпеченности.

Въ настоящее время необезпеченный матеріально учащійся вынужденъ или самъ добывать себѣ средства своимъ трудомъ или пользоваться стипендіей: ни то, ни другое не нормально. Время, проводимое въ высшей школѣ, должно быть отдано научнымъ занятіямъ. Стипендіи же, пособія имѣютъ и большія тѣневыя стороны въ моральномъ отношеніи.

Отчего не поставить этотъ вопросъ на другую почву, на созданіе полубанковаго, полустрахового учрежденія, которое бы взяло это дѣло въ свои руки, выдавая учащимся на время прохожденія ими школы ссуды, записывая эти ссуды за ними долгомъ, съ обязательствомъ возврата ихъ въ будущемъ.

Выдаются же ссуды въ настоящее время: на орошеніе пустынныхъ земель, на которыхъ до орошенія ихъ ничего не можетъ произрастать, такъ какъ имѣется въ виду, что съ проведеніемъ орошенія земли сдѣлается плодородной, и это плодородіе позволитъ вернуть затраченный капиталъ. Человѣческое предвидѣніе позволяетъ строить на этомъ расчеты.

Ну, а человѣкъ, учащійся въ школѣ, физически здоровый, обладающій извѣстными умственными способностями, должнымъ образомъ удостовѣренными, развѣ онъ не получитъ высшую цѣнность послѣ полученія высшаго образованія?

Конечно, да! Такъ же, какъ участокъ земли, когда онъ будетъ орошенъ.

Здѣсь есть извѣстный рискъ: неизвѣстно, кончитъ ли учащійся высшую школу, быть можетъ, онъ до окончанія ея умретъ, или по окончаніи высшей школы — скоро умретъ, собьется съ пути и т. д.

Но риски эти можно заранѣе учесть: вѣдь и не всякое орошеніе достигаетъ своей цѣли, а между тѣмъ, человѣческій геній даетъ возможность совершать грандіозныя хозяйственныя операціи.

Итакъ, можно было бы учащимся выдавать на время ученія извѣстныя суммы, записывать затѣмъ эти суммы за ними долгомъ въ ихъ дипломъ съ обязательствомъ, что, если гдѣ они будутъ служить, то эти учрежденія обязаны дѣлать вычеты въ опредѣленномъ размѣрѣ на погашеніе этого долга.

Можно было бы для этой цѣли кредитованія учащихся связать ихъ въ опредѣленныя группы, съ правомъ подбора своихъ членовъ и возложить, особенно на первое время, круговую отвѣтственность на нихъ за уплату ссудъ.

Я говорю о круговой отвѣтственности, потому что на первое время здѣсь трудно учесть риски, потому ли, что лицо собьется со своего жизненнаго пути или не окончитъ школы и т. д., но въ дальнѣйшемъ жизнь сама дастъ нужный матеріалъ.

Рискъ смертности можно учесть заранѣе, введя обязательное страхованіе жизни лицъ, пользующихся ссудами изъ упомянутаго учрежденія, и премія по страхованію жизни могла бы быть прямо вычитаема изъ ссужаемой суммы, лицо же могло бы страховаться или въ обыкновенномъ страховомъ учрежденіи или въ томъ же самомъ уже упомянутомъ учрежденіи.

Конкретно я представляю себѣ дѣло такъ: образуется группа изъ 50 — 100 человѣкъ, состоящая преимущественно изъ своихъ земляковъ, слѣдовательно, члены ихъ связаны между собою извѣстной общностью интересовъ; они знаютъ другъ друга, или могутъ знать, и каждый въ группѣ получаетъ ежегодно опредѣленную сумму, допустимъ, въ 400 или 500 руб. въ годъ. Изъ этой суммы вычитается премія по страхованію жизни.

Размѣръ ссуды съ надбавкой на покрытіе рисковъ на случай того, если кто въ будущемъ, вслѣдствіе неудачно сложившихся условій жизни, не въ состояніи будетъ выплатить, зачисляется долгомъ за каждымъ участникомъ, причемъ

на группы возлагается круговая отвѣтственность за всѣхъ участниковъ. Ссуды разсрачиваются на опредѣленное количество лѣтъ: допустимъ, отъ 5 до 10.

Размѣръ упомянутой надбавки на покрытіе риска отъ неуплаты кѣмъ-либо своей ссуды въ настоящее время нельзя опредѣлить, но практика дастъ въ дальнѣйшемъ необходимый для этого матеріалъ. Первоначально, когда страхованіе начинало развиваться (страхованіе ли жизни или отъ огня), также не было нужнаго цифрового матеріала, и только развивающаяся практика этихъ операцій дала нужный матеріалъ, но люди не останавливались передъ развитіемъ страховыхъ учрежденій за отсутствіемъ этого матеріала,

Возьмите хотя бы такъ называемыя „дружескія общества“ (Friendly societies) въ Англіи, страхующія своихъ членовъ отъ болѣзни, на случай смерти и т. д. Они развивали свою многостороннюю дѣятельность ощупью, и сколько разъ вслѣдствіе этого имъ въ исторіи предсказывали гибель, а между тѣмъ они достигли колоссальнаго развитія. Правда, они слѣдили за указаніями жизни и, пользуясь ими, видоизмѣняли свои цифровые расчеты.

Смѣлымъ Богъ владѣетъ!

А на первое время, чтобы эти учрежденія новаго типа, эти банковые, и страховые питомники новой Россіи, не оказались въ финансовомъ отношеніи не состоятельными, государство и общественныя учрежденія могли бы дать имъ свою финансовую гарантію такъ же, какъ они даютъ свою гарантію при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, или какъ у насъ въ настоящее время московскіе капиталисты испрашиваютъ гарантію для орошенія земель въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ: въ послѣднемъ случаѣ, вопросъ идетъ объ *оросительной миліораціи*, — почему же не дать ее для *духовной миліораціи*?

Конечно, нѣкоторыхъ узкихъ практиковъ отпугнетъ эта идея финансированія духовной миліораціи, но вѣдь закоруслыхъ умовъ всякая новая идея отпугивала. Такъ когда первоначально возникла рѣчь объ освѣщеніи улицъ въ Лондонѣ, практики, люди, „умудренные жизненнымъ опытомъ“, говорили, что это есть вмѣшательство въ божественный распорядокъ, что Богъ назначилъ, чтобы днемъ было свѣтло, а ночью — темно, и что сдѣлать чтобы ночью было свѣтло невозможно...

Въ будущемъ, когда опытъ дастъ необходимые цифровые расчеты, упомянутая гарантія явится излишней.

Въ это же учрежденіе могли бы быть обращены всѣ стипендіальные капиталы государства, земствъ, городовъ.

Въ худшемъ случаѣ, государство, земство и города, давшіе гарантію этому новому учрежденію, могутъ понести нѣкоторую потерю по уплатѣ гарантіи за первые годы, но зато они получатъ не мало лицъ, здоровыхъ физически, лицъ крѣпкихъ духомъ, сильныхъ волей, лицъ, властное слово которыхъ заставитъ выйдти изъ нѣдръ земли спящія тамъ богатства, заставитъ ихъ служить человѣку, и творческій духъ будетъ тогда витать надъ нашей страной.

Нельзя не обратить еще вниманія и на слѣдующее: группа, принявшая въ свою среду то или другое лицо, будетъ заинтересована въ томъ, чтобы это лицо, будучи въ школѣ, посвящало все свое время занятіямъ, потому, что если лицо ничего не будетъ дѣлать, а будетъ, что называется, шалопайничать, то ясное дѣло, что изъ такого субъекта ничего не выйдетъ, никогда онъ своей ссуды не заплатитъ, и, слѣдовательно, группѣ придется эту ссуду за него выплачивать.

Проектируемая мной организація сдѣлаетъ всю группу заинтересованной въ томъ, насколько цѣлесообразно всѣ участники проводятъ свои школьные годы. Это создастъ товарищескій контроль надъ занятіями, и въ то же время дастъ возможность преподавательскому персоналу требовать дѣйствительныхъ занятій у учащихся.

Въ настоящее время, къ сожалѣнію, испытанія въ высшей школѣ пріобрѣли благотворительный оттѣнокъ: у учащагося нерѣдко нѣтъ нужныхъ знаній, нѣтъ навыка работать, ничего этого онъ не пріобрѣлъ. Вы не можете признать отвѣтъ его удовлетворительнымъ, а онъ вамъ говоритъ, что онъ долженъ окончить высшую школу, такъ какъ ему нечѣмъ существовать, онъ не можетъ оставаться дольше въ школѣ. И приходится иногда ставить штемпель на гнилomъ продуктѣ, т.-е. по просту заниматься фальсификаціей: выпускать въ обращеніе товаръ съ клеймомъ „высшее образованіе“, когда его въ сущности нѣтъ.

На мой взглядъ, за такое дѣяніе преподаватели высшей школы должны подлежать уголовной отвѣтственности.

Созданіе проектируемаго учрежденія дастъ возможность къ учащимся предъявлять должныя требованія и изгонитъ изъ школы благотворительный характеръ при контролѣ познанія и научныхъ навыковъ, пріобрѣтенныхъ въ школѣ.

То, что я говорю сейчасъ, въ будущемъ можетъ быть примѣнено и къ средней школѣ.

И тогда учителя низшихъ школъ, инспекто-

ра и т. д. превратились бы у насъ въ агентовъ по отысканію талантовъ на нашей обширной родинѣ; по ихъ указаніямъ, такимъ лицамъ, хотя бы матеріально необезпеченнымъ, можно бы было открывать дорогу къ среднему, а потомъ и къ высшему образованію, и Россія загорѣлась бы, заблистала бы этими живыми алмазами — источниками живой магической силы.

Могло бы даже развиться соревнованіе въ отысканіи талантовъ на Руси, какъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время относительно отысканія золотыхъ розсыпей.

Я бы пошелъ дальше и предложилъ бы уплачивать извѣстную премію учителямъ и учительницамъ какой-нибудь сельской школы, если бы они указали учащагося у нихъ малыша, дѣйствительно, съ искрой Божьею, съ освященнымъ талантомъ, изъ котораго потомъ вышелъ бы прокъ, но это вопросъ сложный, я не могу входить въ детали по его обсужденію, да и вообще, я здѣсь даю только общую идею.

Я глубоко убѣжденъ, что эта идея не умретъ, а въ той или иной формѣ, съ тѣми или иными поправками, рано или поздно, но она будетъ осуществлена.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы организуемъ развѣдки и тратимъ крупныя средства на отысканія мертваго золота, то какъ же лучшее наше достояніе, мозгъ человѣка, мозгъ молодого поколѣнія, который разсѣянъ вокругъ насъ, мы оставляемъ не использованнымъ?

Это великое преступленіе, кричащее о нашемъ варварствѣ...

Мы въ настоящее время говоримъ о варварствѣ тѣхъ временъ, когда люди не понимали значенія хотя бы мѣди и не знали ея употребленія: такъ и будущія поколѣнія будутъ о насъ говорить, какъ о варварахъ — кичливыхъ и неумныхъ (хотя мы и гордимся своей культурой), такъ какъ мы изъ огромныхъ массъ драгоцѣнныхъ залежей человѣческаго мозга используемъ очень незначительную его долю.

А куда важнѣе золота или мѣди организовать для человѣчества поиски на таланты!

Сколько надо переработать ненужной породы, чтобы получить ничтожную долю драгоцѣннаго металла-радія. А отбирая таланты, мы найдемъ среди нихъ и геніевъ, а геніи нерѣдко открываютъ новые пути человѣчеству, и, слѣдовательно, наши труды, затраченные на отысканіе талантовъ и геніевъ, будутъ сторицею вознаграждены.

О книжномъ потопѣ и новомъ «Ноевѣ ковчегѣ».

Вотъ бы удивился почтенный Фамусовъ, если бы ему сказали, что подъ его знаменитымъ пожеланіемъ: „Ужъ коли зло пресѣчь, забрать всѣ книги бы, да сжечь“, что подъ этими словами—правда, взятыми *съ маленькой поправкой*,—готовъ подписаться обѣими руками уже не мракобѣсъ какой-нибудь, а истинный книголюбъ и другъ просвѣщенія. Только для этого фамусовскія слова надо написать такъ: „коли зло пресѣчь, забрать *девяносто девять сотыхъ* книгъ (по крайней мѣрѣ) да сжечь“...

О такомъ странномъ, на первый взглядъ, мечтателѣ-библіофилѣ очень кстати—для нашего времени, съ его книжнымъ перепроизводствомъ—вспомнилъ В. Ирецкій въ „Рѣчи“.

Передо мной,—пишетъ онъ,—лежитъ книга въ старомъ, порыжѣвшемъ переплетѣ изъ свиной кожи. Внизу на корешкѣ были когда-то выдавлены инициалы, но теперь они стерлись и исчезли навсегда. Отъ ея страницъ исходитъ пряный и тяжелый запахъ—пріятнѣйшій изъ ароматовъ для библіофила—запахъ ванили и сырости. Этой книгѣ 160 лѣтъ.

Длинное прошлое, полутуманныя видѣнія котораго рѣютъ теперь надъ ней, не исказило ея первоначальнаго вида. Оно только наложило на нее меланхолическую плѣсень времени и оставило въ ея страницахъ свои ароматы. Она все еще книга.

А вотъ на полкѣ у меня лежитъ (стоять она уже не въ силахъ) „Политическая исторія Европы“ Сеньобоса; ей всего 11 лѣтъ, и заглядывалъ я въ нее не больше трехъ разъ, а какой у нея печальный видъ! Отъ одного прикосновенія къ ней поднимается облако древесной пыли, и каждый разъ щетка прислуги, убирающей кабинетъ, уноситъ съ собой на кухню нѣсколько истертыхъ въ порошокъ конституцій...

Нѣтъ, сколько бы ни говорили о томъ, что книга раньше всего должна быть доступна,—это большое заблужденіе.

Человѣкъ, пріобрѣтающій книги, долженъ разсуждать такъ же, какъ тотъ англичанинъ, который всегда покупалъ хорошее сукно:

— Я не такъ богатъ, чтобы покупать дешевое.

Вѣдь, въ концѣ-концовъ, я долженъ пріобрѣсти новаго „Сеньобоса“: издатель его, къ сожалѣнію, никому не давалъ обѣщанія, что онъ издастъ книгу на хорошей бумагѣ (какъ

это требовалось 160 лѣтъ тому назадъ, при Людовикѣ XV).

Приблизительно въ то самое время, когда выходила лежащая передо мною книга, въ Парижѣ появился утопическій романъ, рисовавшій жизнь въ 2440 году. Автора ея, Себастьяна Мерсье, который былъ тогда извѣстенъ, какъ библіофилъ и коллекціонеръ, главнымъ образомъ, интересовалъ вопросъ о томъ, что будетъ съ нашими книгами. Онъ, оказывается, обладалъ большой прозорливостью и уловилъ какъ характеръ книгъ будущихъ поколѣній, такъ и то, что книжный потопъ неминуемъ. Недавно, напримѣръ, кто-то подмѣтилъ, что изъ каждыхъ 10 книгъ, выходящихъ въ Германіи, 9 написаны по поводу первой. Себастіанъ Мерсье это предвидѣлъ, и вотъ что онъ разсказываетъ въ своемъ романѣ, въ главѣ, посвященной описанію парижской Національной библіотеки будущаго.

Во снѣ авторъ является къ вратамъ храма литературы. Онъ готовится бродить по безконечнымъ галлереямъ и перелистывать безчисленное множество нагроможденныхъ другъ на друга книгъ—и, къ великому своему изумленію, вмѣсто великолѣпнаго дворца, онъ видитъ передъ собой скромное зданіе. Онъ входитъ, и въ центральной залѣ находитъ только пять шкафовъ, закрытыхъ рѣшетками. Въ первомъ изъ нихъ—старые греки, во второмъ—римляне, третій шкафъ носитъ гербъ Англіи и въ немъ находятся: Мильтонъ, Шекспиръ, Попъ, Юнгъ и Ричардсонъ. Четвертый шкафъ посвященъ итальянской литературѣ, а пятый—французамъ, но число ихъ не велико. Здѣсь: Декартъ, Монтэнь, Скарронъ, Фенелонъ, Корнель, Расинъ, Мольеръ и въ тощихъ изданіяхъ Вольтеръ и Руссо. Тогда Мерсье восклицаетъ: Что же стало съ тѣми тысячами писателей, милліонами книгъ, которыя были выпущены въ мое время и до него, не говоря уже о тѣхъ книгахъ, которыя должны были увидѣть свѣтъ съ XVIII столѣтія по XXV? Гдѣ многочисленныя изданія нашихъ великихъ мужей: гдѣ тѣ, которыхъ я зналъ; гдѣ тѣ, которые мнѣ неизвѣстны еще?“ И библіотекарь серьезно отвѣчаетъ: „*Въ ваше время сначала писали, потомъ думали; наши писатели слѣдуютъ противоположному принципу*—мы пожертвовали всѣми писателями, которые скрывали свои мысли подъ потокомъ словъ и ненужныхъ фразъ. Многотомныя библіотеки—торжища величайшихъ экстравагантностей и постоянныхъ повтореній. А такъ какъ дни нашей жизни ограничены, мы съ всеобщаго согласія сложили всѣ безполезныя, вредныя и фривольныя книги въ одну большую пирамиду, высокую, какъ вавилонская башня, и подожгли ее, какъ искупительную жертву за правду, здравый человѣческій смыслъ и истинный вкусъ“.

Мысли Себастьяна Мерсье, въ общемъ скептически смотрѣвшаго на вещи, основывались главнымъ образомъ, на хорошемъ мнѣніи о книгоиздателяхъ. Отсюда ихъ ошибочность.

Человѣчеству будущаго, по моему мнѣнію, — заключаетъ свою замѣтку г. Прецкій, — вовсе не придется строить изъ книгъ пирамиды, чтобѣ затѣмъ поджечь ее. Напечатанныя на бумагѣ изъ древесныхъ опилокъ книги исчезнутъ съ лица земли гораздо раньше и при томъ сами собой.

Русская мысль о смертной казни.

Приватъ-доцентъ С. И. Викторскій недавно выпустилъ книгу въ 400 стр., посвященную исторіи смертной казни въ Россіи. На основаніи данныхъ исторіи, а также положеній, высказанныхъ по этому вопросу русскою мыслью въ лицѣ ученыхъ, писателей, народныхъ представителей и многихъ другихъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что смертная жизнь въ борьбѣ съ преступностью совершенно безсильна а потому отъ нея нужно отказаться окончательно и безповоротно.

Основныя положенія, выдвигаемыя русскою мыслью противъ смертной казни, какъ это видно изъ заключительной главы разсматриваемаго труда С. И. Викторскаго, сводятся къ слѣдующему:

1) Во-первыхъ, смертная казнь не правомѣрна, ибо не соотвѣтствуетъ нашему понятію о наказаніи, такъ какъ послѣднее предполагаетъ именно продолженіе жизни, возможность исправленія, а не простое истребленіе, не смерть; сверхъ того, государство, казнящее преступниковъ, т.-е. лишающее ихъ жизни, становится въ *непримиримое противорѣчіе* съ самимъ собою, дѣлая то, что запрещаетъ гражданамъ, т.-е. отнимая жизнь, безъ всякой въ томъ необходимости, такъ какъ смертную казнь легко замѣнить, безъ малѣйшаго ущерба для обезпеченія общества, лишеніемъ свободы: государству также непозволительно прибѣгать къ убійствамъ (внѣ крайней необходимости или необходимой обороны), какъ и красть, клеветать и совершать другія неправомѣрныя дѣянія. Въ виду всего этого — смертную казнь нельзя считать явленіемъ правомѣрнымъ, ак-

томъ правосудія; это — скорѣе актъ кровожадности, мести.

2) Далѣе—смертна яказнь *не согизмѣрима и не дѣлима*: если ее и допустить, то она примѣнима только къ самому тяжкому, самому возмутительному, вопіющему преступленію, а къ остальнымъ необходимо уже примѣнять другія, меньшей жестокости наказанія; но напрасно искать такое государство, которое, вводя у себя въ употребленіе смертную казнь, ограничило бы ея примѣненіе лишь однимъ преступленіемъ. Да и какой видъ преступленій считать напреступнѣйшимъ и какое именно преступленіе изъ этого вида — направленное противъ отдѣльнаго лица, общеопасное или противъ главы государства или противъ послѣдняго?

3) Затѣмъ—смертная казнь *не отмѣнима и не вознаградима*, она — безповоротна, а судебныя ошибки вполнѣ возможны.

Судебный приговоръ, признающій подсудимаго виновнымъ и опредѣляющій извѣстное наказаніе представляетъ изъ себя выводъ, результатъ изслѣдованія, предпринимаемаго съ цѣлью раскрытія уголовно - судебной истины, ведущагося по особымъ правиламъ и особо для того заранѣе опредѣленными органами, т. - е. судьями, судами. При самомъ добросовѣстномъ отношеніи судей къ дѣлу — они могутъ ошибиться въ своемъ выводѣ. Иногда для подсудимаго такъ несчастно складываются разныя обстоятельства, что онъ, неповинный, не въ состояніи доказать свою правоту; улики желѣзнымъ кольцомъ охватываютъ его и неминуемо вызываютъ въ судьяхъ убѣжденіе въ его виновности. Исторія знаетъ даже такіе примѣры, что сами обвиняемые, будучи невинными, сознаютъ, какъ все складывается роковымъ образомъ противъ нихъ, и поэтому рѣшаются сознаться во возводимомъ на нихъ и несовершенномъ ими преступленіи, дабы этимъ сознаніемъ добиться себѣ хоть снисхожденія. Если будетъ присужденъ невинный къ какому - либо другому наказанію, даже къ тягчайшему — каторгѣ, заключенію, то у него все-таки остается жизнь, надежда дожить до окончанія срока наказанія, надежда, что его друзья, случай помогутъ когда-либо раскрыть истину, найти настоящаго преступника и тогда — его доброе имя будетъ возстановлено, а онъ, хотя и перенесшій уже часть наказанія, снова станетъ свободнымъ и полноправнымъ гражданиномъ; но — если невинный казненъ, кто возвратитъ ему жизнь и какое удручающее впечатлѣніе на общество произведетъ въ этомъ случаѣ судебная ошибка! А сколько можетъ быть такихъ ошибокъ, благодаря тому, что въ дѣло вмѣшается желаніе кого-либо свести счеты съ обвиняемымъ и лжесвидѣтельство или провокаторство, особенно при склонности правительства поощрять открытіе разныхъ политическихъ преступленій!

4) Съ *религіозной точки* зрѣнія смертная казнь также не допустима: ученіе Христа построено всецѣло на любви, всепрощеніи, а не на мести и воздаяніи зломъ за зло. Кромѣ того, всегда останутся исключающими другъ друга два слѣдующихъ явленія, сопутствующія послѣднія минуты жизни приговореннаго къ смертной казни: сперва къ нему приходитъ священникъ, чтобы простить ему, именемъ милосерднаго Бога, его худыя дѣла и всѣ вины предъ людьми, а затѣмъ къ нему, уже прощенному, приближается палачъ, чтобы казнить, т.-е. наказать отнятіемъ самаго цѣннаго блага — жизни.

5) *Народное правосознаніе* также противъ смертной казни — недаромъ въ Россіи относятся съ такимъ презрѣніемъ къ палачу, а приговоренные къ тяжкимъ наказаніямъ вызываютъ къ себѣ жалость и награждаются названіемъ „несчастненькихъ“, словно русскій народъ безсознательно для себя понимаетъ, что преступленіе, можетъ быть, и не совершилось бы, если бы были другія условія жизни. Отношеніе русскихъ къ палачу часто выливается въ форму кровавой расправы съ нимъ со стороны другихъ преступниковъ, если ихъ товарищъ по тюрьмѣ соблазнился вознагражденіемъ палача и взялъ на себя исполненіе его обязанностей; бывали случаи, что волостной сходъ постановлялъ о высылкѣ изъ общества бывшаго палача-односельчанина въ Сибирь.

6) Наконецъ — смертная казнь *не цѣлесообразна*. Устрашающаго значенія она никакого не имѣетъ. Напротивъ — она способна только развратить народъ, пріучая его смотрѣть на жизнь, какъ на нѣчто далеко не священное, особенно — если казни совершаются публично: уголовныя лѣтописи знаютъ массу случаевъ, когда преступленія совершались именно во время казни и на мѣстѣ казни, такъ какъ скопленіе тамъ людей облегчало совершеніе преступленій; для толпы же, въ свою очередь, казнь служитъ обыкновенно даровымъ зрѣлищемъ, во время и въ ожиданіи котораго раздаются грубыя шутки и болтовня; это зрѣлище только будитъ ея грубыя инстинкты, а на лица болѣе чуткія и нравственно развитыя производитъ такое сильное и удручающее впечатлѣніе, отъ котораго они иногда не могутъ отдѣлаться всю жизнь. Не надо забывать еще одной черты человѣка, особенно дѣтей: ихъ склонности къ подражанію. Во время господства казней можно было видѣть, какъ дѣти

разыгрывали всю церемонію казней, при чемъ роль осужденнаго давалась какому-нибудь животному или птицѣ, а иногда даже и товарищу, котораго и вѣшали. За что же губить этихъ будущихъ гражданъ, ожесточая ихъ нравы? Правда, въ настоящее время у насъ казнятъ уже непублично. Но вѣдь этимъ самъ законъ роспсался подъ тѣмъ, что казни — школа огрубѣнія нравовъ и средство обезцѣнить жизнь — свою и чужую. Да и все ли вредное вліяніе существованія казней этимъ уничтожено? Вѣдь о казняхъ говорятъ, пишутъ. И что же это за наказаніе, исполненіе котораго надо скрывать, и будетъ ли намъ близко такое законодательство, которое рекомендуетъ тайные пути расправы съ преступниками. Смертная казнь неизбѣжно ведетъ къ огрубѣнію нравовъ: стоило ей превратиться въ бытовое явленіе, какъ поразительно участились сообщенія нашей печати о тѣхъ пыткахъ и издѣвательствахъ, которымъ стали подвергаться заподозрѣнные въ совершеніи преступныхъ дѣяній со стороны низшихъ властей, производящихъ дознанія, и со стороны тюремнаго начальства, словно воскресло время застѣнка и инквизиціоннаго процесса.

Какое же основаніе остается для существованія казней, въ чемъ ихъ смыслъ? Единственный смыслъ въ томъ, что смертная казнь даетъ возможность навсегда избавиться отъ вреднаго для общества человѣка. Но какой это нищенски-убогій смыслъ для нашего времени. Какъ будто у государства нѣтъ другихъ средствъ для огражденія себя, для огражденія общества отъ опасныхъ элементовъ. А лишеніе свободы съ надежнымъ надзоромъ за заключенниками? Вѣдь общество платитъ на тюрьмы и тюремщиковъ, платитъ много; техника, строительное искусство стоятъ достаточно высоко, чтобъ обезопасить тюрьмы отъ побѣговъ изъ нихъ. Такъ почему же не примѣнять лишенія свободы, а надо развращать общество смертными казнями и обезцѣнивать такъ жизнь, это высшее благо?..

Изъ жизни англійскаго студенчества.

Корреспондентъ „Спб. Вѣд.“, нѣкто L. G., даетъ довольно любопытную характеристику англійской учащейся молодежи въ ея повседневной жизни. Правда, онъ пишетъ о студентахъ глазговскаго университета, но все это характерно и вообще для всѣхъ англійскихъ университетовъ. Для насъ, русскихъ, привыкшихъ къ инымъ условіямъ, къ иной обстановкѣ, сообщаемыя свѣдѣнія должны представлять особый интересъ, тѣмъ болѣе, что они относятся къ странѣ съ высокою культурою, о которой мы только еще мечтаемъ.

Англійскій студентъ,—пишетъ L. G.,—въ въ зависимости отъ своей спеціальности, занятъ отъ 2 до 6, даже семи часовъ въ день. Но работой въ университетѣ далеко не исчерпывается рабочій день студента. Во время лекціи профессоръ даетъ главную нить предмета и самые важные факты. Послѣ этого студенту по цѣлымъ часамъ приходится разрабатывать лекцію въ библіотекѣ по названнымъ профессоромъ источникамъ. Такъ съ перваго года обученія студентъ привыкаетъ къ научной работѣ: къ обращенію съ самыми разнорѣчивыми источниками и къ подбору подходящихъ фактовъ. Но вотъ студентъ покончилъ съ „уроками“. У него все еще есть нѣсколько свободныхъ часовъ. Развлеченія школьныхъ дней его не интересуютъ; жизнь въ университетѣ, бесѣды со старшими вызываютъ желаніе учиться не только изъ учебниковъ. Передъ молодымъ студентомъ встаютъ вопросы литературы, политики, искусства: это время самое трудное въ жизни студента, такъ какъ поступаетъ онъ въ университетъ далеко не такимъ „развитымъ“, какъ русская молодежь. Вотъ тогда-то большимъ подспорьемъ и являются студенческія общества: они даютъ пищу еще только пробуждающемуся уму. Въ свободные вечера студентъ идетъ въ общества, членомъ которыхъ онъ состоитъ, и, тамъ въ бесѣдѣ съ товарищами учится и развивается.

Самымъ важнымъ обществомъ при нашемъ университетѣ является „Уніонъ“. Членами его могутъ быть всѣ студенты и весь преподавательскій персоналъ университета: членскій взносъ 10 шил.—5 р. въ годъ. „Уніонъ“—сборный пунктъ для всѣхъ членовъ, помѣщается въ университетской оградѣ, такъ что во время промежутковъ между лекціями члены проводятъ время тамъ. Въ большой, комфортабельно устроенной столовой можно во всякое время дня получать чай, кофе, яйца и т. д., отъ одиннадцати до двухъ подаются обѣды, которые стоятъ сравнительно очень дешево: такъ за обѣдъ изъ трехъ блюдъ и чашки кофе, студентъ платитъ девять пенсовъ, т.-е. 36 коп. Для отдыха есть биллiардныя и курильня. Есть и читальня, и удобныя комнаты для засѣданій, и залъ для „митинговъ парламента“, который иногда превращается въ бальный.

„Уніонъ"—большая гостиная для всѣхъ членовъ: тамъ бываютъ пріемы, балы, обѣды, ужины разныхъ студенческихъ обществъ, тамъ засѣданія и дебаты.

Въ „Уніонѣ" можно дешево и сытно пообѣдать, выкурить трубку, даже задремать.

„Уніонъ" четыре раза въ году (по числу политическихъ партій) устраиваетъ парламентскія пренія. Залъ устроенъ по плану парламента. Въ одномъ концѣ его на особомъ креслѣ сидитъ „спикеръ". Передъ нимъ и по обѣ стороны его—регаліи университета. Приблизительно по срединѣ зала длинный столъ; за нимъ по правую руку „спикера" сидятъ министры, а за ними члены правительства; напротивъ, налѣво, сидятъ виднѣйшіе члены оппозиціи...

Вносится билль: члены правительства защищаютъ его, оппозиція отвергаетъ.

Студенты какъ будто забыли, что они—только студенты: они говорятъ съ достоинствомъ, даже со всѣми формальностями настоящихъ парламентаріевъ: они терпѣливо выслушиваютъ мнѣнія противниковъ. Нѣкоторые говорятъ спокойно и увѣренно, разбивая въ пухъ и прахъ доводы противниковъ. Другіе, наоборотъ, увлекаютъ всѣхъ своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ.

Потомъ начинаются запросы: они касаются всѣхъ мелочей внѣшней и внутренней политики Англіи. Для того, чтобы отвѣтить на нихъ, „министры" должны быть не только хорошо освѣдомленными, но также очень находчивыми и въ точности знать характеристики общественныхъ дѣятелей, мнѣнія которыхъ они выражаютъ. Но и запросы не всегда серьезны: такъ, напримѣръ, у министра иностранныхъ дѣлъ - студентки — спросили: „Извѣстно ли почтенному депутату о послѣднемъ выступленіи суффражетокъ въ Патагоніи?"

За этимъ слѣдуетъ подсчетъ голосовъ по парламентскому методу; всѣ ожидаютъ, волнуются, обсуждаютъ пренія. Наконецъ, звонокъ—и объявленіе результатовъ. При торжествующихъ крикахъ побѣдителей всѣ расходятся...

Такъ съ юныхъ лѣтъ Англія подготовляетъ парламентаріевъ.

Въ то же время не забыта и благотворительность: молодежь и въ этомъ отношеніи готовится къ будущей общественной дѣятельности. Среди многочисленныхъ студенческихъ обществъ рельефно выдѣляются „Students' Settlement", который поставилъ себѣ задачей культурную работу среди городской нищеты. Каждый студентъ членъ settlement'а имѣетъ своихъ „знакомыхъ" семействъ 5—6 въ самой бѣдной, грязной части города: съ этими знакомыми онъ находится въ чисто дружественныхъ отношеніяхъ, онъ помогаетъ совѣтомъ, старается бесѣдами поднять уровень ихъ умственнаго развитія.

Въ зданіи settlement'а, въ которомъ живутъ отъ 12—16 студентовъ,—каждый вечеръ бываетъ какое-нибудь собраніе. Тутъ и „клубъ матерей", гдѣ бѣднымъ читаются лекціи по гигіенѣ, уходу за дѣтьми, и хозяйственной части,—и „клубъ дѣвушекъ", члены котораго — работницы на фабрикахъ — собираются, вышиваютъ, шьютъ, поютъ и читаютъ. Есть и „парламентъ" для мужчинъ, по подобіе настоящаго парламента, въ которомъ обсуждаются вопросы текущей политики. Интересно отмѣтить, что правленія и комитеты этихъ клубовъ состоятъ почти исключительно изъ членовъ клубовъ—безъ участія въ нихъ студентовъ, которые призываются къ руководству въ исключительныхъ случаяхъ. Установленная settlement'омъ сберегательная касса насчитываетъ много вкладчиковъ; юридическіе совѣты даются безплатно молодыми адвокатами, бывшими студентами-членами.

Settlement, пользующійся большимъ уваженіемъ среди бѣднаго населенія, играетъ огромную воспитательную роль и приноситъ большое нравственное удовлетвореніе студентамъ и значительную пользу обездоленнымъ друзьямъ.

При всемъ своемъ серьезномъ отношеніи къ университетской жизни, англійскій студентъ любитъ повеселиться. Веселье его совсѣмъ безобидное, прямо-таки ребяческое. А университетское начальство ничего не имѣетъ противъ шалостей студентовъ—даже относится къ нимъ съ благоволеніемъ: часто студенты встрѣчаютъ опоздавшаго товарища криками „ку-куреку", профессоръ, улыбаясь, прерываетъ лекцію и продолжаетъ ее, когда улягутся страсти. Университетскіе акты являются временемъ, когда студенты могутъ разгуляться въ волю: изъ цѣлой части актового зала вынесены стулья, и свободное мѣсто является ареной студенческихъ шалостей. Представьте себѣ такую сцену: въ актовомъ залѣ происходитъ торжественная раздача степеней: за маленькимъ столомъ полукругомъ сидятъ въ своихъ черныхъ тогахъ деканы факультетовъ. Вдругъ столикъ покачивается и потомъ медленно и плавно отправляется внизъ по залѣ, при аплодисментахъ расшалившейся молодежи. Это нѣсколько студентовъ потянули за одинъ конецъ длинный половикъ, на которомъ стоялъ столикъ. Однажды, во время той же церемоніи раздачи степеней одна барышня пришла не-

обыкновенно поздно. Всѣ невольно обратили на нее вниманіе: хорошенькая, красиво одѣтая, она была типичной барышней лучшаго общества. Студенты разступились, давая ей дорогу. Но она быстро опустилась на колѣни и начала писать на полу „Право голоса для...“ Студентки-суффражетки были въ восторгѣ... какая смѣлость нужна для того, чтобы пропагандировать даже при такихъ обстоятельствахъ!

Но студенты уже кинулись на юную суффражетку, обступили ее со всѣхъ сторонъ: начали тащить ее по залу, толкать... Студентки, да и вся публика окаменѣли отъ возмущенія и удивленія: какъ-то ужъ слишкомъ невозможнымъ казалось это обращеніе джентльменовъ-студентовъ съ барышней. Вдругъ суффражетку подняли и начали качать. Тогда ошеломленные присутствующіе увидѣли очень изящную свѣтлосѣрую пару и сапоги совсѣмъ не „дамскаго“ фасона. Это студентъ-богословъ переодѣлся въ платье сестры и пошелъ въ такомъ видѣ „людей видати, себи казати“.

Иногда во время этой церемоніи раздаются торжественные, величественные звуки гимна, исполненнаго хоромъ студентовъ. Мамаши, пришедшія порадоваться на своихъ дѣтей, попадающихъ въ университетъ, благоговѣйно встаютъ, но если прислушаться къ словамъ гимна, то онъ исполненъ печали и жалобъ: „We'oe had no beer“ („Мы не имѣли пива, уже давно мы не имѣли пива“).

Нечего говорить, что студентки не принимаютъ активнаго участія во всѣхъ этихъ происшествіяхъ, а являются лишь благодарной публикой, которая впрочемъ дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы не выказать свое великое удовольствіе и сохранить свой декорумъ.

Зимою прошлаго года лордъ Кэрзонъ посѣтилъ глазговскій университетъ, почетнымъ лордомъ-ректоромъ котораго онъ состоялъ. Совѣтъ старшинъ рѣшилъ встрѣтить его традиціоннымъ факельнымъ шествіемъ, въ которомъ могли участвовать студенты (не студентки) только въ костюмахъ. Въ пять часовъ вечера сотни ряженыхъ, съ оркестромъ во главѣ вышли изъ университетской ограды, гдѣ ихъ осматривали профессора и студентки, и двинулись по главнымъ улицамъ къ вокзалу. Костюмы были самые разнообразные: балерина въ облакахъ бѣлаго газа, и крестьянинъ, и негръ, единственнымъ одѣяніемъ котораго былъ браслетъ, индѣйцы, матросы, полисмэны, сестры милосердія, няни съ дѣтьми на рукахъ, барышни въ большихъ шляпкахъ и узкихъ юбкахъ—всѣхъ ихъ не перечесть.

Вотъ всѣ собрались у вокзала. Поѣздъ прибылъ, и немедленно всѣ факелы были зажжены...

Лордъ Кэрзонъ въ сопровожденіи депутаціи прошелъ къ каретѣ при восторженныхъ крикахъ молодежи: хорошенькая балерина тоже заняла мѣсто въ каретѣ лорда Кэрзона, который такъ и проѣхалъ по всему городу въ близкомъ съ „ней“ сосѣдствѣ. Ряженые къ этому времени совсѣмъ расшалились и шутили съ толпами любопытныхъ, стоявшихъ по обѣ стороны улицъ. Такъ огромная „няня“ съ ребенкомъ на одной рукѣ и пылающимъ факеломъ въ другой, подошла къ дюжему блюстителю порядка, обняла его и поцѣловала, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться. Когда шествіе вернулось къ университету изъ факеловъ былъ сложенъ костеръ. Лордъ Кэрзонъ съ балкона произнесъ рѣчь, прослушанную въ молчаніи, только изрѣдка прерванной аплодисментами. Послѣ этой рѣчи молодежь спѣла нѣсколько студенческихъ пѣсенъ; за пѣснями послѣдовали дикіе танцы вокругъ костра, въ которыхъ приняли участіе не только студентки и студенты, но и профессора.

Когда огонь началъ догорать, студенты выломали одну изъ боковыхъ дверей университета, вынесли нѣсколько скамей изъ аудиторіи, сломали ихъ и употребили для поддерживанія огня. Разумѣется, всѣ убытки, причиненные безчинствомъ студентовъ, были покрыты изъ суммъ совѣта старшинъ—Students, Representation Council.

Совѣтъ старшинъ избирается студентами. Онъ является посредникомъ между профессорами и студентами: имъ издается студенческій журналъ, составляется списокъ квартиръ для студентовъ и обсуждаются и вносятся въ совѣтъ университета предложенія о разныхъ улучшеніяхъ, касающихся студенческаго быта и университетскаго обученія.

Отзывы о книгахъ.

125. **Минцловъ, С. Р.** 016:9(47)

Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. I (Новгородъ, 1911 г.). Ц. 2 р. Вып. II, III (1912 г.). Ц. 2 р.

Вотъ книга, за которую каждый интересующійся русской исторіей принесетъ горячую благодарность составителю. Эта книга незамѣнима, какъ справочное пособіе, тѣмъ болѣе, что составлена она съ большой тщательностью. Составитель продѣлалъ огромную библіографическую работу, включивъ въ первый выпускъ своего обзора русскую исторію до XIX в.; второй выпускъ захватываетъ эпохи Александра I и Николая I, выпуски IV и V охватятъ послѣдующее время. Авторъ самъ сознаетъ, что задуманный имъ „громадный трудъ“ „въ полномъ объемѣ для одного человѣка невыполнимъ“, что онъ могъ выполнить „развѣ половину намѣченнаго“ и что трудъ его выпускается въ „черновомъ видѣ“. Конечно, въ значительной степени это такъ. Но и то, что мы имѣемъ, даетъ много. Существенныхъ пробѣловъ при бѣгломъ просмотрѣ замѣчаешь очень немного. Встрѣчаются и вѣкоторыя опечатки, столь досадныя (но неизбѣжныя) въ справочныхъ изданіяхъ. Слѣдуетъ пожелать чтобы составитель, продолжая свою работу, не только исправлялъ и дополнялъ свой „обзоръ“, но и занялся бы составленіемъ аналогичнаго обзора записокъ, дневниковъ, и воспоминаній о Россіи, вышедшихъ на иностранныхъ языкахъ. Въ этомъ, пожалуй, чувствуется немепьшая потребность. (*С. М. „Рус. Вѣд. 1912—194*).

Цѣннымъ вкладомъ въ нашу бѣдную библіографическую литературу нужно признать работу г. Минцлова... Эта, въ высшей степени кропотливая, работа выполнена г. М. съ большой любовью... Пропуски не умоляютъ достоинства этого цѣннаго труда“. (*А. Ф — къ „Соврем.“ 1912—5*).

Обзоръ М. служитъ превосходнымъ путеводителемъ по запущенному лѣсу нашей исторической литературы... Издана книга очень хорошо. (*П. Б. „Нов. Журн. для Вс.“ 1912—7*).

Желаемъ успѣха этому въ высшей степени полезному изданію. (*М. Чуносовъ. „Бирж. Вѣд.“ 1912 — 13088*).

126. **Леонтьевъ, К.** 081

Собраніе сочиненій. Изд. В. Саблина, М., 1912. Ц. 1 р. 75 к.

Герой прискорбнаго, до сихъ поръ не распутаннаго историческаго недоразумѣнія, связавшаго дѣло беззавѣтнаго романтика-анархиста съ грязнымъ и продажнымъ лагеремъ правыхъ и этимъ самымъ удалившаго его на многіе годы съ поля зрѣнія русскаго читателя,—К. Леонтьевъ начинаетъ все болѣе и болѣе привлекать вниманіе. И въ добрый часъ! Теперь-то, быть можетъ, выявится своеобразный и привлекательный ликъ этого страннаго человѣка и писателя. Рѣшающее слово о Леонтьевѣ еще не сказано, хотя о немъ писали Милюковъ, Вл. Соловьевъ, Розановъ, С. Трубецкой, Н. Бердяевъ; изученіе его едва только начинается; но и тому, кто хоть и немного знаетъ Леонтьева, вѣрится, что есть нѣкая высшая гармонія, примиряющая мучительныя противорѣчія этого „пестрпимо-сложнаго“ ума и характера, что есть пророческая правда въ его историческихъ предвидѣніяхъ... Первое полное изданіе его произведеній, предпринятое въ Москвѣ, познакомитъ массоваго читателя съ богатымъ міромъ Леонтьевскаго творчества; мысль Леонтьева, раньше интересовавшая небольшой, но разношерстный по политическимъ взглядамъ и симпатіямъ кружокъ, станетъ общественнымъ достояніемъ. Л. вполнѣ этого стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ — и какъ основоположникъ оригинальной исторической концепціи, и какъ критикъ эстетъ, и какъ публицистъ, и какъ одинъ изъ талантливѣйшихъ художниковъ слова. Издатель хорошо дѣлаетъ, что начинаетъ изданіе съ беллетристическихъ вещей Л. Эта часть его литературнаго наслѣдія, самая популярная, привлечетъ къ Л. вниманіе широкой публики. Въ особенности хорошъ его эпосъ, его разсказы изъ жизни христіанъ въ Турціи, написанные, если не считать немногихъ, слишкомъ явныхъ и потому самому „невредящихъ“ тенденціозныхъ мѣстъ, съ изумительной объективностью. Кто любитъ разсказъ, кто цѣнитъ чуждое морализма и всякаго иного мудрствованія простое и ясное повѣствованіе о дѣлахъ и людяхъ, тотъ не можетъ не плѣниться прелестью эпоса, этого плавнаго, баюкающаго, вкуснаго и сладкаго разсказыванія. Недаромъ такъ упивались разсказами Л. Толстой, Иванъ Аксаковъ. Эпосомъ Леонтьевъ-беллетристъ не исчерпывается. Въ его романахъ изъ русской жизни, менѣе удачныхъ, есть широкія картины общества 50 — 60 гг. Лучшая же и самая глубокая изъ его художественныхъ вещей—повѣсть „Ай-Бурунъ“ („Исповѣдь мужа“), въ которой онъ съ простотой истинно-русскаго духа, гуманностью и смѣлостью, до которой далеко не только Чернышевскому, но и самому автору „Живого трупа“, поставилъ и рѣшилъ вопросъ о положеніи честной замужней женщины, которая любитъ другого, но не уважаетъ, и не хочетъ оскорбить и опозорить мужа... Отъ распространенія сочиненій Леонтьева можно ждать только добра. Не надо лишь пугаться его „страшныхъ словъ“: его крайности — крайности честнаго и страстнаго, ищущаго истину ума, который многое передумалъ до конца и другихъ заставляетъ небезплодно задумываться о началахъ и концахъ... Итти за Л. некуда, онъ самъ растерялся на своемъ трагически-извилистомъ пути, но въ общеніи съ этимъ глубокимъ, могучимъ, вполнѣ критическимъ умомъ всякій мыслящій умъ получаетъ драгоцѣнные духовные импульсы и подчасъ высокія наслажденія. (*П. Лернеръ. „Нов. Ж.“ 1912—6*).

Напрасно Леонтьевъ съ такой горечью жало-

вался на „fatum“, тяготѣвшій надъ его жизнью и судьбой... Ибо его „fatum“ тяготѣлъ надъ нимъ для насъ и ради насъ!

Вчитываясь и вдумываясь въ страницы сочиненій Л., наконецъ-то развернувшіяся передъ нами, мы съ какой-то торжественностью въ душѣ постигаемъ, что именно сейчасъ, именно въ настоящее время, надлежало совершиться этому радостному и показательному факту. Несомнѣнно, что въ наше время Леонтьевъ можетъ быть болѣе полно открытъ, болѣе всесторонне освѣщенъ, нежели раньше,—при жизни его. Современный разбродъ русскихъ мыслящихъ людей характеренъ въ томъ отношеніи, что онъ можетъ быть учтенъ (и для этого есть серьезныя основанія), какъ показатель высвобожденія самобытныхъ тенденцій русской натуры и ума. На пути этого высвобожденія вдругъ всталъ Л.: перескочить черезъ него для насъ органически невозможно, тогда какъ раньше просто проходили мимо, не замѣчая и не желая замѣтить.

Конечно, мы не найдемъ у Л. детальной разработки и научной обоснованности какой-либо философской проблемы. Но, во-первыхъ, развѣ этимъ исчерпывается суть философіи? Развѣ оригинальность и самобытность мысли потеряли въ ней всякій вѣсъ? А во-вторыхъ, развѣ заболѣваніе хроническимъ многословіемъ, характеризующее столь многихъ философовъ, такъ ужъ обязательно и неоспоримо?

Фактъ остается фактомъ: Л. силой интуитивнаго прозрѣнія предвосхитилъ то знаменательное теченіе философской мысли, которое въ наше время имѣетъ своихъ логическихъ выразителей въ лицѣ Г. Зиммеля, А. Бергсона и др. Л. всей силой своего сокрушительнаго пафоса возсталъ противъ грознаго явленія, угрожающаго всѣмъ и каждому: человѣкъ задыхается въ зараженной и крайне наэлектризованной атмосферѣ современной цивилизаціи. Два голоса; попеременно звучатъ со страницъ его вышеуказаннаго сочиненія. „Нужно положить конецъ этому невольному и гибельному возстанію человѣка на самого себя!“—говоритъ онъ,—но тутъ же съ устъ его невольно срывается слово убійственнаго сомнѣнія: *не поздно ли?!*“.

Въ работахъ Л., совершенство жизни измѣряется степенью ея „гармоничности“, ея эстетической выкристализованности, а ея современное убожество объясняется своеобразнымъ, повальнымъ перерожденіемъ подлинныхъ людей въ „средняго европейца“. Какъ крайній эстетъ, Л. именно съ этой точки зрѣнія рѣшаетъ всѣ историческія, религіозныя, экономическія и политическія проблемы. До конца жизни Л. оставался эстетомъ по натурѣ. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ многія страницы шестого тома его сочиненій. „Эстетическое мѣрило самое вѣрное, ибо оно единственное общее и ко всѣмъ обществамъ, ко всѣмъ религіямъ, ко всѣмъ эпохамъ приложимое. Что полезно всѣмъ—мы не знаемъ и никогда не узнаемъ. Что у всѣхъ прекрасно, изящно, или высоко — пора бы обучиться“. (*О. Куклярскій. „Нов. Вр.“ 1912—13136*).

127. Кассиреръ, Э. 111

Познаніе и дѣйствительность. Понятіе о субстанціи и понятіе о функціи. Библ-ка соврем. философіи. Вып. VIII. Перев. Б. Столпнера и П. Юшкевича. Изд. „Шиповникъ“. СПБ., 1912. Стр. 454. Ц. 3 руб.

Кассиреръ — еще сравнительно молодой, но весьма плодовитый представитель такъ называемой марбургской или когеновской школы трансцендентальнаго идеализма. Теорія математики и математическаго естествознанія есть вообще самая сильная сторона ученія марбургской школы — область, въ которой эта школа дѣйствительно много дала и въ которой она значительно повысила уровень обсужденія вопросовъ; во всякомъ случаѣ, послѣ ея работы ни одинъ мыслящій изслѣдователь уже не удовлетворится плоскими, нынѣ уже банальными идеями махизма и позитивизма. Кассиреръ сводитъ ученіе своей школы къ простой и практически удобной формулѣ—къ замѣнѣ идущаго отъ Аристотеля субстанціональнаго понятія понятіемъ функціи, и показываетъ, какъ съ развитіемъ научнаго знанія послѣднее понятіе постепенно вытѣсняетъ первое. Съ другой стороны, эта краткая формула яснѣе всего обнаруживаетъ также и односторонность этой гносеологіи; сведеніе всей системы знанія на знаніе о функціяхъ или отношеніяхъ, причемъ самостоятельное значеніе терминовъ или членовъ отношенія какъ будто совершенно испаряется, неизбѣжно приводитъ, при строгомъ и добросовѣстномъ анализѣ, къ безвыходнымъ трудностямъ. Здѣсь открывается основной дефектъ этого современнаго раціонализма — несостоятельность его мечты построить все зданіе (естественно-научное и философское) по образцу чистой математики. Плодотворно преодолѣвъ своего учителя Канта во многихъ другихъ отношеніяхъ, марбургская школа въ этомъ смыслѣ есть все же шагъ назадъ отъ Канта къ докантовскому, лейбниціанскому раціонализму (и отчасти — къ послѣ кантовскому панлогизму).

Несмотря на эту односторонность, книга К. принадлежитъ къ числу тѣхъ серьезныхъ работъ, которыя и своими отрицательными сторонами будятъ мысль. Богатство матеріала дѣлаетъ ее полезной и для общей ориентировки въ современномъ состояніи точныхъ наукъ. Подобно другимъ трудамъ этой школы, она служитъ посредникомъ между философскимъ и спеціально-научнымъ образованіемъ и въ этомъ отношеніи имѣетъ и общее культурное значеніе. (*С. Франкъ. „Рус. М.“ 1912—9*).

Въ предисловіи К. говоритъ, что занятія по философіи математики толкнули его на путь новаго анализа самихъ принциповъ образованія понятій. И онъ задался цѣлью, во-первыхъ, изслѣдовать, какъ образуются понятія вообще, какъ возникаютъ понятія о числахъ и о пространствѣ, какъ слагаются понятія въ естествознаніи, а, во-вторыхъ, изложить систему понятій объ отношеніяхъ и проблему дѣйствительности.

Какъ же осуществляетъ свою задачу авторъ? Вмѣсто сжатаго, яснаго очерка по данному вопросу, читатель находитъ безконечныя схоластическія упражненія на указанныя темы. Изложеніе безцвѣтное, тягучее, монотонное, такъ что читатель, сплошь и рядомъ, недоумѣваетъ, что собственно хочетъ сказать авторъ. Какъ мелкій осенній дождикъ, зарядившій на весь день, такъ К. сыплетъ и сыплетъ фразами, вниманіе читателя утомляется, и его неудержимо клонитъ къ

дремотѣ. Трактатъ К. несомнѣнно, принесетъ пользу лицамъ, страдающимъ безсонницей. (*І. Лукашевичъ „Совр. М.“. 1912—9*).

К. противъ логики родового понятія (образованнаго по способу вычитанія частныхъ признаковъ) выдвигаетъ логику математическаго понятія о функціи, охватывающей всѣ отдѣльные случаи, къ которымъ она можетъ быть примѣнима. Обоснованію этого, богатаго послѣдствіями, положенію и примѣненію его къ различнымъ областямъ знанія посвящена книга К.—одно изъ интереснѣйшихъ сочиненій по чистой логикѣ. Несмотря на трудность и отвлеченность вопроса, изложеніе автора отличается большой ясностью и точностью. Переводъ превосходенъ. (*Вал. Лѣс. „Нов. Ж.“. 1912—7*).

128. **Новомбергскій, Н.** 323(47)„...:1649“

Слово и дѣло государевы. (Процессы до изд. Улож. Алексѣя Михайловича 1649 г.) Т. I. М. 1911. Стр. 10+593+14. Ц. 3 р.

Книга г. Новомбергскаго представляетъ собою сборникъ архивныхъ матеріаловъ, воспроизводящихъ политическіе процессы старой Москвы. Г. Новомбергскій извлекъ изъ хранящихся въ московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи столбцовъ Разряднаго приказа и включилъ въ свою книгу 327 „государевыхъ дѣлъ“ и отдѣльныхъ документовъ но такимъ дѣламъ, относящимся къ царствованіямъ Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича. По содержанію своему эти дѣла и документы довольно однообразны. Среди нихъ почти отсутствуютъ болѣе важные политическіе процессы старой Москвы—дѣла объ „измѣнѣ“—и подавляющее большинство ихъ составляютъ сравнительно мелкія дѣла о „непригожихъ“, „неподобныхъ“, „непристойныхъ, невѣжливыхъ словахъ“ по адресу государя и его ближайшихъ родственниковъ, дѣла, которыя можно было бы, пожалуй, употребляя съ нѣкоторой натяжкой терминологію болѣе поздняго времени, назвать дѣлами объ оскорбленіи Величества. Но и эти сравнительно мелкія дѣла въ массѣ своей представляютъ большой интересъ, ярко и отчетливо рисуя и настроеніе московской власти въ первой половинѣ XVII вѣка, и порядки политическаго процесса этой эпохи, и бытовую обстановку жителей Московскаго государства. (*„Рус. Бог.“ 1912—6.*)

Такъ какъ во время пытокъ, сопровождавшихъ „слово и дѣло“, большею частью раскрывалась душа русскаго человѣка, то сборникъ проф. Новомбергскаго даетъ чрезвычайно цѣнные матеріалы для сужденія о психологическомъ настроеніи нѣкоторой части русскаго общества въ первой половинѣ XVII столѣтія. Жаль, что въ книгѣ г. Новомбергскаго, полной личныхъ и географическихъ названій, нѣтъ указателей: въ такомъ архивномъ изданіи они необходимы. (*И. С. В. „Ист. Вѣст.“ 1-12—7.*)

129. **Зомбартъ, В.** 323.1(×92.4)

Крещеніе евреевъ. Пер. съ нѣм. М. 1912. Ц. 85 к.

Зомбартъ—не авторъ, а лишь собиратель, интервьюеръ этой интересной книжки. Она представляетъ собою сборникъ отвѣтовъ на анкету по еврейскому вопросу, организованную проф. Зомбартомъ и журналистомъ Лансбереромъ. Въ анкетѣ приняли участіе очень многія нѣмецкія знаменитости. Тутъ и политики, и ученые, и художники, и драматурги. Резюмировать общій характеръ отвѣтовъ очень трудно—они до чрезвычайности пестры и разнообразны. Это и неудивительно, если принять во вниманіе, что въ анкетѣ на ряду съ еврейскими раввинами участвуютъ нѣмецкіе націоналисты. Но и нѣмецкіе націоналисты, заявляя о своемъ „германскомъ“ націонализмѣ, подчеркивая отрицательныя стороны еврейства, слишкомъ культурны и добросовѣстны, чтобы договариваться до чего-либо схожаго съ плотоядными завываніями по еврейскому вопросу нашихъ россійскихъ ломовыхъ націоналистовъ. Въ виду остраго интереса къ еврейскому вопросу въ Россіи, книжка, составленная В. Зомбартомъ, прочтется съ большою пользою и интересомъ. Большимъ и досаднымъ ея пробѣломъ является отсутствіе отзывовъ вожаковъ нѣмецкой соц.-дем. Ихъ почему-то авторы анкеты обошли своимъ вниманіемъ. (*И. Б. „Нов. Журн. для Вс.“ 1912—8*).

Мы очень рекомендуемъ читателямъ ознакомиться съ рецензируемой книжкой. Она великолѣпно изображаетъ одну немаловажную деталь буржуазнаго міросозерцанія, она, кромѣ того вводитъ его въ область еврейскаго вопроса, который пасторъ Науманъ недаромъ называетъ однимъ изъ интереснѣйшихъ въ міровой исторіи“. Переводъ книжки мѣстами неудержимо хромаетъ, внѣшность изданія и заголовка не лишены чисто рыночныхъ замашекъ, а предисловіе д-ра С. Вермеля и послѣсловіе раввина Я. Мазэ совершенно не использовали заключающійся въ анкетѣ богатый матеріалъ для выводовъ и размышленій. (*Ст. Ивановичъ. „Совр. М.“ 1921—9*).

130. **Коллонтай, А.** 331(4—15)

„По рабочей Европѣ“. Силуэты и эскизы. СПб. 1912. Изд. И. Семенова. Стр. 311. Ц. 1 р. 35 к.

Въ качествѣ приглашаемаго партійными организаціями лектора—г-жа Коллонтай объѣхала рядъ мѣстностей Европы. Много видѣла, много сумѣла увидѣть во время своихъ поѣздокъ, а въ результатѣ живая, интересная и полезная книга.

Книгу писала женщина. И это сказалось не только въ лирическомъ часто характерѣ изложенія, но и въ особомъ вниманіи къ женскому вопросу и женской долѣ. Страницы о женщинѣ и о женскомъ, пожалуй, лучшія въ книгѣ. Авторъ ничего не подчеркиваетъ и не навязываетъ, даже не дѣлаетъ своихъ выводовъ. „Вотъ что я видѣла и слышала, какъ будто говоритъ авторъ, а вы уже сами подумайте“... И, дѣйствительно, невольно встаютъ вопросы и требуютъ разрѣшенія. Найти рѣшеніе не легко; но моральная невозможность, отталкивающая неприглядность теперешняго положенія женщины и отношенія къ ней мужчины, даже сознательнаго, даже „соціалистическаго“ совершенно очевидны... Нельзя не пожелать, чтобы книга нашла широкіе круги читателей; она обладаетъ для этого необходимыми достоинствами. (*В. В—ій. „Совр. М.“ 1912—6*).

Эти живо написанныя впечатлѣнія видѣннаго и слышаннаго русской дамой пригодны не только для занимательнаго чтенія; они имѣютъ и болѣе серьезныя причины. Г-жа К. знакомитъ своихъ читателей въ конкретныхъ образахъ съ тѣми явленіями и отношеніями, которыя предста-

пляются намъ съ самой общей, чтобы не сказать отвлеченной формы... Очерки представляютъ тѣмъ большій для насъ интересъ, что бытъ и духовная физіономія нѣмецкаго передового рабочаго мало извѣстны и въ самой Германіи. (*„Вѣст. Евр." 1912—8*).

Не отличаясь особой глубиной, книга эта даетъ богатый матеріалъ, помогающій уяснить необыкновенный ростъ и организацію нѣмецкаго рабочаго класса. Форма изложенія—записная книжка—сообщила книгѣ живость. Читается она легко. Но эта же форма ввела автора въ соблазнъ: онъ слишкомъ много и охотно говоритъ о себѣ. Намъ кажется, что интересъ подобныхъ мемуаровъ коренится, главнымъ образомъ, въ обрисовкѣ той среды и обстановки, въ которой лектору приходится дѣйствовать. Личныя переживанія и ощущенія если и представляютъ интересъ, то по всякомъ случаѣ—второстепенный. (*М. В. Орловъ. „У. Рос." 1912—196*).

Вотъ книга, которую слѣдуетъ прочитать каждому, интересующемуся проблемами общественной жизни. Книга г-жи К. даетъ возможность прослѣдить тотъ процессъ, которымъ „ученіе" проходитъ въ широкія массы; она даетъ возможность видѣть и процессъ приспособленія, приноравливанія къ тугимъ мозгамъ и тѣ трагикомическія превратности, которыя всегда сопутствуютъ оппортюнизму. (*А. „Сиб. Ж." 1912—154*).

Въ общемъ, книга г-жи К.—яркая, умная книга, и можно всякому рекомендовать ее прочитать. *А. Бл. „Нов. Ж." 1912—5*).

Эти очерки и силуэты о маломъ, о будничномъ, о равнинномъ только поднимаютъ, только согрѣваютъ наше торжественно-абстрактное представленіе о великой культурной силѣ освобождающагося человѣчества. Въ очеркахъ г. К.—много личнаго, субъективнаго. Отъ этого несомнѣнно, книжка во многихъ случаяхъ теряетъ. (*Ст. Ивановичъ. „Нов. Журн. для Вс." 1912—7*).

131. **Давидовичъ, М.** 331:677](47.41)

Петербургскій текстильный рабочій въ его бюджетахъ. (Отт. изъ „Записокъ И. Р. Техн. Общ.") СПб. 1912. 32 стр. больш. форм. Цѣна не обозначена.

Монографія г. Давидовича представляетъ собою обработку 41 бюджета, собранныхъ въ 1908 году профессіональнымъ союзомъ текстильныхъ рабочихъ. Въ отличіе отъ обычнаго типа бюджетнаго матеріала, собираемаго среди городского населенія, болѣе или менѣе исключительно „деклараціоннымъ" путемъ, т.-е. путемъ заполненія опросныхъ формуляровъ заинтересованными лицами, обработанные г. Давидовичемъ бюджеты собраны широко примѣняемымъ въ нашей земской статистикѣ способомъ непосредственнаго опроса изслѣдователями тѣхъ лицъ, которыя соглашались подвергнуться такого рода опросу. Опросный способъ, при которомъ изслѣдователи приходили въ близкое, непосредственное соприкосновеніе съ рабочими, далъ возможность пополнить чисто цифровой бюджетный матеріалъ многимъ количествомъ конкретныхъ бытовыхъ чертъ благодаря которымъ обработка этого матеріала пріобрѣтаетъ большую жизненность и конкретность: цифровой скелетъ какъ бы облекается въ плоть и въ кровь бытовой обстановки. Любопытна, съ другой стороны, и группировка, въ которой г. Давидовичъ разсматриваетъ бюджетный матеріалъ: помимо обычныхъ группировочныхъ признаковъ—семейнаго положенія и величины заработка, г. Давидовичъ вводитъ еще такіе признаки, какъ „передовой" или „рядовой" характеръ рабочаго или работницы, какъ нахожденіе семьи рабочаго въ деревнѣ; изъ числа рабочихъ семей онъ разсматриваетъ и тѣ, гдѣ и мать работаетъ на фабрикѣ, отдѣльно отъ тѣхъ, гдѣ мать занята только семьей и хозяйствомъ, а въ числѣ семей, гдѣ мать работаетъ на фабрикѣ, выдѣляетъ тѣ, которыя держатъ няньку или вообще кого-нибудь для ухода за дѣтьми. И каждый изъ этихъ признаковъ, дѣйствительно, оказывается имѣющимъ вполнѣ опредѣленное, выражающееся въ цифрахъ, вліяніе на бюджетъ. (*А. Кауфманъ. „Рѣчь". 1912—213*).

Настоящая работа заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія: въ ней масса цѣнныхъ свѣдѣній о жизни текстильныхъ рабочихъ въ Петербургѣ. (*С. Прокоповичъ. „Совр.м.". 1912—8*).

132. **Сегаль, І. Л.** 333.5(47.9)

Крестьянское землевладѣніе въ Закавказьѣ. Тифлисъ, 1912. 154 стр. Ц. 1 р.

Книжка г. Сегаля не заслуживала бы рецензіи, если бы она не была написана „по предложенію уполномоченнаго главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ на Кавказѣ" г. Архипова и, слѣдовательно, не являлась отраженіемъ видовъ и взглядовъ высшаго представителя землеустроительнаго вѣдомства на Кавказѣ. Этимъ обстоятельствомъ предрѣшаются тѣ положенія, ради которыхъ написана книжка: одно—что „жалобы на всеобщее на Кавказѣ малоземелье не имѣютъ подъ собою твердой почвы" (79 и мн. др.); другое—„необходимость измѣненія формъ землевладѣнія, какъ средства улучшенія крестьянскаго земленользованія" (V), и притомъ—не иначе, какъ путемъ распространенія на Кавказскій край „закона 29 мая 1911 г. (9 ноября 1906 г.)" (sic). Все остальное является лишь „обстановочкой" для этихъ двухъ положеній,—и эта „обстановочка" настолько сшита бѣлыми нитками, что читателю рѣшительно нѣтъ возможности разобраться въ постоянныхъ противорѣчіяхъ, въ которыя авторъ впадаетъ самъ съ собою и съ приводимыми имъ самимъ фактами. (*А. Кауфманъ. „Рѣчь" 1912—220*).

Книга представляется небезынтересной, какъ офиціальное подтвержденіе существованія всѣхъ тѣхъ земельныхъ неурядицъ, которыя являются страшными язвами современной кавказской жизни. (*І. Тумановъ. „Рус. М." 1912—7*).

133. **Озеровъ, И. Х., проф.** 338(47)

На темы дня. Къ экономическому положенію Россіи. М., 1912 г. Ц. 2 р. 25 к.

Подъ этимъ заглавіемъ проф. Озеровъ выпустилъ рядъ статей, помѣщенныхъ имъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ за послѣднее время. Какъ все, выходящее изъ-подъ пера московскаго экономиста, обладающаго изумительной эрудиціей, и эта книга — интересна; но въ ней рѣзче, чѣмъ въ другихъ работахъ, сказывается общій недостатокъ творчества проф. О.: отсутствіе строго систематизирующей мысли, нѣкоторая разбросанность изложенія, небрежность языка. Главный формальный недостатокъ данной книги — безконечныя повторенія, иногда представляющія собою дословное переписываніе многихъ строкъ изъ одной статьи въ другую.

Основная мысль сборника формулирована такъ: „Авторъ глубоко убѣжденъ въ необходимости скорѣйшаго поворота нашей экономической политики въ сторону самаго энергичнаго развитія нашихъ производительныхъ силъ. Но въ то же время и наше общество, особенно молодое поколѣніе, должно сознать всю важность этой задачи". Задача, поставленная авторомъ, конечно, почтенная: но для разрѣшенія ея недостаточно только указывать на темныя стороны жизни и мимоходомъ высказать частныя пожеланія, какъ это дѣлаетъ, проф. О.: необходимо предложить и самую программу, хотя бы въ общихъ чертахъ, но въ связномъ видѣ, проникнутую едиными принципами. Потребность въ такой программѣ, такъ сказать, практически осязается въ послѣднее время: вспомнимъ хотя бы разговоры представителей торговли и промышленности о „финансово-экономическомъ планѣ".

Книга затрогиваетъ самые разнообразные вопросы. Читатель найдетъ въ ней и разсужденія на тему о 50-лѣтней годовщинѣ освобожденія крестьянъ, и о страхованіи рабочихъ; имѣются статьи о финансахъ, государственныхъ и мѣстныхъ, о желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, о кустарничествѣ, о биржевомъ аферизмѣ; рядомъ помѣщаются статьи и по университетскому вопросу.

Темы—все очень интересныя; но жаль, что ни одна изъ нихъ не разработана до конца, отчего впечатлѣніе, производимое книгой,—отрывочнаго характера. Иногда просто становится досадно, почему авторъ не далъ себѣ труда подробно остановиться на вопросѣ и не утилизировалъ съ большей пользой для читателя своихъ огромныхъ познаній...

Несмотря на указанные недостатки, книга проф. О., конечно, смѣло можетъ быть рекомендована вниманію читателя: изъ нея онъ узнаетъ много любопытнаго и, вмѣстѣ съ авторомъ, пожалѣетъ о недостаточномъ развитіи производительныхъ силъ родины. (*М. Бернацкій. „Запр. Ж." 1912—26*).

Книга проф. П. Озерова очень интересна и содержательна. Въ ней много поучительнаго для характеристики экономической жизни и общественной психологіи Россіи нашихъ дней. (*П. Б. „Нов. Ж." 1912—8*).

134. **Корфъ, С. А.** бар. 342.3(71)

Государств. строй Канады. М. 1911. Стр. 101. Ц. 1 р.

Въ брошюрѣ бар. Корфа излагается исторія борьбы англійской колоніи за самостоятельность и характеризуется ея современный государственный строй. Разсмотрѣніе канадской конституціи, созданной актомъ англійскаго парламента 1867 г. и фактическихъ отношеній, установившихся между колоніей и метрополіей, приводитъ автора къ выводу, что Канада представляетъ по своимъ чертамъ почти самостоятельное государство, обладающее всей полнотой законодательной, административной и судебной власти. Измѣненіе канадской конституціи—внѣ власти имперскаго парламента. Канада связана съ имперіей почти только въ лицѣ одного генералъ-губернатора, назначаемаго англійскимъ королемъ и играющаго въ колоніи роль конституціоннаго монарха. Онъ созываетъ и распускаетъ палаты, назначаетъ министровъ и судей, пользуется правомъ утвержденія законовъ и наложенія veto, считается главой администраціи Канады. Но всѣ его дѣйствія строго согласованы съ политикой совѣта министровъ, отвѣтственнаго передъ парламентомъ. Генералъ-губернаторъ не можетъ проводить въ колоніи политику, несогласную съ волей канадскаго народнаго представительства. Даже въ области международныхъ отношеній несуверенное канадское государство начинаетъ выступать какъ самостоятельный субъектъ правъ. Правда, право веденія войны принадложитъ коронѣ, но участіе колоніи въ войнахъ имперіи вполнѣ свободно. Заключеніе международныхъ договоровъ составляетъ пока функцію короны, но въ договорахъ, касающихся интересовъ Канады, метрополія фактически сообразуется съ волей своей колоніи. Авторъ считаетъ зависимость колоніи отъ имперіи весьма проблематической и полагаетъ, что сохранившіеся историческіе остатки подчиненія Канады Англіи обречены на смерть: Канада постепенно и неуклонно приближается къ полной фактической самостоятельности. Тѣмъ не менѣе дружественную связь колоніи съ метрополіей онъ считаетъ безусловно прочной, видя гарантію этой связи въ могучихъ жизненныхъ взаимныхъ интересахъ обѣихъ сторонъ. Идея отложенія въ настоящее время почти не имѣетъ сторонниковъ въ колоніи. Существующій въ Канадѣ режимъ сдѣлалъ то, что на стражѣ общеимперскихъ интересовъ стоитъ сама колонія, чрезвычайно дорожащая связью съ имперіей. Авторъ касается и нѣкоторыхъ сторонъ общественной жизни Канады. Онъ рисуетъ взаимоотношенія обѣихъ населяющихъ Канаду національностей, роль католической и протестантской церквей въ политической жизни, дѣятельности политическихъ партій колоніи, состояніе образованія. (*Л. Шифъ „Рус. М." 1912—3*).

Недочетомъ книги является отсутствіе выясненія историческихъ причинъ, приведшихъ къ обособленности мѣстнаго законодательства канадскихъ провинцій и столь рѣдкой независимости его отъ федеральнаго законодательства, что провинціи имѣютъ здѣсь право измѣнять свои конституціи актами своихъ законодательныхъ органовъ. Вообще, историческая часть составляетъ слабое мѣсто всей книги. Отрывочный характеръ сообщаемыхъ историческихъ свѣдѣній усугубляется отсутствіемъ выясненія прагматической связи между отдѣльными событіями и ихъ отраженіемъ въ государственно-правовыхъ институтахъ страны. Нѣкоторыя исключенія представляютъ въ этомъ отношеніи очерки, посвященные государственности Канады и вопросамъ ея общественной жизни. Указанные недочеты не умаляютъ, однако, основного значенія книги проф. Корфа въ качествѣ подробнаго описанія государственнаго строя Канады; въ этомъ смыслѣ она представляетъ тѣмъ большее значеніе, что является въ нашей государственно-правовой литературѣ наиболѣе полнымъ и, кажется, единственнымъ научнымъ изслѣдованіемъ по данному предмету. (*Г. Гольденбергъ „Совр. М." 1912—5*).

135. **Пиленко, А.** 347.78(47)

Новый законъ объ авторскомъ правѣ. Спб. 1911. Изд. Суворина. Стр. 168. Ц. 1 р. 25 к.

Изданіе Пиленко представляетъ, по его собственнымъ словамъ, не комментарій, а „матеріалы для комментарія"; въ немъ напечатанъ текстъ закона, при чемъ каждая статья снабжена пространными историческими матеріалами изъ многочисленныхъ проектовъ, предшествовавшихъ по-

слѣдиему проекту, ставшему закономъ, изъ объяснительныхъ записокъ къ нимъ, изъ преній въ Госуд. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ; такимъ образомъ, читателю дается возможность изучить процессъ созданія каждой статьи. Никакого теоретическаго введенія нѣтъ. Для практика, нуждающагося преимущественно въ комментаріяхъ судебныхъ мѣстъ, это изданіе мало пригодно; для обычнаго читателя эта книга совершенно недоступна и неинтересна; но для юриста, изучающаго вопросъ научнымъ образомъ, она будетъ весьма полезна, такъ какъ работа исполнена съ большой тщательностью и научной добросовѣстностью. (*В. В—въ.* „*Запр. Ж.*“ *1912—18*).

Выборка матеріала въ трудѣ г. П.—составленномъ, въ общемъ, добросовѣстно — не всегда удачна. (*Ф. Шендорфъ.* „*Журн. Мин. Юст.*“ *1912—2*).

136. **Галанинъ, Д. Д.** 371

Образованіе и обученіе. М. 1912 г. Ц. 50 к.

По мнѣнію автора, понятіе образованія по существу разбивается на двѣ части: „собственно образованіе“ и „обученіе“.

Подъ словомъ „образованіе“ онъ понимаетъ тотъ психологическій процессъ, который побуждаетъ человѣка къ расширенію своего умственнаго кругозора, а подъ „обученіемъ“—процессъ усвоенія чужой мысли, пріобрѣтеніе того или иного рода знаній, а также и тотъ внутренній процессъ усвоенія, который происходитъ внутри человѣка, когда онъ знакомится съ мыслями другихъ людей, съ жизнью природы и тѣми фактами, которые даетъ эта жизнь, какъ въ сферѣ людскихъ отношеній, такъ и въ сферѣ вообще окружающей жизнь природы.

Разсматривая подробнѣе вопросъ объ образованіи, Г. приходитъ въ этомъ вопросѣ къ необходимости тѣснаго взаимодѣйствія внѣшнихъ и внутреннихъ силъ.

— Но какъ же святые отшельники, философы, индійскіе факиры ищутъ уединенія? — спрашиваетъ авторъ, добавляя, что этотъ вопросъ долго казался ему роковымъ, и онъ боялся его касаться, но теперь онъ не считаетъ этого вопроса страшнымъ, потому что святые и мыслители идутъ въ уединеніи среди *природы*, а не *тюрьмы*; они подчинены внутреннимъ переживаніямъ и внутренней мысли; поглощенные этой работой, они находятся въ одиночествѣ, пока не рѣшатъ занимающаго ихъ вопроса жизни, а затѣмъ опять идутъ въ среду людей, ищутъ общенія съ ними и пытаются или провѣрить, или распространить свое рѣшеніе.

Разсуждая такимъ образомъ, Г. резюмируетъ сказанное въ слѣдующемъ положеніи: есть двѣ взаимодѣйствующихъ силы внутри человѣка: одна—внѣшняя, другая—внутренняя; подъ „образованіемъ“ онъ понимаетъ эту внутреннюю потребность человѣка, его внутреннія стремленія, а подъ „обученіемъ“—форму, могущую удовлетворить эту потребность.

Далѣе идетъ рѣчь объ элементахъ образованія; авторъ насчитываетъ ихъ 5, а именно: стремленіе къ творчеству, стремленіе къ отысканію причинъ явленій, прослѣживаніе средствъ для достиженія цѣли, стремленіе къ подражанію, гипнотизмъ или внушеніе.

Творчество необходимо и обязательно во всякомъ трудѣ, безъ него образованіе теряетъ всякую цѣнность. Подражаніе можетъ быть поставлено, какъ педагогическій методъ въ самой элементарной формѣ обученія; но это подражаніе тогда можетъ стоять въ основѣ ученія, когда оно сопровождается активной внутренней психологической работой. *Стремленіе къ отысканію причинъ* является заложеннымъ въ душѣ человѣка и проявляется въ отношеніи ко всему тому, что онъ встрѣчаетъ на жизненномъ пути. *Прослѣживаніе же средствъ для достиженія цѣли* является обязательнымъ дополненіемъ къ этому отысканію. Элементъ *внушенія* авторъ считаетъ весьма важнымъ факторомъ обученія.

Для выполненія требованія психологической основы обученія послѣднее должно быть основано на непосредственномъ опытѣ ребенка; тамъ же, гдѣ непосредственный опытъ невозможенъ,— таково, напр., знаніе исторіи,—на помощь педагогу должно притти художественное творчество.

Въ область изученія необходимо должны быть введены рисованіе и музыка; а введеніе въ область школы публичныхъ рѣчей, изложеніе своихъ теорій и результатовъ опытовъ, т.-е. какъ бы доклады въ собраніяхъ товарищей, — даетъ свободный просторъ развитію всѣхъ способностей души.

Таково вкратцѣ содержаніе этой интересной книжки, представляющей собою серьезный психологическій трактатъ, написанный прекраснымъ общедоступнымъ языкомъ и обнаруживающій въ авторѣ широкое, всестороннее знакомство съ вопросами образованія и обученія. (*В. Д-цевъ* „*Ил. Обозр. Гол. М.*“ *1912—8—IX*).

Авторъ тщательно различаетъ эти два понятія и, анализируя то и другое, выясняетъ роль ихъ въ томъ процессѣ, который можно назвать культурнымъ развитіемъ личности. Взгляды автора исходятъ отъ тѣхъ вѣяній культурной педагогики, по сравненію съ которыми наша официальная педагогическая дѣйствительность представляетъ такой жестокій контрастъ...

Живое изложеніе съ интересными указаніями изъ области литературы и жизни должно обезпечить брошюрѣ Г. хорошій пріемъ въ соотвѣтствующихъ кругахъ читателей. (*„Совр. Сл.“ 1912—1685*).

137. **Сиповскій, В. Д.** 371(081)

Избранныя педагогическія сочиненія. Съ портр. автора, съ предис. проф. В. В. Сиповскаго и съ литер.-біограф. очеркомъ, составленнымъ Н. Л. Леотьевой. Спб. 1911. Стр. 313. Ц. 1 р. 25 к. въ перепл.

В. Д. Сиповскій не былъ реформаторомъ воспитанія, онъ не столько открывалъ, сколько популяризировалъ педагогическія идеи, высказанныя его болѣе извѣстными предшественниками или сверстниками; но эти идеи, которыя были ему дороги, продолжаютъ оставаться таковыми въ сознаніи всего прогрессивнаго учительства, онѣ частью уже осуществлены, частью на пути къ осуществленію, онѣ отнюдь не забыты, и потому всякій читатель съ благодарностью отнесется къ труду г. Леонтьевой, обрисовывающей одного изъ незаурядныхъ дѣятелей въ широкомъ коллективномъ теченіи, имѣющемъ свою свѣтлую исторію.

Весьма небезполезно изданіемъ такихъ книгъ создавать поводъ къ новому и новому освѣженію нѣкоторыхъ педагогическихъ положеній. У С. читатель найдетъ въ живомъ и одушевленномъ изложеніи разумныя и гуманныя мысли о

школьной дисциплинѣ, о предметахъ школьнаго преподаванія, объ отрицательномъ значеніи экзаменовъ, о необходимости улучшенія матеріальныхъ и правовыхъ условій жизни учителя, о желательности и возможности сближенія между школою и обществомъ и т. д. (*С. Золотаревъ. „Рус. Шк.“. 1912—3*).

Кто зналъ покойнаго В. Д., тотъ не можетъ забыть его, настолько замѣтную роль въ литературѣ и педагогическихъ собраніяхъ игралъ онъ. Всѣ его статьи написаны дѣльно, разсудительны, дышатъ и любовью къ учащимся, и сознаніемъ всей важности роли учителя, какъ дѣятеля по распространенію образованія. (*А. Острогорскій. „Пед. Сб.“. 1912—3*.

Нельзя не привѣтствовать отъ всей души книги, содержащей избранныя педагогическія сочиненія покойнаго В. Д. Сиповскаго, одного „изъ послѣднихъ педагогическихъ могиканъ просвѣтительной эпохи“, „идеалиста, всѣмъ существомъ своимъ олицетворяющаго свѣтлый образъ истиннаго учителя“. (*Г. Веберъ. „Пед. Обозр.“ 1912—4—5*).

Большинство статей С., написанныхъ по случаю, достаточно устарѣло, да и не было въ нихъ большой оригинальности и въ свое время, но всѣ очерки дышатъ благороднымъ настроеніемъ, выражаютъ хорошія, честныя мысли и добрыя чувства по отношенію къ учащимся, особенно къ молодому женскому поколѣнію. Несмотря на нѣкоторую сухость письма и повторенія одного и того же въ разныхъ работахъ, статьи опытнаго педагога могутъ быть прочтены молодыми продолжателями его дѣла и съ интересомъ и съ пользою... Къ работамъ С. даны приложенія. Къ сожалѣнію, они выполнены мало удовлетворительно. Редакціонныя примѣчанія къ тексту педагогическихъ очерковъ частью совершенно случайны, а иногда странны или совершенно не нужны. (*И. Ж. „Совр. М.“. 1912—6*).

138. **Звягинцевъ, Е.** 371.3 : [9 + 91

Народная жизнь и школа. Вып. I. Изд. Сытина. М. 1912. Ц. 40 к.

Теоретическая разработка вопросовъ о школьномъ преподаваніи исторіи находится у насъ еще почти въ зачаточномъ состояніи, въ частности же, что касается преподаванія исторіи въ начальной школѣ, то тутъ кромѣ нѣсколькихъ журнальныхъ статей и указать нечего. Въ этомъ отношеніи книжка г. Звягинцева, посвященная какъ разъ этому вопросу, удовлетворяетъ насущной потребности. Но не только это обстоятельство заставляетъ отмѣтить появленіе книжки г. З.: она важна и интересна по самой постановкѣ вопроса о преподаваніи исторіи въ начальной школѣ. Можно соглашаться или не соглашаться со взглядами г. З., но нельзя отрицать ихъ новизны и оригинальности въ нашей методической литературѣ по исторіи.

Книжка г. З. состоитъ изъ 7 главъ, изъ которыхъ 4 посвящены вопросу преподаванія исторіи въ начальной школѣ, 1 — преподаванію географіи и 2—одновременно преподаванію двухъ этихъ предметовъ; въ приложеніяхъ даны примѣрное распредѣленіе классныхъ бесѣдъ по исторіи въ сельской школѣ и списокъ работъ о начальномъ преподаваніи исторіи. Наибольшій интересъ представляютъ двѣ первыя статьи, занимающія почти половину всей книжки. Двѣ послѣднія статьи г. З.: „Вопросы обученія исторіи въ Англіи“ (извлеченіе изъ книги Адамсона) и „Изъ опыта преподаванія исторіи въ народныхъ школахъ Франціи и Бельгіи“ (статья г. Буткевича), дополняютъ первыя и показываютъ, что то направленіе относительно преподаванія исторіи въ начальной школѣ, представителемъ котораго является г. З. нашло уже себѣ признаніе за границей. (*К. Сивковъ. „Въст. Восп.“ 1912—5.*)

Всѣ статьи написаны хорошимъ, живымъ языкомъ и очень содержательны. Много цѣнныхъ указаній и выводовъ, подкрѣпляемыхъ ссылками на земскую литературу“ (отчеты, постановленія, анкеты и т. д.), разсыпано въ первыхъ двухъ статьяхъ самого составителя. Въ общемъ отъ книжки остается прекрасное впечатлѣніе, и если послѣдующіе выпуски будутъ составлены такъ же умѣло и вдумчиво, какъ первый, книжки г. З. принесутъ народной школѣ большую пользу. (*В. Мурзаевъ „Пед. Обозр.“ 1912—3.*)

139. **Христіановичъ, П.** 372(47)

Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. Изд. библіотеки новаго воспит. и образ. и защиты дѣтей. М. 1912. Ц. 35 к.

Въ 1890 г. въ Екатеринославѣ былъ осуществленъ интересный педагогическій опытъ: было открыто училище типа двухкл. сельскихъ училищъ, съ цѣлью поставить преподаваніе такъ, чтобы ученики выходили болѣе подготовленными къ жизни въ обычной своей средѣ, умѣли бы сдѣлать многое необходимое для себя и другихъ и не смотрѣли бы на школу, какъ на что то, стоящее внѣ всякой связи съ обыкновенной домашней жизнью. Наши общеобразовательныя школы, въ особенности среднія учебныя заведенія, не умѣютъ развить уваженія къ необходимому черному труду; наоборотъ, совершенно обходя этотъ вопросъ, выпускаютъ людей вполнѣ непригодныхъ къ обычной ихъ повседневной жизни, если пробѣла этого не восполнила семья. Взглядъ школы на задачи подготовки и воспитанія, какъ нѣчто стоящее совсѣмъ обособленно отъ домашней жизни, настолько укоренился, что съ нимъ приходится бороться даже со стороны родителей. Въ основу школы было поставлено расширеніе программы такими занятіями, которыя сдѣлали бы сразу дѣтей полезными членами семьи, научивъ ихъ дѣлать нѣкоторыя необходимыя въ каждомъ хозяйствѣ работы или изготовлять предметы. Съ этою цѣлью введены занятія по издѣлію изъ картона и бумаги, изъ жести, листового желѣза, изъ проволоки, изъ дерева, нѣкоторыя слесарныя работы, сапожныя работы—легкая починка обуви; для дѣвочекъ стирка бѣлья, мытье половъ, шитье, вязанье, приготовленіе кушаній и пр. Кромѣ того, введены занятія въ саду и огородѣ. Какъ опытъ борьбы съ оторванностью школы отъ жизни, пріученія учащихся къ мысли, что всякая необходимая въ жизни работа достойна уваженія и полезна, приспособленія учениковъ къ выносливости, стойкости и тѣмъ самымъ поднятія ихъ здоровья—такого рода школа очень полезна и интересна. Брошюра знакомитъ съ занятіями въ екатеринославской школѣ, съ результатами преподаванія и намѣчаетъ дальнѣйшіе пути въ этомъ направленіи. Въ концѣ книжки приведены программы воспитательныхъ практическихъ занятій, удостовѣренныя золотой медали на всероссійской

гигіенической выставкѣ 1893 г. въ Петербургѣ. (*Л. Френкель-Полтавцева „Рус. М.“ 1912—4.*)

Книга съ интересомъ прочтется всѣми, интересующимися вопросовъ народнаго воспитанія и образованія. (*Л. Леонтьева. „Рус. Шк.“. 1912—1.*)

140. **Кобеко, Дм.** 378(47)

Императорскій Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. Спб. 1912.

Книга Д. Кобеко не представляетъ собою исторію Лицея въ строгомъ смыслѣ слова: для этого она лишена необходимой дозы критическаго отношенія къ сообщаемымъ въ ней свѣдѣніямъ, и, кромѣ того, авторъ нерѣдко ограничивается самой краткой передачей иныхъ фактовъ или даже только ихъ упоминаніемъ. Это, однако, не значитъ, чтобы книга не имѣла большихъ достоинствъ или чтобы ея интересъ расчитывалъ только на „лицейскихъ“, какъ о томъ говоритъ авторъ въ предисловіи. Нѣтъ, именно широкой публикой (и ни какъ не спеціалистами—учеными, которые найдутъ въ ней лишь немного новаго) она будетъ прочитана не только съ удовольствіемъ но и съ пользой, какъ любовно (отнюдь безъ подчеркнутой, однако, тенденціозности) и безпристрастно изложенное повѣствованіе о внѣшнихъ событіяхъ жизни Царскосельскаго Лицея, его учениковъ и учителей. (*Евг. Зноско-Боровскій „Аполлонъ“ 1192—6.*)

Книга дастъ богатый матеріалъ подробностей, характеризующихъ бытъ стараго лицея, свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ его питомцевъ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ къ мѣсту воспитанія. Матеріалъ этотъ до крайности разнообразенъ. (*А. Шалыгинъ. „Изв. по Нар Обз.“ 1912—4.*)

141. [. . . . .] 5(082)(075)

„Естествознаніе въ школѣ“, неперіодическое изданіе, подъ ред. проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова. Сборн. № 1. Изд. „Образованіе“. Спб. 1912. Стр. 170. Рис. 35. Ц. 80 к.

Задачи новаго изданія „служить вопросамъ преподаванія естественныхъ наукъ, какъ учебнаго школьнаго предмета, стараясь объединить педагогическое творчество и педагогическій опытъ русскаго преподавателя-естественника“. Приводимъ содержаніе вышедшаго №: проф. Вагнеръ „Естествозн. и школа“. П. Каммереръ. „Права и обязанности біологическаго метода въ преподаваніи естествознанія“. Б. Райковъ. „Опытная физіологія въ средней школѣ“. Г. Бочъ. „Первые уроки ботаники“. П. Келеръ. „Грибки, какъ объекты для практическихъ занятій по біологіи“. К. Ягодовскій. „Къ матеріаламъ по методикѣ экскурсій“. М. Эттли. „Естеств.-историческія экскурсіи“. (*„Природа“ 1912—7—8*).

Вступительная статья проф. Вагнера посвящена вѣчной борьбѣ между классицизмомъ и реализмомъ. Въ этомъ интересномъ и содержательномъ очеркѣ ясно показано, какъ мало древніе понимали и чувствовали природу. Въ переводной статьѣ Каммерера ясно указываются громадныя преимущества новаго біологическаго метода преподаванія передъ старымъ, описательнымъ, но въ то же время говорится, что новый методъ долженъ быть строго эволюціоннымъ, объяснительнымъ, а не телеологическимъ. Другія интересныя, оригинальныя и переводныя статьи этого сборника посвящены постановкѣ опытовъ въ школѣ, экскурсіямъ и т. д. (*Пр.-доц. Н. Гайдукевъ „У. Рос.“ 1912—224*).

Нельзя не привѣтствовать появленіе этого сборника... Разсматривая новый сборникъ, никакъ нельзя сказать, чтобы претнамѣченный планъ былъ выдержанъ. Изъ 7-ми помѣщенныхъ въ ней статей 3 — переводныя. Каково бы ни было ихъ достоинство, онѣ всетаки же не для насъ писаны, и говорится въ нихъ, конечно, не про опытъ нашей школы. Да и языкъ этихъ переводныхъ статей говоритъ далеко не въ ихъ пользу. Поэтому, желая всякаго успѣха новому періодическому сборнику, нельзя не пожелать ему также большей цѣльности и большей строгости какъ въ выборѣ матеріала, такъ и въ его литературной отдѣлкѣ. Только тогда онъ получитъ свою опредѣленную физіономію и создастъ себѣ прочное положеніе среди другихъ педагогическихъ органовъ. (*М. Новорусскій. „Рѣчь“ 1912—269*).

142. **Томъ-Титъ.** 53 : 794

Научныя забавы. Вып. I. Изд. Горбунова-Посадова. М. 1912. Ц. 65 к.

Книжка даетъ цѣлый рядъ интересныхъ опытовъ по всѣмъ отдѣламъ физики. Тѣмъ не менѣе подзаголовокъ: „Физика въ опытахъ“ не совсѣмъ понятенъ, такъ какъ трудно замѣтить какую бы то ни было систему въ расположеніи опытовъ. Объясненія во многихъ случаяхъ слишкомъ сжаты. (*И. Зерченковъ. „Пед. Обозр.“ 1912—3*).

Книга полезная... Въ общемъ книгу можно рекомендовать гувернерамъ при скучающихъ дѣтяхъ и устроителямъ полу-научныхъ развлеченій. (*Ф. П. „Рус. Шк.“ 1912—7—8*).

143. **Созоновъ, С. и Верховскій, В.** 54(075)

Элементарный курсъ химіи для обще-образовательной средней школы. Изд. Сытина. М. 1912. Стр. 433. Ц. 1 р. 50 к.

Наша средняя школа въ сущности почти не имѣетъ хорошихъ учебниковъ по химіи. Нельзя не признать, что прекрасная книга С. и В. въ значительной степени заполняетъ этотъ пробѣлъ. Книга эта написана строго научно и притомъ отличается простымъ и увлекательнымъ изложеніемъ. Авторы всюду обращаютъ вниманіе на экспериментальную сторону дѣла. Химическія явленія постоянно иллюстрируются многочисленными примѣрами изъ обыденной жизни, техники и жизни природы. Учащійся получаетъ увѣренность, что почти каждое явленіе, наблюдаемое въ природѣ или въ обыденной жизни человѣка, сопровождается химическими процессами. Весьма обстоятельно и при томъ просто выяснены основныя понятія и законы химіи, усвоеніе которыхъ, какъ извѣстно, не въ одной только средней школѣ представляетъ большія затрудненія для учащихся. Книга снабжена многочисленными хорошо выполненными чертежами и рисунками. Эту книгу горячо рекомендуемъ и лицамъ, желающимъ самостоятельно ознакомиться съ химіей. (*А. Огородниковъ. „Природа“ 1912—1*).

Въ учебной литературѣ, особенно предназначенной для низшихъ и среднихъ школъ, не часто можно встрѣтить книги, которыя бы производили такое хорошее впечатлѣніе, какое даетъ элементарный курсъ химіи названныхъ выше авторовъ. (*Н. Земятченскій. „Изв. по Нар. Обр.“ 1912—5*).

144. **Рахмановъ, В.** 613

О томъ, какъ надо жить, чтобы быть здоровымъ. Съ рисунками. Изд. 2-ое. „Посредникъ". М. 1911. Стр. 135. Ц. 35 к.

Въ книгѣ д-ра Рахманова ясно и просто изложены основные вопросы гигіены (вопросы о воздухѣ, жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, питьѣ и т. д.). Матерьялъ выбранъ весьма удачно и изложенъ въ формѣ, доступной для пониманія мало развитого читателя. Къ числу недостатковъ, не вполнѣ зависящихъ отъ автора, слѣдуетъ отнести неудачный подборъ и небрежное исполненіе иллюстрацій. При нынѣшней техникѣ рисунковъ, достигнутой въ заграничныхъ медицинскихъ изданіяхъ (а отчасти и въ русскихъ), безъ труда можно было сдѣлать болѣе удачный подборъ демонстративныхъ иллюстрацій, что значительно облегчило бы читателямъ правильное усвоеніе предмета. Послѣдняя глава книги посвящена гигіенѣ брака (озаглавлена „О половыхъ потребностяхъ и о воспитаніи дѣтей"), что къ сожалѣнію, лишаетъ возможности дать книгу въ руки дѣтямъ, хотя всѣ остальныя ея главы вполнѣ доступны для дѣтскаго пониманія. (*Д-ръ Л. „Запр. Ж." 1912—3*).

Написана книжка дѣльно, но въ то же время общепринятымъ и живымъ языкомъ, благодаря чему читается легко и съ интересомъ. Рисунки дополняютъ достоинство книжки. Все вмѣстѣ взятое, равно какъ очень доступная цѣна кн. дѣлаютъ ее заслуживающей широкаго распространенія среди публики. (*„Попул. Литер-медиц. Журн." 1912—5*).

* **Давидовичъ, М.** 677 : 331] (47.41)

См. порядк. № 131.

* **Томъ-Титъ.** 794 : 53

См. порядк. № 142.

145. **Золотаревъ, С. А.** 801(075)

Теорія словесности. Изд. „Сотрудникъ". Спб.—Кіевъ. 1911. Ц. 1 р.

Къ типу новыхъ и заслуживающихъ внимательнаго къ себѣ отношенія учебниковъ теоріи словесности принадлежитъ и учебное пособіе З. Составитель учебника не задается недостижимой цѣлью примирить требованія различныхъ программъ. По своему построенію, изложенію, пріемамъ разработки вопросовъ теоріи словесности учебникъ З. мало напоминаетъ типы прежнихъ учебниковъ. Очевидно, исходя отчасти изъ того психологическаго соображенія, что процессы вспоминанія легче всего протекаютъ, если не нарушаются законы ассоціаціи по смежности, составитель сначала выясняетъ элементарные и основные вопросы теоріи словесности, вопросы, которыхъ преподавателю приходиться такъ или иначе касаться еще въ младшихъ классахъ. Это, такъ сказать, общая часть теоріи словесности. Вторая и наиболѣе интересная часть учебника соприкасается съ тѣмъ литературнымъ матеріаломъ, подъ которымъ ученики гимназіи оперировали, начиная съ пятаго и кончая восьмымъ классомъ. Такимъ образомъ, З. очень удачно разрѣшаетъ вопросъ о повтореніи литературнаго матеріала, изученнаго въ продолженіе всего гимназическаго курса, придавъ ему характеръ интереснаго и продуктивнаго обобщенія отдѣльныхъ частей курса литературы и иныхъ знаній, необходимыхъ для построенія синтетическихъ выводовъ, освѣщающихъ многовѣковую работу человѣческаго генія въ усовершенствованіи способовъ передачи своихъ мыслей и чувствъ. Детали, отдѣльные факты и явленія изъ области литературы, разобранные учениками въ предыдущихъ классахъ, получаютъ свое мѣсто въ общей картинѣ историческаго развитія литературныхъ формъ. Цѣнна, своеобразна книга и по характеру изложенія. Въ учебникѣ нѣтъ догматическихъ формулировокъ видовъ литературнаго творчества; составитель скорѣе намѣчаетъ, чѣмъ даетъ въ готовой формѣ рѣшеніе теоретическихъ вопросовъ, помогаетъ пытливому уму ученика, вооруженному достаточными знаніями, самому придти къ опредѣленному выводу. На всемъ протяженіи учебника крайне желательная тенденція—побудить учащихся, въ интересахъ серьезной самостоятельной разработки сложныхъ явленій литературы, привлекать имѣющійся у нихъ разнообразный запасъ знаній и углублять интересъ къ философскому мышленію. Учебникъ открываетъ передъ умственною самодѣятельностью учащагося просторныя перспективы, не насилуетъ его мысли, не заставляетъ его насильно тащиться за авторомъ. (*Б. Соколовъ „Рус Шк." 1912—3*).

З. видимо принадлежитъ къ тѣмъ педагогамъ, которые желаютъ освѣжать, подновлять идейно и научно самый учебный предметъ—„теорію словесности". И слѣдовательно, не считаютъ ея, въ противоположность инымъ преподавателямъ, по существу безнадежно-схоластической и недоступной для учениковъ средней школы, и З., прямо надо сказать, положено не мало труда и разнообразной начитанности для оживленія и обогощенія матеріала этой дисциплины, бывало, заполнявшейся главнѣйше скучной терминологіей и голыми формулами. Въ послѣднихъ статьяхъ своей книги авторъ широко пользуется для иллюстраціи обобщеній примѣрами изъ позднѣйшей литературы—нашей и западно-европейской. Кромѣ того, и снимки съ произведеній архитектуры, скульптуры и живописи по своему выдѣляютъ „теорію словесности" г. Золотарева; авторъ старается придать стройность своимъ толкованіямъ выдвигая передъ читателемъ эволюцію словесныхъ формъ, внося подчасъ довольно пространныя историко-литературныя освѣщенія. (*А. Налимовъ. „Педаг. Сб." 1912—8*).

146. **Конрадъ, Дж.** 82—3

На взглядъ Запада. Романъ. Перев. съ англ. Э. Нименовой. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1912. Стр. 314. Ц. въ перепл. 75 к.

Особенность романа, переведеннаго г-жей Нименовой, — добросовѣстная внимательность, съ которой авторъ пытается освѣтить и сдѣлать доступнымъ пониманію — „на взглядъ Запада" — русскую жизнь, выдвигающую такихъ политическихъ дѣятелей, какъ въ романѣ — о. Зосима (Гапонъ), заговорщикъ Никита (Азефъ), начальникъ тайной полиціи Мигулинъ (Лопухинъ) и пр. Романъ не имѣетъ художественнаго значенія; авторъ самъ отмѣчаетъ, что для этого ему не достаетъ „высокаго дара воображенія и таланта". Главнымъ достоинствомъ своимъ авторъ считаетъ „достаточное знаніе русскаго языка", позволившее ему самостоятельно разобраться въ воображаемой средѣ. Но Россія „на взглядъ Запада"—страна чудесъ и, во всякомъ случаѣ,

весьма трудно понимаемыхъ явленій. Это сказывается и на самомъ авторѣ, несмотря на явное, искреннее желаніе его быть точнымъ и достовѣрнымъ, — дать „документальную истину“, какъ онъ выражается. Какъ только авторъ романа отходитъ отъ изученныхъ фактовъ и событій—беллетристъ неизбѣжно долженъ прибѣгать къ помощи своей фантазіи—онъ начинаетъ разсказывать вещи, которыя у русскаго читателя вызываютъ невольную улыбку. Это, однако, касается только деталей (бытовыхъ). Въ основѣ же авторъ переводитъ содержаніе русской политической жизни „на взглядъ Запада“ приблизительно правильно. (*„Рус. Бог.“ 1912—9*).

Большинство иностранныхъ разсказовъ и романовъ изъ русской жизни поражаетъ абсолютнымъ незнакомствомъ авторовъ не только съ психологіей „русскаго“, но и вообще съ жизнью въ Россіи. Романъ Д. Конрада является пріятнымъ исключеніемъ. Авторъ, очевидно, знакомъ съ Россіей, бывалъ въ ней, наблюдалъ ее не только изъ окна вагона и постарался проникнуться психологіей русскаго интеллигента. Ошибокъ, конечно, много, но онѣ не настолько грубы, чтобы раздражать или смѣшить читателя. Многое остается непонятнымъ „на взглядъ Запада“ въ жизни русскихъ революціонеровъ и эмигрантовъ, составляющей тему даннаго романа. Но читается онъ съ большимъ интересомъ... Переводъ хорошъ. (*М. Н. „Нов. Журн. для Вс.“. 1912—8*).

147. **Марло, К.** 82.09

Трагическая исторія д-ра Фауста. Перев. К. Бальмонта. Изд. Некрасова. М. 1912 г. Ц. 80 к.

Эпоха Шекспира въ Англіи болѣе, чѣмъ какая-то бы ни была міровая литература, проникнута духомъ трепетной жизни и пышной экзальтаціи. Причемъ эта экзальтированность и страстная напряженность происходятъ не отъ мечтательности, не отъ отвращенія отъ современной жизни, какъ у нѣмецкихъ романтиковъ, а отъ полнокровной, плотской жизненности. У любого третьестепеннаго автора той эпохи, каждое слово полно неискоренимой жизни, общей талантливости и чувственной „кровяной“ радости.

У Марло, который былъ, собственно говоря, предтечей эпохи, кромѣ мощнаго дарованія, уже чувствуется геніальность времени.

Исторію доктора Фауста онъ развилъ еще въ духѣ средневѣковыхъ мистерій, чѣмъ объясняется ея схематизмъ и нѣкоторая наивность, на нашъ взглядъ, тѣхъ или другихъ проявленій адской силы нѣмецкаго доктора (напримѣръ сцены у папы и императора, которыя сводятся къ поверхностному фокусничанію), но многіе монологи Фауста и простонародныя сцены имѣютъ въ себѣ трепетъ уже настоящей Шекспировской эпохи. „Исторія“ Марло настолько непохожа на гуманитарнофилософское просвѣтительное произведеніе Гёте, что почти не боится соперничества съ нимъ. Читая переводъ, мы не имѣемъ въ рукахъ подлинника, и хотя имя Бальмонта, являясь ручательствомъ литературности перевода, въ то же время почти всегда заставляетъ сомнѣваться въ его точности,—мы не замѣтили избытка Бальмонтовскихъ украшеній, которыя не всегда пріятно дѣйствуютъ въ другихъ переводахъ этого поэта. (*М. Кузминъ „Аполлонъ“. 1912—5*).

Марло, самый крупный изъ предшественниковъ Шекспира, очень мало извѣстенъ русской публикѣ. Нельзя не привѣтствовать, поэтому, переводъ одной изъ самыхъ выдающихся его пьесъ, сдѣланный опытною и искусною рукою. (*„Вѣст. Евр.“. 1912—5*).

148. **Добролюбовъ, М.** 891.7—1

Сказка жизни. Трагедія экстаза. М. 1912.

М. Г. Добролюбовъ издаетъ стихи Николая Носаря (Харлама Робы), но онъ не преслѣдуетъ коммерческихъ цѣлей, онъ — идейный издатель и, кромѣ того, онъ самъ—писатель. Сказка жизни развертывается на берегу океана и состоитъ изъ трехъ дѣйствующихъ лицъ: онъ, она рыбакъ. Рыбакъ—обыкновенное существо, а онъ ходитъ въ черной крылаткѣ, у него молодое, мужественное, но усталое, открытое лицо и длинные черные волосы; онъ очень похожъ на поэта. Она тоже ходитъ въ сѣрой крылаткѣ и такой же шляпѣ, но у нея волосы кудрявятся и висятъ, какъ кисти красной рябины. Она и онъ пришли жить на берегъ моря, гдѣ столько дикихъ сказокъ океана, но ни живой души. Рыбакъ съ ними не разговариваетъ, но имъ только этого и нужно. Въ женщинѣ съ рябиной, вмѣсто волосъ, рыбакъ узнаетъ русалку, которая звала его какъ-то въ морскую пучину. Онъ и она поселяются у рыбака, въ первомъ этажѣ его хижины (у него двухэтажная хижина). Онъ хочетъ отъ нея блаженства и вдохновеній, она для него—образъ всѣхъ переживаній, а она видитъ въ рыбакѣ идеалъ могущества. Волны океана хлещутъ, она поетъ: А-а-а-а! Въ концѣ-концовъ, она уходитъ къ рыбаку наверхъ, потому что у него огромные мускулы. Онъ стрѣляетъ въ рыбака въ то время, когда тотъ сидѣлъ съ нею, и убиваетъ его. Рыбакъ увлекаетъ ее въ океанъ, а онъ, закрывъ руками глаза, быстро уходитъ и... печатаетъ поэму... (*„Биржк. Вѣд.“. 1912—13178*).

Въ высшей степени невразумительное произведеніе. Этотъ океанъ, на берегу котораго происходятъ банальныя разговоры о „красотѣ дикихъ содроганій“ и т. п. Эти три восклицательныхъ знака послѣ наиболѣе страстныхъ (по замыслу автора) репликъ и, наконецъ, рисунокъ на обложкѣ: мужчина и женщина, похожіе на ацтековъ—все указываетъ на неумѣлыя старанія автора. (*В. В—нъ. „Совр. М.“. 1912—9*).

149. **Гриневская, И.** 891.7—2

Беха-Улла (Блескъ Божій) поэма-трагедія въ стихахъ изъ персидской жизни. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Новая пьеса-поэма извѣстной поэтессы. Ея герой—гонимый персидскій пророкъ, который учитъ, что „въ тюрьму любви не пытокъ должно сажать всѣхъ злыхъ“ зоветъ „усталыхъ въ горы, въ края заоблачныхъ вершинъ“ и, окруженный разящей его прозою, „слышитъ лишь небесныя слова и къ звукамъ ихъ его подъята голова“. Беха-Улла—послѣдователь и продолжатель Баба, знаменитаго основателя весьма распространенной въ мусульманскомъ мірѣ секты „бабистовъ“. Бабу посвящена первая поэма-драма г-жи Гриневской. Двѣ эти пьесы, какъ двѣ розы. Одна—весенняя, нѣжная, на утренней зарѣ, съ тонкимъ роснымъ благоуханіемъ. Другая—осенняя, роняющая лепестки, въ тающихъ лучахъ заката, съ запахомъ сладковатымъ, терпкимъ и нѣсколько

сухимъ. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣдняя пьеса шире первой по замыслу, богаче по идеямъ, умственно зрѣлѣе, такъ сказать, то, съ другой стороны, она холоднѣе и разсудочнѣе: въ ней, кажется, менѣе сердца, болѣе головы, менѣе трепетно волнующейся жизни, болѣе уравновѣшеннаго мудраго опыта, болѣе иногда — мудрости басенъ (что, впрочемъ, очень подходитъ къ стилю Востока), чѣмъ вдохновеннаго поэтическаго прозрѣнія. „Бабъ“ — трогательная драма-элегія нѣжности, любви, жалости, страданій пророка-поэта. „Беха-Улла“—величественная эпопея возвышенныхъ, но холодноватыхъ экстазовъ и тревогъ проповѣдника-мудреца. И Бабъ, и Беха-Улла—оба герои, оба пророки, оба гонимы, но какъ различны!.. Одинъ—еще юный, трепетный, колеблющійся, ищущій, поющій болѣе, чѣмъ говорящій. Другой—зрѣлый мужъ, мудростью подобный старцу, не ищущій, а уже нашедшій и болѣе резонерствующій, чѣмъ поучающій. Хотя „Бабъ“ авторомъ названъ поэмой драматической, а „Беха-Улла“ — поэмой-трагедіей, но въ волнующемся не столько сердцемъ, сколько умомъ, и оттого безконечно говорливомъ Беха-Уллѣ, въ его личности, его переживаніяхъ, его судьбѣ—менѣе трагической силы, чѣмъ въ содрогающемся душою, лирически-мечтательномъ Бабѣ и его участи; истомленнаго Баба подъ конецъ казнятъ, а Беха-Улла послѣ всѣхъ испытаній восходитъ на высоту блаженства въ озареніи апоѳеоза. Какъ въ поэмѣ, въ „Беха-Уллѣ“ менѣе напѣвности, чѣмъ въ „Бабѣ“, менѣе изящной и тонкой отдѣлки стиха; можетъ быть, не менѣе глубины и возвышенности чувства, но чувства уже охлажденнаго, не столь свѣжаго, перегорѣвшаго въ горнилѣ разсудка. И нѣсколько расплывчатые и многословные подчасъ сцены и монологи (особенно самого пророка) этой пьесы невольно заставляютъ вздохнуть о законченной, стройной и сжатой обработкѣ „Баба“. Тѣмъ не менѣе „Беха-Улла“—поэтическая роза... Въ ней есть свой цвѣтъ и ароматъ, своя—хотя и поблѣднѣвшая—красота. (*„Вѣст. Зн.“. 1912—9*).

Новое произведеніе г-жи Гриневской, видимо, долго изучавшей исторію религіи въ Персіи, по нашему мнѣнію, пополняетъ въ извѣстной степени сажный пробѣлъ въ нашей литературѣ. Герой новой пьесы Гриневской—Беха-Улла, какъ и въ прежней ея пьесѣ изъ персидской жизни „Бабъ“, является однимъ изъ пророковъ новой религіи—бабидской, близкой, по своимъ основамъ, къ христіанству. Любовь къ ближнему, всепрощеніе, стремленіе къ знанію и борьбѣ съ предразсудками — вотъ основные мотивы бабидскихъ вѣрованій. Нѣтъ сомнѣнія, носители этой новой религіи должны были встрѣтить жестокія преслѣдованія въ такой деспотической средѣ, какая много вѣковъ царила въ такомъ древнемъ государствѣ, какъ Персія. Отсюда вытекаетъ много драматическихъ положеній, которыми сумѣла воспользоваться опытная рука Гриневской для вышеупомянутыхъ пьесъ. Пьесы эти даютъ богатый матеріалъ артисту, умѣющему хорошо читать лирическія стихотворенія и не могутъ не производить, при добросовѣстномъ исполненіи, сильнаго впечатлѣнія на зрителей. (*Г. Т. „Запр. Ж.“. 1912—36*).

150. **Инфантьевъ, П.** 891.7—3

На родинѣ первыхъ людей. Приключ. двухъ гимназистовъ въ Сред. Азіи. Съ 27 рис. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1912 г. Стр. 98. Ц. 50 к.

Разсказъ П. Инфантьева о приключеніяхъ гимназистовъ въ Сред. Азіи будетъ для дѣтской аудиторіи и занимателенъ и полезенъ. Хотя авторъ и не беллетристъ, но онъ сумѣлъ, въ общемъ, сдѣлать свой разсказъ нескучнымъ, а мѣстами даже такъ драматизировалъ положеніе своихъ героевъ, что заставитъ читателей трепетать за ихъ судьбу. Цѣнность книжки, конечно, не въ этомъ, а въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя она даетъ объ описываемыхъ краяхъ—Китайскомъ Туркестанѣ и Памирѣ. На пути въ Кашгаръ путешественники-гимназисты, отправившіеся съ киргизскимъ торговымъ караваномъ, переваливаютъ черезъ Тянь-Шань и идутъ по пескамъ пустыни Текла—маканъ съ ея древними городами, засыпанными пескомъ. Ихъ соблазняетъ мысль найти такой мертвый городъ съ его погребенными въ пескахъ сокровищами, о которыхъ у киргизовъ ходятъ баснословные разсказы. Въ этихъ поискахъ они знакомятся съ пустыней и ея ужасами, такъ какъ дорогой ихъ захватываетъ страшный черный буранъ. Это самый драматическій эпизодъ разсказа, но есть и другіе,—въ родѣ внезапнаго наводненія въ горномъ ущельѣ. Въ книгѣ читатели найдутъ и нѣкоторые интересные штрихи изъ нравовъ обитателей тѣхъ мѣстностей, по которымъ шелъ караванъ, и самихъ киргизовъ; знакомитъ книга и кое съ чѣмъ изъ нравовъ животныхъ края. (*„Рус. Шк. 1912—5—6*).

Разсказъ ведется сжато и въ описательной части мѣстами напоминаетъ страницы учебника. Книжка издана недурно, съ оригинальными рисунками, частью фотографическаго происхожденія. (*М. В. С—въ. „Пед. Сб.“. 1912—8*).

151. **Селитренниковъ, А. М.** 891.7—3

Сѣятели вѣчнаго. Сатирическій романъ. СПБ. 1912. Стр. 347. Ц. 1 р. 35 к.

Въ Россіи о движеніи этической мысли нужно слѣдить по беллетристикѣ. Этическая литература слаба; философская совсѣмъ еще въ зачаткахъ; литературная критика, игравшая въ прежнія времена у насъ роль моральной философіи, потеряла прежнее свое значеніе. И кто хочетъ знать, что дѣлается у насъ въ этической жизни, долженъ обратиться къ беллетристикѣ, въ которой отражается „душа народа“.

Передъ нами романъ г. Селитренникова, несомнѣнно талантливый, хотя и производящій тяжелое впечатлѣніе. Описана жизнь редакціи газеты: репортеры, передовики, издатели, — всѣ болѣе или менѣе карикатурные, *хулигановатые типы*. Далѣе предъ нами проходятъ молодые ученые, если не хулиганскаго типа, то все же не такого чистаго, какой мы привыкли замѣчать въ молодыхъ ученыхъ.

Читая этотъ романъ, получаешь впечатлѣніе, что въ Россіи все постепенно погружается въ грязь. Какой-то цинизмъ хоронитъ все свѣтлое, прекрасное! Романъ оканчивается трагически: гибелью въ горахъ Кавказа милой, симпатичной дѣвушки Нины. Пошлыя фигуры, которыхъ такъ много, и ихъ глупые разговоры совершенно забываются, и читатель, потрясенный гибелью молодой дѣвушки, закрываетъ книгу, въ которой чувствуется талантъ гораздо большаго размѣра и лучшаго качества, чѣмъ подозрѣваетъ въ себѣ

авторъ, напрасно увлекающійся легкимъ жанромъ юмористическаго бытописанія.

Право, серьезное изученіе жизни гораздо плодотворнѣе для улучшенія ея, чѣмъ эти разныя его шутки и „сатиры". Жизнь серьезна! (*Проф. Л. Владиміровъ „У. Рос." 1912—196*).

У г. С. очень своеобразныя представленія о сатирѣ, позаимствованныя имъ едва-ли не у обитателей одесскаго порта. Кромѣ брани и клеветы ничто въ его книгѣ не останавливаетъ на себѣ вниманія читателя. По формѣ и по языку книга г. С. является обыкновеннымъ газетнымъ фельетономъ, растянутымъ на двадцать печатныхъ листовъ. Уже одно это несоблюденіе элементарныхъ литературныхъ пропорцій дѣлаетъ книгу водянистой, безцвѣтной и скучной. (*„Нов. Журн. для Вс." 1912—3*).

152. [. . . . .] 891.7.09—93

Стихи духовные. Вступительная статья Е. А. Ляцкаго. Тексты избралъ Е. А. Ляцкій при участіи И. С. Платоновой. Изд. т-ва „Огни". Спб. Ц. 2 р.

Во вступительной статьѣ къ сборнику Е. А. Ляцкій попытался ввести читателя какъ въ народное міросозерцаніе, которымъ проникнуты духовные стихи, такъ и въ смыслъ той научной работы, которая должна руководить читателемъ въ знакомствѣ съ ними. Введеніе читается легко и интересно. Но, думается, было бы еще интереснѣе, если бы авторъ указалъ генезисъ научныхъ теорій и изслѣдованій въ вопросѣ о духовныхъ стихахъ и вообще о народной поэзіи, опредѣлилъ бы свое отношеніе къ нимъ и далъ бы, такимъ образомъ, читателю возможность самостоятельно разбираться въ оцѣнкѣ какъ народнаго творчества, такъ и научныхъ взглядовъ на него. Подборъ текста стиховъ сдѣланъ интересно. Въ концѣ книги указаны ихъ источники. Также указана краткая, очень неполная научная литература и приложены ноты. Книга украшена художественными виньетками „по старинамъ образцамъ",—слѣдовало бы указать ихъ происхожденіе и значеніе. (*Вл. Б. „Рус. Вѣд." 1912—146*).

Несомнѣнно, что то представленіе, которое получитъ читатель изъ собранія духовныхъ стиховъ, будетъ цѣлымъ откровеніемъ для него, знающаго о нихъ только изъ безжизненныхъ школьныхъ учебниковъ. Весьма нелишнимъ будетъ изданіе для школы, въ которой духовные стихи проходятся очень плохо и поверхностно. (*А. Ф—нъ. „Соврем." 1912—4*).

153. **Конопницкая, М.** 891.85—3

Ласточка и др. разсказы. Перев. съ польск. В. Высоцкаго. Изд. 1-е Кнебель. Съ рис. худ. П. Афанасьева. М. Стр. 119.

Нѣкоторые разсказы Конопницкой носятъ чисто мѣстный, польскій характеръ, напр., Франусь у Вислы", въ которомъ отецъ, взявшій съ собою въ путь и переѣзжающій Вислу разсказываетъ сыну, въ доступной и интересной для мальчика формѣ, о Вислѣ и ея притокахъ. Разсказъ этотъ окрашенъ теплымъ чувствомъ привязанности къ родинѣ и могъ бы послужить образцомъ для подобнаго же рода разсказовъ о Россіи. Иные разсказы носятъ фантастическій, сказочный характеръ (напр. „Что было со льномъ"), большинство же представляетъ обыденныя картинки изъ дѣтской жизни, съ легкимъ оттѣнкомъ дидактизма; послѣдній, однако, окрашенъ теплотою и искренностью чувства и поэтическимъ колоритомъ стиля; особенно удаченъ первый разсказъ „Ласточка". Переведены разсказы и даже вошедшія въ нихъ стихотворенія довольно удачно: слабы только рисунки П. Афанасьева. Впрочемъ, они не лучше и въ польскомъ изданіи. (*И. Бахтинъ. „Рус. Шк." 1912—1*).

Разсказы симпатичной по характеру своего дарованія польской писательницы, предназначенные для дѣтскаго чтенія, принадлежатъ къ категоріи произведеній, авторы которыхъ стараются, главнымъ образомъ, принести пользу юнымъ читателямъ, привить имъ гуманные взгляды или сообщить интересныя свѣдѣнія изъ той или другой области. Художественная сторона — на второмъ планѣ, занимательность фабулы представляется неимѣющею особеннаго значенія, зато стороны идейная и моральная усиленно выдвигаются и подчеркиваются. До извѣстной степени это является достоинствомъ разсказовъ Конопницкой, проникнутыхъ весьма симпатичными мыслями, которыя способны благотворно дѣйствовать на дѣтскую душу, и вмѣстѣ съ тѣмъ содержащихъ въ себѣ разнообразный фактическій матеріалъ, тщательно подобранный авторомъ. Но не всѣ юные читатели удовлетворятся тѣмъ, что даетъ Конопницкая,—имъ захочется чего нибудь болѣе интереснаго по самому сюжету, хоть нѣсколько говорящаго воображенію, не имѣющаго ничего общаго съ прописною моралью... Въ интересахъ безпристрастія слѣдуетъ отмѣтить, что есть все же въ книгѣ разсказы просто занимательные въ родѣ, напр., носящаго характеръ сказки—разсказа „Что было со льномъ". Что касается слога, какимъ написаны всѣ эти произведенія, нужно признать, что онъ не однороденъ въ отдѣльныхъ вещахъ. (*Ю. Весловскій. „Вѣст. Восп." 1912—3*).

154. **Перцевъ, В.** 9(38)(075)

Учебникъ древней исторіи для VIII кл. мужскихъ и женскихъ гимназій. Ч. I. Греція. Изд. Сытина. М. 1912. Ц. 80 к. Стр. 172.

Вышедшая 1-я часть учебника г. Перцева, посвященная Греціи, распадается на XVI гл., изъ которыхъ по своей новизнѣ для среднешкольныхъ учебниковъ особенный интересъ представляютъ такія, какъ: „Доисторическое время", „Гомеровское время", „Религія и культура грековъ въ древнѣйшее время", „Эпоха колонизаціи и экономическій переворотъ", „Новая культура", „Греція въ IV вѣкѣ и „Греческ. образованность эпохи упадка (V—III в.)". Эти главы въ учебникѣ г. П. даютъ много свѣжаго и интереснаго матеріала; не мало его и въ остальныхъ главахъ книги. Изложеніе г. П. просто и очень доступно, и мѣста трудныя для пониманія встрѣчаются собственно какъ исключеніе. Все это позволяетъ намъ признать учебникъ г. П. очень полезнымъ вкладомъ въ нашу учебную литературу по исторіи. (*К. Сивковъ. „Вѣст. Восп." 1912—2*).

„Учебникъ" г. П. — интересная книга; многіе отдѣлы въ ней въ общемъ хороши. Для *руководства* въ VIII кл. *мужскихъ* гимназій она, кажется, слишкомъ объемиста; зато она могла бы быть *пособіемъ* не только для учениковъ старшихъ классовъ гимназіи, но и для студентовъ, и для преподавателей, — по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ. Книга снабжена немно-

гими, но удачными рисунками. (*В. Бузескулъ. „Изв. по Нар. Обр.“ 1912—6*).

* **Минцловъ, С. Р.** 9(47):016
См. порядк. № 125.

* **Звягинцевъ, Е.** 9+91]:371.3
См. порядк. № 138.

155. **Муратовъ П.** 91(45)
Образы Италіи. Изд. „Научнаго Слова“. М. 1911. Т. I. Стр. 265. Ц. 2 р. 25 к. Т. II. 1912. Стр. 159. Ц. 1 р. 50 к.

Ни одна страна, культурнымъ наслѣдіемъ и природными красотами привлекающая иноземцевъ, не имѣетъ среди нихъ такихъ энтузіастовъ, какъ Италія. Къ ней влечетъ не только ея божественная природа, богатства ея историческихъ воспоминаній, высоты ея искусства; замѣчательно то, что ея прошлое любятъ сквозь ея настоящее, не отказываются отъ ея современности, жадно связываютъ живое съ безсмертнымъ — и въ этой связи чувствуютъ особую, несравненную красоту великой страны. Современная Греція лежитъ пропастью между путешественникомъ и и міромъ эллинской культуры; живая Италія носитъ въ себѣ живымъ все громадное и разнообразное наслѣдіе прошлаго. Такъ чувствуютъ ее подлинные любители, такъ подошелъ къ ней ея новый русскій энтузіастъ въ своей содержательной книгѣ. Внѣшнія рамки его книги не новы: давно уже поклонники Италіи, выразившіе свое преклоненіе передъ ней въ томъ, что стали ея знатоками, пріучили насъ къ этому особому жанру, гдѣ живы впечатлѣнія современности сливаются въ органическое цѣлое съ историческимъ изученіемъ и эстетическимъ анализомъ. Г. Муратовъ использовалъ эти формы съ большимъ разнообразіемъ. Вездѣ онъ связанъ только своимъ любовнымъ вниманіемъ къ Италіи, нигдѣ — какимъ либо обязательнымъ предметомъ восхищенія.

Книга г. Муратова, которая будетъ закончена въ третьемъ, обѣщанномъ авторомъ томѣ быть можетъ, станетъ въ ближайшіе годы любимымъ спутникомъ русскихъ путешественниковъ по Италіи, и въ ихъ воспоминанія о радостныхъ дняхъ путешествія, гдѣ каждый восторгъ былъ неизмѣнно высокимъ поученіемъ, вплетется мысль объ ихъ руководителѣ, спокойномъ и увлекательномъ. (*„Рус. Бог.“ 1912—5*).

Русская литература обогатилась прекраснымъ, превосходнымъ описаніемъ Италіи, описаніемъ, которое хочется читать и перечитывать какъ вдохновенную поэму... Любовью къ красотѣ, упоеніемъ, влюбленностью въ искусство и въ природу и, въ цѣломъ, въ Италію—насквозь проникнута книга г. М... Тѣ, кто побывалъ уже въ Италіи, найдутъ въ книгѣ г. М. много, такъ сказать, ретроспективной радости. И даже тѣ, кто никогда не видалъ и не увидитъ ея—прочтутъ эту книгу съ подлиннымъ и глубокимъ наслажденіемъ, ибо вся она отъ первой строчки до послѣдней—искренняя, высокохудожественная и прочувствованная лирика. (*А. Дерманъ. „Завѣты“. 1912—4*).

Появленіе книги г. М. необходимо отмѣтить, какъ знаменательный моментъ въ исторіи русской культуры... Книга г. М. доступна всѣмъ, и даже простому читателю дастъ не мало радости своею занимательностью. У М. совсѣмъ нѣтъ привычки сбиваться на моралистическія сентенціи или полемику. Необычай о ясно и спокойно разсказываетъ онъ о различныхъ эстетическихъ и жизненныхъ событіяхъ, и у читателя остается увѣренность, что, если бы раздвинуть рамки книги, авторъ разсказалъ бы еще очень многое. М. не дѣлаетъ выводовъ, не доказываетъ какія-либо идеи, онъ только возсоздаетъ картины и фигуры людей. Отдѣльные города и разные характеры живутъ въ его книгѣ въ подчеркнуто — индивидуальныхъ образахъ. (*В. Грифцовъ. „Рус. М.“ 1912—3*).

Второй томъ г. М., какъ и первый, производитъ прекрасное впечатлѣніе... Черезъ всю книгу красной нитью проходитъ одна и та же черта—пониманіе искусства не какъ самодовлѣющей категоріи, а какъ высшаго выраженія подлинной жизни. (*Я. Тугенхольдъ. „Совр. М.“ 1912—9*).

Книга г. М. читается съ большимъ и серьезнымъ интересомъ. Импрессіонистское заглавіе вполнѣ къ ней подходитъ. Авторъ глубоко изучилъ искусство Италіи и его литературу. Обладая даромъ художественной передачи своихъ впечатлѣній, чувствъ и восторговъ, онъ пишетъ съ большимъ подъемомъ, иногда съ паѳосомъ, оправдываемымъ глубиной чувства. (*П. Щаскольскій. „Вѣст. Евр.“. 1912—10*).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеней“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ.

0 Общія сочиненія.

368. **Кулыжный, А. Е.** 016 : 334

Союзы и крестьянство. (Справочникъ по кооперації). А. Ф. Фортунатовъ. Библ. журн. „Хуторянинъ“. Полтава. 92 стр. Ц. 20 к.

Содержаніе: Что читать о кооперації. Приложенія.

369. **Смирновъ, О. Н.** 059 : 37(47)

„Народный учитель“. Календарь-справочникъ 1912—13 учебн. годъ. (Въ 2-хъ частяхъ). М. 1912. Изд. ред. ж. „Народн. учитель“. 64 + 283 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

370. [. . .] 06(× 92.4)

Извѣстія обществъ распространенія правильныхъ свѣдѣній о евреяхъ и еврействѣ. Сборникъ статей. Вып. I. М. 1912. Стр. 231. Ц. 1 р.

Содержаніе: С. Вермель. Памяти В. О. Гаркави. — Уставъ о-ва. — Евреи въ Россіи въ 1911 г. — С. А. Анъ-скій. Отеч. война и евреи. К. Фитцъ. Слово о Талмудѣ. Съ нѣм.—Мар-бадъ. Воинская повинность и евреи.—И. О. Левинъ. Проф. Зомбартъ. Капитализмъ и евреи. — Библіографія.

371. **Орловецъ, П.** 087.1

На вольномъ воздухѣ. (Охота и охотничій промыселъ). Разск. для дѣтей. Съ 40 рис. въ текстѣ. Изд. Клюкина. М. 1913. Стр. 112. Ц. 40 коп., въ папкѣ 55 к.

372. **Шмелевъ, И.** 087.1

Свѣтлая страница. „Дешевая библ. для семьи и школы“. М. 1912. Изд. ред. журн. „Юная Россія“. 72 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

373. **Юрьева, М. Е.** 087.1

Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Воспом. и разск. для дѣтей. Съ рис. И. Литвиненко. Изд. Клюкина. М. 1913. Стр. 71. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

Содержаніе: Поиключеніе Фрица. Въ золотые дни дѣтства. Первая пасхальная утреня. Дѣдушкины разсказы.

1 Философія.

374. **Буссе, Л.** 1„15 : 18“

Міровоззрѣніе великихъ философовъ, новаго времени. Перев. съ нѣм. Изд. Н. М. Чубскаго. Изд. „Всеобщ. библ.“. Спб. 1912. Стр. 213. Ц. 40 коп.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Новѣйшая философія до Канта. Общая характеристика. I. Раціонализмъ отъ Декарта до Спинозы. II. Эмпиризмъ отъ Бэкона до Локка. III. Философскія теченія вѣка, предшествующаго „Критикѣ чистаго разума“. IV. Критическая философія. — Новѣйшая философія послѣ Канта. Общая характеристика. I. Идеалистическое направленіе. Реалистическое направленіе. Неокантіанство. Позитивизмъ.

375. **Ницше, Ф.** 1(И)

Такъ говорилъ Заратустра. Книга для всѣхъ и ни для кого. Введеніе Елиз. Форстеръ-Ницше. Перев. съ нѣм. В. Изразцова. Изд. „Всеобщ. библ.“. Спб. 1913. Стр. 373. Ц. 60 к.

376. **Берндтъ, д-ръ.** 134

Самовнушеніе. Секретъ самообладанія или лѣченіе страстей и душевныхъ страданій. Пер. Дм. Крючкова. Спб. 1912. 211 стр. Ц. 2 р.

377. **Сикорскій, И. А., проф.** 141 : 146

Идеализація и матеріализація жизни. Рѣчь, произнес. на Моск. съѣздѣ психіатровъ въ память С. С. Корсакова, 11 сент. 1911 г. Изд. 2-е. Кіевъ. 1912. Стр. 14. Ц. 20 к.

378. **Айвазовъ, И. Г.** 146(04)

Критическій обзоръ матеріалистическихъ теорій противъ субстанціальности души. М. 1912. Стр. 22.

* **Сикорскій, И. А., проф.** 146 : 141

См. порядк. № 377.

379. **Жанэ, П., проф.** 15

Психическій автоматизмъ. Экспериментальное изслѣдованіе низшихъ формъ психической дѣятельности человѣка. Перев. съ фр. А. Вальцеферъ. Изд. „Начало“. М. 1913. Стр. 453. Ц. 3 руб.

Содержаніе: Введеніе. Общій автоматизмъ. Изолированныя психическія явленія. Забываніе въ связи съ послѣдовательной смѣной различныхъ сознаній. Внушеніе и суженіе поля сознанія.—Частичный автоматизмъ: подсознательныя дѣйствія. Анестезіи и одновременное существованіе нѣсколькихъ психикъ. Различныя формы расщепленія психики. Психика слабая и психика сильная.

380. **Россолимо, Г. И.** 153

Осмышленіе комбинирующее. Таблицы для изслѣдованія осмышленія по методу психологическихъ профилей. М. 1912. 10 лист. рис.

381. **Россолимо, Г. И.** 153

Осмышленіе простое. Таблицы для изслѣдованія осмышленія по методу психологическихъ профилей. М. 1912. 10 лист. рис.

* **Коленичснко, Д.** 17 : 613

См. порядк. № 422.

382. **Гиршфельдъ, М., д-ръ** 171.8

Естественныя законы любви. Общепонятное изслѣдованіе о воспріятіи любви, напряженіи любви и выраженіи любви. Изд. Итина. Спб. 1912. Стр. 220. Ц. 1 р. 50 к.

383. **Францманъ.** 178.1

Объ алкоголизмѣ. „Борьба съ пьянствомъ“. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 27-й. М. 1912. Изд. „Посредникъ“. 40 стр. Ц. 8 к.

384. **Гринъ, И. В.** 179.7

О дуэли. М. 1912. Стр. 64. Ц. 50 к.

Содержаніе: Мнѣнія В. Набокова, С.

Познышева, Н. Таганцева, И. Фойницкаго, А. Бернера, А. Лохвицкаго, В. Короленко, В. Спасовича, Дюпена (старшаго), К. Шаврова, А. Зыкова, Н. Ел—скаго, Ф. фонъ-Листа, А. Бѣлогрицъ-Котляревскаго, И. Поклюдова, А. Куприна, Д. Мережковскаго, М. Адамова.

2 Религія.

385. **Жиловъ, І.,** свящ. 27(0:8)(08)

Сборникъ поэтическихъ произведеній по исторіи христіанской церкви. Съ снимками съ картинъ извѣстн. художниковъ. Вып. I. Общая церковная исторія. Юрьевъ. 1912. Стр. 164. Ц. 75 к.

386. **Гурвичъ, О. Я.** 296

Іудаизмъ и свободомысліе, историко-критическій этюдъ. Минскъ. 1912. 47 стр. Ц. 50 к.

3 Соціальныя науки.

387. **Адлеръ, Георгъ,** проф. 301

Изъ исторіи общественныхъ ученій. Перев. съ нѣм. подъ ред. съ предисл. и примѣч. проф. В. И. Сперанскаго. Спб. 1913. Изд. Юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова. XI+227 стр. Ц. 1 р. 50 к.

388. **Глинка, Оттонъ.** 323.1:(×92.4)

О мнимомъ ритуальномъ убійствѣ у евреевъ. Кіевъ. 1912. Изд. „Наше прошлое". 30 стр. Ц. 15 к.

389. **Гутьяръ, В.** 324(47)

Предвыборный памфлетъ. Пора прямо смотрѣть на вещи предъ выборами въ 4-ю Госуд. Думу въ 1912 г. или злоба времени. Почему русскій колосъ не можетъ прокормить населеніе и какъ получить къ тому возможность? Изд. автора. М. 1912. Стр. 69. Ц. 1 р.

390. **Гудзанъ, А.** 331:38

Законодательная охрана труда приказчиковъ. Одесса. 1912. Стр. 87. Ц. 40 к.

391. **Козьминыхъ-Ланинъ, Н. М.** 331:[677](47.31)

Рабочіе Московской губерніи, занятые обработкою хлопка и обработкою металловъ. М. 1912. Стр. 108. Ц. 1 р. 25 к.

392. **Іонасъ, Д.** 331.823(47)

Новый законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и объ обезпеченіи ихъ на случай болѣзни. Что оно дало рабочимъ и что онъ у нихъ взялъ. Съ прилож. полнаго текста новаго закона. Изд. автора. М. 1912. Стр. 96. Ц. 50 к.

393. **Нолькенъ, А. М.,** бар. 331.823(47)

Законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Практическое руководство. Изд. „Право". Спб. 1913. Стр. 362. Ц. 2 р. 75 к.

394. **Чистяковъ, И.** 331.823(47)

Страхованіе рабочихъ въ Россіи. Опытъ исторіи страхованія рабочихъ, въ связи съ нѣкоторыми др. мѣрами ихъ обезпеченія. М. 1912. Стр. 422. Ц. 3 р.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Теоретическія границы и основы изслѣдованія. Періодъ наивно-реалистическаго творчества проектовъ страхованія рабочихъ. Принципіальныя постановки правительствомъ вопроса о страхованіи рабочихъ, при сравненіи послѣдняго со спеціальной отвѣтственностью предпринимателей. Ходатайство объ установленіи страхованія рабочихъ. Врачебное сословіе о страхованіи рабочихъ. Мѣстные комитеты и страхованіе рабочихъ, въ связи съ др. обезпечивающими мѣрами. Рабочіе и страхованіе рабочихъ, въ связи съ др. протективными мѣрами. Страхованіе рабочихъ въ программахъ политическихъ партій. Проекты мин. землед. и госуд. имущ. о страх. горнорабочихъ. Страхованіе рабочихъ въ предначертаніяхъ мин. финансовъ. Мин. торговли и промышл. о страхованіи рабочихъ. Совѣщаніе подъ предсѣд. М. Федорова о страхованіи рабочихъ. Вопросъ страх. рабочихъ въ совѣщаніи подъ предсѣд. Философова.

395. **Іонасъ, Д. А.** 331.823:385](47)

Новый законъ о вознагражденіи пострадавшихъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Что онъ далъ потерпѣвшимъ и что онъ у нихъ взялъ. Съ прилож. полнаго текста новаго закона. Изд. автора. М. 1912. Стр. 54. Ц. 35 к.

396. **Закъ, П. Л.** 332.7

Вліяніе профессіональнаго состава кредитныхъ кооперативовъ на ихъ развитіе. Кишиневъ. 1912. Стр. 38.

397. **Кавелинъ, С. П.** 333.5(47)

Историческій очеркъ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ. Изд. автора. М. 1912. Стр. 70. Ц. 70 к.

Содержаніе: Краткій историч. обзоръ землевладѣнія черносошенныхъ крестьянъ и одноодворцевъ. Госуд. крестьяне съ первой ревизіи до учрежд. Мин. Гос. Им. Реформы гр. Киселева и его преемниковъ. Поземельное устройство госуд. крестьянъ во второй половинѣ XIX в. Землевладѣнія госуд. крестьянъ окраинныхъ губерній и областей.

398. [. . . .] 334(082)

Курсы по коопераціи. Изд. подъ ред. А. А. Мануилова. Т. I. Моск. Город. университета имени А. А. Шанявскаго. М. 1912. Стр. 289. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе: А. А. Мануиловъ. Предисловіе. Проф. М. Туганъ-Барановскій. Экономическая природа кооперативовъ и ихъ классификація.—Проф. В. Желѣзновъ. Теорія мелкаго (кооперативнаго) кредита. Проф. А. Анциферовъ. Современное положеніе кредитной кооперации въ странахъ Западной Европы.—С. Войцеховскій. Кооперативное законодательство.—Проф. А. Фортунатовъ. Объ изученіи кооперации.

* **Кулыжный, А. Е.** 334:016

См. порядк. № 368.

399. **Бойковъ, Н. С.** 334:63

Какъ открыть и вести потребительное общество въ деревнѣ. Кіевъ. 1912. Изд. Агроном. Отд. Кіев. Губ. Зем. Управы. Стр. 24. Ц. 10 к.

* **Куприановъ, Л. П.** 334:63(43)

См. порядк. № 423.

400. [. . . .] 34(04)

Записки судьи. Спб. 1912. Изд. 3-е, дополн. и съ новыми прилож. Стр. 81. Ц. 80 к.

401. [. . .] 342.7(47)(082)
Свобода печати въ обновленномъ строѣ. Сборникъ статей. Спб. 1912. Стр. 244. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: В. Набоковъ. Къ исторіи обновленнаго законодательства о печати. (Комиссія Кобеко).—М. Гапфманъ. Январскій періодъ свободы столичной печати.—А. Горбуновъ. Дѣйствующее законод. о печати.—Гр. П. Трубецкой. Обязательныя постановленія о печати въ порядкѣ охраны.—С. Ордынскій. Печать и суд.—В. Обнинскій. Печать и администрація.—В. Розенбергъ. Нѣсколько цыфровыхъ итоговъ.

402. **Катцъ, Л. З.** 342.8(47)
Наше избирательное право. Библ. общедост. законовѣд. „Наше право". Изд. В. М. Саблина. М. 1912. Стр. 286. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: Основныя черты дѣйствующаго избирательнаго права. Текстъ Положенія о выборахъ въ Госуд. Думу съ разъясненіями Правит. Сената, Мин. Вн. Дѣлъ и прецедентами изъ практики 3-й Гос. Думы. Предметный указатель.

403. **Изразцовъ, В.** 343(47)(003)
Уголовное уложеніе, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Дѣйствующія статьи по продолженію 1909 г. Алфавитный и предметный указатель. Изд. „Всеобщ. Библ." Спб. 1912. Стр. 287. Ц. 50 к.

404. **Бертгольдтъ, Г. И.** 343.19(47)(001)
Законъ о преобразованіи мѣстнаго суда, съ приложеніемъ „алфавитнаго предметнаго указателя". М. 1912. Изд. юр. кн. маг. „Право" Ф. В. Бусыгина. LXIV + 149 + 63 стр. Ц. 75к.

405. [. . . . .] 343.19(47)(001)
Законъ о преобразованіи мѣстнаго суда съ прилож. временныхъ правилъ о волостномъ судѣ. Высоч. утвержд. 15 іюня 1912 г. Изд. кн. магаз. „Правовѣдѣніе" И. К. Голубева. Стр. 148. Цѣна 50 коп.

406. **Завадскій, С. В.** и **Свидерскій, В. Н.** 347.7(47)
Кассаціонная практика по общеимперскому конкурсному праву и процессу. Спб. 1913. Изд. Н. П. Зубкова. XVI + 229 стр. Ц. 2 р.

407. **Васьковскій, Е. В.** 347.9(02)
Курсъ гражданскаго процесса, т. I. Изд. бр. Башмаковыхъ. М. 1913. Стр. IX + 691. Ц. въ перепл. 4 р. 50 к.
Содержаніе: Введеніе. Устройство гражданскихъ судовъ. Исковое производство. Принципы процесса. Субъекты процесса. Объекты искового процесса. Процессуальныя отношенія.

408. **Гринъ, Н. В.** 347.965
Судебное краснорѣчіе. Изд. кн. маг. „Правовѣдѣніе" И. К. Голубева. М. 1912. Стр. 32. Ц. 30 коп.

409. **Марковъ, А. Н.** 347.965(47)
Правила адвокатской профессіи въ Россіи. Опытъ систематизаціи постановленій Совѣтовъ прис. повѣренныхъ по вопросамъ профессіональной этики. Изд. автора. М. 1912. Стр. X + + 429. Ц. 3 р.

410. **Панкратовъ, А. С.** 361.96(47)
Безъ хлѣба. Очерки русскаго бѣдствія. (Голодъ 1898 и 1911 — 12 гг.). Изд. В. П. Португалова. М. 1913. Стр. 247. Ц. 1 р.

* **Смирновъ, О. Н.** 37(47):059
См. порядокъ № 369.

411. **Соколовъ, П.** 371(09)
Исторія педагогическихъ системъ. Изд. О. В. Богдановой. Спб. 1913. Стр. 613. Ц. 2 р. 75 к.
Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Воспитаніе у древнихъ грековъ: въ Спартѣ, въ Аѳинахъ. Педагогическія воззрѣнія и идеалы греческихъ мыслителей: Пиѳагоръ, софисты, Сократъ, Платонъ, Аристотель. Воспитаніе у римлянъ. Педагогич. взгляды Квинтиліана. Вліяніе христіанства на воспитаніе и образованіе. Педагогія у первыхъ христіанъ. Школьный строй средневѣковья. Эпоха гуманизма и реформаціи. Новыя начала воспитанія и обученія въ эпоху гуманизма — реформаціи. Итальянскіе гуманисты — педагоги. Нѣмецкіе гуманисты — педагоги. Педагогич. взгляды представителей реформаціи: Лютеръ, Меланхтонъ, Штурмъ. Педагогическая система іезуитовъ. Гуманистическая педагогика съ реалистич. оттѣнкомъ: Томасъ Моръ, Людвигъ Вивесъ, Петръ Рамусъ, Ф. Рабле, Монтэнь, Бэконъ, Декартъ. Педагогія подъ вліяніемъ философскихъ идей. Ратихтъ. Амосъ Коменскій. Піэтизмъ. Учрежденіе и педагогика Франке. Педагогія подъ вліяніемъ философск. идей во Франціи: Педагогія Поръ-Рояля. Фенелонъ. Педагогія 17-го вѣка Франціи: Ш. Роллень. Педагогія эпохи просвѣщенія: Джон. Локкъ, Ж.-Ж. Руссо, нѣмецкіе филантрописты. Педагогія соціальныхъ интересовъ: И. Кантъ и его педагогика, Фихте, Песталоцци, Фребель. Научно-психологическое направленіе: Гербартъ, гербатіанцы: Ф. Стой и Штроммель. Реалисты. Система воспитанія: Спенсеръ. Заключеніе.

* **Гартвигъ, А. Ф.** 371:68
См. поряд. № 425.

412. **Сѣрополко, С. А.** 374.6(08)
Внѣшкольное образованіе. Сборникъ статей. „Учительская библ." М. 1912. Изд. журн.„ Педагогич. Листокъ". 128 стр. Ц. 40 к.

413. **Крашевскій, П. Н.** 38(02)
Практическія занятія по товаровѣдѣнію. Методы физико-механическаго испытанія. Спб. 1912. Изд. Кечеджи-Шаповалова. 112 стр. Ц. 60 к.

* **Гудванъ, А.** 38:331
См. порядк. № 390.

* **Іонасъ, Д. А.** 385:331.823](47)
См. порядк. № 395.

414. [. . . . .] 398.4
Колдуны и вѣдьмы. „Кн. за книжкой", кн. 75. Спб. 1912. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 59 страницъ. Ц. 15 коп.

415. **Орнатскій, И. В.** 491.7—8
Разсказчикъ. Пособіе къ развитію рѣчи. Для школы и семьи. Въ 3-хъ книжкахъ. Изд. „Прометей". Спб. 1912.—Кн. I—20 к.; кн. II—25 к.; кн. III—25 к.

5 Чистыя науки.

416. **Боголюбовскій, С. Н.** 5(075)
Первый шагъ къ природѣ. Пособіе для школы и семьи къ преподаванію первоначальнаго природовѣдѣнія. Ч. 1. Съ рис. и указ. популярной

литературы. М, 1912. Изд. А. К. Залѣсской. X+ 10 стр. съ рис. Ц. 75 к.

417. **Нойесъ, В., проф., и Смитъ, Г.** 544

Элементы качественнаго анализа. Переработанный и дополненный переводъ съ 6-го америк. изд. М. П. Дукельскаго. Кіевъ. 1912. 165 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 10 к.

418. **Рахмановъ, Г.** 551.5

Основы метеорологіи. Изд. „Научное Слово" 3-е. М. 1913. Стр. 130+6 табл. Ц. 1 р. 25 к.

419. **Пеннеттъ, Р.** 57(01)

Менделизмъ. Перев. съ 3-го англ. изд. съ разрѣшенія автора. Под. ред. пр.-доц. В. С. Елпатьевскаго. Изд. „Bios". М. 1913. Стр. 190. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Задачи изслѣдованія. Истор. очеркъ. Работы Менделя. Теорія присутствія и отсутствія факторовъ. Взаимодѣйствіе факторовъ. Возвратъ къ дикимъ формамъ. Доминированіе признаковъ. Дикія формы и домашнія породы. Взаимное отталкиваніе и сочетаніе факторовъ. Полъ. Промежуточныя формы. Варіація и эволюція. Практическое значеніе законовъ Менделя. Человѣкъ. Добавленіе. Указатель.

420. **Сно, Е.** 572.9

Цыгане. Очеркъ. Съ рис. Изд. Клюкина. М. 1912. Стр. 32. Ц. 10 к.

421. **Вериго, Б., проф.** 576.3

Біологія клѣтки, какъ основа ученій о зародышевомъ развитіи и размноженіи. Съ 60 рис. Изд. „Mathesis". Одесса. 1913. Стр. 336. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. Біологія клѣтки, какъ основа ученій о зародышевомъ развитіи и размноженіи. Общая біологія клѣтки. Зародышевое развитіе организма. Явленія оплодотворенія.

6 Прикладныя науки.

422. **Коленичeнко, Д.** 613 : 17

Пути къ физическому и духовному возрожденію. М. 1912. 128 стр. Ц. 30 к.

* **Бойковъ, Н. С.** 63 : 334

См. порядк. № 399.

423. **Куприяновъ, Л. П.** 63 : 334(43)

Сельско-хозяйственная кооперація въ Германіи. „Библ. сельскаго кооператора". № 3-й. Харьковъ. 1912. Изд. Об-ва сел. хозяйства. 24 стр. Ц. 5 к.

424. **Черскій, Л.** 655.1 : 92(Г.+Ф.)

Іоганнъ Гутенбергъ и Иванъ Федоровъ. Съ рис. Изд. Клюкина. М. 1913. Стр. 40. Ц. 10 к.

* **Козьминыхъ-Ланинъ, Н. М.** 677 : 331] (47.31)

См. порядк. № 391.

425. **Гартвигъ, А. Ф.** 68 : 371

Ручной трудъ, какъ методъ обученія и воспитанія въ семьѣ и школѣ. „Библ. воспитанія и обученія". Подъ ред. А. Е. Флерова. № 1, М. 1912. Изд. журн. „Педагогическ. Обозр." 52 стр. Ц. 45 коп.

7 Изящныя искусства.

426. **Синьякъ, П.** 701

Отъ Дж. Делакруа къ нео-импрессіонизму съ прилож. статьи о законахъ цвѣта Шарля Блана. Перев. съ послѣдняго фран. изд. И. О. Дудина. Изд. Кнебель. М. 1913. Стр. 194. Ц. не обознач.

427. **Тэнъ, И.** 701

Чтенія объ искусствѣ. (Философія искусства). Ч. I. Природа и возникновеніе худож. произвед.). Пер. съ франц. Н. Соболевскаго. Кн-во „Польза", В. Антикъ. М. Стр. 96. Ц. 10 к.

428. **Лафонъ, П.** 75:92(М)

Бартоломэ Мурильо, его жизнь и художественная дѣятельность. Перев. съ франц. В. А. Л. съ 4-мя иллюстр. Изд. „Всеобщ. библ." Спб. 1913. Стр. 59. Ц. 20 к.

8 Литература.

429. **Марріэтъ, Ф.** 82—3

Гремучая змѣя, индѣйскій вождь. Повѣсть изъ жизни переселенцевъ въ Канадѣ. Новый перев. съ англ. подъ ред. Н. А. Митькова. М. 1912 г. Изд. І. Кнебель. 90 стр. съ рис. + 1 листъ рис.

430. **Ауэрбахъ, Бертольдъ.** 83—3

Босоножка. Изъ шварцвальдскихъ разсказовъ. Перев. съ нѣм. М. 1912. Издан. кн. скл. М. В. Клюкина. 123 стр. Ц. 40 к.

431. **Ауэрбахъ, Бертольдъ.** 83—3

Собраніе сочиненій. Томъ VI. Шварцвальдскіе деревенскіе разсказы. Перев. съ нѣм. М. 1912. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 282 + II стран. Ц. 1 р. 25 к.

432. **Манъ, Г.** 83—3

Охота за любовью. Романъ. Авториз. перев. съ нѣм. А. Полоцкой. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. „Универ. библ." № 775 — 780. М. 1912. Стр. 502. Ц. 60.

Содержаніе: Цѣли. Дыра во фракѣ. Кто способенъ на это? Другая лавочка. Братъ. Какъ полагается. Господинъ Папиръ. Матгаперъ. Это она. Граверъ. Катастрофа. Мамопъ. Has juvenum lachrimis.

433. **Эверсъ, Г.** 83—3

Избр. соч. Т. I. Альраунс. Исторія одного живого существа. Романъ. Изд. „Универс. Кн-ва", Л. Сголяръ. М. 1912. Стр. 341. Ц. 1 р. 50 к.

434. **Пауль, А.** 839.7—2

Король Христіанъ II. Драма въ 5 дѣйствіяхъ и 5 картинахъ. Перев. со шведск. М. Благовѣщенской. Съ историко-біографич. очеркомъ Е. Гешина. Изд. „Просвѣщеніе". Спб. 1912. Стран. 166. Ц. 80 к.

435. **Гейерстамъ, Гафъ.** 839.7—3

Власть женщины. Романъ. Пер. со шведск. В. Спасской. Кн-во „Польза", В. Антикъ и К°. М. Ц. 20 к. Стр. 192.

436. **Гейерстамъ Г.** 839.7—3

Собр. соч. Т. X. Борьба душъ. Романъ. Пер. К. Б. Изд. „Соврем. пробл." М. 1912. Стр. 288. Ц. 1 р.

437. **Лагерлефъ, С.** 839.7—3

Домъ Лиліекроны. Романъ. Перев. со шведск. М. Благовѣщенской. Кн-во „Польза", В. Антикъ и К°. М. Ц. 30 к. Стр. 320.

Содержаніе: Ураганъ. Самопрялка. Свартше. Бѣлоснѣжка. Священники въ Свартше. Вѣщая лепешка. Свадебный танецъ. Священникъ изъ Финнеруда. Кузнецъ изъ Неприкосберга. Прапорщикъ. Будни. Въ весенній вечеръ. Цвѣтъ. Вилартстенъ. Духиокровители Лёвдала. Домъ.

438. **Мирбо, Октавъ.** 84—2

Три пьесы. Перев. съ франц. С. В. Акимовой. „Всеобщая библ." Спб. 1912. 67 стр. Съ портр. Ц. 10 к.

Содержаніе: Эпидемія. Старые супруги. Интервьюеръ.

439. **Аданъ, П.** 84—3

Полное собран. соч. Т. VII. Огни шабаша. Романъ. Пер. А. Венгерова. Изд. „Сфинксъ". М. 1912. Ц. 1 р.

440. **Андрэ, Поль.** 84—3

Мужскія письма. Авториз. перев. съ франц. М. Веселовской. Кн-во „Польза" В. Антикъ и К°. М. Ц. 20 к. Стр. 167.

Содержаніе: Г. де-Вильеро г-ну Жану Латуру. Фернандъ Дарнита г-жѣ А. Х. В. Вахмистръ Верделэ М-ІІе Луизѣ. Альберъ—Маріаннѣ. Реми Гартель г-жѣ де-Мандаль. Вилльямъ Долиже Фреду Собатье ле-Шарле. Гарри Миль графу де-Брисэ-Монбаръ.

441. **Додэ, А.** 84—3

Прекрасная Нивернеза. Въ передѣлкѣ Е. Хохловой. Спб. 1912. 54 стр. Ц. 10 к.

442. **Ломбаръ, Жанъ.** 84—3

Византія. Романъ. Предисловіе Поля Маргеритъ. Пер. съ 57 франц. изданія Ю. Спасскаго. Иллюстр. съ акварелей художника А. Леру. М. 1912. Изд. кн-ва Сфинксъ 498+10 стран.+ +13 лис. рис. Ц. 3 р. 50 к.

443. **Мало, Г.** 84—4

Безъ семьи. Романъ. Ч. II. Перев. съ фр. Б. Займовскаго. Премировано фр. академіей. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. „Унив. библ." № 494—497. М. 1912. Стр. 330. Ц. 40 к.

Содержаніе: Впередъ. Черный городъ. Тачечникъ. Наводненіе. Въ заборѣ. Спасеніе. Урокъ музыки. Корова принца. Матушка Барберенъ. Старая и новая семья. Барберенъ. Поиски. Семейство Дрисколлъ. Чти отца своего и мать свою. Капи развращенъ. Изящныя пеленки обманули. Дядя Артуръ. Святки. Страхи Маттіа. Бобъ. Лебедь. Изящныя пеленки говорили правду. Въ семьѣ.

444. **Сентъ-Олеръ.** 84—3

Грозель. Романъ. Перев. съ франц. М. фонъ-Крита. Спб. 1912. 162 стр. Ц. 1 р.

445. **Кастельнуово, Э.** 85—3

Рыцари непорочной. Новеллы. Пер. съ итальян. Н. Богатуровой. Кн-во „Польза", В. Антикъ и К°. М. Ц. 10 к. Стр. 96.

446. **Ибаньесъ, Б.** 86—3

Собр. соч. Т. XV. Кровавая арена. Перев. М. Лавровой. Изд. „Соврем. пробл.". М. 1912. Стр. 490. Ц. 1 р. 50 к.

447. **Тибулъ, Авлъ Альбій.** 87—1

Элегіи. Перев. съ латинск. П. Ю. Бартенева. М. 1912. Стр. 28. Ц. 60 к.

448. **Бальмонтъ, К.** 891.]—1

Полное собр. соч. Т. III. Будемъ какъ солнце. Изд. 4-е. „Скорпіонъ". М. 1912. Стр. 227. Ц. 2 руб.

449. **Кольцовъ, А. В.** 891.7—1

Полное собр. стихотвореній. Съ очеркомъ жизни и дѣятельности Кольцова. Подъ ред. Ч. Вѣтринскаго. Изд. „Нижегородск. Ежег.". П.—П. 1912. Стр. 78. Ц. 25 к.

450. **Левинъ, М.** 891.7—1

Juvenilia. Стихи. (1909—1912). Маріуполь. 1912. Стр. 55. Ц. 60 к.

451. **Пастуховъ, Ѳ. Ф.** 891.7—1

1812—1912. Наполеонъ I. Сонъ великаго завоевателя. Поэма. М. 1912. VI + 301. II стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

452. **Бахметьевъ, А.** 891.7—2

Двѣнадцатый годъ. Драматическая хроника въ трехъ частяхъ (въ трехъ представленіяхъ). Спб. 1912. Изд. П. С. Егорова. 199 стр. Ц. 1 р.

453. **Аверченко, А.** 891.7—3

Разсказы для выздоравливающихъ. Юмористъ. библ. „Сатириконъ". Изд. М. Корнфельда. Спб. 1913. Стр. 207. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предисловіе. Сердечныя дѣла Филимона Бузыкина. Преступленіе актрисы Марыскиной. Человѣкъ, у котораго были идеи. Три визита и др.

454. **Бунинъ, И.** 891.7—3

Суходолъ. Повѣсти и разсказы. 1911—1912 гг. Изд. „Книгоизд. писателей". М. 1912. Стр. 318. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Суходолъ. Захаръ Воробьевъ. Сто восемь. Ночной разговоръ. Сила. Хорошая жизнь. Свѣрчокъ. Веселый дворъ. Игнатъ.

455. **Гусевъ-Оренбургскій, С.** 801.7—3

Капитанъ Кукъ. Жалоба. Данилушка. Портретъ. К-во „Польза", В. Антикъ и К°. М Ц. 10 к. Стр. 98.

456. **Дмитріева, В.** 891.7—3

Человѣкомъ сталъ. Разсказъ. Спб. 1912. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 29 стр. Ц. 7 к.

457. **Каренинъ, В.** 881.7—3

Сочиненія. Т. II. Разсказы и сказки. Изд. „Общ. Польза". Спб. 1912. Стр. 228. Ц. 1 р.

Содержаніе: Невидимка. Изъ дѣтскаго міра. Господинъ Калошкинъ. Феминистка изъ Абросимовки. Сказка про маленькую рыбку и про великаго человѣка. Жемчужина. Желтыя листья. Поѣздъ. Дервишъ въ Тахта-Джами. Орко (перев.).

458. **Качурина, С. А.** 891.7—3

До женскаго вопроса. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1912. 322 стр. Ц. 1 р. 50 к.

459. **Ковальскій, К.** 891.7—3

Жизнь—мгновенье. Въ осажденной крѣпости. Гуси. Ушли. Кн-во „Польза", В. Антикъ и К° М. Ц. 10 к. Стр. 94.

460. **Митропольскій, И.** 891.7—3

Маленькій Манза. Повѣсть изъ маньжурской жизни (Изъ эпохи русско-японск. войны). Съ

рис. Изд. Клюкина. М. 1913. Стр. 84. Ц. 45 к., въ папкѣ 60 к.

461. **П. А.** 891.7—3

Слѣпой мастеръ. Разск. изъ жизни слѣпыхъ. Съ рис. Изд. Клюкина. М. 1912. Стр. 24. Ц. 6 к.

462. **Панченко, Н. В.** 891.7—3

Апостолъ. Разсказъ. Харьковъ. 1912. Изд. автора. 47 стр. Ц. 40 к.

463. **Писемскій, А. Ѳ.** 891.7—3

Полное собраніе сочиненій. Томъ I—VIII. Спб. 1912. Изд. М. О. Вольфъ. 3-е посмертное. 561 и портр. и 2 автографа + 643 + 631 + + 611 + 736 и портр. + 721 + 631 + 778 стр.

464. **Рѣковъ, В.** 891.7—3

Безъ средней школы (Изъ жизни экстерна). Изд. Н. Шишкина. Спб. 1912. Стр. 277. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Городское училище. Служба въ земствѣ. Искорка. Разгорается. Заочная подготовка. Въ столицу. Половой вопросъ. Любовь. Отецъ. Экзамены. Студентъ.

465. **Савихинъ, В.** 891.7—3

Кривая доля. Разсказъ. М. 1912. Изд. „Посредникъ“. 32 стр.

466. **Черскій, Л.** 891.7—3

Самородокъ. Историч. разск., съ рис. Изд. Клюкина. М. 1913. Стр. 48. Ц. 30 коп., въ папкѣ 45 к.

467. **Шмелевъ, И.** 891.7—3

Разсказы. Т. III. Изд. „Книгоизд. писателей“. М. 1912 Стр. 229. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Человѣкъ изъ ресторана. Патока.

468. **Кузнецовъ, Ф.** 891.7—7

Красота страданій. Разсказы, миніатюры и стихотворенія въ прозѣ. Севастополь. 1912. 60 стр. Ц. 50 к.

469. **Овсянико-Куликовскій, Д.** 891.7.09

Собраніе соч. Т. III. Л. Н. Толстой. Изд. И. Л. Овсянико-Куликовской. Спб. 1913. Стр. 307. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Постановка задачи. Художественная автобіогр. въ произвед. Т. Художественныя *открытія* Т. Типы національные. Великосвѣтскіе типы. Романъ „Анна Каренина“. Великосвѣтская психологическая форма. Разложеніе аристократической формы. Бюрократъ въ изображеніи Т. Душевная драма Левина, и переходъ Т. отъ „наблюдательнаго“ творчества къ „экспериментальному“. Краткій обзоръ важнѣйшихъ худож. экспериментовъ Т. и произведеній Т. въ послѣдній (съ конца 90-хъ гг.) періодъ его дѣятельности. Заключеніе.—Нѣсколько словъ о важнѣйшихъ моральныхъ идеяхъ Т.

470 **Прохоровъ, Г. В.** 891.7.09

Индивидуализмъ въ произведеніяхъ Леонида Андреева. Спб. 1912. 27 стр.

471. **Козловъ, С.** 891.7.09(075)

Краткій курсъ исторіи русской литературы съ выводами (теорія словесности) для городскихъ училищъ. М. 1912. 184 стр. Ц. 70 к.

472. **Ожешко, Э.** 891.85—3

Меиръ Эзофовичъ. Повѣсть въ 2 ч. Ч. II. Перс. польск. И. Смидовичъ. Кн-во „Польза“, В. Антикъ и К°. М. Ц. 20 к. Стр. 217.

9 Исторія и географія.

473. **Монаховъ, С. В.** 9(47)(075)

Краткая русская исторія для младшихъ классовъ сред. уч. завед., для начальныхъ учил. и сельскихъ школъ. Подъ ред. А. В. Королева. Изд. „Сотрудникъ новой школы“. Спб. 1913. Стр. 152.

474. **Агинскій, Б. Р.** 9(47)„1598:1606“

Борисъ Годуновъ и Лжедимитрій I. Спб. 1912. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 33 стр. Ц. 20 к.

475. **Орловецъ, П.** 9(47)„1613“

Смутное время. Историч. очеркъ. Съ рис. Изд. Клюкина. М. 1912. Стр. 64 к. Ц. 15 к.

476. **Валишевскій, К.** 9(47)„1762:1796“

Екатерина Великая. По мемуарамъ, письмамъ и неизд. документамъ. Перев. съ 9-го фр. изд. Т. Высоцкой. Изд. „Совр. пробл.“ М. 1912. Стр. 428. Ц. 3 р.

Содержаніе: Предисловіе. Государственные люди. Военные. Любимые сотрудники. Умственная жизнь при дворѣ. Дидро. Д' Аламберъ Руссо. Вольнэ. Философія идеи въ Россіи. Литераторы, ученые, художники. Иностранные придворные французы при сѣверномъ дворѣ. Авантюристы и авантюристки. Княжна Тараканова. Фавориты. Корреспонденты. Гриммъ. Наперстники и наперстницы. Кн. Дашкова. Дворъ Екатерины. Конецъ царствованія.

* **Сно, Е.** 91:92(Н)

См. порядк. № 477.

* **Черскій, Л.** 92(Г.+Ф.):655.1

См. порядк. № 424.

* **Лафонъ, П.** 82(М):75

См. порядк. № 428.

477. **Сно, Е.** 92(Н):91

Отважный путешественникъ Фритіофъ Нансевъ. Изд. Клюкина. М. 1913. Стр. 56. Ц. 12 к.

478. **Н. Ш.** 92(Н)

Наполеонъ въ анекдотахъ. Съ порт. Наполеона (работы Деларош). Изд. „Всеобщ. библ.“ Спб. 1912. Стр. 80. Ц. 20 к.

479. **Гринъ, И. В.** 92(Ш)

Проф. Шершеневичъ и его труды. Критич. замѣтки. Николаевъ. 1912. Стр. 30. Ц. 25.

Содержаніе журналовъ.

„Аполлонъ“. (1912—7). Бар. Н. Врангель. Императрица Елисавета и искусство ея времени.—Е. Зноско-Боровскій. Театръ безъ литературы.—Кн. С. Волконскій. Изъ книги: „Выразительный человѣкъ—сценическое воспитаніе“ (по Дельсарту). — Я. Тугенхольдъ. Письмо изъ Парижа (русскій сезонъ 1912 г.). — Swastica. Письмо изъ Польши. — Р. Е. Художественныя вѣсти съ Запада.—Каратыгинъ и Р. Е. Некрологи.—Р. Е. Rossica.

Вѣстникъ Европы“. (1912—10). М. В. Крестовская. Въ Ольховатомъ. Изъ дневника.—Евг. Чириковъ. Изгнаніе, романъ.—Р. Хинъ. Облетѣвшіе листья.—Ал. Дейчъ. Народный мотивъ. (Изъ стихотв. Райнера-Марія Рильке). Г. Рейтеръ. Фрау Бюргелинъ и ея сыновья, романъ. Пер. съ нѣм. М. Славинской.—А. Рославлевъ. Жаръ-Птица, стихот.—С. Арефинъ. Среди пѣсенниковъ-казаковъ. (Отрывки изъ воспом.).—Ф. Шмитъ. Что такое византійское искусство?—Г. Штильманъ. Хроника. Уголовно-правовая охрана выборовъ.—А. Чекинъ. „Актъ о національномъ страхованіи“. (Страх. на случай болѣзни и инвалид. въ Англіи). — В. Бехтеревъ. Алкогольная политика или алкогольное оздоровленіе?—М. А. Осоргинъ. Римская народная сатира, письмо изъ Рима.—Діонео. Юбилей Times'a, письмо изъ Лондона.—Р. Стрѣльцовъ. Въ Саксонскомъ Манчестерѣ, письмо изъ Германіи. —А. Кони. Образы прошлаго.—Л. Слонимскій. Изъ архива М. М. Стасюлевича.—Литературное обозрѣніе. — Провинціальное обозрѣніе. — К. Арсеньевъ. Передъ выборами. С. Адріановъ. Критическіе наброски.—Иностранное обозрѣніе. —Вопросы общественной жизни.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“. (1912—10). Общественная жизнь. Конфликтъ на Балканскомъ полуостровѣ. Сосредоточеніе французскихъ морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ. Политика Франціи и Италіи въ защитѣ ихъ интересовъ въ Средиземныхъ водахъ. Похороны Микадо и самоубійство Ноги. Новѣйшій билль парламента Сѣверо-Американскихъ штатовъ о Панамскомъ каналѣ. Президентскіе выборы въ Соединенныхъ штатахъ. Историческія новости. Памятникъ Ришелье. Смерть Наполеона.—Изъ области науки. Новая звѣзда въ созвѣздіи „Близнецы“. Страшная небесная катастрофа. Святые и паломничество въ Марокко. Браки у африканскихъ негровъ.—Э. Серао. Глава каморры, ром.—А. Конанъ-Дойль. Затерянный міръ, ром. Съ англ.—К. Гельбрунъ. Вѣчные странники. Съ голландск.—Г. Гауптманъ. Атлантида, ром. Съ нѣм.—Э. Шюрэ. Тайна Индіи. Съ фр.—А. Конюсъ. Долгъ.—Его же. Во имя блага народа.—Ихъ послѣдній рессурсъ. Съ англ. С. Недзвѣдскій. Счастье.

„Вѣстникъ Теософіи“. (1912—10). А. Безантъ. Основы религіи и этики. Перев. В. Пушкиной. —Ведантасара. Перев. съ санскритскаго И. М. —Г. Олькоттъ. Теософія, какъ научное обоснованіе религіи. Перев. Alba—Alba. Изъ дневника теософа.—А. Унковская. Письмо о музыкѣ.— Стихотворенія. — А. Кингсфордъ. Квадратъ на ладони руки, разск. Перев. Е. П.—Генри Борель. Wu Wei, новелла. Пер. Н. Т.—В. Пушкина. Обозрѣніе теософической литературы.— В. М. Хроника теософскаго движенія.—Н. Т. Хроника жизни.—Н. Т. Изъ газетъ и журналовъ.—М. Каменская. Письмо изъ Индіи.—С. Д. Кр—ій. Любовь какъ методъ познанія.—Вопросы и отвѣты.—Alba. Отзывы о книгахъ.

„Вопросы Философіи и Психологіи“. (1912—I. Янв.—февр.). В. М. Хвостовъ. Нравственная задача человѣчества.—С. А. Сухановъ. Патологія моральнаго чувства.—Ив. Ильинъ. Кризисъ идеи субъекта въ наукоученіи Фихте старшаго. —А. Болтуновъ. Понятіе эмпиризма въ нѣмецкой психологіи XVIII вѣка.—Е. Романова. Къ вопросу о свободѣ воли.—Д. Мордухай-Болтовская. Случай и безсознательное. — Н. Лосскій. Новая форма философскаго критицизма.—Критика и библіографія. — Библіографическій листокъ.—Полемика.— Московское Психологическое Общество.

„Вопросы Философіи и Психологіи“. (1912—II. Мартъ—апрѣль). С. Н. Булгаковъ. Человѣкобогъ и человѣкозвѣрь. — Б. А. Кистяковскій. Проблема и задача соціально-научнаго познанія. —Л. Габриловичъ. О крайнемъ солипсизмѣ.— В. Хорошко. Объ отношеніи лобныхъ долей мозга къ психологіи и къ психопатологіи.—Ив. Ильинъ. Кризисъ идеи субъекта въ наукоученіи Фихте старшаго.—Критика и библіографія. 1) Обзоръ книгъ. 2. Библіографическій листокъ.—Московское Психологическое Общество.

„Вопросы Философіи и Психологіи“. (1912—III. Май—іюнь). А. Гизетти. Забытый мыслитель.—Н. Виноградовъ. Педагогика, какъ наука и какъ искусство —И. Холоповъ. Религіозный индивидуализмъ и догматы.—М. Рубинштейнъ. Педагогика или педагогическая психологія?—Э. Эриксонъ. Объ эмоціяхъ у ракообразныхъ животныхъ. —Е. Сапунджіевъ. Отто Либманъ. — Критика и библіографія. 1. Обзоръ книгъ. 2. Библіографическій листокъ.

„Журналъ Министерства Юстиціи“. (1912—7). Законодательство: Собраніе узаконеній и распоряженій правительства.—Извлеченіе изъ Высочайшихъ приказовъ по гражданскому вѣдомству. —Приказы по вѣдомству Министерства Юстиціи.—Циркулярныя распоряженія по Министерству Юстиціи.—Гредингеръ, М. О. Къ ученію о закладѣ долговыхъ требованій по прибалтійскому праву.—Гинзбургъ, А. А. Изгнаніе плода. —Эрштремъ, В. Э. О задаткѣ. — Громовъ, В. Судебный слѣдователь.—Историческіе матеріалы, извлеченные изъ Сенатскаго Архива, подъ наблюденіемъ И. А. Блинова.—Кассаціонная практика.—Краткое извлеченіе изъ отчета состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Маріи Ѳедоровны благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства за 1911 годъ. — Письма изъ Англіи XCVI. Сесиль Мидъ Аллена.—Литературное обозрѣніе.

„Завѣты“. (1912—6). — В. Ропшинъ. То, чего не было. (Три брата), романъ. — А. Черемновъ. Звѣзды, стих. — А. Окуловъ. Въ осенніе дни, разск. — С. Городецкій. Джинестри, стих. — Ив. Вольный. Повѣсти о днѣхъ моей жизни, радостяхъ моихъ и злоключеніяхъ. (Отрочество.)—Б. Верхоустинскій. Боярышня, стих. — Б. Верхоустинскій. Златошвея, стих. — М Андерсенъ-Нэксё. Пэлле-завоеватель. Великая борьба, романъ.—Ю. Балтрушайтисъ. 1. Вѣхи. 2. Слухомъ

повымъ, стих.—Н. Никандровъ. Во всемъ дворѣ первая, разск.—Н. Клюевъ. Пѣсни. — Ник. Сухановъ. По вопросамъ нашихъ разногласій. — Б. Вороновъ. Законы о страхованіи рабочихъ.— Н. Огановскій. Землоустройство въ 1911 г. — Скифъ. Человѣкъ и культура.—В. В. Лунковичъ. Письмо „субъективиста“.—С. Мстиславскій. Свое и Чужое. — Г. Христіанъ. Красныя провинціи Италіи.—Текущая жизнь. (Обзоры и замѣтки.)

„Запросы Жизни“. (1912—40). Проф. М. Ковалевскій. Дѣланіе выборовъ. — Л. Слонимскій. Куда мы идемъ? — М. Львовичъ. Въ ожиданіи войны.—Dr. P. Münch. Народныя университ. въ Даніи. — Dr. Richard Hennig. Морскія глубины. За недѣлю. Соціально-экономическое обозрѣніе. Журналъ журналовъ.

„Запросы Жизни“. (1912—41). Н. И. Коробка. Дума по назначенію.—В. Я. Богучарскій. Россія и балканскій вопросъ въ 1877 г. — В. П. Перспективы балканской войны.—М. В. Бернацкій. Биржа и обыватели.—Г. Я. Полонскій. На молитву.—Петеръ Розеггеръ. Изъ моего дневника.— За недѣлю. Журналъ журналовъ: Владанъ Георгіевичъ о балканскомъ союзѣ. Наука и техника. Театръ.

„Историческій Вѣстникъ“. (1912 — 10) — Н. А. Лаппо-Данилевская. Жена министра, романъ. (Продолж.). — Е. К. Андреевскій. Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ.—П. П. Гнѣдичъ. Свобода духа, повѣсть.—А. Е. Кауфманъ. Изъ журнальныхъ воспоминаній. (Литературн. характерист. и курьезы).—В. В. Умановъ-Каплуновскій. Двуногій звѣрь. (Изъ человѣч. документовъ). Продолж. — В. Б. Бертенсонъ. За тридцать лѣтъ, листки изъ воспомин. (Оконч.).—В. М. Грибовскій. Нѣсколько встрѣчъ съ А. С. Суворинымъ. (По личнымъ воспомин.). — С. С. Окрейцъ. Воспоминанія инсургента. — Б. Г. Новый литературный портретъ императора Александра I. — Н. Н. Оглоблинъ. Отголоски смуты. (1905—1906 гг.) — В. Я. Кричевскій. Еще объ анекдотическомъ градоначальникѣ. — Б. Б. Глинскій. Періодъ твердой власти, историч. очерки. (Продолж.). — Бородинскія торжества.—Е. В. Молоствова. Изъ Туниса въ Алжиръ, путевые наброски.

„Новая Жизнь“. (1912—9). Ѳ. Сологубъ. Слаще яда, ром. (Продолж.).—О. Рунова. Борьба, разск. — И. Эренбургъ. Стихотвореніе. — М. Розенкнопъ. Звѣзды, разск.—Вл. Эльснеръ. Стихотвореніе. — А. Котенёвъ. Змѣйка золотая, разск. — М. Макарова. У подъѣзда, стих. — Я. Вассерманъ. Романъ мужчины сорока лѣтъ. Перев. съ рукописи. З. Венгеровой — Зинаида Ц. Орелъ, стих.—Евг. Аничковъ. Долой Ницше. — П. Берлинъ. Александръ I въ характеристикѣ Великаго Князя.—С. Ан—скій. Страница изъ исторіи отечественной войны. — Л. Клейнборгъ. Отклики руской жизни: лѣвые. — Н. Ножинъ. Бунтъ потребителей. (Письмо изъ Германіи).—Ст. Ивановичъ. Страхованіе рабочихъ въ Россіи.—П. Славинъ. По поводу.—Критика и библіографія.

„Новый Журналъ для Всѣхъ“. (1912 — 9). В. Муйжель. Въ старомъ домѣ.—Бор. Лазаревскій. Два брата. — Леонардъ Меррикъ. Уѣздныя фіалки. — Стихотворенія: С. Маршака, В. Соколова, П. Эренбурга.—А. Генкель, пр.-доц. Жизнь и смерть.—О. Корниловичъ. Общественныя настроенія въ 1812 году. — Ф. Калининъ. Типъ рабочаго въ литературѣ (мысли рабочаго). — Г. Гордонъ, д-ръ. Самоубійства молодежи и ея нервно-психическая неустойчивость.—П. Сазоновъ. Мясной бунтъ (письмо изъ Германіи).—П. Б. Страницы прошлаго.—Новыя книги.

„Современникъ“. (1912—9). А. Ромизовъ. Покровенная, разск.—М. Гершензонъ. Братья Кривцовы. Дворянская хроника по неизданнымъ матеріаламъ. (Продолж.) —Зинаида Ц. Пусть будутъ чистыми и мысли и сердца, стих. — П. Суражскій. Змій, разск. — М. Премировъ. Мой другъ, разск. — Е. Адамовъ. Вторая родина. (Опытъ экспериментальнаго туризма). — Дж. Уэльсъ. Бракъ, ром. (Продолж.) —Шоломъ-Алейхемъ. Блуждающія звѣзды, ром. (Продолж.) —Е. Ляцкій. Любовь и запросы личнаго счастья въ жизни Н. Г. Чернышевскаго. (Изъ біографич. очерковъ по неизданнымъ матеріаламъ.)—П. Быковъ. Изъ переписки М. Л. Михайлова. Къ матеріаламъ для его біографіи. — Гр. Тимоѳеевъ. А. П. Бородинъ. Жизнь, творчество, изданныя письма. (Продолж.) Г. Плехановъ. Ж.-Ж. Руссо и его ученіе о происхожденіи неравенств. между людьми. — А. Амфитеатровъ. Дрогнувшая ночь, ром.—Л. Герасимовъ. Императоръ-буржуа. (Соціальныя возрѣнія Наполеона I.) — Новыя книги. — Недостающія страницы къ іюльской кн. „Соврем.“ за 1912 г.

„Что и какъ читать дѣтямъ“. (1912—1). Отъ Редакціи.—Евгеній Елачичъ. Въ защиту дѣтской литературы. — Обзоръ изданій „Наша библіотека“.—Обзоръ новыхъ изданій сочиненій Федорова-Давыдова.—Отзывы о книгахъ.—Алфавитный указатель.

Книги, поступившія въ редакцію.

Изд. „Польза“, В. Антикъ и К°.

Г. Мало. Безъ семьи. Ром. ч. II. „Унив. библ.“ № 494—497. 40 к.

Н. Бродскій и Н. Сидоровъ. Отечественная война въ русской поэзіи. Сборникъ „Унив. библ.“ № 582—583. 20 к.

Гусевъ-Оренбургскій. Капитанъ Кукъ и др. „Унив. библ.“ № 584. 10 к.

К. Ковальскій. Жизнь—мгновенье. „Унив. библ.“ № 585. 10.

И. Тэнъ. Чтенія объ искусствѣ. „Унив. библ.“ № 659. 10.

Его же. Лекція объ искусствѣ. „Унив. библ.“ № 660. 10 к.

И. Верлэнъ. Избр. Стихотворенія. „Унив. библ.“ № 748. 10 к.

Э. Ожешко. Меиръ Эзофовичъ. ч. I и II. „Унив. библ.“ № 749—750 и 751—752. По 20 к.

С. Лагерлёфъ. Домъ Лалiекроны. „Унив. библ.“ 759—761. 30 к.

Э. Кастельнуово. Рыцари непорочной. „Унив. библ.“ № 767. 10 к.

П. Андрэ. Мужскія письма. „Унив. библ.“ № 768—769.

Г. Манъ. Охота за любовью. „Унив. библ.“ № 775—780. 60 к.

Г. Гейерстамъ. Власть женщины. „Унив. библ." № 782—783. 20 к.
К. Тахтаревъ. Очерки по исторіи первобытной культуры. „Народн. Унив." Изд. 2-е. 1 р. 25 к.

Изд. „Всеобщая Библіотека".

В. Изразцовъ. Уголовное Уложеніе. 50 к.
Л. Буссе. Міровоззрѣніе великихъ философовъ новаго времени. 40 к.
Н. Ш. Наполеонъ въ анекдотахъ. 20 к.
М. Гамель. Таціанъ. 20 к.
П. Лафонъ. Бартоломэ Мурильо. 20 к.
Г. Гейне. Книга пѣсенъ. 10 к.
Г. Ницше. Такъ говорилъ Заратустра. 60 к. Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена. 30 к.

Изд. „Товарищ. писателей".

И. Бунинъ. Суходолъ и др. разск. 1 р. 50 к.
И. Шмелевъ. Разсказы. Т. III. 1 р. 25 к.

И. Гринъ. Судебное краснорѣчіе. 30 к.
Его же. О дуэли. 50 к.
М. Левинъ. Juvenilia. Стихи. Изд. автора. 60 к.
П. Энгельмейеръ. Философія техники. Вып. I. 80 к.

Г. Гейерстамъ. Собр. соч. т. X. Борьба душъ Изд. „Совр. пробл.". 1 р.
И. Сикорскій. Идеализація и матеріализація жизни. 20 к.
Гутьяръ. Предвыборный памфлетъ. Изд. автора. 1 р.
Е. Горбунова. Какъ развести маленькій огородъ. Изд. Горбунова-Посадова. 12 к.
Н. Горбуновъ. Сельскій и деревенскій календарь. 20 к.
М. Экхартъ. Избранныя проповѣди. Изд. „Духовное знаніе". 20 к.
С. Кавелинъ. Историческій очеркъ поземельнаго. устройства госуд. крест. Изд. автора. 70 к.
„Велесъ", альманахъ. I. Изд. „Велесъ". 1 р.
С. Кузинъ. Какъ мы клеверъ посѣяли. Изд. Горбунова-Посадова. 3 к.
Е. Горбунова. Какъ развести маленькій огородъ. 12 к.
И. Горбуновъ-Посадовъ. Сельскій и деревенскій календарь 20 к.

Издатели: { **В. Крандіевскій.** **В. Носенковъ.**

Редакторъ **В. Крандіевскій.**

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ПРОВИНЦІЯ".

С.-Петербургъ, Стремянная ул., 6.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

„О МИНУВШЕМЪ".

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Судъ надъ реформой Петра Великаго въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ (*по запискамъ верховниковъ, хранящимся въ Государственномъ Архивѣ*). **Н. П. Павлова-Сильванскаго.** 2) Неизданныя страницы изъ мемуаровъ Н. И. Пирогова. (*Политическая исповѣдь Пирогова*). Съ предисловіемъ **Ю. Г. Малиса.** 3) Исторія моей ссылки **П. И. Бирюкова.** 4) Къ характеристикѣ реакціи шестидесятыхъ годовъ (*по неопубликованнымъ архивнымъ матеріаламъ*). **П. Гуревича.** 5) Конецъ и послѣдствія бунта 14 декабря 1825 года. **М. М. Попова.** 6) Дѣло П. Г. Зайчневскаго. 7) Воспоминанія о П. Г. Зайчневскомъ. **А. М.** 8) Польскія общества 20-хъ годовъ и декабристы. **Н. И. Коробки.** 9) Изъ далекаго прошлаго. **М. Ф. Фроленко.** 10) Изъ моихъ воспоминаній объ М. А. Бакунинѣ. **З. К. Ралли.** 11) Военный судъ въ Кіевѣ въ 1880 году (*изъ моихъ воспоминаній*). **М. Р. Попова.** 12) Какъ ихъ повѣсили (*изъ моихъ воспоминаній*). **Н. Щедрова.** 13) Письма А. И. Кошелева къ И. С. Аксакову (*1881—1883 г.*). 14) Графъ В. А. Валуевъ 1881 — 1884 годъ. (*Дневникъ Валуева*).

Цѣна сборника (480 стр.) 1 р. 50 к.

Полные КАТАЛОГИ склада и примѣрные списки ШКОЛЬНЫХЪ и НАРОДНЫХЪ БИБЛІОТЕКЪ по требованію БЕЗПЛАТНО.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912—1913 Г.
на ежемѣсячный критико-библіографическій жур.

„ЧТО и КАКЪ ЧИТАТЬ ДѢТЯМЪ".

Журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать болѣе сознательному выбору дѣтской книги со стороны семьи и школы. Главное вниманіе удѣляется отзывамъ о новыхъ книгахъ и журналахъ, доступныхъ для чтенія и пониманія дѣтей дошкольнаго и школьнаго возраста (до 16 лѣтъ). Наряду со отзывами и критическимъ разборомъ вновь выходящей литературы на страницахъ журнала удѣляется мѣсто для обзоровъ книгъ, вышедшихъ за прежніе года, съ цѣлью помочь разобраться въ относительномъ достоинствѣ книгъ, получившихъ широкое распространеніе, и съ цѣлью обратить вниманіе на незаслуженно забытыя книги. Въ журналѣ помѣщаются также руководящія статьи по отдѣльнымъ общимъ и частнымъ вопросамъ дѣтскаго чтенія и критическіе разборы книгъ и указателей литературы, имѣющихъ аналогичныя съ задачами журнала цѣли — отвѣчать на вопросъ—что и какъ читать дѣтямъ.

Въ составъ Редакціи журнала входятъ: Н. А. Бекетова, Е. А. Елачичъ, А. А. Климонтовичъ, Б. А. Коротнева и З. П. Павлова-Сильванская.

Въ журналѣ уже приняли и будутъ принимать участіе слѣдующія лица:
Н. В. Балаевъ, Н. Н. Бахтинъ, Н. А. Бекетова, М. А. Георгіевскій, А. К. Елачичъ, Е. А. Елачичъ, А. П. Зачинщевъ В. А. Зеленко, Н. П. Золотавинъ, А. А. Климонтовъ, Я. И. Ковальскій, В. А. Коротнева, А. Л. Липовскій, А. Я. Малкина- Острогорская, Н. А. Мартьянова, Ю. И. Менжинская, В. С. Мурзаевъ, В. Ф. Мушниковъ, Л. Г. Оршанскій, З. П. Павлова-Сильванская, Б. Е. Райковъ, В. В. Рахмановъ, В. И. Рихтеръ, Е. М. Чарнолусская и др.

Въ 12 номерахъ 1911—1912 г. было разобрано 803 книги.

Комплектъ номеровъ за прошлый 1911—1912 г.—цѣна 1 руб. 50 коп.

Подписной годъ считается съ 1-го Октября 1912 г. по 1-е Октября 1913 года.

Годовая подписная цѣна 2 руб. съ доставкою. За границу 2 руб. 50 к. Въ отдѣльной продажѣ цѣна номера **20** коп.

Продажа отдѣльныхъ номеровъ производится **въ Конторѣ журнала: Книжный складъ „Провинція", СПБ. Стремянная ул., 6** и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Подписка отъ иногородныхъ подписчиковъ принимается **исключительно въ Редакціи журнала: С.-Петербургъ, Пет. стор, Геслеровскій пер., 29, кв. 30.**

Подписка отъ городскихъ подписчиковъ принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издательница *Н. А. Бекетова.* Редакторъ *Е. А. Елачичъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЫ:

1) **„ЮНАЯ РОССІЯ"** (Дѣтское чтеніе) ежемѣсячный иллюстрированый журналъ для семьи и школы. ——— **Сорокъ пятый годъ изданія.**

Журналъ **ДОПУЩЕНЪ** къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по Положенію 1872 г., училища и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ 1913 г. журналъ „ЮНАЯ РОССІЯ" („Дѣтское чтеніе") дастъ всѣмъ подписчикамъ:

12 ежемѣсячныхъ книжекъ, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разсказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и пр.

Безплатныя приложенія къ журналу „Юная Россія" на 1913 г.:
I. **Ч. Робертсъ.** Разсказы: 1) Сѣрый атаманъ. 2) Послѣдняя охота Сѣраго 3) Черная дебрь. Переводъ съ англ. В. Гатцука. Съ рисунк. II. Исторія одной жизни (Томасъ Эдисонъ) **Н. Каринцева.** III. Путешествія П. М. Пржевальскаго, Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло. **С. Покровскаго.** IV. Сборникъ избранныхъ стихотвореній А. М. Жемчужникова, С. Я. Надсона, И. З. Сурикова, К. М. Фофанова, Н. В. Жадовской, В. Л. Величко, С. Д. Дрожжина и друг., подъ редакціей **Д. И. Тихомирова.**

Цѣна на годъ: 4 руб. 50 коп. безъ перес., 5 руб. съ перес. За границу 7 руб.

2) **„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ",** журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

Сорокъ пятый годъ изданія. □ **Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 лист.**

Подписная цѣна на оба журнала **6** руб. на годъ съ пересылк., безъ пересылки **5** руб.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ. **Цѣна въ годъ: 1 р. 75 к. безъ пересылки; 2 р. съ перес. За границу 3 руб.** ——— **Книгопродавцамъ уступка 5%.**

Плата за объявленія въ журналахъ „Юная Россія" и „Педагогическій Листокъ": за страницу 40 руб., за $^1/_2$ страницы—20 руб., за $^1/_4$ страницы—10 руб. за $^1/_8$ страницы—5 руб.

Издательница Е. Н. Тихомирова *Редакторъ Д. И. Тихомировъ.*

При журн. „Юная Россія" и „Педагогическій Листокъ" организованъ книжн. складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы; 2) Учительская библіотека: 3) Учебники Д. И. Тихомирова.

Каталогъ высылается безплатно по первому требованію.

Открыта подписка на 1913 годъ

на общепедагогическій журналъ для учителей и дѣятелей по народному образованію

24-й годъ изданія.

„РУССКАЯ ШКОЛА".

24-й годъ изданія.

Программа журнала: Общіе вопросы образованія и воспитанія. Реформа школы. Экспериментальная педагогика, психологія, школьная гигіена. Методика преподаванія разл. предметовъ. Исторія школы. Обзоры новѣйшихъ теченій въ области разныхъ наукъ. Дѣятельность госуд. и обществ. учрежденій по народному образованію (Госуд. Думы, земствъ и пр.). Народное образованіе за границей. Низшая и средняя школа въ Россіи. Вопросы національной школы разл. народовъ Россіи. Женское образованіе. Профессіональное образованіе. Внѣшкольное образованіе.

Кромѣ статей по означенной программѣ, журналъ даетъ **слѣдующіе постоянные отдѣлы:** I. Экспериментальная педагогика, **подъ ред. А. П. Нечаева и Н. Е. Румянцева.** II. Критика и библіографія, обзоры педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ, **подъ ред. А. Я. Гуревичъ.** III. Хроника общаго и профес. образованія въ Россіи и за границей. IV. Хроника библіотечнаго дѣла и внѣшкольнаго образованія. V. Разныя извѣстія. VI. Новости литературы. VII. Новѣйшія правит. распоряженія и законодат. постановленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: П. Алешинцевъ, Х. Д. Алчевская, Ц. П. Балталонъ, проф. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Н. Борецкій-Бергфельдъ, П. Бочкаревъ, Э. Вахтерова, В. П. Вахтеровъ, проф. Б. Вейнбергъ, д-ръ А. Владимірскій, Ч. Вѣтринскій, проф. И. Гревсъ, проф. А. Грузскій, Л. Я. Гуревичъ, А. Гуревичъ, Евг. Елачичъ, проф. П. Заболотскій, С. Золотаревъ, Г. Г. Зоргенфрей, Н. Н. Іорданскій, П. Ѳ. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, В. Келтуяла, чл. Г. Думы Ив. Ключевъ, проф. Н. М. Книповичъ, Н. Н. Коробка, проф. И. Лапшинъ, проф. А. Лазурскій, Э. Ф. Лесгафтъ, проф. Т. Локоть, П. Г. Мижуевъ, А. Мезіеръ, проф. А. Музыченко, проф. А. П. Нечаевъ, М. Новорусскій, Ф. Ф. Ольденбургъ. Л. Оршанскій, А. И. Острогорскій, проф. А. Л. Погодинъ, д-ръ В. Рахмановъ, Б. Райковъ, Г. Роковъ, прив.-доц. Г. И. Россолимо, Н. А. Рубакинъ. Н. Е. Румянцевъ, С. Ф. Русова, С. И. Сазоновъ, Л. С. Севрюкъ, Н. М. Соколовъ, М. М. Соловьевъ, А. Стаховичъ, чл. Г. Думы І. Титовъ, П. Томилинъ, М. Тростниковъ, Г. Г. Тумимъ, В. А. Флеровъ, А. П. Флеровъ, проф. Г. В. Хлопинъ, В. Чарнолускій, В. Чернышевъ, Н. В. Чеховъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, кн. Д. И. Шаховской, А. Яцимирскій и др.

„Русская Школа" выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе 15 печ. листовъ. **Подписная цѣна:** въ СПБ. безъ дост. — **семь** р., съ дост. — **7 р. 50** коп., для иногородн.— **восемь** руб.; за границу — **девять** руб. въ годъ. Для сельскихъ учителей, выписыв. журналъ за свой счетъ — **шесть** руб. въ годъ, съ разсрочкою (при подпискѣ — 3 р. и къ 1 іюля — 3 руб.). Городамъ и земствамъ, выписыв. не менѣе 10 экз., уступка въ 15%. Книжнымъ магазинамъ **за комиссію 5%** съ год. цѣны. Подписка съ разсрочкой и уступкой **только** въ конторѣ редакціи (СПБ., Лиговская, д. 1). **Редакторъ-издатель Я. Я. ГУРЕВИЧЪ.**

ИЗВѢСТІЯ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

А. Часть официальная. Правительственныя распоряженія по низшему и внѣшкольному образованію. Статьи руководящаго характера по текущимъ вопросамъ народнаго образованія. Опредѣленія ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ по основному, такъ и по особому его отдѣламъ. Отзывы о книгахъ, имѣвшіеся въ виду ученымъ комитетомъ, какъ по основному, такъ и по особому его отдѣламъ. Официальныя извѣщенія (отъ постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній, отъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ и т. п.). — **Б. Часть неофиціальная.** Всякаго рода статьи по народному образованію. Объявленія.

Въ виду ежегоднаго безплатнаго приложенія къ „Извѣстіямъ" будетъ издаваться

СПРАВОЧНАЯ КНИГА по низшему образованію.

Это изданіе будетъ содержать въ себѣ узаконенія и правительственныя распоряженія по разнымъ вѣдомствамъ, обзоръ вошедшихъ въ законную силу постановленій земскихъ собраній и городскихъ думъ, а также свѣдѣнія о дѣятельности правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій, равно и частныхъ обществъ и лицъ по низшему, школьному и внѣшкольному образованію.

„Извѣстія" выходятъ ежемѣсячно, книжками въ объемѣ 5—9 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна **„Извѣстій"** съ приложеніемъ **„Справочной книжки"** на годъ съ пересылкой и доставкою **три** р., за-границу **четыре** р. Подписка принимается въ редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (Тропикая ул. 11, кв. 19) въ присутственные дни отъ 10 до 12 ч. дня.

За прежніе годы „Извѣстія" можно выписывать по слѣдующей цѣнѣ безъ пересылки: за 1904 г. 1 р. 50 к. (безъ „Справочной книги"), за 1905—1909, 1911 гг. по 3 руб. за каждый годъ (съ приложеніемъ „Справочной книги"). За пересылку слѣдуетъ прилагать: за 1904 г. за 6 фунт., за 1905 г. за 10 фунт. и за 1906 г. за 11 фунт.

За 1910 г. имѣются лишь книги съ апрѣля по декабрь. Цѣна за 9 книгъ 2 рубля безъ пересылки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

Самый дешевый изъ ежемѣсячн. журн., доступный широкимъ кругамъ читателей.

НОВЫЙ

12 КНИГЪ **ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСѢХЪ** 12 КНИГЪ

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Повѣсти, разск., статьи по вопрос. науки, искусства, самообраз., педагогики, исторіи, рецензіи о нов. книг., при участіи выдающихся литерат. и научн. силъ.

Въ каждой книгѣ будетъ даваться по одному рисунку въ три краски на веленевой бумагѣ.

6 КНИГЪ приложеній, по 128 стран. каждая, въ которыхъ будутъ даны произведенія современ- иностран- БЕЗПЛАТНО ныхъ извѣстн. ныхъ писателей: УПТОНА СИНКЛЕРА, БЛАСКО ИБАНЬЕСА, КАРИНЪ МИХАЭЛИСЪ, ЯК. ВАССЕРМАННА и др. 6 КНИГЪ

18 КНИГЪ въ годъ, изъ которыхъ въ журналѣ свыше 50 печатн. лист. и въ приложеніяхъ 48 печатн. лист. На 1 годъ—2 руб. 20 коп., на ½ г.—1 руб. 20 коп. 18 КНИГЪ

20 КНИГЪ Получатъ новые годовые подписчики, подписавшіеся ДО 1 ДЕКАБРЯ 1912 г. въ томъ числѣ ноябрьскую и декабрьскую кн. за 1912 годъ. 20 КНИГЪ

Адресъ для переводовъ: С.-Петербургъ, Владимірскій просп., № 19.

Открыта подписка на 1913 годъ

Самый дешевый изъ толстыхъ журналовъ, до 300 страницъ убористаго шрифта, при участіи лучшихъ литературныхъ силъ.

12 КНИГЪ **„НОВАЯ ЖИЗНЬ“** 12 КНИГЪ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Въ 1913 году будутъ печататься оригинальные романы: Ан. Крандіевской, фантастическій романъ Ник. Березина, романы новѣйшихъ англійск., франц. и нѣмецкихъ авторовъ. Въ 1912 году печатались романы Ѳедора Сологуба, П. Соловьевой (Allegro), Як. Вассерманна Фридриха Хуха и друг.

12 КНИГЪ полное собран. сочин. (3840 стран.) популяр. америк. писат. въ единств. авториз. перев. І. А. Маевскаго и по типу его изданія, стоющаго въ отдѣльн. прод. 16 р. ДЖЭКА ЛОНДОНА 12 КНИГЪ

24 КНИГИ въ годъ, что въ общемъ составитъ за годъ около 380 листовъ печатнаго матеріала. На 1 годъ (съ прилож.) 7 р. 20 к. на ½ г.—4 р. 24 КНИГИ

Разср.: 3 р. при под., 2 р. 20 к. 1 марта и 2 р. 20 к. 1 іюля
На 1 г. (безъ прилож.): 4 р. 90 к. Разср.: 3 р. при подп., 2 р. 1 іюля.

26 КНИГЪ получатъ новые годовые подписчики, подписавшіеся ДО 1 ДЕКАБРЯ 1912 г. въ томъ числѣ ноябрьскую и декабрьскую кн. за 1912 годъ. 26 КНИГЪ

Подписавш. совмѣстно на „НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ“ и „НОВУЮ ЖИЗНЬ“ платятъ: на 1 годъ (съ прилож.) 9 р. Разср.: 4 р. при подп. 3 р.—1 марта и 2 р. 20 к.—1 іюля.

На 1 г. (безъ прилож.)—6 р. 60 к. Разср.: 3 р. при подп., 2 р.—1 марта и 2 р.—1 іюля.

Подробные проспекты со списк. сотрудниковъ безпл. ☐ Пробные №№—за 2—7-коп. мар.

ПОДПИСКА ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Адресъ для переводовъ: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 19.

Всѣ обязательства за 1912 годъ выполнены.

СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ 1912 ГОДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный журналъ новаго типа

(4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ большого формата въ два столбца.

Задача журнала „Бюллетени Литературы и Жизни"— по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Все временное, скоропреходящее, хотя бы и сенсаціонное, но нехарактерное для жизни человѣческаго духа, журналомъ **„Бюллетени"** совершенно игнорируется, какъ ненужный балластъ, только затемняющій подлинное лицо жизни. Наоборотъ, изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ главнымъ образомъ то, что не носитъ характера случайности, а имѣетъ *длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.* Библіографическій отдѣлъ журнала **„Бюллетени"** представленъ въ такомъ, можно сказать, исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ общихъ журналовъ. Библіографія въ томъ видѣ, какъ она ведется въ **„Бюллетеняхъ"**, необход. для самаго широкаго круга читателей.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„Утро Рос.": „Журналъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ періодическій органъ, дѣйствительно, новаго типа, потребность въ которомъ ощущалась давно, о чемъ своевременно особенно энергично высказались еще Достоевскій и Гл. Успенскій. Въ журналѣ сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью — журналами, газетами и новыми книгами..." *„Рус. Вѣд."*: „Бюллетени" довольно хорошо справляются со своею задачею... Они знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явленіями современной жизни"... *„Бирж. Вѣд."*: „По Бюллетенямъ хорошо можно слѣдить за движеніемъ въ современной литературѣ, за подъемами литературы, за ея паденіемъ, за всѣми обрѣтеніями и потерями"... *„Русск. школа"*: „Бюллетени дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюллетени" оказываютъ огромную услугу"... *„Огни"*: „Бюллетени" завоевываютъ себѣ все большія и большія симпатіи публики. Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культурными запросами, который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журналѣ. Онъ дастъ въ каждомъ номерѣ статьи о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ, о всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ литературой, наконецъ, о всѣхъ новыхъ книгахъ, о всѣхъ журналахъ"...

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ЖУРНАЛА РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 3 р. Допускается разср.: 1 р.—къ 1 сент., 1 р.—къ 1 янв. и 1 р.—къ 1 мая. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учителей **при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала** подписная цѣна на годъ — 2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почт.-телеграфн. учрежден. имперіи. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. ═══ Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Продажа производится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ, въ газетн. кіоскахъ и на ст. жел. дор.

Книгоиздательства приглаш. присылать исключительно на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ библіограф. свѣдѣній. ═══ Имѣются полн. компл. журн. **„Бюллетени"** за 1910—11 и 1911—12 гг. Цѣна комплекта 1-го года — 2 р., 2-го — 3 р. съ пересылкой.

Цѣна за оба комплекта въ переплетѣ (3 тома)—6 р. 50 к.

Адресъ конт. и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. 1-е отд. конт.: Тверской бульв., д. 26, кн. маг. „Трудъ С. Скворцова". 2-е отд. конт.: С.-Петербургъ, Стремянная, д. 6, кн. складъ „Провинція".

РЕВМАТИЗМЪ и ЛОМОТА

на простудной почвѣ излѣчиваются ЮЖНОЙ ЖИДКОСТЬЮ

„МАГО".

Испытанное средство при хроническихъ и острыхъ болѣзняхъ. (Изготовл. въ Крыму.)
Продается во мног. апт. и аптекарск. маг.
Единств. предст. Бр. Н. и И. АРѢШЕВЫ.
Москва, Тверская, Настасьинск. п., д. 7, кв. 2.
ОТД. Ц. Тел. 286-23.
Брошюры высылаются безплатно.
Не излѣчившимся по предотвращ. удостовѣренія врача деньги возвращаются обратно.

Цѣна безъ пересыл. больш. фл. 1 р. 50 к. Высыл. наложен. платеж.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.

ц. 20 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 5. Ноябрь. 1912.

(Четвертый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1) Любовь какъ методъ познанія.
2) Въ періодѣ „литературной жвачки“.
3) Новые горизонты въ искусствѣ.
4) Почему у насъ нѣтъ драматической литературы.
5) Поворотъ къ мистицизму въ западной литературѣ.
6) „Кипѣніе“ въ современной французской литературѣ.
7) О Толстомъ. (Изъ воспомин. И. О. Наживина и С. Т. Семенова.)
8) Любовь въ жизни Чернышевскаго.
9) Поэтъ и толпа. (О Бальмонтѣ.)
10) Писатели изъ народа—М. Тихоплесецъ и М. Сивачевъ. (Психологическая параллель.)
11) Мопассанъ при свѣтѣ нашей современности.
12) Влюбленные враги—анархистка и жандармскій полковникъ. (Разсказъ О. Руновой „Борьба“.)
13) Какъ примирить максимализмъ съ минимализмомъ.
14) Друзья книги.
15) Мелочи прошлаго. (Изъ литерат. курьезовъ. Вокругъ имени Пушкина.)

Отзывы о книгахъ.—Новыя книги.—Содержаніе журналовъ.—Письмо въ редакцію.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Тверской бульв., д. 26, книжн. маг. **„Трудъ“.** **Тел. 34-54.** 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ **„Провинція“.**

МОСКВА.

Книжный складъ „ПРОВИНЦІЯ“.
С.-Петербургъ, Стремянная ул., 6.

А. С. ПРУГАВИНЪ. ВЪ КАЗЕМАТАХЪ.

Очерки и матеріалы по исторіи русскихъ тюремъ. (Съ 35 рисунками.)

Шлиссельбургъ. 1) Шлиссельбургъ и его узники. 2) Далекое прошлое. 3) Вѣкъ Екатерины. 4) В. Н. Каразинъ. 5) М. А. Бакунинъ въ Шлиссельбургской крѣпости. 6) Въ шестидесятыхъ годахъ. 7) Шлиссельбургская крѣпость въ 1880 году. 8) Списокъ Шлиссельбургскихъ узниковъ съ августа 1884 г. по сент. 1902 г., составленный П. С. Поливановымъ. 9) Списокъ лицъ, содержащихся въ крѣпости осенью 1902 года, составленный П. С. Поливановымъ.

Суздальская крѣпость. 1) Остатки инквизиціи въ XIX вѣкѣ. 2) Поѣздки въ Суздаль. 3) Великокняжская столица. 4) Суздальскіе монахи. 5) Герценъ о расколѣ и Суздальской тюрьмѣ. 6) Подъ покровомъ тайны. 7) Стѣнныя нѣши. 8) Около крѣпости. 9) Арестантское кладбище. 10) Суздальскіе узники. 11) Списокъ сосланныхъ подъ надзоръ и стражу въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь, разнаго званія людямъ съ 1801 года по 30 ноября 1836 года, составленный архимандритомъ Серафимомъ.

Вопіющее дѣло. 1) Въ духѣ чистаго христіанства. 2) Въ тюрьму — „за распространеніе штунды“. 3) „До Бога—высоко, до царя—далеко“. 4) Какъ слѣдуетъ испытывать отступниковъ отъ святой церкви. 5) Новый архимандритъ. 6) „Въ немъ не было—и нѣтъ никакихъ духовныхъ заблужденій“. 7) „Еще разъ испытать и дознать его мнѣніе“. 8) „Онъ никогда не былъ штундистомъ“. 9) Теперь онъ болѣе не опасенъ.

Петропавловская крѣпость. 1) Наши Бастиліи. 2) Петропавловская крѣпость во времена декабристовъ. 3) Равелины, бастіоны, куртины. 4) Казематы Петропавловской крѣпости. 5) Сырость, мракъ, запущенность. 6) Два эпизода изъ новѣйшей исторіи Петропавловской крѣпости. 7) Таинственный узникъ Алексѣевскаго равелина. 8) Кто онъ? 9) Новыя свѣдѣнія о таинственномъ узникѣ. 10) Смерть М. Ф. Ветровой въ Трубецкомъ бастіонѣ. 11) Демонстраціи на Казанской площади. 12) Свидѣтельство князя Мещерскаго. 13) Темное дѣло. 14) Жертва стараго режима. 15) Узники Алексѣевскаго равелина въ 1882 году, составленный П. С. Поливановымъ въ 1902 г. Цѣна 1 руб.

Примѣрные списки ШКОЛЬНЫХЪ и НАРОДНЫХЪ БИБЛІОТЕКЪ и полные каталоги склада по требованію БЕЗПЛАТНО.

Принимается подписка на 1912—13 годъ. Педагогическій журналъ.

ОБНОВЛЕНІЕ ШКОЛЫ.

Отдѣлъ „ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ“ подъ редакціей пр.-доц. Нью-Іоркскаго Университета, д-ра философіи и педагогики П. Р. РАДОСАВЛЬЕВИЧА.

Вопросъ о воспитаніи и обученіи въ настоящее время особенно живо заинтересовалъ психологовъ и педагоговъ. Идетъ кипучая работа въ области изслѣдованій психики дѣтей и тѣхъ методовъ и пріемовъ воспитанія и обученія, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ душевному строю дѣтей, ихъ стремленіямъ и интересамъ. Однако, усиліями однихъ ученыхъ реформы воспитанія и обученія не произвести: необходимо самому обществу и педагогамъ-практикамъ итти навстрѣчу новому теченію, послужить тою культурною средой, которая поддержитъ и закрѣпитъ новое въ школѣ и жизни. Журналъ **„ОБНОВЛЕНІЕ ШКОЛЫ“** задается цѣлью проводить эти новыя педагогическія вѣянія изъ лабораторій, школъ, изслѣдов. психологовъ и психологовъ-педагоговъ въ общество—въ жизнь.

Въ первыхъ номерахъ напечатаны работы: прив.-доц. Нью-Іоркскаго Университета Д-ра П. Р. Радосавльевича, Ц. П. Балталона, проф. Дюбуа, Евгенія Елачича, М. И. Конорова, В. Лая. В. и Ю. Лабунскихъ, О. Липмана, Д. Люціа, В. Р. Мрочека, Н. Е. Румянцева, Н. Томилина, А. Туфанова, Ф. В. Филипповича и др.

ПРОГРАММА.

1) Статьи, очерки, наброски, опыты, по психологіи дѣтства и экспериментальной педагогикѣ.

2) Опыты, статьи, очерки наброски, по экспериментальной методикѣ обученія.

3) Статьи, очерки, наброски и опыты по гигіенѣ и физическому воспитанію дѣтей.

4) Очерки по народному образованію.

5) Критика и библіографія.

6) Педагогическая хроника.

7) Объявленія.

Кромѣ того, время отъ времени въ журналѣ „Обновленіе Школы“ будутъ помѣщаться труды „Передвижныхъ курсовъ обновляющейся школы“, организуемыхъ редакціей журнала для чтенія лекцій учителямъ, воспитателямъ и родителямъ (въ столицахъ и въ провинціи).

Журналъ выходитъ 10 книжками въ годъ.

Подписной годъ начинается съ 1-го сентября. Со слѣдующаго года будетъ начинаться подписка и съ 1 го января.

Подписная цѣна 2 рубля въ годъ.

Желающіе продолжить подписку до 1 января, благоволятъ уплатить къ 1 сентября еще 1 рубль.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Мойка, 54. Редакторъ Александръ Зачиняевъ

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
1 строка петита . . 50 к.

№ 5 — Ноябрь 1912 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к.; на 3 м.—90 к.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За-границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора: Москва. Арбатск. пл., Хлѣб. ный пер., д. 1. Тел. 44-67

Любовь, какъ методъ познанія.

Какъ постигается нами истина — путемъ ли мышленія, т.-е. разсудочной способности нашей, или путемъ опытныхъ переживаній? И въ частности, какая роль въ этомъ познавательномъ процессѣ принадлежитъ любви?

Выясненію этихъ крайне любопытныхъ вопросовъ посвящена статья С. Д. Кр—го, напечатанная въ октябрьской книжкѣ „Вѣсти. Теософіи“ подъ заглавіемъ „Любовь, какъ методъ познанія“.

По мнѣнію автора статьи, познавательная роль любви очень велика. Любовь является единственнымъ надежнымъ средствомъ, съ помощью котораго мы можемъ имѣть вѣрное представленіе о мірѣ.

Мы, — пишетъ авторъ, — различаемъ умъ и чувство; познаніе отграничиваемъ отъ любви, стараясь чуть ли не противопоставлять ихъ: первое, говоримъ мы, начало пассивное, зачинающее, любовь же — сама активность и смыслъ ея въ созиданіи, въ творчествѣ.

Познаніе считается монополіей разсудочной способности человѣка, всякое же привнесеніе въ актъ познанія другихъ способностей постигающаго духа разсматривается какъ незаконное или *опредѣляется* слишкомъ общимъ, *неопредѣленнымъ* терминомъ — „интуиція“.

Однако, трудно навязывать духу тѣ или иные методы постиженія.

Идеально вѣрному методу можетъ насъ научить, въ сущности, *только сама истина*, — такъ какъ лишь тотъ методъ, который далъ постиженіе истины, можетъ быть признанъ вполнѣ провѣреннымъ и оправданнымъ; т.-е. вполнѣ вѣрный методъ находится человѣкомъ тогда, когда онъ ему, собственно, и не нуженъ, такъ какъ истина оказывается уже найденной, и нужда въ какихъ-либо методахъ познанія исчезаетъ.

Такимъ образомъ, нельзя напередъ рѣшать, придетъ ли истина къ человѣку путемъ спекулятивной мысли, или опытнаго знанія, т.-е. мистическихъ переживаній.

Въ концѣ-концовъ, каждый малѣйшій актъ душевной жизни носитъ познавательный характеръ, потому что ничтожнѣйшая вибрація души отлагаетъ въ сознаніи, часто даже и непримѣчаемую, крупицу опыта, и, слагаясь одна съ другой, онѣ, затѣмъ, дѣлаются видимыми и постигаемыми, какъ нѣкая правда о мірѣ. Хочетъ ли человѣкъ истины или боится ее, — истина медленно и непреодолимо выкристаллизовывается въ немъ, ибо слова „жизнь“ и „познаніе“ въ извѣстномъ смыслѣ однозначущи и, слѣдовательно, — познаніе въ собственномъ смыслѣ этого слова, познаніе заявляющее о себѣ, какъ о таковомъ, — есть жизнь наиболѣе ярко выраженная, вылившаяся въ особо дѣятельную, сильную форму.

Всякое яркое познаніе, познаніе explicite, — заключаетъ въ себѣ элементъ любви: оно проникнуто извѣстнымъ самоотреченіемъ, такъ какъ познающій долженъ заглушить голосъ своего „я“ голосомъ объективной сущности; затѣмъ, стремясь постигнуть что-либо. мы стремимся къ сліянію и полному отождествленію познающаго съ познаваемымъ, что является больше, чѣмъ простымъ сходствомъ съ сущностью любви.

Н. Бердяевъ, говоря о гносеологическомъ смыслѣ мистики, о мистикѣ какъ познаніи, — даетъ слѣдующее опредѣленіе: „мистика — состояніе, покоящееся на тождествѣ субъекта и объекта, слияніе человѣческаго бытія съ универсальнымъ бытіемъ, общеніе съ міромъ, ничѣмъ міра не обусловливающее“. Если мы вмѣсто слова „мистика“ подставимъ слово „любовь“, то увидимъ, что формула не потеряетъ смысла и убѣдительности.

Необходимо, однако, выяснить право такой подстановки и изслѣдовать, сколько познава-

тельнаго заключается въ самой любви, и не является ли она особымъ безсознательнымъ методомъ, помогающимъ человѣку разобраться въ окружающемъ мірѣ и отдѣлить истинное отъ ложнаго.

Любовь принято разсматривать, *какъ результатъ извѣстнаго знанія.*

Мы якобы изучаемъ различныя стороны предмета, затѣмъ дѣлаемъ его оцѣнку и, въ случаѣ благопріятной оцѣнки, является любовь, чувство благожелательности къ предмету, внутреннее утвержденіе его бытія.

Несомнѣнно, — любовь естественно связана со знаніемъ, но въ другой временной послѣдовательности — именно: не любовь является слѣдствіемъ знанія, *знаніе проходитъ, какъ результатъ любви.*

Любовь дѣлаетъ понятнымъ все скрытое и ирраціональное, обнажая тайный смыслъ любимой вещи.

Въ любви мы идемъ навстрѣчу любимому, самоотверженно ему себя отдавая и стремясь съ нимъ слиться.

Это сліяніе и несетъ возможную для человѣка истину, ибо познать предметъ и значитъ — *стать къ нему возможно ближе, претворить его въ себя и самому съ нимъ отождествиться.*

Въ самомъ дѣлѣ: — какими бы путями мы не шли къ познанію, самый процессъ его нельзя представить иначе, какъ „сліяніе человѣческаго существа съ универсальнымъ бытіемъ", что предполагаетъ изначальное тождество объекта и субъекта, тождество допускающее самую возможность ихъ сліянія.

Любовь даетъ именно наиболѣе полное сліяніе души съ любимымъ объектомъ и является слѣдствіемъ ихъ первичнаго тождества, родства.

Любовь разрушаетъ дѣленіе на „я" и „не-я", — опрокидываетъ искусственныя стѣнки логическихъ опредѣленій, стремящихся раздробить и распылить бытіе: — предоставленная самой себѣ, любовь интегрируетъ раздробленную разсудкомъ жизнь и даетъ мистическое ощущеніе единства, сліянности отдѣльныхъ проявленій бытія. Стремиться же *разсматривать міръ, какъ единое, а каждую отдѣльную вещь въ немъ, и самого себя, какъ часть нераздѣльно съ Единымъ связанную — и есть познавательное отношеніе къ бытію.* Такимъ образомъ, любовь является по праву носительницей познанія.

Усиленно подчеркиваю то, что положеніе это *логически недоказуемо.* Единственная провѣрка его — нашъ *внутренній опытъ:* — мы ставимъ себя подъ различными углами къ міру, — то изслѣдуемъ его силой мысли, то замыкаемся въ себѣ, отыскивая истину въ своемъ „я", — но почему бы намъ не попробовать полюбить міръ: мы тотчасъ замѣтимъ, какъ съ каждымъ часомъ начнетъ расти его понятность; мы замѣтимъ жизнь и смыслъ тамъ, гдѣ ихъ не примѣчали раньше и все вокругъ *станетъ интимнѣе и сокровеннѣе.*

Любовь дѣлаетъ міръ значительнымъ и доступнымъ. Она возвеличиваетъ его, ибо снимаетъ принижающую личину лжи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упрощаетъ, такъ какъ великая простота, „Единое во многомъ", другими словами истина, и есть великая награда любви. Для этого нужно лишь отважиться полюбить.

Изучая жизнь хотя бы Св. Франциска изъ Ассизи, вы ни на минуту не можете отдѣлаться отъ ощущенія, что передъ вами человѣкъ съ великимъ неисповѣдимымъ знаніемъ, — человѣкъ, понявшій что-то огромное, скрытое отъ другихъ. Что научило его этому великому, радіактивно нами ощущаемому знанію?

— Любовь, безмѣрная любовь къ міру: къ людямъ, цвѣтамъ, птицамъ. Мы не знаемъ непередаваемой истины его души, но мы видимъ великіе ея примѣты: все сложное, запутанное въ человѣческихъ отношеніяхъ разрѣшено и распутано опрощающимъ смысломъ любви Св. Франциска и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ незначительныя, незамѣчаемыя вещи, мимо которыхъ мы проходимъ безъ вниманія, какъ, напримѣръ, предметы обихода, — выростаютъ для Франциска въ лучахъ любви-познанія, превращаясь въ великіе символы, осмысливаются, получаютъ душу, дѣлаются его „братьями и сестрами"!..

Любовь — это сокровенный таинственный актъ, разрушающій сѣть „явленій — обмановъ", стоящихъ между душой и міромъ.

Надо рѣшиться прозрѣть любовью и мы увидимъ, что эгоизмъ, добровольное одиночное заключеніе въ себѣ самомъ — тождествененъ съ невѣжествомъ, незнаніемъ.

Никакая умственная работа, соединенная съ холодомъ эгоизма, съ внутреннимъ отчужденіемъ отъ предмета изслѣдованія не раскроетъ его смысла.

Истина есть бытіе во всей своей цѣлости, слѣдовательно, — для сліянія съ нимъ, что равносильно познанію, необходимо прильнуть къ всебытію нераздѣльно всею душой, всѣмъ своимъ „я", а не одною умовой его стороной. Только любовь и отдаетъ душу щедро, не укрывая ни единой ея частицы, только любовь, какъ истинное познаніе, является разрѣшающимъ синтезомъ всѣхъ отдѣльныхъ, частичныхъ дѣятельностей духа.

Но если любовь можно разсматривать какъ познающую способность, то у нея, какъ у раз-

судка, должна быть своя „логика“, ученіе о наиболѣе цѣлесообразномъ и разумномъ расходованіи ея драгоцѣнной силы.

Любовь, выявляющая смыслъ міра, должна быть: а) *лишена мотивацiи* (раціоналистической, половой и т. д.) и должна быть б) *всеобща*.

Религіозная „логика“ учитъ насъ замѣнять индуктивную оцѣнку *оцѣнкой дедуктивной*:— не слѣдуетъ оцѣнивать каждый предметъ и каждаго человѣка порознь, слѣдуетъ разъ навсегда принять всѣ вещи міра, какъ нѣчто по существу благое и достойное любви и полюбить ихъ какъ бы „напередъ“, помня, что мотивы любви придутъ въ самомъ ея развитіи.

Второе условіе совершенной любви — ея всеобщность. Не слѣдуетъ дѣлать произвольнаго выбора, — любовь должна расходиться какъ лучи свѣта по всѣмъ направленіямъ и въ этомъ залогъ полноты познанія, приходящаго въ любви.

Любовь къ отдѣльному человѣку, отдѣльному явленію — это любовь, искусственно задержанная въ своемъ ростѣ, укороченная: она, естественно, стремится расшириться, обнять собою весь міръ, заполнить все бытіе. Любовь къ отдѣльному человѣку это — *предлогъ полюбить весь міръ*, и тотъ, кто любитъ отважно, не пропуститъ этой возможности.

Скованная въ самыхъ уродливыхъ формахъ, природная метафизическая всеобщность любви всегда, однако, сказывается: — влюбленнымъ „міръ кажется лучше“, „обновляется“ и т. д.

Всѣ стремившіеся опредѣлить и описать чувство любви, помимо указаній на ея познавательный смыслъ, изображали любовь какъ великую радость, какъ сладостный свѣтъ и награду совершенной души.

Если любовь даетъ истинное ощущеніе міра, и ощущеніе это прежде всего — радость, то не слѣдуетъ ли допустить, что основа міра радостна, что все воспринятое sub specie a eternitatis, преломленное въ очищенномъ познаніи, — воспринимается какъ кристаллизованное благо, какъ затемненная нашимъ несовершенствомъ идея блага, воплотившаяся во множествѣ?

Изслѣдуя происхожденіе чувства радости, мы видимъ, какъ мѣняется самая постановка нашего вопроса. Радость есть чувство субъективное, но знаменуетъ оно, собственно, ощущеніе реальности. Когда сумма неконнаго реальнаго бытія въ насъ увеличивается, мы испытываемъ чувство радости, такъ какъ радость и есть ощущеніе бытія, полноты и силы его, въ то время какъ боль, горе отмѣчаютъ пустоту, небытіе, неподвижность, задерживающую теченіе жизни.

Всякая убыль въ человѣкѣ какъ чисто физическаго, такъ и духовнаго бытія влечетъ за собой печаль и угнетеніе; но познаніе, которое есть безпредѣльное увеличеніе реальности въ познающемъ, несетъ съ собой великую, неописповѣдимую радость, свидѣтельствующую о правильности и точности пути, избраннаго познающимъ.

Познаніе — высшее здоровье духа, и въ этомъ смыслѣ *всякое бытіе есть радость, а любовь, какъ высшая радость, даетъ наиболѣе сконцентрированное ощущеніе бытія* (т.-е. познаніе).

Но, идя къ міру, любовь встрѣчаетъ извѣстныя препятствія своему выявленію.

Текущій потокъ жизни слагается изъ элементовъ реальности и призрачностей, кажущагося, нереальнаго. Оба теченія слились въ одно, образуя пеструю рѣку воспріятій, и тщетно мысль стремится раздѣлить ихъ.

Но любовь возникаетъ только отъ соприкосновенія съ подлиннымъ бытіемъ — и въ этомъ *аналитическая ея мощь*: — мы любимъ, все равно, въ человѣкѣ ли, въ какой-либо вещи, — то, что въ нихъ реально, не отзываясь этимъ чувствомъ на нереальное, игнорируя, не замѣчая его. Любящій не видитъ отталкивающихъ сторонъ любимаго, не потому что не хочетъ ихъ видѣть, а просто потому, что ихъ по настоящему нельзя видѣть, такъ какъ онѣ что-то нереальное, отрицательное: — онѣ существуютъ для мысли, орудующей надъ безразличными для нея понятіями, но отсутствуютъ при воспріятіи живыхъ элементовъ жизни, — отсутствуютъ, какъ величины мнимыя, воображаемыя.

Такимъ образомъ, любовь даетъ любимому право на существованіе, *подтверждаетъ его реальное бытіе*.

„Я любимъ, слѣдовательно, я существую“, — вотъ формула, понятная тѣмъ, кто принялъ въ себя лучи истинной любви. Вотъ почему душа такъ настойчиво требуетъ любви: въ любви она хочетъ найти себя, *мистически убѣдиться въ своемъ реальномъ существованіи*.

Познаніе любовью не только отражаетъ бытіе вещей, — оно отзвукъ самаго акта ихъ творенія, потому что, утверждая воспринятый міръ, любовь высказываетъ волю къ бытію любимыхъ, пріемлемыхъ ею вещей и отраженно какъ бы повторяетъ и завершаетъ самый актъ ихъ созиданія. Любовь къ каждой данной вещи вторично создаетъ ее, потому что каждая вещь была призвана къ бытію Великой Любовью.

Здѣсь мы подходимъ къ религіозной тайнѣ о Любви творящей: — любовь не возникаетъ

послѣ міра, — нѣтъ, вначалѣ она существуетъ какъ Любовь къ несозданному и только силой своего Воленія творитъ возлюбленное Ею.

И міръ, созданный единой, великой Любовью, насквозь виденъ и отраженъ опять-таки въ познающей любви, правда, несовершенной и слабой, но стремящейся Великую Любовь воспринять и повторить.

Завѣтъ христіанства, требующій возлюбить міръ, не испытывая его цѣнности, не изслѣдуя раціонально его достоинства, — несовершенно отражаетъ великую созидающую мощь и смыслъ Любви.

Духъ человѣческій приходитъ здѣсь къ сознанію, что не цѣнность міра осмысливаетъ любовь къ нему, а что сама любовь увеличиваетъ и, можетъ быть, создастъ цѣнность міра. Любимое не можетъ быть ничтожно, такъ какъ любовь, какъ начало творческое, даритъ ему силу и красоту.

Земная любовь несовершенна: ее искажаютъ страсти, часто прикрывающіяся священнымъ именемъ „Любви“, обезсиливаетъ боязнь смѣло итти за великими зовами чувства... Но вотъ простенькій, постоянно наблюдаемый нами жизненный фактъ: человѣкъ любитъ человѣка и видитъ въ немъ добрыя качества, явно въ немъ отсутствующія; но любящій не обманывается — силой своей любви онъ постепенно выращиваетъ эти добрыя качества въ любимомъ имъ человѣкѣ. У человѣка двоякое „я“: эмпирическое, видимое для всѣхъ, и трансцендентальное, ноуменное, видимое только для любящаго; созерцая трансцендентальное „я“ любимаго человѣка, мы видимъ въ немъ всѣ безконечныя возможности, непроявленныя въ эмпирическомъ „я“, и таинственной силой любви заставляемъ ихъ проявиться.

Здѣсь въ искаженномъ, слабомъ проявленіи, но все же сказывается творящая сила Любви.

То же, что творитъ, и можетъ только цѣлостно познавать, ибо *познаніе это анамнезъ ранѣе созданнаго.* Познаніе и творчество — разныя стороны единой силы.

Любовь невидимо присутствуетъ во всякомъ даже чисто раціоналистическомъ или узко-эмпирическомъ познаніи: — она рождается часто помимо желанія изслѣдователя и растетъ по мѣрѣ напряженности и трудности его работы.

Изучая исторію культуры, мы встрѣчаемъ Великую спутницу души подъ скромными псевдонимами „любви къ наукѣ“, „преданности интеллектуальному труду“ и т. д. — и вотъ возникаютъ открытія, метафизическія системы: — мы преклоняемся передъ логической или изобрѣтательной силой ученаго, не задавая себѣ никогда вопроса: — кому, въ сущности, обязаны мы научнымъ пріобрѣтеніемъ, — логическимъ операціямъ или же любви къ изучаемому, научившей изслѣдователя расшифровывать загадочный языкъ книги бытія.

Чѣмъ утонченнѣе, чѣмъ интенсивнѣе работа мозга, тѣмъ значительнѣе въ ней доля любви.

Постигающая мысль — это чистое жертвоприношеніе Афродитѣ Небесной, — и высшая, наиболѣе рафинированная форма исканія истины по справедливости носитъ имя „философіи“, что значитъ „Любовь къ мудрости“: — не эмпирія, не раціоналистическое познаніе, а *любовь, какъ принципъ высшаго и полнаго* сліянія съ истиннымъ бытіемъ.

Въ періодѣ „литературной жвачки“.

Серьезный симптомъ: жаловались у насъ на оскуденіе, на тусклость художественной литературы и въ началѣ прошлаго сезона, и чаянія, пророчества, какія были, звучали топко, минорно-робко; но въ этомъ году литературные наши діагносты пишутъ уже въ самомъ мрачномъ и злобномъ тонѣ и въ одинъ голосъ, и съ какимъ-то злорадствомъ, поютъ всѣмъ отходную.

Въ этотъ дружный хоръ вступилъ и критикъ новонародившейся въ Петербургѣ газеты „День“ — Л. Войтоловскій. Вотъ его статья: „Писательописываетъ“.

„Два слова выражаютъ душу современной литературы: пустота и безграничное равнодушіе.

Никто не берется съ такой охотой за перо, какъ современный писатель. Онъ философствуетъ на всѣхъ литературныхъ задворкахъ, пускаетъ въ ходъ самую потрясающую ученость, погружается въ утончennѣйшія психологическія изслѣдованія, но охота къ перу всегда превышаетъ творческія силы писателя нашихъ дней. За его фанатической многосторонностью неизмѣнно чувствуется глубоко внѣдрившаяся увѣренность: поэзія есть искусство, которому можно выучиться, у котораго есть свои методы, свои формулы, тайны, свой контрапунктъ и свои зазубренные трюки“.

Слова эти принадлежатъ Теофилю Готье, но они какъ нельзя лучше идутъ къ тому направленію, которое господствуетъ теперь въ русской литературѣ. Современный писатель спекулируетъ на гладкость, на внѣшнюю увлекательность. Все въ его произведеніи подобрано такъ, чтобы сбить съ толку читателя и скрыть отъ глазъ его свое сонное прозябаніе, свою откипѣвшую энергію.

Вся литература нашего времени испытываетъ на себѣ вліяніе этой творческой нищеты.

На сценѣ, въ художествѣ, въ бытовомъ описаніи, въ сатирѣ приходится констатировать поразительное уменьшеніе жизненности. У современнаго художника имѣется прочный запасъ давно рѣшенныхъ пріемовъ, но онъ лишенъ основного дара искусства, — умѣнья увлечь, заинтересовать, заставить слиться съ душой и жизнью своихъ героевъ.

Я очень далекъ отъ того, чтобы отрицать въ новѣйшихъ писателяхъ присутствіе дарованій. Нѣтъ, въ нашей литературной средѣ, какъ и въ средѣ соціальной, есть свои крупныя имена, свои заправилы и карьеристы, свои смѣльчаки, тунеядцы, финансисты, завистники, куртизаны; свои щеголи и свои синіе чулки, свои знаменитости и свои статисты. Это огромный и разнообразнѣйшій міръ. И сказать, что наши писатели поголовно бездарны — было бы столь же несправедливо, сколь и невѣрно. Приложима ли подобная оцѣнка къ литературѣ, искрящейся такими сильными дарованіями, какъ Горькій и Короленко, и насчитывающей въ своихъ рядахъ такія имена, какъ Купринъ, Андреевъ, Буниннъ, Арцыбашевъ, Сологубъ, Сергѣевъ-Ценскій, Бальмонтъ и др.? Соберите все вмѣстѣ написанное за послѣднее дѣсятилѣтіе всѣми нашими идеалистами, символистами, реалистами, покаянцами, богоборцами, вѣхотворцами, аскетами, мистиками и т. д.,— какъ много дѣятельныхъ умовъ, сколько фантазіи, дерзости, проницательности, и какое удивительное зрѣлище разнообразныхъ литературныхъ дарованій! Что общаго, напр., между Арцыбашевымъ и Сологубомъ, между чуткимъ инстинктомъ Горькаго и холоднымъ консерватизмомъ Куприна, между расчетливо-упорнымъ Буниннымъ и парадоксально-подкрашеннымъ Сергѣевымъ-Ценскимъ и т. д. Можно ли утверждать, что у литературы, создавшей всю эту пеструю плеяду талантовъ, изсякли художественныя силы? И нуждается ли такая литература въ защитѣ отъ критиковъ, пытающихся покачнуть своими слабыми руками ея безспорную славу?

Но дѣло совсѣмъ не въ томъ, существуютъ ли у насъ въ настоящее время популярныя имена и расточаютъ ли имъ достаточно похвалъ въ газетахъ. Никто не оспариваетъ извѣстности новѣйшихъ писателей. Но между ними и публикой точно перерѣзанъ какой-то притягивающій нервъ и установлено полное равнодушіе. Они популярны, но... ихъ не любятъ и, во всякомъ случаѣ не признаютъ за ними ни малѣйшихъ заслугъ. Тотъ поглощающій, страстный интересъ, который внушала когда-то вся прежняя литература, смѣняется, повидимому, долгимъ разрывомъ. Мало-по-малу начинаютъ складываться другія мнѣнія, другія понятія, другіе нравы, или сказать точнѣе: современный писатель и современная публика перестаютъ интересоваться другъ другомъ.

Прежняя литература вся выросла въ молчаніи. Боясь свѣтить ярко, свѣтить вверхъ, она, — по выраженію Герцена,— таясь, сгущая, сосредоточивая, жгла внутри; и подъ рабской маской каждый намекъ ея, каждое прорвавшееся слово становились пламенной силой. Безсильны, безъ вѣрной почвы подъ ногами, были ея тогдашніе герои, но они царили и и властвовали надъ сердцами и всѣми помышленіями читателей. Рудинъ, Лаврецкій, Базаровъ казались имъ болѣе реальными лицами, чѣмъ Фильки и Проньки, которыхъ посѣкали да постегивали на барской конюшнѣ.

— Вы знаете, — съ тоскою разсказывали другъ дружкѣ наши чувствительныя бабушки,— вы знаете, вѣдь Лиза ушла въ монастырь, а Рудинъ погибъ на баррикадахъ. И этими искренними слезами онѣ пытались смыть всю кровь и грязь съ нашей „остриженной въ скобку“, оскорблявшей на каждомъ шагу, заморгованной русской жизни, пытались наполнить ее красотой, мечтами и вѣрой.

Не парламентъ и Пройду замѣняла собою въ то печальное время литература, какъ глаголъ веселая бутада, подхваченная уличными листками. Рудины и Лаврецкіе были тѣмъ единственнымъ не пролеваннымъ клочкомъ, который Богъ вѣсть какими судьбами затерялся въ дворянскихъ гнѣздахъ и который служилъ для послѣднихъ спасительнымъ противоядіемъ отъ наружнаго рабства, какъ нѣкогда еврею, дрожавшему въ своемъ гетто, библія служила духовнымъ прикрытіемъ отъ гоненія. Рудинымъ, Бельтовымъ и Базаровымъ обязанъ русскій читатель не одной привязанностью къ свободѣ, а всѣмъ своимъ внутреннимъ освобожденіемъ, своимъ спасеніемъ отъ собственной плантаторской грубости, отъ кнута, гаремовъ и прочей духовной азіатчины. Тотъ проповѣдникъ, который стоялъ за спиною россійскаго писателя, всегда облеченъ былъ не столько въ парламентскія, сколько въ евангельскія одежды. И это наложило печать какой-то церковной святости на всю русскую литературу и заставляло подходить къ ней всегда съ подгибающимися колѣнями. Оттого мы и на писателей привыкли смотрѣть какъ на духовныхъ вождей, какъ на людей сильной расы. Левъ Толстой какъ бы олицетворилъ и апооеозировалъ въ себѣ эту благоговѣйно чтимую совѣсть всей прежней литературы. И даже теперь еще фраза французовъ, обращенная къ подагрическому Людовику

XVIII: „мы желаемъ такой власти, которая сидѣла бы бодро на конѣ“ — является тѣмъ самымъ пожеланіемъ, съ которымъ нынѣшнему читателю такъ хочется обратиться къ нашей вялой и подагрической литературѣ.

Но романъ между русской интеллигенціей и русской литературой утратилъ свою серьезность. Нынѣшній писатель точно навязалъ себя публикѣ, которая нехотя слушаетъ его и смотритъ на всю литературу, какъ на неизбѣжную культурную декорацію. И только. Кто, по-совѣсти, можетъ сказать: я обязанъ Анатолію Каменскому или Сергѣю Ауслендеру своимъ внутреннимъ пробужденіемъ. Праведники Б. Зайцева или грѣшники Арцыбашева, тихіе мальчики Сологуба всѣ они мало занимаютъ читателя и такъ и поднесь остаются для насъ ходячею тайной, которую никто не желаетъ разгадать.

Нынѣшняя литература никуда не зоветъ, ничего не обѣщаетъ. Слова ея вялы и безпомощны, какъ разваренныя макароны, и вся она, со всѣми своими слезами и смѣхомъ, со всей своей непослѣдовательностью, тянется изо-дня-въ день, изъ книги въ книгу, сонно, медлительно и безотрадно, какъ долгая, ненужная жвачка.

Почему же? Развѣ мало талантовъ въ русской литературѣ?

Въ томъ-то и дѣло, что въ работѣ художника участвуетъ не только талантъ. Чтобы творить, надо обладать не только природнымъ дарованіемъ, но и страстью. Только она научаетъ художника говорить языкомъ неподдѣльнаго вдохновенія; только она облегчаетъ борьбу съ трафаретомъ, шаблономъ, съ „зазубренными трюками“.

„Нужно для совершенства въ искусствѣ нѣчто большее, чѣмъ прирожденное дарованіе, какъ-бы оно ни было велико, — говоритъ Ибсенъ. Нужны еще страсти и страданія, наполняющія жизнь и сообщающія ей смыслъ. Въ противномъ случаѣ нѣтъ поэзіи, есть только писаніе книгъ“.

Но страсти, безумія духа святого — наша укороченная келейная, виртуозно-вылощенная литература теперь не знаетъ. И оттого у насъ есть пьесы, романы, стихотворенія, налицо имѣются всѣ признаки и вся номенклатура большой литературы, но нѣтъ литературнаго творчества. Есть спокойная разсудительная книжность, есть писатели, поставляющіе матеріалъ для ежедневной литературной жвачки, но нѣтъ исканія, трепета, нервовъ.

Пусть писатель будетъ несправедливъ, придирчивъ, насмѣшливъ, бѣденъ разсудкомъ и благородствомъ, полонъ самыхъ грѣховныхъ суевѣрій, но пусть въ словахъ его бьется живая кровь, вскипяченная неподдѣльною страстью.

Но единственная страсть, оставшаяся нынѣшнему писателю, это — страсть къ наживѣ. Литература стала для многихъ, для большинства не только призваніемъ, но и прилавкомъ. Послушайте, напр., доктринерски-холодныя заявленія В. Розанова въ „Уединенномъ“!

„А для чего имѣть друга-читателя? Пишу ли я для читателя? нѣтъ, пишешь для себя.

Зачѣмъ же печатаете?

— Деньги даютъ.

Субъективное совпало съ нынѣшнимъ обстоятельствомъ.

Такъ происходитъ литература. И только“.

Именно такъ, по преимуществу, происходитъ вся нынѣшняя литература. Разумѣется, только Розановы и Меньшиковы съ такимъ открытымъ цинизмомъ исповѣдуютъ убѣжденіе, что рубль умнѣе ихъ — и самъ знаетъ, когда и о чемъ писателю писать, и когда — во благовременіи — помолчать. Но и тамъ, гдѣ этого побѣдоноснаго презрѣнія къ принципу не такъ много, умѣнье приспособляться къ рынку совсѣмъ не считается безчестной игрой, а скорѣе тайнымъ достоинствомъ. Культъ промышленной жадности нагло вошелъ въ литературу, и торгашеское усердіе заправляетъ смѣной литературныхъ вкусовъ и литературныхъ теченій. Господство коммерціи возрастаетъ съ каждой минутой, распаляетъ фантазію писателей и плодитъ ренегатовъ, двурушниковъ, мракобѣсовъ. И кто знаетъ: не здѣсь ли источникъ недавней декадентской горячки? Быть можетъ, происхожденіе всей поэзіи, нылавшей въ символикѣ декаданса, исчерпывается магическимъ призракомъ двугривеннаго, символически вычеканеннаго въ глубинѣ наиболѣе интригующихъ и загадочныхъ образовъ? Кто скажетъ, во сколько двугривенныхъ оцѣниваются, напр., тихіе мальчики Сологуба, или какія прозаическія обстоятельства увели съ литературной арены всѣхъ этихъ пѣвцовъ и шлейфоносцевъ расцвѣтающей и увядающей плоти?

Въ интересахъ построчнаго гонорара богоборцы превращаются въ направленцевъ, направленцы въ покаянцевъ. Таланты размѣниваются на груды печатной макулатуры, и если имъ не удается сдѣлаться основателями новыхъ литературныхъ троновъ, то они становятся, въ будущемъ, учредителями новыхъ финансовыхъ династій.

Французы говорятъ: прелюбодѣяніе совершается женщиной не въ тотъ часъ, когда она отдается любовнику, а въ ту ночь, которую она затѣмъ безъ страсти проводитъ съ мужемъ.

Точно такъ же прелюбодѣйствуетъ и двурушничаетъ во многомъ и вся современная литература. Ибо двурушникъ не тотъ, кто одной рукой затираетъ то, что пишетъ другая; тутъ можетъ быть иной разъ глубокая внутренняя драма. Развратно двурушничаетъ тотъ, кто спокойно и безъ запинки переходитъ отъ направленія къ направленію, потому что этого требуетъ кліентэла. Духовно прелюбодѣйствуетъ и двурушничаетъ тотъ, кто негодуетъ безъ гнѣва и озлобленія, кто нападаетъ безъ вѣры въ свое право, кто безъ страсти и увлеченія изо-дня-въ день разсудительно тянетъ свою литературную жвачку.

Это отсутствіе страсти, это внутреннее запустѣніе приходится маскировать писателю принужденной аффектаціей и безсодержательной книжной дрессировкой.

Тогда исчезаетъ литература и на сцену являются литераторы. Наступаетъ день литературныхъ салопницъ и торжество кумовского альманаха (съ перечисленіемъ брюкъ и любовницъ знаменитости). Въ журналы и газеты отважно врываются литературные выскочки, ухачи, маклера, подрядчики, и дорогу таланту преграждаютъ нахальство, реклама и торгашеская расчетливость. Лихорадка вдохновенія смѣняется возбужденіемъ отъ вина, конкуренціи, безсонныхъ ночей и бѣшеной погони за чистоганомъ.

И чѣмъ меньше въ душѣ огня, тѣмъ больше треска, эффектовъ.

„Пусть я бездаренъ, но тема моя талантлива“— вотъ главный лозунгъ всей современной литературы, провозглашенный тѣмъ же Розановымъ.

И читатель брезгливо отворачивается отъ нашихъ поэтовъ, сатириковъ, романистовъ. Они популярны, но ихъ не любятъ и, во всякомъ случаѣ, не признаютъ за ними ни малѣйшихъ заслугъ...

Любезный читатель! Въ нашей литературной средѣ, какъ и въ средѣ соціальной, есть свои заправилы и карьеристы, свои тунеядцы, завистники, куртизаны, свои крупныя имена, свои смѣльчаки, свои герои и мученики: литература всегда отраженіе того общества, которое создало эту литературу. И если вамъ кажется иногда, что слишкомъ пуста и бездушна наша нынѣшняя печать, если наши писанія наводятъ на васъ скуку, и кровь, текущая въ нашихъ жилахъ, вамъ кажется такой холодной и прѣсной, то вспомните, что мы — вы; мы именно говоримъ то, что вы мыслите, мы чувствуемъ такъ, какъ вы намъ сами подсказываете.

Новые горизонты въ искусствѣ.

Необычайные успѣхи кинематографа, сила котораго, какъ у сказочнаго богатыря, растетъ не по днямъ, а по часамъ, привлекаютъ къ нему теперь не просто вниманіе, но уже почтительное вниманіе дѣятелей искусства—и теоретиковъ и практиковъ. Извѣстный поэтъ С. Андреевскій, разсматривая въ „Рус. Сл.“ тріумфальное шествіе этого „Наполеона“ нашихъ дней въ связи съ такими же стремительными завоеваніями музыки, находитъ новыя подтвержденія высказанному имъ двѣнадцать лѣтъ назадъ мнѣнію, что „своей высшей красоты Слово уже достигло въ поэзіи, и великихъ поэтовъ не предвидится; ни одного всемірнаго поэта, какихъ мы знали прежде, и вообразить себѣ уже нельзя. Поголовный „декадансъ,— увы!— безъ всякихъ надеждъ на ренессансъ“.

И авторъ констатируетъ, что, во-первыхъ, навсегда лишилась Лирика царственной „резиденціи“ Слова, главной областью котораго отнынѣ будетъ Эпосъ, а во-вторыхъ—рядомъ съ міровымъ царствомъ Слова народились другія двѣ „великія державы“,—Музыка и Мимика.

Обратите только вниманіе,—пишетъ онъ,— на колоссальный ростъ за послѣдніе два вѣка совсѣмъ еще юной въ исторіи человѣчества, но могучей соперницы Поэзіи—Музыки. Вѣдь, древне-греческая трагедія состояла изъ метрической декламаціи подъ звуки элементарныхъ инструментовъ, не способныхъ создать гармонію. Зачатки современной музыки идутъ изъ средневѣковой Италіи, но рождается она только отъ Баха и Глюка въ концѣ XVII столѣтія. За ними слѣдуетъ Моцартъ. А затѣмъ Бетховенъ, Шопенъ, Вагнеръ. Великіе поэты начала прошлаго столѣтія встрѣтили только раннюю зарю музыки. Пушкинъ первый привѣтствовалъ ея рожденіе и угадалъ въ этомъ искусствѣ „*новы* тайны, глубокія, плѣнительныя тайны“!..

Греки и римляне не знали рифмы. Они довольствовались метрическимъ стихомъ. Шекспиръ, не доживши до рожденія Музыки, почти не рифмовалъ и не гонялся за созвучіемъ. Но къ началу прошлаго столѣтія, когда Лирика достигла своего апогея (Байронъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гёте, Шиллеръ, Гюго), созвучія, какъ бы въ предчувствіи Музыки, развились необычайно. Они сдѣлались неизбѣжной принадлежностью Поэзіи. И это уже былъ предѣлъ... Еще Лермонтовъ сказалъ: „Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ, и повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ“. Здѣсь чувствуется приговоръ,

утвержденный всею послѣдующей литературой. Поэмы, романы въ стихахъ уже не могли воскреснуть. Некрасовъ, поэтъ позитивнаго времени, пытался ихъ дѣлать, чтобы оправдать и увѣнчать свою Лирику, но ничего не выходило. Его поэма „Русскія женщины“ — сплошная проза Случился какой-то непоправимый кризисъ, какъ разъ совпавшій съ непримѣтнымъ, побѣдоноснымъ возрастаніемъ Музыки.

Произведенія Пушкина и Лермонтова, не превзойденныя у насъ никѣмъ изъ послѣдующихъ лириковъ, были преисполнены „поэзіи живой и ясной, высокихъ думъ и простоты“ (формула Пушкина). Да, именно. Вся эта плеяда великихъ сверстниковъ — Байронъ, Гёте, Шиллеръ, Пушкинъ, Лермонтовъ — говорила о самыхъ „высокихъ“ думахъ живымъ, яснымъ, простымъ языкомъ. Но въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія чувства и думы облекаются у поэтовъ въ такія изысканныя и запутанныя мелодіи, что ихъ далеко не всякій расшифруетъ.

Дальше всѣхъ въ этомъ направленіи ушелъ почти непостижимый Вячеславъ Ивановъ. Чистый и благородный мечтатель, съ нѣжною душою и тончайшею воспріимчивостью Вячеславъ Ивановъ почти совсѣмъ отрѣшился отъ обычнаго употребленія словъ и сталъ загромождать свои стихи безъ всякаго удержу тредьяковщиной, качественными существительными и даже совсѣмъ не идущими къ дѣлу фразами, отдаваясь какому-то стихійному подхвату мелодіи. Но тогда спрашивается: къ чему же здѣсь слова? Вѣдь, это уже была просто Музыка, дающая именно звуки безъ ясно опредѣленнаго значенія, всегда къ сожалѣнію свойственнаго слову.

Музыка тѣмъ и привлекательна, что она можетъ передавать тончайшія, безотчетныя, глубокія и сложныя чувства и настроенія, которыя безсильно выразить Слово. Она явилась (смѣшно сказать!) всего два вѣка назадъ, считая отъ сотворенія міра; возрастала непримѣтно и понемногу втянула въ свои формы всѣ виды литературы на сценѣ: романы („Травіата“, „Онѣгинъ“), комедіи („Севильскій цырюльникъ“), драмы („Фаустъ“), поэмы („Демонъ“) и т. д. Создается музыкальный театръ рядомъ съ словеснымъ. Правда, „либретто“, т.-е. текстъ музыкальныхъ пьесъ, большею частью портили чудесные литературные подлинники, но и это сгладилъ Вагнеръ, требовавшій, чтобы и слова и мелодіи „музыкальныхъ драмъ“ создавали непремѣнно сами поэты. Такихъ феноменовъ, конечно, найдется немного, но Вагнеръ первый сдѣлалъ этотъ захватъ Поэзіи подъ власть Музыки и сдѣлалъ удивительно.

А власть Музыки все усиливается. Вагнеръ вызываетъ почти религіозное поклоненіе широкихъ массъ. Чтеніе стиховъ превратилось въ „мелодекламацію“, т.-е. сопровождается музыкой. Симфоническіе концерты переполнены. Здѣсь уже *нѣтъ словъ*, но каждый по-своему переживаетъ чувства, передаваемыя ему таинственными звуками. Наконецъ, почти всѣ новѣйшіе режиссеры драматическихъ театровъ, не довольствуясь текстомъ драмы, заказываютъ музыку для иллюстраціи нѣкоторыхъ важнѣйшихъ моментовъ пьесы.

Но этого мало. Всего десять лѣтъ назадъ явился Кинематографъ, который опять-таки *обходится безъ словъ, но инымъ средствами*, чѣмъ Музыка, — посредствомъ одной Мимики. Извѣстно, что драматурги давно уже отбросили „монологъ“, находя неестественнымъ, чтобы актеръ говорилъ съ публикой, оставаясь одинъ на сценѣ. Но въ Кинематографѣ, гдѣ вся роль исполняется только мимикой, душевная жизнь дѣйствующаго лица сообщается публикѣ и въ тѣ моменты, когда оно задумывается въ одиночествѣ. И здѣсь поневолѣ Мимика напрягается и развивается до послѣдней возможности, до передачи тончайшихъ внутреннихъ движеній. Въ драмѣ Кинематографа слова потребны лишь въ количествѣ нѣсколькихъ строкъ на экранѣ въ продолженіе всей пьесы, подобно тому, какъ въ Симфоніи достаточно коротенькой словесной программы, чтобы дать недогадливымъ ключъ къ пониманію всей музыкальной поэмы.

Кинематографъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, совершенствуясь въ своей литературѣ, техникѣ и пріемахъ. Уже лучшіе писатели, художники и актеры завоевываются этимъ новымъ видомъ сцены. Интересно, что когда Кинематографъ записываетъ на своей лентѣ пьесы, исполненныя актерами лучшихъ театровъ, то получается нѣчто механическое, въ родѣ фотографіи или граммофона. Зато всегда естественнѣе, даже при убогомъ и фальшивомъ замыслѣ, тѣ вещи, которыя задуманы и поставлены для спеціальной кинематографической труппы, именно потому, что ея артисты уже приноровились къ условіямъ одной мимики, безъ всякой помощи слова.

Я видѣлъ пьесу „Жертвенникъ любви“, которую разскажу подробно. Она меня положительно захватила, несмотря на довольно наивный сюжетъ. Студентъ и барышня полюбили другъ-друга. Оба чистые, умные, дѣвственные. Они рѣшили сочетаться бракомъ, когда юноша окончитъ курсъ. Живутъ на отдѣльныхъ скромныхъ квартирахъ. Онъ учится, она работаетъ на швейной машинѣ и откладываетъ свои сбе-

реженія въ копилку. Вдругъ отецъ студента разбитъ параличомъ, и у молодого человѣка не остается никакихъ средствъ для окончанія курса. Парочка приходитъ въ отчаяніе. Но у студента есть гдѣ-то богатая тетка. Онъ говоритъ невѣстѣ, что, вѣроятно, тетка выручитъ. Влюбленные оживаютъ. Онъ пишетъ теткѣ письмо, и оба, пріободрившись, ждутъ отвѣта. Барышня какъ-то заходитъ въ квартиру жениха въ его отсутствіе и находитъ на его столѣ запечатанное письмо, несомнѣнно, отъ тетки, изъ того города, гдѣ она живетъ. Ее ужасно соблазняетъ узнать новость. Она распечатываетъ конвертъ: тетка холодно и безповоротно отказываетъ. Послѣ минутнаго огорченія и колебанія барышня быстро принимаетъ мѣры, чтобы ея другъ не почувствовалъ этого удара. Она поддѣлываетъ отвѣтъ тетки, будто бы соглашающейся высылать въ университетъ во всѣ сроки плату за его образованіе до окончанія курса. Студентъ поддался обману, приходитъ торжествующимъ къ невѣстѣ,—и все налаживается. Невѣста выбивается изъ силъ, чтобы отрабатывать деньги, вносимыя ею въ университетъ. Швейной работы нехватаетъ, и она по объявленію поступаетъ продавщицей въ какой-то ресторанъ, гдѣ, конечно, за нею ухаживаетъ подвыпившіе посѣтители, отъ которыхъ она сухо и гордо отбивается. Но вотъ ея дѣло доведено до конца. Женихъ окончилъ курсъ первымъ; его привѣтствуютъ профессора и товарищи. Радостный, онъ приходитъ сказать объ этомъ счастливой невѣстѣ, объясняя, что вынужденъ провести сегодняшній вечеръ съ товарищами. И, конечно, послѣ нѣсколькихъ вынужденныхъ кружекъ пива... попадаетъ въ ресторанъ, гдѣ торгуетъ его невѣста. Онъ ее публично оскорбляетъ и, возвратившись въ свою комнату, съ отчаяніемъ разрываетъ ея фотографію, украшавшую его рабочій столъ. Дѣвушка заболѣваетъ отъ нервнаго потрясенія. Въ своей убогой комнаткѣ, чувствуя, что ее покидаютъ послѣднія силы, она пишетъ студенту записку, прося навѣстить ее, такъ какъ она тяжело больна и не имѣетъ средствъ на лѣченіе. Подписывается, какъ всегда, „твоя“. Студентъ невольно идетъ на этотъ призывъ. Тогда барышня, неподвижная, какъ трупъ, съ послѣдними усиліями передаетъ ему ключъ отъ своего шкапчика. Тамъ студентъ находитъ подлинный отвѣтъ тетки и всѣ квитанціи за лекціи, полученныя невѣстой за ея кровныя деньги. Онъ рыдаетъ надъ безмолвной и, повидимому, умершей дѣвушкой... Конецъ.

Какъ видите, пьеса заурядная, придуманная для чувствительныхъ эффектовъ. Но молодая артистка дала такой правдивый образъ, что, казалось, будто все это было въ жизни. Удивительна простота ея игры при такомъ соблазнѣ для ломанія на сценѣ. Въ каждомъ ея движеніи, взглядѣ, поцѣлуяхъ чувствовалась чистая дѣвушка, разумная, терпѣливая, трудящаяся, имѣющая душевную потребность устранить отъ любимаго человѣка все тяжелое и тревожное. Изъ трафаретной программы зрѣлища возникла неотразимо подлинная женская фигура. И все это было сдѣлано безъ единаго слова, одной мимикой. И я не встрѣчалъ никакой надобности въ словахъ,—настолько впечатлѣніе было цѣльное. А когда пьеса кончилась, и я началъ разсуждать, то мнѣ показалось, что при такомъ исполненіи *слова и не нужны*. Напротивъ; слова были бы общеизвѣстныя, будничныя, совершенно лишнія. Но, кромѣ того, я былъ убѣжденъ, что если бы дѣло происходило въ словесномъ театрѣ, то получилось бы непремѣнно много фальши, крикливости въ интонаціяхъ и напряженія въ жестахъ. Простая, милая дѣвушка совсѣмъ бы исчезла. И я подумалъ: какой это новый удивительный способъ изображенія жизни — Мимика! Какія новыя чудесныя дарованія могутъ возникнуть на этомъ поприщѣ!

Я далекъ отъ мысли унижать одно искусство на счетъ другого. Напротивъ, думаю, что всѣ искусства равно пригодны для воплощенія нашихъ чувствъ и отношеній къ міру. Сожалѣю, напримѣръ, что между девятью Музами совсѣмъ пропущены Живопись и Архитектура. Ибо хотя ихъ созданія и болѣе тлѣнны, нежели дѣти прочихъ Парнасскихъ богинь, но и эти твердыни, эти чудесные символы исчезнувшихъ вѣковъ,—Зданія и Картины,—все тѣ же „посылки въ вѣчность“ для воплощенія человѣческой мечты.

Итакъ, я скорѣе склоненъ установить равенство Музъ и даже предсказать нарожденіе новыхъ. Повидимому, нашъ вѣкъ предназначенъ для буйной революціи въ искусствахъ, пожалуй, съ тѣмъ же утопическимъ девизомъ: „Liberté, égalité, fraternité“. Думается, что въ предстоящей перестановкѣ великая Поэзія останется уже въ Пантеонѣ, какъ отжившая, недосягаемая, но вѣчно памятная красота. И на долю Слова выпадетъ *Эпосъ*. Стихи, конечно, останутся, благо теперь даръ стихосложенія доступенъ почти каждому пишущему, не лишенному слуха. И среди этихъ стиховъ будутъ попадаться „перлы“, какіе можно найти почти у каждаго писателя. Но законною и неотъемлемою областью слова, — повторяю, — будетъ Эпосъ.

Божественное значеніе Слова („Вначалѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово“)

отъ этого нисколько не умалится. Вспомните только, какою плѣнительною „поэзіею въ прозѣ“ преисполнена лѣтопись Евангелія! Наконецъ, среди всѣхъ формъ творчества Слово одарено всепревозмогающею живучестью, поистинѣ близкой къ безсмертію Бога.

Почему у насъ нѣтъ драматической литературы.

Жалобы нашихъ театровъ, что нечего ставить изъ произведеній своихъ, отечественныхъ, драматурговъ, театральной критики—что не о чемъ писать, публики — что не на что смотрѣть,—уже стали такой же скучной, надоѣдливой аксіомой, какъ и знаменитая фраза: „Волга впадаетъ въ Каспійское море“... Евг. Зноско-Боровскій въ „Аполлонѣ“ (сент.) идетъ дальше обычныхъ ламентацій и дѣлаетъ попытку доказать, что у насъ, русскихъ, и не было еще, въ сущности, драматической литературы, какъ таковой, да и не могло быть до сихъ поръ.

Одно явленіе,—пишетъ онъ,—какъ маленькое на синемъ, ясномъ небѣ облако, грозящее разростись въ громадную тучу и несущее грозу, навѣваетъ скорбь и тревогу на радостью проникнутое сознаніе наше. Явленіе это — отсутствіе драматической литературы. У насъ вовсе нѣтъ репертуара. Нѣтъ другого театра, который былъ бы такъ безпомощно бѣденъ въ смыслѣ репертуара, какъ русскій. Здѣсь мы буквально нищіе. Достигнувъ ослѣпительныхъ высотъ чисто-театральнаго искусства, мы не имѣемъ на чемъ проявлять его, мы не имѣемъ что ставить. Кличъ германскихъ революціонеровъ, ихъ лозунгъ, ихъ зовъ—„прочь отъ литературы!“ — для насъ не зовъ, а печальный фактъ. Не этимъ ли объясняется та легкость, съ которою мы достигли, ничѣмъ несдерживаемые, совершенства въ чисто-театральной техникѣ, которая для насъ, не бывъ интерпретаціей пьесъ, сразу стала сама себѣ цѣлью? Вліянію такихъ авторовъ, какъ Мольеръ, Шекспиръ, испанскіе драматурги, которые весь театръ своего времени окрестили своимъ именемъ, не легко противиться или отъ него уйти,—а мы, скромно не называя „театръ Островскаго“, должны спасаться хоть именами актеровъ — Дмитревскаго, Щепкина, которые дѣйствительно создали школы, растили традиціи. Что значитъ для насъ озабоченность французовъ „retheâtraliser le théâtre“, когда нашъ театръ никогда не захватывался литературой, и если ему грозитъ чей нибудь „сладкій плѣнъ“, то развѣ со стороны живописи, но и объ этомъ еще рано говорить... Мы, несущіе свѣтъ театра въ Европу, что можемъ мы ей показать изъ своего репертуара? Фарсъ Гоголя, бытовые куски Островскаго, да анемичную беллетристику Чехова... Увы! Скудный багажъ, не составляющій репертуара.

Конечно, нельзя безъ оговорокъ сопоставлять русскій театръ съ европейскимъ, имѣющимъ за собой такую долгую исторію, во время которой театръ столько разъ и такъ радикально видоизмѣнялся, однако, развѣ не поразительно, что беллетристическую литературу нашу мы уже можемъ сравнивать, не стыдясь, съ европейской, а драматическую—нѣтъ? Почему только второстепенные изъ русскихъ писателей посвящали себя высочайшему искусству театра, а первоклассные геніи наши славны никакъ не своими театральными произведеніями? И — любопытно—либо эти мастера отрицали театръ, либо самъ театръ ихъ не принималъ. Пусть наугадъ вернутся въ памяти нашей имена вовсе отринутыхъ театромъ—Пушкина, Лермонтова, или равнодушно прошедшихъ мимо него—Достоевскаго, Лѣскова, Гончарова (не говоря уже о поэтахъ—Фетѣ, Тютчевѣ), либо удѣлившихъ ему сравнительно малое вниманіе или не высшее свое искусство — Льва Толстого, Тургенева...

Странно еще то, что до изданія сколько нибудь замѣчательной литературы, театръ, забавляя и поучая россіянъ, уже имѣлъ свой, богатый и превосходный, репертуаръ; едва ли не съ него и начинается изученіе нашей литературы, и во всякомъ случаѣ, рядомъ съ Державинымъ никогда не забывается Фонвизинъ; странно еще и то, что на зарѣ нашей литературы и театра, когда создавались первыя геніальныя произведенія поэзіи, и театру были подарены творенія исключительныя („Горе отъ ума“, „Борисъ Годуновъ“), до сихъ поръ не превзойденныя, больше того, театромъ съ трудомъ лишь и только періодами усваивавшіяся.

Не имѣть репертуара при условіяхъ—любви публики къ театру, большого актерскаго искусства, изысканности и красочности постановокъ, и при томъ условіи, что громадное большинство нашихъ писателей, мелкихъ и крупныхъ, для театра писали или пробовали писать, — это, во всякомъ случаѣ, нѣчто настолько изъ ряда выходящее, что оно должно имѣть, несомнѣнно, какую-нибудь общую причину. Едва ли можно удовлетвориться ссылкой на то, что театръ нашъ созданіе не національное, но заим-

ствованное отъ Европы; почему же отразилось это на литературѣ, а не на самомъ театрѣ? Отдавъ должное и цензурнымъ воздѣйствіямъ, которыя, однако, никакого подлиннаго творца не отводятъ отъ работы, если она ему по душѣ, и которыя не помѣшали, въ пору своего жестокаго расцвѣта, появленію не слишкомъ милыхъ цензурѣ „Горя отъ ума“ и „Ревизора“, — мы все же остаемся передъ тѣмъ же вопросомъ. Причина указаннаго явленія, непремѣнно, должна быть отнюдь не внѣшняя, случайная, но очень общая, и корениться въ самой сущности театра...

Что бы ни утверждали поклонники вчерашняго дня, которые рта не могутъ открыть безъ того, чтобы не вспомнить давно всѣмъ набившей оскомину „жизни, распластанной на одрѣ смерти“, что бы ни вѣщали таинственные проницатели собственныхъ фантазій, сущностью театра, его стихіей является *дѣйствіе* (которое не должно смѣшивать съ движеніемъ въ томъ его значеніи внѣшнемъ, формальномъ, — которое ему обыкновенно придаютъ), и въ немъ то и лежитъ, по нашему мнѣнію, причина отсутствія у насъ драматической литературы. Мы жаждемъ дѣйствія, мы грезимъ о немъ—и вотъ мы толпами устремляемся въ театръ *смотрѣть*, воспринимать дѣйствіе; мы жаждемъ дѣйствія и мы мастера осуществлять его, когда оно указано и дано, — и вотъ мы прекрасно *играемъ* на сценѣ, воплощаемъ чужое дѣйствіе; но сами создать, въ себѣ зародить, выносить и въ напряженномъ движеніи выявить дѣйствіе — этого намъ не дано, — и вотъ мы *не пишемъ* для театра, не творимъ дѣйствія.

Дѣйствіе — стихія театра, а стихія русскаго человѣка, не всякаго и не всегда, но образованнаго русскаго въ XIX столѣтіи, творца русской литературы въ ея золотой вѣкъ, — неспособность къ дѣйствію...

Когда думаешь о печальной судьбѣ въ русской литературѣ XIX в. натуръ дѣятельныхъ, о необыкновенномъ успѣхѣ „лишнихъ“ людей, отнюдь не свойственныхъ Россіи въ прежнія времена, — трудно не вспомнить разсказовъ о вліяніи, которое имѣло на дворянъ 14 декабря, трудно отдѣляться отъ мысли, что нанесенный въ этотъ день рѣшительный, послѣдній ударъ по спѣси дворянской (мы не касаемся, какъ это всякому понятно, идеологической стороны движенія), привыкшей „переставлять“ по собственному усмотрѣнію своихъ государей и едва ли не ставившей ихъ въ низшее, даже зависимое положеніе отъ воли и желаній дворянскаго сословія, воспитанной на дворцовыхъ переворотахъ XVIII в., да на французской революціонной идеологіи и лишній разъ убѣдившейся въ своей силѣ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, которыя внѣшне привели не къ тѣмъ послѣдствіямъ, жажду которыхъ онѣ пробудили въ сознаніи дворянъ, — трудно отдѣлаться отъ мысли, что этотъ ударъ, сразу показавшій ничтожество прежней мощи, рѣшимость власти итти въ будущемъ безъ ея поддержки, но съ помощью наемныхъ, во всемъ—жизни и смерти, чести и униженіи — отъ нея зависимыхъ людей, — что онъ внесъ не только разстройство въ дворянскіе ряды, но и развратъ, онъ отравилъ надолго, если не навсегда, ихъ душу. Тогда вѣдь стало ясно, что надо отказаться отъ своей прежней роли, что предстоитъ выборъ между независимой, но и безвѣстной, безвліятельной, оскудѣвающей и подпадзорной жизнью въ деревнѣ, и между жизнью за деньги, зависимой, рабской, но вліятельной и видной цѣною собственной безгласной преданности — при дворѣ. Но и та и другая дороги вели къ разложенію и смерти, болѣе или менѣе безобразнымъ, болѣе или менѣе мучительнымъ. Получившіе такой ударъ, устраненные столь насильственно отъ привычнаго и милаго дѣла, какъ могли они короновать вѣнцомъ героя, кого-либо другого, какъ не лишняго человѣка? И къ концу прекраснаго и страннаго, великаго и ничтожнаго великодушно-свободнаго и униженно рабскаго для Россіи вѣка, можно ли удивляться, когда появляется представленіе о русскихъ (и о славянахъ вообще), изъ которыхъ къ дѣйствію допущено лишь чиновничество, какъ о безсильныхъ пѣшкахъ, слабовольныхъ мечтателяхъ, романтикахъ самаго дурнаго сорта?

„L'improductivité slave“, брошенная когда-то Сенкевичемъ, не подтверждается ни исторіей, ни творчествомъ славянскихъ народовъ. Мечтательность и лѣность въ русскихъ богатыряхъ являлись слѣдствіемъ ихъ великой силы, и болѣзненная безвольность Ѳеодора Іоанновича вызывала къ себѣ только жалость. Лишь XIX вѣкъ могъ въ такомъ персонажѣ выискать героя трагедіи, низведя тѣмъ самую трагедію до уровня неврастеническаго топтанія на мѣстѣ. Никогда герой трагедіи не являлся въ апоѳеозѣ безсилія; героями иностранныхъ пьесъ (испанскихъ, нѣмецкихъ и др.) изъ русской трагедіи служили такіе люди, какъ Иванъ Грозный, первый самозванецъ и др., вѣрность чего такъ хорошо постигъ Пушкинъ. Если мы „Гамлета“ разсматриваемъ, какъ трагедію воли, то сколько же намъ нужно еще доказательствъ, кромѣ тѣхъ, какія даетъ пьеса, — въ сценахъ убійства Полонія, молитвы короля, мышеловки, видѣнія и др.,—чтобы убѣдиться, что Гамлетъ

обладаетъ громадной волей, великой волей къ дѣйствію? Но она отравляется высокимъ развитіемъ другихъ душевныхъ силъ, которыя препятствуютъ ей необдуманно въ послѣднемъ актѣ проявить себя. Такъ вѣдь это—сила, а не безсиліе... Настанетъ время, когда мы будемъ и Эдипа обвинять въ нерѣшительности, медлительности и требовать, чтобы и онъ уже въ первомъ своемъ выходѣ, такъ, здорово живешь, ослѣпилъ себя... Уже давно прописью стало наблюденіе надъ неспособностью нашей литературы создать типы, называвшіеся прежде „положительными“, надъ деревянностью и дѣланностью такихъ типовъ. Понятно, что въ драматической литературѣ, гдѣ безъ столкновеній воль никакихъ нельзя обойтись, въ пьесахъ Островскаго дѣятели по преимуществу мошенники (къ счастью, во-время теряющіе записную книжку или оказывающіеся въ нужный моментъ настоящими глупцами, такъ что добродѣтель довольно легко, хотя и очень незаслуженно, торжествуетъ), а герои—всѣ скучны, всѣ праведники, всѣ до того противны, что никогда не радуешься ихъ конечному счастью, никакого не чувствуешь освобожденія или очищенія, когда они — безъ борьбы — побѣждаютъ,—развѣ одну только неловкость отъ прямолинейности и житейской воплощенной морали...

Бездѣйственные въ жизни, мы не сумѣли одолѣть этого бездѣйствія и въ искусствѣ, и для насъ дѣйствіе неуклонно было элементомъ комическимъ, и слезы проливали мы надъ своимъ безпомощнымъ бездѣйствіемъ. Естественно, что это вело къ полному искаженію театра, къ созданію условій, наиболѣе пригодныхъ для уничтоженія театра, къ рожденію такого театра, который по существу являлся полнымъ его отрицаніемъ, — театра бездѣйствія. Показать на сценѣ не то, что происходитъ, и не тѣхъ, что дѣйствуютъ, но то, что людьми, въ событіяхъ не участвующими, переживается во время этихъ происшествій, которыя разыгрываются за сценой, — развиться это могло только у насъ. Правда, такой театръ родился на Западѣ, но то былъ лишь краткій моментъ въ богатой исторіи европейскаго театра, сильно подвинувшій и расширившій его технику, и онъ родился во имя театра маріонетокъ, питаясь глубокими и чисто-театральными корнями. У насъ же этотъ театръ (когда хочется весь зрительный залъ перемѣстить за кулисы), театръ Чехова явился цѣлой полосой, создалъ школу и достойно увѣнчалъ короткую исторію русскаго театра своимъ отрицаніемъ театра, сказавъ новое творческое слово. Пьесы Чехова могутъ быть великолѣпны, ихъ можно безподобно разыгрывать, но надо признать, что это не театръ, что создавать трагедію бездѣйствія—хуже, чѣмъ писать стихи, подчиняя ихъ требованіямъ прозаической рѣчи и наоборотъ.

И хочется видѣть глубокій смыслъ въ появленіи драмъ Чехова какъ разъ во время расцвѣта нашего сценическаго искусства, ибо поистинѣ должны мы преодолѣть Чехова и его стихію, чтобы имѣть хоть какую-нибудь надежду возродить театръ. Ибо поистинѣ нельзя воскреснуть, если не умрешь.

Тутъ возникаетъ основной вопросъ: готовы ли мы для возрожденія? Побѣдили ли мы въ жизни бездѣйствіе? Или все еще, какъ и прежде, держитъ оно насъ въ удушающихъ объятіяхъ своихъ? И не новое ли завоеваніе празднуетъ оно въ явномъ сейчасъ упадкѣ актерскихъ дарованій, или, напротивъ, взрывъ театральности и любви къ ней свидѣтельствуетъ о начинающемся окончательномъ преодолѣніи его? Получили ли мы свободу и мощь смѣяться надъ нимъ, и надъ напряженіемъ дѣйствія — плакать? Если этого нѣтъ, — горе: мы еще и мечтать не можемъ о театрѣ,—театрѣ дѣйствія, слагающемся изъ трагедіи дѣйствія и комедіи бездѣйствія.

Бездѣйствіе въ жизни—трагедія, но оно не для театра — трагедія...

Поворотъ къ мистицизму въ западной литературѣ.

Явленіе это все чаще и чаще стали отмѣчать и французскіе, и итальянскіе, и англійскіе журналы, болѣе внимательно слѣдящіе за новыми настроеніями въ современной литературѣ. Теперь и одинъ изъ русскихъ журналовъ — „Ист. Вѣст.“—въ своемъ обозрѣніи иностранныхъ журнальныхъ статей (см. октябрьскую книжку) приходитъ къ выводу, что общество болѣе и болѣе расположено раздѣлить мнѣніе Кольриджа: „всѣ результаты чистаго разума носятъ въ себѣ сѣмя смерти и подобны сучьямъ и хворосту, производящимъ сухой трескъ зимою“.

Прежде всего, знаменателенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Америки. Холодные расчетливые американцы,—говоритъ журналъ,—пытаются найти отвѣтъ на мучительный вопросъ о тайнѣ нашего бытія въ различныхъ религіозно-философскихъ системахъ. Для этого они не жалѣютъ средствъ и тратятъ болѣе 20,000 стерлинговъ ежегодно на содержаніе различныхъ религіозныхъ миссій. Болѣе всего

сторонниковъ среди американцевъ находятъ восточныя религіи. Американцы ставятъ индусскія божества выше Христа и Библіи и старательно изучаютъ восточныя священныя писанія и мистическія книги. По свѣдѣніямъ изъ „Methodist Quarterley Review“, въ большей части крупныхъ городовъ Америки, къ величайшему ужасу моралистовъ и современныхъ философовъ, развивается буддійская религія. Въ Англіи, Германіи и Италіи то же явленіе.

Особеннымъ успѣхомъ въ Америкѣ, а также въ Европѣ, пользуется индійская философская система, извѣстная подъ названіемъ Іога. Это ученіе имѣетъ много сторонниковъ благодаря заманчивой перспективѣ выйти изъ скучной, повторяющейся изъ вѣка въ вѣкъ, дѣйствительности и познать неземной міръ, незримыя вещи и вмѣстѣ съ тѣмъ развить необычайное самообладаніе. Въ Америкѣ основались храмы, куда устремляется молодежь для усвоенія этой восточной доктрины.

Увлеченію буддизмомъ не въ малой степени способствуютъ и личности проповѣдниковъ, среди которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ надо отвести энергичному молодому индусскому священнику Баби Бхарати. Это бывшій тибетскій отшельникъ, пріѣхавшій въ Америку пять лѣтъ тому назадъ и уже собравшій многочисленныхъ сторонниковъ.

Впрочемъ, одиваковымъ благоволеніемъ пользуется у нихъ божество Мадза, культъ котораго состоитъ изъ поклоненія солнцу. Храмъ солнца находится въ Lake Park и насчитываетъ сотни поклонниковъ. Одной изъ наиболѣе усердныхъ считается мистриссъ Хольтонъ, женщина съ большимъ образованіемъ. Сторонники этого ученія также воздерживаются отъ мяса, на завтракъ довольствуются свѣжими фіалками, а вмѣсто чая пьютъ чай изъ заваренныхъ лепестковъ розъ.

Но этого мало: теперь американцы хотятъ возстановить еще и культъ Ваала и Молоха, какъ было у древнихъ ассирійцевъ.

Такое же тревожное настроеніе мысли и въ Старомъ Свѣтѣ. То же исканіе разрѣшить великую міровую задачу помимо науки. Такъ же, какъ въ Александріи въ первыя времена христіанства, экстазъ и мистическая восторженность кажутся высшимъ средствомъ достичь познаванія.

Какъ волна, ударяясь о берегъ, отбрасывается обратно въ пучину, сливаясь съ общей массой воды, такъ и человѣческая мысль, коснувшись какой-нибудь области, силой инерціи уходитъ въ общую пучину непзвѣданнаго, затянутаго завѣсой тайны. Подобный приливъ и отливъ человѣческой мысли отражается и на литературѣ, придавая ей тотъ или другой характеръ и колоритъ. Послѣ культа индивидуализма, культа человѣческаго „я“, въ человѣчествѣ проснулся мистицизмъ. Это пробужденіе мистицизма, спиритуализма изъ философіи мало-по-малу перешло въ литературу. Сначала эта тенденція наблюдалась въ поэзіи (Фрэнсисъ Джемсъ, Адольфъ Ретэ, позже Жанъ Люпэ, Валери Радо, Жанъ Лафонъ и т. д.), но затѣмъ мистическое настроеніе общества проникло и въ прозу. Во Франціи Барресъ, подмѣтившій это настроеніе общества послѣ индивидуальнаго синтеза культа „я“ („Energie nationale“ и „Jardin de Berenice“), написалъ „Colline inspirée“, гдѣ вывелъ трехъ священниковъ въ борьбѣ съ религіозными затрудненіями теперешняго времени. Рядомъ съ этимъ появился романъ „Cité des Iampes“, въ которомъ авторша вводитъ читателя въ міръ экстаза и спиритуальныхъ наслажденій, описывая все, что испытывала молодая неофитка Жема во весь жизненый путь, ведущій ее къ подножію Распятія. Другая книга — „Le Verger, le temple et la cellule“ Ольмона — изучаетъ всѣ чувственныя наслажденія, испытываемыя мистичной христіанкой во время своего подвига. Къ этой книгѣ написалъ предисловіе французскій философъ Эмиль Бутру. Онъ говоритъ, что современные умы, утомившись матеріализмомъ, наукой и всѣми работами разума, возвращаются къ неисчерпаемому источнику — сердцу и чувствамъ, которыя имъ помогаютъ жить и найти въ жизни счастье. Поэтому Н. Сегюръ въ „La Revue“ обѣщаетъ обильную жатву религіозныхъ и экстатическихъ романовъ. По его словамъ, мы, быть можетъ, переступаемъ новый этапъ по дорогѣ романтизма, который европейская литература пробѣгаетъ болѣе вѣка. „Не надо себя обманывать,—говоритъ онъ:— снова расцвѣтшій мистицизмъ и религіозная ностальгія расцвѣли изъ старыхъ вѣтвей большого романтическаго дерева. Если бы дѣйствительно захотѣли схватить главныя темы, вдохновленныя XIX вѣкомъ, то отмѣтили бы три. Сначала экзальтацію чувствъ, затѣмъ культъ природы и, наконецъ, атавическую повелительную необходимость преклонить колѣно, обожать и вѣрить. Мистицизмъ уже проглядывалъ на нѣкоторыхъ страницахъ „Vicaire savoyard“. Нельзя отрицать, что Руссо слышалъ евангеліе, говорившее его сердцу. Затѣмъ Шатобріанъ болѣе холодно и искусственно возбуждалъ эстетическій источникъ христіанской религіи. Наконецъ, религіозныя и мистическія фибры можно найти у всѣхъ крупныхъ романистовъ, прозаиковъ и поэтовъ, съ Виктора Гюго до Верлэна, отъ Мэстра до Гюисманса, отъ Бальзака въ „Séraphîte“ до Барбей д'Орвилля Пелла-

дана и Вилльс-де-Милль-Адана. Такое явленіе было замѣтно особенно въ сѣверныхъ странахъ и въ скандинавскихъ націяхъ: въ Россіи—Гоголь, Толстой; въ Германіи—Новалисъ; въ Англіи—Кольриджъ, Уордсуордъ, Шелли. У нихъ мистицизмъ былъ неразрывнымъ звеномъ связанъ съ романтизмомъ. Вся англійская поэзія прошедшаго вѣка и почти всѣ романы вертѣлись вокругъ „нѣжной и печальной музыки человѣчества", какъ сказалъ Уордсуордъ, утверждая, какое сладкое трогательное чувство вѣра. Но между прежнимъ мистицизмомъ и тѣмъ, что проснулся въ литературѣ, есть разница. Теперешній указываетъ на необычайную тревогу современной души и обладаетъ особеннымъ чистосердечіемъ. Англійскіе романы Гюго Бенсона и послѣднее собраніе Фрэнсиса Джемса, какъ и „Cité des lampes",—всѣ они кажутся пламенными и правдивыми, волнуютъ читателя своимъ фанатизмомъ, иллюминатизмомъ. И особенно въ этихъ мистическихъ тенденціяхъ теперешней литературы видно, какъ тревожно настроена душа современнаго человѣка. Въ своемъ предисловіи къ роману Ольмона „Le Verger, le temple et la cellule" Бутру говоритъ: „Вопросъ о судьбѣ человѣчества ведетъ къ тому, чтобы узнать, нѣтъ ли для человѣчества другой дѣйствительности, которой бы онъ овладѣлъ, кромѣ данной, ощутимой дѣйствительности, или не можетъ ли онъ посредствомъ какого-нибудь нематеріальнаго органа и какихъ-нибудь внутреннихъ чувствъ, какъ думаютъ мистики, вступить въ общеніе съ невидимымъ намъ міромъ, но не менѣе реальнымъ, чѣмъ видимый. Къ такому высшему познанію ведутъ два пути съ помощью чувствъ и знанія (разума), но присоединяя ихъ къ предчувствію божественнаго, находящагося въ насъ и стараясь прогрессивно подыматься".

И не только въ философіи, но по всѣхъ проявленіяхъ интеллектуальной дѣятельности все болѣе и болѣе видно утомленіе матеріализмомъ, нессимизмомъ и реализмомъ, увѣряетъ Сегюръ. „Наши отцы жили слишкомъ мозгомъ; они слишкомъ доскивались на трудномъ пути истины, прибавляя по одному камню къ великому памятнику науки, и кончилось тѣмъ, что онъ закрылъ имъ небо и лишилъ ихъ утѣшенія. Молодежь хочетъ жить сердцемъ, хочетъ отвѣдать другой жизни, теплѣе, счастливѣе, богаче идеаломъ. Этотъ вѣкъ какъ бы оправдалъ слова Ницше, что „правда хороша, когда она помогаетъ жизни и что, если ложь представляетъ болѣе шансовъ на счастье, болѣе успѣха въ жизни,—надо не колеблясь принять ее усвоить ее".

Такое оскудѣніе мысли, такое отчаянное забрасываніе истины и науки и возвращеніе къ старымъ привычкамъ Сегюръ находитъ хотя и печальнымъ для прогресса и движенія впередъ человѣчества, но не для литературы. Съ чисто матеріальной точки зрѣнія эти спиритуально-религіозныя и мистическія тенденціи его радуютъ: литература растетъ въ кризисѣ и питается тревогами. Образцовыя произведенія могутъ родиться только въ состояніи наивности и въ великой бурѣ чувствъ. Во всѣ времена вѣра была источникомъ юности для литературнаго вдохновенія, и одно изъ крупныхъ качествъ Génie du christianisme было доказательство, что религіозный ферментъ, а также мистическій повлекли въ древности, какъ и въ позднѣйшія времена, самыя крупныя возрожденія—религіозныя, художественныя и литературныя. „Надо признаться,—говоритъ Сегюръ,—что со времени вымиранія натурализма и крушенія символизма французская и европейская литература вообще казалась какъ бы остывшей и пораженной безплодіемъ. Все, что наука Клодъ Бернара и Дарвина могла дать для вдохновенія и питанія литературы, Ренанъ, Тэнъ, Зола и др. вполнѣ использовали. Но наука, къ несчастію, мало способна согрѣть сердце поэта и вдохновить ему новый тонъ. Для оплодотворенія литературной почвы требуется новый подъемъ эмоціи. Вотъ почему нѣтъ ничего невозможнаго, что эта ностальгія по спиритуальномъ созерцаніи, молитвѣ, мистическомъ экстазѣ, эта потребность вѣрить въ сверхъестественное, которыя мы видимъ восторжествовавшими въ литературѣ,—являются знаменіемъ небольшого литературнаго возрожденія. Они будутъ плодотворными, прекрасными, наивными и горячими произведеніями". И, по его мнѣнію, это желательное явленіе.

Это новое вѣяніе замѣчается во всѣхъ областяхъ мысли, но особенно въ литературѣ. Послѣ времени мертвой зыби, сухости въ области мысли проявился вѣтерокъ, хотя слабый, тревожный, болѣзненный, но онъ все-таки всколыхнулъ застоявшуюся воду. Если даже считать вреднымъ для ума аскетизмъ, отреченіе и набожность, то напрасно желать противнаго: поэтическія произведенія—неизбѣжный продуктъ тысячи различныхъ вліяній.

„Кипѣніе" современной французской литературы.

Въ одной изъ послѣднихъ корреспонденцій Е. Дмитріева въ „Бирж. Вѣд." схвачено вѣ-

сколько характерныхъ чертъ изъ тѣхъ литературныхъ настроеній и теченій, какія сейчасъ обуреваютъ Францію, точнѣе Парижъ, съ его многочисленными „Олимпами“ и „Парнассами“. Литературные вихри эти приводятъ на память безсмертнаго Ренетилова съ его „шумимъ, братецъ, шумимъ“...

Встрѣчаю, — передастъ корреспондентъ, — на большихъ бульварахъ молодого литератора, автора романа „Bête blonde“, имѣвшаго нѣкоторый успѣхъ въ началѣ нынѣшняго года. Дѣлаетъ видъ, что очень занятъ, но, какъ всегда, оказывается не прочь поболтать.

— Куда спѣшишь? Какія срочныя дѣла?

— Не говори. У меня масса хлопотъ. Во-первыхъ — устраиваю литературную анкету.

— 1001-ю?

— Можетъ быть, но во всякомъ случаѣ самую интересную. О критицизмѣ.

Пріятель не сталъ ждать, чтобы я его забросалъ вопросами и очень подробно, съ явнымъ удовольствіемъ распространился о критицизмѣ — новомъ литературномъ направленіи, новой „школѣ“, главой котораго онъ себя превозгласилъ. Это случилось не далѣе, какъ на-дняхъ, въ разгарѣ литературнаго спора, за „бокомъ“ пива въ одномъ изъ кабачковъ Латинскаго квартала, гдѣ собирается писательская молодежь. Что такое критицизмъ? О, это очень просто. Формулу найти было не трудно, несмотря на градъ насмѣшекъ и рѣзкостей. Это — литературное направленіе, которое „всякой созидательной работѣ предпосылаетъ историческій и психологическій анализъ событій и характеровъ, на которые эта работа должна распространяться“. Пусть эта формула — наборъ словъ, который ничего не уясняетъ. Девизы другихъ молодыхъ литературныхъ школъ не менѣе непостижимы. Импровизированный шефъ напелъ въ пылу спора, среди общаго возбужденія и въ табачномъ чаду, удачное названіе и къ нему тотчасъ же присоединилось нѣсколько дебютантовъ, нигдѣ еще не печатавшихся. Большаго на первыхъ порахъ и не требовалось, чтобы „критицизмъ“ могъ занять мѣсто среди другихъ школъ.

Но мой пріятель — человѣкъ честолюбивый; не желая быть шефомъ номинально, онъ рѣшилъ предпринять изданіе журнала „Revue Critique“. Первые номера будутъ, конечно, скромные по объему — лишь въ нѣсколько страницъ, какъ и большинство „молодыхъ“ литературныхъ журналовъ, издаваемыхъ не столько для читателей изъ публики, сколько для самихъ сотрудниковъ.

Новый журналъ, какъ это принято въ Латинскомъ кварталѣ, долженъ дебютировать литературной анкетой, и вотъ почему будущій редакторъ его такъ занятъ въ настоящій моментъ, не взирая на продолжающіяся вакаціи.

Сомнительно, чтобы изъ „критицизма“ выработалось какое-либо опредѣленное литературное направленіе, несмотря на всю даровитость и предпріимчивость его руководителя, но онъ во всякомъ случаѣ можетъ оказаться однимъ изъ тѣхъ замысловатыхъ литературныхъ ярлыковъ, подъ прикрытіемъ которыхъ адепты отдѣльныхъ школъ болѣе или менѣе успѣшно ведутъ между собою конкуренцію на книжномъ рынкѣ.

Унанимизмъ, ильпунсизмъ, интенсизмъ, пароксизмъ (!), синтетизмъ, интегрализмъ, примитивизмъ, субъективизмъ, инструментизмъ, декадизмъ, магизмъ, эзотиризмъ, гуманизмъ — представляютъ только часть литературной молодежи. Имѣются еще обновители прежнихъ направленій — адепты нео-символизма, нео-маллармизма, нео-романтизма, нео-классицизма, романской школы, „новой французской школы“, французскаго ренессанса. Имѣются послѣдователи отдѣльныхъ беллетристовъ и поэтовъ — Жамма, Ренье, Баррэса и др., которые такъ и называютъ себя жаммистами, реньеристами, баррэсистами. И къ нимъ надо прибавить приверженцевъ итальянскаго Герострата — Маринетти — футуристовъ, ихъ ближайшихъ противниковъ — кубистовъ, сторонниковъ областной и партійной политики въ литературѣ: регіонализма, друидизма, „анархическаго искусства“, соціальнаго романа. Но есть еще въ Латинскомъ кварталѣ также остатки старыхъ группъ, которыя пользовались тамъ престижемъ лѣтъ 10 — 15 тому назадъ: натуризма (который собирался продолжать натуразилъ), магнифицизмъ, Sincer'измъ, Bon'изма и др.

Вся литературная молодежь, какъ и многіе представители старшихъ поколѣній, приняла участіе въ выборахъ, затѣянныхъ разными газетами, чтобы дать каждому жанру литературы по „королю“. И такъ какъ вотумы были мотивированные, то вокругъ именъ короля поэтовъ Поля Фора, критиковъ — Эмиля Фагэ, романистовъ — Ганъ-Рапера, и еще баллотирующихся кандидатовъ на корону драматургіи де-Кюреля и де-Буалье произошло не мало споровъ и перебранокъ. Помимо того разные органы устроили литературныя анкеты по всевозможнымъ вопросамъ. И въ результатѣ оказалось, что рѣдко кому изъ литературныхъ знаменитостей удалось оставить при себѣ свое мнѣніе о новѣйшихъ теченіяхъ въ литературѣ, объ устройствѣ особой школы критиковъ, о цѣляхъ современнаго искусства о томъ, далеко ли ушла молодежь отъ главныхъ теченій про-

шлаго вѣка: отъ романтизма, парнассизма, натурализма, символизма...

Подвести итоги этихъ различныхъ и въ большинствѣ противорѣчивыхъ анкетъ было бы довольно трудно.

О Толстомъ.

(Изъ воспоминаній И. Ф. Наживина и С. Т. Семенова.)

Еще одна книга воспоминаній о Л. Н.— народнаго писателя С. Т. Семенова. Выдѣлимъ болѣе важный матеріалъ и соединимъ его съ нѣкоторыми данными толстовца И. Ф. Наживина (см. т. V его собр. соч., очерки „Моя исповѣдь“ и „Воспоминанія“).

„Когда я разъ,— передастъ послѣдній,— въ интимной бесѣдѣ разсказалъ Л. Н. о томъ ужасѣ, который я пережилъ (смерть любимаго ребенка), онъ послѣ небольшого молчанія сказалъ:

— И все это — съ жиру...

Я невольно широко раскрылъ глаза.

— Да, да...— сказалъ Л. Н.— „Жиръ“ — это богатство, автомобили, театры, аэропланы и пр. Я знаю, что у васъ такого жира нѣтъ. Но бываетъ и другой жиръ. У васъ хорошая жена, хорошія дѣти...

Во мнѣ точно свѣтать начало.

— Любимый трудъ... жизнь среди любимой природы...— подсказывалъ я.

— Да, да.., Вы живете просто, но нужды все же не знаете...

— Да...

— Вамъ слишкомъ было хорошо, вамъ не надъ чѣмъ было душой работать, и жизнь остановилась и вамъ стало страшно... *Человѣку нельзя жить слишкомъ хорошо.* Будь у васъ, напримѣръ, нужда, тяжелая болѣзнь, какое-нибудь другое тяжелое испытаніе, возбуждающее въ религіозномъ человѣкѣ духовную дѣятельность, и съ вами не было бы этого...

Это было такъ вѣрно и такъ просто, что я былъ пораженъ.

— Какъ это удивительно! — сказалъ я.— Я тогда разсуждалъ такъ: у меня любимая семья, любимый трудъ, любимая жизнь, и, несмотря на это, я близокъ къ безповоротному шагу. Выходила какая-то нелѣпость. Между тѣмъ, сказать надо было *не несмотря на это*, а *благодаря этому*, и тогда все было бы ясно: мнѣ слишкомъ хорошо, и благодаря этому мнѣ страшно нехорошо!..

— Да, да...— сказалъ Левъ Николаевичъ, и милые глаза его, увлажнившіеся слезами, были полны ласки и волненія.

Если зло служитъ, въ концѣ-концовъ, добру, значитъ, и оно, въ сущности, добро, т.-е., другими словами, зла нѣтъ. Какъ ни огроменъ, какъ первое время ни страшенъ былъ этотъ отвѣтъ для меня, но я все-таки сказалъ: да, все — добро“.

Въ другой разъ Л. Н. говорилъ г. Наживину:

— Вотъ у васъ умеръ любимый ребенокъ, вы страдаете, а умри какая-нибудь Мароутка тамъ,— сдѣлалъ онъ неопредѣленный жестъ въ сторону спрятавшейся во тьмѣ деревни, — вамъ было бы все равно.

— Да...

— Ну, вотъ. А отношеніе это и къ смерти вашей дочери, и къ смерти Мароутки должно быть одинаково. А не одинаково оно — неси наказаніе за свою слабость, страдай. Страданіе, какъ стрѣлка компаса, показываетъ, что ты сбился съ дороги...

Къ этимъ словамъ Л. Н. присоединимъ другое его замѣчаніе, высказанное имъ какъ-то въ бесѣдѣ.

— Будда, Христосъ, Сократъ, Маркъ Аврелій, Эпиктетъ — все это маяки, а лѣзть черезъ всѣ скалы и пропасти жизни надо самому... „Царство Божіе берется усиліемъ“, сказано въ Евангеліи...

Въ одно изъ свиданій Наживина съ Толстымъ бесѣда зашла „о тѣхъ черныхъ, иногда только пугающихъ, а иногда просто страшныхъ низахъ всякой человѣческой души,— тѣхъ низахъ, гдѣ до поры до времени спитъ всякій грѣхъ, всякое преступленіе и откуда, какъ отвратительные гады, ползутъ и оскверняютъ все твое существо черныя желанія и то гадкія, преступныя, то просто глупыя, угнетающія своей глупостью мысли.

— Я въ такихъ случаяхъ стараюсь какъ можно скорѣе и какъ можно ярче вспомнить о смерти,— сказалъ я.

— Да, это хорошо,— отвѣчалъ Л. Н.— Но, наблюдая, вы скоро замѣтите, что одно и то же оружіе въ борьбѣ съ этимъ скоро притупляется и нужно найти другое, перемѣнить его. Я иногда въ такихъ случаяхъ вспоминаю, что я, человѣкъ, посланъ на землю Богомъ по дѣлу; какъ,—тебя послали съ такимъ важнымъ, такимъ великимъ порученіемъ, а ты позволяешь себѣ унижать такъ и себя и порученное тебѣ дѣло?!

Я немного удивился.

— Неужели послѣ стольких лѣтъ духовнаго труда, борьбы вы все еще находите въ себѣ это?

— Да, да... Я все думаю написать какъ-нибудь подробно о томъ, что пройдетъ въ душѣ человѣка, въ моей душѣ за день, за одинъ только день — это прямо невѣроятно...

И онъ сказалъ сурово, серьезно, тихо, что даже полового чувства онъ до сихъ поръ не могъ совсѣмъ побѣдить въ себѣ.

— Мнѣ 78 лѣтъ, но тѣло все еще сильно, все еще надо бороться и бороться...

Въ другой разъ сидѣлъ онъ съ С. на берегу Воронки. С., тоже пожилой человѣкъ, сказалъ ему, какъ тяготитъ его эта все еще не ослабѣвающая власть полового чувства.

— Вы счастливы, Левъ Николаевичъ, что уже пережили это время...

— Нѣтъ, вы ошибаетесь...—отвѣчалъ грустно Л. Н.— И мнѣ, и мнѣ надо еще бороться. И я борюсь, но иногда... падаю...

Этотъ разговоръ мнѣ передалъ самъ С.

Л. Н. всегда говорилъ о себѣ,— о своихъ слабостяхъ, ошибкахъ, сбиваніяхъ съ пути,— съ поразительной откровенностью и простотой; никогда я не только не слыхалъ, но не чувствовалъ душой, чтобы онъ превозносилъ себя надъ людьми хоть въ чемъ-нибудь, напротивъ, всегда неизмѣнно чувствуешь, что это говоритъ съ тобой не геній, не великанъ, а твой горячо любимый братъ или еще лучше — твой безконечно дорогой тебѣ отецъ. И эта простота, эта открытость сердца для меня въ немъ одна изъ наиболѣе чарующихъ, драгоцѣнныхъ чертъ.

И ничто не было ему такъ противно, какъ неискренность, ложь.

Пріѣхавъ разъ въ „Ясную“, я засталъ Л. Н., отъ котораго только что уѣхалъ одинъ извѣстный „батюшка“, взволнованно бѣгающимъ по столовой.

— Ужасно, ужасно!..— воскликналъ онъ.— Представьте... онъ показался мнѣ очень что-то подозрительнымъ... я и спрашиваю прямо: „вы вотъ много пишете о Богѣ, о Христѣ, но... извините... вы вѣрите въ Бога?“— Нѣтъ,— говоритъ,— не вѣрю!..— Такъ какъ же вы говорите людямъ о Богѣ?..— А что же,— говоритъ,— это прекрасное средство политической пропаганды, Евангеліе“... Ужасно, ужасно...

Черезъ нѣсколько дней въ одной газеткѣ, органѣ „батюшки“, я прочелъ извѣстіе „нашего корреспондента“, что „батюшка“ побывалъ въ „Ясной“ и произвелъ тамъ совсѣмъ чарующее впечатлѣніе на всѣхъ.

Очевидно, и это было нужно, какъ... средство политической пропаганды!..

— ...Любить дальнихъ, „человѣчество“, „народъ“, желать имъ добра — не хитрое дѣло,— говорилъ онъ нѣкоторое время спустя.— Нѣтъ, ты вотъ ближнихъ-то, ближнихъ полюбить сумѣй, тѣхъ, съ которыми ты встрѣчаешься каждый день, которые иногда надоѣдаютъ, иногда мѣшаютъ, иногда раздражаютъ тебя,— вотъ ихъ-то люби, имъ-то дѣлай добро! Вотъ это очень трудно. Чуть только позабудешься — глядишь, и уже сбился съ дороги. Вотъ на-дняхъ иду я тутъ по парку, думаю. Слышу, идетъ за мной какая-то баба и что-то проситъ, а мнѣ какъ разъ пришла въ голову нужная для работы мысль. „Ну, что тебѣ нужно?.. Что тебѣ нужно?“— говорю бабѣ нетерпѣливо.—„Что ты пристала?“ Но хорошо, что сейчасъ же и спохватился, и поправился. А то бываетъ и не спохватишься совсѣмъ, а то и спохватишься, да ужъ поздно. Вотъ тоже недавно ѣду верхомъ по шоссе и думаю... И чувствую, что что-то точно мѣшаетъ мнѣ, что что-то не такъ... Остановился, припомнилъ — оказалось не такъ то, что нѣсколько минутъ тому назадъ я проѣхалъ мимо знакомаго мнѣ нищаго-калѣки, которому всегда подаю, и въ задумчивости только разсѣянно поклонился ему. Повернулъ лошадь, поскакалъ, но его уже не было, и я, можетъ быть, упустилъ дѣло, несравненно болѣе важное, чѣмъ всѣ мои писанія. Писанія это такъ, пустяки, а тутъ живой человѣкъ... Да, въ сношеніяхъ съ людьми надо постоянное строгое вниманіе къ себѣ: чуть ослабѣешь, и ошибся, и согрѣшилъ...

— ...Надо дѣлать добро и не только не ждать себѣ никакихъ похвалъ за это,— говорилъ онъ,— но, напротивъ, быть готовымъ къ тому, что тебя будутъ ругать, гнать, презирать. Это всегда такъ было и такъ должно быть, а то ты добро дѣлаешь, да еще чтобы тебя всѣ хвалили — это ужъ очень много!..—улыбнулся онъ.—И очень хорошо дѣлать нарочно такъ, чтобы добро твое не встрѣчало одобренія, какъ тотъ человѣкъ, который, притворяясь юродивымъ, дѣлалъ видъ, что сердится на нищихъ, и кидалъ въ нихъ серебряными рублями. Они подбирали его рубли и смѣялись надъ его глупостью. Такъ и намъ надо дѣлать... И особенно не надо смущаться кажущимся ничтожествомъ такого дѣла: намъ кажется иногда ничтожнымъ то, что поистинѣ велико, и великимъ то, что совсѣмъ ничтожно.

И онъ разсказалъ своими словами прекрасный разсказъ А. Франса о томъ, какъ гдѣ-то — кажется, въ Байѣ,— Понтій Пилатъ встрѣтился со своимъ сослуживцемъ по Іерусалиму и они стали вспоминать прошлое; вспомнили, между прочимъ, и рыжеволосую красавицу Марію изъ Магдалы.

— ...Которая, помнишь, бросила потомъ свою веселую жизнь и увязалась за этимъ...

ну, какъ его?.. Ты еще велѣлъ его потомъ повѣсить на крестѣ... Да, Іисусъ изъ Назарета...

— Іисусъ изъ Назарета? — повторилъ задумчиво Пилатъ. — Нѣтъ, не помню...

— Прекрасный разсказъ! — сказалъ Л. Н. — Трудно лучше показать всю обманчивость нашего глазомѣра. Дѣлай, что нужно, и не смущайся, тѣмъ, что твое дѣло кажется ничтожнымъ".

Своимъ выступленіемъ въ роли религіознаго мыслителя-проповѣдника Толстой, какъ извѣстно, не угодилъ ни приверженцамъ, ни противникамъ казеннаго православія — нажилъ себѣ враговъ и справа и слѣва. Однажды, въ присутствіи С. Семенова, Л. Н. въ отвѣтъ на замѣчаніе Стасова, что „христіанство давно низводится, Ницше только довершаетъ ударъ", — сказалъ:

— Прекрасно знаю, еще когда я впервые заговорилъ о христіанствѣ, то это сочли такимъ абсурдомъ, что отъ меня отвернулся нашъ приходскій попъ и перестали бывать Боборыкинъ и Михайловскій... Но я вѣдь тутъ ни при чемъ. Тимирязевъ однажды мнѣ говорилъ, что религія нужна, какъ лѣса строющемуся дому, зданію, но когда зданіе закончено, лѣса убираются... А зданіе-то еще не окончено, а они хотятъ отнимать лѣса...

Останавливаясь въ своей книгѣ на томъ впечатлѣніи, какое произвело въ народѣ отлученіе Толстого отъ Церкви, г. Семеновъ пишетъ:

„Поняли люди расчетъ составителей документа: расчетъ былъ вовсе не въ томъ, чтобы Толстой одумался и покаялся, а въ томъ, чтобы оттолкнуть отъ него сочувствіе массъ.

Несомнѣнно, эта цѣль отчасти достигалась. Это почувствовалось вскорѣ. Даже не устояли такіе люди, которые испытали личное обаяніе Л. Н—ча.

Одинъ изъ мелкихъ служащихъ на желѣзной дорогѣ, увлекшійся ученіемъ Толстого и переписавшій для себя полууставомъ съ заставками „Въ чемъ моя вѣра", прочитавши постановленіе Синода, испугался своего преклоненія передъ Толстымъ и рѣшилъ развязаться съ нимъ, но уничтожить книжку было жалко, много труда было положено на нее. Продать — попадешься, тогда онъ рѣшилъ преподнести ее духовенству. Онъ написалъ письмо покаянное, приложилъ его къ еретической книгѣ и отправился къ архіерею. Архіерей вызвалъ его къ себѣ и сталъ разспрашивать, какъ же это онъ подпалъ подъ вліяніе этого безбожника. Раскаявшійся отвѣчалъ, что онъ лично видался съ графомъ Толстымъ и за безбожника принять его не могъ, потому что онъ всегда былъ сердеченъ, говорилъ о религіозномъ. Архіерей сказалъ, что для соблазна всегда принимаютъ такой видъ и этимъ уловляютъ въ сѣти. Онъ поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ одумался, и благословилъ его образкомъ, вырѣзаннымъ изъ кости, тонкой, чуть не ажурной работы. Раскаявшійся толстовецъ поспѣшилъ домой въ радости, что онъ сдѣлалъ выгодный обмѣнъ, и думалъ, что эту вещь можно съ большей безопасностью держать дома, а при случаѣ и продать. Но дорогой образокъ выскользнулъ у него изъ рукъ, ударился о камень и разбился...

Вскорѣ мнѣ пришлось поѣхать въ Москву. Въ вагонѣ мнѣ пришлось услышать очень своеобразное объясненіе отлученія Л. Н—ча. Разговоръ шелъ между женщинами — старой и молодой. Старая была полная, въ темномъ платкѣ и бумазейномъ платьѣ, молодая бѣлокурая, въ свѣтломъ платьѣ, державшая годовалаго ребенка на рукахъ. Старая спрашивала:

— За что же его апаемѣ-то предали?

— А вотъ за то. — спокойно и увѣренно стала объяснять молодая. — Сталъ онъ проповѣдывать и сочиненія писать, не нужно святого брака...

— Какъ не нужно, это чтобы безъ брака жить? — дѣлая глаза круглыми, спросила старуха.

— Нѣтъ, совсѣмъ не нужно. Чтобы не было мужчины съ женщиной, отъ этого гибель и дѣти родятся на гибель.

— Стало быть монахами всѣмъ быть?

— Какъ монахи. И грѣхъ смертный, говоритъ, отъ этого всякому человѣку. Ну вотъ, написалъ онъ это сочиненіе, прошелъ годъ али другой, глядь, у него самого ребеночекъ родился. Ну тогда и стали судить, что же онъ отъ людей требуетъ того-то и того-то, а самъ этого не исполняетъ, взяли его и отлучили.

Старуха промолчала, очевидно, не переваривъ, какъ слѣдуетъ, объясненія, а молодая вдругъ прижала къ сердцу своего мальчика и сочно поцѣловала прямо въ губы".

Во время голода 1891 г., когда въ числѣ помощниковъ Толстого въ Рязанской губ. былъ и авторъ книги, у него вышелъ такой разговоръ съ сосѣднимъ священникомъ, не одобрявшимъ „благодѣтельствованія" голоднымъ крестьянамъ — „тунеядцамъ".

— Не слѣдовало бы въ чужой монастырь со своимъ уставомъ лѣзть.

— Это дѣлается изъ чувства состраданія. Помогать несчастнымъ Самъ Богъ велѣлъ. Сказано прямо: голодныхъ накормите, больныхъ посѣтите.

— Это отдѣльныя мѣста, а вы изъ отдѣльныхъ мѣстъ-то, Богъ знаетъ, что дѣлаете. Вашъ Левъ Толстой непротивленіе въ Евангеліи откопалъ. Не противься злому, говоритъ.

Священникъ, сказавъ это, громко засмѣялся.

Меня это покоробило, и я проговорилъ:

— А развѣ это не изъ Евангелія?

— Изъ Евангелія-то изъ Евангелія, да это понимать-то нужно умѣючи, а не съ бухты-барахты. Не одно мѣсто выбиратъ оттуда, а съ другими связывать. Чтобы одно другое поддерживало. А то изъ этого, Богъ знаетъ что, выйдетъ. Въ старину вотъ тоже разъ нашелся такой умникъ,— обратился батюшка уже не ко мнѣ, а ко всей своей компаніи,— и тоже сталъ чистое Евангеліе проповѣдывать. Про его проповѣдь услыхалъ языческій намѣстникъ, призвалъ къ себѣ,— въ чемъ твое ученіе заключается? — Вотъ въ томъ-то и томъ-то.—А-а, говоритъ, вотъ какъ! ударившему въ щеку подставь и другую — отлично... Ну, такъ вотъ тебѣ — давай-ка мнѣ другую-то?.. Смазалъ онъ его разъ, другой, потомъ началъ каждый день вызывать его да такъ испытывать... У человѣка ужъ и терпѣнія не хватило. Приходитъ онъ къ своему епископу и говоритъ: такъ и такъ. Епископъ и посовѣтовалъ ему, а ты вспомни-ка другой текстъ: какою мѣрою мѣрится, такою и отмѣрено будетъ. Христіанинъ намоталъ это на усъ и, какъ только правитель призвалъ его и ударилъ — тотъ, не будь глупъ, въ отвѣтъ ему: въ Евангеліи говорится также, какою мѣрою мѣряете, такой и вамъ отмѣрятъ, да какъ хватитъ его самъ въ ухо, тотъ инда на полъ упалъ. Съ тѣхъ поръ христіанина перестали безпокоить...

Компанія единодушно захохотала отъ удовольствія. Сіялъ и попъ и, обращаясь ко мнѣ, побѣдоносно потряхивая головой, внушительно проговорилъ:

— Нѣтъ, все ваше христіанское милосердіе есть глупость и людямъ отъ него не польза, а вредъ.

Выразительны нѣкоторыя изъ тѣхъ надписей разныхъ посѣтителей Ясной Поляны, какія С. Семеновъ прочелъ на барьерѣ вышки яснополянскаго дома, на стропилахъ, перилахъ, ступенькахъ лѣстницы:

„Пріидите сюда всѣ, въ борьбѣ уставшіе, и здѣсь найдете покой".

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь и воздайте поклонъ Генію".

„Слава тебѣ, показавшему намъ свѣтъ".

„Рожденный ползать летать не можетъ. Что же мнѣ написать тебѣ? Передъ тобою все вѣдь такъ тускло".

Авторъ книги приводитъ также (въ переводѣ) текстъ замѣчательной, по силѣ и яркости, рѣчи П. Луазона, произнесенной въ Сорбоннѣ, при чествованіи памяти Толстого, артисткой Сильванъ, но написанной и сказанной публично еще при жизни Л. Н.

„Толпа! раньше, чѣмъ возвратиться къ своимъ жилищамъ, поклонись со мной старому апостолу... Поденщикъ кончилъ свою жатву... Насталъ часъ подсчитать его снопы...

Толпа! Взгляни на него: онъ единственный на землѣ. Одинъ онъ слишкомъ любилъ добро и тѣмъ превзошелъ справедливость. Видя, что урна нашихъ обязанностей никогда не бываетъ полна, онъ переполнилъ свою черезъ края...

Самыя острыя стремленія наши къ добру, какъ слишкомъ низко пущенныя стрѣлы, вонзаются раньше, чѣмъ доходятъ до цѣли. Но онъ такъ сильно натянулъ свой лукъ, что его бѣшеная стрѣла улетѣла въ небо...

Слѣдуй же за этимъ человѣкомъ даже тогда, когда онъ заблуждается,— онъ всегда поведетъ тебя выше! Слушай его, когда онъ безумствуетъ,— это еще разумъ говоритъ черезъ него.

Онъ такъ уважалъ женщину, что это заставило его презирать любовь.

Онъ такъ ненавидѣлъ войну, что онъ предалъ бы ягненка волку и предпочелъ бы трусовъ храбрымъ...

Онъ такъ жалѣлъ бѣдныхъ людей, что онъ проклялъ свой геній за то, что онъ поднялъ его выше толпы. Ту науку и то искусство, которыхъ требовала отъ него толпа, онъ отвергъ изъ любви къ ней.

На жертвенникъ народныхъ страданій онъ хотѣлъ принести свою славу. Но народы всей земли возвращаютъ ее ему живыми жатвами.

Ему — вѣнецъ самый святой, самый прекрасный и самый новый,— вѣнецъ изъ колосьевъ, которымъ еще ни одно чело не было увѣнчано!

Толпа! Ты можешь теперь вернуться къ твоимъ жилищамъ. Но въ послѣдній разъ — обернись! Этотъ человѣкъ — единственный изъ сыновъ Христа, который не заставилъ бы нынче покраснѣть своего Учителя... И вотъ почему тѣ, которыхъ онъ не боялся, не посмѣли дотронуться до его сѣдыхъ волосъ. Его безоружная слабость покорила ихъ силу: онъ — единственный побѣдитель...

Этотъ человѣкъ можетъ умереть безъ раскаянія: онъ оставилъ человѣчество лучше"...

Въ заключеніе выпишемъ изъ книги г. Семенова мнѣніе Толстого о консервативныхъ писателяхъ.

Одинъ изъ собесѣдниковъ Л. Н., говоря о

современномъ художественномъ творчествѣ, замѣтилъ:

— Либеральные писатели еще ничего, но консервативные совсѣмъ никуда не годятся. Тамъ совсѣмъ нѣтъ талантовъ.

— Еще бы,— согласился Л. Н.,— какіе же могутъ быть таланты, когда самая консервативность ихъ свидѣтельствуетъ объ ихъ ограниченности. Какіе у нихъ могутъ быть таланты, когда у нихъ въ головѣ чего-то не достаетъ...

Любовь въ жизни Чернышевскаго.

Евг. Ляцкій въ новыхъ своихъ біографическихъ очеркахъ о Н. Г. Чернышевскомъ („Современникъ", май и сент.) рисуетъ намъ душу знаменитаго критика-публициста съ самой неожиданной, самой интимной стороны — рисуетъ жизнь молодого сердца, „съ его ощущеніями, его трепетомъ, грезами о любви и семейномъ счастіи", рисуетъ томленіе и тоску автора „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности" по женской красотѣ, женской любви.

„Бюллетени" (см. № 19) уже передавали эпизодъ съ А. Г. Кліентовой-Лебедевой, составлявшій главное содержаніе перваго изъ этихъ очерковъ. Второй очеркъ еще болѣе богатъ любопытнѣйшими подробностями, имѣющими неоцѣнимое біографическое значеніе и почерпнутыми изъ юношескихъ записокъ и дневника Чернышевскаго (одна тетрадь дневника, относящаяся къ 1853 г. и считавшаяся утерянной,— по словамъ г. Ляцкаго, „самое замѣчательное изъ всего, что Чернышевскій разсказалъ о себѣ" — использована теперь въ печати впервые).

Надежда Егоровна Лободовская, жена университетскаго товарища Н. Г., — миловидная, голубоглазая блондинка, очень юная и очень недалекая — была первою женщиной, реально мелькнувшею у Чернышевскаго на горизонтѣ юношескихъ мечтаній. Она отвѣтила его несмѣлымъ грезамъ о женскомъ очарованіи, и, подъ вліяніемъ жалости и состраданія къ ней, онъ испыталъ чувство, которое готовъ былъ назвать любовью.

Въ то время любовныя мечты сильно волновали Чернышевскаго. Въ немъ пробуждалась сознательная потребность сближенія съ „существами другого пола, всегда чистыми, всегда привлекательными". Онъ такъ характеризовалъ свое состояніе 23 мая 1848 г.: „Кажется, я чувствую въ себѣ что-то похожее на пониманіе сладости любить, въ смыслѣ любви къ возлюбленной, между тѣмъ, какъ раньше я серьезно не думалъ объ этомъ — бредни были физическія, а потребности любить не было"... При такомъ состояніи въ душѣ его разгоралось то солнце, которое блескомъ своимъ золотило все, что ни подходило къ нему. И не мудрено, что Надежда Егоровна показалась ему особенно привлекательной. Она была именно женщиной, не сестрой и не теткой, женщиной, къ которой, робкій и застѣнчивый, приблизился Чернышевскій въ это время. Разсѣянный и влюбленный, онъ перечитывалъ Фауста и умиленно напѣвалъ пѣснь Маргариты о „королѣ въ Оулѣ".

„Меня какъ-то расшевелили эти стихи, — писалъ онъ 2 декабря 1848 г., — какъ довольно давно ужъ не шевелили; я читалъ ихъ прежде оффиціально, болѣе ничего, а теперь чувствовалъ, особенно при послѣднихъ куплетахъ, потребность страстной любви".

Женскій образъ, туманившій голову Чернышевскаго, былъ до знакомства съ Надеждой Егоровной, расплывчатъ, неясенъ, безымянно-стереотиченъ. Но это не лишало его волнующихъ и раздражающихъ чаръ. Появляясь нежданно, онъ мѣшалъ юношѣ заниматься, отвлекалъ отъ обычнаго теченія мыслей. Иногда Чернышевскій выражалъ даже недовольство, что своей стыдливостью и чистотой онъ непохожъ на товарищей, что онъ „не такой, какъ другіе". „Вздумалось, не буду ли послѣ недоволенъ папенькой и маменькой, — писалъ онъ по этому поводу 29 іюля 1848 г., — за то, что воспитался въ пеленкахъ такъ, что не жилъ, какъ другіе, не любилъ до сихъ поръ, не кутилъ никогда — что не испытывалъ, не знаю жизнь, не знаю и людей, и, кромѣ этого, черезъ это саморазвитіе приняло, можетъ быть, ложный ходъ. Можетъ быть!"

Чернышевскій готовъ былъ завидовать Печорину, который столько разъ любилъ въ своей жизни, что даже „привыкъ" къ любви. „Испытываю чувство неудовольствія, что не былъ еще въ дѣлахъ жизни и борьбѣ ея и потому — дитя".

Образъ Надежды Егоровны наполнилъ его внутренній міръ сладкими тѣнями влюбленности и сосредоточилъ его мечтанія на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, пока длился весь этотъ прозрачный, какъ внутренняя дымка, полусознательный романъ.

Но даже въ своемъ увлеченіи Надеждой Егоровной, этимъ „чистымъ и привлекательнымъ существомъ", онъ былъ далекъ отъ узкосебялюбиваго чувства, которое было бы столь естественно въ его возрастѣ. Онъ тотчасъ же

постарался найти въ своемъ увлеченіи альтруистическую сторону: онъ понялъ его, какъ стемленіе облегчить положеніе женщины, страдавшей отъ несовершенства общественнаго порядка, при которомъ личность ея остается подавленной, темной, лишенной способовъ борьбы за индивидуальную свободу и счастіе.

Чернышевскому очень нравилась Надежда Егоровна. Даже болѣе: онъ былъ въ нее положительно влюбленъ, но не настолько, чтобы ей одной и исключительно отдать всѣ свои желанія и мысли. Вниманіе его привлекала къ себѣ въ это время всякая молоденькая дѣвушка, которую онъ при своей крайней близорукости успѣвалъ разглядѣть. Онъ сознательно ставилъ своею цѣлью „проложить себѣ путь въ общество молодыхъ дѣвицъ, слѣдовательно, путь къ тому, чтобы избрать себѣ одну изъ нихъ въ подруги жизни“. Лободовскій разсказалъ ему о нѣкоей Бѣльцовой, съ которой собирался его познакомить, и этого было достаточно, чтобы вызвать въ мечтахъ Чернышевскаго ея фантастическій обликъ и заставить упорно думать о ней. „Сижу на лекціи, а въ мысляхъ не то—будетъ ли принята въ „Современникъ“ статья о воспитаніи, а дочь Бѣльцова“... которой, замѣтимъ кстати, онъ никогда не увидѣлъ. Такое вторженіе легкомысленнаго элемента въ серьезный ходъ его занятій Чернышевскій объясвялъ тѣмъ, что жизнь его проходила внѣ общества женщинъ, и что онъ не пріученъ „быть, какъ слѣдуетъ, держать себя, какъ слѣдуетъ“...

Однажды А. Ѳ. Раевъ сказалъ Чернышевскому, что въ томъ частномъ пансіонѣ М. М. Чистякова, гдѣ Николаю Гавриловичу предстояло временно замѣнить больного преподавателя исторіи, „есть одна хорошенькая“... — „Хорошо, посмотрю — кто, — отмѣтилъ Чернышевскій 29 апрѣля 1849 г., — и сердце больно перемѣнилось... и ужъ какъ-то думалось съ удовольствіемъ о томъ, что буду давать уроки дѣвушкамъ шестнадцати лѣтъ, которыя могутъ понять, и у которыхъ можно отличиться“. На слѣдующій день Раевъ пришелъ узнать, состоялись ли уроки, и опять сказалъ: „тамъ есть одна весьма хорошенькая... смотрите, не влюбитесь!“ — „Это меня нѣсколько задѣло, — замѣтилъ Чернышевскій: что, если и въ самомъ дѣлѣ? И сердце этимъ стало шевелиться. Въ самомъ дѣлѣ, я чувствую боль или пріятное чувство въ сердцѣ, въ физической части тѣла, какъ, напримѣръ, чувствую это я въ наружныхъ частяхъ“... „Вечеромъ читалъ „Отеч. Зап.“, и воображеніе мое нѣсколько разыгралось при мысли, какъ я стану читать передъ этими дѣвицами, какъ я увлеку ихъ, займу, какъ покажусь имъ умнѣе и интереснѣе всѣхъ другихъ. Должно говорить о средней исторіи, и у меня въ головѣ бродитъ, какъ я буду говорить, — напримѣръ, конечно, о реформаціи и т. п. Читалъ — и все на умѣ вертѣлись эти мысли, какъ вертятся и теперь. Въ пятницу сходилъ въ баню, вечеромъ пошелъ стричься и даже думалъ обриться, но когда посмотрѣлъ въ зеркало, увидѣлъ, что еще не стоитъ. Это все для того, чтобы явиться въ порядочномъ видѣ передъ ученицами“...

Чернышевскаго ввели въ классъ, и вотъ его разсказъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ этого урока. „Входимъ въ классъ. Тамъ сидятъ пять дѣвицъ, двухъ не было, должно быть, одна изъ нихъ была названа хорошенькой, потому что этихъ всѣхъ нельзя такъ собственно назвать; двѣ, кажется, ничего, другая, пожалуй, и дурная даже; ну, да послѣ лучше разгляжу. И вотъ я рѣшительно спокойно, безъ всякаго смущенія, сталъ разсказывать вообще картины Византійскаго быта — урокъ былъ о Византіи“.

Впрочемъ, начало урока не обошлось безъ маленькой „неловкости“. Урокъ происходилъ въ присутствіи жены Чистякова. Она замѣтила, что Чернышевскій смущенно поглядывалъ на свою шляпу, которую некстати положилъ передъ собой, и спросила, не безпокоитъ ли она его. Николай Гавриловичъ поспѣшно схватилъ шляпу и положилъ ее на полъ. Чистяковой и это не понравилось: она подняла шляпу и переложила ее на окно. Ученицы, конечно, не могли удержаться отъ улыбки, и, какъ ни крѣпился Чернышевскій вначалѣ, смущеніе все же овладѣло имъ. „Черезъ четверть часа этакъ, послѣ того, какъ я вошелъ въ комнату, голосъ измѣнился, сталъ глухимъ, и едва могъ говорить. Но скоро это прошло“...

Уроки въ пансіонѣ длились недолго, а интересъ къ женщинамъ возросталъ. Захваченный настроеніемъ этого рода, не встрѣчая на своемъ пути ни одной знакомой дѣвушки, не видя изъ женщинъ никого, кромѣ болѣзненной и раздражительной сестры (двоюродной) Любиньки, не чуткой къ настроенію, Чернышевскій сталъ останавливать свое вниманіе на каждомъ мало-мальски симпатичномъ для него женскомъ лицѣ, гдѣ бы оно ни встрѣчалось — на улицѣ, на выставкѣ, въ лавкѣ. Однажды, въ іюлѣ 1848 г., ему понравилась дѣвушка лѣтъ пятнадцати или шестнадцати. „Я остановился, опередивъ ее, чтобы подождать или, во всякомъ случаѣ, взглянуть на нее. Чувство было чистое, какъ отъ хорошей книги, или разговора съ умнымъ человѣкомъ. Все-таки не дождался. Видѣлъ ее на Чернышевомъ мосту.

Это я сдѣлалъ едва ли не въ первый разъ: оглядывался, чтобы полюбоваться". Тогда же, приблизительно, Чернышевскій ходилъ въ паркъ отчасти въ надеждѣ встрѣтить тамъ Никитенку, но въ гораздо большей степени поглядѣть на женщинъ. Однако „такихъ, которыя того бы стоили", встрѣчалъ онъ не часто. Однажды онъ зашелъ на промышленную выставку и сталъ разглядывать хромолитографіи, подносы жестяные, клеенки, статуэтки, издѣлія изъ хрусталя, фарфора и бронзы, но болѣе всего смотрѣлъ на толпившихся у витринъ дамъ. Долго не попадалось ему ни одной хорошенькой, наконецъ, онъ увидѣлъ дѣвушку, тонкую, стройную, съ прекрасными глазами, съ правильными, „умными" чертами лица... И нельзя отказать Чернышевскому въ наблюдательности, когда онъ описываетъ, какъ эта дѣвушка шла „весьма медленно", — „она мало смотрѣла, потому что, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть было не на что — это уже много говорило въ ея пользу... Равнодушно шла, безъ всякаго кокетства"... Она очень понравилась Чернышевскому, и онъ пошелъ вслѣдъ за ней — „то немного опережая, то немного отставая и совѣстясь, чтобы она не замѣтила, и краснѣя въ душѣ передъ нею"... Дѣвушка была съ матерью и, какъ рѣшилъ Чернышевскій, съ теткой. Однажды онѣ остановились возлѣ него. Онъ испытывалъ сильное волненіе, но она не обратила на него никакого вниманія и была естественна и свободна въ своихъ движеніяхъ, что было ему особенно по душѣ. „И, Богъ знаетъ, сколько времени готовъ былъ ходить за нею", но... случилось непредвидѣнное обстоятельство. Когда Чернышевскій перешелъ въ слѣдующую комнату и сталъ тамъ ждать ихъ, дамы, не посвященныя въ его планы, повернули въ другую сторону и, вѣроятно, вскорѣ покинули выставку. Чернышевскій ждалъ ихъ, ждалъ, да такъ и не дождался, и ушелъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, что онъ не взглянулъ на нихъ въ послѣдній разъ, не наглядѣлся до-сыта — „отъ своей неловкости, глупости или отъ нерѣшительности". Черезъ нѣсколько дней ему снова захотѣлось на выставку, чтобы посмотрѣть на „хорошенькихъ". Изъ памяти не шла у него та дѣвушка, которая такъ понравилась ему въ послѣдній разъ. Его увлекала тайная надежда встрѣтить тамъ, если не ее, то другую, подобную ей, „такую же умную, какъ она". Но такихъ, какъ она, было видно мало въ то время въ Петербургѣ. Долго бродилъ Чернышевскій по выставкѣ, но увы! — „не было ни одной хорошенькой: за одной, правда, ходилъ, но — дрянь"... Не особенно удачна въ этомъ отношеніи была и прогулка 10 іюля. „Послѣ чая пошелъ въ паркъ и Беклешовъ садъ, гдѣ была музыка. Одна встрѣтилась, весьма хорошенькая, какъ на выставкѣ, но только мелькомъ, и въ другой разъ ея не встрѣтилъ".

Не разставаясь съ мыслями о томъ, что для успѣха въ женскомъ обществѣ необходимо „быть какъ слѣдуетъ", Чернышевскій рѣшился послѣ долгихъ колебаній, уже при концѣ университетскаго курса, заказать себѣ новый сюртукъ. Правда, къ этому важному въ его жизни поступку побуждало его и то обстоятельство, что старый наотрѣзъ отказывался служить, и никакія поправки и передѣлки не могли вернуть ему прежней „полезности". словомъ, заказать сюртукъ, по собственному выраженію Чернышевскаго, было „рѣшительно необходимо". Чтобы при этомъ помочь неимущему человѣку, онъ рѣшилъ обратиться къ портному, который былъ очень бѣденъ. Когда Чернышевскій постучался къ нему, его не оказалось дома. Это была, конечно, нѣкоторая неудача, но Чернышевскаго съ избыткомъ вознаградило за нее удовольствіе знакомства еще съ одной женщиной. „Вышла жена портного, которая показалась мнѣ весьма хорошенькой, — разсказываетъ Чернышевскій, — т. е. такъ, въ нѣмецкомъ родѣ, это какъ будто изъ сахарной муки: бѣлая, нѣжная и розовенькая... Я посмотрѣлъ на нее съ удовольствіемъ. И, когда уходилъ, думалъ: конечно, много есть порядочныхъ собою женщинъ, которыхъ можно любить".

Встрѣчи съ „хорошенькими" были для Чернышевскаго яркими впечатлѣніями, вносившими волнующее разнообразіе въ его сѣрую, безрадостную жизнь. Во время прогулокъ онъ старался вглядываться въ лица шедшихъ навстрѣчу женщинъ, радовался, если встрѣчалъ красивыхъ, въ противномъ случаѣ шелъ къ эстампнымъ магазинамъ и заглядывался на изображенія женскихъ головокъ. Такое время препровожденіе стало для него потребностью и привычкой.

Однажды у Чернышевскаго просидѣлъ цѣлый вечеръ мужъ Надежды Егоровны — Лободовскій, и Н. Г. долго говорилъ съ нимъ о Викторѣ Гюго, приходя все въ большее и большее возбужденіе, испытывая состояніе близкое къ тому, какое бывало у него „послѣ трубки табаку", „когда въ виски стучитъ, и кровь бросается въ голову".

Вдругъ онъ остановился, подумавъ, не наскучилъ ли онъ Василію Петровичу своими тирадами. Тотъ слушалъ внимательно и задумчиво, не говоря ни слова.

Но и онъ заговорилъ, заговорилъ мягко и сердечно, когда Чернышевскій перешелъ къ

тому, что было ближе къ его душѣ. Между ними начался разговоръ, слишкомъ для него знаменательный и волнующій, „щемящій сердце“.

Лободовскій сказалъ;

— Какъ я ошибался съ васъ! Я думалъ, что у васъ воображеніе ничего не раскрашиваетъ, что вы смотрите на вещи положительно и холодно. Напротивъ: у васъ сердце горячее.

И Чернышевскому захотѣлось „поѣхать по этой открытой дорогѣ“, „объясниться“, облегчить сердце, слишкомъ взволнованное одинокимъ томленіемъ и жаждой любви.

Онъ сказалъ:

— Это такъ кажется оттого, что я совѣщусь говорить объ этихъ вещахъ, а ужъ что и говорить, конечно, есть вещи (онъ думалъ въ это время о любви къ женщинѣ), которыя воображеніе мое сильно расцвѣчиваютъ. Есть вещи, которыя бываютъ съ другими въ пятнадцать-шестнадцать лѣтъ, а со мной хотятъ быть только теперь. И, конечно, оттого, что позднѣе, будетъ только сильнѣе и хуже...

Лободовскій былъ очень удивленъ.

— Да, скажите, — произнесъ онъ, — какъ же я думалъ, что вы такой холодный, равнодушный къ женщинамъ, а у васъ сердце чрезвычайно любящее. Оно такъ и готово вспыхнуть, — вѣдь вы объ этомъ намекаете?

— То-то и есть, что объ этомъ.

— Скажите, какъ вы были до этихъ поръ?

— Что сказать: о чисто физической сторонѣ этой любви?

— Я думалъ, что вы слишкомъ холодны и не знаете этого.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Чернышевскій — это началось во мнѣ такъ рано, что не только удовлетворять нормальнымъ образомъ, но и иначе какимъ-либо было почти невозможно. Зато не знаю хорошенько, когда именно, въ концѣ пятнадцати, или началѣ семнадцати лѣтъ это прошло и остыло большею частью, и я уже началъ думать, что имѣю право подсмѣиваться надъ тѣми, которые увлекаются этими вещами.

— Но вѣдь вамъ никогда особенно не нравилась ни одна женщина? — спросилъ Лободовскій, не переставая изумляться. — Не пробудила въ васъ впечатлѣнія?

Чернышевскій не далъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, потому что не хотѣлъ проговориться о Надеждѣ Егоровнѣ. Онъ повелъ свои объясненія издалека.

— Вотъ видите, когда я жилъ въ Саратовѣ, — началъ онъ, — во-первыхъ, я рѣшительно незнакомъ былъ ни съ кѣмъ и, долженъ сказать, рѣшительно не видѣлъ женщинъ; а потому вѣдь, долженъ сказать, что я до самыхъ тѣхъ поръ, какъ одѣлъ очки, настоящимъ образомъ зналъ въ лицо только папеньку, маменьку и товарищей, вообще только тѣхъ, съ которыми цѣловался, потому что на полтора аршина я уже ничего не могу различить въ лицѣ. Такъ видите, мнѣ не могла нравиться ни одна женщина, потому что я ни одну не могъ видѣть въ лицо.

Тогда Лободовскій замѣтилъ:

— Да, вамъ предстоитъ еще огромная дѣятельность на этомъ поприщѣ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ необыкновенно много живетъ въ это время, когда любитъ.

Любовь, обѣщавшая ему тихое семейное счастье, дѣлала Чернышевскаго экспансивнымъ, что вообще не было въ его натурѣ. Какъ человѣкъ, пока еще влюбленный по преимуществу въ мечту, но все-таки влюбленный, онъ самъ искалъ возможностей высказаться на волнующія темы. Но случаевъ было такъ мало! 13 іюня 1849 г. онъ отправился къ своему товарищу М. А. Славинскому, который переживалъ въ это время состояніе, близкое не то къ разочарованію, не то къ апатіи, и подумывалъ о самоубійствѣ. Чернышевскій отклонялъ его отъ этой мысли и указывалъ на необходимость влюбиться, какъ на лучшее средство привязаться къ жизни. Для того же, чтобы влюбиться, необходимо бывать въ обществѣ и встрѣчать женщинъ. „Я говорилъ съ охотою, — пишетъ Чернышевскій, — потому что собственно не столько совѣтовалъ ему, а высказывалъ то, что мнѣ самому хочется, чтобы со мною было“.

Наканунѣ своего совершеннолѣтія (въ 1849 г.), подводя итогъ пережитому за годъ, Чернышевскій такъ опредѣлялъ тѣ „мысли“, которыя болѣе всего волновали его:

„... Что касается собственно до меня, болѣе всего, несравненно болѣе всего женитьба, иначе сказать, хотѣлъ бы, чтобы любовь у меня была единственная, и чтобы ни одна дѣвушка и не нравилась мнѣ до той самой, на которой предназначено мнѣ жениться, чтобы и не сблизился я до того времени ни съ одной и не думалъ ни объ одной; объ этомъ думалъ постоянно“.

Словомъ, къ этому времени потребность любви въ душѣ Чернышевскаго достигла своего полнаго расцвѣта. Онъ не боролся съ нею и лишь умѣрялъ ея порывы неустанной работой. Однако онъ признается, что при своемъ душевномъ состояніи, окрашенномъ жаждою любви, онъ готовъ былъ „вспыхнуть отъ одного имени, готовъ былъ влюбиться въ первую, съ которой увидится, и которая не будетъ слишкомъ пошла, или лицомъ, или душой“.

„Развѣ отъ меня долго ждать? Вѣдь я жду

только перваго повода, первой возможности и — врѣжусь!.."

„Жениться" — становится самой яркой мыслью Чернышевскаго за этотъ періодъ.

Чернышевскій принимался за свой дневникъ неизмѣнно, какъ только чувствовалъ себя въ полосѣ влюбленности, влюбленности часто безпредметной, осыпавшей тѣми же грезами смутные женскіе образы, какъ и отдаленные идеалы человѣческаго счастья. Такъ было съ нимъ и тогда, когда онъ познакомился съ Екатериной Николаевной Кобылиной,— уже по окончаніи университета, въ Саратовѣ, гдѣ Чернышевскій былъ учителемъ гимназіи. Подъ впечатлѣніемъ, которое произвела на него эта молоденькая шестнадцатилѣтняя дѣвушка, разсѣянная мечтательность Чернышевскаго сразу приняла опредѣленное направленіе и выразилась въ ясно имъ сознанномъ „чувствѣ влеченія" къ ней. Чувство это не было глубокимъ; онъ самъ даже назвалъ его „глупымъ", тѣмъ не менѣе оно всколыхнуло его, и нѣкоторое время онъ принималъ его за истинную „любовь", которую даже „рѣшился высказать".

Легче всего „высказать" свою любовь можно было дневнику, и онъ обратился къ нему, какъ только настроеніе переполнило его сердце. Это было 25 ноября 1852 года.

Не безъ улыбки записалъ онъ по этому поводу: „Продолженіе начинаю въ обстоятельствахъ, совершенно подобныхъ тѣмъ, при какихъ началъ. Тогда молоденькая дамочка, и теперь Екатерина Николаевна".

Пришла влюбленность — пришло настроеніе повѣрять душу бумагѣ.

Чернышевскій бывалъ у Кобылиныхъ, какъ учитель, приглашенный давать уроки брату Екатерины Николаевны. Кобылинъ-старикъ, Николай Михайловичъ, занималъ въ Саратовѣ постъ предсѣдателя казенной палаты, и домъ его считался однимъ изъ первыхъ въ городѣ. „Я не бывалъ въ ихъ семействѣ,— пишетъ Чернышевскій,— оттого, что не хотѣлъ еще бывать въ саратовскомъ обществѣ. Нѣтъ, не оттого собственно я не бывалъ,— тутъ же перебиваетъ онъ себя,— а оттого, что не смѣлъ показаться, не зная, какъ меня примутъ, но вмѣстѣ и нежеланіе являться въ обществѣ было тутъ". Самолюбіе человѣка, лишеннаго свѣтскихъ манеръ, играло несомнѣнно видную роль, но тяготѣніе къ женскому обществу превозмогло. Однако Чернышевскому пришлось около года ждать случая быть принятымъ неофиціально. „Было у нихъ какое-то торжество, должно быть день рожденія Николая Михайловича, и меня пригласили"...

Приглашеніе пришлось не вполнѣ кстати. У Чернышевскаго не совсѣмъ прошелъ флюсъ, но тѣмъ не менѣе, онъ принялъ „свои мѣры", собрался и пріѣхалъ. Въ залѣ было уже нѣсколько человѣкъ гостей: кто-то игралъ на роялѣ. Чернышевскій „по обыкновенію" смутился и не зналъ, что дѣлать, но хозяйка подошла къ нему и провела къ мужчинамъ. „Николай Михайловичъ удостоилъ меня чести, что сѣлъ вмѣстѣ со мной и разсказывалъ свои анекдоты, обращаясь ко мнѣ, что я, конечно, весьма цѣнилъ, но былъ, по обыкновенію, скроменъ, какъ баранъ". Подобная оцѣнка своего свѣтскаго поведенія объясняетъ характеръ самолюбиваго чувства Чернышевскаго. Вниманіе его раздвоилось: онъ наблюдалъ происходившее вокругъ него и въ то же время особымъ внутреннимъ самоанализомъ оцѣнивалъ себя со стороны. Производимое имъ сравненіе себя съ другими лицами, привыкшими къ свободному, простому обращенію въ обществѣ, было не въ его пользу и несомнѣнно усиливало его застѣнчивость.

На этомъ вечерѣ и познакомился Чернышевскій съ Екатериной Николаевной, которая понравилась ему „съ перваго раза". Сначала онъ не рѣшался подойти къ ней и только „любовался ею издали", но затѣмъ, вовлеченный въ общій разговоръ, онъ „удостоился чести въ первый разъ сказать нѣсколько словъ съ Екатериной Николаевной". Затѣмъ онъ сѣлъ играть въ карты съ нею и двумя молодыми людьми. Ему „дорого было это удовольствіе". Не упускаетъ онъ случая отмѣтить и одну мелочную провинціальную черточку, игравшую роль въ этомъ удовольствіи: его сознанію льстило—онъ не стыдится въ этомъ признаться — что Кобылины — „первыя лица въ Саратовѣ по своему положенію въ обществѣ". Играя въ карты, онъ дѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобы выигрывала Екатерина Николаевна: онъ старался выигрывать, когда игралъ съ нею въ партіи, и намѣренно проигрывалъ, когда игралъ противъ нея. По отношенію къ Чернышевскому Екатерина Николаевна была очень любезна и привѣтлива, но не болѣе того, чѣмъ это допускалось свѣтскимъ тактомъ: Чернышевскій видѣлъ, что она была столь же предупредительна и къ другимъ гостямъ. Но голова у него уже кружилась: „Послѣ этого я дня три только и видѣлъ ее передъ глазами"...

„Но это была пока глупость, болѣе ничего,— писалъ онъ, отдавая себѣ резонирующій отчетъ, — потому что тогда я еще не зналъ ея. Это было просто дѣйствіе того, что еще въ первый разъ я былъ въ обществѣ миленькихъ". И онъ разсказываетъ далѣе, что послѣ этого вечера онъ былъ нѣкоторое время подъ силь-

нымъ „тогда еще глупымъ“ вліяніемъ юной Кобылиной. И не безъ улыбки надъ собой онъ раскрываетъ дальнѣйшія перипетіи своего состоянія. „И я нѣсколько времени бредилъ ею (только не придавайте этому слову ужъ слишкомъ важнаго значенія,— предостерегаетъ Чернышевскій своего будущаго читателя). И я съ нетерпѣніемъ ждалъ 9 мая, думая, что снова будетъ то же. И я надѣлъ мундиръ, поѣхалъ поздравлять Николая Михайловича и взялъ долгушу, но, увы, меня не пригласили къ обѣду, потому должно быть, что никого не приглашали. Это меня огорчило. Разрушило мои надежды на то, что увижу снова вблизи ея“.

И долго не удавалось Чернышевскому встрѣтиться съ „миленькой“ дѣвушкой. Воспользовался онъ разъ случаемъ занести лично взятую у нихъ книгу, при чемъ надѣялся просидѣть у нихъ вечеръ, но на крыльцѣ встрѣтилъ дамъ выходящими, чтобы кататься. И онъ — „потащился съ грустными мечтами снова домой“. Томительно ждалъ, что съ переѣздомъ на дачу его пригласятъ ѣздить туда и, безъ сомнѣнія, его будутъ оставлять тамъ. Но ученика стали посылать брать уроки въ городъ,— и надежды Чернышевскаго рушились снова.

„И вотъ — Господи, сколько сборовъ!“ — восклицаетъ Чернышевскій, получивъ, наконецъ, приглашеніе пріѣхать на дачу, смотрѣть фейерверки. „Въ этихъ сборахъ прошелъ часъ“, пока „умытый“ и „одѣтый“, онъ не отправился къ Кобылинымъ. Фейерверки смотрѣлъ, но знаменательнаго разговора, видимо не вышло.

Знакомство тѣмъ не менѣе завязалось. Однако, не ранѣе, чѣмъ черезъ полгода, въ день рожденія Екатерины Николаевны, 6 января 1853 г., Чернышевскій счелъ возможнымъ осуществить свое рѣшеніе „высказать ей свою любовь“. Днемъ онъ поѣхалъ ее поздравлять. „Оставили обѣдать“. Передъ самымъ обѣдомъ онъ подошелъ къ ней — она сидѣла у окна— съ намѣреніемъ просить ее на кадриль, но неловко остановился, не рѣшаясь начать. Чувствуя его смущеніе, она сама обратилась къ нему.

— Николай Гавриловичъ, скажите что-нибудь...

— Я собирался просить васъ на кадриль.

Она засмѣялась.

— Такъ рано?

— Послѣ не успѣешь...

— Извольте, четвертую, потому что три первыя я уже обѣщала...

У Чернышевскаго, повидимому, давно уже сложился тонко разработанный планъ, какъ онъ „выскажетъ ей свою любовь“ и какими соображеніями обставитъ свое признаніе. И теперь эти мысли неотступно вертѣлись передъ нимъ. Онъ вѣдь присмотрѣлся къ ней за время ихъ знакомства! онъ вѣдь замѣтилъ, что она — хороша, но не образована! Естественнѣе всего казалось Чернышевскому предложить со своей стороны давать ей уроки, „конечно, безплатно“. Ему будетъ такъ пріятно впослѣдствіи думать, что въ своемъ развитіи она „обязана кое-чѣмъ все-таки ему“.

Конечно, Чернышевскій не предусмотрѣлъ одного немаловажнаго обстоятельства, онъ не подумалъ, насколько его планъ могъ согласоваться съ характеромъ и собственными планами милой свѣтской дѣвушки, которая едва ли страдала отъ сознанія своей необразованности. Но съ его точки зрѣнія, было несомнѣнно убѣдительно то, что онъ собирался сказать ей подъ звуки кадрили.

А собирался сказать онъ ей слѣдующее:

— „Вамъ приходитъ время любить... Можетъ быть, вы въ опасности выбрать недостойнаго... Выбирайте же меня, потому что я люблю васъ искренно, и эта любовь, во всякомъ случаѣ, не будетъ опасна“...

„Все было обдумано! Хорошо“,— замѣчаетъ Чернышевскій въ дневникѣ по поводу своего плана.

Вотъ, наконецъ, и четвертая кадриль.

Чернышевскій подходитъ къ Екатеринѣ Николаевнѣ.

— „Я думала, что вы забудете“,— говоритъ она, видимо тоже присмотрѣвшись къ его разсѣянности и робости.

„Кокетство это или нѣтъ?“ — промелькнуло у него въ головѣ, когда онъ велъ свою даму, чтобы усадить ее подальше, „чтобы сидѣть однимъ, и чтобы некому было подслушивать“.

Важные планы Чернышевскій привыкъ осуществлять безъ промедленій.

— Екатерина Николаевна, — началъ онъ при первой же фигурѣ,— прежде всего я долженъ сказать, что я говорю серьезно и совершенно искренно. Для меня чрезвычайно трудно сказать то, что я рѣшился, наконецъ, сказать. Но я все-таки скажу... Никогда я не забуду того разстоянія, какое есть между вами и мною...

— Съ кѣмъ вы танцуете слѣдующую кадриль?—перебила его Екатерина Николаевна.— Танцуйте съ Софьей Юрасовой, полюбезничайте съ нею.

О, женское легкомысліе! Могъ ли Чернышевскій ожидать такого пріема своей „серьезной“ рѣчи? Столь неожиданный поворотъ разговора совершенно не былъ имъ предусмотрѣнъ. Онъ почувствовалъ, что „это было сказано та-

кимъ голосомъ, какимъ обыкновенно отклоняется разговоръ, который не хотятъ продолжать". Между тѣмъ это окончательно грозило его планамъ.

— Я не люблю говорить того, что не думаю, — замѣтилъ онъ съ нѣкоторой сухостью.

Но она продолжала:

— Только смотрите, не задѣвайте ее, она наговоритъ вамъ дерзостей.

Во время второй и третьей фигуры она болтала безъ умолку. „Откуда взялись слова?!"— удивлялся Чернышевскій.

Во время четвертой къ нимъ подошелъ одинъ изъ гостей, Шомполовъ (награжденный за это въ запискахъ эпитетомъ „свинья"). Потомъ еще какой-то молодой человѣкъ, начался разговоръ, и Чернышевскій не могъ улучить ни одной минуты, чтобы сказать ей,— что онъ будетъ продолжать „свою рѣчь".

Намѣреніе это было у Чернышевскаго твердое, и, несомнѣнно онъ осуществилъ бы его, если бы по окончаніи шестой фигуры Екатерина Николаевна не предупредила его, сказавши:

— Благодарю васъ, шена мы не будемъ танцовать.

И пошла къ дамамъ, сидѣвшимъ неподалеку.

„Что же это такое значитъ,— наивно недоумѣвалъ Чернышевскій. Поняла она, что я хотѣлъ сказать, или нѣтъ? Конечно, поняла! иначе не прекратила бы разговора, не отошла бы послѣ шестой фигуры въ сторону, хотя всегда танцуютъ у нихъ шенъ. Итакъ, поняла... Прекратила — значитъ: не хотѣла дослушать... Такъ же церемонна въ своемъ обращеніи — значитъ, не конфузится... Что же, наконецъ, это такое? Несмотря на это, Чернышевскій все еще не сдавался, намѣреваясь „быть у нихъ въ воскресенье и искать случая переговорить съ нею объ этомъ".

Однако, шенъ состоялся, и они еще танцовали, но разговора завязать не удалось. Дѣвушка, видимо, уклонялась отъ объясненій, или не хотѣла ставить Чернышевскаго въ неловкое положеніе своимъ отказомъ. Такъ или иначе, но планы его разбились окончательно, и ему не пришлось ни тогда, ни позже „высказать ей свою любовь".

Удобнаго случая не было. Соціальное неравенство между нимъ, юнымъ, невзрачнымъ учителемъ, и Кобылинымъ, „особой перваго ранга" въ губернской іерархіи, полагало трудно преодолимую преграду, а Екатерина Николаевна, не измѣняя своего привѣтливаго обращенія, мало поощряла его искапія. Въ общественномъ собраніи онъ не рѣшался даже подходить къ нимъ. Отправился онъ какъ-то въ любительскій концертъ. „Играли увертюру изъ Фрейшица и Вильгельма Телля". Къ сюжету послѣдняго Чернышевскій былъ давно не равнодушенъ, и потому съ особымъ удовольствіемъ слушалъ знаменитую увертюру. „Для послѣдней рѣшился я быть тамъ".— между прочимъ, замѣтилъ онъ въ запискахъ. Но кромѣ увертюры, несомнѣнно, привлекала его и надежда увидѣть Кобылиныхъ. И онъ, дѣйствительно, увидѣлъ ихъ. „Она и мать сидѣли на правой сторонѣ въ первомъ ряду". Чтобы видѣть ихъ, Чернышевскій долженъ былъ взобраться на подмостки оркестра. „Она нѣсколько разъ, кажется мнѣ, взглядывала на меня. Я болѣе всего смотрѣлъ на нее и любовался по обыкновенію"... Любовался ею Чернышевскій не безотчетно, но старался критически разсмотрѣть вопросъ, „хороша ли она, или нѣтъ". Оказалось — „хороша и въ профиль"... Чернышевскому нечего было бояться „насмѣшекъ за неудачный выборъ". Ошибки быть не могло. „Когда она взглядывала, я переводилъ глаза, не торопясь, впрочемъ, на другихъ". Чернышевскаго мучилъ одинъ вопросъ: останутся ли онѣ на балѣ? „И если останутся... со мною, вѣрно, она не будетъ танцовать, и я не посмѣю просить ее на кадриль". И въ душѣ у него шевелилось „что-то въ родѣ полузависти и полуревности", что возлѣ Екатерины Николаевны будетъ не онъ, а другіе...

Увертюра привела Чернышевскаго въ восторженное состояніе. Послѣ концерта онъ поѣхалъ съ Н. Н. Костомаровымъ къ послѣднему играть въ шахматы, говорилъ о Вильгельмѣ Теллѣ, и долго былъ взволнованъ, у него даже — „выступили слезы отъ волненія". Музыка окрылила влюбленную душу Чернышевскаго, наполнила ее очарованіемъ и отвагой. „И я чувствовалъ во время музыки и послѣ, что при случаѣ и я оставлю свою вялость, нерѣшительность".

Но пока — Чернышевскій искалъ только „случая" рѣшительно переговорить съ Екатериною Николаевною. Онъ еще одинъ разъ видѣлъ ее на дачѣ, куда собраться стоило ему большихъ хлопотъ и издержекъ, но, попрежнему, не посмѣлъ подойти къ нимъ. Рѣшимость Вильгельма Телля была не у мѣста въ этой обстановкѣ: романическая странпчка въ отношеніяхъ между взаимно непонявшими другъ друга молодыми людьми такъ и оборвалась. Чернышевскій погрустилъ о ней, о милой дѣвушкѣ, но не очень: дальнѣйшія впечатлѣнія быстро втянули его въ кругъ иныхъ отношеній и чувствъ.

И онъ основательно „забылъ о Кобылиной",

когда на его горизонтѣ замелькала на нѣкоторое время заурядная, но весьма бойкая барышня Патрикѣева, о которой онъ думалъ „сутокъ двое“ и „съ удовольствіемъ любезничалъ съ ней первый вечеръ у Акимовыхъ“. Патрикѣева собственно не произвела сильнаго впечатлѣнія на Чернышевскаго, но „это была первая дѣвушка, съ которой я любезничалъ,— записалъ онъ.— Меня радовала моя смѣлость, мое любезничанье“. Если чопорная обстановка Кобылинскаго дома замораживала Чернышевскаго, связывала его движенія и слова, то нѣсколько среднихъ немудреныхъ провинціальныхъ семей — Патрикѣевыхъ, Шапошниковыхъ, Акимовыхъ,— гдѣ Чернышевскій началъ бывать съ теченіемъ времени,— создали для него именно ту простую непритязательную атмосферу свѣжей молодости, въ которой онъ почувствовалъ себя свободнымъ, какъ дома. Онъ испытывалъ пріятное ощущеніе, если не развязности, то освобожденія отъ условностей свѣтскаго этикета, ему не привычнаго. отъ вѣчной боязни сказать что-либо неловкое, или совершить поступокъ, который вызоветъ насмѣшливую улыбку со стороны.

Онъ ожилъ. У Шапошниковыхъ или Акимовыхъ онъ не стоялъ, какъ „столбъ“ въ углу, не зная, что сказать подходившей барышнѣ. Ему безконечно было весело принимать участіе въ общемъ смѣхѣ и шалостяхъ, еще веселѣе „любезничать“ и чувствовать, что его любезности были искренни, смѣлы, и что онѣ хорошо принимались тѣми, къ кому направлены.

За первымъ, на вечерѣ у Шапошниковыхъ послѣдовали другіе „опыты“, не менѣе удачные, и Чернышевскій сталъ подмѣчать, что наклонность къ „любезничанью“ начала пріобрѣтать нѣкоторые признаки постоянства въ его характерѣ: онъ даже „было, началъ любить волочиться“.

Въ такой-то обстановкѣ, въ такомъ настроеніи познакомился Чернышевскій — три недѣли спустя послѣ своего неудачнаго „сватовства“ у Кобылиныхъ — съ той избранницей сердца, которая уже черезъ три мѣсяца стала подругой его жизни. Евг. Ляцкій такимъ образомъ отзывается о тѣхъ страницахъ дневника, гдѣ Чернышевскій разсказываетъ о своей женитьбѣ: „Немного найдется въ исторіи человѣчества документовъ, которые могли бы претендовать на равное психологическое значеніе съ безыскусственной повѣстью объ отношеніяхъ Чернышевскаго къ той „единственной“ въ его жизни женщинѣ, которую онъ звалъ съ собой на подвигъ борьбы за лучшее будущее“.

Эта повѣсть развернется передъ читателями въ слѣдующемъ очеркѣ біографа Чернышевскаго.

Поэтъ и толпа.

(О Бальмонтѣ.)

Юбилей поэта, по праву занимающаго и посейчасъ первое мѣсто въ сонмѣ современныхъ нашихъ парнасцевъ, далъ поводъ цѣлому ряду критиковъ—и призванныхъ, и непризванныхъ—писать о немъ и его музѣ. Къ сожалѣнію, почти вся эта юбилейная литература оказалась однимъ лишь переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, въ лучшемъ случаѣ—пережевываніемъ прежнихъ, уже избитыхъ, уже истертыхъ мнѣній. Болѣе свѣжія и оригинальныя мысли о поэзіи Бальмонта и перемѣнчивости его настроеній находимъ только теперь— въ кн. III жур. „Жатва“, въ критическомъ опытѣ А. Бартенева:

„Когда я слышу, какъ кто-нибудь изъ насъ произноситъ имя этого изумительнаго поэта, душа моя нѣжно и беззавѣтно-любовно раскрывается навстрѣчу лучистой красотѣ пламеннаго творчества. Пламенно творчество Бальмонта, пламенно! Неугасимъ пожаръ ослѣпляющаго горѣнія, какъ ни стараются затушить его то холодной струей банальнаго анализа, то нарочитымъ неумнымъ непониманіемъ.

Мы грѣшны передъ судомъ совѣсти вотъ въ чемъ: во-первыхъ — мы подходили къ творчеству Бальмонта только умомъ, когда сознавали, что оно привлекательно главнымъ образомъ для сердца, и во-вторыхъ — мы все время не довѣряли ни разу не обманувшему насъ поэту. Оба эти грѣха такъ взаимно похожи, такъ заключаются одинъ въ другомъ, такъ параллельны даже въ своей начальной разности, что и разсматривать ихъ правильнѣе и естественнѣе какъ одинъ тяжкій грѣхъ. Тяжкій—потому что мы съ дѣтства ощущаемъ, сколь неумолимъ разсудокъ съ сердцемъ, и слѣдовательно рано же и привыкаемъ къ ихъ дробленію; тяжкій—потому что непрощаемо незаслуженное недовѣріе къ художнику. Чрезмѣрно несправедливыми оказывались мы иногда, какъ по отношенію къ начальнымъ этапамъ Бальмонтовскаго творчества, такъ и къ настоящимъ его моментамъ.

Съ начальныхъ строкъ перваго „Сборника стихотвореній“, изданнаго въ Ярославлѣ въ 1890 году, и до „Зарева зорь“, съ которымъ мы познакомились въ текущемъ, творчество Бальмонта шло по пути ничѣмъ неосквернённой искренности. Сущность этого творчества, его интересное содержимое было опредѣляемо много разъ, и въ концѣ-концовъ обликъ поэта для насъ теперь сталъ болѣе или менѣе яснымъ. Но насъ интересуетъ другой вопросъ:

когда и почему мы перестали вѣрить поэту?— Съ самаго начала.

Поэзія Бальмонта отравила наши души ядомъ тревожнаго безпокойства съ первыхъ своихъ шаговъ. Слушая поэта, мы очень быстро научились прислушиваться къ нему съ затаеннымъ сомнѣніемъ, съ преднамѣренной осторожностью, настраивая себя на ладъ ума съ лада сердца. Уже въ сборникѣ „Подъ сѣвернымъ небомъ“ мы въ первый разъ задумались надъ „Ядовитыми цвѣтами“.

Туманы, сумерки. Средь тусклаго мерцанья
Смѣшались контуры и краски и черты
И въ царствѣ мертваго безсильнаго молчанья
Лишь дышатъ *ядовитые цвѣты*.

И задумавшись, мы какъ-то разомъ почувствовали, что надъ всѣмъ творчествомъ поэта — поскольку оно намъ было тогда знакомо — отяготѣлъ ароматъ этихъ диковинныхъ цвѣтовъ. И вотъ началась погоня. Мы захотѣли, во что бы то ни стало, *умомъ* разгадать одуряющій, парализующій наше сознаніе запахъ этихъ цвѣтовъ; мы не повѣрили поэту, что онѣ ядовиты, и что, можетъ быть, онъ самъ еще не постигъ, въ чемъ заключается вся и сладость, и горечь ихъ яда. А онъ разсердился на насъ за нашу недогадливость, за нашу смѣшную назойливость и сталъ быстрыми нервными шагами удаляться, уходить отъ насъ, нетерпѣливыхъ, требовавшихъ, во что бы то ни стало, *конкретнаго*. И уходя, поэтъ не считался, конечно, съ нашимъ невниманіемъ и, когда онъ обращался къ немногимъ, которые могли его понять, и говорилъ:

Я жить не могу настоящимъ,
Я люблю *безпокойные* сны,

—насъ это только дразнило и усугубляло наше недовѣріе. Почему безпокойные? Въ чемъ ихъ безпокойство? Зачѣмъ оно? — выходили мы изъ себя... Вѣдь душа у тебя нѣжная-нѣжная, мягкая какъ воскъ (это-то мы разобрали); зачѣмъ же ты мучишь ее какимъ-то непонятнымъ намъ томленіемъ? Ну, скажи намъ, зачѣмъ?—просили мы.—Не знаю, самъ не пойму зачѣмъ, — тосковалъ поэтъ тайно; а явно онъ бросалъ намъ тревожныя строки своей „Безбрежности“:

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни,
Уходящія тѣни погасшаго дня,
Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня!

И мы снова мучились тѣмъ, что поэтъ не разсказалъ намъ, *какія* очертанія разглядѣлъ онъ вдали, со своей башни, и *какіе* звуки раздавались вокругъ него... И не только не разсказалъ намъ этого, но даже не повѣдалъ о томъ, дошелъ ли онъ до верхней площадки башни — до предѣла.

И все выше я шелъ...

Лирическая „Тишина“ опять было приблизила насъ къ поэту.

Счастливъ, кто мирной
Долей живетъ.

Но повѣрить этой тишинѣ—мы не повѣрили. Не повѣрили даже тогда, когда поэтъ, казалось, показалъ намъ краешекъ своего томленія, когда въ одну изъ нестерпимо горькихъ минутъ онъ вслухъ затосковалъ о своей тоскѣ:

Зачѣмъ же духъ стремленія,
Въ разлукѣ съ красотой —
Я жажду отдаленія
Отъ родины святой!
Я искра, отступившая
Отъ солнца своего
И Бога позабывшая,
Не знаю, для чего!

Мы радовались, что не поддались соблазну довѣрія, и что подозрительность наша въ воздушно-бѣлыхъ цвѣтахъ „Тишины“ все порывалась почувствовать муку роковыхъ — ядовитыхъ. А послѣднюю строфу „Сфинкса“:

И замыселъ чудовищной мечты
Средь вѣчности всегда однообразной
Возсталъ, какъ *врагъ обычной красоты*,
Какъ сонъ слѣпой, нѣмой и безобразный.

— намъ хотѣлось иногда швырнуть подъ ноги и топтать, топтать, крича изступленно: это ты, замыселъ чудовищной мечты, это ты отнялъ у насъ обычную красоту, не давъ намъ взамѣнъ новой—необычной! Такъ мы богохульствовали. А онъ все шелъ, разсѣянно роняя намъ все новые и новые лучи — для насъ все новыя и новыя досады. Досады—потому что мы больше не вѣрили ему, потому что, идя за нимъ слѣпо, можно было очутиться на днѣ какой-нибудь жадной пропасти; правда, можно было и вознестись на дѣвственныя вершины, но возможность пропастей запоминалась намъ лучше возможности вершинъ. И когда мы думали о немъ, оглядывались назадъ, намъ казалось не роднымъ его „Сѣверное небо“, заманчивой, но гибельной его „Безбрежность“, подозрительной и роковой его „Тишина“. И тяжкая ошибка, въ которую мы впали сначала, не сумѣвъ уловить измѣнчивый ликъ свободной красоты его творчества, разрослась постепенно въ трагедію почти формальнаго неповиманія.

Поэтъ не останавливался на своемъ невѣдомомъ никому—а больше всѣхъ ему самому—пути, мѣняя поминутно одну тропинку на другую, то поднимаясь на высоты, то срываясь въ провалы. И мы изъ послѣднихъ силъ тянулись за нимъ, незримо прикованные къ нему его то

солнечными, то лунными строками. И онъ и мы — страдали. Онъ — волшебно-творческимъ страданіемъ, мы—пассивно-принижающимъ. Его страданіе его очищало и завоевывало все большую свободу его духу; насъ — наше — лишь обугливало и дѣлало менѣе воспріимчивыми... Онъ—горѣлъ, мы за нимъ—тлѣли!

Въ „Горящихъ Зданіяхъ“ и въ „Будемъ какъ Солнце“ поэтъ въ послѣдній разъ пытается избавить свой духъ отъ нашей пазойливости, охранить свою неприкосновенность отъ нашихъ искательствъ. И это не удается ему. Мы уже *любимъ* неизъяснимую, но соблазняющую красоту его словъ, мы уже влечемся къ ней подобно тому, какъ морфинистъ — къ повторности своихъ забвеній. И въ то же время уже опредѣленно не вѣримъ мы въ разумную серьезность, въ неподдѣльную глубину опьянившаго насъ творчества; намъ оно начинаетъ казаться безсодержательнымъ, безмысленнымъ. А поэтъ это чувствуетъ и еще болѣе замыкается въ себѣ. И вотъ — неразрѣшимъ вопросъ: мы ли отталкиваемъ поэта, или онъ насъ—отъ себя. Но несомнѣнно одно: къ исходу нашей погони за нимъ мы съ нимъ связаны — еще крѣпче, чѣмъ были вначалѣ. И напряженной остается мука этихъ странныхъ отношеній, мука, которая собственно вполнѣ объяснима и неустранима только потому, что не можетъ быть и рѣчи о разлукѣ.

Сверхъ всего, мы еще не хотѣли простить поэту его неуловимость:

Я дѣлаюсь мгновеньями во власти всѣхъ вещей:
И съ каждымъ я, предъ каждымъ я, и царственно ничей.

А онъ, уже иной въ своемъ свободномъ многообразіи, сердилъ насъ на новый ладъ, вскрывая наши же, о насъ самихъ, и хотя бы уже по одному тому непріятныя намъ мысли:

Намъ нравятся поэты,
Похожіе на насъ —
. . . . . .
. . . . . .

Цвѣты съ любымъ узоромъ,
Расцвѣты всѣхъ началъ,
Лишь только бъ *нашимъ* взорамъ
Ихъ пламень отвѣчалъ.

Лишь только бъ съ *нашей* бурей
Сливался онъ въ одно,
Отъ неба, или фурій,—
Не все ли намъ равно!

Показывая, какъ глубоко могъ проникать онъ въ наше сознаніе, Бальмонтъ почти молча — и отъ этого особенно остро и больно — умѣлъ также подчеркивать, что онъ *не нашъ поетъ*... И въ то же время онъ звалъ насъ за собою.

— Куда? Кто могъ отвѣтить на этотъ вопросъ? Во всякомъ случаѣ... онъ самъ—менѣе кого-либо другого.

А между тѣмъ, мы заслушивались его „Оттуда“:

Идите всѣ на зовъ звѣзды,
Глядите: я горю предъ вами.
Я обѣщаю вамъ сады
Съ неомраченными цвѣтами...

Отдайся намъ, будь нашимъ — и мы залелѣемъ тебя, будемъ поклоняться тебѣ, поймемъ, повѣримъ каждому твоему слову! Вѣдь вотъ ты говоришь:

Есть люди, обреченные скитаньямъ,
Гдѣ бъ ни былъ я — я всѣмъ *чужой* всегда.

А между тѣмъ, намъ ты не чужой—только не всегда понятный, но близкій и желанный! Ты не хочешь насъ — зачѣмъ же ты пришелъ въ этотъ міръ, въ нашъ міръ, въ міръ, населенный намъ подобными? — Такъ мы спрашивали его, такъ молили. И въ отвѣтъ на наши мольбы онъ бросилъ намъ свой экстатическій манифестъ, начинавшійся словами безумной и прекрасной гордыни:

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть солнце!

Въ одной изъ пьесъ сборника „Будемъ какъ солнце“, а именно въ пьесѣ „Сквозь строй“, поэтъ разсказываетъ о тѣхъ мукахъ, которыя создали ему мы, и, заканчивая стихотвореніе, онъ очень тонко и вѣрно опредѣляетъ сущность нашего состоянія по отношенію къ нему:

И вы *дрогнули* всѣ предо мной,
Увидавъ, что межъ васъ я *иной*.

Но если мы прогоняли поэта сквозь строй, то что же и онъ дѣлалъ съ нами въ чаду своихъ противорѣчій! Не давая намъ опомниться, притти въ себя, онъ бросалъ насъ изъ круга однихъ понятій въ кругъ противоположныхъ, отъ одного настроенія къ совершенно полярному. Вотъ онъ гипнотизируетъ насъ росой своего „Утренника“, сладостью „Черемухи“, трагизмомъ „Шиповника“, порывами „Завѣта бытія“, стальной архитектурностью „Sin miedo“ — но тутъ же рядомъ онъ способенъ смутить насъ „Двумя трупами“, дразнящими строками въ родѣ: „Все равно мнѣ,—человѣкъ плохъ, или хорошъ“, или иронической горечью „Заклятья“:

Я видѣлъ правду только разъ,
Когда солгали мнѣ...

Въ экстазѣ своего смятенья поэтъ бываетъ особенно безпощаденъ по отношенію къ самому себѣ, и насъ поражаютъ нескрываемыя имъ

изумительныя смѣны его состояній. Только что мы слышали отъ него:

Я полюбилъ свое безпутство,
Мнѣ сладко падать съ высоты.

— какъ вотъ уже онъ убаюкиваетъ свое сознаніе мягкимъ речитативомъ примиренности:

Жизнь проходитъ,— вѣченъ сонъ.
Хорошо мнѣ—я влюбленъ.

И такія смѣны мучали поэта непрестанно. Да, мучали, потому что эта безпрерывная экстатичность, этотъ неизбывный порывъ только усиливали ощущеніе тревожнаго безпокойства, которымъ жило и питалось творчество Бальмонта съ самаго возникновенія. Сгораніе въ себѣ, болѣзненная жажда вѣчнаго устремленія впередъ, къ неизвѣстному, постоянная напряженность неожиданныхъ, все новыхъ и новыхъ постиженій, поразительная острота поэтическаго воспріятія, затѣйливые узоры отпущенной на волю фантазіи, лирическая печаль и гордая, навстрѣчу всему Міру радость, отголоски тонкихъ раздумій, граничащихъ съ проникновеніемъ въ невозможное, неостижимая широта и почти немыслимый захватъ—вотъ, чѣмъ поражаетъ насъ творчество поэта, передъ красотой котораго мы воистину должны были „дрогнуть“.

Загадочно-близкій, Бальмонтъ умѣлъ какъ-то особенно остро подходить къ самому тревожному въ нашемъ бытіи — къ различнымъ этапамъ борьбы Добра и Зла, къ нашимъ заблужденіямъ, къ нашей скорби, къ тоскѣ о прекрасномъ, ко всему нашему міропониманію. Но дѣлалъ онъ это все, какъ намъ казалось, не серьезно, шутя, мимоходомъ, не съ должнымъ вниманіемъ и трепетомъ, а только задумчиво небрежно, разсѣянно, будто неся въ себѣ что-то болѣе цѣнное, чѣмъ мы, онъ, чѣмъ самый міръ,—что-то до такой степени *иное*, что оно, это иное, никакимъ образомъ не могло быть нашимъ, да и намъ самимъ хранилось, какъ высшая тайна особаго, никому недоступнаго пониманія. И насъ это и притягивало, и отпугивало вмѣстѣ. Раздразнитъ — и уйдетъ, не удовлетворивъ наше любопытство, а часто и нашу муку.

Вотъ, въ своихъ „Дымахъ“, рисуя намъ „законченную картину міра“, поэтъ вначалѣ стихотворенія говоритъ:

Я знаю обликъ нашихъ заблужденій,
Достигнувшихъ трагической черты.

Странныя слова, они требуютъ какого-то серьезнаго продолженія, они должны привести насъ къ какому-то все объясняющему финалу. Но ничего подобнаго: увлекшись деталями картины, художникъ пренебрегъ синтезомъ ея: начавъ волнующимъ полуобѣщаніемъ, онъ забылъ о немъ и кончилъ смутнымъ и ненужнымъ апоѳеозомъ.

Могла ли не расхолаживать насъ такая досадная, на нашъ взглядъ, „небрежность“... И возбужденные, но усталые, жадные, но невѣрующіе, мы безъ конца пытались своимъ озадаченнымъ разсудкомъ вскрыть, понять, постигнуть все смущавшее насъ въ творчествѣ поэта. И, конечно намъ это не удавалось.

А между тѣмъ самъ поэтъ, можетъ быть, нарочно, а можетъ быть, и нѣтъ, иногда давалъ намъ мотивы слегка пояснительнаго характера.

Напримѣръ „Воля“, въ которой поэтъ какъ бы вслухъ присматривается самъ къ себѣ, такъ и открывается четырьмя, глубоко характерными для этого „присматриванія къ себѣ“ стихами:

Неужели же я буду такъ зависѣть отъ людей,
Что не весь отдамся чуду мысли пламенной моей?

Неужели же я буду колебаться на пути,
Если сердце мнѣ велѣло въ неизвѣстное итти?

Вообще, приходится повторить: искренность была поражающей. И совершенно непростимо то, что мы не сумѣли ея во-время замѣтить.

Недовѣріемъ, придирками псевдо-психологическаго анализа, неумѣньемъ „разбивъ оковы мысли, быть скованными мечтой“—мы, не побѣдивъ ни своего недоумѣнья, ни своей любви къ поэту, несомнѣнно способствовали тому, что творчество его съ годами становилось менѣе интереснымъ, все эгоистичнѣе и эгоистичнѣе замыкалось въ себѣ, шло по пути мелкаго смятенья.

Кто знаетъ, можетъ быть, наше недоумѣніе, наше недовѣріе питались главнымъ образомъ тѣмъ, что поэтъ обыкновенно облекалъ слишкомъ волнующія насъ мысли, слишкомъ серьезныя для насъ темы въ слишкомъ красивыя одежды своихъ изумительныхъ созвучій, *о серьезномъ онъ говорилъ только какъ о прекрасномъ*, и что благодаря этому въ творчествѣ его форма какъ бы третировала содержаніе. И кто знаетъ, можетъ быть, только съ такимъ третированіемъ мы и не могли примириться...

А между тѣмъ, если поэтъ для толпы—не поэтъ, то и внѣ ея онъ является поэтомъ ограниченнымъ, и нѣтъ тогда для его творчества широкаго, безъ единаго запрета, простора, такъ какъ на ту часть пути, по которой слѣдуетъ она сама, толпа умѣетъ въ подобныхъ случаяхъ накладывать жестокое veto,—та самая

толпа, что мысля по особымъ, только ей присущимъ ассоціаціямъ, въ стихійномъ безуміи своемъ способна тупую посредственность возвести въ священный санъ генія, а послѣдняго кощунственно развѣнчать до степени первой. Но вѣдь толпа—это жизнь. А не жизнь ли—какъ съ ея улыбками, такъ равно и съ ея кошмарнымъ бредомъ,—единый и вѣчный путь поэта!?..

Но вернемся къ Бальмонту.

Сквозь хаотическую тьму настоящаго мы вспоминаемъ въ рѣдкихъ ея просвѣтахъ волны того перламутроваго тумана, который зажигалъ (а не гасилъ, какъ намъ казалось) лучшіе свѣтильники поэта тѣмъ невыразимо-загадочнымъ свѣтомъ, что заставлялъ насъ блаженно вздрагивать и недоумѣло раскрывать близорукія очи свои.

И мы начинаемъ тосковать безъ паровъ этого перламутроваго тумана, и намъ тяжко безъ него... И мы безмолвно молимъ поэта: верни намъ восторгъ прекраснаго тумана! И мы безмолвно клянемся въ нашей странной вѣрности поэту. А онъ слышитъ насъ, а можетъ быть, и нѣтъ—но съ грустью зажигаетъ онъ измѣнчивую душу свою, прежнимъ огнемъ загорается весь и отдаетъ намъ отсвѣтъ своего заревого пожара—зарево своихъ зорь!...

Нельзя было найти для этой книги наименованія болѣе удачнаго; именно „Зарево зорь“—отсвѣты тѣхъ перламутровыхъ утренниковъ, что озаряли красотой своей и раннее, и расцвѣтное творчество поэта.

Не являясь новымъ этапомъ, сборникъ этотъ все же оставляетъ впечатлѣніе несомнѣнной надежды на то, что загораясь прежнимъ огнемъ, хотя и болѣе покойнаго, но не менѣе цѣннаго горѣнія, поэтъ выходитъ изъ тяжелаго круга хаотическихъ исканій послѣднихъ лѣтъ и подходитъ, можетъ быть, къ окончательному завершенію своего поэтическаго синтеза.

Вся длина пути поэтомъ еще не пройдена. Будущее покажетъ намъ всѣ детали этого пути. Нельзя и предугадать, что возможно для Бальмонта въ грядущемъ, куда можетъ отклониться его творчество и какія увлеченія для него будутъ еще желанными. Можно сказать одно: такой огромный, такой всеобъемлющій, такой непокорный поэтъ, какъ онъ, никогда не можетъ быть внѣ сферы все новыхъ и новыхъ устремленій. И если и мыслимы слова о достиженіи, о завершеніи — то все это, конечно, относительно. Тягота творческаго пути Бальмонта велика. Путь этотъ—сплошное скитанье. И не изобразить боли и счастья вѣчнаго блужданія ярче и ближе, чѣмъ сумѣлъ сдѣлать это самъ поэтъ въ своихъ „Горныхъ вершинахъ“—въ очеркѣ „Кальдероновская драма личности“:

Тотъ, кто бросился въ скитанья,
Не уйдетъ тяготъ пути,
Отъ страданья на страданье
Будетъ вынужденъ итти.
Но зато онъ встрѣтитъ страны,
Гдѣ унѣется онъ мечтой,
Гдѣ измѣны и обманы
Поражаютъ красотой.
И затянутый въ измѣны,
Гдѣ обманчивы огни,
Онъ вскипитъ, какъ брызги пѣны,
И погаснетъ, какъ они.
И опять, опять застонетъ
Легкимъ ропотомъ челнокъ.
Рано ль, поздно ль онъ потонетъ.
Такъ плывемъ же. Путь далекъ,
Путь далекъ до Вѣчной Воли,
Но вернемся мы въ нее.
И хочу стремиться къ боли,
Въ этомъ счастіе мое.

Повѣримъ же поэту хоть разъ вполнѣ и до конца. Повѣримъ ему въ томъ, что боль и счастье его пути неисчерпаемы“.

Два писателя изъ народа—М. Тихоплесецъ и М. Сивачевъ.

(Психологическая параллель.)

Случилось такъ, что они—такіе несходные, хотя и выходцы изъ одной и той же среды, такіе далекіе другъ другу по своему душевному складу—очутились вдругъ на мигъ „рядомъ“, бокъ-о-бокъ. Одинъ умираетъ, умираетъ отъ чахотки, и изъ некролога о немъ А. Панкратова читатель крупной столичной газеты („Рус. Сл.“) едва ли не впервые узнаетъ о существованіи и дѣятельности этого представителя народной богемы; другой въ это же самое время (середина октября), и такъ же въ одной изъ большихъ московскихъ газетъ — въ „Рус. Вѣд.“ — съ любезнаго разрѣшенія редакціи самъ дѣлаетъ себя объектомъ читательскаго вниманія (уже не первый разъ), напоминаетъ о своихъ злоключеніяхъ, лишеніяхъ, обидахъ. Такъ случилось. Простое совпаденіе. Но точно съ расчетомъ какимъ, точно въ поученіе намъ, капризный случай сблизилъ на одинъ моментъ двѣ эти діаметрально противоположныя, и въ противоположности своей типичныя, писательскія фигуры...

М. Тихоплесецъ (Логиновъ).

Тихоплесецъ... Какъ нельзя лучше шелъ ему выбранный имъ псевдонимъ, и не только

потому, что родомъ онъ былъ съ береговъ Волги; есть такія свѣтлыя, широкія и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткія души, напоминающія собою тихіе плеса великой русской рѣки.

Вотъ какъ характеризуетъ эту душу А. Пайкратовъ:

Прошлой весной я встрѣтилъ его въ Москвѣ. Восковой цвѣтъ лица, удушливый кашель, грудь ходуномъ ходитъ. Голосъ—одинъ хрипъ.

Кашляетъ и прижимаетъ къ сердцу желтенькія брошюрки.

— Свѣженькія... Мое новое сочиненіе. „Звенья“ называется.

Какъ ребенка, ласкаетъ книжечки, бережно, съ любовью завертываетъ ихъ въ газетную бумагу.

Въ разсказахъ его, какъ въ зеркалѣ, отражалась юная душа автора, опечаленная непосильной тяжестью труда народнаго и той темнотой, въ которой проходитъ жизнь крестьянская.

Родился онъ въ 1871 году на Волгѣ и любилъ великую рѣку, какъ мать свою старенькую, плакалъ о ней, жалѣлъ и ласкалъ ее въ своихъ разсказахъ. Нѣтъ въ мірѣ края лучше Волги. Она—воплощеніе всего русскаго, источникъ русской поэзіи. Когда онъ плылъ по ней, то даже не пилъ водки.

— Это было бы кощунствомъ, — говорилъ онъ.

Еще зимой можно было удержать его на одномъ мѣстѣ. Но какъ только прилетали грачи, и солнце становилось мягче и теплѣе, Тихоплесецъ (и псевдонимъ волжскій!) говорилъ:

— Надо собираться на Волгу.

Начиналъ мечтать. Становился безпокойнѣе. Въ Москвѣ у него были пятеро ребятъ и жена. Семья ютилась гдѣ-то въ подвалѣ, полуголодная. Но все равно онъ долженъ ѣхать на Волгу.

Дѣлалъ онъ это просто. Въ молодости, когда судьба выкинула его изъ родной деревни, онъ босячилъ, мылъ посуду въ трактирѣ, работалъ въ аптекѣ и т. п. Въ то время онъ выдумалъ средство для склейки посуды и назвалъ его „фарфориномъ“. Какъ только начиналась навигація, и въ душу Тихоплесца залетали властные зовы, онъ занималъ гдѣ-нибудь пять рублей и покупалъ на нихъ фарфориновыя соединенія и билетъ до Рыбинска. Себѣ на житье оставлялъ гривенникъ.

Въ Рыбинскѣ, на берегу варилъ „фарфоринъ“ и несъ торговцамъ. Къ вечеру у него были деньги, онъ отсылалъ ихъ женѣ. Шелъ ночевать на пароходную конторку и тамъ, примостившись на краю стола, въ холодѣ и въ дыму махорки писалъ разсказъ. Волжскія газеты его всегда печатали, но платили копѣйку двѣ за строку. Тихоплесецъ никогда не протестовалъ. Давали,—бралъ, не давали,—даже не сердился.

Такъ онъ плылъ по Волгѣ: варилъ „фарфоринъ“ и писалъ разсказы. Пробовали хорошимъ литературнымъ заработкомъ оставлять его гдѣ-нибудь въ Казани или Самарѣ. Тихоплесецъ отказывался:

— Не могу. Мнѣ надо внизъ...

Зачѣмъ? Его тянуло впередъ и впередъ...

Одинъ разъ въ жизни онъ измѣнилъ Волгѣ. Отъ дяди ему достался по наслѣдству „мыловаренный заводъ“. У него купили его за 400 рублей. Тихоплесецъ оторопѣлъ, увидя въ своихъ рукахъ такую огромную сумму денегъ. Что съ ними дѣлать?

Тихоплесецъ уѣхалъ въ... Парижъ. Безъ языка, взявъ съ собой гармонику. Цѣль его была поступить тамъ въ дворники. Почему въ дворники, — онъ самъ не зналъ. Доѣхалъ и заскучалъ, а послѣ жаловался:

— Ни ласки, ни привѣта не встрѣтилъ...

Никуда изъ номера не выходилъ. Игралъ на гармоникѣ, сидя на окнѣ. Дошелъ до нищенства и былъ препровожденъ въ Россію консуломъ.

Видѣлъ я Тихоплесца въ роли редактора-издателя столичнаго органа „Народныя Думы“. Онъ всегда горѣлъ желаніемъ издавать газету. „Народныя Думы“ былъ хорошій органъ.— прямой, правдивый, угловатый и искренній, какъ его редакторъ.

Помню редакцію, гдѣ-то въ Большихъ рядахъ. Тихоплесецъ сидитъ на совершенно сломанномъ стулѣ и, балансируя на двухъ ножкахъ, читаетъ стихи.

— Можно помѣстить такіе? — спрашиваетъ онъ.

Въ каждой строфѣ „эшафотъ“, „палачъ“.

— Нельзя,—говорю.

— Ну-у? А я думалъ—можно... Что тутъ особеннаго?

— Штрафа не миновать.

— Намъ платить нечѣмъ...

— Значитъ, сядите?

— Да.

— Вы одинокій?

— Жена и пятеро дѣтей. Но я обезпеченъ: мнѣ платятъ жалованье.

— Сколько?

— Пять рублей за номеръ.

Журналъ былъ еженедѣльный. Редакторъ получалъ 20 рублей

„Народныя Думы“ остановились на девятомъ номерѣ, за отсутствіемъ средствъ. Собирали на изданіе по копѣйкамъ, но не могли собрать.

На другой день послѣ закрытія я увидалъ редактора-издателя. Онъ несъ по Никольской какіе-то ящички.

— Что это у васъ?

— Резиновые мячи.

— Зачѣмъ?

— Торгую. Надо свой полтинникъ заработать въ день... Скоро опять будемъ издавать газету!..

И засіялъ.

Однажды предлагали ему быть подставнымъ редакторомъ „для отсидки“. Жалованье 45 руб., а во время отсидки 60. Не согласился.

— Чтобы я, народный писатель, подписывалъ газету, въ которой можетъ пройти статья противъ народа?! Никогда!

А, между тѣмъ, сапоги его просили каши.

Что бы ни случилось съ нимъ, всегда онъ былъ жизнерадостенъ. Денегъ нѣтъ, не ѣлъ день, но надеждами полонъ, взглядъ ясный, рѣчь живая.

Онъ долго, года три, умиралъ. И, умирая, мечталъ:

— Весной на Волгу... Хорошо, любовно!.. Тамъ и поправлюсь...

М. Сивачевъ.

Многимъ еще памятны, должно быть, тяжелыя, суровыя, желчью пропитанныя „Записки литературнаго Макара“, съ которыми онъ,— бывшій рабочій, — выступилъ въ печати, „на судъ читателя“, два года назадъ. Авторъ этихъ записокъ какъ будто задыхался въ злобѣ, годами накапливавшейся злобѣ и горечи, за свои безконечныя мытарства, неудачи, разочарованія, страданія на поприщѣ писательства, и будто вотъ не терпѣлось ему обрушить эту лавину гнѣва и раздраженія на головы тѣхъ литературныхъ дѣятелей, кого онъ считалъ прямыми или косвенными виновниками своей писательской и житейской трагедіи.

Послѣ того счастье, какъ можно было бы думать, улыбнулось горемыкѣ: одна изъ солидныхъ издательскихъ фирмъ стала выпускать ни болѣе не менѣе, какъ собраніе его сочиненій. Имя его мелькало иногда и въ періодической печати. Но душа М. Сивачева не смягчилась и авторское его „я“, какъ оказывается, не удовлетворено и сейчасъ. Очеркъ его, напечатанный въ „Рус. Вѣд.“, носитъ прежнее, знакомое уже, бичующее заглавіе: „Прокрустово ложе“; мысли остались тѣ же; даже слова дышатъ все той же непримиримостью.

„Вотъ я, человѣкъ, открываю новыя страницы изъ книги своей жизни и читаю то, что пишетъ намъ жизнь; читаю, и хочу переводить прочитанное на языкъ словъ затѣмъ, чтобы... капля долбила камень!..

...Сегодня жизнь подошла ко мнѣ поближе, и сознаніе, что эта жизнь,—жизнь съ такимъ уродливымъ и жестокимъ лицомъ,—довела меня до того, что я уже покорно, безъ протеста готовлюсь къ гибели, было для меня ударомъ хлыста. Съ бѣшенствомъ я сжалъ зубы и присѣлъ къ столу.

Бываютъ дни, когда мучительно трудно разворачивать свою душу. Невыносимо больно при сознаніи, что когда-нибудь чьи-то равнодушныя, а можетъ-быть, и враждебныя руки будутъ перелистывать страницы, куда ты самъ занесъ свое „святая-сятыхъ“.

И хочется тогда взять груду своихъ записокъ и сжечь. Но сдерживаешься. Какъ ни больно выставлять собственноручно свидѣтеля всѣхъ своихъ униженій и мытарствъ, стойкости своей вѣры и крушеній ея, а выставляешь.

Подумаешь, и всегда придешь къ заключенію, что не вправѣ уничтожить ради только личнаго эгоизма документъ, который, можетъ-быть, прольетъ свѣтъ на другихъ. И тогда скажешь себѣ:

— Какъ ни тяжело это для тебя, но ты вѣдь это выстрадалъ не въ лѣсу со звѣрями, а въ городѣ, гдѣ, говорятъ, есть культура и общественность, и не должно ли это быть общественнымъ достояніемъ? Да, должно! Живите то, что сѣете. Если губку напитаете ядомъ, то какъ можете желать, чтобы она источала медъ?

Пусть всѣ насынки жизни кричатъ... Пусть своимъ крикомъ каждый насынокъ жизни будетъ вливать свою каплю дегтя въ бочку меда незаслуженно счастливыхъ и этимъ неустанно напоминать, что на землѣ есть для всѣхъ одна только привилегія: только достойный достоинъ лучшаго существованія!

Сегодня... Что такое сегодня? Какой день, которое число? Не знаю. Не понимаю. Знаю только, что есть непосильная цѣпь изъ „вчера“, „сегодня“ и „завтра“, есть стремительное паденіе въ полосу упадка, безсилія, и есть вершины одиночества, — иного ничего не помню. Прошло нѣсколько дней безропотнаго, покорнаго, медленнаго умиранія; но сегодня — вспышка жизни.

Сегодня въ окно моей комнаты весело заглянуло утреннее зимнее солнце и заставило меня присѣсть къ столу, за который я присаживался нѣсколько дней подъ рядъ, но листъ чистой бумаги такъ и остался нетронутымъ. Вихрь мыслей, образовъ,—и ни одной строки!

Сидишь и смотришь тоскливымъ взглядомъ въ окно, видишь необъятныя дали неба, а въ груди — чувство; весь міръ до того кажется узокъ, что въ немъ задыхаешься.

Никогда еще силы не падали такъ отъ голодовокъ, какъ теперь. Съ каждымъ днемъ все тише и тише бьется сердце и все безпомощнѣе и безнадежнѣе мысль. Мысль,—моя несчастная мысль, всегда хватавшаяся за идеалы человѣка, какъ за якорь спасенія, какъ ты обманута! Не дали тебѣ хлѣба духовнаго, и ни у кого ты не нашла того, къ чему ощупью, пока еще въ потемкахъ, стремилась; нѣтъ для тебя и просто хлѣба и настолько, чтобы ты не могла зачахнуть. Сколько разъ меня голодовки и страхъ, что не нынче, такъ завтра я могу быть выгнаннымъ изъ какого-нибудь грязнаго, жалкаго угла на улицу, забивали до того, что мнѣ казалось, что я—ничтожество, а какой-нибудь литературный скоморохъ — величина! Сколько разъ я хотѣлъ отступиться отъ своего своего бога,—правды,—и писать о томъ, что въ ходу! Этому счетъ потерянъ. Въ изломахъ, въ недомыслін, въ убожествѣ духа нашего литературнаго модерна я жадно искалъ новыхъ откровеній и, не находя, давалъ себѣ обѣщаніе къ нему приспособиться: штука не мудрая, а подкармливать будетъ.

Но когда наступалъ моментъ переходить отъ обѣщаній къ дѣлу, — я дальше обѣщаній не шелъ. Становилось очевиднымъ, до какой степени стыдно и преступно служить не дѣлу жизни, не мятущемуся въ ней человѣку, не тому, что близитъ и родитъ человѣка съ человѣкомъ, а тому, что пріятно щекочетъ воображеніе человѣка, отупѣвшаго отъ извращеній.

Кто-то въ русской литературѣ сказалъ: „Проклятъ будетъ художникъ, который въ самодовольномъ мастерствѣ своемъ забудетъ, что вокругъ него страдаютъ и ждутъ его помощи люди“.

На сколькихъ художникахъ нашего времени лежитъ печать подобнаго проклятія? И вотъ это проклятіе будитъ во мнѣ жажду жить. Жить? Иногда мнѣ отъ этого слова горько, иногда ядовитая усмѣшка надъ самимъ собой: вѣдь раздавленъ уже безнадежно, а все топорщишься! Тяжелы мои дни, но еще тяжелѣе ночи. Когда я по ночамъ лежу въ постели, тогда мои издерганные нервы чувствуютъ колебанія почвы подъ городомъ слишкомъ остро: мнѣ кажется, что я качаюсь, какъ въ качкѣ. И есть у меня въ это время къ людямъ только два чувства: печаль и скорбь. Съ этими чувствами и засыпаешь. Но развѣ сонъ голодающаго человѣка — сонъ? О, это — медленное, мучительное забытье, когда ночь тянется безъ конца, когда ни на одинъ моментъ нѣтъ отдыха, когда голодный мозгъ грезитъ только о хлѣбѣ, а мысль упирается въ одинъ тупикъ: у всѣхъ безправныхъ и забытыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ есть одно только невозбранное право: это—занять три аршина земли!

Страшное состояніе, когда всѣ чувства по отношенію къ людямъ замираютъ, когда между тобой и цѣлымъ міромъ вдругъ рушится связь, образуя пустоту и когда даже самая память о людяхъ кажется страннымъ, необъяснимымъ недоразумѣніемъ. Сидишь въ темнотѣ или лежишь и мучаешься: почему помнишь то или другое лицо? И не можешь вспомнить, что тебя связывало съ этимъ лицомъ, чѣмъ оно было для тебя мило, дорого или противно.

Это — какая-то послѣдняя степень раздумья безъ думъ, воспоминаній безъ памяти, послѣдняя степень полнаго безсилія и полнаго одиночества, гдѣ даже не приходитъ мысль подумать о своемъ спасеніи, ибо въ это время не вѣдаешь даже, что такое за сила—инстинктъ самосохраненія. Ты въ это время — ничто, какъ и весь міръ для тебя — ничто! Но придетъ утро,—придетъ и заставитъ мыслить, чувствовать. Первый свѣтъ его меня подведетъ къ окну, и долго я буду стоять, вглядываясь въ еще неясные контуры города, и съ облегченіемъ думать, что ночь прошла, что наступитъ день, что въ этомъ огромномъ городѣ въ такомъ положеніи я не одинъ. Нѣтъ у меня внѣшнихъ слезъ, но внутри онѣ клокочутъ, и къ небу несется моя молитва, сложившаяся у меня во время такихъ стоянокъ у окна:

„Благодарю Тебя, Творецъ, за каждый день прожитый,
Хотя бы этотъ день и былъ тяжелымъ днемъ:
О, знаю я, что какъ бы ни былъ ты забытый,
Но міръ великъ и есть забытыхъ *больше* въ немъ!..“

Что я падаю отъ голодовокъ, что я забытъ, загнанъ,—все это отъ меня въ эти минуты далеко.

Я сытъ и силенъ одной силой, — бороться до послѣдняго вздоха за свое право на жизнь.

Мопассанъ при свѣтѣ нашей современности.

Мы имѣемъ, наконецъ, въ переводѣ полное собраніе сочиненій Гюи де-Мопассана. Издательство „Шиповникъ“ закончило недавно это тридцатитомное изданіе, что послужило пово-

домъ для нашей критики снова заговорить о покойномъ французскомъ романистѣ-новеллистѣ, его жизни и творчествѣ.

Петербургскія газеты-близнецы „Рѣчь“ и „Совр. Сл.“ дали сразу по статьѣ: первая—фельетонъ Ю. Айхенвальда, вторая — очеркъ Е. Колтоновской. Большій интересъ представляетъ статья г-жи Колтоновской—„Мопассанъ и современность“. Здѣсь преимущественное вниманіе, какъ видно уже изъ заглавія, удѣлено тѣмъ сторонамъ творчества и личности Мопассана, которыя связываютъ этого писателя XIX в. съ самыми типичными настроеніями, самыми острыми переживаніями нашей болѣзненной эпохи и, такимъ образомъ, дѣлаютъ душу его намъ особенно близкой, понятной.

Болѣзнь Мопассана, приведшая его къ катастрофѣ, принято теперь объяснять больше, такъ сказать, физіологически, чѣмъ психологически. Главную причину усматриваютъ въ истощеніи организма: Мопассанъ не зналъ мѣры ни въ развлеченіяхъ, ни въ трудѣ. Г-жа Колтоновская примыкаетъ къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые источникъ болѣзни безвременно угасшаго романиста видятъ глубже.

Эта болѣзнь,—полагаетъ наша писательница, на основаніи анализа его произведеній и переписки,—была ему присуща съ самаго начала сознательной жизни; рѣчь можетъ итти только о степени этой болѣзни. Еще юношей, въ 1873 г., задолго до выступленія въ печати, Мопассанъ жалуется въ письмѣ къ матери на свое „одиночество“, на „затерянность“ и „унынiе“. „Я боюсь приближающейся зимы, чувствую себя одинокимъ, и мои долгіе, одинокіе вечера ужасны. Иногда, сидя одинъ за столомъ, съ горящею передо мной печальною лампой, я переживаю минуты тоски и отчаянія и не знаю, къ кому броситься“...

Въ одной изъ первыхъ печатныхъ работъ—въ статьѣ о Флоберѣ—онъ говоритъ о писателяхъ: „Подготовлены ли вполнѣ здоровые, крѣпкіе, счастливые люди къ тому, чтобы понимать, проникать и изображать жизнь, нашу жизнь, столь мучительную и столь краткую? Созданы ли эти пышущіе здоровьемъ люди, чтобы раскрывать окружающія насъ страданія; видѣть, какъ смерть разитъ безпрестанно, ежедневно, повсюду, дикая, слѣпая, роковая?“

По почину друзей Мопассана, принято проводить рѣзкую границу между его произведеніями и личными настроеніями. „Тѣ, кто узнаютъ его *только* по его произведеніямъ, полюбятъ его за вѣчную пѣснь любви, которую онъ пѣлъ жизни“... — говорилъ Золя въ своей надгробной рѣчи. Произведенія Мопассана признавались здоровыми, жизнерадостными, блещущими безпечнымъ весельемъ, а самъ онъ—недужнымъ неврастеникомъ. Съ этой именно точки зрѣнія и казалось умѣстнымъ скрывать его недугъ.

Но если мы обратимся къ произведеніямъ Мопассана, мы найдемъ въ нихъ зачатки душевнаго разстройства, тѣ настроенія, которыя неизбѣжно должны были привести его къ катастрофѣ.

Въ запискахъ „Подъ южнымъ солнцемъ“, одномъ изъ самыхъ раннихъ произведеній Мопассана, появившемся три года спустя послѣ дебюта (1883 г.), мы находимъ слѣдующее краснорѣчивое вступленіе.

„Жизнь—такая короткая и въ то же время такая долгая—иногда становится невыносимой. Съ неизмѣннымъ однообразіемъ развертывается она, ведя къ неизбѣжному концу—смерти. Ее нельзя ни пріостановить, ни измѣнить, ни понять. И часто порывъ негодующаго возмущенія охватываетъ насъ при видѣ безплодности нашихъ усилій. Что бы мы ни дѣлали, мы умремъ! Во что бы мы ни вѣрили, что бы ни думали, что бы ни предпринимали,—мы все-таки умремъ“... Съ этихъ поръ кошмарная мысль о смерти не покидаетъ его.

Отличительная черта и „здоровой“ и больной психологіи Мопассана, это —глубокая неврастеническая раздвоенность, столь хорошо знакомая всей нашей современности.

„Все *хочу*“, а *могу*—очень мало и очень недолго. Чего-то, въ самой природѣ, поколѣнію „новыхъ“ людей не хватаетъ, чтобы осуществлять эти жадныя, безмѣрныя желанія, чтобы пить одновременно изъ множества кубковъ, отдаваться разнообразнымъ потребностямъ и страстямъ, осуществлять всякія возможности. Желанія тѣснятся и кипятъ въ сердцѣ, смѣняясь одно другимъ... А силъ для нихъ осуществленія мало, душевной устойчивости никакой.

Спокойный и требовательный художникъ Флоберъ, всецѣло преданный искусству, завѣщалъ такую же преданность, почти подвижничество, и своему ученику Мопассану. „Приглашаю васъ вести умѣренный образъ жизни въ интересахъ литературы... Берегитесь... Человѣкъ, посвятившій себя искусству, не имѣетъ уже права жить, какъ другіе люди“...

Мопассанъ раздѣлялъ беззавѣтную преданность Флобера литературѣ. Она была самой прочной его привязанностью, его страстью. Но слѣдовать совѣту учителя, ради нея „беречься“, онъ все-таки не могъ. Жить для него значило именно отдаваться „крайностямъ“; и всякая умѣренность была чужда его натурѣ.

„Я жаждалъ всего и ничѣмъ не насладился!—жалуется онъ въ интимнѣйшемъ изъ произведеній: „На водѣ“.—Мнѣ не хватило бы жизни цѣлой расы. Мнѣ нужны бы были вся разнообразная мудрость, раздѣленная между всѣми существами, всѣ способности, всѣ силы и тысяча запасныхъ жизней, потому что я ношу въ себѣ всевозможные аппетиты, всевозможное любопытство, и я обреченъ на все смотрѣть, ничего не схватывая“...

... „Я чувствую въ себѣ трепетъ всѣхъ звѣрей, всѣхъ инстинктовъ, всѣхъ неясныхъ желаній существъ низшей породы“...

Этотъ приливъ жизнерадостности и жадность къ жизни постоянно смѣнялся въ Мопассанѣ упадкомъ духа, чисто человѣческимъ скептицизмомъ и недовольствомъ. Міръ кажется ему ограниченнымъ и ничтожнымъ, плохо устроеннымъ, терзаетъ его своимъ однообразіемъ. Онъ чувствуетъ по временамъ „такое отвращеніе ко всему существующему“, что начинаетъ „желать смерти“...

„Какой намъ нужно имѣть ограниченный, малоподвижный и нетребовательный умъ, чтобы довольствоваться тѣмъ, что есть!—восклицаетъ онъ.—Какъ это случилось, что публика всего свѣта до сихъ поръ не крикнула: „Занавѣсъ!“...

И влюбленность въ жизнь, и рѣзкая критика ея приводятъ Мопассана къ одному и тому же все проникающему чувству, къ его основной мысли, внушающей ему ужасъ: о неизбѣжности смерти, личнаго уничтоженія.

„Что бы мы ни дѣлали, все равно, умремъ“... Эта мысль непереносима для сознанія Мопассана, дѣлаетъ его хронически больнымъ, сумасшедшимъ.

Она занимаетъ центральное мѣсто въ психологіи не одного Мопассана, а и другихъ новѣйшихъ европейскихъ писателей, идущихъ за нимъ; между прочимъ, и у нашихъ „модернистовъ“. Недавно мы пережили цѣлую полосу, когда кошмарный страхъ смерти, а иногда и апоѳеозъ ея заполнялъ литературу. Мопассанъ съ своей „болѣзнью“ является предвѣстникомъ этихъ настроеній.

Этотъ кошмаръ—болѣзненный страхъ смерти—порожденіе чрезмѣрно развившагося европейскаго индивидуализма, который самъ себя переросъ и съѣлъ.

Подобно большинству людей переходнаго времени, надъ которыми тяготѣетъ старое наслѣдство, Мопассанъ—крайній индивидуалистъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жертва этого чрезмѣрнаго индивидуализма. Онъ поглощенъ своимъ „я“. У него манія свободолюбія. Онъ бѣжитъ отъ людей и ревниво оберегаетъ свое право на одиночество, избѣгая какихъ бы то ни было цѣпей. Даже письма пріятелей кажутся ему покушеніемъ на его свободу... А между тѣмъ, онъ совершенно не можетъ жить одинъ. Анализу одиночества посвящены лучшіе изъ его разсказовъ. Жалоба на одиночество, какъ неизбѣжный припѣвъ, сопровождаетъ всѣ исповѣди его героевъ.

Сказывается въ Мопассанѣ и другое наслѣдіе, полученное имъ отъ стараго европейскаго общества. Онъ воспитанъ въ духѣ позитивизма—трезвой разсудочности и довѣрія къ человѣческому разуму. Онъ привыкъ презирать всякую мистику, относиться къ ней свысока. А между тѣмъ, внутреннимъ инстинктомъ, всей своей тонкой, многогранной природой онъ жадно стремится къ мистическому познанію міра, къ воспріятію его тайнъ иными путями, чѣмъ тѣ, которыми располагаетъ разумъ.

„Тайна міра“, той, всюду разлитой, избыточной и мудрой, порой восхищающей его жизни,—для него „величайшее страданіе“. У него нѣтъ ключа для его разгадки.

„Мы ничего не знаемъ, не видимъ... Мы заключены въ самихъ себя!“—восклицаетъ онъ („На водѣ“). „Мы всегда заключены, какъ въ тюрьму, въ самихъ себя... Мы не можемъ выйти за предѣлы себя и осуждены влачить по землѣ наши безкрылыя мечты“...

„Безкрылость“ самого Мопассана — слѣдствіе того крайняго матеріалистическаго представленіе о мірѣ, которое внушила ему среда и литературное воспитаніе. Ему было въ нихъ тѣсно. Мечты его, какъ магнитъ, притягивало „Невидимое“, „Непостижимое“. Это подтверждается цѣлымъ рядомъ разсказовъ: „Хорля“, „Онъ“, „Какъ знать?“, „Гостиница“, „Рука“, „Ночь“ и др.

Роковая „безкрылость“ отразилась у Мопассана въ той области, которая была для него особенно важна—въ любви.

Мопассана считаютъ знатокомъ любви. Онъ воспѣвалъ ее во всѣхъ видахъ, отъ простого адюльтера до любви самоотверженной, подвижнической, безнадежныя мечты любви и самогипнозъ любви. Его вниманіе привлекала и едва расцвѣтающая, юная любовь, и запоздалая страсть людей старѣющихъ, знающихъ цѣну жизненнымъ радостямъ. Даже любовь „старыхъ дѣвъ“ вызвала въ его романтической душѣ нѣжный откликъ („Миссъ Гарріэтъ“). Граціозные женскіе образы, взятые изъ самыхъ разнообразныхъ классовъ и слоевъ общества, наполняютъ произведенія Мопассана. Онъ обрисовалъ ихъ съ сочувствіемъ и теплотой, какъ бы вложилъ часть себя въ своихъ

женщинъ; и, когда думаешь о немъ, вспоминаются невольно и эти милыя объятельныя героини: мечтательная Жанна, цѣломудренная среди окружающаго ее омута Иветта, цѣльная, мужественная Кристіана, пламенная Аллума, крошка Шали... Но самой стихіи любви у него чего-то недостаетъ. Изображаемая имъ любовь лишена крыльевъ. Это односторонняя шопенгауэровская „любовь рода“, коварная любовь, преслѣдующая свои темныя цѣли, единственную цѣль: созданіе новаго человѣческаго существа. „Индивидуалистическая“ творческая любовь, единственно нужная для человѣческой личности и единственно способная вывести ее изъ роковой замкнутости, мистическая любовь двухъ затерянныхъ въ мірѣ „половинъ“ Платона—была, увы, Мопассану незнакома. Она чужда его представленіямъ.

Здѣсь корень его трагическаго одиночества, на который онъ жалуется.

„Никто никого не понимаетъ!“ Люди такъ же отдалены другъ отъ друга, какъ міровыя свѣтила...

„Съ тѣхъ поръ, какъ я почувствовалъ свое одиночество, мнѣ кажется, что я погружаюсь съ каждымъ днемъ глубже въ мрачное подземелье, краевъ котораго я не нахожу, конца не знаю, и у котораго предѣла нѣтъ, быть не можетъ! Я иду тамъ совсѣмъ одинъ, никого нѣтъ вокругъ, никто изъ живыхъ не совершаетъ этого пути. Это подземелье есть жизнь“... („Одиночество“.)

И ни въ чемъ мопассановскій герой такъ не чувствуетъ своего одиночества, какъ въ любви. „Послѣ каждаго поцѣлуя, послѣ каждаго объятія одиночество возрастаетъ“...

„Развѣ женщина когда-нибудь принадлежитъ намъ?—спрашиваетъ Мопассанъ („На водѣ“). Развѣ мы знаемъ, что она думаетъ, даже когда она обожаетъ насъ? Цѣлуйте ее, замирайте въ ея страстныхъ объятіяхъ. И все же, одного слова, слетѣвшаго съ ея устъ, или съ вашихъ, будетъ достаточно, чтобы посѣять между вами непримиримую ненависть!“...

Характерны аналогичныя скептическія раздумья мопассановской героини Кристіаны („Монтъ-Оріоль“), послѣ того какъ она разочаровалась въ любимомъ человѣкѣ: „Она поняла, что даже въ объятіяхъ этого человѣка, когда она чувствовала себя словно слитой съ нимъ и думала, что души ихъ и тѣла составляютъ одно тѣло, одну душу, оба они только немного приблизились другъ къ другу, только слегка коснулись непроницаемой оболочки, въ которую таинственная природа заключила и уединила людей. Она увидѣла, что никто никогда не сможетъ разбить эту невидимую преграду, раздѣляющую въ жизни людей, какъ разсыпанныя по небу звѣзды“...

„Она угадывала тщетныя и непрестанныя усилія, съ самаго сотворенія міра, неустанныя стремленія людей разорвать оболочку, въ которой бьется ихъ душа, навѣкъ замкнутая, одинокая—стремленія рукъ, губъ, глазъ, обнаженнаго трепещущаго тѣла, стремленія любви, исходящей поцѣлуями и въ концѣ-концовъ только дающей жизнь еще одному покинутому, одинокому существу“.

Ничего, кромѣ взаимнаго разочарованія, герои Мопассана изъ сближенія не выносятъ. Имъ суждено, стремясь другъ къ другу, только „сталкиваться“, а не сливаться. Любовь, которую они жадно пьютъ изъ множества кубковъ, всегда оказывается отравленнымъ напиткомъ... И всѣ они обречены на замкнутость, и заключены въ самихъ себя, какъ въ тюрьму“.

Индивидуализмъ Мопассана, конечно, органическаго происхожденія, лежитъ въ основѣ его природы. Но чрезмѣрность его и роковой болѣзненный характеръ, несомнѣнно, обусловлены тѣмъ переходнымъ временемъ, когда ему пришлось жить.

Впечатлительный французскій художникъ съ особенной остротой и глубоко впиталъ въ себя окружающія вліянія. Онъ справедливо долженъ быть названъ предтечей той больной полосы, которая утвердилась въ литературѣ XX вѣка.

Влюбленные враги — анархистка и жандармскій полковникъ.

(Разсказъ О. Руновой „Борьба“.)

Любопытный по замыслу, оригинальный по ситуаціи, по психологическимъ взаимоотношеніямъ героевъ, разсказъ О. Руновой появился въ „Новой Жизни“ (сентябрь) подъ заглавіемъ „Борьба“.

Выводится анархистка и жандармскій полковникъ, начальникъ жандармскаго правленія.

Въ борьбѣ между этими непримиримыми врагами авторъ вводитъ элементъ столь необычайный для такой борьбы, что разсказъ, каково бы ни было его исполненіе, привлекаетъ вниманіе къ себѣ, возбуждаетъ волнующій интересъ.

„Мѣщанская дѣвица Анна Семеновна Маштакова“, какъ гласитъ фальшивый паспортъ, заброшена въ провинціальный городокъ, гдѣ она скрывается подъ видомъ „массажистки“, такъ же

какъ и паспортъ, имѣя и дипломъ массажистки фальшивый.

Ловкая, сильная, смѣлая, сообразительная, вся переполненная жаждою борьбы и дѣятельности, жадная до всѣхъ впечатлѣній бытія,— дѣвица эта реагируетъ на жизнь полнозвучнымъ и мощнымъ аккордомъ существованія во всѣхъ смыслахъ здороваго и жизнерадостнаго, счастливаго и яркособлазнительнаго.

Красивая собою, живая, темпераментная, она влюбляетъ въ себя мужчинъ и снискиваетъ уваженіе у своихъ „паціентокъ“.

Такой же красивый, темпераментный, жадный до жизни и ея побѣдъ и полковникъ.

И борясь другъ съ другомъ, выслѣживая одинъ другого, полковникъ,—хищно подкарауливая анархистку, а анархистка—дерзко „играя съ огнемъ“, обдѣлывая черезъ полковника свои дѣла, вымогая у него свиданіе съ своимъ единомышленникомъ и на глазахъ у него условленнымъ, заговорщицкимъ языкомъ объясняясь съ заключеннымъ,—въ то же самое время ведутъ борьбу между собою, какъ мужчина и женщина. Незамѣтно борьба эта принимаетъ характеръ и силу настоящаго пожара страсти, стихіи влюбленности и любви, странной, положимъ, любви, полной злой ненависти и отвращенія. И герои соединяются, забывъ все на свѣтѣ, кромѣ того только, что они желанны другъ другу, страстно въ данный моментъ нужны одинъ другому, и что это хорошо, затягивающе сладко, какъ безуміе.

Тема разсказа, повторяемъ, до того необычна, что уже само возникновеніе ея предполагаетъ въ авторѣ недюжинный психологическій талантъ, о чемъ, впрочемъ, предоставляемъ судить критикамъ. Мы же передадимъ только краткіе изъ разсказа выдержки, чтобы познакомить читателя съ выполненіемъ авторомъ столь богатой, по плечу лишь Достоевскому, темы.

Послѣ свиданія въ тюрьмѣ съ заключеннымъ, Анна Семеновна вышла на улицу съ полковникомъ. И на правахъ знакомой принимаетъ предложеніе полковника съ нею „прокатиться“.

„Ночь наливалась тѣмъ холодкомъ. Заходящій мѣсяцъ низко и воздушно висѣлъ среди переплетающихся голыхъ, черныхъ вѣтвей. И зеленоватая, большая звѣзда надъ нимъ свѣтила нестерпимо ярко ледяными, брилліантовыми лучами. Нѣкоторое время ѣхали молча. Рука Береиса ослабѣла, потеряла свою упругость и живую теплоту. И вдругъ онъ сказалъ вкрадчиво и осторожно:

— А вы, какъ видно, изучали современныя движенія? Помните нашъ недавній разговоръ о насиліи?

Анна Семеновна не удивилась и отвѣтила яснымъ, задумчивымъ голосомъ, такъ сильно идущимъ къ тишинѣ и холодку ночи и къ брилліантовому сверканію звѣздъ:

— Да! Я много читала. Много думала.

— И многихъ встрѣчали, быть можетъ, на своемъ пути?

— Да. У меня была подруга. Ее называли анархисткой, хотя она смѣялась много разъ надъ этимъ. Говорила, что дѣло не въ названіяхъ, что еще съ ранняго дѣтства ломала руки отъ ужаса и отчаянія и выла, какъ звѣренокъ, когда видѣла какое-нибудь насиліе или читала о немъ, что понимаетъ борьбу, но только чистую, лицомъ къ лицу...

— Я понимаю борьбу, когда есть надежда на побѣду... но такъ, гмм... не знаю...— сказалъ Беренсъ, и въ его словахъ была какая-то особая мягкость...

Анна Семеновна, улыбаясь, взглянула въ лицо Беренса. Какъ азартному игроку, ей хотѣлось выбросить большую и рискованную карту. Онъ спрашиваетъ о принципіальныхъ вопросахъ,—ее, недавно кончившую гимназисточку, массажистку, хочетъ поймать на необыкновенномъ для заурядной дѣвицы тонѣ и мысляхъ. Пусть. Она будетъ сама собой, покажетъ ему, что онъ съ его подходами ничуть ей не страшенъ. Все-таки она слегка сдержалась и тихо возразила:

— Всегда есть надежда на побѣду тамъ, гдѣ есть вѣра... И развѣ не можетъ человѣкъ чувствовать такъ: хочу погибнуть за будущее, хочу отдать свою жизнь...

— А изъ какой она была семьи?

— Изъ дворянской, помѣщичьей, дочь крупнаго чиновника. Говорила, что ложь, которой насквозь пропитана была ея семья, жестокость ея и безсердечіе подъ лоскомъ безукоризненной вѣжливости, и дали первый толчокъ ея взглядамъ.

— Конечно, и относительно любви она проповѣдывала полную свободу?

— Какое же можетъ быть въ этомъ сомнѣніе? Она говорила—и правду говорила,— что при свободной любви исчезло бы такое количество лжи, притворства, принужденія, задушенныхъ желаній, подлыхъ заѣданій жизни и подлыхъ убійствъ, что жизнь сразу сдѣлалась бы во сто кратъ красивѣй, чище, святѣй...

— Гмм... Даже святѣй? А что, вообще, свято?

— Человѣкъ и его желанія и красота...

— Мнѣ очень интересно узнать, какъ относилась ваша подруга къ вопросу о дѣтяхъ. Или объ этомъ не было разговора? Знаете,

иногда поступки людей далеко опережаютъ тотъ строй, въ которомъ они живутъ, выражаясь модно. И тогда получаются вещи—(хочу выразиться вашимъ терминомъ)—некрасивыя...

— Она говорила и объ этомъ. Говорила, что никогда не исчезнетъ у женщинъ страстное стремленіе имѣть дѣтей отъ любимаго человѣка, у человѣчества—стремленіе жить въ своихъ отпрыскахъ. Теперь, впрочемъ,—говорила она,—не такое время, чтобы имѣть дѣтей. И если бы я не была такая счастливая, что у меня нѣтъ дѣтей, я бы принимала всѣ мѣры, чтобы ихъ не было.

— Значитъ, она имѣла случай убѣдиться въ томъ, что у нея не можетъ быть дѣтей?

— Навѣрное...

— А гдѣ же теперь эта подруга?

Въ голосѣ Беренса звучало равнодушіе, но для настороженнаго уха въ немъ сверкнуло острое и длинное лезвіе ножа, вскрывающее мозгъ, проникающее въ глубину сердца.

— О, ея уже нѣтъ въ живыхъ! Она и не хотѣла долго жить. Смерть... Но, вѣдь, она прекрасна! Неужели вы не знаете, что только стертью освѣщается вся жизнь человѣка, что она—единственное оправданіе, единственное примиреніе! Не будь смерти, въ человѣческой жизни не было бы ничего истинно-прекраснаго. Подумайте, что если бы Ромео и Джульетта дожили до глубокой старости? Она всегда говорила: можно жить только молодымъ и красивымъ. И сильнымъ, потому что сила—красота. Ужасно дожить до старости, до немощей, до того, чтобы жизнь, какъ скользкій камень, вырвалась бы изъ-подъ ногъ и ушла бы къ другимъ, дожить до униженія самообмана. И я, я съ ней согласна. Ахъ, какой она была свободный, счастливый человѣкъ. Иногда весной—мы жили какъ-то на дачѣ вмѣстѣ—она вскакивала утромъ съ постели, вся свѣтлая, вся розовая, смѣялась, плескалась въ водѣ, кричала: „Какіе люди глупые, жадные, несчастные! Почему они не бросаютъ своей постылой работы? Вѣчнаго произведенія вещей, безъ которыхъ вполнѣ можно обойтись? Почему они не сплетаются въ хороводы около озеръ и водъ, не славятъ весну, молодость и красоту? Вѣдь человѣчество рождено для счастья среди цвѣтущихъ, благоухающихъ садовъ“.

— А отчего она умерла?

— Ее повѣсили...

Беренсъ быстро обернулся и взглянулъ въ лицо дѣвушки. Сквозь сумракъ, неясно обрисовываясь новымъ, страннымъ выраженіемъ, глянули на него темные глаза. Свѣтлѣлъ овалъ лица и ярко отдѣлялась влажная полоска зубовъ. Губы усмѣхались властнымъ, гордымъ призывомъ. Туманное облако, въ которомъ словно всплывало и приближалось лицо Анны Семеновны, пронеслось передъ глазами Беренса. Онъ рѣзко повернулся въ саняхъ, сжалъ дѣвушку дрожащими, сильными руками и жадно, тяжело дыша, началъ цѣловать ее безконечными, мучительными поцѣлуями. Онъ словно отдавалъ ей себя и взамѣнъ хотѣлъ вобрать въ себя, растворить, поработить ея существо въ пьющихъ, похожихъ на пытку поцѣлуяхъ. Глаза ихъ погружались другъ въ друга острымъ опьяняющимъ прикосновеніемъ. И когда Беренсъ ослабѣвалъ, гордыя, упругія губы прикасались къ его виску обжигающимъ, острымъ, какъ уколъ, прикосновеніемъ. Дрожалъ пронзительный, брилліантовый блескъ звѣздъ, скрипѣлъ снѣгъ, сквозь просвѣты неожиданно и ослѣпительно вспыхивали высокіе, голубые огни. Въ лѣсной чащѣ изрѣдка съ легкимъ хрустомъ обламывались и падали вѣтки... Потерялось сознаніе мѣста, времени.

— Назадъ прикажете?—спросилъ кучеръ, и, не сразу понимая, что онъ говоритъ, Беренсъ отвѣтилъ хриплымъ, переѣкающимся голосомъ:

— Назадъ!

Опять сверканіе звѣздъ, пустынность и вѣтерокъ на рѣкѣ, тусклое зарево дымнаго города, сотни живыхъ, желтоватыхъ огней, сплетавшихся въ ожерелья и гирлянды.

— Отпусти лошадь. Пойдемъ пѣшкомъ,—шепнула Анна Семеновна.

Беренсъ на секунду очнулся, затаенная опасность, блескъ гдѣ-то спрятаннаго жала почудился ему въ этой фразѣ, но воля его ослабѣла. Шумныя волны перекатывались по его тѣлу, перехлестывали черезъ голову. Страшно и мучительно сладко было отдаваться имъ. И порабощенный мозгъ услужливо и быстро подсказалъ: „въ рѣшительную минуту ты всегда овладѣешь собой“.

На прогулкѣ, въ городскомъ саду, рѣдко посѣщаемомъ въ зимнее время, они, гуляя и разговаривая другъ съ другомъ только какъ влюбленные, забывъ на время обо всякой борьбѣ, цѣлуя другъ друга жадными, втягивающими, мучительными поцѣлуями, сблизились до того, что уже не въ моготу стало обоимъ выносить жгучіе порывы тѣла, плоти и крови. И по предложенію Анны Семеновны, оба двинулись къ ней на квартиру. И здѣсь борьба, полная сложнѣйшихъ противорѣчій, насыщенная высочайшими предѣлами наслажденія ужаса, восторга и опасности, достигла своего рокового трагическаго конца.

„Анна Семеновна отперла дверь своимъ ключомъ и положила его опять въ карманъ

что въ дверяхъ дома пришлось оставить руку Анны Семеновны, ярко вспыхнувшій язычекъ газа на лѣстницѣ,—все это отрезвило Беренса. Онъ вынулъ невѣрными руками портъ-сигаръ, закурилъ, вскинулъ пенсне. Голосъ его опять пріобрѣлъ ровный и мелодичный звукъ сталкивающихся стеклянныхъ шариковъ.

И Анна Семеновна сдѣлалась волшебно-другая. Холодный сарказмъ засвѣтился въ ея глазахъ, въ насмѣшливо сложенныхъ, усталыхъ отъ поцѣлуевъ, губахъ...

— Славная квартирка!—сказалъ Беренсъ, избѣгая употреблять мѣстоименія. — Рѣдко удается нанять такую хорошенькую отдѣльную квартирку, да еще почти на главной улицѣ.

Анна Семеновна опять чиркнула спичкой и зажгла свѣчу въ тонкомъ дорожномъ подсвѣчникѣ. Лицо ея дышало безпощадной насмѣшкой.

— Вотъ не угодно ли! Осмотрите топографію мѣстности. Не стѣснийтесь. Вѣдь, это только въ романахъ новыхъ и старыхъ пріѣзжаетъ на лѣто герой и съ мѣста въ карьеръ начинаетъ проповѣдь. Или является барышня. Не барышня, а лучъ солнца. А на самомъ дѣлѣ преобладающей мыслью у неземныхъ созданій, когда онѣ куда-нибудь пріѣзжаютъ, является желаніе познакомиться съ топографіей мѣстности, но такъ, чтобы кавалеры продолжали думать, что онѣ—ангелы, питающіеся амброзіей и нектаромъ, а мужчины прежде всего и сильнѣе всего думаютъ о томъ, какъ бы устроить свои любовныя дѣлишки по возможности удобно, пріятно и безопасно.

Беренсъ смотрѣлъ въ лицо Анны Семеновны,— новое, недружелюбное, струившееся злой насмѣшкой.

Вдругъ онъ густо покраснѣлъ и все въ немъ сотряслось отъ желанія отвѣтить на ударъ самымъ ядовитымъ, самымъ унижающимъ образомъ.

— Полагать надо, у васъ имѣется огромная опытность?—промолвилъ онъ, и гораздо больше, чѣмъ слова, оскорбительно было ихъ выраженіе, презрительная улыбка и взглядъ поверхъ головы, какимъ мужчины обыкновенно глядятъ на продажныхъ женщинъ низшаго разбора. Анна Семеновна продолжала смотрѣть ему прямо въ лицо—и губы ея кривились отъ еле сдерживаемой усмѣшки.

— То-есть, вы хотите знать, былъ ли у меня любовникъ? Успокойтесь, былъ!.. Возьмите же свѣчу. Не заставляйте меня держать ее передъ вами...

Беренсъ насмѣшливо наклонилъ голову, щелкнулъ шпорами и взялъ осторожно подсвѣчникъ изъ рукъ дѣвушки. Онъ и на самомъ дѣлѣ обошелъ всю квартирку Анны Семеновны. Было четыре небольшихъ комнаты, кухня, два коридорчика. Беренсъ отмѣтилъ, что все это меблировано изящно, со вкусомъ и не дешево. Изъ коридорчика онъ зашелъ въ боковую комнату,—спальню Анны Семеновны. На туалетѣ, голубомъ съ пышными, вышитыми оборками, лежалъ конвертъ. Беренсъ взглянулъ на почеркъ. Острая струйка неожиданнаго и шального счастья, какъ у игрока, взявшаго огромную ставку, заставила его вздохнуть глубоко, всей грудью. Почеркъ на конвертѣ былъ тотъ же самый, которымъ написано было письмо, полученное не такъ давно Стрѣльбицкимъ. Но это не былъ почеркъ Тани. Его Беренсъ тоже зналъ. Хищнымъ, почти мимовольнымъ движеніемъ онъ схватилъ письмо и опустилъ его въ карманъ. Потомъ Беренсъ присѣлъ на низкую, драпированную табуреточку, опустилъ голову, закрылъ глаза руками и задумался. Вихри мыслей, наплывъ противоположныхъ чувствъ сталкивались и разбивались въ его душѣ на тысячи неуловимыхъ брызгъ... И едва онъ хотѣлъ остановиться на чемъ-нибудь вновь,— приносились волны мыслей и настроеній; все заливалось томительнымъ трепетомъ тѣла и жаждой близости Анны Семеновны. Вспыхивали и уходили приступы нѣжной, рыдающей жалости къ ней, и хотя онъ пугливо отходилъ отъ главнаго, непоколебимаго, что было въ его душѣ,—все же зналъ, что онъ не пожалѣетъ ее, а станетъ ногами на ея грудь и счастливъ будетъ, когда встанетъ, а она— теперь такая свободная, гордая, безумно-дерзкая—будетъ биться внизу покоренная, смятая, униженная... Беренсъ снялъ локоть со столика, глубоко передохнулъ и пошелъ въ гостиную. Анна Семеновна неподвижно сидѣла на томъ же мѣстѣ, вся блѣдная, съ вытянутыми и брошенными внизъ, какъ сломанныя лиліи, точеными, тонкими руками. Тоска, покорность, тихій отблескъ какого-то тайнаго ужаса, страстное всепоглощающее стремленіе, самозабвенная любовь лежали на ея лицѣ, дѣлали его необыкновеннымъ, дивно прекраснымъ. Необыкновенной и какъ будто уплывающей въ слабомъ, бьющемся свѣтѣ была и вся комната, длинныя, узкія окна подъ бѣлымъ кружевомъ, голубѣющія портьеры, пестрый и мягкій коверъ. И земля, казалось, подымалась и опускалась плавными и каждый разъ неожиданными колебаніями.

Беренсъ подошелъ ближе, сѣлъ рядомъ въ глубокое кресло. И оно приподымалось и опускалось, какъ все кругомъ. Анна Семеновна взмахнула на Беренса забывшимися, влажными глазами и движеніемъ, полнымъ нѣги и огда-

ющейся, тоскующей любви, сняла съ него пенснэ. Не было ничего на свѣтѣ, кромѣ пристывшихъ другъ къ другу, широко раскрытыхъ, говорящихъ яснѣе, чѣмъ всѣ слова въ мірѣ, влюбленныхъ глазъ. Тишина текла и каждая секунда пронзала сердце острымъ, стальнымъ холодкомъ, какъ будто болѣзненно и звучно скатывалась въ самую середину его. И какъ влекомая не своей волей, какъ во снѣ, Анна Семеновна придвинулась къ Беренсу. Руки ея обвились кругомъ его шеи, щекой она прижалась до боли къ его лицу—и отчаяннымъ рыданіемъ, крикомъ, переходящимъ въ шопотъ, вырвались у нея слова:

— Если бы ты былъ другой!.. Если бы ты могъ стать другимъ!..

Беренсъ схватилъ ея тѣло, забирая его въ могучемъ, раздавливающемъ объятіи, и цѣлуя изступленно ея губы, корни ея волосъ тамъ, гдѣ они завивались колечками, ея бѣлую, безсильно откинутую, тонкую шею, онъ шепталъ, шепталъ, какъ сумасшедшій:

— Не говори, не надо. Этого не можетъ быть... Не говори... Потому что я тебя люблю... люблю... Не говори...

Онъ замолчалъ. Анна Семеновна неожиданно почувствовала себя свободной и съ тревогой взглянула въ лицо Беренса. Оно, словно облакомъ, покрыто было жестокимъ выраженіемъ оскорбительной, злой ревности.

— Простите,—промолвилъ онъ, отвѣчая на нѣмой, испуганный вопросъ, загорѣвшійся въ глазахъ дѣвушки.—Я вспомнилъ... вспомнилъ то, что вы мнѣ только что сказали о себѣ.

Тѣнь испуга сбѣжала съ лица Анны Семеновны. Она улыбнулась. Сверкнула влажная полоска остро-вырѣзанныхъ зубовъ. И, властно обнявъ Беренса, она заговорила вполголоса, ласкающе, съ нѣжными, какъ звукъ арфы, нѣвучими переливами.

— О, какъ смѣшно! А развѣ ты не любилъ кого-нибудь раньше меня? А я даже и не любила. Мнѣ было почти все равно. И когда я тебя увидала, я начала какъ будто жалѣть о томъ, что было, что ты—не первый... Ты знаешь, я никогда ни о чемъ не жалѣю... И перестала! Развѣ я люблю тебя отъ этого меньше? Развѣ не трепетало во мнѣ все, когда ты только шелъ мимо? Смѣшные люди! Какъ они тянутся за прошлымъ. Вѣдь, прошлое прошло. А тебѣ то, что, я едва помню, наноситъ рану... Не думай... Я, вѣдь, не спрашиваю, кто ты. Любилъ ли ты кого-нибудь?.. Я только знаю, что когда гляжу на тебя, я нѣмѣю, пропадаю... Нѣтъ, я живу! Я испытываю такое счастье... Изъ всѣхъ людей, изъ всѣхъ милліоновъ разнообразныхъ формъ я знаю, что ты—одинъ, я знаю, что никогда, никогда я не буду знать такого счастья, какъ теперь! Помнишь, ты танцовалъ со мною въ первый разъ? И немного долго задержалъ мою руку? И посмотрѣлъ на меня?.. И этотъ взглядъ былъ, какъ острое блаженство. Онъ меня всю наполнилъ. Я тогда знала, что это будетъ, что это случится. И вотъ я жила безъ тебя, но съ тобою, вся отравленная ненавистью и любовью.

— И ненавистью?—передохнулъ Беренсъ.

— И ненавистью. Развѣ я могу сказать тебѣ неправду? Вотъ вся моя душа раскрыта передъ тобой. Ты мое счастье, мое счастье... Это тебя я видѣла во снѣ... О тебѣ плакала весенними вечерами...

— Говори, говори... Я никогда не слыхалъ...

Но Анна Семеновна замолчала. И только ея притягивающіе глаза звали къ себѣ, втягивали, поглощали глаза Беренса.

И уже невыносимо было преодолѣвать жгучій порывъ тѣла и слушать дальше, какъ тишина падаетъ звучными, пронизывающими все существо, горящими каплями. Беренсъ всталъ. Полъ плылъ у него подъ ногами. Онъ шелъ, какъ во снѣ, больше всего боясь уронить дѣвушку, лежащую у него на рукахъ, какъ только что сорванный цвѣтокъ съ длиннымъ, гибкимъ стеблемъ. Въ спальнѣ, чуть освѣщенной забытой свѣчой, Анна Семеновна выскользнула изъ объятій Беренса и, смѣясь переливающимся, замирающимъ смѣхомъ, быстро зажгла лампу на кругломъ столѣ. Еще двѣ свѣчи на туалетномъ.

— Больше свѣта... больше свѣта... Я хочу видѣть тебя всегда, каждую минуту, каждую секунду.

Беренсъ медленно трезвѣлъ. И первое, что онъ почувствовалъ, —были головная боль и чувство разбитости и усталости во всемъ тѣлѣ. Понемногу изъ одуряющаго горячаго тумана вышли, разсѣивая его, опредѣленныя, рѣзкія представленія... Онъ не зналъ, который часъ. А въ девять ему необходимо было быть въ правленіи .. Рука Анны Семеновны, прелестная, изваянная рука лежала на его груди. Она не была ему непріятна, но онъ уже не ощущалъ прилива счастья отъ этого прикосновенія. Надвигалось другое, болѣе страшное, что онъ долженъ былъ пережить въ эту ночь. Но ему не было страшно. Хищное, веселое чувство наполняло его члены, голова прояснялась, переставала болѣть. Онъ ощущалъ настойчивое желаніе встать, расправить тѣло, дѣйствовать, дѣйствовать увѣренно, красиво, безпощадно

Ясно всплыла въ мозгу опредѣленная мысль. Онъ арестуетъ ее не дальше, какъ нынче передъ утромъ. Предложитъ ей выдать остальныхъ. О, сколько народу поймано, благодаря предательству женщинъ! Онъ убѣдитъ ее остаться въ организаціи. Задору въ ней много, но онъ усмиритъ ее скоро. Такая красавица, такая упоительная любовница! Ну, что жъ? Онъ будетъ видѣть ее въ кабинетѣ. И она будетъ тамъ его. При мысли, какъ она будетъ подыматься съ дивана униженная, покоренная, запачканная душой и тѣломъ, Беренсъ почувствовалъ то острое, сладострастное презрѣніе, которое онъ испытывалъ къ отдавшимся ему женщинамъ.

Золотистая голова Анны Семеновны лежала на плечѣ Беренса. Она полна была любви, полна благодарности. А тревога, безумное томленіе минуты рѣшенія, проникшія въ ея сознаніе вмѣстѣ съ безучастіемъ лежащаго около нея, такого близкаго и такого далекаго тѣла,— росли, надвигались. Она знала, что должна сдѣлать, что сдѣластъ. Въ ней не было колебанія. Было лишь смутное желаніе на секунду, на невѣдомое, безконечно малое время отдалить рѣшительную минуту, начало, послѣ котораго не было возврата. Она знала, что кто не беретъ отъ жизни наслажденія, тому жизнь его не даетъ. Кто не побѣждаетъ въ борьбѣ, тотъ падаетъ. И, словно отряхивая несбыточный, радужный сонъ, она провела рукой по глазамъ. Изъ-подъ рѣсницъ зрачки ея сверкнули, какъ зарницы. Беренсъ глядѣлъ впередъ. И по лицу она ясно прочитала всѣ его мысли. Какъ уколотая, слегка приподнялась она и посмотрѣла на туалетный столикъ. Синяго конверта около зеркала больше не было. Синій конвертъ лежалъ въ карманѣ сюртука, небрежно брошеннаго на спинку низенькаго, мягкаго стула. Она нарочно вынула изъ потайного мѣста этотъ конвертъ и положила его передъ зеркаломъ, искушая судьбу. И если бы Беренсъ не взялъ его,—кто знаетъ, какъ бы это подѣйствовало на все. О, хорошо, хорошо, что онъ его взялъ!

Безумная тоска о томъ, чего теперь не можетъ быть, чего, быть можетъ, никогда не будетъ, о времени, когда сольются въ одно всѣ враждующіе, когда исчезнутъ съ земли принужденіе и насиліе, и борьба будетъ вестись только противъ нелѣпаго мірозданія—тоска о томъ времени, въ которое Анна Семеновна вѣрила, охватила ея душу. Съ еле удерживаемымъ крикомъ отчаянія она обняла Беренса, прижимаясь къ нему всей силой. Она цѣловала его губы, глаза, его руки съ длинными, гладкими пальцами. И въ первый разъ, называя Беренса по имени, она шептала разрывающимся отъ тоски и любви голосомъ:

— Дмитрій мой... Дмитрій мой... Дмитрій...

Беренсъ не понималъ ея настроенія. Онъ былъ тронутъ и въ немъ снова зажглось желаніе этого влюбленнаго, горящаго, прекраснаго тѣла.

— Какъ ты утомила меня,— сказалъ онъ, нервно зѣвая и вытягиваясь всѣмъ тѣломъ.— Ахъ, ты... И голова болитъ такъ страшно... А только что я чувствовалъ себя прекрасно...

Анна Семеновна одѣвалась. Приколола гребенки. Надѣла часы. Лицо ея было по-дѣтски оживленно, шаловливо. Она безошибочно знала, что нужно сдѣлать именно такое лицо. Тѣло ея какъ будто обвѣвалъ освѣжающій, холодный вѣтеръ. Ко всѣмъ членамъ приливала крѣпость и готовность на головокружительную, сверхчеловѣческую работу. Она одѣвалась быстро, ловко, красивыми, точными движеніями. Глаза ея лукаво искрились. Улыбка подчеркивала и освѣщала слова. И чудесный и ледяной ужасъ сковывалъ и отпускалъ душу. Колебались мѣрными движеніями вѣсы. Въ чашкахъ лежали жизнь и смерть. И онѣ казались ей одинаково прекрасными. Голова работала съ поразительной ясностью, отъ которой въ груди становилось холодно, тѣсно.

— Пусть мальчикъ полежитъ, заснетъ немного... Я дамъ ему лекарство... Спою пѣсенку... У меня у самой болитъ голова... Право! Вотъ, ей-Богу — ужасно! Вѣдь, это все-таки хорошо, что у мальчика болитъ голова. Значитъ, она у него есть. И она есть... хорошая, свѣтлая голова... За что-то я ее люблю. А казалось бы — не за что... Пока до свиданія... Сейчасъ вернусь.

Она сдѣлала граціозный, подчеркнутый реверансъ.

Беренсъ почти засыпалъ. И лѣнивo, но все же съ удовольствіемъ подумалъ, какъ много въ Аннѣ Семеновнѣ огня, какъ похожа она на француженку и, между тѣмъ, къ сожалѣнію, на всѣхъ женщинъ вообще, покоренныхъ, отуманенныхъ, отдающихся во власть мужчины послѣ перваго же схожденія съ нимъ. А ея слова: „если бы ты былъ другой?“ Пустое, фразы... Дѣтскій писокъ высокоумной мыши въ клѣткѣ.

И то, что думалъ Беренсъ, было такъ ясно, такъ понятно Аннѣ Семеновнѣ и такъ вдругъ ей захотѣлось захохотать, грубо, нагло захохотать. „О, да, конечно, конечно, любезный полковникъ, я выдамъ вамъ всѣхъ, посвящу во всѣ тайны, привлеку въ ваши сѣти самыхъ выдающихся, самыхъ выигрышныхъ“.

Безумный порывъ ненависти и отвращенія

какъ будто пахнулъ на нее горячимъ вихремъ. Ея собственное стройное, тонкое тѣло показалось ей отяжелѣвшимъ, безнадежно запачканнымъ. Охъ, если бы можно было броситься на него вотъ сейчасъ и задушить руками. Крѣпко сжала она зубы.

„Ну, не распускаться, ну, молчать!—безъ словъ кричала она на самое себя.—Ты такъ хотѣла. Ты сдѣлала. Это хорошо! Думай о другомъ! О томъ, что на очереди“.

Улыбка сошла съ лица Анны Семеновны. Глаза смотрѣли остро и напряженно на поблѣднѣвшемъ, сразу постарѣвшемъ лицѣ. Быстрыми, безшумными движеніями она прошла въ свой кабинетъ. Взять изъ кипы бумагъ и положить въ карманъ револьверъ, плоскій, милый револьверъ, на который она часто смотрѣла, какъ на лучшаго и единственнаго друга,—было дѣломъ секунды. Съ нимъ стало увѣреннѣе и теплѣе. Изъ двойного дна ящика съ инструментами она вынула двѣ стеклянныхъ, запаянныхъ трубочки. Нѣсколько штукъ ихъ еще осталось. Она внимательно посмотрѣла на вынутыя, разбила стекло, достала узенькіе кристалличики, быстро поставила ихъ въ капсюли, засыпала пространство между кристалличиками и прозрачной стѣнкой капсюль бѣлымъ, блестящимъ порошкомъ. Посмотрѣла на свѣтъ. Ничего не было замѣтно... Если онъ откажется, она убьетъ его изъ револьвера. Если не удастся: онъ успѣетъ крикнуть, позвать кого-нибудь,—она проглотитъ другой капсюль, тщательно спрятанный на груди въ плоской кожаной коробочкѣ. Короткими обжигающими всплесками проносились быстрыя мысли. „Бѣжать немедленно. Она должна взять, прочесть и уничтожить всѣ его бумаги. Взять револьверъ. Деньги? Взять и ихъ... это орудіе борьбы. На парадныхъ и черныхъ дверяхъ для паціентовъ и прислуги приклеить объявленіе о двухнедѣльной отлучкѣ. Сутки—полтора у нея въ запасѣ. Остричь волосы, выкрасить брови. Черный паричекъ. Къ утру въ N. Тамъ скрещеніе. Пересядетъ. Перегримироваться сразу. Черезъ сутки въ Херсонѣ. Тамъ товарищи. Купить въ N подушку и корзинку. Маленькій чемоданчикъ и подушку взять съ собой. Донести его до извозчика... Не волноваться, не торопиться“.

Быстрыми и какъ будто ломающимися въ сдерживаемомъ ужасѣ движеніями она набила еще капсюль однимъ блестящимъ порошкомъ, положила оба въ коробочку, налила стаканъ воды и пошла въ спальню, крѣпко сжавъ зубы, чтобы они не стукнули. И въ холодѣ нетопленныхъ съ утра комнатъ она слышала за собой вѣяніе неумолимой, ледяной смерти...

Беренсъ все еще лежалъ, и по его лицу она видѣла, что онъ еще не отдохнулъ и хочетъ, но не можетъ встать.

— Ну, вотъ лекарство. Пусть мальчикъ приметъ. И я.

И, состроивъ гримаску отвращенія, Анна Семеновна положила на губы рѣзко отличавшійся цвѣтомъ отъ блѣднаго лица бѣлый, липкій капсюль и запила его водой.

— Это что?—спросилъ Беренсъ отрывисто.

— Это аспиринъ...

Двумя пальчиками она взяла оставшійся капсюль и поднесла къ губамъ Беренса.

— Ну, скорѣй!—говорила она.—Хорошій мальчикъ!...

И голосъ ея не дрожалъ. Глаза смотрѣли шаловливо и влюбленно.

Извѣчное, темное, какъ ночь, подозрѣніе встало въ мозгу Беренса. Затылокъ у него опять болѣлъ тягучей, тупой болью, глаза ломило. Онъ всегда принималъ аспиринъ въ эти моменты нервной усталости. Но можно это сдѣлать дома... И тѣмъ же темнымъ чутьемъ Анна Семеновна поняла, какъ нужно дѣйствовать, какъ напрячь послѣднія судорожныя усилія. Коробочку съ капсюлемъ и воду она поставила на столикѣ около кровати, опустилась на колѣни передъ Беренсомъ, отыскала мѣстечко, гдѣ рубашка, которую онъ успѣлъ надѣть, расходилась вырѣзомъ, и прижалась губами къ его тѣлу. Въ немъ—она знала—не было желанія къ ней, ничего, кромѣ усталости и жажды перемѣны. И то, что она такъ униженно, такъ нѣжно цѣлуетъ его равнодушное къ ней тѣло и, цѣлуя, не можетъ не понять, что оно равнодушно,—обмануло Беренса. Расплылся, исчезъ образъ дерзкой, опасной дѣвушки, которую слѣдовало побѣдить какой бы то ни было цѣной. Осталась только рабски влюбленная, обезличенная женщина, покоренная, какъ милліоны другихъ женщинъ, готовая для своего самца на всѣ жертвы униженія... И тогда, какъ будто повинуясь чьей-то чужой волѣ, Беренсъ взялъ капсюль и проглотилъ его. Стаканъ стукнулъ о столъ. Анна Семеновна поднялась. И, опустивъ глаза, чтобы онъ не видѣлъ блуждавшаго въ нихъ безумнаго ужаса, она прошептала:

— Лягъ... Я пойду, посмотрю, есть ли вода въ умывальникѣ.

Но она пошла не въ кабинетъ, а въ кухню. Шла быстро, быстро, летѣла, какъ вихрь, а ноги едва несли ея ослабѣвшее, опустившееся тѣло... И, войдя съ судорожною поспѣшностью, словно спасаясь отъ настигающей ее опасности, которой нѣтъ имени, такъ она страшна, повернула два раза ключъ въ дверп. Нашла въ себѣ силу подойти къ полкѣ, отыскать

спички, зажечь лампочку. Онъ... тотъ... былъ теперь запертъ съ двухъ сторонъ.

Съ пустой, какъ будто выѣденной, головой присѣла Анна Семеновна на стулъ. Вся жизнь, всѣ воспоминанія, всѣ чувства, весь міръ слились въ одинъ раздавливающій гнетъ ожиданія... Вотъ какъ будто бы глухіе удары... Звукъ по стеклу, сильнѣй, сильнѣй. Этотъ звукъ заполняетъ собой все, растетъ, идетъ вздымающейся волной до неба... Громко и часто гудитъ колоколъ. Гулъ отъ него наполняетъ всѣ уголки кухни, на лѣстницѣ шумъ, ревъ, тысячи шаговъ, дверь дрожитъ, качается... Все пропало... И она не успѣла принять своей доли, своего добровольнаго дара на пиршествѣ смерти.

Тѣло Анны Семеновны гнулось, опускалось, тяжело скользнуло на полъ... Она очнулась почти сейчасъ же. Стояла мертвая тишина. Огромнымъ усиліемъ воли она поднялась съ пола. Голова ея, словно налитая свинцомъ, едва держалась на плечахъ. Въ ушахъ убѣгалъ, замирая, и возвращался, гудя, ровный звенящій шумъ. Но въ тѣло, занѣмѣвшее сердце, въ холодныя руки и ноги шла ужъ откуда-то горячая волна крови. Щелкнулъ ключъ, зловѣще разрывая тишину. Лампа и свѣчи горѣли попрежнему. Бѣлая, смятая постель со сдернутымъ одѣяломъ... Опрокинутый столикъ... Въ надушенной, свѣжимъ холодкомъ дышащей комнатѣ было новое, ужасное и простое. Смерть вошла туда и срѣзала свою жатву.

Беренсъ лежалъ мертвый на креслѣ. Одна рука его была вытянута, другая ухватилась за край стола. Цѣпенѣли на вытянутой рукѣ три скрюченныхъ пальца, силившіеся что-то схватить при жизни. Голова его перевѣсилась черезъ ручку кресла. Глаза смотрѣли остеклѣло изъ-подъ длинныхъ, черныхъ рѣсницъ; зубы оскалились въ судорогѣ тщетныхъ стремленій къ дыханію...

Анна Семеновна нѣсколько секундъ смотрѣла въ его лицо. И тихо опустилась она на колѣни".

Какъ примирить максимализмъ съ минимализмомъ?

Старый-престарый это вопросъ, въ свое время оскомину набившій „отцамъ" нашимъ — вопросъ о взаимоотношеніи правъ общества и личности, о согласованіи „широкихъ задачъ" съ „малыми дѣлами"... Словомъ, вопросъ о той магической равнодѣйствующей двухъ основныхъ политико-соціальныхъ факторовъ, которую у насъ искать принимались уже не разъ и безъ которой нашъ „возъ и нынѣ тамъ". Горькій опытъ послѣднихъ лѣтъ снова выдвигаетъ на почетное мѣсто споръ о двухъ *правдахъ*, и Д. Философовъ въ „Рѣчи", полемизируя съ „Завѣтами", очень кстати занялся „переоцѣнкой цѣнностей".

Начинаетъ онъ свою статью съ цитаты:

„Государственная власть, какая бы то ни была, — это законъ, общій для республики и деспотіи — во имя собственнаго самосохраненія не можетъ ни имѣть за писателями постояннаго и неослабнаго надзора".

Приведенная цитата, — уже отъ себя говоритъ авторъ, — взята не изъ „Политики" Аристотеля, а изъ новаго журнала „Завѣты".

Что возразить противъ подобнаго діагноза?

Да ничего. Діагнозъ правильный, основанный на изученіи громаднаго клиническаго матеріала. Но какъ извѣстно, паціенты не особенно стоятъ за діагнозъ. Имъ важнѣе терапія.

Молодые парижскіе врачи жаловались мнѣ, какъ-то, на своихъ профессоровъ. Профессоръ демонстрируетъ больного и съ гордостью заявляетъ, что поставленный имъ діагнозъ правиленъ: болѣзнь дѣлаетъ предсказанные профессоромъ успѣхи. Затѣмъ, окруженный свитой учениковъ мэтръ переходитъ къ слѣдующей койкѣ. И когда сидѣлка догоняетъ профессора и отъ имени больного проситъ ему что-нибудь прописать, профессоръ отвѣчаетъ: „Не могу же я его послать въ Капръ! Дайте ему аквы дестиллаты".

Для тяжкобольныхъ дѣятелей печати изъ вышеприведенной максимы, кромѣ аквы дестиллаты, ничего не выцѣдишь.

Печать поставлена въ невозможныя условія. Ее ежедневно угощаютъ „вселенской смазью", не различая пола и возраста. Всеобщіе, равные и явные бичи. Но это ничего. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что политическій горизонтъ покрытъ тучами. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія недовольныхъ, — а имя имъ легіонъ, — все обстоитъ благополучно. Таковъ выводъ изъ статьи г-на Мстиславскаго. И когда издыхающій редакторъ, только что вернувшійся изъ клоповника, его спрашиваетъ:

„Что же дѣлать, чтобы вывести, наконецъ, Слово на просторъ изъ теперешняго застѣнка?, — г. Мстиславскій отвѣчаетъ: „Ровно ничего. Итти своей дорогой"...

Да проститъ меня г. Мстиславскій, но это не отвѣтъ. Это — отвѣтъ соціальнаго патолога, который указываетъ на причины болѣзни, но какъ эти причины устранить — не говоритъ.

Мы отлично знаемъ, если бы мы всѣ сговорились и дружно... поѣхали въ Капръ, мы бы выздоровѣли. Не особенно давно мы даже собрались въ такую поѣздку. Но доѣхали только до Луги. Оттуда насъ насильно вернули. И вотъ, мы опять въ прежнихъ застѣнкахъ и подвалахъ, на старомъ гноищѣ. Стараемся приспособиться, чтобы жить и дышать. А намъ говорятъ: помирайте! Исполняйте законъ соціальной патологіи! Съ точки зрѣнія безпристрастнаго созерцанія — такіе совѣты очень дурны. Но жизнь состоитъ не только изъ созерцанія, а также изъ дѣйствія. Но старымъ, или новымъ *завѣтамъ*, это другой вопросъ. Во всякомъ случаѣ, съ завѣтами непремѣнно связывается понятіе о дѣйствіяхъ. И когда отъ завѣтной фирмы идутъ созерцательные діагнозы, становится жутко.

Въ жизни борются двѣ равноцѣнныхъ и равносильныхъ правды. Правда личная и общественная.

Созерцая исторію Россіи на протяженіи вѣковъ, мы забываемъ о личности. Говоримъ о татарскихъ нашествіяхъ, о смутномъ времени. Беремъ громадные масштабы, совершенно не совпадающіе съ краткими годами, предоставленными въ удѣлъ отдѣльной личности. Но вѣдь и въ долгую эпоху татарщины, и въ смутное время, которое длилось, на худой конецъ, лѣтъ тридцать, люди посягали и женились, заболѣвали, выздоравливали и умирали. Если бы они не занимались этими маленькими дѣлами, не пріумножали россійскаго народонаселенія, русская исторія прекратилась бы. Идетъ ли въ странѣ смута, возрожденіе или реакція, все равно. Личная жизнь не можетъ и не должна прекращаться. Помимо общихъ, у человѣка есть личныя горя и радости. Наши лѣвые политики это слишкомъ часто забываютъ. Они недостаточно учитываютъ личную joie de vivre простыхъ смертныхъ. Герои всегда найдутъ себѣ дорогу. Но еще Щедринъ говорилъ, что никому не предписано непремѣнно быть героемъ. Въ эпоху общественнаго подъема увлеченные общимъ ликованіемъ превращаются въ героевъ, хотя бы на минутку, и простые обыватели. Но когда волна спадаетъ, минутные герои превращаются въ обывателей. Одни изъ нихъ, потерявъ упоръ жизни, стрѣляются (по исчисленіямъ д-ра Гордона, въ 1902 г. было 18 самоубійствъ среди учащихся, въ 1909—482), другіе, во имя этого самаго „упора“, становятся „сознательными“ обывателями, простаиваютъ ночи у кассы Маріинскаго театра, играютъ на тотализаторѣ и плюютъ на „политику“. Расчитывая на героевъ и только на героевъ, мы, несомнѣнно, плодимъ обывательщину. Презрѣніе къ „малымъ дѣламъ“, къ „культурной работѣ“, вѣчный *разговоръ* о максимализмѣ воистину развращаетъ обывателя. То, что онъ можетъ дать, отъ него не берутъ. А то, что отъ него требуютъ, онъ дать не можетъ. Предоставленный самому себѣ, онъ съ какимъ-то остервенѣніемъ отворачивается отъ „политики“ и предается личнымъ утѣхамъ жизни.

Драма „отцовъ и дѣтей“ — вѣчная. Но если въ тургеневскую эпоху прекраснодушные отцы удивлялись „реализму“ своихъ дѣтей, если отцы были въ ужасѣ отъ чрезмѣрной общественности своихъ дѣтей, то теперь мы видимъ обратное. Сплошь да рядомъ, сынъ почтеннаго родителя (до сихъ поръ пребывающаго на „славномъ посту“) пишетъ декадентскіе стихи, а дочь молится на „душку“ Собинова или Смирнова. Подите на концерты Зилотти. Тамъ столько же народу, а главное тотъ же народъ, что нѣкогда бывалъ на выступленіяхъ Н. К. Михайловскаго. И родители, скрѣпя сердце, радуются. Должны радоваться. Потому что родительскому сердцу все-таки пріятнѣе, чтобы дочь твердила „будемъ какъ солнце“, нежели вѣшалась на крюкѣ изъ-подъ люстры.

И, по-своему, эта обывательская молодежь права. Лѣвые максималисты оставляютъ ее безъ руководства, презираютъ ея „joie de vivre, а къ правымъ она благодаря своему здоровому инстинкту не пойдетъ. Устраиваетъ сама себѣ свою жизнь, по существу обывательскую, скрашенную лишь вѣчной правдой молодости.

Мнѣ кажется, что созерцательные діагнозы горю не помогутъ. И Аристотель могъ сказать, что во время реакціи просыпаются буржуазные инстинкты. Отъ этого намъ не легче. Думается, тутъ надо какой-то другой подходъ къ молодежи и къ „реакціоннымъ“ буднямъ. Требуется не только діагнозъ, но и лѣченіе. Надо не увеличивать пропасть между двумя правдами, правдой общественнаго героизма и личной жизни, а строить между ними мостъ.

Одинъ еврей недавно разсказывалъ мнѣ біографію своего отца, раввина. Богобоязненный раввинъ усумнился въ іудейской ортодоксіи. Увлекся Спинозой. И пересталъ быть раввиномъ. Но согласно еврейской традиціи — ничто такъ не способствуетъ лицезрѣнію Бога, какъ ремесло. И богобоязненный раввинъ сдѣлался переплетчикомъ.

На свѣтѣ много переплетчиковъ. Вѣроятно, среди нихъ есть сѣрые обыватели, мечтающіе только о наживѣ. Есть и союзники. Но несомнѣнно, что раввинъ переплеталъ книги съ другимъ сознаніемъ, нежели представитель „классовой психологіи“ мелкихъ ремесленни-

ковъ. Онъ сдѣлалъ свою маленькую, культурную, легальную (называйте, какъ хотите) работу подъ знакомъ вѣчности. Такъ же, какъ нѣкогда плелъ корзины апостолъ Павелъ. Плетеніе корзинъ можетъ быть и „реакціоннымъ“, и „прогрессивнымъ“. Все зависитъ отъ сознанія, отъ того „символа“, подъ знаменемъ котораго плетутся корзины.

Такъ же, какъ и спортъ. Потѣшные это одно, а германскія гимнастическія общества, основанныя послѣ наполеоновскаго разгрома, — совсѣмъ другое. И ужъ, во всякомъ случаѣ, футболъ лучше самоубійства.

Странно. Тѣ самые „Завѣты“, которые не боятся ставить „діагнозы“ и возрождать Аристотеля, какъ будто это понимаютъ. Статьи г-на Огановскаго и Ник. Суханова, этихъ спеціалистовъ по аграрному вопросу, не что иное, какъ призывъ къ „малымъ дѣламъ“. Развѣ не „малое дѣло“ молочная кооперація?

Но до чего эта проповѣдь кооперація не вяжется съ „аристотелевскимъ“ діагнозомъ! Почему бороться за кооперацію слѣдуетъ, а за свободу слова безполезно? И что значитъ „итти своей дорогой?“ Безропотно платить штрафы и садиться въ клоповникъ?

Надо относиться съ уваженіемъ къ минимализму вовсе не потому, что наше время „не время широкихъ задачъ“. Какъ-разъ обратно. Наше время — время непомѣрно широкихъ задачъ. Просто не знаешь, за что ухватиться. Исполненіе этихъ задачъ требуетъ усилій цѣлой милліонъ. Въ нужную минуту она родитъ героевъ, но это въ праздникъ. Въ будни же она должна дѣлать будничную работу, скрашивая ее сознаніемъ, что эта работа нужна, свята, и, какъ необходимое звено, входитъ въ общую экономику. Максимализмъ грѣшитъ тѣмъ, что непрестанно колеблется между геройскимъ самообладаніемъ и крайнимъ пессимизмомъ, благодаря чему оставляетъ неиспользованными цѣлыя залежи молодыхъ силъ, увлекающихся „joie de vivre“, или самоубивающихся. Такъ же, какъ и при лѣченіи болѣзни, играетъ роль не только физика, но и психика; такъ же и въ культурной работѣ нашего времени необъятныхъ задачъ психическая бодрость представляетъ собою громадную цѣнность an und für sich. Поэтому, не будемъ ограничиваться мрачными діагнозами. Будемъ признавать и уважать малыя дѣла во имя великаго будущаго, будемъ твердо помнить, что во имя великой идеи нельзя наводить уныніе. Уныніе всегда сопряжено съ праздностью.

Друзья книги.

Можетъ ли наше время, наше поколѣніе гордиться такой исключительной любовью къ книгѣ, такими рыцарями книги, какими славилась „старая Москва“, о которой разсказываетъ въ „Рус. Сл.“ А. Панкратовъ, — въ фельетонѣ, посвященномъ полувѣковому юбилею извѣстнаго и далеко за предѣлами бѣлокаменной букиниста А. А. Астапова, — или, напр., „старый Парижъ“, давшій поэтамъ издателя-друга — Альфонса Лемера, недавняя смерть котораго не прошла незамѣченной и въ русской литературѣ?,.

Былъ когда-то въ Москвѣ, — сообщаетъ г. Панкратовъ, — переплетчикъ, котораго звали „праведникомъ“. Онъ переплеталъ книги только духовнаго содержанія, славянскія и, когда бралъ переплетать, ставилъ непремѣннымъ условіемъ, что прежде всего онъ прочтетъ книгу, а потомъ уже станетъ ее переплетать. Но зато переплеталъ онъ прекрасно, а за переплетъ бралъ гроши. И въ старой Москвѣ, жившей медленнымъ темпомъ, были люди, которые ждали книгу изъ переплета по нѣскольку мѣсяцевъ. То же условіе, въ сущности, ставилъ и Астаповъ. Многія книги своей лавочки онъ прочитывалъ самъ, прежде чѣмъ продать, а нѣкоторыя оставлялъ у себя совсѣмъ.

Онъ любилъ говорить:

— Для меня книжка отрада, мнѣ больше ничего не надо.

Какъ любили въ старой Москвѣ книгу, можно судить по такому случаю. Въ половинѣ 80-хъ годовъ одинъ изъ друзей Астапова, А. С. Суворинъ, пріѣхалъ въ Москву и обратился къ букинисту:

— Отыщи мнѣ экземпляръ книги Радищева: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, изданія 1790 г., хочу перепечатать!

Эта книга по приказу Екатерины II была сожжена, какъ вредная. Уцѣлѣло лишь 80 экземпляровъ. Въ 1872 году извѣстный библіографъ П. А. Ефремовъ, тоже другъ Астапова, вздумалъ переиздать радищевское путешествіе. Крѣпостного права уже не было, а книга эта считалась вредной только потому, что она возставала противъ крѣпостного права. Но все изданіе Ефремова было сожжено цензурнымъ управленіемъ, лишь нѣсколько экземпляровъ было украдено изъ зданія управленія книжникомъ по прозвищу „Гумбольтъ“. Въ 1886 году А. С. Суворинъ рѣшился переиздать книгу Радищева.

Астаповъ отказывался найти запрещенную книгу. Суворинъ подкупилъ его обѣщаніемъ по-

дарить одинъ экземпляръ новаго изданія. Противъ этого букинистъ не устоялъ и обратился къ своему другу,— собирателю книгъ,— П. В. Щапову. У того былъ экземпляръ 1790 года. Съ большимъ трудомъ удалось убѣдить дать книгу на два мѣсяца.

— Черезъ два мѣсяца, — говорилъ А. С. Суворинъ, — я верну книгу въ цѣлости и сохранности.

Но въ наборной Суворина книгу для удобства разорвали на части, и много листовъ ея попало въ макулатуру и исчезло. Когда выяснилось, что книги нѣтъ, П. В. Щаповъ заявилъ Астапову:

— Я застрѣлюсь, если мнѣ не вернутъ книги.

Онъ былъ внѣ себя. Болѣзнь, которой онъ страдалъ, усилилась. Нервные припадки стали чаще. Суворинъ предложилъ ему 500 руб. за книгу. Щаповъ съ негодованіемъ отказался:

— Я книгами не торгую.

Что было дѣлать? Напечатали публикаціи въ газетахъ. Обѣщали за книгу 800 руб. и даже 1500 руб. Наконецъ, Суворинъ съ большимъ трудомъ досталъ рѣдкій экземпляръ у извѣстнаго собирателя книгъ Іозефовича и передалъ Щапову. Скоро послѣ того Щаповъ умеръ. Пропажа книги, несомнѣнно, ускорила его кончину.

Досчатая лавочка Астапова была клубомъ, куда сходились для бесѣды разные люди. Объединяла ихъ всѣхъ любовь къ книгѣ и книжные интересы. Многимъ къ тому же нравился простой крестьянскій умъ Астапова, чтеніемъ книгъ приведенный къ мистическому православію. Другіе шли въ лавочку, чтобы напитаться книжной мудростью, такъ какъ денегъ у нихъ на покупку книгъ не было, а добрый Астаповъ давалъ имъ книги на прочтеніе.

Покойный исторіографъ П. П. Бочаровъ, у котораго въ карманѣ никогда не было больше двугривеннаго, рылся въ книгахъ своего друга безплатно. Много было и другихъ такихъ. Астаповъ писалъ долги на стѣнной доскѣ, но доску эту, когда перестраивали лавку, выбросили, и записи утерялись. Завелъ было Астаповъ долговую книгу, но потомъ и ее бросилъ:

— Уплатятъ,—хорошо, не уплатятъ,—Богъ съ ними!

Рылись въ его книгахъ студенты.

— Тогда студентъ былъ другой,— говорилъ Астаповъ. — Помню двоихъ, въ одной шинели ходили, а книги покупали. Я имъ оказывалъ довѣріе. Математикъ одинъ приходилъ ко мнѣ,— Алексѣевъ, — сапоги худые, голодалъ, а книги у него были рѣдкія. Дошла разъ нужда ему до горла, продалъ онъ мнѣ книги, стоящія 30 р. за 6 р. По явились товарищи, выкупили книги и послали Алексѣеву. Умеръ, бѣднякъ, простудился... Много было такихъ...

Ходилъ въ его лавку студентъ-болгаринъ Караveловъ. Когда онъ сталъ болгарскимъ министромъ и посѣтилъ Москву, то, какъ выражается Астаповъ:

— Отдалъ мнѣ визитъ.

Былъ хорошо ему знакомъ черногорскій министръ и профессоръ Ягичъ.

— Пришелъ однажды ко мнѣ въ морозъ въ легкомъ пальто, — вспоминаетъ Астаповъ, — и плясалъ въ лавкѣ. „Гдѣ бы погрѣться?“ — говоритъ.— Послалъ я въ Политехническій музей, тамъ тепло...

У Астапова всегда была толчея. Заходили духовныя лица, передавали интимное митрополичьяго дома и другія новости своего міра. Тутъ же, на ящикѣ, сидѣли и балагурили М. В. Лентовскій и артистъ Максимовъ. На Страстной недѣлѣ ежегодно пріѣзжалъ въ Москву И. О. Горбуновъ. Онъ любилъ присутствовать при выносѣ плащаницы въ Успенскомъ соборѣ. Всегда заходилъ къ Астапову. Н. А. Чаевъ смѣшилъ своими „историческими анекдотами“ и читалъ былины.

— Такъ читалъ, — говорилъ Астаповъ, — что я забывалъ, гдѣ нахожусь. Какъ-будто съ того свѣта человѣкъ приходилъ...

Бывалъ И. А. Забѣлинъ и рылся въ рѣдкостяхъ Астапова. Его каждый торгъ видѣли на Сухаревкѣ. Всѣ „стрѣлки“ (продавцы съ руки) и букинисты его знали.

— Почемъ книга?— спрашивалъ Забѣлинъ.

— Сами знаете, сто рублей.

— Хочешь пятерку?

И уходилъ. Если книга рѣдкая, нѣсколько разъ возвращался. Заходилъ къ Астапову и восхищался Москвой:

— Вотъ наслажденіе! Сколько я ни разбираю и ни читаю, а все новое и новое. Что за городъ! Что за историческая сокровищница!

Бывали московскіе профессора: Н. С. Тихонравовъ, Ѳ. И. Буслаевъ, В. О. Ключевскій, А. А. Котляревскій, бывалъ также В. М. Соболевскій и т. д. Пріѣзжали казанскіе и кіевскіе профессора. Заходилъ Н. П. Сграховъ, былъ въ 1901 году Л. Н. Толстой. Астаповъ узналъ его „по обличью“. Великій писатель хотѣлъ купить сочиненія Руссо.

Чувство особенной дружбы связывало Астапова съ В. С. Соловьевымъ.

— Какой былъ человѣкъ,—говорилъ Астаповъ о философѣ. — Если бы онъ пошелъ въ архіереи и меня позвалъ, бросилъ бы я свою торговлю, ушелъ бы за нимъ.

Астапова подкупало въ Соловьевѣ то, что онъ былъ безсребренникъ.

— Зарабатывалъ тысячъ до восьми, и все раздавалъ!.. Сажусь разъ на извозчика около квартиры Соловьева. Извозчикъ говоритъ, вы отъ того барина?—Да.—Чудакъ! Намедни везу его, встрѣтился какой-то оборвавецъ, баринъ остановилъ меня и далъ ему пятерку, а подъѣхалъ къ дому, сунулъ руки въ карманы,—денегъ нѣтъ, расплатиться со мной нечѣмъ. На другой день получилъ...

Однажды Соловьевъ взялъ у Астапова для кого-то 50 рублей и выдалъ расписку. Потомъ присылаетъ ему письмо: приходи за долгомъ, да скорѣе, а то кто-нибудь возьметъ. Пришелъ Астаповъ съ чернаго хода. Горничная говоритъ: „баринъ дома“. А барыня (мать В. С.?) подумала, что пришелъ онъ просить у В. С. денегъ, и сказала: „Нѣтъ его, нѣтъ!“. Такъ Астаповъ и не получилъ своихъ денегъ. Скоро Соловьевъ умеръ. У Астапова послѣ его смерти просили расписку на память о философѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Астаповъ, смѣясь,—онъ на эти 50 рублей мнѣ царство небесное тамъ купитъ!

Любопытна обстановка, въ которой существовалъ „клубъ“ Астапова. Собрались въ лавкѣ, сидѣли на ящикахъ, въ холодѣ,—лавка была досчатая, и въ ней иногда замерзала вода.

— Соберутся, и пойдетъ словесность,—разсказывалъ Астаповъ.—Если бы все записывать! Какія похожденія описывали!

Астаповъ сообщалъ собравшимся о курьезахъ цензуры. Но отношенія Астапова и цензуры были добрососѣдскія. Къ нему въ лавочку заходилъ иногда главный цензоръ Раскошенко.

— Пріятель и слуга мой былъ,—говорилъ Астаповъ.

Когда онъ покупалъ чью-нибудь библіотеку, то звалъ Раскошенко посмотрѣть, нѣтъ ли запрещенныхъ изданій. Тотъ отдѣлялъ непензурныя книги, но не для того, чтобы конфисковать. Астаповъ клалъ запрещенныя книги отдѣльно и продавалъ ихъ своимъ пріятелямъ-коллекціонерамъ и профессорамъ. Иногда цензоръ заходилъ въ лавку офиціально и спрашивалъ:

— Нѣтъ ли у васъ такихъ-то книгъ, запрещенныхъ цензурой?

— Нѣтъ.

А книги лежали подъ прилавкомъ. И цензора знали объ этомъ, и вся книжная Москва знала...

Интересенъ міръ московскихъ „книжниковъ“. Астаповъ, знавшій этотъ міръ, дѣлился своими свѣдѣніями съ пріятелями.

Въ трактирѣ Колгушкина сзади была „можайка“, гдѣ сходились всѣ „стрѣлки“ и букинисты. Тутъ была книжная биржа, благодаря чему было нетрудно найти всякую рѣдкостную книгу. Сюда приходили и собиратели книгъ. „Стрѣлки“ — любопытный народъ. Каждый съ своимъ прозвищемъ: „Попъ“, „Карноухій“, „Лисичка“, „Телячьи ножки“, „Кубъ“, „Ходуля“, „Миклуха-Маклай“ и т. п. Былъ одинъ совсѣмъ неграмотный, по прозванію „Асмодей“. Онъ скупалъ всякую книгу, а продавалъ такъ: сядетъ въ трактирѣ и, смотря въ книгу, начинаетъ декламировать „Убогую и нарядную“. Извозчики и рабочіе слышатъ и „одобряютъ“:

— Продай за гривенникъ!

„Асмодей“ продаетъ. Извозчикъ дома читаетъ.

Его спрашиваютъ:

— Хороша книжка-то?

— Хороша, только о коняхъ все писано.

Оказывается „Ветеринарный Журналъ“.

И о покупателяхъ Астаповъ передавалъ много интересныхъ наблюденій. Были среди нихъ странные люди. Къ книжникамъ Смоленскаго рынка (тогда торговали книгами и тамъ) постоянно пріѣзжалъ господинъ, всегда въ каретѣ цугомъ, въ шляпѣ съ перьями. Его прозвали:

— Испанскій посланникъ.

Онъ покупалъ всякія книги, безъ различія содержанія, не обращая вниманія на дублеты, лишь бы изданія были длиной не болѣе $1\frac{1}{2}$ вершковъ.

Иногда „клубъ“ Астапова переселялся въ теплое мѣсто, всегда въ одно и то же,—въ Судаковскій трактиръ, на Рождественкѣ, который существуетъ и теперь. Онъ назывался „Низокъ“, а потомъ „Яма“, гдѣ сектанты и православные около двадцати лѣтъ устраивали свои собесѣдованія по воскресеньямъ.

Астаповъ былъ каждый день въ „Низкѣ“. Приходилъ знакомый покупатель въ Проломныя ворота и видѣлъ, что въ дверяхъ открытой Астаповской лавки стояла поперекъ метла или скамейка,—это знакъ, что Астаповъ въ „Низкѣ“. Покупатель шелъ туда. Тамъ около Астапова собиралась компанія друзей, на столѣ — водка, закуска и чай. Въ грязномъ „Низкѣ“ бывали: В. С. Соловьевъ, Н. А. Чаевъ, Н. П. Бочаровъ, М. В. Лентовскій и другіе.

— Завидовалъ намъ часто заслуженный профессоръ Безсоновъ: „И я бы въ „Яму“ пошелъ, да званіе не позволяетъ“.

А извѣстный профессоръ А. С. Павловъ спускался въ „Низокъ“:

— Неловко,—говорилъ онъ Астапову,—ну, да пойдемъ, соблазнитель!

И такъ потомъ разговорился профессоръ, что забылъ, гдѣ онъ сидитъ.

Отъ московскихъ книголюбовъ перейдемъ къ французскимъ.

Имя Альфонса Лемера,—говоритъ въ „Рѣчи“ В. Ирецкій,—тѣсно связано съ самой блестящей эпохой поэзіи Франціи. „До основанія книжной фирмы „Лемеръ“ французскихъ поэтовъ еще не существовало“,—писалъ онъ во вступленіи къ первому тому своего извѣстнаго изданія „Poètes français“, и формулу эту впослѣдствіи признали и сами поэты.

Въ лавкѣ у Лемера,—разсказываетъ „Figaro“,—всегда можно было встрѣтить молодого Верлэна, который довѣрилъ ему свой первый сборникъ, робкаго Ксавье де-Рикара, обаятельнаго бѣлокураго Мендеса, безупречнаго Эредіа, „который, казалось, заикался для того, чтобы продлить удовольствіе ожиданія его удивительной рифмы“, мечтательнаго и кроткаго Франсуа Коппэ, олимпійца Леконтъ де-Лиля и множество другихъ. Въ горячихъ спорахъ о литературѣ, возникавшихъ среди этихъ лучшихъ представителей „Парнасса“, неизмѣнное участіе принималъ и Лемеръ, проявлявшій большой вкусъ, истинное пониманіе поэзіи и трогательную любовь къ книгѣ.

Поэтически настроенная молодежъ изъ Латинскаго квартала, въ мечтахъ своихъ видѣвшая музъ, смотрѣла на издаваемыя Лемеромъ книги въ желтыхъ обложкахъ и на прекрасной бумагѣ, какъ на торжество увѣнчаннаго самолюбія поэта, потому что попасть къ Лемеру это значило вступить на путь славы. Позже онъ сталъ издавать Анатоля Франса, Поля Бурже, Марселя Прево и др.

Это былъ издатель старой, если можно такъ выразиться, издательской школы, которая беззавѣтно любила литературу, бережно обращалась съ молодыми дарованіями и старалась подкупить своего читателя не сенсаціей, не модньмъ именемъ, а талантомъ автора и серьезной преданностью искусству.

Изъ этой школы вышли у насъ знаменитый Смирдинъ, издатель Пушкина, Исаковъ, Сленинъ, Солдатенковъ, Павленковъ и нынѣ здравствующіе бр. Сабашниковы и Пантелѣевъ. Ихъ имена, быть можетъ, и не много говорятъ читателю, но литература ихъ не забудетъ: это были ея вѣрные друзья, нѣжно оберегавшіе „сады россійской словесности“. И когда одинъ изъ нихъ, Смирдинъ, разорился окончательно и, между прочимъ, потому, что смотрѣлъ на книгу не какъ торговецъ, а какъ читатель, и щедро оплачивалъ авторовъ,—писатели единодушно пришли къ нему на помощь и издали въ его пользу сборникъ. Это случалось не разъ и съ парижскими книгоиздателями и свидѣтельствовало лишь о томъ, что когда-то авторъ не смотрѣлъ на своего издателя, какъ на эксплоататора.

А какіе бываютъ теперь книгоиздатели, можно судить по слѣдующей замѣткѣ, напечатанной въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ:

„Союзъ защиты нѣмецкихъ писателей, совмѣстно съ другими союзами журналистовъ и издателей, выступилъ на борьбу съ однимъ опаснымъ явленіемъ—съ издателями, предлагающими молодымъ авторамъ печатать ихъ произведенія на ихъ же собственный счетъ. Система этихъ „издательствъ на собственный счетъ“ заключается въ безжалостной эксплоатаціи литературныхъ новичковъ, которыхъ издатели осыпаютъ восторженными похвалами и увѣреніями въ томъ, что книги ихъ будутъ раскупаться нарасхватъ. Молодые авторы, обыкновенно страстно желающіе видѣть свои произведенія напечатанными, вносятъ издателю сумму, большей частью значительно превышающую стоимость изданія, о распространеніи котораго издатель вовсе и не думаетъ. Предстоитъ цѣлый рядъ интересныхъ судебныхъ процессовъ“.

Мелочи прошлаго.

Изъ литературныхъ курьезовъ.

Въ печатающихся на страницахъ „Ист. Вѣст.“ воспоминаніяхъ стараго журналиста А. Е. Кауфмана и д-ра В. Б. Бертенсона выдѣляется нѣсколько фактовъ, достойныхъ попасть въ копилку литературныхъ анекдотовъ.

„У Лѣскова,—разсказываетъ г. Кауфманъ,—былъ всегда большой запасъ анекдотовъ о писателяхъ. Помню, какъ онъ разсмѣшилъ всѣхъ шуткою о Н. А. Лейкинѣ.

Лейкинъ явился въ редакцію „Новостей“ и пригласилъ къ себѣ своихъ друзей на чашку чая. Послѣ его ухода является Лѣсковъ.

— Зачѣмъ, господа, приходилъ къ вамъ Лейкинъ; ужъ не приглашалъ ли къ себѣ на вечеръ?

— Совершенно вѣрно.

— И вы пойдете?

— Отчего же не пойти?

— Нѣтъ, вы непремѣнно пойдите; онъ васъ такъ угоститъ, такъ угоститъ, что долго помнить будете. Онъ поднесетъ вамъ такое вино, какого нигдѣ пить не можете.

— Какое же это особенное вино? Вѣдь Лейкинъ, кажется, не изъ щедрыхъ амфитріоновъ, — замѣтилъ кто-то. (Лейкинъ, дѣйствительно, не отличался особенною щедростью.)

— Вино изъ медико-хирургической академіи,— заявилъ Лѣсковъ.— Ради экономіи, Лейкинъ, видите ли, скупаетъ у сторожей вино послѣ промыванія имъ нѣкоторыхъ ранъ. (Такое промываніе практиковалось тогда.)

Всѣ покатились со смѣху, а одинъ заявилъ, что ни за что не пойдетъ на вечеръ, ибо ему будетъ казаться, что онъ пьетъ „медико-хирургическое вино“...

Другой курьезъ, сообщаемый авторомъ этихъ воспоминаній, касается покойнаго В. И. Модестова, извѣстнаго профессора.

„Модестовъ съ рѣдкой добросовѣстностью относился къ своимъ газетнымъ статьямъ, какъ и къ самой крохотной библіографической замѣткѣ. Малѣйшая опечатка приводила его въ полное отчаяніе. Онъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что другіе сотрудники въ подобныхъ случаяхъ отдѣлывались злыми шутками по адресу корректоровъ или редактора.

Ненависть Модестова къ корректорамъ раздѣлялъ одинъ П. И. Вейнбергъ.

— Я, вообще, люблю людей, — заявлялъ П. И.,—но ненавижу петербургскихъ „ванекъ“ и корректоровъ.

При этомъ Вейнбергъ любилъ вспоминать фразу Некрасова, что опечатка въ стихотвореніи—это клопъ на безукоризненно-чистой манишкѣ рубахи.

Изъ-за этихъ-то „клоповъ“ Модестовъ часто устраивалъ въ редакціи цѣлыя сцены.

Помню, ночью во время просмотра редакторскихъ оттисковъ Потовичъ заявилъ, что ему надо бы повидать рано утромъ Модестова по весьма важному дѣлу и что придется написать ему, чтобы онъ пріѣхалъ.

— Модестовъ живетъ не близко, на Гончарной,— замѣтилъ я:—и всего проще сдѣлать маленькую опечатку въ завтрашнемъ фельетонѣ, и В. И. безпремѣнно явится для распеканціи.

Насчетъ опечатки постарались корректора, и на слѣдующее утро Модестовъ былъ тутъ какъ тутъ“...

Г. Кауфманъ приводитъ двѣ-три удачныхъ эпиграммы.

„Въ верхнемъ этажѣ „Голоса“ подвизались министры и генералы, а въ нижнемъ—сначала легкомысленный Нилъ-Адмирари (Панютинъ), а затѣмъ ярый либералъ Гамма-Градовскій. Крайніе взгляды талантливаго публициста причиняли иногда безпокойство осторожному Краевскому, которому Д. Д. Минаевъ вложилъ въ уста слѣдующее язвительное четверостишіе:

О, почто себѣ на горе я,
Не жалѣя гонорарія,
Взялъ Градовскаго Григорія
Вмѣсто Нила Адмирарія.

Сотрудники „Новостей“ въ минуты хорошаго расположенія духа писали другъ на друга злыя эпиграммы и изображали одинъ другого въ карикатурномъ видѣ. Чтобы спасти эти произведенія отъ полнаго забвенія, ихъ стали наклеивать на редакціонной печкѣ, на карнизѣ которой красовалась надпись: „Печка“ — газета откровенная, „теплая“ и т. д. Никому не было пощады, даже корректорамъ: особенно курьезныя опечатки наклеивались на печкѣ.

Сотрудничали въ „Печкѣ“ своими произведеніями редакторъ „Новостей“, В. И. Немировичъ-Данченко, В. П. Майновъ, В. О. Михневичъ, П. О. Василевскій, Г. К. Градовскій, В. Л. Ранцовъ и другіе.

Просматривая „Печку“, Потовичъ не разъ въ шутку замѣчалъ, что иные его сотрудники пишутъ остроумнѣе на ней, чѣмъ въ газетѣ, а потому ихъ произведенія для газеты можно бросать въ печку, а написанное для „Печки“ съ удобствомъ могло бы быть напечатано на столбцахъ „Новостей“.

Популярному профессору-лектору Оресту Миллеру, отличавшемуся большою отзывчивостью, одинъ изъ редакціонныхъ поэтовъ посвятилъ слѣдующее стихотвореніе:

„Заговорили о Надсонѣ,
Орестъ надсонитъ во весь духъ.
Вспомнили о Байронѣ,
Орестъ байронитъ ужъ за двухъ.
Вотъ въ моду сталъ входитъ Лопенъ,
Орестъ, ну, лопни жъ—наконецъ!..“

Вокругъ имени Пушкина.

О любопытномъ отношеніи къ Пушкину въ нашихъ высшихъ сферахъ сообщаетъ г. Бертенсонъ въ той же кн. „Ист. Вѣст.“

„Однажды,—читаемъ въ его „листкахъ воспоминаній“, — великая княгиня Ольга Ѳеодоровна (супруга вел. кн. Мих. Ник.) поставила меня втупикъ одною довольно оригинальною просьбою. Провожая на вокзалъ своего сына кн. Георгія Михайловича, уѣзжавшаго тогда въ первый разъ со мною за границу, великая княгиня попросила меня купить ей, уже въ Эйдкуненѣ, въ подарокъ томикъ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина.

— Времени у васъ для отправки стихотвореній будетъ довольно,— сказала она.— Адресуйте прямо на мое имя. Тогда Пушкинъ въ цензуру не попадетъ!

Зная, какъ и многіе, читавшіе въ молодости, эти стихотворенія, въ которыхъ берлинскіе издатели почти всѣ рискованныя мѣста называли собственными ихъ именами, я немного сконфузился...

Книжку, однако, пришлось все-таки при-

слать, но такъ какъ ея въ Эйдкуненѣ не оказалось, о чемъ я телеграфировалъ великой княгинѣ, то я ее послалъ изъ Берлина, за что получилъ по телеграфу благодарность".

Въ „Рус. Арх." приводятся интересныя свѣдѣнія изъ записной книжки покойнаго издателя, дающія страничку къ біографіи Пушкина.

Является въ Москву А. С. Пушкинъ, видитъ Екатерину Николаевну Ушакову въ благородномъ собраніи, влюбляется и знакомится. Завязывается тѣсная сердечная дружба, и, наконецъ, послѣ продолжительной переписки Екатерина Ушакова соглашается выйти за него замужъ. Въ это время въ Москвѣ жила извѣстная гадальщица, у которой нѣкогда бывалъ даже государь Александръ Павловичъ. Пушкинъ не разъ высказывалъ желаніе побывать у этой гадальщицы; но Е. Н. Ушакова постоянно отговаривала его. Однажды Пушкинъ пришелъ къ Ушаковымъ и въ разговорѣ сообщилъ, что онъ былъ у гадальщицы, которая предсказала ему, что онъ „умретъ отъ своей жены". Хотя это сказано было какъ бы въ шутку, какъ нелѣпое вранье гадальщицы, однако, Е. Н. Ушакова взглянула на это предсказаніе заботливо и объявила Пушкину, что такъ какъ онъ не послушался ея и былъ у гадальщицы, то она сомнѣвается въ силѣ его любви къ ней; а съ другой стороны, предвѣщаніе, хотя бы и несбыточное, все-таки заставило бы ее постоянно думать и опасаться за себя и за жизнь человѣка, котораго она безгранично полюбитъ, если сдѣлается его женою; поэтому она и рѣшается отказать ему для него же самого. Дѣло разошлось. Пушкинъ впослѣдствіи женился, она же осталась въ дѣвицахъ. По смерти Пушкина она вышла замужъ за вдовца Дмитрія Николаевича Наумова и имѣла дочь, которая выдана была за Дмитрія Николаевича Обрѣзкова. Дочь этой Обрѣзковой была за княземъ Голицынымъ, недавно умершимъ. Когда бывшая Екатерина Николаевна Ушакова умирала, то приказала дочери подать шкатулку съ письмами Пушкина и сожгла ихъ. Несмотря на просьбы дочери, она никакъ не желала оставить ихъ, говоря: „Мы любили другъ друга горячо, это была наша сердечная тайна; пусть она и умретъ съ нами".

Въ „Рѣчи" Борисъ Садовскій разсказываетъ никѣмъ не описанный случай изъ жизни Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской. Анекдотъ этотъ показываетъ, какую значительную роль даже захолустные обыватели сороковыхъ годовъ отводили Нат. Ник. въ роковой гибели ея перваго мужа.

Нат. Ник. Пушкина вдовѣла семь лѣтъ и въ 1844 году вышла замужъ за кавалергарда Ланского. Въ одинъ лѣтній прекрасный день Нат. Ник. Ланская, проѣзжая въ помѣстье супруга своего, прибыла въ уѣздный городъ Макарьевъ. Здѣсь предстояло ей переправиться на паромѣ на правый берегъ Волги.

Пока знатная путешественница ожидала парома, пока, наконецъ, онъ пришелъ, пока собрались установливать на него коляску и лошадей, времени прошло не мало. Наталья Николаевна съ чувствомъ легкой досады увидала себя въ полномъ уединеніи. Отъ скуки она приказала камеристкѣ достать ей изъ сакъ-вояжа новую книжку Мюссе, усѣлась на складномъ дорожномъ креслѣ и, принявъ позу обычно изображаемыхъ въ великосвѣтскихъ романахъ героинь, раскрыла французскій томикъ.

Вскорѣ явился макарьевскій почтмейстеръ, единственный городской сановникъ, узнавшій о пріѣздѣ Нат. Ник. изъ частнаго письма, которое онъ, подобно коллегѣ своему, гоголевскому Шпекину, полюбопытствовалъ прочитать. Иванъ Саввичъ, можно сказать, соединялъ въ себѣ черты обоихъ гоголевскихъ почтмейстеровъ, и если въ чтеніи писемъ уподоблялся почтмейстеру изъ „Ревизора", то въ любви къ литературѣ не уступалъ почтмейстеру изъ „Мертвыхъ душъ". Въ казенномъ шкапу, заодно съ дѣловыми бумагами, хранились у него въ отличныхъ кожаныхъ и сафьяновыхъ переплетахъ Державинъ, Батюшковъ, Жуковскій, Карамзинъ, книжки „Сѣверныхъ цвѣтовъ", томы „Библіотеки для чтенія" и „Отечественныхъ Записокъ" и полный Пушкинъ. Въ мундирѣ и при шпагѣ, колыхая затянутый животъ, Иванъ Саввичъ подошелъ къ ея превосходительству, расшаркался и назвалъ себя.

Нат. Ник. сложила книжку и небеснымъ взоромъ облагоухала почтительнаго почтмейстера.

— Такая скука, — обронила она. — Такъ долго ждать переправы!

Почтмейстеръ, отворотясь показалъ перевозчикамъ свирѣпое лицо и погрозилъ незамѣтно кулакомъ.

— Ужъ это такой народъ, ваше превосходительство. Смѣю доложить: когда не надо, поспѣваютъ, а какъ вотъ къ спѣху, хоть умри, ничего не сдѣлаютъ.

— Если бы не книга, я бы умерла.

— Осмѣлюсь спросить, что изволите читать, ваше превосходительство?

И, увидя иностранную печать, почтмейстеръ слегка смутился.

— Читали вы?— спросила Нат. Ник.

— Никакъ нѣтъ-съ, не обученъ языкамъ. Русскихъ люблю-съ.

— Кого же вы любите? — еле цѣдила генеральша, слѣдя не безъ удовольствія, какъ на паромъ вводили лошадей.

— Державина, ваше превосходительство, люблю, Жуковскаго, Василія, Тимоѳеева-съ, Бенедиктова даже до чрезвычайности.

— Который же поэтъ вамъ больше всѣхъ нравится?— продолжала все такъ же однотонно Нат. Ник., не отводя взора отъ перевоза.

Почтмейстеръ, ободренный снисходительнымъ вниманіемъ важной дамы, разошелся и осмѣлѣлъ совсѣмъ.

— Да что, ваше превосходительство, всѣ эти поэты передъ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, можно сказать, недорого стоятъ. Вотъ ужъ поэтъ, такъ поэтъ!— И, глядя съ восхищеніемъ въ благосклонно устремившіяся на него черныя очи Нат. Ник., прибавилъ съ чувствомъ:—Одно жалко: изъ-за бабы погибъ, изъ-за жены... Разорвалъ бы ее, кажется, своими руками.

Нат. Ник. все съ тѣмъ же полувнимательнымъ благоволеніемъ дослушала горячую рѣчь любителя поэзіи, потомъ опустила рѣсницы и гибко-величавымъ движеніемъ поднялась съ кресла. Почтмейстеръ склонился низко, ожидая милостиваго привѣтствія на прощанье, но генеральша ни слова не сказала и, взойдя при помощи слугъ на готовый къ отплытію паромъ, приказала немедленно отчаливать.

Когда, поворотясь, чтобы итти, почтмейстеръ снялъ шляпу и вытеръ лысину голубымъ платкомъ, къ нему подошелъ кипѣвшій негодованіемъ дѣдъ разсказчика, стоявшій все время въ почтительномъ отдаленіи и наблюдавшій эту сцену.

— Не ожидалъ, Иванъ Саввичъ, какъ не совѣстно вамъ, не могли меня представить генеральшѣ!

— Рано еще вамъ генеральшамъ-то представляться, — отвѣчалъ шутливо довольный толстякъ.

— Да мнѣ не то лестно, что она генеральша,— продолжалъ огорченный юноша,— вѣдь она Пушкина самого вдова, вотъ что любопытно. Красавица-то какая! Изъ-за нея и убили его... Иванъ Саввичъ, что съ вами? Нездоровы? Дурно?

Иванъ Саввичъ, охнувъ, сѣлъ едва живой на песчаный бугоръ, и помутнѣвшими глазами, не дыша, всматривался въ струистую гладь Волги. По ней плавно пересѣкалъ теченіе паромъ съ лошадьми и коляской и, возсѣдая величаво на походномъ креслѣ, Нат. Ник. дочитывала Мюссе...

Цѣлый годъ почтмейстеръ ждалъ отставки, всяческаго позора и взысканій за дерзость. Опасенія его не сбылись. Надо думать, что Нат. Ник. Ланская не разсказывала никому о литературной бесѣдѣ своей съ макарьевскимъ почтмейстеромъ.

Отзывы о книгахъ.

156. Зандбергъ, Д. Г. 016:9(0:8)

Историческая беллетристика въ школѣ. Опытъ систематическаго критическаго указателя. Ч. I. Всеобщая исторія. Подъ ред. Д. Н. Егорова. М. 1912. Ц. 50 к.

Подобный „опытъ“ указателя исторической беллетристики могъ бы быть весьма полезнымъ школьнымъ пособіемъ. Историческая беллетристика нужна въ школѣ. Ориентироваться въ ней преподавателю труднѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ, потому что ея много количественно и она подчасъ очень слаба качественно, не имѣя въ дѣйствительности рѣшительно никакого отношенія къ исторіи, кромѣ названія. Но первый „опытъ“ такого указателя, предложенный намъ, далеко не удовлетворяетъ своему назначенію. Онъ очень претенціозенъ, очень много говоритъ о себѣ (и въ предисловіи составителя, и въ предисловіи редактора), но этого еще недостаточно. Ссылкой на„ древнихъ“ редакторъ восхваляетъ ту безыскусственную, чисто дѣловую форму, которая придана указателю. „Ни одно сужденіе не высказано на вѣтеръ“,— удостовѣряетъ редакторъ. Но слишкомъ „дѣловая“ форма указателя привела къ тому, что въ сущности въ немъ сужденій совсѣмъ нѣтъ. Взятъ тотъ или другой историческій романъ (взяты только переведенные на русскій языкъ) и отмѣчено, какіе вопросы освѣщены въ романѣ. И затѣмъ къ нѣкоторымъ прибавлены также скупыя отмѣтки: „переводъ старъ, но сносенъ“, „книга очень элементарна“, „книга очень художественна“ и т. д. Совершенно непонятно при такихъ условіяхъ, почему авторъ именуетъ свой текстъ „отзывами о рекомендуемыхъ книгахъ“. Правда все это сдѣлано строго обдуманно, по предварительному плану, разработанному въ исторической секціи педагогическаго Общества при московскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Въ книгѣ ничего нѣтъ „произвольнаго“. И, узнавъ это, рецензентъ приходитъ въ полное недоумѣніе когда ему говорятъ, что указатель доводитъ свой обзоръ только до XVIII вѣка, потому что „книги, относящіяся къ XVIII вѣку, являются въ значительной части макулатурой, что касается XIX вѣка, то тутъ, строго говоря, нѣтъ историческаго романа, который какъ бы расплывается въ общей бытовой литературѣ“. Полагаемъ что каждый согласится, что это произвольное сужденіе абсолютно не соотвѣтствуетъ истинѣ. Но за всѣмъ тѣмъ рецензируемый „опытъ“ указателя исторической беллетристики все-же можетъ имѣть свое значеніе: въ немъ отмѣчено по эпохамъ 98 романовъ съ указаніемъ, какой историческій вопросъ освѣщается романомъ. Вотъ это очень цѣнно. Надо пожелать только, чтобы въ дальнѣйшей работѣ и составитель, и редакторъ отказались отъ своей излишней и неумѣстной, пожалуй, претенціозности. (*С. М. „Рус. Вѣд.“ 1912—198*).

157. Дессуаръ, М., проф. 15

Очерки психологіи. Авторизованный переводъ съ нѣм. М. В. Райхъ. СПБ. 1912.

Психологія вообще не богата историческими изслѣдованіями. Большой трудъ Шенье по „Исторіи психологіи грековъ“, краткая „Исторія психологіи“ Гармса, неоконченная „Исторія психологіи“, Зибека, неоконченная „Исторія новѣйшей нѣмецкой психологіи“ Дессуара, книга Вилла о „Современной психологіи“, книга Эд. фонъ-Гартмана, посвященная „Новѣйшей психологіи“,— вотъ, пожалуй, все главное, что написано въ этой области. Уже по одному этому небольшая книжка Дессуара должна быть привѣтствуема. Но у нея есть, кромѣ того, еще и внутреннія достоинства, дѣлающія изъ нея чрезвычайно полезное пособіе для каждаго, кто интересуется психологіей. Въ краткой, сжатой формѣ она сообщаетъ почти-что о всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ психологическихъ ученіяхъ, чего никакъ нельзя сказать о книжкѣ Гармса, пока единственной, излагающей всю исторію психологіи цѣликомъ. Разумѣется, не все въ одинаковой мѣрѣ удовлетворительно въ книжкѣ Дессуара. Такъ, напримѣръ, непріятно поражаетъ отсутствіе изложенія ученій о душѣ у древнихъ восточныхъ народовъ, въ частности индійскихъ и древне-еврейскихъ ученій. Слишкомъ мало мѣста удѣлено психологическимъ ученіямъ отцовъ церкви. Черезчуръ мимолетно разсмотрѣна психологія шотландской школы. Совершенно отсутствуетъ хотя бы только упоминаніе о психологическихъ ученіяхъ такихъ замѣчательныхъ мыслителей начала прошлаго вѣка, какими являются итальянцы Ростини и Джіоберти и американецъ Эмерсонъ. Хотѣлось бы также, чтобы очеркъ былъ доведенъ до болѣе поздняго времени и не кончался 70-ми годами прошлаго столѣтія. Послѣднія 40 лѣтъ были весьма богаты разнообразнѣйшими психологическими ученіями, близость же ихъ современности не представляется въ устахъ историка достаточнымъ основаніемъ для ихъ исключенія. Среди достоинствъ книжки Дессуара особенно слѣдуетъ отмѣтить изложеніе психологіи нѣмецкаго идеализма, вскрывающее въ немногихъ словахъ ту огромную роль, которую играла эта дисциплина въ ихъ чисто-философскихъ спекуляціяхъ вопреки ихъ собственному мнѣнію. Переводъ читается легко, хотя и не всегда свободенъ отъ нерусскихъ выраженій. (*Б. Я—ко. „Рус. Вѣд.“ 1912—198*).

* **Горбуновъ-Посадовъ, И. И.** 178.1:371

См. порядк. № 164.

158. Дурново, О. Д. 226

Такъ говорилъ Христосъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М. 1912. Ц. 3 р.

Первое изданіе этого труда появилось за границею, въ Берлинѣ, второе появляется въ Мо-

сквѣ. Авторъ положилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ на вдумчивое изученіе Евангелій и посланій апостоловъ, а также писаній современныхъ имъ, но не позднѣйшихъ, дабы не было замутнено передъ изучающимъ зеркало, въ которомъ онъ разсматриваетъ ученіе І. Христа. Авторъ (въ предисловіи) отвергаетъ распространенный взглядъ, будто зерномъ ученія Спасителя служила „любовь къ ближнему", такъ какъ изгнавшій торгующихъ изъ храма, и изрекшій: „Я не миръ принесъ на землю, но мечъ и раздѣленіе", и что ради Него „нужно оставить отца и мать, и жену, и ближнихъ",—явно не имѣлъ главнымъ предметомъ любовь. Конечно, это такъ: хотя есть другія, столь же многоцѣнныя и памятныя слова, говорящія, что „кто имѣетъ любовь—исполнилъ все". Но не будемъ ни соглашаться съ авторомъ, ни оспаривать его. Въ обширномъ предисловіи (125 стр.) авторъ развиваетъ свое пониманіе Евангелій и всего ученія І. Христа, а затѣмъ даетъ переводъ Евангелія „по его смыслу", вставляя на мѣсто нѣкоторыхъ выраженій І. Христа, оставляющихъ въ читающемъ колебаніе или недоумѣніе—уже прямо тотъ основной смыслъ, какой онъ, Дурново, находитъ въ Его ученіи. Черезъ это все Евангеліе читается такъ сказать раціональнѣе и прозрачнѣе, чѣмъ есть. Можетъ быть многихъ это удовлетворитъ,—удовлетворитъ логизація религіи. Но столь же безспорно, что очень многіе будутъ до муки спорить съ г. Дурново; спорить противъ его именно пониманія ученія І. Христа, подставляя на мѣсто этого свои другія толкованія. Здѣсь споръ можетъ быть безконеченъ и уже былъ безконеченъ. Наконецъ, г. Дурново встрѣтитъ группу людей,—и къ нимъ принадлежитъ пишущій эти строки,—которые вовсе и не хотятъ разъяснять, просвѣтлять темныя мѣста въ реченіяхъ Христа, ни хорошо, ни худо, а хотятъ видѣть ихъ въ Евангеліи именно темными, загадочными, непостигнутыми и непостижимыми; хотятъ получать отъ этихъ словъ впечатлѣніе, и не хотятъ, чтобы это впечатлѣніе переходило въ мысль. Мнѣ $2 \times 2 = 4$ г. Дурново не нравится, потому что это ариѳметика, а не молитва; а я хочу молитвы, и ради нея обращаюсь къ вѣрѣ, къ церкви, къ Богу, къ религіи. Религія и не противорѣчитъ 2×2, и не есть то же, что 2×2, а находится въ сторонѣ отъ этого и есть третье, иное. Есть „вправо и влѣво", и г. Дурново указываетъ „вправо" (положимъ), воздерживая отъ „лѣваго": а я хочу—„впередъ". Хочу можетъ быть „назадъ", хочу можетъ быть „вверхъ". Вотъ видите, сколько движеній, помимо раціональнаго. Наконецъ, я хочу и „никуда", а мнѣ „чего-то хочется": „чего"— не знаю, а главное — не допускаю, чтобы мнѣ кто-нибудь указывалъ. „Не сидится" на мѣстѣ, а „бѣжать" тоже никуда не хочу. Тогда я „становлюсь" на колѣни, душа моя вся пламенѣетъ, произношу довольно безсвязныя, не по 2×2, слова, которыя меня такъ-то утѣшаютъ: и, совершивъ всѣ эти „мало понятные поступки", чувствую себя успокоеннѣе, свѣтлѣе, лучше. Вотъ это мнѣ кажется больше религіею, нежели „усовершенствовать себя согласно своему понятію" (идея г. Дурново), чему могъ научить и не Христосъ, а всякій школьный учитель. Религія есть и останется Святою Тьмою; гдѣ мы Бога не видимъ, а только чувствуемъ: откуда (откуда же???) къ намъ прилетаютъ ангелы, говорятъ намъ вѣсти, откуда мы ждемъ чуда,—и иного чуда и изъ иного мѣста не хотимъ, отвращаемся. Что такое? Непостижимое и должно остаться непостижимымъ: но сюда мы молимся, сюда поднимаемъ заболѣвшаго ребенка; здѣсь молимъ о мирѣ въ душу, когда ссоримся съ ближними. Все—здѣсь, сюда и отсюда. Отсюда намъ даютъ святую воду, и я обмачиваю ею заболѣвшій глазъ; отсюда масло на заболѣвшую рану; и здѣсь ставлю лампаду, на которую взглядываю ночью. Закричатъ: „предразсудки! темнота!" Ну, вотъ и хорошо, что „темнота": при свѣтѣ я буду играть въ карты, а когда захочу помолиться, то непремѣнно останусь „въ темнотѣ". Все „понятное" мнѣ надѣло въ классической гимназіи Толстого и на „понятно изложенныхъ" лекціяхъ въ университетѣ. Какъ я вышелъ въ жизнь, и увидѣлъ, что все важное въ ней, все, наконецъ, цѣнное и святое въ ней—именно непонятно, темно, но грѣетъ, но живитъ, но питаетъ. Да: „понятное"—не питаетъ, а „непонятное" вотъ питаетъ. Не умирать же мнѣ съ голоду ради вашего „понятнаго", не умирать среди камней пустыни, которые „осмотришь со всѣхъ сторонъ, поймешь со всѣхъ сторонъ" и—бросишь. Потому что же съ ними дѣлать.

Религія—тайна. Вотъ этого г. Дурново не понимаетъ, и не понимаютъ множество людей раціональнаго склада натуры. Эти люди размышляющіе, а не болящіе, допытывающіеся, а не тоскующіе, дѣлающіе и не грѣшащіе. Но вѣдь есть въ мірѣ Грѣхъ, Боль, Тоска. Есть-ли?

Если да—религія вѣчна.

А когда умретъ Грѣхъ, Тоска и Боль—религіи будетъ не нужно. Но тогда, пожалуй, человѣкъ скажетъ: „тогда и мнѣ не нужно быть".

„Такъ что, когда останутся одни камни пустыни"...

То—повидимому уже совершенно разумный и счастливый,—онъ поищетъ веревки и крюка на потолкѣ, или поищетъ осины, какъ темный ученикъ Христовъ...

И вотъ этотъ-то послѣдній часъ, къ которому всѣ идутъ и жаждутъ его—будетъ самый горшій часъ. (*В. Розановъ. „Нов. Вр." 1912—13125.*)

159. А. Р. 281.93

А. Р. „Историческая переписка о судьбахъ православной церкви". 1912. 63 стр. Ц. 50 к.

Брошюра содержитъ въ себѣ крайне цѣнный и интересный матеріалъ по вопросу о реформахъ церкви и о правовомъ положеніи и отношеніи ея къ государству. А что еще больше повышаетъ ея значеніе и интересъ—она представляетъ собою взаимную пикировку двухъ вліятельнѣйшихъ сановниковъ: бывшаго предсѣдателя комитета министровъ С. Ю. Витте и покойнаго оберъ-прокурора синода К. П. Побѣдоносцева.

Полемика эта возникла по поводу того, что въ началѣ нашей недавней общественно-политической „весны" (1905 г.) входившій тогда снова въ силу С. Ю. Витте захотѣлъ, очевидно, „посчитаться" съ одряхлѣвшимъ лидеромъ нашей государственной церковности Побѣдоносцевымъ и составилъ записку, въ которой достаточно откровенно, широко и даже либерально поставилъ вопросъ о коренныхъ неустройствахъ церковной жизни и о желательности въ ней серьезныхъ реформъ. Въ союзѣ съ Витте, до извѣстной степени, былъ и петербургскій митрополитъ Антоній и даже нынѣшній оберъ-прокуроръ В. К. Саблеръ. Побѣдоносцевъ усмотрѣлъ въ этомъ актѣ

незаконное вмѣшательство въ „чужое“ вѣдомство и личную себѣ обиду. Но Побѣдоносцевъ въ то время былъ одинокъ, и его „соображенія“ по поводу сильной комитетской критики прямо поражаютъ своей мелочностью и казуистичностью, такъ мало напоминающей прежняго политическаго бойца. Этимъ воспользовался Витте и далъ великолѣпную отповѣдь чисто чиновничьей апологіи Побѣдоносцева. Въ результатѣ такой въ значительной степени даже „личной“ полемики двухъ соперничавшихъ между собой сановниковъ получилось очень краснорѣчивое и авторитетное отраженіе многихъ язвъ современной церковно-государственной жизни. И нельзя не поблагодарить издателя, укрывшагося подъ иниціалами, за изданіе такого въ высшей степени цѣннаго матеріала, который долженъ быть подъ рукой у всѣхъ интересующихся вопросами нашего церковно-общественнаго обновленія. (*Пр.-доц. А. Покровскій. „У. Рос.“ 1912—224.*)

* **Гинзбургъ, С. М.** 296:9(47)„1812“

См. порядк. № 185.

160. Котляревскій, С. А. 342(47)

Юридическія предпосылки русскихъ основныхъ законовъ. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. К. задался весьма интересной задачей—понять по статьямъ закона теорію законодателя; онъ обращается въ „психолога, способнаго расшифровать условный языкъ законодательства и постигнуть смыслъ, вложенный сюда авторами“, онъ переводитъ содержаніе статей закона на языкъ юридическихъ теорій и вскрываетъ политическія воззрѣнія, которыя, съ одной стороны, питаютъ научную мысль и даютъ основы теоретическимъ постулатамъ, съ другой—складываются въ краткія статьи закона и становятся его юридическими или, вѣрнѣе, политикоюридическими предпосылками. Установивъ съ самаго начала, что „юридическія предпосылки нашей конституціи отражаются именно въ разграниченіи правомочій“, авторъ пришелъ въ концѣ къ весьма печальнымъ съ конституціонной точки зрѣнія выводамъ. Законодательная власть предоставлена народному представительству „въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ это обычно имѣетъ мѣсто при конституціонномъ строѣ относительно законодательныхъ органовъ“. Не только количественно, но и качественно власть Думы неудовлетворительна; „компетенція народнаго представительства ограничена не только въ смыслѣ экстенсивномъ, но и интенсивномъ; его участіе въ осуществленіи признанной за нимъ функціи, такъ сказать, менѣе активно, чѣмъ въ большинствѣ современныхъ конституцій“; „въ особенности эта ограничительная тенденція видна тамъ, гдѣ открывается возможность конфликта между Думой и др. высшими госуд. органами; законодатель всюду стремился оставить послѣднее слово не за Думой“; „бюджетное право Думы и Совѣта оказывается относительно еще болѣе ограниченнымъ, чѣмъ ихъ право законодательное“; „въ контролѣ надъ управленіемъ русское народное представительство остается совѣщательнымъ“. Неудивительно, что послѣ такихъ выводовъ авторъ, сопоставляя нашу конституцію „по преимуществу съ данными тѣхъ конституцій, которыя отличаются ясно выраженнымъ октроированнымъ характеромъ и построены на признаніи монархическаго принципа“, приходитъ къ печальному заключенію, что „и при такомъ сопоставленіи нормы нашего государ. устройства выдѣляются своей ограничительной тенденціей въ отношеніи права представительныхъ учрежденій“. Ограниченности правомочій народнаго представительства соотвѣтствуетъ „расширенная сфера верховнаго управленія — и это расширеніе подрываетъ основы конституціоннаго строя: „верховенство закона“. Закономѣрность указовъ у насъ „не обезпечивается тѣми средствами парламентскаго воздѣйствія, которыя мы обычно встрѣчаемъ въ конституціонныхъ текстахъ“. Отрицаніе въ русскихъ основныхъ законахъ всякой отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ является самымъ яркимъ отличіемъ, совершенно выдѣляющимъ эти законы изъ ряда обычныхъ конституцій...

Разбираемая нами работа характеризуется тономъ разочарованія въ объектѣ изученія — и съ этой точки зрѣнія она весьма симптоматична и интересна. (*А. С. Тагеръ „Вѣст. Евр.“ 1912—7*).

Съ отдѣльными положеніями этой интересной книги можно не соглашаться (намъ, въ частности, представляется спорнымъ толкованіе проф. Котляревскимъ термина „самодержавный“), но нельзя не признать, что свою задачу — способствовать выясненію юридическихъ предпосылокъ, изъ которыхъ исходили творцы новыхъ основныхъ законовъ, авторъ выполнилъ замѣчательно удачно. Всякому, желающему ознакомиться съ основами русскаго государственнаго устройства, поскольку, онѣ выразились въ главнѣйшихъ конституціонныхъ актахъ, мы можемъ усиленно рекомендовать книгу проф. Котляревскаго: въ ней онъ найдетъ на рѣдкость содержательное изложеніе предмета, облеченное въ прекрасную литературную форму. (*А. Н. Макаровъ. „Журн. Мин. Юст.“ 1912—6.*)

161. [. . . . .] 371(03)

Практическая школьная энциклопедія. Подъ общей ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. Изд. журн. „Для Нар. Уч.“ М. 1912. Стр. 819. Ц. 3 р. 50 к.

Книга, дѣйствительно, заслуживаетъ названія настольной: она содержитъ массу совѣтовъ и указаній. Первый отдѣлъ сяподъ назв. „Учитель и школа“ имѣетъ цѣлью помочь въ организаціи школьныхъ занятій. Тутъ говорится о программахъ нач. школъ, о способахъ преподаванія предметовъ—рус. яз., армѳм., географіи, природов., физики, рисов., пѣнія, лѣпки и т. д., о книгахъ и журналахъ для дѣтскаго чтенія, о школьныхъ праздникахъ и играхъ, о дефективныхъ дѣтяхъ и ихъ обученіи, о дѣтскихъ садахъ, о школахъ, въ которыя можно поступить послѣ окончанія начальной. Второй отдѣлъ — „Самообразованіе учителя“ содержитъ рядъ указаній на образовательныя учрежденія для учителя—лѣтніе курсы, педагогическая академія, жен. педагогич. институтъ, курсы при Фребелевскомъ о-вѣ и др. Кромѣ того, въ этомъ отдѣлѣ помѣщены списки книгъ для чтенія и изученія по каждому отдѣльному предмету — педагогикѣ, исторіи, біологіи, географіи, литературѣ. Спискамъ предшествуетъ предисловіе спеціалиста, въ популярной формѣ излагающее сущность предмета и его значеніе. Третій отдѣлъ—„Культурно-просвѣтительная дѣятельность внѣ школы“ содержитъ статьи о народныхъ университетахъ, школахъ и курсахъ

для взрослыхъ, библіотекахъ, музеяхъ и проч. Четвертый отдѣлъ — справочный приводитъ законоположенія по школьному и внѣшкольному образованію за послѣдніе 7 лѣтъ.

Книга настолько содержательна и интересна, что высокая сама по себѣ цѣна—3 р. 50 к. — перестаетъ казаться такой послѣ ознакомленія съ книгой. (*И. К. „Сиб. Ж."* *1912—216*).

Это изданіе, несомнѣнно, представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ педагогическую литературу. Оно явится лучшимъ другомъ - руководителемъ нашихъ народныхъ учителей и дѣятелей по народному образованію. И въ интересахъ скорѣйшаго обновленія нашей школы, остается пожелать книгѣ гг. Тулупова и Шестакова самаго широкаго распространенія. (*„Совр. Сл."* *1912—1671.*)

Цѣнное пособіе для педагогическаго персонала и для всѣхъ, кто интересуется дѣломъ начальнаго народнаго образованія. (*И. Б. „Утро".* *1912—213.*)

Эта огромная книга—великолѣпный подарокъ народнымъ учителямъ... Въ предисловіи редакторы предупреждаютъ о возможности въ первомъ изданіи пропусковъ и ошибокъ. Они, конечно, найдутся; и, тѣмъ не менѣе, въ общемъ изданіе является положительно необходимой настольной книгой для педагога. Мы желаемъ полнаго успѣха „Энциклопедіи" и возможно скорѣйшаго повторенія ея изданія, а народныхъ учителей можемъ увѣрить, что они не пожалѣютъ потраченныхъ денегъ, если вздумаютъ пріобрѣсти этотъ великолѣпный трудъ. (*„Вѣст. Зн."1912—9*).

Что касается полноты „Энциклопедіи", то даже при самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи она неудовлетворительна. Даже предметы преподаванія въ начальной школѣ представлены въ ней въ какомъ то урѣзанномъ видѣ... Но и представленный въ „Энциклопедіи" методическій матеріалъ разноцѣненъ. Недурно и довольно обстоятельно составлены очерки по природовѣдѣнію, но чрезвычайно скудно схематическая статейка о русскомъ языкѣ... Это просто указатель методическихъ руководствъ, статей, пособій. Учитель не найдетъ въ этой, самой важной части „Энциклопедіи", никакихъ *практическихъ* указаній именно на *то, что и какъ нужно дѣлать*... Имѣются въ книгѣ и статьи о „рисованіи" и „лѣпкѣ". Но представлены онѣ въ страннномъ видѣ: статья о рисованіи есть ничто иное, какъ сжатый „самоучитель рисованія". Но по самоучителю, какъ извѣстно, научиться рисовать нельзя. Зато нѣтъ здѣсь ни звука о томъ, какъ собственно *учить*, хотя бы самому элементарному, рисованію. Физическому воспитанію — въ передовой и практической „Энциклопедіи", въ виду нераціональной постановки этого дѣла въ нашихъ школахъ, слѣдовало бы отвести большее мѣсто. Страннымъ намъ кажется игнорированіе въ „Энциклопедіи" и предмета религіозно-нравственнаго воспитанія... Нѣтъ здѣсь также и спеціальныхъ руководящихъ статей о воспитаніи собственно: не разрѣшенъ, напр., важный вопросъ о дисциплинѣ, о задачахъ, цѣляхъ и формахъ общественнаго воспитанія въ школѣ (хотя бы въ формѣ коллективныхъ работъ) и т. д... Въ изданіи мы видимъ лишь слабый намекъ на библіографію: указатели крайне скудны и въ доброй ихъ части состоятъ просто изъ перечня небольшихъ статей, нѣкогда помѣщенныхъ въ журналѣ „Для Народ. Уч.". Руководящія статьи не блещутъ достинствами... У книги есть и свои положительныя стороны: хорошія статьи В. Ульянова, М. Рубинштейна, А. Борзова, С. Сѣрополко и др.; много полезныхъ справочныхъ свѣдѣній; имѣются хорошіе учебные планы и программы, и въ цѣломъ книга, какъ первая попытка изданія крайне необходимой для учителя настольной книги, все же заслуживаетъ полнаго вниманія. (*А. Ивановъ. „Педаг. Обозр."* *1912—6.*)

„Энциклопедія" начинается со статьи *„Трудовой принципъ* обученія". Это—послѣднее слово педагогики и само по себѣ очень симпатичное; до нѣкоторой степени, этимъ принципомъ проникнуты и остальныя статьи „Энциклопедіи": вездѣ на первомъ планѣ самодѣятельность учащихся, активное (а не исключительно книжное) обученіе путемъ опытовъ, наблюденій и экскурсій, однако, подъ „ручнымъ трудомъ" здѣсь понимается лишь начальное обученіе работамъ изъ папки и дерева; подготовка же къ имѣющимъ значеніе занятіямъ по домоводству, рукодѣлію, огородничеству, садоводству и сельскому хозяйству здѣсь совершенно не имѣется въ виду; также упущена изъ виду связь между геометріей, рисованіемъ (черченіемъ) и ручнымъ трудомъ. Во вступительной статьѣ говорится о развитіи въ дѣтяхъ самодѣятельности и самоуправленія, но въ книгѣ нѣтъ и рѣчи о разнаго рода дѣтскихъ обществахъ, подготовляющихъ дѣтей къ той самой кооперации, о которой говорится въ „Энциклопедіи" на стр. 736. Во всякомъ случаѣ, какъ ни важно проведеніе трудового принципа въ обученіи, нельзя остановиться на немъ одномъ. Существуютъ и др. направленія въ педагогикѣ, быть можетъ, не столь модныя, но не менѣе важныя... Нѣтъ также никакой руководящей замѣтки о способахъ *нравственнаго* воспитанія... Недочеты библіографіи слѣдующіе: 1) указатели слишкомъ грамоздки; они даютъ большое количество статей, не отмѣчая, какія изъ нихъ заслуживаютъ предпочтительнаго вниманія: 2) часто указаны статьи и книги менѣе значительныя и пропущены болѣе важныя; 3) сплошь и рядомъ не указанъ годъ изданія книги; 4) нѣтъ списка принятыхъ сокращеній; 5) указатели не всегда согласованы другъ съ другомъ; 6) въ нѣкоторыхъ случаяхъ отсутствуетъ библіографія тамъ, гдѣ она наиболѣе необходима; 7) много опечатокъ...

Въ общемъ, книгою этою слѣдуетъ пользоваться осторожно. (*Н. Бахтинъ. „Нар. Обр."* *1912—9.*)

162. Бѣлинскій, В. 371 (081)

Педагогическія сочиненія. Съ вступительной ст. Г. А. Фальборка и очеркомъ жизни и педаг. дѣятельности Бѣлинскаго, съ примѣч. и библіогр. указаніями А. Г. Фомина. СПБ. 1912. Изд. газ. „Школа и Жизнь". Ц. 1 р.

Покойный педогогъ В. Н. Острогорскій говорилъ, что педогогическое движеніе шестидесятыхъ годовъ совершилось „въ духѣ идей Бѣлинскаго", въ смыслѣ пользованія его идеями, развитіемъ его идей. Возьмемъ ли Пирогова и Ушинскаго — ихъ сочиненія пропитаны ими; возьмемъ ли вопросъ о наглядности въ преподаваніи,—объ этой наглядности говоритъ Бѣлинскій; обратимся ли къ литературѣ дѣтской,—она вся и до сихъ поръ жива, по крайней мѣрѣ въ лучшей части своей, его требованіями; всѣ учебники по этой части, начиная со Стоюнина. все

это прямо проникнуто его идеями и даже на немъ, Бѣлинскомъ, въ значительной степени построено"... Съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ Пушкинъ, Бѣлинскій могъ назвать себя министромъ народнаго просвѣщенія. И, къ частью, этотъ министръ еще правитъ изъ-за гроба, и русская школа и педагогія еще постольку не мертвы, поскольку живы въ нихъ завѣты Бѣлинскаго. Законченной педагогической теоріи, въ систематизированномъ, научномъ видѣ, Бѣлинскій, занятый своей повседневной литературно-общественной борьбой, не далъ, но онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы высказать тотъ или иной взглядъ на задачи семейнаго и школьнаго воспитанія, на отношенія родителей и дѣтей, на учебную литературу, на дѣтское чтеніе. Собранные вмѣстѣ, отзывы, мнѣнія и мимолетныя замѣчанія Бѣлинскаго о разныхъ сторонахъ воспитанія образуютъ, если не считать нѣкоторыхъ частныхъ колебаній и незначительныхъ ошибокъ, своего рода педагогическую систему, полную благихъ зачатковъ, надъ развитіемъ которыхъ трудились Ушинскіе, Пироговы, Водовозовы. Изъ сочиненія Бѣлинскаго г. Фоминъ внимательно извлекъ все, что касается вопросовъ воспитанія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Его примѣчанія и очеркъ педагогической дѣятельности Бѣлинскаго хорошо помогаютъ читателю прослѣдить развитіе педагогическихъ воззрѣній великаго критика. Совершенно излишня пустая и фразистая статья г. Фальборка. Напрасно онъ считаетъ Бѣлинскаго „духовнымъ вождемъ русскаго общества тридцатыхъ годовъ"; въ тридцатыхъ годахъ даже не начиналась еще простая извѣстность Бѣлинскаго. (*К. Л. „Рѣчь" 1912—262.*)

163. Циглеръ, Т., проф. 371(09)

Исторія педагогики. Авториз. перев. съ 3-го испр. и доп. нѣм. изданія Е. Цитронъ и А. Карнауховой. Подъ ред. прив.-доц. С. А. Ананьина. Изд. „Сотрудникъ". СПБ.—Кіевъ. 1911. VIII+494 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Взглядъ на значеніе исторіи педагогики и точку зрѣнія автора характеризуютъ слѣдующія слова: „Нелья забывать что субъектомъ и объектомъ воспитанія всегда остается единичная личность. Проявленіе личности въ исторіи педагогики мы считаемъ отраднымъ явленіемъ и можемъ лишь сожалѣть о томъ, что въ настоящее время безжизненная, обезличенная бюрократія стремится совершенно подавить индивидуальность и личность. Эти слова могутъ служить примѣромъ того, какъ совершенно объективное положеніе невольно можетъ стать формою протеста, лозунгомъ противъ господствующихъ воззрѣній и существующихъ установленій. Но изслѣдователь исторіи педагогики не можетъ отказаться отъ подобныхъ указаній на соотношеніе прошедшаго и настоящаго, несмотря на то, что рискуетъ навлечь на себя упрекъ въ субъективности. Въ данномъ случаѣ исторія, дѣйствительно, должна быть нашей настоящей". Мы вполнѣ согласны съ редакторомъ русскаго перевода, г. Ананьинымъ, въ томъ, что знаменитый философъ-педагогъ не нуждается въ рекомендаціи. Однако, самъ нѣмецкій профессоръ въ предисловіи къ русскому изданію говоритъ: „Само собой разумѣется, что мои русскіе читатели должны будутъ приноровить и примѣнить къ мѣстнымъ русскимъ условіямъ все сказанное мною относительно Германіи; но при этомъ очень скоро выяснится, что между различными націями существуетъ гораздо болѣе глубокая и широкая общность интересовъ, чѣмъ это обыкновенно принято думать..." Слѣдовательно, авторъ самъ признаетъ, что его книга должна быть приноровлена для русской публики. Авторъ вездѣ, въ ущербъ другимъ національностямъ, выдвигаетъ нѣмецкую и получается у него удивительное несоотвѣтствіе: міровымъ мыслителямъ Бэкону и Декарту удѣлено очень мало мѣста сравнительно съ Вольфгангомъ Ратке (болѣе извѣстнымъ подъ латинизированнымъ именемъ: „Ратихіусъ"), имѣвшимъ значеніе только для Германіи. Изъ иностранцевъ болѣе посчастливилось только Руссо, на которомъ авторъ останавливается довольно подробно. Точно также въ авторѣ вездѣ чувствуется протестантъ: онъ не отрицаетъ, напримѣръ, того, что іезуитская школа, при всѣхъ ея отрицательныхъ сторонахъ, имѣла и свои положительныя стороны (стр. 137—9), но этихъ положительныхъ сторонъ не указываетъ. Между тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить хотя бы то, что въ этой школѣ особенно примѣнялся наглядный методъ обученія, значеніе котораго теперь является общепризнанныхъ. Книга Ц. состоитъ изъ введенія и пяти отдѣловъ. Въ введеніи авторъ дѣлаетъ очень краткій очеркъ педагогическихъ идей въ древнемъ мірѣ; первый отдѣлъ имѣетъ своимъ предметомъ учебное дѣло въ средніе вѣка; второй—эпоху гуманизма и реформаціи; третій—переходное время, каковымъ авторъ считаетъ 17-е столѣтіе; и четвертый—18-е столѣтіе и начало 19-го (реализмъ и неогуманизмъ), и пятый—борьбу за реформу школы съ 1840 года по настоящее время. Въ концѣ каждаго параграфа, на которые распадются отдѣлы, указана литература опять - таки исключительно нѣмецкая. (*Пр.- доц. В. Строевъ „Рус. Шк." 1912—4*).

Классическій трудъ Ц., переведенный на русскій языкъ, пополняетъ громадный пробѣлъ въ русской литературѣ по исторіи педагогики... Обстоятельное разсмотрѣніе педагогическихъ проблемъ, освѣщенное богатой эрудиціей автора, въ самомъ дѣлѣ достигаетъ постоянной цѣли—отвѣтить не только чисто научнымъ, но и жизненнымъ интересамъ современниковъ и тѣмъ самымъ оказать пользу для выработки прочныхъ педагогическихъ принциповъ... Трудъ много теряетъ въ своемъ значеніи оттого, что мы не находимъ въ книгѣ особенно въ ея заключительной части, такъ всесторонне обозрѣвающей педагогическія теченія, современности, ни указаній на опытныя школы, свѣжей струи въ педагогикѣ свободнаго воспитанія, ни обзора педагогическаго движенія. Еще болѣе досадное, непростительное, игнорированіе всей громадной литературы психологическаго направленія (Лай, Мессмеръ и другіе нѣмцы, не говоря уже о французѣ Бинэ, вовсе не упомянуты). И между тѣмъ Ц. не является противникомъ психологическихъ изслѣдованій въ педагогикѣ, онъ хотѣлъ лишь осторожнѣй относиться къ экспериментальному методу изслѣдованій въ педагогическихъ проблемахъ и охотно идетъ навстрѣчу возможнымъ выводамъ, основаннымъ на точномъ знаніи психики ребенка. Переводъ книги, несмотря на полное его соотвѣтствіе съ оригиналомъ, читается съ нѣкоторымъ трудомъ, въ виду того, переводчики слишкомъ держались нѣмецкаго текста,

иногда даже стремясь къ буквальной его передачѣ, тогда какъ литературный и далеко не ученый языкъ автора давалъ правъ при переводѣ пользоваться свободной фразой чтобы не стѣснять мысли читателя. (*С. Поповичъ „Обновл. Шк.“ 1912—IX—X.*)

164. Горбуновъ-Посадовъ, И. И. 371:178.1

Къ русскимъ учителямъ начальной, средней и высшей школы. Учитель и школа въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. М. 1912. Стр. 80. Ц. 35 к.

„Было бы наивно думать—говоритъ почтенный авторъ этой брошюры, что—алкоголизмъ народа можно побороть однимъ антиалкогольнымъ просвѣщеніемъ, разсѣяніемъ народнаго невѣжества въ одномъ направленіи, однѣми мѣрами разумныхъ развлеченій“. Борьба съ „алкогольной политикой“ продстоитъ долгая и трудная, и пока она идетъ, важно возможно бо́льшее увеличеніе числа ея участниковъ. Такими участниками могутъ и должны быть, прежде всего, дѣятели школы. Ихъ работа должна быть направлена не только къ разъясненію народныхъ послѣдствій пьянства: ихъ задача, прекрасно выраженная г. Г.-П., заключается въ томъ, чтобы „способствовать широкому и глубокому, истинному просвѣщенію народа безъ котораго не можетъ быть настоящаго прогресса въ его жизни, безъ котораго не можетъ осуществится, между прочимъ, и освобожденіе народа отъ самопорабощенія его алкоголемъ“. (*„Вѣст. Евр“. 1912—10.*)

Хорошая книжка. (*„Совр. Сл.“ 1912—1685.*)

Книга эта, написанная хорошимъ, живымъ и общедоступнымъ языкомъ, заключаетъ въ себѣ, при небольшомъ объемѣ, очень большое интересное содержаніе. (*И. П. „Вятск. Р.“ 1912—205*).

165. Вериго, М. 372.21

Какъ занять дѣтей дошкольнаго возраста. Бесѣды, игры, занятія. Перев. со 2-го польск. изд. Е. Троповскаго. СПБ. 1912. Изд. „Посѣвъ“. Стр. 180. Рис. 46. Ц. 1 р.

Характеръ всѣхъ бесѣдъ, игръ и занятій, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, напоминаетъ нѣжную „мамату“, ни на одну минуту не оставляющую свое дитя въ покоѣ и все время старающуюся его „занять“. Въ большинствѣ случаевъ темы бесѣдъ очень искусственны и вмѣстѣ съ играми и занятіями производятъ впечатлѣніе чего то навязчиваго и стѣсняющаго дѣтей. Какъ будто ихъ ни на минуту не оставляютъ въ покоѣ, все докучаютъ имъ вопросами и пустыми разговорами. Все время воспитательница ведетъ волю и фантазію дѣтей на поводкѣ и сама все придумываетъ. Всѣхъ бесѣдъ 70 и расположены онѣ безъ всякой связи и послѣдовательности, чего, впрочемъ, не отрицаетъ и сама составительница. Всѣ бесѣды и работы приспособлены для совсѣмъ маленькихъ дѣтей изъ богатыхъ интеллигентныхъ семей и для народныхъ дѣтскихъ садовъ очень мало подходятъ. Переводъ не вездѣ грамотенъ. Непзящное изданіе... (*Н. Л. „Дошк. Восп.“ 1912 — 6.*)

Такая книжка особенно полезна для молодыхъ матерей, бонъ и гувернантокъ, которыя имѣютъ дѣло съ дѣтьми впервые и только учатся ихъ занимать. Понятно, что ею отлично могутъ воспользоваться и мужчины, если имъ придется имѣть дѣло съ маленькими дѣтьми: книжка можетъ послужить руководствомъ и къ самостоятельному выбору занятій, по образцу указанныхъ въ книгѣ. (*М. Новорусскій. „Нов. Журн. для Вс.“ 1912 — 8.*)

166 [. . . . .] 372.21

Вопросы дошкольнаго воспитанія. Сборникъ I. 1912. Изд. спб. О-ва содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей. Стр. 320. СПБ. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Въ первой части сборника помѣщены матеріалы, относящіеся къ дѣятельности общества, возникшаго пять лѣтъ тому назадъ по иниціативѣ Н. В. Чехова. Въ статьѣ С. П. Лебедева, которой открывается сборникъ, излагаются задачи общества, затѣмъ слѣдуетъ краткій историческій очеркъ дѣятельности общества за 1908 — 1911 г., отчетъ за 1911 г., нѣсколько интересныхъ статей и замѣтокъ объ основныхъ принципахъ и условіяхъ организаціи домашнихъ и народныхъ дѣтскихъ садовъ, отчеты о дѣтскихъ колоніяхъ общества, отчеты о работахъ въ школѣ и дѣтскомъ саду общества, сообщенія объ организаціи лекціонной и библіотечной комиссій и постоянной выставкѣ дѣтскихъ и педагогическихъ книгъ и журналовъ. Лица, работающія въ области до-школьнаго воспитанія дѣтей, въ перечисленныхъ матеріалахъ найдутъ для себя много цѣнныхъ совѣтовъ и указаній. Во второй части собраны нѣкоторые доклады и лекціи, прочитанные въ общихъ собраніяхъ общества... Книга издана очень прилично; принимая во вниманіе значительный объемъ книги и большое число діаграммъ, помѣщенныхъ въ ней, цѣну слѣдуетъ признать очень умѣренной. (*И. И. „Изв. постоян. Комис.“ 1912 — 7 — 8.*)

Думаемъ, что кому близки и дороги интересы дошкольнаго воспитанія, остановитъ вниманіе на этой книгѣ и согласится о тѣмъ, что она значительно обогатитъ нашу еще очень скудную литературу по дошкольному воспитанію. (*И. Лубенецъ. „Дошк. Восп.“ 1912 — 6.*)

167. Алешинцевъ, И. 373(47)

Исторія гимназическаго образованія въ Россіи (XVIII и XIX вв.). СПБ. Изд. О. Богдановой. 1912. Стр. IX + 346 + VI. Ц. 3 р.

Исторія нашего средняго образованія еще не написана никѣмъ; прежніе немногочисленные труды устарѣли, и вполнѣ естественно, что нужно привѣтствовать, всякую новую попытку дать связный общій историческій очеркъ нашихъ гимназій, хотя теперь уже не ими однѣми наполняется понятіе средней школы. Трудъ г. А. имѣетъ то несомнѣнное достоинство что онъ въ значительной степени написанъ на основаніи матеріала, извлеченнаго авторомъ изъ архивовъ Гос. Совѣта, Мин. Нар. Просв., II-го отд. Собств. Е. В. Канцеляріи и двухъ провинц. гимназій (псковск. и вологодск.). Обнародованныя г. А. данныя очень цѣнны. Что касается печатнаго матеріала, то его использовалъ авторъ далеко не съ тою полнотою, какъ могъ бы: библіографія вопроса оказалась ему менѣе извѣстной. Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ недостаткахъ книги, ею заинтересуются всѣ, кого занимаютъ вопросы объ историч. преемственности различныхъ системъ и программъ въ области гимназическаго образованія, ибо на этотъ вопросъ авторъ далъ

почти исчерпывающій отвѣтъ... Языкъ книги моментомъ тяжелый, масса опечатокъ; вообще изданіе выполнено какъ-то небрежно. (*С. Сватиковъ. „Совр. М.“ 1912 — 4*).

Не давая полной исторіи русской гимназіи, книга г. А. во всякомъ случаѣ представляетъ собой интересный и богатый фактами очеркъ по исторіи гимназ. образ. въ Россіи. (*„Рус. Бог.“ 1912 — 4.*)

Мы увѣрены, что трудъ г. А. найдетъ себѣ мѣсто въ библіотекахъ гимназій и др. учебныхъ завед. и, благодаря критическому освѣщенію прошлаго нашихъ гимназій, сослужитъ родному просвѣщенію ту службу, какой ждетъ авторъ отъ своего долгаго и кропотливаго труда: „помочь разобраться въ оцѣнкѣ новаго гимназич. устава.“ (*А. Острогорскій. „Педаг. Сборн.“ 1912 — 6.*)

168. Васнецовъ, В. М. 398.9(47)(0:75)

Русскія пословицы и поговорки въ рисункахъ В. М. Васнецова. Пояснительный текстъ І. К. Линдемана. Изд. товарищества скоропечатни А. А. Левенсонъ. 1912 г. Ц. 10 р.

Настоящее изданіе представляетъ собой сборникъ репродукцій съ 75-ти карандашныхъ рисунковъ В. М. Васнецова, со вступительной статьей и текстомъ къ каждому изъ нихъ І. Линдемана. Въ самой статьѣ даются свѣдѣнія о происхожденіи рисунковъ, указываются ихъ значеніе для исторіи творчества художника и ихъ достоинства, какъ бытовыхъ картинокъ. Въ текстѣ къ рисункамъ находятся краткое ихъ описаніе, пословицы или поговорки, послужившія для нихъ темой, толкованіе пословицъ и поговорокъ и ихъ варіанты.

Рисунки Васнецова къ пословицамъ и поговоркамъ въ печати появляются впервые и вообще ранѣе не были извѣстны. Несмотря на то, что они относятся къ юнымъ годамъ художника, — къ тому времени, когда онъ еще не поступалъ въ академію художествъ, — они говорятъ о проблескахъ таланта у будущаго мастера и объ его отношеніи къ избравшимся сюжетамъ. Репродукціи съ рисунковъ прекрасно исполнены цинкографіей и даютъ точное понятіе объ оригиналахъ. Новое изданіе, несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія собирателей, лицъ, интересующихся искусствомъ и его историковъ. (*Н. В. Н. „Рус. Вѣд.“ 1912 — 220.*)

169. Кемницъ, С. А. 51 (024.7)

Математика въ дѣтскомъ саду. Изд. Сытина. М. 1912. Ц. 75.

Книга эта несомнѣнно будетъ цѣннымъ пособіемъ для воспитательницъ дѣтей въ возрастѣ 5—7 лѣтъ, какъ въ дѣтскихъ садахъ, такъ и въ семьяхъ. 78 бесѣдъ, въ интересной и удачной формѣ, въ связи съ разсматриваніемъ и изученіемъ предметовъ, играми и работами, легко и незамѣтно даютъ дѣтямъ знакомство съ числами въ предѣлѣ 10, различными формами, величинами и мѣрами. Приложенныя въ книгѣ таблицы представляютъ изъ себя частью картинки для разсматриванія, очень грубыя, нехудожественныя, мало пригодныя для пользованія, частью шаблоны, выкройки, рисунки и чертежи для работъ, тоже въ большинствѣ неизящно выполненные. Главный интересъ книги въ самихъ бесѣдахъ, въ ихъ стройной послѣдовательности, неизмѣнности и простотѣ языка, оригинальности замысла и въ ихъ согласіи съ психикой ребенка. Только нѣкоторыя изъ нихъ показались намъ искусственными. 5-я дающая дѣтямъ, посредствомъ игры въ мячъ, понятія—внизъ, вверхъ впередъ и т. п. Пѣсенки и разговоры, сопровождающіе игру, напоминаютъ старинныя нѣмецкія руководства для дѣтскихъ садовъ, въ которыхъ рекомендовались подобныя пѣсенки и манипуляціи съ дарами Фребеля. Нельзя признать удачнымъ въ бес. 55-ой обрываніе лепестковъ цвѣтковъ для упражненія въ счетѣ, а также соединеніе счета съ упражненіемъ осязанія и обоняніе (нюхать цвѣтокъ по счету и бѣгать). Все же эти небольшіе недостатки не мѣшаютъ считать книгу полезной, недорогой и обогощающей библіотеку воспитательницъ-садовницъ. (*И. Лубенцъ „Дошк. Восп.“ 1912—7*).

Книжка издана хорошо, таблицы также; пособіе очень полезно для лицъ, занимающихся воспитаніемъ дѣтей дошкольнаго возраста (*„Уч. Вѣст.“ 1912—6—7*).

170. [. . . .] 53(082)

Успѣхи физики. Сборникъ статей о важнѣйшихъ открытіяхъ послѣднихъ лѣтъ въ общедоступномъ изложеніи, подъ ред. „Вѣст. опытной физики и элемент. математики“. Съ 50 рис. Изд. „Матезисъ“. Вып. II. Одесса 1911 г. стр. 203. Ц. 1 р. 20 к.

Развитіе физики за послѣдніе годы пошло быстрыми шагами впередъ. Популярное изложеніе всѣхъ достигнутыхъ успѣховъ становится подчасъ труднымъ и даже невозможнымъ. Предлагаемая книга представляетъ собою очень умѣло составленный сборникъ популярныхъ рѣчей и статей виднѣйшихъ западныхъ физиковъ по вопросамъ особенно волнующимъ научную мысль въ настоящее время... Имена величайшихъ физиковъ - теоретиковъ Макса Планка и проф. А. Риги, и величайшихъ экспериментаторовъ Дж. Дж. Томсона и Е. Резерфорда, вполнѣ достаточно гарантируютъ ея научность. „Мысль объединить все пестрое разнообразіе физическихъ явленій въ одну систему или даже, если возможно, въ одну формулу, говоритъ Планкъ въ своей рѣчи, были конечной и самой высокой цѣлью въ естествознаніи съ незапамятныхъ временъ,—съ тѣхъ поръ, какъ люди вообще стали задумываться надъ явленіями природы“. И Планкъ, въ особенности останавливаясь на началахъ термодинамики, намѣчаетъ, какимъ путемъ можно дойти до единства міросозерцанія.— Риги говоритъ намъ объ электронахъ, изъ которыхъ построена матерія, и, особенно, о тѣхъ положительныхъ электронахъ, за которыми охотятся многіе физики міра и не могутъ пока поймать ихъ изолированными.—Рѣчь Резерфорда даетъ намъ понятіе о современномъ положеніи атомной теоріи въ физикѣ и о тѣхъ методахъ, какіе употребляются для опредѣленія значеній различныхъ основныхъ атомныхъ величинъ.— Э. Рике говоритъ намъ о достигнутой мечтѣ алхимиковъ, о превращеніи радіоактивныхъ элементовъ. Свое изложеніе онъ поясняетъ остроумнымъ построеніемъ соотвѣтствующихъ кривыхъ.—Изъ рѣчи знаменитаго Дж. Дж. Томсона, въ которой онъ, между прочимъ, очень образно говоритъ, что „мы можемъ разсматривать эфиръ, какъ своего рода банкъ, въ которомъ можно по желанію сдавать энергію

на храненіе и брать ее оттуда", мы узнаемъ о всемъ томъ что особенно интересуетъ въ настоящее время научный міръ. Слаби на немногихъ страницахъ въ высшей степени просто и ясно знакомитъ насъ съ практическимъ примѣненіемъ электричества, поскольку дѣло касается добыванія изъ него тепловой и свѣтовой энергіи. Тутъ онъ говоритъ и объ электрическихъ печахъ, и объ электрической кухнѣ, и о лампочкахъ всѣхъ системъ, и о добываніи въ печи Муассана алмазовъ. Послѣдняя статья сборника—сообщеніе Штреккера — касается также практическаго вопроса о современномъ состояніи безпроволочной телеграфіи. Множество положительныхъ чертежей и рисунковъ въ связи съ доступнымъ изложеніемъ даютъ намъ полное представленіе объ этомъ чудесномъ завоеваніи человѣческаго генія. Въ общемъ же, мы имѣемъ добросовѣстно и умно изданную книгу, какъ, впрочемъ, и всѣ книги изданія „Матезисъ". Можно сдѣлать только одинъ упрекъ: слишкомъ много опечатокъ для такой книги, которыхъ нетрудно было бы избѣжать при болѣе тщательной корректурѣ. (*„Вѣст. Зн." 1912—8.*)

Второй выпускъ сборника обладаетъ содержательностью, ясностью изложенія и полной научностью статей. Подборъ статей даетъ яркую картину современнаго состоянія физики. Въ сборникѣ совсѣмъ не затронуто „принципъ относительности". Редакція объясняетъ этотъ пропускъ тѣмъ, что нельзя было отыскать ни одной статьи, дающей о немъ дѣйствительно ясное представленіе по спеціалисту. (*П. Бѣльскій. „Природа" 1912—9.*)

171. Захаровъ, В. В. 54(075)

Руководство къ первоначальнымъ практическимъ занятіямъ по химіи. Изд. Тихомирова. М. 1912. Ц. 60 к.

Задача автора книги, — путемъ постепеннаго ознакомленія ученика со свойствами элементовъ и соединеній, выяснить ученику пріемъ и признаки, которыми пользуются для составленія формулъ и начертанія реакцій. Для этого ученикъ продѣлываетъ рядъ опытовъ, объясненіе же изученныхъ явленій находитъ во второй части главы, посвященной изученію того или иного элемента. Этимъ путемъ онъ ознакомляется съ методами анализа и синтеза соединеній, а попытки изобразить реакцію символами приводятъ его къ понятію объ атомности и распредѣленій атомовъ въ молекулѣ. Авторъ, однако, не ограничивается описаніемъ теченія реакціи и, вполнѣ основательно, считаетъ необходимымъ ознакомить ученика и съ нѣкоторыми физическими пріемами, описанными во второмъ отдѣлѣ и касающимися опредѣленія молекулярнаго вѣса, коэффиціента расширенія упругости паровъ и т. п. Третій отдѣлъ посвященъ выясненію главнаго камня преткновенія—атомности,—что достигается ознакомленіемъ съ главнѣйшими процессами окисленія и возстановленія. Наконецъ, въ отдѣлѣ четвертомъ дается понятіе объ опредѣленіи теплоемкости и вычисленіи на основаніи ея атомнаго вѣса элементовъ. Авторъ руководства не упоминаетъ о томъ, на какого читателя расчитана его книга, однако, не трудно видѣть, что большая часть опытовъ можетъ быть произведена лишь въ достаточно оборудованной лабораторіи. Книга издана удовлетворительно. Почти въ каждой главѣ имѣются рисунки и иллюстраціи къ опытамъ, значительно облегчающіе работу ученика. Менѣе важныя главы напечатаны мелкимъ шрифтомъ. Опыты описаны достаточно подробно, такъ, что воспроизвести описанное, даже безъ помощи лаборанта, не преставить никакихъ трудностей. (*А. В. „Рус. Шк." 1912—7—8.*)

Руководство г. Захарова не обладаетъ никакими преимуществами передъ имѣющимися подобными руководствами другихъ авторовъ, но отличается отъ нихъ многими недостатками. Отсутствіе предисловія не даетъ возможности отгадать, чѣмъ руководствовался составитель, выпуская на книжный рынокъ свою книжку. Отсутствіе оглавленія затрудняетъ пользованіе ею. Языкъ руководства совершенно не подходитъ для преподаванія химіи. Книжка совершенно лишняя и нисколько не удовлетворяетъ потребности въ хорошемъ первоначальномъ руководствѣ. (*А. Слудскій. „Педаг. Обозр." 1912—3.*)

172. Абрамовъ, И. 571

Что говорятъ забытыя могилы? Съ 67 рисунками въ текстѣ. Подъ ред. и съ предисловіемъ М. В. Новорусскаго. Изд. „Жизнь и Знаніе". Библ. для юношества. Кн. 7-я. Спб. 1912 Ц. 65 к.

Очень хорошо написано предисловіе къ этой книжкѣ. Въ немъ проводится та мысль, что и мертвыя вещи могутъ говорить. Такъ, напримѣръ, что такое черепокъ битой посуды? А, между тѣмъ, въ немъ скрыта не только его исторія, но и исторія того народа, отъ котораго остался черепокъ.

Писать свою исторію люди стали очень недавно, да и письменъ ихъ отъ старыхъ временъ сохранилось очень мало. Но вещественные слѣды своей жизни люди оставляли всегда, и слѣдовъ этихъ сохранилось повсемѣстно гораздо больше, чѣмъ письменныхъ документовъ. Если такія вещи говорятъ,—то, чѣмъ больше будетъ ихъ найдено, тѣмъ длиннѣе будетъ ихъ рѣчь.

Заключаетъ свое предисловіе М. Новорусскій слѣдующими прекрасными строками:

„Для насъ священны останки нашихъ ближнихъ родичей. Пусть будутъ священны и всѣ тѣ останки, которые мы случайно выкапываемъ изъ земли. Все равно, кому-бы они не принадлежали. Ихъ окружаетъ ореолъ угасшей человѣческой жизни. А къ человѣческой жизни всегда нужно имѣть особенное уваженіе"

Трудъ И. Абрамова раздѣленъ на 12 главъ, въ которомъ хорошимъ, простымъ языкомъ описываются катакомбы, курганы, скифскія могилы, стоянка каменнаго вѣка, городища и т. п.

Книжка снабжена недурными рисунками въ текстѣ, пополнена двумя прекрасными стихотвореніями (А. Толстого и М. Розенгейма) и въ общемъ составляетъ безусловно полезный вкладъ въ „Библіотеку для юношества". (*В. Д—цевъ. „Ил. Обозр. Гол. М." 1912—231.*)

173. Никоновъ, А. 58(075)

Практическія занятія по ботаникѣ въ школѣ и природѣ. Изд. Сытина. М. 1912. 168 стр. Ц. 80 коп.

Книга раздѣлена авторомъ на двѣ части. Въ первой части изложены описанія работъ, которыя могутъ быть сдѣланы на дому. Всѣхъ работъ

50, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ свою очередь раздѣляются на 2—3 опыта. Работы и опыты первой части имѣютъ цѣлью дать дѣтямъ первоначальныя свѣдѣнія о физіологической сторонѣ жизни растеній, какъ, напр., строеніе сѣмячка, прорастаніе его, ростъ и направленіе корней, движеніе соковъ, открытіе въ сѣмячкѣ крахмала, превращеніе его въ сахаръ и т. п. Во второй части описаны наблюденія надъ жизнью растеній внѣ дома—„въ природѣ“, при чемъ наблюденія, эти касаются, главнымъ образомъ, тѣхъ или иныхъ проявленій біологическихъ особенностей и свойствъ растеній, какъ, напр., наблюденія надъ движеніями частей растенія, вызываемыми различными причинами: надъ опыленіемъ, разсѣменіемъ и т. п. Ко второй же части относятся указанія, какъ собирать, засушивать растенія и составлять гербарій.

Изложена книга простымъ и понятнымъ языкомъ, что дѣлаетъ ее доступной пониманію не только учителя, но и учениковъ. Большинство опытовъ, благодаря простотѣ описанія и техническаго выполненія, могутъ быть сдѣланы въ любой школѣ, начиная отъ средней и кончая народной, а также всякимъ интересующимся этимъ предметомъ въ отдѣльности. Особый интересъ имѣетъ книга для народной школы. Издана книга на хорошей бумагѣ; большинство работъ иллюстрированы рисунками. Небольшая цѣна дѣлаетъ ее вполнѣ доступной начальной школѣ. (*В. Б. „Для Нар. Уч.“ 1912—14.*)

Книга написана хорошимъ, легкимъ языкомъ, чисто издана и по цѣнѣ не дорога. (*В. Капелькинъ. „Вѣст. Восп.“ 1912—4.*)

174. Бернштейнъ, А. Н., прив.-доц. 616.89

Клиническія лекціи о душевныхъ болѣзняхъ. Изд. В. М. Саблина. М. 1912. Стр. 332. Ц. 1 р. 75 к.

Лекціи, изданныя въ видѣ настоящей книги, были прочитаны авторомъ 3 года тому назадъ на повторительныхъ психіатрическихъ курсахъ въ Москвѣ. Изданіе ихъ для болѣе доступнаго круга читателей объясняется желаніемъ автора помочь начинающимъ врачамъ въ ознакомленіи ихъ съ основными типами тѣхъ болѣзней, которыя принято относить къ компетенціи врача-психіатра, ибо,—и этой мыслью проникнута вся книга, — современная психіатрія признаетъ душевныя болѣзни результатомъ не мѣстныхъ страданій головного мозга, а слѣдствіемъ отравленія центральной нервной системы различными ядами, образующимися въ организмѣ при различныхъ болѣзняхъ. (*„Совр. Сл.“ 1912—1706.*)

175. Коллинсъ, Ф. 629.13

Какъ самому устроить маленькій аэропланъ? Изд. Горбунова-Посадова. Ц. 45 к.

Вопросы воздухоплаванія волнуютъ въ наше время не только умы ученыхъ и спеціалистовъ авіаціи. „Покоренiемъ воздуха“ интересуются наши дѣти, пытливый умъ которыхъ стремится уяснить себѣ „тайну воздухоплаванія“. К. не только отвѣчаетъ на вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ часто тщетно трудятся дѣти, но и учитъ, какъ самому устроить маленькій аэропланъ. Книжкѣ К. можно пожелать самаго широкаго распространенія. (*К. И—чъ. „Ран. У.“ 1912—150.*)

Выпускъ платитъ дань вездѣ царящему теперь увлеченію авіаціей—въ немъ подробно и обстоятельно, со многими иллюстраціями въ текстѣ, излагается, какъ можно самому устроить маленькій аэропланъ. Весьма возможно, что на первыхъ порахъ молодыхъ механиковъ постигнутъ серьезныя неудачи, но унывать изъ-за нихъ не слѣдуетъ: чѣмъ ближе подойдутъ они къ наставленіямъ автора и научатся разбираться въ моделяхъ, тѣмъ скорѣе можно ждать успѣха въ полной интереса работѣ. (*„Гол. М.“ 1912—162.*)

176. Сѣверова, Н. Б. 641

„Поваренная книга для голодающихъ“. Посвящается пресыщеннымъ. Замѣтки съ натуры. Седьмая тысяча, дополненная рецептами „Зеленаго стола“. Ц. 20 к.

Въ эпиграфѣ къ этой книгѣ авторъ говоритъ: „вегетаріанство нужно очень богатымъ и очень бѣднымъ людямъ. Бѣднымъ оно необходимо по своей дешевизнѣ и питательности. Богатымъ, чтобы промыть всѣ яды труповъ, накопившихся въ перекормленномъ организмѣ“. Этими словами лучше всего опредѣляется экономическая и гигіеническая стороны вегетаріанства. Г-жа С. указываетъ, на основаніи строго научныхъ данныхъ и продолжительнаго опыта, что можно необыкновенно дешево и хорошо питаться, если принять во вниманіе питательность тѣхъ продуктовъ, которые до сихъ поръ, вслѣдствіе нашего невѣжества, считались несъѣдобными; къ нимъ, напр., относятся травы, выбрасываемыя обыкновенно—ботва, шелуха фруктовъ, картофеля и пр., а также сѣно. Растительное питаніе, предлагаемое авторомъ, не только очень питательно, но и вкусно. Скоро ли мы дойдемъ до того, чтобы питаться химически приготовленными бѣлками и другими веществами, исходящими изъ лабораторій,—это еще неизвѣстно, но что въ такого рода искусственныхъ пищевыхъ веществахъ, являющихся мечтой ученыхъ, пока нѣтъ особенной надобности, это легко видѣть, читая книжку С. и ту литературу, на которую она ссылается. Кругомъ насъ имѣется такое множество „съѣдобнаго“—надо только знать какъ его приготовить —что долго, очень долго, думаетъ авторъ, человѣчество можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ голодной смерти. Съ этой стороны книжка С. заслуживаетъ очень серьезнаго вниманія, хотя, конечно, авторъ, какъ и всѣ „изобрѣтатели“, склоненъ сильно преувеличивать соціальное значеніе своего средства. (*„Вѣст. Зн.“ 1912—5.*)

Проблема напитанія голодныхъ г-жей Сѣверовой рѣшена съ неменьшею серьезностью, чѣмъ въ статьяхъ гг. Меньшикова, А. Ст—на, Демчинскаго—объ орошеніи, удобреніи, грядовой культурѣ и прочихъ прекрасныхъ вещахъ, къ сожалѣнію, слабо принимающихся на русской почвѣ. Рѣшеніе автора „Поваренной книги для голодающихъ“ имѣетъ даже преимущество практичности и легкой осуществимости, и возможно, что „пресыщенные“, которымъ посвящается эта книга, будутъ современемъ рекомендовать ее голоднымъ въ качествѣ обязательнаго руководства. (*„Рус. Бог.“ 1912—4.*)

177. [. . . . .] 649(08

Книга о ребенкѣ. Коллективный трудъ спеціалистовъ по вопросамъ воспитанія дѣтей и ухода за ними. М. 1912 г. Ч. I-я и II-я. Ц. 2 р. + 3 р.

Книга о ребенкѣ — книга для матерей. Это маленькая энциклопедія по вопросу о развитіи и воспитаніи дѣтей, появленіе которой въ русскомъ переводѣ нельзя не привѣтствовать. Она должна быть настольной книгой каждой матери. Отличительныя ея достоинства — полная научность содержанія, за которую ручаются имена извѣстныхъ ученыхъ, принимавшихъ участіе въ сборникѣ, соединенная съ крайней простотою изложенія, дѣлающей эту книгу доступной для широкаго круга читателей. Первая часть книги о ребенкѣ состоитъ изъ 2-хъ вступительныхъ главъ: бракъ, наслѣдственность и этика размноженія; обязанности матери передъ рожденіемъ дѣтей; 14 главъ, посвященныхъ тѣлу ребенка, и 7 — душевной жизни дѣтей. Въ первыхъ трактуются вопросы: о красотѣ ребенка, развитіи тѣла ребенка, питаніе грудного младенца, гигіенѣ ранняго и школьнаго возраста, о питаніи ребенка, объ уходѣ за глазомъ, ухомъ, глоткой и носомъ, за зубами, объ одеждѣ ребенка, объ инфекціонныхъ болѣзняхъ въ дѣтскомъ возрастѣ, о первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и при заболѣваніяхъ дѣтей, о половомъ вопросѣ въ дѣтскомъ возрастѣ; во вторыхъ — о душевной жизни ребенка, о нравственномъ чувствѣ у дѣтей, о влеченіи ребенка къ игрѣ, о первости въ дѣтскомъ возрастѣ, о дѣтскихъ самоубійствахъ, о дѣтскихъ преступленіяхъ, о характерѣ и его недостаткахъ. Авторы статей имѣютъ въ виду постоянно практическія цѣли и обильно снабжаютъ ихъ всякаго рода совѣтами относительно физическаго и духовнаго воспитанія ребенка. Русскій переводъ книги изданъ хорошо, хотя и хуже нѣмецкаго оригинала. Кромѣ того, надо пожалѣть, что русскіе издатели назначили за нее сравнительно высокую плату. (*Н. Румянцевъ „Рус. Шк." 1912—3.*)

Очень интересно задуманная и хорошо выполненная энциклопедія по вопросамъ воспитанія дѣтей. Почти всѣ статьи переведены простымъ и точнымъ языкомъ. Какъ и всегда бываетъ въ коллективныхъ трудахъ, не всѣ статьи равноцѣнны; кое въ чемъ онѣ даже противорѣчатъ: кое что въ утвержденіяхъ авторовъ спорно. Жаль, что редакторъ не снабдилъ переводъ дополненіями и замѣчаніями, необходимость которыхъ особенно чувствуется, когда читаешь о спеціально нѣмецкихъ условіяхъ (напр., о школьномъ строѣ, народной школѣ и т. д.), совершенно отличныхъ отъ нашихъ русскихъ. Вѣдь „Книга о ребенкѣ" должна быть справочникомъ, помогающимъ ориентироваться въ нашихъ условіяхъ, а не въ условіяхъ нѣмецкихъ. Въ такомъ, сравнительно, дорогомъ изданіи опечатокъ должно быть меньше, рисунки и бумага — лучше; для удешевленія книги можно было и шрифтъ взять не столь разгонистый. (*Н. Н. „Изв. Пост. Ком. 1912—7—8*)

Книга представляетъ собою весьма солидную хрестоматію по вопросамъ воспитанія дѣтей. Указанія иллюстрированы многими рисунками въ текстѣ и отдѣльными картинками въ краскахъ. Кромѣ того, въ книгѣ (2-я ч.) есть цѣлый рядъ статей на общія темы воспитанія: о новѣйшихъ методахъ обученія, о народной школѣ, по исторіи педагогики и т. д. Наконецъ, послѣдняя глава посвящена воспитанію ненормальныхъ дѣтей — слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и умственно-отсталыхъ. („*Совр. Сл.*" *1912—1692.*)

* **Васнецовъ, В. М.** 75 : 398 . 9(47)

См. порядк. № 168.

* **Соловьевъ, Н. В.** 792 . 8 : 92(Т)

См. порядк. № 191.

178. Мольеръ. 84 — 2

Т. I. Библіотека великихъ писателей, подъ ред. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. 1912. Стр. LVIII + 619.

По Мольеру современное человѣчество училось смѣяться — надъ самимъ собою, своими пороками, страстями, предразсудками. „Мольеристы и мольеризмъ" — явленіе общеевропейское, міровое. Помимо Франціи, гдѣ вліяніе Мольера естественно шире всего разлилось и обусловило дальнѣйшее развитіе французской комедіи и сатирической литературы, мольеризмъ нашелъ свое выраженіе и культъ почти во всѣхъ странахъ стараго и новаго свѣта. Не послѣднее мѣсто въ семьѣ культурныхъ странъ занимаетъ „мольеризмъ" въ Россіи. Слѣды его мы находимъ уже въ петровскую эпоху. Традиціи его насчитываютъ слишкомъ два вѣка. Вліяніе его проходитъ замѣтной нитью черезъ все развитіе по преимуществу реалистической и обличительной русской литературы: отъ Третьяковскаго и Сумарокова до Грибоѣдова; отъ Грибоѣдова до Гоголя и Островскаго. Одного долго недоставало въ русскомъ „мольеризмѣ" — самого Мольера. Два прежнихъ изданія (Бакста въ 1884 г. и изданіе журнала иностранной литературы) неудовлетворительны и не полны. Изданіе Маркса, начатое П. И. Вейнбергомъ и законченное г. Быковымъ, удовлетворяетъ только отчасти. Въ немъ нѣтъ Мольера въ покровахъ исторіи, съ ароматомъ, вкусомъ и бытомъ своего вѣка, эпохи.

Этотъ пробѣлъ прекрасно выполняетъ предлагаемое изданіе Брокгауза-Ефрона, первый томъ котораго лежитъ передъ нами. Редакторъ этого изданія, С. А. Венгеровъ, обращаетъ вниманіе на его „музейный" характеръ, извиняя онымъ неизбѣжностью. Намъ кажется, что (помимо неизбѣжности) „музейность" придаетъ особую прелесть данному изданію. Слышишь смѣхъ Мольера и какъ будто чуешь былую обстановку, жесть, гримасу, въ которые онъ облекался. Впрочемъ, „музейность" относится въ иллюстраціонному матеріалу изданія. Въ текстуальномъ и комментаторскомъ отношеніяхъ соблюдено самое строгое единство. Два элемента, изъ которыхъ складывается подлинный научный трудъ въ области историко-литературныхъ изысканій — преходящее и вѣчное, исторія и онтологія — выдѣлены и очерчены здѣсь прекрасно. Развитіе и общій характеръ мольеровскаго творчества — въ обстоятельной вводной статьѣ Алексѣя Веселовскаго; преемственная связь мольеровскихъ сюжетовъ въ связи съ его „Школой женъ" — въ богатой психологическими параллелями статьѣ Юрія Веселовскаго; метапсихозы Донъ-Жуана и мольеровскій Донъ-Жуанъ — въ серьезной статьѣ Евг. Аничкова. Въ первый томъ вошло 16 пьесъ, переводы которыхъ большей частью сдѣланы заново. Изъ хорошихъ переводовъ лучшіе принадлежатъ, на нашъ судъ, перу г. Минскаго. Изданіе съ внѣшней стороны оборудовано съ расточительной роскошью и красотой. Мы можемъ только пожелать, чтобы оно нашло обязательное мѣсто въ книжномъ шкапу скупого на книги русскаго читателя. (*Гр. И. „Запр. Ж." 1912 — 39*).

Переводы различны, но на нихъ лишній разъ убѣждаешься, что для того, чтобы переводить

Мольера, мало еще обычнаго умѣнья владѣть стихомъ, а нуженъ особый складъ дарованій, родственный талантъ творца „Тартюфа“... Совершенное недоразумѣніе представляетъ попытка г. С. Городецкаго дать переводъ „Несносныхъ“. Переводчикъ расправился съ оригиналомъ, безъ большихъ церемоній, „по-свойски“. Въ шестистопномъ ямбѣ онъ совершенно упразднилъ цезуру, благодаря чему вмѣсто стиха получается въ большинствѣ случаевъ довольно дубоватая проза. Но что уже совершенно искажаетъ характеръ мольеровскаго стиха — это употребленіе на каждомъ шагу такихъ риемъ, которыя умѣстны въ деревенскихъ частушкахъ, но совершенно не подходятъ къ стилю изящнаго и утонченнаго писателя вѣка Людовика XIV. По своей неуклюжести и тяжеловѣсности переводъ г. Городецкаго невольно заставляетъ вспоминать вирши Тредьяковскаго. (*„Нов. Вр.“ 1912 — 13143*).

Знать М. и знать, какъ слѣдуетъ, необходимо, и для такого полнаго серьезнаго знанія представляетъ всѣ матеріалы новое изданіе. Оно даетъ М. въ совершенно новомъ видѣ... Къ труду по передачѣ мольеровскаго театра привлечены всѣ лучшіе наши поэты-переводчики — Холодковскій, Щепкина-Куперникъ, Брюсовъ, Минскій и друг... Превосходнымъ посредникомъ въ знакомствѣ съ М. дѣлаютъ новое изданіе многочисленныя историко-литературныя статьи, сопровождающія переводъ... и, наконецъ, обширная коллекція „иллюстрацій“... Насчетъ общаго типа изданія, конечно, возможны споры... Мы противъ... „пестроты музея“... Музей долженъ быть законченной системой. Болѣе всего должно быть такой системой изданіе классика. (*„Рус. Бог.“ 1912 — 10.*)

Изданіе „Библіотеки великихъ писателей“ весьма почтенно и въ общемъ дѣлаетъ честь профессору Венгерову, который положилъ не мало труда какъ на привлеченіе наиболѣе свѣдущихъ сотрудниковъ, такъ и на собраніе иллюстраціоннаго матеріала. Въ этомъ отношеніи и первый томъ Мольера не уступаетъ прежде вышедшимъ томамъ „Библіотеки“. Но увы, никакія предпосылки редакціи, отстаивающія самый типъ изданія и, въ частности, систему его иллюстрированія, не могутъ помочь тому горю, что „Библіотека великихъ писателей“ служитъ наглядньмъ и убѣдительнымъ примѣромъ того, какъ не слѣдуетъ издавать. Въ цѣломъ это изданіе есть образецъ прямо удивительнаго безвкусія... Особенно это досадно въ книгѣ о Мольерѣ. Вѣдь такая книга могла бы одной своей внѣшностью являть образъ и подобіе той эпохи, той культуры, которая говоритъ каждымъ словомъ геніальнаго писателя. Изданіе, какъ мы его понимаемъ, должно было бы вводить насъ въ самую атмосферу, которой онъ питался, въ которой онъ находилъ свои положительные и отрицательные образы, которую онъ, положимъ, осмѣивалъ, но которую и любилъ, какъ только можетъ любить такой жизненный человѣкъ. Какъ интересно было бы, перелистывая книгу и прежде еще, чѣмъ углубиться въ ея чтеніе, — представить себѣ какъ сцену жизни, въ которой Мольеръ былъ самъ и героемъ, и жертвой, такъ и ту театральную сцену, изъ которой онъ сдѣлалъ зеркало этой охватившей его, до послѣдняго вздоха, жизни. Однако, вмѣсто того одинъ уже нелѣпый, несуразный переплетъ книги сразу говоритъ о грубости нашихъ дней, и, какъ только примешься за страницы, такъ одно разочарованіе смѣняется другимъ, и всюду видишь, что здѣсь живетъ все, что угодно, но только не остроуміе, блескъ, жизненность и вкусъ писателя, рожденнаго самой остроумной, блещущей, жизненной и художественной эпохой.

Дѣйствительно, всякое единство въ этомъ изданіи отсутствуетъ абсолютно; но и то, изъ чего складывается этотъ музей, является чѣмъ-то убійственно безобразнымъ. Ну, пусть будетъ пестрота, но зачѣмъ же такія пригоршни всякаго уродства, самой дешевой пошлятины, какъ эти слащавыя фигурки Лелуара, эти замертвѣвшія сценки Леви, все то, что безсмысленные и поверхностные, ничего ни въ Мольерѣ, ни въ его эпохѣ не понимавшіе, художники создали за два вѣка, яко бы иллюстрируя Мольера. (*А. Бенуа. „Рѣчь“ 1912 — 270*).

179. Айзманъ, Д. Я. 891.7 — 3

Собраніе сочиненій. Т. IV. К-во „Просвѣщеніе“. СПБ. 1912.

Въ книжку вошли рядъ мелкихъ разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ „Богема“ и довольно пространная повѣсть „Безъ неба““.

Терминъ „богема“ авторъ принимаетъ въ томъ значеніи, которое утвердилъ за нимъ еще Мюржэ: интеллигентный пролетарій, живущій впроголодь, но преданный культурнымъ занятіямъ, а иногда открывающій и новыя творческія цѣнности. Впрочемъ, никакихъ новыхъ цѣнностей герои Айзмана не открываютъ. Русская молодежь въ Парижѣ, будущіе ученые и философы, артисты и художники, они заняты лишь тѣмъ обычнымъ, что вообще требуется отъ учащейся молодежи. Свою нужду и голодъ они переносятъ стоически и героически, зато имѣютъ скромные романы и подругъ, и ихъ жизнь во власти случая. Случайно они пробираются на завтракъ въ Елисейскій дворецъ, на даровое угощеніе по поводу всемірной выставки; иногда же пишутъ портреты съ богатыхъ меценатовъ изъ Кобелякъ, при чемъ меценаты уѣзжаютъ не заплативъ. Таковы темы этихъ разсказовъ Айзмана, легкихъ, съ блѣдноватымъ юморомъ, непритязательныхъ, но и незатѣйливыхъ, даже слишкомъ незатѣйливыхъ.

Если читатель обратится къ этой книжкѣ, интересуясь Парижемъ и жизнью Латинскаго квартала, то пусть знаетъ, что новыхъ свѣдѣній онъ въ ней не найдетъ.

Что касается повѣсти „Безъ неба“, то она построена на контрастѣ двухъ характеровъ: ангельскаго, которымъ обладаетъ одинъ художникъ, и демоническаго, которымъ одержимъ одинъ пѣвецъ. Оба эти лица влюблены въ одну дѣвушку, и дѣло кончается трагической смертью пѣвца. Демоническій характеръ этого послѣдняго изображенъ смутно и читателя не заинтересовываетъ. Въ манерѣ повѣствованія есть что-то юношеское, не говорящее о произведеніи зрѣлаго пера.

По всему своему складу повѣсть слабѣе всего того, чего можно вообще ожидать отъ Айзмана. (*И. Кожевниковъ „У. Рос“. 1912 — 236*).

180. Буткевичъ, А. 891.7 — 3

„Къ жизни“ и др. разск. Ц. 1 р.

Авторъ этихъ коротенькихъ разсказовъ — дебютантка со скромными, но привлекательными данными. Въ ней чувствуется писательскій темпераментъ и есть умѣнье передавать собственныя

переживанія. Матеріалъ разсказовъ черпается исключительно изъ переживаній, и кругъ ихъ очень невеликъ: это порыванія молодой женской души къ свѣту, къ осмысленной жизни и независимости, борьба за ея устройство. Борьба обыкновенно оканчивается неудачей, такъ какъ героини г-жи Буткевичъ—существа очень слабыя, плохо для жизни вооруженныя, но настроенія ихъ дышатъ искренностью и вызываютъ сочувствіе.

Все, что относится къ теоретической постановкѣ разныхъ проблемъ, у автора наивно и старовато, онъ какъ будто совсѣмъ чуждъ современной капризной сложности. Въ каждомъ разсказѣ приблизительно одно и то же положеніе: молоденькая дѣвушка, стремящаяся пробить себѣ дорогу въ жизни, и нравящійся ей мужчина, который старается преградить ей эту дорогу; завязывается борьба, и въ результатѣ ея — одно изъ двухъ: или роковой „уходъ" къ любимому человѣку, послѣ чего всѣ пути въ жизни заказаны, или самоубійство. Вотъ какъ страшна у г-жи Буткевичъ любовь! Она даже не постепенно подкрадывается и овладѣваетъ душой женщины, обезсиливая и порабощая ее, а сразу проглатываетъ ее, какъ звѣрь... Эти старомодныя положенія авторъ развиваетъ довольно занимательно и недурно завязываетъ основной узелъ драмы. Но развязать этотъ узелъ у него обыкновенно не хватаетъ силъ. Развязку мы узнаемъ изъ какого-нибудь эпилога: письма героя и т. п., и это сильно расхолаживаетъ.

Языкъ разсказовъ съ внѣшней стороны литературенъ, но своего языка, передающаго затаенное и интимное, у автора пока нѣтъ. Вотъ почему первое впечатлѣніе отъ его разсказовъ скорѣе неблагопріятное — впечатлѣніе поверхностности и шаблонности. Но оно не вполнѣ вѣрно. За шаблонностью рѣчи и обыденностью положеній у г-жи Буткевичъ все же чувствуется потребность искренно передать свои переживанія, подлинный трепетъ живой души. (*Е. Колтоновская „Рѣчь". 1912 — 269.*)

181. Рѣковъ, В. 891.7—3

Безъ средней школы. Изъ жизни экстерна. СПб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Хорошіе мы люди, русскіе, но уже слишкомъ безвольны, распущены, и предаемся безъ основанія излишнимъ восторгомъ и, тоже безъ основанія, ужасному унынію. Психическая жизнь у насъ совершенно забиваетъ собою тусклую и маленькую рабочую жизнь, мы перегораемъ всевозможными чувствами и всевозможными идеями, почти не отвѣдавъ жизни, и становимся къ 21-му году своей біографіи мизантропами, меланхоликами, пессимистами,—въ каковомъ состояніи духа „проклинаемъ землю и уходимъ съ нея". Такова подпочва множества молодыхъ самоубійствъ, отроческихъ самоубійствъ. Книга „Безъ средней школы" падаетъ какъ разъ въ эту точку больной русской молодости. Это разсказъ о себѣ „экстерна", т. е. экзаменующагося „со стороны", не пройдя курса школы, и подготовлявшагося къ экзамену дома или вообще своими усиліями. Вотъ эти „свои усилія" и „своя жизнь", этотъ разсказъ о томъ, какъ „самого себя спасаетъ" тонущій человѣкъ, котораго заливаетъ тяжелая и грязная волна жизни, волна мелочной и пошловатой службы, мелочныхъ и уже утонувшихъ въ тинѣ людей,—и поучителенъ и хотѣлось бы, чтобы онъ пошелъ по рукамъ читателей „На зарѣ туманной юности", какъ поется въ пѣснѣ. Онъ не художественъ, этотъ разсказъ, но каждая его страница списана съ натуры. Кончивъ городское училище, онъ почти мальчикомъ еще попадаетъ въ низы земской службы. Захватывающая любовь къ чтенію заставляетъ его искать „свѣта дальше". Это, конечно, университетъ, какъ представляется всѣмъ въ Россіи. Нужно для этого осилить самостоятельно полный гимназическій курсъ: вещь потруднѣе, чѣмъ совершить путешествіе „въ малоизвѣстныя страны": потому-что скучнѣе, томительнѣе, монотоннѣе, да и требуетъ недюжинныхъ и притомъ очень разнообразныхъ способностей. Онъ и служитъ, и учится; перебирается въ Петербургъ; занимается на „подготовительныхъ" (къ экзамену) курсахъ; и вообще пробивается тернистой дорожкой, по которой пробирается теперь толпы юношей и дѣвушекъ,— притомъ наиболѣе энергичныхъ и самостоятельныхъ. Можетъ быть онъ и погибъ бы, какъ гибнутъ многіе плечо-съ-плечомъ около него, если бы не встрѣча съ „отцомъ", какъ онъ называетъ въ дальнѣйшемъ отца молодой дѣвушки, ему понравившейся и на которой онъ женился. Бодрый, умный и добрый старикъ точно замѣняетъ ему „семью-поддержку", „семью-опору", какой онъ не видѣлъ въ дѣтствѣ: подбавляетъ ему силъ, вдохновляетъ надеждой: и на могилѣ одного „покончившаго съ собою экстерна" онъ говоритъ другому такому же экстерну, кто есть его настоящій избавитель: молодая любовь, прекрасная дѣвушка и вотъ этотъ старикъ. Онъ очень основательно говоритъ, что „отъ кого отвернулась и семья, и школа—тому выходъ только въ самоубійствѣ". Конечно, деревцо около деревца растетъ: а деревцо, одно стоящее въ полѣ, погибаетъ. Но тутъ нужно то имѣть въ виду, что таковое исканіе близости, спасительной близости, должно быть обоюдно. Нужно чтобы юноши и дѣвушки не смотрѣли съ враждою на семью и школу,— точнѣе, чтобы они не довѣрялись злымъ нашептываніемъ противъ старой (естественно!) семьи и школы, какими полна печать и легкомысленное общество.

Прочтите, юноши, эту непредвзятую книжку. Она не лжетъ. Она многихъ изъ васъ можетъ взять за руку и вывести изъ омута недоразумѣній и душевной смуты. (*В. Розановъ. „Нов. Вр". 1912—13150*).

Разсказъ одного юноши, собственнымъ горбомъ пробившагося, безъ средней школы, экстерномъ до манящаго званія студента университета. Разсказъ не оставляетъ сомнѣнія въ правдивости пережитаго. Это и не разсказъ, въ сущности,—а полу-записки. Характерной чертой ихъ является тотъ подъемъ духа, та радостная энергія, съ которой бѣднякъ, лишь окончившій городское училище и работавшій потомъ писцомъ въ земствѣ, добивался сподобиться университета. Этотъ душевный подъемъ чуждъ, навѣрно, многимъ изъ тѣхъ юношей, для которыхъ поступленіе въ среднія учебныя заведенія и переходъ въ высшія обезпеченъ общественнымъ положеніемъ ихъ родителей. Но зато стоитъ прочитать главы разсказа г. Р., въ которыхъ юноша ведетъ борьбу противъ разныхъ вредныхъ вліяній города, нахлынувшихъ было на него, — чтобы видѣть, какую помощь для этой борьбы нашелъ онъ въ томъ, что съ юныхъ лѣтъ бралъ

собственной волей и усиліями всѣ трудности жизни. (*„Совр. Сл.“ 1912—1706*).

182. Бѣлинскій, В. 891.7.09

Статьи о русской литературѣ. Ист.-литер. библіотека, подъ ред. Иванова-Разумника. Спб. 1912. Стр. 293. Ц. въ перепл. 35 к.

По плану, принятому историко-литературной библіотекой, каждому выпуску ея, содержащему нѣсколько статей изъ сочиненій Бѣлинскаго, предпосылается болѣе или менѣе обстоятельная замѣтка редактора спеціально о статьяхъ даннаго выпуска. Въ настоящемъ 72-мъ выпускѣ помѣщены двѣ работы Бѣлинскаго: „Литературныя мечтанія“ и „Русская литература въ 1841 г.“, и по поводу нихъ г. Ивановъ-Разумникъ даетъ въ предисловіи свой историко-литературный комментарій. Въ немъ авторъ утверждаетъ, что Бѣлинскій, измѣнчивый въ своихъ философскихъ взглядахъ, обнаруживалъ, наоборотъ, большое постоянство въ собственно литературныхъ своихъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ,—и именно, сопоставляя названныя статьи, раздѣленныя между собою нѣсколькими годами, г. Ивановъ-Разумникъ старается показать полную неизмѣнность взглядовъ Бѣлинскаго на главнѣйшихъ дѣятелей русской литературы. (*„Совр. Сл.“ 1912—1671*).

183. Кадминъ, Н. 891.7.09

Очерки по исторіи русской литературы. Подъ ред. проф. А. Бороздина. М. 1912 г. Изд. Н. Н. Клочкова. Ц. 1 р. 35 к.

„Очерки“ г. К. повидимому предназначаются авторомъ для самообразованія,—по крайней мѣрѣ, нигдѣ не указано, чтобы при ихъ составленіи имѣлись въ виду задачи школьнаго преподаванія. Открывается она общею характеристикою кружковъ 30-хъ годовъ, дѣятельности Бѣлинскаго, творчества и міросозерцанія главнѣйшихъ западниковъ и славянофиловъ. Спеціальные отдѣлы посвящены далѣе Сергѣю Аксакову, Григоровичу, Тургеневу, Гончарову, Островскому, Льву Толстому, Достоевскому; въ особыхъ главахъ оцѣнивается критика 50-хъ и 60 годовъ,—какъ „общественная“ (Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ), такъ и эстетическая и философская (Дружининъ, Апол. Григорьевъ, Страховъ). Далѣе авторъ переходитъ къ характеристикѣ такихъ поэтовъ, какъ Тютчевъ, Фетъ, Майковъ, Полонскій, Алексѣй Толстой, Щербина, Некрасовъ, (странно, что пропущенъ Никитинъ), посвящаетъ отдѣльную главу беллетристамъ-народникамъ и заканчиваетъ книгу характеристикою Гаршина, Короленко и Чехова. При первомъ знакомствѣ съ книгою, въ общемъ—довольно содержательною, сообщающею много свѣдѣній, охватывающею значительный періодъ времени, намъ бросается въ глаза отсутствіе настоящей связи между отдѣльными главами: каждая изъ нихъ стоитъ особнякомъ, начинается какъ то ex abrupto, чисто внѣшнимъ образомъ соединяется съ предыдущею и послѣдующею.

Необыкновенно монотонное впечатлѣніе производятъ первыя строки почти всѣхъ главъ, редактированныя всегда на одинъ ладъ. Другая особенность „Очерковъ“, невольно привлекающая наше вниманіе, состоитъ въ томъ, что характеръ изложенія подчасъ заставляетъ насъ видѣть въ книгѣ все же, какъ бы замаскированный учебникъ, а не просто—книгу для самообразованія. Въ самомъ дѣлѣ, обо многомъ авторъ говоритъ слишкомъ кратко, туманно и осторожно, кое что онъ обходитъ молчаніемъ, нѣкоторыя произведенія совершенно выпускаетъ. Все обозрѣть, конечно, невозможно,—но есть безусловно нежелательные, даже недопустимые пропуски и сокращенія, дѣлающіе картину эпохи неполною. Въ иныхъ случаяхъ пропускъ тѣхъ или другихъ сочиненій, оставленныхъ авторомъ безъ разбора, какъ нарочно совпадаетъ съ требованіями оффиціальной программы по новѣйшей русской литературѣ — тамъ, гдѣ таковая проходится. Въ „Очеркахъ“ есть мѣста, которыя выиграли бы, если бы носили болѣе яркій и категорическій характеръ; побольше критическаго отношенія хотѣлось бы, напр., видѣть при оцѣнкѣ славянофильскихъ теорій или дѣятельности Достоевскаго, какъ редактора „Дневника писателя“. Нельзя не обратить вниманія на дефекты слога, тотчасъ же бросающіеся въ глаза, когда мы знакомимся съ „Очерками“. Даже если передъ нами—только школьный учебникъ, слѣдовало бы подвергнуть языкъ, какимъ написана книга, болѣе тщательной обработкѣ, такъ какъ слишкомъ часто попадаются намъ извѣстныя шероховатости.

Неудачныя, неправильныя или неясныя выраженія, тяжелые обороты, мѣстами—яркіе образчики какой-то стилистической небрежности, невольно поражающей каждаго, кто дорожитъ красотою и выразительными особенностями языка. (*Ю. Веселовскій. „Вѣст. Восп.“ 1912—6*).

Книга г. К. восполняетъ давно ощущавшійся пробѣлъ. Строго говоря, мы до сихъ поръ не имѣли книги руководства, которая систематически, полно и общедоступно знакомила бы съ исторіей родной литературы послѣ Гоголевскаго періода. Наши общеизвѣстныя пособія, не говоря даже объ ихъ общей неудовлетворительности, безцвѣтности, эклектизмѣ, оказываются непригодными уже по одному тому, что исторію „новѣйшей русской литературы“ они обрываютъ на Лермонтовѣ. Все послѣдующее, величественное и изумительно блестящее развитіе литературы русской, всѣ славныя имена, творчество которыхъ живительно питаетъ русскую культуру,—все это оставалось обычно въ тѣни. Методъ изложенія—строго объективный, исключающій предвзятность оцѣнокъ, но не дѣлающій книгу безличной. Ознакомленію съ творчествомъ Кадминъ предпосылаетъ сжатую біографію писателя, въ которой не многословно, но содержательно знакомитъ съ его личной жизнью, эпохой и современными автору вліяніями (*„Нов. Журн. для Вс.“ 1912—1*).

Мы не рѣшились бы говорить объ „изученіи“ русской литературы по книжкѣ, гдѣ на 338 страницахъ далеко не убористой печати дается знакомство съ 36 писателями важнѣйшаго періода литературы. Очевидно, что тутъ слишкомъ даже „урѣзанъ матеріалъ относительно личности и творчества“. При этомъ, вопреки принципу объективности, урѣзываніе коснулось неравномѣрно всѣхъ сторонъ характеризуемаго писателя. Далѣе можно ли говорить объ „изученіи“, если авторъ выступаетъ только компиляторомъ, излагаетъ по другимъ пособіямъ и кое гдѣ, не давая себѣ труда пересмотрѣть источники, впадаетъ въ ошибки, допускаетъ неточности. Сбивчиво изложены даже такія отвѣтственныя главы, какъ біографія Л. Толстого, содержаніе романовъ Тургенева

(характеристика Базарова), литературная дѣятельность Чехова (вымышленъ разсказъ „На практикѣ“) и проч. Наконецъ, изученіе требуетъ, конечно, объективности, но не исключаетъ горячаго отношенія къ предмету. Г. К. не столько объективенъ, сколько холоденъ. Онъ сумѣлъ умѣренно и аккуратно разсказать о Бѣлинскомъ, Герценѣ, Аксаковыхъ, Л. Толстомъ, Достоевскомъ, Некрасовѣ, Фетѣ, Щедринѣ, Златовратскомъ и нигдѣ не воодушевляется. Равнодушнымъ останется и его читатель. (*С. Золотаревъ. „Изв. Пост. Ком.“ 1912—2*).

184. Максимовъ, В. В. 891.7.09

Очерки по исторіи русской литературы сороковыхъ—шестидесятыхъ годовъ. Спб. 1912. Стр. 296. Ц. 1 р.

Хотя авторъ въ предисловіи заявляетъ, что его книга не пересказъ, а критическій анализъ, тѣмъ не менѣе элементарныя, не научныя характеристики, которыя даетъ г. М., гораздо больше походятъ именно на пересказъ и не имѣютъ никакого, даже троюроднаго родства съ критикою. Авторъ, впрочемъ, имѣлъ въ виду школьныя цѣли при составленіи своей книги, но врядъ ли онъ можетъ удовлетворить даже послѣднимъ. Его характеристики лишены какого бы то ни было общественнаго освѣщенія и психологическаго анализа. (*П. С. „Ист. Въст.“ 1912—4*).

Очерки по исторіи русской литературы г. М. обнимаютъ эпоху 40—60-хъ годовъ и посвящены, такъ называемой, натуральной школѣ, включающей въ себя преемниковъ Гоголя: Аксакова, Григоровича, Герцена, Тургенева, Гончарова, Островскаго, Некрасова и критиковъ: Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, Ап. Григорьева. Въ предисловіи авторъ даетъ бѣглую характеристику Николаевской эпохи и болѣе подробную—эпохи Великихъ реформъ, въ связи съ ихъ литературными отраженіями. Двѣ тѣсно переплетенныя между собою нити проходятъ, такимъ образомъ, черезъ всю книгу: теченія общественныя и литературныя. Истокомъ авторъ беретъ 40-ые годы, начинающіеся сліяніемъ двухъ кружковъ: Станкевича и Герцена — умозрѣнія и политики для дальнѣйшаго развѣтвленія въ западничествѣ и славянофильствѣ.

Разсмотрѣвъ ходъ русской общественности за тридцатилѣтіе 40-хъ—60-хъ гг., авторъ переходитъ къ анализу литературныхъ теченій этого времени, отмѣчая, что наша литература, уже въ силу историческихъ условій, съ самаго своего возникновенія стала близкой къ дѣйствительности... Авторъ строитъ свое изслѣдованіе въ послѣдовательности выступленія писателей на литературное поприще: начинаетъ съ Аксакова, Григоровича и Герцена — беллетриста, переходитъ къ Тургеневу — изобразителю крестьянства и ряда поколѣній изъ интеллигенціи, затѣмъ къ Гончарову — бытописателю помѣстнаго круга и средняго сословія, къ Островскому—живописцу купечества и чиновничества, наконецъ,—къ Некрасову, чутко затронувшему различные вопросы и настроенія своей эпохи. Въ натуральной школѣ происходитъ сближеніе литературы съ жизнью. Значитъ, насущная задача историка литературы—привести въ связь художественное произведеніе съ дѣйствительностью: съ окружающей автора семейной обстановкой и общественной средой, съ эпохой, съ бытомъ. Г. М., разбирая писателя, даетъ его біографію и анализъ творчества. Въ біографіи отводится мѣсто вліяніямъ, пережитымъ тѣмъ или другимъ писателемъ какъ благопріятнымъ, такъ и тормозящимъ. Творчество писателя выясняется на фонѣ окружающей его общественности, поскольку авторъ отразилъ въ своихъ произведеніяхъ типы и идеалы своего времени. Стройно и послѣдовательно проведена связь поколѣній: „типъ лишнихъ людей“, продолжателей Онѣгина и Печорина показанъ въ его развѣтвленіяхъ и оттѣнкахъ, начиная съ Бельтова, Рудина, Лаврецкаго и кончая Обломовымъ. Такимъ образомъ, г. М. обращаетъ вниманіе какъ на идейно - гуманитарную, такъ и на художественную сторону творчества разбираемыхъ имъ авторовъ. Раскрывая развитіе писателя, авторъ выставляетъ громадное значеніе для него критики, способствующей уясненію его самосознанія. Неоднократно подчеркиваетъ онъ руководящую роль Бѣлинскаго въ нашей литературѣ.

Въ заключеніе можно сказать, что цѣль г. М.—прослѣдить связь литературы и жизни у писателей натуральной школы умѣло достигнута: мы наблюдаемъ развитіе писательской личности съ переживаемыми ею явленіями, общественную среду, отраженную въ художественномъ творчествѣ, наконецъ, міровоззрѣніе самого автора, которое провѣряется разносторонней критикой. Эти „Очерки“ вполнѣ подходятъ и для класснаго изученія подъ руководствомъ опытнаго преподавателя, и для чтенія людей, занимающихся самообразованіемъ: написанные живо, подчасъ тепло, они могутъ и заинтересовать читателя, и дать ему полезный матеріалъ, и подготовить его къ самостоятельному изученію. Критическія цитаты, которыми пересыпана эта книга, служатъ ей лучшимъ подкрѣпленіемъ и даютъ яркія иллюстраціи для характеристики писателя и эпохи, пріучаютъ учениковъ пользоваться критическимъ матеріаломъ и дѣлать собственные выводы и сближенія.

Литературная оцѣнка, производимая авторомъ книги,—не пристрастно тенденціозная, а вдумчивая, стремящаяся къ примиренію крайностей, что бываетъ необходимо для педагога. Въ связи съ историческимъ курсомъ г. М. указываетъ рядъ рефератовъ (числомъ 45), разнообразно исчерпывающихъ темы русской литературы натуральной школы и предшествующей ей эпохи 20-хъ—30-хъ гг.: и крестьянскій вопросъ, и типы лишнихъ людей, и русскихъ женщинъ, и „чисто психологическія и бытовыя стороны русской жизни“. (*Н. Макшеева. „Рус. Шк.“ 1912—9*).

* **Зандбергъ, Д. Г.** 9(0:8):106

См. порядк. № 156.

185. Гинзбургъ, С. М. 9(47)„1812“:296

Отечественная война 1812 г. и русскіе евреи. Спб. Изд. „Разумъ“. 1912.

Авторъ превосходнаго изслѣдованія, которое читается съ большимъ интересомъ, какъ романъ, разсказываетъ о преданности, обнаруженной еврейскимъ народомъ къ Россіи въ Отечественную войну. Всѣ русскіе полководцы единогласно свидѣтельствуютъ въ своихъ отзывахъ и воспоминаніяхъ объ услугахъ, которыя оказывали евреи русскимъ войскамъ. Освѣдомленность русскихъ была всегда поразительная, тогда какъ Наполеонъ съ самаго начала не встрѣчалъ содѣйствія

со стороны евреевъ и впадалъ въ явныя ошибки и заблужденія, не имѣя точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ. Евреи расчитывали, и, между прочимъ, ихъ пророкъ Шнеуръ Залманъ, предсказавшій еще въ 1809 году паденіе Наполеона въ борьбѣ съ Александромъ, что за ихъ преданность они получатъ свободу, но дѣйствительность обманула ихъ ожиданія, какъ она обманула и ожиданія крѣпостныхъ крестьянъ. Гоненія противъ евреевъ, практиковавшіяся до наполеоновскихъ войнъ и пріостановленныя на время этихъ войнъ, вновь начались послѣ свержения владычества Бонапарта. Александръ I, по свидѣтельству генерала Левенштерна, хотѣлъ вознаградить евреевъ за преданность, но на самомъ дѣлѣ онъ ихъ не любилъ. Замѣтивъ во время своихъ поѣздокъ, что на Уралѣ промышляютъ евреи, онъ приказалъ, чтобы евреевъ отнюдь не было тамъ. Выселенія евреевъ изъ деревень въ города черты осѣдлости, сопровождавшіяся большими жестокостями, вновь начались. Самъ князь Голицынъ,—одинъ изъ гонителей іудейства по мистическимъ соображеніямъ,—призналъ тяжелое положеніе евреевъ. „Нельзя отрицать,—говоритъ онъ,—что за это время евреямъ суждено было выносить страданія, и что текли „еврейскія слезы". Къ этимъ строкамъ авторъ книги г. Г. прибавляетъ: „и эти слезы были прелюдіею того безбрежнаго горя, которое готовило евреямъ послѣдующее время". (*М. Чуносовъ „Биржев. Вѣд." 1912—13189*).

Эта книга займетъ не послѣднее мѣсто въ громадной литературѣ, вызванной юбилеемъ Отеч. войны. (*„Вѣст. Евр." 1912—10*).

Основанная на тщательномъ изученіи обширной русской и иностранной литературы работа г. Г. даетъ много очень интереснаго и свѣжаго историческаго матеріала... Прочтется съ большимъ интересомъ всѣми, интересующимися судьбами еврейства въ Россіи... Издана книга хорошо и недорого. (*П. Бетлицъ. „Нов. Ж." 1912—9*).

186. Бераръ, В. 9(55)

Персія и персидская смута. Изд. Брокгауза-Ефрона. Спб. 1912.

Выступленіе Персіи на путь западно-европейскаго конституціонализма—въ свое время было отмѣчено, какъ побѣда Запада надъ Востокомъ, какъ универсальное признаніе преимущества перваго надъ вторымъ. Но вчитавшись хорошо въ книгу бытія восточныхъ народовъ, мысленно пройдя съ ними всѣ этапы ихъ культурнаго развитія, мы увидимъ, что не о „побѣдѣ" и „преимуществѣ" можетъ итти здѣсь рѣчь, а о логическомъ завершеніи извѣстнаго цикла историческихъ событій на той или другой ступени государственной жизни... Слѣдуетъ привѣтствовать починъ издательской фирмы „Брокгаузъ-Ефронъ", рѣшившей въ новую серію „Современное человѣчество" включить какъ разъ тѣ книги, которыя введутъ читателя in medias res міровыхъ историческихъ проблемъ.... Противъ выбора автора не приходится говорить, какъ ничего не приходится говорить и о качествѣ перевода, тщательно прородактированнаго и стоящаго на высотѣ литературной техники. Единственно, о чемъ можно пожалѣть—это о высокой цѣнѣ. (*П. Борецкій-Бергфельдъ. „Нов. Ж." 1912—7*).

Всемѣрно сочувствуя поставленнымъ редакціей задачамъ—ознакомить широкіе круги русскихъ читателей съ дѣяніями и идеалами современнаго человѣчества въ полномъ его составѣ, желая отъ всей души успѣха своевременно задуманному предпріятію, мы не можемъ не указать на тѣ вопіющіе недостатки, кои несомнѣнно станутъ—и не по волѣ читающей массы—серьезной помѣхой культурному дѣлу. Прежде всего удивляетъ, и очень непріятно удивляетъ, непомѣрно высокая—двухрублевая цѣна книжки. Затѣмъ книжка о Персіи принадлежитъ перу иностранца, слѣдовательно, невольно отражаетъ въ себѣ образъ мыслей и нерѣдко даже интересы той націи, къ которой принадлежитъ авторъ... Читая увѣсистые, свысока бросаемые приговоры надъ цѣлымъ рядомъ явленій, русскій читатель нерѣдко долженъ дѣлать поправки къ психологіи человѣка такой высокой и передовой европейской страны, какъ Франція.

Въ подобныхъ слишкомъ спорныхъ мѣстахъ переводныхъ работъ желательно видѣть редакторскія примѣчанія. Межъ тѣмъ, редакція отсутствуетъ, несмотря на то, что объ страны пограничныя намъ; и пусть слишкомъ мало, но все же кое-что есть и въ нашей скудной оригинальной литературѣ по затронутымъ вопросамъ... Вообще, книжка производитъ впечатлѣніе странное, какъ будто издана она на русскомъ языкѣ, но не для русскаго читателя. Теоретически вѣрно и своевременно поставленная цѣль, на практикѣ, судя по разсмотрѣннымъ книжкамъ, не нашла себѣ достойнаго осуществленія. (*А. Золотаревъ. „Завѣты" 1912—6*).

187. Випперъ, Р. 9(15:18). (075)

Краткій учебникъ новой исторіи. Ц. 1 р.

Прекрасная содержаніемъ книга Виппера несомнѣнно займетъ мѣсто классическаго конспекта къ университетскому курсу новой исторіи. По простотѣ языка, ясности изложенія и въ сущности сложной конструкціи въ обзорахъ и характеристикахъ моментовъ соціальной исторіи, даже самымъ заглавіемъ рубрикъ, какъ бы общими идеями, пронизывающими матеріалъ—учебникъ напоминаетъ особенный типъ книгъ, этихъ „Lehrebücher" нѣмецкихъ профессоровъ, которыя какъ разъ не похожи на наши учебники для среднихъ школъ.

Эта же книга подойдетъ и для преподаванія въ классахъ гимназій и иныхъ училищахъ, такъ какъ, несмотря на все же значительный размѣръ и сложность содержанія, она такъ построена, что отчетливо вырисовывается и запоминается самый историческій процессъ, не забивается память грудой несвязанныхъ или слишкомъ отжатыхъ отъ всяческаго колорита времени и мѣста несвязанныхъ историческихъ фактовъ и дать. (*В. Сахновскій. „У. Рос." 1912—202*).

188. Быковъ, Н. 901

Кѣмъ дѣлается исторія? Опытъ историческаго міропониманія. Спб. 1912. Стр. 183. Ц. 80 к.

Далеко не всѣ мысли, которыми г. Н. Быковъ захотѣлъ подѣлиться съ читателями, — могутъ претендовать на оригинальность, новизну или особенную глубину. Въ общемъ, въ его книжкѣ нѣтъ ничего новаго. Но она не лишена интереса. Написать ее заставила автора та общественная атмосфера, слагающаяся изъ уныния и апатіи, которую мы переживаемъ сейчасъ. Пессимистическіе толки объ истощеніи народныхъ

силъ побудили его поставить вопросъ: кѣмъ дѣлается исторія? Меньшинствомъ или большинствомъ? По формулировкѣ г. Быкова, меньшинство начинаетъ историческія дѣла, большинство ихъ довершаетъ. Исторія дѣлается большинствомъ посредствомъ меньшинства. Русская интеллигенція до сихъ поръ невѣрно ставила свои задачи. Она не была богата идеями—силами, способными захватить массы. Поэтому „у насъ такъ мало героевъ и такъ много не-героевъ". Чтобы разрѣшить свою проблему, русской интеллигенціи надлежитъ „понять то, что нужно народнымъ массамъ не только въ области человѣческихъ интересовъ (?), но и въ области злобъ дня". И когда,—прибавляетъ нашъ авторъ, — это будетъ осуществлено, соціальная сила интеллигенціи станетъ непреодолимой".

Какъ видимъ, это не вполнѣ ясно. Быть можетъ, если бы авторъ сумѣлъ развить свои мысли и дать конкретные отвѣты на конкретные вопросы, то... онъ повторилъ бы многое изъ того, что извѣстно теперь всѣмъ и каждому, и къ чему направлены усилія всякаго рядового интеллигента. И только въ формѣ такихъ дутыхъ соціологическихъ обобщеній эти простыя вещи кажутся чѣмъ-то новымъ и особенно мудрымъ... (*„Совр. Сл." 1912—1685*).

189. Карѣевъ, Н. И. 901

Собраніе сочиненій. Т. II. Философія исторіи въ русской литературѣ. Кн-во „Прометей" И. Н. Михайлова. Спб. 1912. Стр. 236. Ц. 1 р. 50 к.

Когда-то—въ сущности, вовсе ужъ и не такъ давно—темы, которымъ посвящены статьи, вошедшія въ настоящій томъ сочиненій Н. И. Карѣева,—вызывали въ русскомъ обществѣ горячіе споры. Въ спорахъ этихъ горѣли страсти не столько во имя отвлеченныхъ истинъ, сколько во имя тѣхъ „заднихъ мыслей", тѣхъ внутреннихъ мотивовъ, которые составляли содержаніе духовной жизни нашей интеллигенціи. Роль личности въ исторіи, соотношеніе личнаго и общественнаго начала—все это являлось своего рода шифромъ къ острымъ вопросамъ соціально-культурныхъ и соціально-политическихъ теченій въ русской интеллигенціи. И въ свое время и статьи г. Карѣева вызывали живѣйшій интересъ, служили предметомъ, подчасъ, довольно острой полемики. Теперь самъ авторъ ихъ предупреждаетъ о необходимости считаться съ исторической перспективой, въ которой должна даваться оцѣнка тѣмъ настроеніямъ, съ какими написана его книга. Особенное значеніе эта оговорка должна имѣть по отношенію къ статьѣ объ исторической философіи Л. Н. Толстого, написанной еще въ серединѣ 80-хъ годовъ, когда „толстовское" теченіе носило дѣйствительно явный уклонъ въ сторону общественнаго безразличія...

Во всякомъ случаѣ, стали проф. Карѣева занимаютъ свое мѣсто въ исторіи нашей соціально-культурной мысли... (*„Совр. Сл." 1912—1699*).

190. Круковская, Л. 92 (М)

Н. А. Морозовъ. Очерки жизни и дѣятельности. Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1912. Стр. 96. Ц. 40 к.

Среди нашихъ современниковъ личность Н. А. Морозова представляется, несомнѣнно, одной изъ самыхъ оригинальныхъ и замѣчательныхъ. И не столько внѣшняя, дѣйствительно богатая драматизмомъ исторія жизни этого человѣка вызываетъ удивленіе къ нему и привлекаетъ интересъ,—сколько та нетлѣнная моральная красота, которой проникнуты всѣ эти драматическія перипетіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что его „Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости" являются книгой, которыхъ не очень много во всемірной литературѣ,—такъ много въ нихъ истиннаго золота человѣчности. Драматическія перипетіи въ жизни Н. А., какъ извѣстно, не закончились съ выходомъ его изъ Шлиссельбурга. Проведя 27—28 лѣтъ своей жизни въ заключеніи, Н. А. могъ отдохнуть на свободѣ лишь меньше семи лѣтъ—и теперь снова обрѣтается въ крѣпости, исполняя повинность, установленную „обновленнымъ строемъ" для русскихъ писателей... Нельзя не привѣтствовать намѣренія издательства московской біографической библіотеки, давшей въ настоящемъ четвертомъ выпускѣ этой библіотеки очеркъ жизни и дѣятельности Н. А., хотя авторъ и оговаривается, что онъ имѣлъ въ виду дать преимущественно очеркъ научной дѣятельности Морозова, но общественно-политическая борьба играла такую крупную роль въ прошлой жизни Н. А., что, быть можетъ, противъ намѣренія автора, ей пришлось удѣлить достаточно мѣста.

Спокойный, обстоятельный разсказъ г-жи Л. Круковской производитъ, однако, глубокое впечатлѣніе... Излагаемые ею факты говорятъ сами за себя. (*„Совр. Сл." 1912—1685*).

191. Соловьевъ, Н. В. 92(Т):792.8

Марія Тальони. Спб. 1912 Ц. 3 р. 75 к.

Марія Тальони, которой посвятилъ свою очень нарядную, наполовину состоящую изъ иллюстрацій книжку,—прекраснѣйшее воспоминаніе балета. Четверть вѣка эта „четвертая грація", какъ назвалъ балерину одинъ изъ энтузіастовъ, была мечтой зрителей. Ею одинаково восторгались короли и поэты, банкиры и студенты; королева Викторія и Альфредъ де-Мюссе, Императоръ Николай Павловичъ и архимандритъ Іоакинфъ. Г. С. даетъ въ своемъ очеркѣ описаніе 71 изображенія Тальони. Какая другая актриса могла бы похвалиться такою богатою „иконографіею"? Значительная часть этихъ изображеній, воспроизведенная въ книжкѣ, и составляетъ ея главную цѣнность и интересъ. Очеркъ составленъ съ большою добросовѣстностью, хотя и безъ особой яркости. (*Энк. „Рус. Вѣд." 1912—146.*)

Привлекательная книга г. С. представляется скорѣе произведеніемъ библіофила и любителя эстамповъ, нежели историка театра. Авторомъ использовано почти все, что когда-либо было напечатано о Тальони. Авторъ книги не дастъ новой самостоятельной оцѣнки роли и личности Тальони. Онъ настраиваетъ свой текстъ въ тонъ тѣхъ первыхъ фельетонистовъ романтизма, которые нѣкогда воспѣли балерину. Неосторожень по своей необоснованности взглядъ на Тальони, какъ на возродительницу античнаго пластическаго идеала, а на ея искусство, какъ на реакцію противъ реализма (вѣдь его не было!) Новая книга цѣнна, какъ матеріалъ для историка балета; остается лишь понадѣяться, что авторъ не ограничится этимъ первымъ, успѣшнымъ въ общемъ, опытомъ. (*Левинсонъ „Русс. Художж. Лѣтоп." 1912—8—9*).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеней“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ.

0 Общія сочиненія.

480. Горбуновъ-Посадовъ, И. 059

Сельскій и деревенскій календарь на 1913 г. Для улучшенія крестьянскаго хозяйства. Съ рис. Стр. 175. Ц. 20 к.

481. Зоновъ, А. С. 059

Календарь для каждаго. „1913 г.“ Годъ изд. VII. Подъ ред. Н. И. Горбунова-Посадова. М. 1912. Стр. 196. Ц. 20 к.

Содержаніе: Общекалендарныя свѣдѣнія. О борьбѣ со зломъ. Воспитаніе. Трудъ и трудовая колонія. Вегетаріанство. Противъ пьянства. Война. Международный языкъ. Кооперація. Памяти Л. Н. Толстого.

482. Моховъ, И. Г. 059:378

Справочникъ для студентовъ Московскаго Коммерческаго Института на 1912—13 г. Годъ изд. первый. М. 1912. Стр. 74. Ц. 35 к.

483. Кони, А. Ѳ. 08

На жизненномъ пути. Т. II. Изд. Сытина. Стр. 792. Ц. 2 р. 75 к.

Содержаніе: Изъ воспоминаній.—Левъ Николаевичъ Толстой. По поводу драматическихъ произведеній Толстого. Тургеневъ. Достоевскій. Некрасовъ. Апухтинъ. Писемскій. Александръ Ивановичъ Чупровъ. Василій Осиповичъ Ключевскій. „Вѣстникъ Европы“. Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. Памяти Д. А. Дриля. Публичныя чтенія.—Пироговъ о школѣ жизни. Памяти Тургенева. Великій князь Константинъ Николаевичъ. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Константинъ Карловичъ Гротъ. Два судебныхъ оратора. Памяти Якова Григорьевича Есиповича. Въ Верхней палатѣ. Дополненія.

484. Михайловскій, Н. К. 08

Полное собраніе сочиненій. Т. X. Подъ ред. и съ примѣч. Е. Е. Колосова. Съ приложеніемъ вступительной статьи Н. С. Русанова, предметнаго систематическаго указателя ко всѣмъ сочиненіямъ Н. К. Михайловскаго, указателемъ литературы о немъ и краткаго именного указателя. Спб. 1913. Изд. Н. Н. Михайловскаго. Т. XXII+1154 стр. (въ 2 ст.). Ц. 2 р.

485. Орловскій, С. 087.1

Родныя и чужія были. Для юношества. Рисунки художника С. А. Виноградова. Спб. 1912. Изд. т-ва Просвѣщеніе 388 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 25 коп.

486. Слѣпцова, М. 087.1

Вымирающіе богатыри. „Книжка за книжкой“, кн. 36. Спб. 1912. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 46 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

1 Философія.

487. [.....] 1(082)

Новыя идеи въ философіи. Непериодич. изд., выходящее подъ ред. Н. О. Лосскаго.—О. Л. Радлова. Сборникъ № 3. Теорія познанія. I. Изд. „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. 146. Ц. 80 к.

Содержаніе: Предисловіе редакторовъ.—Н. Лосскій. Имманентная философія Шуппе.—Д. Викторовъ. Психологическія и философскія воззрѣнія Рих. Авенаріуса.—Б. Яковенко. Философія Эд. Гуссерля.

488. Соловьевъ, И. П. 1(09)(075)

Курсъ исторіи философіи. Примѣнительно къ послѣдней (1906 г.) программѣ для духовныхъ семинарій. Спб. 1913. Изд. И. Л. Тузова. 272 стр. Ц. 80 к.

489. Трубецкой, С. Н. 1(3)

Собраніе сочиненій. Т. V и VI. Курсъ исторіи древней философіи. М. 1912. IV+166+61 стр. Ц. 2 р.

490. Авенаріусъ, Р. 1(A)

Философія, какъ мышленіе о мірѣ согласно принципу наименьшей мѣры силы. Пролегомены къ критикѣ чистаго опыта. Перев. со 2-го нѣм. изд. Г. А. Котляра. Изд. „Образованіе“. Спб. 1912. Стр. 105+V. Ц. 60 к.

Изъ предисловія: „Въ настоящемъ сочиненіи авторъ дѣлаетъ попытку разсмотрѣть развитіе философіи съ точки зрѣнія принципа наименьшей мѣры силы“.

491. Аксеновъ, М. 1(A)

„Опытъ метагеометрической философіи. Стр. 100. Ц. 1 руб.

Изъ предисловія. Предлагаемый вниманію читателя трудъ представляетъ опытъ возведенія на фундаментѣ моей теоріи времени ученія о волѣ, о причинности и о дѣйствіи и согласованіи результатовъ метагеометрофилософическихъ моихъ изслѣдованій съ индивидуалистическою философіею вообще и съ индивидуалистическимъ ученіе о смерти и о загробной жизни въ особенности.

* **Эрнъ, В.** 1:92(C)

См. порядк. № 600.

492. Левенвельдъ, Л. 13

Сомнамбулизмъ и спиритизмъ. Перев. съ нѣм. Ал. Вальцгефера. „Вопросы псих. безсознат.“ подъ ред. д-ра Н. Котика. Изд. „Начало“. М. 1913. Стр. 87. Ц. 65.

Содержаніе: Различныя формы сомнамбулизма: естественный, истерическій, гипнотическій. — Необычныя проявленія сомнамбулизма: Ясновидѣніе. Перемѣщеніе (транспозиція) чувствъ. Видѣніе на разстояніи. Сверхчувственная передача мыслей. Предвидѣніе и предчувствіе. Раз-

говоръ на незнакомомъ языкѣ. Физическія явленія медіумизма. Заключеніе.

493. Богдановъ, А. 14

Философія живого опыта. Популярные очерки. Матеріализмъ, эмпиріокритицизмъ, діалектическій матеріализмъ, наука будущаго. Изд. М. И. Семенова. Спб. 1912. Стр. 272. Ц. 2 р.

494. Бергсонъ, Анри. 152

Воспріятіе измѣнчивости. Лекціи, читан. въ Оксфордскомъ универт. 26 и 27 мая 1911 г. Пер. съ франц. В. А. Флеровой. Изд. М. И. Семенова. Спб. 1913. Стр. 44. Ц. 50 к.

495. Солтъ, Г. С. 17

Гуманитарное ученіе или гуманитаризмъ. Перев. съ англ. А. Счастной. „Вегетар.библ." Изд. „Посредникъ". М. 1912. Стр. 18. Ц. 6 к.

* **Лозинскій, Е.** 17:371

См. порядк. № 516.

496. Бехтеревъ, В. М., акад. 178.1

Алкогольная политика или алкогольное оздоровленіе. Спб. 11 стр.

2 Религія.

497. Безантъ, А. 2

Братство религій. Изд. журн. „Вѣстн. Теософіи". Спб. 1912. Стр. 96. Ц. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. Единство Бога. Проявленіе Бога во Вселенной. Великіе разряды живыхъ существъ. Воплощеніе Духа. Два основныхъ закона. Три міра человѣческой эволюціи. Братство человѣчества.

* **Лозинскій, Е.** 2:371

См. порядк. № 516.

498. Филиппъ, инокъ. 22(08)

Собраніе душеполезныхъ изреченій, выписанныхъ изъ св. писанія и поучительныхъ книгъ. М. 1912. 30 стр.

499. Дурново, О. Д. 226

Такъ говорилъ Христосъ. М. 1912. Изд. автора, 2-е. III+362 стр. Ц. 3 р.

500. Василій, архим. 28:294.3

Христіанская религія и буддизмъ. Часть I. Спб. 1912. Ц. 75 к.

501. Ясевичъ-Бородаевская, В. 281.93.01

Борьба за вѣру. Историко-бытовые очерки и обзоръ законодательства по старообрядчеству и сектантству въ его послѣдовательномъ развитіи съ приложеніемъ статей закона и Высочайшимъ указомъ. Спб. 1912. XXX+656 стр. Съ рис. Ц. 4 р.

502. Святскій, Д. 291.13

Подъ сводомъ хрустальнаго неба. Очеркъ по астральной миѳологіи въ области религіознаго и народнаго міровоззрѣнія. Съ 15 рис. въ текстѣ. Спб. 1913. Стр. 187. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе. Видѣніе пророка Іезекіиля. Луна, какъ національное свѣтило евреевъ. Грѣхъ Каина. Слѣды сѣвернаго вліянія въ библіи. Чудо пророка Исаіи. О сѣверномъ происхожденіи Троянскихъ преданій. Христіанскіе праздники солнцеворота. Птицы небесныя Фениксъ и Халкедрій. Отчего въ Свѣтлое Воскресенье солнышко играетъ. Небесныя знаменія. Горные призраки. Чудесный градъ. Гаданія по облакамъ. Пророкъ Илья—громовержецъ. Радуга въ народныхъ представленіяхъ. Вилеемская загадка. Духи и звѣри неба. Звѣздная миѳологія народовъ Россіи. Причина отступленія тѣни по ступенямъ Ахаза.

* **Василій, архим.** 294.3:28

См. порядк. № 500.

3 Соціальныя науки.

503. Жаботинскій, Вл. 323.1(47)

Наше бытовое явленіе (вопросъ о выкрестахъ). Одесса. 1912. Изд. 2-е „Восходъ". 14 стр.

504. Соколовъ, К. Н. 328

Парламентаризмъ. Опытъ правовой теоріи парламентарнаго строя. Спб. 1912. VII+432 стр. 3 руб.

* **Михайловъ, В.** 328:38](47)

См. порядк. № 518.

505. Тэйлоръ, Ф. 338

Научныя основы организаціи промышленныхъ предпріятій. Перев. подъ ред. А. В. Панкина и гор. инж. Л. А. Левенстерна. Спб. 1912. Изд. Л. А. Левенстерна. 119 стр. Ц. 1 р. 75 к.

506. [. . . . .] 338:31](08)

Экономическо-статистическій сборникъ. Вып. IV. „Статист. отд. Моск. Уѣз. Земск. Упр.". М. 1912. Стр. 50. Ц. 1 р.

Содержаніе: Садоводство, огородничество, полеводство въ с. Борисовѣ. Хозяйство въ с. Шандровѣ. Цѣны на скотъ и сельско-хоз. продукты въ Моск. у. Урожай полевыхъ культуръ въ Моск. у. Сельскохоз. инвентарь въ крестьянскомъ хоз. Моск. у. Земская касса мелкаго кредита въ 1911 г. Сообщенія гг. корреспондентовъ о разныхъ сторонахъ мѣстной жизни. Отчетъ союза молочныхъ товариществъ въ Моск. изд. за 1911.

507. Березинъ. 342.8(47)

Избирательное право въ Государственную Думу. Рига 1912. Изд. „Наука и Жизнь." 48 стр. Ц. 5 к.

508. Эммануиловъ, А. 343(02)

Конспектъ по уголовному праву. Часть особенная. Составленъ по лекціямъ С. В. Познышева примѣнительно къ послѣднимъ требованіямъ государственной испытательной комиссіи. М. 1912. 53 стр. Ц. 80 к.

509. Ю—ій, І. И. 343(02)

Repetitorium русскаго уголовнаго права. Часть общая. Составлена примѣнительно къ программѣ государственной испытательной комиссіи по учебникамъ профессоровъ Н. Д. Сергѣевскаго, А. Ѳ. Кистяковскаго, Таганцева и др. Кіевъ. 1912. Изд. кн. маг. Я. П. Лапицкаго. 136 стр. Ц. 1 р. 25 к.

510. Лобасъ, Н. С., вр. 343.9

Убійцы. Нѣкоторыя черты психофизики преступниковъ. Со снимками преступниковъ. М. 1913. Стр. 168. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. Корыстные убійцы. Убійцы въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Убійцы душевнобольные. Психика убій-

цы и физич. организація. Убійцы, алкоголизмъ и половой инстинктъ. Заключеніе.

511. Выдринъ, А. С. и Виленкинъ, М. В. 351.777

Законъ о правѣ застройки. Со вступит. статьей подробными постатейными разъясненіями, составленными по законодательнымъ мотивамъ. Приложенія: А. Законъ 15 марта 1911 г. Объ увеличеніи предѣльнаго срока найма недвижимыхъ имуществъ. Б. Образцы договоровъ о правѣ застройки. В. Алфавитный указатель. Изд. „Школа". М. 1913. Стр. 98. Ц. 80 к.

512. Антошевскій, И. К. 366.1

Орденъ Мартинистовъ. Его происхожденіе, цѣли, значеніе и краткій очеркъ его исторіи. Спб. 1912. Изд. жур. „Изида". 22 стр.

513. Кузьменко, Д. 371

Воспитаніе дѣтей. Пособіе родителямъ и воспитателямъ. Педагогическія наставленія для дома и школы. Серія брошюръ по воспитанію дѣтей. Вып. 3. М. 1912. 26 стр. Ц. 20 к.

Содержаніе: 1) Недостатки въ области чувствъ и ощущеній съ повышеннымъ самочувствіемъ и возвышеннымъ настроеніемъ: а) Шаловливое дитя; б) Высокомѣрное дитя; в) Своенравное или своевольное дитя; г) Тщеславное дитя; д) Нескромное дитя.

514. Обуховъ, А. М. 371

Свободное воспитаніе и дисциплина. Изд. 2-е. М. 1913. Стр. 108. Ц. 40 к.

Изъ предисловія: „Настоящая работа является попыткой критически разсмотрѣть одно очень распространенное у насъ въ Россіи педагогическое направленіе"...

515. П—овъ, Н. 371

Характерныя черты изъ жизни нашей школы въ детальномъ освѣщеніи взаимоотношеній учащихъ. Херсонъ. 1912. Изд. автора. 24 стр. Ц. 10 к.

516. Лозинскій, Е. 371:17:2

Новыя проблемы воспитанія. Томъ I. Религія. Нравственность. Сексуальное воспитаніе. Спб. 1912. Изд. Ил. В. Казначеева и И. С. Симонова. 287 стр. Ц. 1 р. 75 к.

* **Лозинскій, Е.** 371:613.26

См. порядк. № 541.

* **Моховъ, И. Г.** 378:059

См. порядк. № 482.

517. Вильковскій, С. О. 38

Какъ организовать торговлю для иногородныхъ. Практическое руководство для торговцевъ, фабрикантовъ, кустарей и изобрѣтателей для сбыта своихъ товаровъ иногороднимъ покупателямъ. Одесса. 1912. Изд. жур. „Торговое Дѣло". 40 стр. Ц. 75 к.

518. Михайловъ, В. 38:328](47)

Что сдѣлала третья Государственная Дума для промышленности и торговли. Спб. 1912. 144 стр. Ц. 50 к.

* **Писарева, Е.** 396:92(Ф)

См. порядк. № 601.

519. Елагинъ, А. М. 398.2(44)

Сборникъ легендъ Нормандіи. Для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Спб. 1912. Изд. К. Л. Рикера. 32 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

520. Симаковъ, В. И. 398.8(47)

Деревенскія пѣсни „частушки" Архангельской, Вологодской, Вятской, Нижегородской, Псковской, Тверской и Ярославской губ. Пѣсни молодцовъ. Пѣсни дѣвушекъ. Спб. 1912. Изд. автора. 32+32 стр. (въ 2 ст.). Ц. по 5 к.

4 Филологія.

521. Алеси. 41

Грамматика Адэльфійскаго языка. Изд. А. Н. Ковалева. Ростовъ н/Д. 1912. Ц. 15 к. Bibliotek fo adelfiy". № 1. Стр. 14.

522. [.....] 44

Методъ Rôse, Riski. Французскій языкъ въ 10 отдѣльныхъ заочныхъ лекціяхъ. Лекція 1-я. Редакція Рейнгольда Зоммермейера. 36 стр. Ц. 50 к.

523. Александровъ, А. 491.7(07)

Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ упражненій въ младшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній. Спб. 1913. Изд. Т-ва „Петерб. Учебн. Магазинъ". 47 стр. Ц. 25 к.

524. Розановъ, Н. и Сахаровъ, Ив. 491.7—8

Добрый путь. Книга для чтенія въ старшихъ отдѣленіяхъ начальныхъ училищъ, низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и воскресныхъ школахъ. II часть. Отдѣлы: 1) Нравственно-воспитательный, 2) Гигіеническій, 3) Географическій, 4) Историческій, 5) Литературный, 6) О судѣ. М. 1912. Книгоизд. К. И. Тихомирова. 432 стр. съ рис. Ц. 85 к.

5 Чистыя науки.

525. Беккерель, Ж. и Гуревичъ, Г. 5

Эволюція исторіи и міровъ. Перев. съ примѣч. и статьей „Новѣйшія воззрѣнія о жизни и развитіи вселенной" Г. А. Гуревича. Изд. „Соврем. Проблемы". М. 1913. Стр. 172. Ц. 60 к.

Содержаніе: Предисловіе къ русскому изданію.—Проф. Ж. Беккерель: Радіоактивность и эволюція матеріи. Эволюція матеріи во Вселенной. Энергія, различныя формы ея и сохраненіе. Начало Карно-Клазіуса и энтропія. Общая эволюція матеріи, энергіи и міровъ.—Приложеніе: классиф. звѣздъ.—Г. Гуревичъ: Современное развитіе ученія о космосѣ. Вопросъ о пространственномъ протяженіи Вселенной. Теорія возрожденія міровъ. Происхожд. солнечной энергіи. Жизнь и конецъ міровъ. Энтропія и антропія міра. Энтропія и ея противодѣятели. Эволюція міровой матеріи и энергіи. Общій взглядъ на міровой процессъ.

526. Ле-Дантекъ, Ф., проф. 5

Хаосъ и міровая гармонія. Перев. съ франц. В. Крив—ской. Изд. „Звѣзда", Н. Орфенова. М. 1912. Стр. 144. Ц. 50 к.

Содержаніе: Біологическія ступени и гармоніи: Ступень человѣческая. Гармонія кристалла. Живыя тѣла. Наслѣдственность и образованіе; первое понятіе о случаѣ. Упругость и взаимодѣйствіе. Гармонія и приспособленіе. Индивидуальная форма. Точка зрѣнія. Дѣятель-

ность и пріобрѣтенныя свойства. Животный эгоизмъ. Координація и болѣзнь. Разумъ и связи. Жизнь и случай. Законы и гармонія. Опредѣленіе случая. Хаосъ и гармонія: Суммарность ударовъ и постепенность. Историческая эволюція міровъ. Жизнь.

527. Мейерсонъ, Э. 5

Тождественность и дѣйствительность. Опытъ теоріи естествознанія, какъ введеніе въ метафизику. Перев. подъ общей редакціей Д. М. Койгена. „Библ. современной философіи". Вып. X. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1912. Стр. XXVI—498. Ц. 3 р. 50 к.

Содержаніе: Вмѣсто вступленія. Предисловіе къ французскому изданію. Предисловіе къ русскому изданію. Законъ и причина. Механизмъ. Принципъ инерціи. Сохраненіе матеріи. Сохраненіе энергіи. Выключеніе времени. Единство матеріи. Принципъ Карно. Ирраціональное. Теоріи не механическія. Здравый смыслъ. Выводы. Приложеніе.

528. Мечниковъ, И. И. 5

Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія. Изд. „Научное Слово". Москва 1913. Стр. 291. Ц. 2 руб.

Содержаніе: Вступленіе. Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія. Возрастъ вступленія въ бракъ. Очеркъ воззрѣній на человѣческую природу. Борьба за существованіе въ обширномъ смыслѣ. Вступительное слово при открытіи Одесскаго съѣзда естествоиспытателей и врачей въ 1883 году. О цѣлебныхъ силахъ организма. Законъ жизни. По поводу нѣкоторыхъ произведеній Л. Толстого. Флора нашего тѣла. Міросозерцаніе и медицина.

529. Трелье-Лундъ, проф. 52

Небо и міровоззрѣніе въ круговоротѣ временъ. Перев. съ нѣм. Одесса. 1912. Изд. „Матезисъ". Стр. 233+10. Ц. 1 р. 50 к.

530. Berndt, G. W. и Boldt, Carl. 53

Практическія работы по физикѣ. Перев. съ нѣм. А. Н. Померанскій. Спб. 1912. Изд. А. Н. Померанскаго. XI+661 стр. Съ 155 рис. Ц. 3 р.

531. Пуанкарэ, Анри, проф. 531(04)

„Новая механика". „Эволюція законовъ". Двѣ статьи. Перев. съ примѣч. и двумя вступительн. статьями Г. А. Гуревича. Изд. „Соврем. Проблемы". М. 1913. Стр. 178. Ц. 60 к.

Содержаніе: Предисловіе къ русскому переводу. На порогѣ новаго міровоззрѣнія, Г. А. Гуревича. Новая механика, Анри Пуанкарэ. Примѣчанія къ русскому переводу, Г. А. Гуревича. О характерѣ научныхъ положеній, Г. А. Гуревича. Эволюція законовъ, Анри Пуанкарэ.

532. Ми, Г., проф. 537(02)

Курсъ электричества и магнитизма. Перев. съ нѣм. Ѳ. О. Соколова, подъ ред. проф. О. Д. Хвольсона. Часть I. Электростатика. Одесса. 1912. Изд. „Матезисъ". Стр. XII+208. Съ рис.

533. Шлейеръ, А. 549

Минералогія. Съ 75 рис. въ текстѣ и 30 цвѣтными таблицами. Перев. съ нѣм. Б. М. Б. Изд. В. М. Саблина. М. 1912. Стр. 90. Ц. не обозн.

Содержаніе: Введеніе. Кристаллографія. Физическія свойства минераловъ. Химическія свойства минераловъ. Систематика.

534. Березинъ, Н. 551.4

Земля. Географическіе описанія и разсказы изъ жизни земной поверхности. Суша. Спб. 1912. Изд. автора. Стр. VII+218. Съ 29 рис. Ц. 70 к.

535. Реклю, Элизе. 551.4

Снѣга и ледники. III вып. сочин. „Земля". Перев. съ франц. А. В. Мезіеръ, подъ ред. и съ примѣч. А. Н. Рубакина и Н. А. Ульянова. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1913. Стр. 115. Ц. 50 к.

536. Короленко, Д. А. 572.9(×99.991)

Разсказы про дикаго человѣка. М. 1913. Изд. К. И. Тихомирова, 9-е. Стр. II+314. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Дикіе охотники. Дикіе рыболовы. Дикіе земледѣльцы. Дикіе пастухи. Дикіе воины. Дикіе мастера.
Народы и праздники у дикарей. Дикіе сказочники и пѣвцы. Семья и община дикарей. Идолопоклонство. XI. Судьба дикарей.

537. Брянцевъ, Д. 573

Монистическая гипотеза происхожденія человѣка. Рига. 1912. Стр. 22.

6 Прикладныя науки.

538. Бывалькевичъ, В. И. 613

Въ Школѣ и Дома. Вопросы обыденной гигіены. Книга I-я. Вильна. 1912. Стр. 17. Ц. 20 к.

539. Кейдель, Д., д-ръ. 613

Японское водолѣченіе и японскія ванны. Японскій методъ пользованія водою, какъ источникъ силы и здоровья для каждаго. Спб. 1912. Стр. 180. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Не ведемъ ли мы неправильный образъ жизни? Омовеніе. Японская полная ванна (для всего пола). Мои опыты съ японскими ваннами. Какъ всего лучше принимать японскую полную ванну. Нормальная ванна. Комната для японской ванны. Горячія ванны для отдѣльныхъ частей тѣла. Горячія ванны въ сидячемъ положеніи. Обливанія горячей водой. Японскія ванны и красота. Натираніе кожи. Перемѣны кожи. Исцѣленіе, получаемое отъ ваннъ.

540. Солтъ, Г. С. 613.26

Мясо или плоды? Перев. съ англ. А. Счастной. Изд. „Посредникъ". М. 1912. Стр. 32. Ц. 5 к.

541. Лозинскій, Е. 613.26:371

Вегетаріанство и воспитаніе. „Вегетар. библ." Изд. „Посредникъ". М. 1912. Стр. 80. Ц. 25 к.

542. Цабель, Н. Е. 613.71

Игры и физическія упражненія, какъ необходимыя средства для полнаго развитія духовныхъ и физическихъ силъ. Изд. 3-е (посмертное). М. 1912. Стр. 40. Ц. 25 к.

543. Бюрнэ, Е. 616.022

Микробы и токсины. Подъ ред. И. И. Мечникова. Изд. „Научное Слово" 1912 г. М. Стр. 251. Ц. 2 р.

544. Канчеръ, Ев. 63(06)

Какъ открыть сельско-хозяйственное общество. Практическое наставленіе для учредителей. Спб. 1912. 8 стр. Ц. 5 к.

455. Кузинъ, С. 633
Какъ мы клеверъ посѣяли и что изъ этого вышло. Изд. Горб. Посадова. М. 1912. Стр. 23. Ц. 3 к.

546. Плотниковъ, С. 634
Грунтовая культура арбузовъ въ сѣверной полосѣ нашего черноземья. Изд. К. Н. Тихомирова. М. 1912. Стр. 32. Ц. 7 к.

547. Горбунова, Е. 635
Какъ развести маленькій огородъ. Какъ выбрать мѣсто для огорода, воздѣлать его, сажать овощи и ухаживать за ними. Съ 25 рис. Изд. Горбунова-Посадова. М. 1912. Стр. 20. Ц. 12 к.

548. Лебедевъ, Н. 638.1
Простыя слова къ простымъ пчелякамъ. Вып. II и III. Изд. К. Н. Тихомирова. М. 1912. Стр. 46+28. Ц. 12 к. и 7 к.

549. Сокульскія, С. и В. 666
Работы изъ глины. (32 табл. чертежей и 16 политипажей въ текстѣ). Перев. съ польск. М. А. Н. Изд. Тихомирова. М. 1912. Стр. 36. Ц. 60 к.

7 Изящныя искусства.

* **Мантель, А.** 7:92(Р)
См. поряд. № 598.

550. Волконскій, С. 7.01(08)
Художественные отклики. Изд. „Аполлона". Спб. 1917. Стр. 222. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе. Вступленіе. Съѣздъ художниковъ. Устроителямъ съѣзда. Исторически-воспит. роль ритма. Ритмъ на сценѣ. — Драматическія впечатлѣнія: „Живой трупъ". Свѣжая струя. „Мѣсяцъ въ деревнѣ".—Сценическая обстановка и человѣкъ. Элементы обстановки. Адольфъ Аппіа. Аппіа и Крэгъ.—Музыка: Существо. Матеріалъ. Число. Хеллерау. Сольфеджо (по Далькрозу). Степени звуковыхъ оттѣнковъ.—Пластика: Пантомима. „Орфей". О балетѣ.—Что дальше?

551. Торминъ, Р. 745
Опытный Маляръ и Живописецъ. Подробное руководство къ исполненію всякаго рода домовыхъ и комнатныхъ малярныхъ работъ по камню, штукатуркѣ, дереву и металламъ. Перев. съ нѣм. В. Дмитріева. Спб. 1912. Изд. В. И. Губинскаго, 4-е. 256 стр. Ц. 1 р.

* **Воскресенскій, А.** 75:92(Р)
См. поряд. № 599.

552. Бузони, Ф. 78:01
Эскизъ новой эстетики музыкальнаго искусства. Перев. съ нѣм. В. Коломійцова. Спб. 1912. Изд. А. Дидерихса. 55 стр. Ц. 80 к.

8 Литература.

553. [. . . . .]. 8—8
„Велесъ". Первый альманахъ русскихъ и иностр. славянскихъ писателей, подъ род. С. Городецкаго и Янко Лаврина. Изд. „Волесъ". Петроградъ. 1912—1913. Стр. 172. Ц. 1 р.
Содержаніе: Ѳ. Сологубъ, Янъ Каспровичъ, Вяч. Ивановъ. Стихотворенія.—Ю. Зейеръ. Король Кофетуа.—Ив. Цанкаръ. Ядацъ.—А. Бѣлый. Дервишъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ).—С. Городецкій. Скорбящая весна, стих.—Н. Клюевъ. Плисея, стих. — А. Ремизовъ. Царь Соломонъ.—Сиракъ Скитникъ, З. Красинскій. Стихотв.—Дивко Шимуновичъ. Бѣляночка.

554. Горбуновъ-Посадовъ, И. 8—8
Пѣсни Германіи въ переводѣ русск. писателей. Вып. I. „Подъ липой" и др. народн. нѣмецк. пѣсни, стихи и басни. М. 1912. Изд. „Посредникъ". Стр. 31.

555. [. . . . .]. 8—8
„Жатва". Лѣто 1912 г. Сборникъ. М. Стр. 323. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: П. Петровскій, Н. Львова, Н. Бернеръ, В Каменскій, Д. Богдановъ, Н. Мѣшковъ. Стихи. — Г. Чулковъ. Мертвецы, повѣсть.—А. Мирэ. Страница изъ дневника.—Критика: А. Булдѣевъ. Н. Ѳ. Анненскій, какъ поэтъ. Вал. Брюсовъ въ „Зеркало тѣней", — К. Кова. В. Брюсовъ. „Далекіе и близкіе",—А. А. Бартяневъ. О Бальмонтѣ. Ю. Балтрушайтисъ „Горная тропа", Н. Мѣшковъ. „Снѣжныя будни", М. Гальперинъ. „Мерцанія". — Б. Сергѣевъ, М. Цвѣтаева „Волшебный фонарь", А. Чумаченко. Стихи.—Веселкова-Кильштетъ. „Пѣсни забытой усадьбы", Ф. Коганъ. „Моя душа", — Г. Чулковъ.. А. Ахматова. „Вечеръ".—К. Кова. П. Карповъ. „Говоръ зорь".—Е. Наумовъ. А. Ванъ-Ли. Маргарита Го. — В. Брюсовъ. Викторъ Острогорскій. „Родные поэты для чтенія въ классѣ и дома.—Театръ: Е. Наумовъ. Гамлетъ въ Моск. Худож. театрѣ. Гастроли Заньковецкой. Старинный театръ бар. Дризенъ. Кривое зеркало. Далькрозъ. Эдипъ у Рейнгардта. Живопись: Сергѣй Глаголь. Нѣчто о соврем. живописи.—Е. Наумовъ. Каталогъ Моск. публичнаго и Румянц. музея.

556. [. . . . .]. 8—8
„Фіорды". Сборникъ 11. Датскіе, норвежскіе шведскіе писатели въ переводахъ А. и П. Гайзенъ. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Спб. Стр. 295. Ц. 1 р. 25.
Содержаніе: У моря, ром. — Трагедія Власти, драма.

557. [. . . . .]. 8—8
„Шиповникъ". Альманахъ. Кн. XVIII. Спб. 1912. Стр. 231. Ц. 1 р. 25.
Содержаніе: Сологубъ, Ѳедоръ. Заложники жизни.—Ремизовъ, Алексѣй. Пятая язва.—Пришвинъ, М. Никонъ Староколѣнный.

558. Твэнъ, М. 82(73)—3
Собраніе сочиненій. Т. IX. „За границей". Перев. Е. В. Святловскаго. Изд. М. Корнфельда. Библ. „Сатирикона". Спб. 1912. Стр. 209. Ц. 1 р. 25 к. въ перепл.

559. Венгерова, З. А. 82.09
Собраніе соч. Т. I. Англійскіе писатели XIX в. Изд. „Прометей". Спб. 1913. Стр. 192. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Предисловіе. Апостолъ красоты (Джонъ Рескинъ). Вильямъ Блэкъ. Прерафаелитское братство. Данте-Габріель Росетти. Вильямъ Моррисъ. Робертъ Броунингъ. Джоржъ Мередитъ. Оскаръ Уайльдъ.

560. Шойенъ, Е. 839.81—3
Бѣлыя рабыни. (Продажа дѣвушекъ въ гаре-

мы и притоны разврата.) Перев. съ датскаго В. К. Спб. 1912. Стр. 206. Ц. 1 р.

561. Бурже, Поль. 84—3

Андро Корнелисъ. (Романъ.) Пер. съ франц О. А. Лобасовой. Общедоступная Библіотека. № 78—80. Спб. 1912. Изд. Русск. Кн. Т-ва „Дѣятель". Стр. 208. Ц. 30 к.

562. Гильоменъ. 84—3

Исповѣдь простого человѣка. Пер. съ франц. Александры Чеботаревской. Изд. М. И. Семенова. Спб. Стр. 303. Ц. 1 р. 25 к.

563. Гра, Феликсъ. 84—3

Терроръ. Ром. Перев. съ франц. М. Морозова. Изд. М. И. Семенова. Спб. Стр. 487. Ц 2 р.

564. Гурмонъ, Ремни, де. 84—3

Книга масокъ. Рисунки Валлотона. Перев. съ фр. Е. Блиновой и М. Кузмина. Ред. А. А. Волынскій. Изд. „Грядущій День". 1913. Стр. 267. Ц. 2 р. 50.

565. Гюисмансъ, Ж. К. 84—3

Парижскія арабески. Собр. соч. Т. III. Перев. Ю. Спасскаго. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1912. Стр. 208. Ц. 1 р.

Содержаніе: Кондукторъ омнибуса. Женщина улицы. Прачка. Пекарь. Продавецъ каштановъ. Парикмахеръ. — Интимныя фантазіи: Баллада въ прозѣ о сальной свѣчкѣ. Далленъ. Проданъ. Поэма о говядинѣ, изжаренной въ печи. Кофейная. Ритурнель.—Natures mortes: Селодка. Епинальскій эстампъ.—Парафразы: Кошмаръ. Увертюра Тангейзера. Подобія. Навожденіе.—Пейзажи: Бьевра. Таверна тополей. Китайская улица. Видъ съ валовъ сѣвернаго Парижа. — Парижскіе наброски: Фоли Бержеръ въ 1879 г. Балъ въ Европейской кофейнѣ. По теченію. Дилемма.

566. Милль, П. 84—3

Барнаво въ Парижѣ. Романъ. Перев. съ фр. А. С. Полоцкой. Изд. „Освобожденіе". Спб. 1912. Стр. 209. Ц. 1 р.

Содержаніе: Дезертиръ Плевекъ. Ночь Вилли Гука. Китаецъ. За тысячу піастровъ. Отъѣздъ. Хининъ. Дорога. Одиссея. Луиза. Барнаво-каральульный. Воспоминаніе. Урагавъ. Заяцъ. Два берега Пьеръ-Цезарь. Баръ. Месть за Ватеридо. Папа-мальчикъ. Четыре дня.

567. Мопассанъ-де, Гюи. 84—3

„Миссъ Гаріетъ" и другіе разсказы. Перев. съ франц. О. А. Лобасовой. Общедоступная библіотека. Спб. 1912. Изд. Т-ва „Дѣятель". Стр. 135. Ц. 20 к.

568. Эмери, М. (Рашильдъ). 84—3

Собр. соч. Т. 1. Башня любви. Романъ. Съ приложеніемъ критич. статьи Мартенъ-Мами. Единств. разрѣшенный авторомъ перев. съ фр. Я. Глотова. Изд. „Сфинксъ". М. 1912. Стр. 242. Ц. 1 р.

* **Вѣтвинъ, Н.** 84 : 92(Б)

См. порядк. № 592.

569. Фіамета. 85.09

Боккаччіо. Перев. М. Кузмина. Изд. М. Г. Корифельда. Спб. 1913. Стр. 216. Ц. 2 р.

570. Сибиряковъ-Караевъ, В. А. 891.7—1

Пѣсни поэта-пѣвца съ его портретокъ. М. 11912. Стр. 94+1 портр. Ц. 1 р.

571. Городецкій, С. 891.7—1

Ива. Пятая книга стиховъ. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1913. Стр. 254. Ц. 2 р.

Содержаніе: Предисловіе. Русь. Захолустье. Калики-калѣки. Дѣвій ликъ. Въ пѣнѣ девятаго вала. Вирипеи. Влага лѣсная. Зори петлѣнныя. Въ сердцѣ ребенка. Скорбящая весна. По вечерамъ вдвоемъ.

572. Амфитеатровъ, А. 891.7—3

Аглая. Повѣсть. Изд. „Прометей". Спб. 1912. Стр. 248. Ц. 1 р. 25 к.

573. Ждановъ, Л. 891.7—3

Послѣдній фаворитъ. (Екатерина и Зубовъ). Историческій романъ-хроника конца XVIII в. Изд. „Прометей". Спб. 1912. Стр. 416. Ц. 1 р. 75 к.

574. Ленскій, Вл. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. III. „Больная любовь". Ром. изд. „Заря". М. 1913. Стр. 237. Ц. 1 р.

Содержаніе: Больная любовь. Душа волосъ. Весенній вѣтеръ. Убійство. Призракъ.

575. Маминъ-Сибирякъ, Д. 891.7—3

Именинникъ. Романъ. Изд. „Просвѣщеніе". Спб. 1912. Стр. 348. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Именинникъ. Не то...

576. Наживинъ, И. 891.7—3

Собраніе соч. т. V. Изд. „Зеленая палочка". М. 1912. Стр. 495. Ц. 1 р. 20 к.

Содержаніе: „Моя исповѣдь". „Обреченный". Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ.

577. Подъячевъ, С. П. 891.7—3

Разсказы. Книга IV. Изд. Освобожденіе". Спб. 1912. Стр. 227. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Какъ Иванъ провелъ время. Жизнь и смерть. Зло.

578. Подъячевъ, С. 891.7—3

Разсказы. Книга V. Изд. „Освобожденіе". Спб. 1913. Стр. 232. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Московскій работный домъ. По этапу.

* **Яковлевъ. Андр.** 891.7 : 92(К)

См. порядк. № 594.

579. Пѣтуховъ, Е. В. 891.7 . 09

Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Юрьевъ. 1912. XXIII + 496 стр. Ц. 4 р.

580. Пинесъ, М. Я. 892.4 . 09

Исторія еврейской литературы. (На еврейско-нѣмецкомъ діалектѣ). Авториз. перер. съ фр. съ предисловіемъ и дополненіемъ С. С. Вермель. „Универс. к-во", Л. Х. Столяръ. М. 1912. Стр. 371. Ц. 3 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Еврейскій языкъ. Происхожденіе. Элементы еврейск. языка. Діалекты евр. яз. Грамматика евр. яз. Начало литературы. Народныя пѣсни. Литература эпохи просвѣщенія. Народная поэзія. Бадхоны. Народный романъ. Ш. Я. Абрамовичъ. И. Л. Липецкій. Конецъ маскилизма. С. Г. Фругъ. И. Л. Перецъ (поэтъ). Морисъ Розенгельдъ. С. Блюмгартенъ (Легоашъ). Х. Н. Бяликъ. М. Спекторъ Я. Динезопъ. С. Рабиновичъ (Шоломъ-Алейхемъ). И. Л. Перецъ (прозаикъ). Шоломъ Ашъ. Еврейскій театръ.

581. [. . . . .] 895.6—1
Японская лирика. Перев. А. Брандта. Спб. 1912. Стр. 98. Ц. 40 к.

9 Исторія и географія.

* **Тэнъ, Ип.** 9(44) : 92(Н)
См. порядк. № 596.

582. Виллари, П. 9(45) „14“.
Джироламо Савонарола и его время. Томъ I. Перев. съ итальян. Д. И. Бережкова, подъ ред. А. Л. Волынскаго. Спб. 1913. Изд. „Грядущій День“. XIII + XXI + 389 стр. Съ 7 рис. Ц. 4 р.

583. [. . . . .] 9(47)
Русская исторія въ картинахъ съ приложеніемъ текста (подъ ред. С. П. Моравскаго). Историческая комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. Зн. М. 1912. Изд. Т-ва И. Д. Сытина VII + 100 стр. + 33 листа рис. Ц. 5 р.

534. Васенко, П.; Платоновъ, проф. и Е. Ф. Тураева-Церетели. 9(47)„1613“
Начало династіи. Историч. очерки Романовыхъ, съ 12 портр. и рис. Изд. Башмакова и К°. Спб. 1912. Стр. 248. Ц. 1 р. 75 к.
Содержаніе: Родоначальники дома Романовыхъ. — Бояре Кошкины-Захарьины и родство ихъ съ династіей Калиты. Дѣти Никиты Романовича и ихъ судьба до 1612 г. Разрушеніе и возстановленіе госуд. порядка. Избраніе въ цари Мих. Ѳед. Романова и царское вѣнчаніе. Отъ воцаренія Мих. Ѳед. до возвращенія изъ плѣна государева отца. Патріархъ Филаретъ Никитичъ. Послѣдніе годы царствованія Мих. Ѳед. Возвращеніе Смоленска при царѣ Алексѣѣ Мих. „Вся земля“. Приложеніе.

585. Корсаковъ, Г. 9(47)„1773 : 1775“
Пугачевщина. „Историч. библ.“ № 43. Изд. „Дѣло“. М. 1912. Стр. 95. Ц. 10 к.

586. Теплыхъ, Н. Н. 9(47)„1812“
Отечественная война. Историческій очеркъ. Редакція И. М. Катаева. Истор. ком. при учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. З. М. 1912. Изд. „Задруга“, 2-е. 65 стр. съ рис. Ц. 20 к.

587. Платоновъ, С. Ѳ., проф. 9(47)„1883 : 1912“
Сочиненія. Т. I. Статьи по русской исторіи (1883 — 1912). Изд. 2-е. М. 1912. Стр. 528. Ц. 3 р.
Отъ автора: „При выборѣ статей я руководствовался желаніемъ дать читателямъ только то, что имѣетъ характеръ самостоятельнаго изслѣдованія или наблюденія“.

* **Шуазель-Гуффье,** гр. 9(47) : 92(А)
См. порядк. № 591.

* **Глѣбова, С. И. (Гнѣдичъ)** 9(47) : 92(Р)
См. порядк. № 597.

588. Быковъ, Н. 901
Кѣмъ дѣлается исторія? Опытъ историческаго міропониманія. Спб. 1912. Стр. 193. Ц. 80 к.
Содержаніе: Меньшинство и большинство. Роль интеллигенціи. Нація и личность. Въ чемъ прогрессъ. Прогрессъ и справедливость. Европа и соціальныя силы. Силы цивилизаціи. Литература замышляетъ будущее. Судъ надъ дѣйствительностью. Идеалы будущаго. Силы духа, творящія исторію. Полезныя неправды. Разрушенія и созиданія. Счастье. Народъ. Заключеніе: построеніе исторіи.

589. Берлацкій, М. Г. 91(08)
Черезъ Западъ на Востокъ. (Замѣтки туриста). Варшава. 1912. Изъ ред. журн. „Театръ и спортъ“. 30 стр. Съ рис. Ц. 30 к.
Содержаніе: Русскій сезонъ въ Парижѣ. Бой быковъ въ Марселѣ. Итало-Турецкая война. Дарданеллы.

590. Сапожниковъ, В. В., проф. 91(57)
Пути по Русскому Алтаю. Томскъ. 1912. III + 169 стр. съ рис. + 5 картъ. Ц. 2 р. 50 к.

591. Шуазель-Гуффье, гр. 92 (А): 9 (47)
Историческіе мемуары объ импер. Александрѣ I и его дворѣ. Перев. З. Мировичъ. съ изд. 1829 г. Вступительная статья А. А. Кизеветтера. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1912. Стр. 275+III. Ц. 1 р. 50 к.
Изд. вступит. ст. А. А. Кизиветера: „Воспоминанія графини III.-Г. всецѣло посвящены импер. Александру I. Въ нихъ легко различить два элемента: 1) разсказы о встрѣчахъ графини съ императоромъ Александромъ, записи его бесѣдъ, описанія его обращенія съ окружающими и 2) велорѣчивыя восхваленія императора, на которыя не скупится графиня, безгранично обожавшая Александра“...

592. Вѣтвинъ, Н. 95(Б):84
Поэтъ - гражданинъ Беранже. „Біографич. библ.“ № 1. М. 1912. Изд. „Островъ“. 61 стр. Ц. 10 к.

593. Дельвигъ, А. И., бар. 92(Д)
Мои воспоминанія. Т. I (1813—1842). Изд. Моск. Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ. М. 1912. Стр. 374+IV. Ц. 2 р.

594. Яковлевъ, Андр. 92(К):891.7
Самое цѣнное въ человѣкѣ—самъ человѣкъ. Литературно-педагогическіе очерки. Очеркъ 1-й. „Да здравствуетъ солнце! Да скроется тьма!“. (Памяти поэта-„прасола“ А. В. Кольцова). Симферополь. 1912. Изд. автора. 48 стр. Ц. 45 к.

595. Козьминъ, Н. К. 92(Н)
Н. И. Надеждинъ. Жизнь и научно-литературная дѣятельность. (1804 — 1836). Спб. 1912. Стр. 561. Ц. 3 р. 50 к.

596. Тэнъ, Ип. 92(Н):9(44)
Наполеонъ Бонапартъ. Съ портр. Перев. О. К. Синцевой. Изд. „Мусагетъ“. М. 1912. Стр. 107. Ц. 80 к.

597. Глѣбова, С. (Гнѣдичъ). 92(Р):9(47)
Жизнь и казнь Стеньки Разина (Волжскаго атамана). Легенда. Спб. 1912. Изд. Н. И. Холмушина. 152 стр. Ц. 50 к.

598. Мантель, А. 92(Р):7
Н. Рерихъ. Изд.—во книгъ по искусству, подъ ред. Н. Н. Андреева. Казань. 1912. Стр. 68. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: Литогр. письмо Рериха,—Л. Мантель. Н. К. Рерихъ.—Н. Рерихъ. Радость искусству. — Изд. записныхъ листковъ Рериха. 1) Лютъ Великанъ. 2) Девассари Абунту. 3) Лаухми Побѣдительница. 4) Замки печали.

599. Воскресенскій, А. 92(Р):75
Рябушкинъ. „Соврем. искусств.“, серія

иллюстриров. монографіи, вып. 6. Изд. Бутковской. Спб. Стр. 46. Ц. 1 р. 50 к.

600. Эрнъ, В. 92(С):1

Григорій Саввичъ Сковорода. Жизнь и ученіе. М. 1912. Изд. „Путь". 342 стр. + 1 портр. Ц. 2 р.

601. Писарева, Е. 92(Ф):396

Памяти Анны Павловны Философовой (Чистый доходъ съ изд. предназначается на образованіе фонда имени А. П. Ф—вой для стипендіи при Бестужевскихъ женскихъ курсахъ). Изд. Рос. Теософич. О—ва. 1912. Стр. 78. Ц. 75 к.

Содержаніе: Ея духовный обликъ. Отъ дѣтства до замужества. 19-о февраля и сближеніе съ Трубниковой. Женское образованіе въ началѣ 60-хъ годовъ. Общество дешевыхъ квартиръ. Въ деревнѣ. Общество женскаго труда. Артель переводчицъ. Воскресныя школы. Начало высшихъ женскихъ курсовъ. Сношеніе съ представителями чужихъ странъ. Гоненіе на высшее женское образованіе. Движеніе женской молодежи за границу. Разрѣшеніе женскихъ медиц. курсовъ. Основаніе Бестужевскихъ курсовъ. Высылка А. П. изъ предѣловъ Россіи. Послѣ возвращеніи изъ ссылки. Женское взаимно-благотворительное общество. Чествованіе 40-лѣтней обществ. дѣятельности А. П. Участіе А. П. въ теософ. движ. Мое знакомство съ ней. 1-й Всероссійскій женскій съѣздъ въ 1908. Послѣдніе годы жизни А. П.

Содержаніе журналовъ.

„Вегетаріанское обозрѣніе". (1912 г.—7). С. П. Полтавскій. Красота жизни и мы. — Д-ръ мед. А. А. Ясиновскій. Полифаги и тахифаги.— Д-ръ Агабити. Проблема вивисекціи. Съ итал. Ш. Пессина. — Д-ръ Theo Erik. Порча зубовъ и питаніе. — М. Tervey van Rees. Вегетаріанское движеніе въ Голландіи. Съ эспер. А. Н. Шарапова.—М. Коцюбинскій. Письмо. Разск. съ украинск. Ив. Опоковъ.—Пиоагоріецъ. Фельетоны. Объ одной книгѣ. — Іос. Перперъ. Вегетаріанская выставка и съѣздъ вегетаріанцевъ. — Проектъ программъ съѣзда и выставки. — Старый Вегетаріанецъ и С. О. Перперъ. По міру. (Хроника вегет. движенія въ Россіи и за границей).— О. Рунцовъ. Въ защиту VI заповѣди. — Библіографія и критика.

„Вопросы Философіи и Психологіи". (1912—IV. Сент.—окт.). Г. Челпановъ. О положеніи психологіи въ русскихъ университетахъ.—Кн. Е. Трубецкой. Жизненная задача Соловьева и всемірный кризисъ жизнепониманія. — В. Карповъ. Шталь и Лейбницъ.—С. Франкъ. Ученіе Спинозы объ аттрибутахъ.—Б. Яковенко. Философская концепція Соломона Маймона.—Критика и библіографія.

„Вѣстникъ Воспитанія". (1912 — 7). Проф. Д. Овсянико-Куликовскій. Итоги русской художественной литературы XIX в. (Продолженіе).—М—тель. Роль и значеніе должности директора въ современной школѣ.—Проф. А. Фортунатовъ. Единство научнаго образованія. — Н. Малѣева-Винчъ. „Новая" школа въ Лозаннѣ.—Н. Ильинъ. Взглядъ германскихъ педагоговъ на постановку письменныхъ работъ въ школѣ.— Ив. Вороновъ. Черты англійскаго воспитанія и образованія. — М. Осоргинъ. Экскурсіи учителей за границу. — Е. Лозинскій. Союзы „молодыхъ піонеровъ" на Западѣ. — Ю. Веселовскій. Русская литература въ Швеціи.—Критика и библіогр.—Хроника.

„Вѣстникъ Знанія". (1912—10). Проф. В. Бехтеревъ. Существенное въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.— В. Риджъ. Тѣнь, какъ судебное доказательство. — Проф. Э. Шеферъ. Происхожденіе жизни.—Р. Фраже. Замѣчательные примѣры приспособленія у растеній.— Н. Ате-Супле. Психологическія основы приученія животныхъ.— Н. Томилинъ. О преподаваніи математики.— Инж. А. Семеновъ. Чудеса кинематографа.— Проф. Ф. Даль. Шелкъ изъ паутины. — С. Б. Фридъ. Русская музыка. — Э. С. Среди книгъ и журналовъ. — Вѣчное въ искусствѣ. — Научное обозрѣніе: Гипотезы о происхожденіи міра.— Подводныя горы. — Небесный сводъ. — Потеря тепловой энергіи. — Необратимость эволюціи. — Приспособленіе организмовъ къ высокимъ температурамъ.—Внутреннія орудія самозащиты организма.— Первъ и его работа.— Предки птицъ и ихъ образъ жизни.— Изученіе дѣтской психологіи.—Библіографія.—Хроника и др.

„Для Народнаго Учителя". (1912—13). А. Дмитріевскій. Объ устройствѣ городского съѣзда по народному образованію. — М. Левицкая. Внѣшкольное народное образов. въ Вѣнѣ.— А. К—ъ. Новыя высшія городскія училища въ Москвѣ.— Н. Г. Международный конгрессъ по моральному воспитанію. — П. Л. Учительскіе курсы истекшимъ лѣтомъ. — А. Шараповъ. Работы учащихъ прих. учил. г. Вологды по составленію программъ для 4-годичнаго курса нач. учил. — И. Степной. Въ букеевской ордѣ.—В. Линдъ. Библіографія.— Всероссійскій съѣздъ по семейному воспитанію.— Разныя извѣстія.

„Для Народнаго Учителя". (1912 — 14). Н. Румянцевъ. Источники и методы педагогической психологіи.— Н. Каринцевъ. Дополнительное образованіе финскаго учителя. — Д. В. Какъ обучаютъ дробямъ въ начальной школѣ Нѣмецкой Швейцаріи.—Личутинъ. Поѣздка учащихся Красавинскаго начальнаго фабричнаго училища, Устюжскаго у., Вологодской губ.—Изъ заграничной жизни. — А. Шараповъ. Работы учащихъ приходскихъ училищъ г. Вологды по составленію программъ для 4-годичнаго курса начальныхъ училищъ. — А. Е. Учительскіе курсы въ Саратовѣ.—Библіотечная практика. — П. Я. Изъ писемъ учителей.—Библіографія.

„Для Народнаго Учителя". (1912 — 15). М. Левицкая. Вопросъ о трудовой школѣ на съѣздѣ германскаго учительскаго союза.—Н. Румянцевъ. Источники и методы педагогической психологіи.— М. Тих—овъ. Вниманію предстоящихъ земскихъ собраній.—Д. В. Какъ обучаютъ дробямъ въ начальныхъ школахъ Нѣмецкой Швейцаріи. — 2-й Всероссійскій съѣздъ учителей городскихъ училищъ.—„Индивидуальныя и общественныя основы интеллектуальнаго воспитанія". — Библіотека Л. Н. Толстого. — Работы по народному образованію въ Москвѣ. — Библіотечная практика. — Дѣйствія правительства.—Библіографія.

„Для Народнаго Учителя" (1912 — 16.) И. П. Бѣлоконскій. Организація земской статистики народнаго образованія въ связи съ предстоящимъ юбилеемъ земскихъ учрежденій.— М. Ланге. Картина школьной жизни Мюнхена.— В. Те-

теревятниковъ. Не слѣдуетъ пренебрегать...— Д. В. Какъ обучаютъ дробямъ въ начальныхъ школахъ Нѣмецкой Швейцаріи.— Е. Барановъ. И. А. Бунинъ.— П. Н. Сорокинъ. Высшій женскій педагогическій институтъ въ Самарѣ въ память 19 февр. 1861 г.— П. Г—овъ. Одесскіе лѣтніе курсы для еврейскаго учительства. — Народныя чтенія въ Гризовецкомъ у., Волог. г.— Д. М. Б—скій. „Роль книги при воспитаніи дѣтей".— О. Червяковъ. Школьная практика. — В. С. Новицкій. — Библіографія. — О второмъ Всероссійскомъ съѣздѣ по внѣшкольному образованію. — Дѣйствія правительства. — Разныя извѣстія.

„Запросы Жизни". (1912 — 42.) Проф. М. П. Чубинскій. Война и общественное мнѣніе. — Р. М. Бланкъ. Война и выборы. — А. Ковровъ. Сатира на русскую жизнь.— Д-ръ Ф. Нагель-шмидтъ. Электрическій сонъ.— Ю. Л. Слонимская. Трагедія воли въ Моск. Худож. театрѣ.— За недѣлю.— Библіографія.— Театръ.

„Запросы Жизни". (1912 — 43.) Обозрѣватель. Четвертая Дума.— Проф. П. Эрлихъ. О новыхъ методахъ леченія. — Зритель. Фельстонъ. — Н. Череванинъ. Отъ чего зависитъ развитіе промышленности?—Студ. М. Студенческія настроенія.— Г. Я. Половскій. Къ юбилею Мамина-Сибиряка. — За недѣлю. — Научное обозрѣніе. — Соціально-экономич. обозрѣніе.— Журналъ журналовъ.— Театръ и музыка.

„Маски". (1912 — 1.) В. А. Сѣровъ. Неизданный портретъ Л. Андреева.— Л. Андреевъ. Профессоръ Сторицынъ. (Новая драма; актъ 3-й).— О. Комиссаржевскій. „Фаустъ" на сценѣ. — В. Сахновскій. „Фаустъ" въ постановкѣ Комиссаржевскаго.— Рерихъ. Наброски къ декораціямъ „Перъ Гюнта".—Рерихъ о „Перъ Гюнтѣ".— Сергѣй Глаголь. „Перъ Гюнтъ" на сценѣ Художественнаго театра.— Е. Гунстъ. „Франческа да Римини" и „Скупой рыцарь" С. В. Рахманинова.— М. Бончъ-Томашевскій. Сцена и зритель.— А. Н. Вознесенскій. У корней театра. (Арабскій театръ.) — Н. Н. Евреиновъ. Театральныя инвенціи.— За рубежомъ: М. В. Орловъ. „Ninon de Lanclos". — Е. Ленинъ. Парижскіе театры. — Фельстонъ: „Веселый козленокъ".—Театральная хроника.— Провинція.— Библіографія.

„Обновленіе Школы". (1912—IX и X). Отъ редакціи.— О. Липманъ. Очеркъ психологіи для педагоговъ.— В. Лай. Цѣль и постановка преподаванія естествознанія.— В. Балталонъ. О постановкѣ класснаго чтенія.— Леонидъ Сельскій. О гармоническомъ обученіи. — А. Румянцева. Новое воспитаніе. — А. В. Бѣломорскій. Книги для класснаго чтенія съ педагогической точки зрѣнія.— Д. Любченко. Педагогическая конференція. —Программы передвижныхъ педагогическихъ курсовъ.— Библіографія.

„Педагогическій Сборникъ". (1912—10). Е. Лозинскій. Воспитаніе вождей.— М. Попруженко. Матеріалы по методикѣ безконечно-малыхъ въ средней школѣ.—В. Будановъ. Изъ разговоровъ въ учительской.—Изъ дневника редакціи.—Критика и библіографія.

„Природа". (1912 — 10). В. Воганъ. Философія естествоиспытателя.— Н. К. Кольцовъ. Уголокъ тропическаго лѣса. — Э. Р. фонъ-Вреденъ. Симбіозъ раковъ-отшельниковъ.— Е. Ш. Минотавръ Тифей.— Н. Каменьщиковъ. Аэрологія.— Проф. А. И. Сапожниковъ. Н. Азотная кислота и селитра изъ воздуха. — Г. Бугге. Электрическое освѣщеніе. — Изъ лабораторной практики.— Научныя новости и хроника.— Смѣсь.—Астрономическія извѣстія. — Метеорологическія извѣстія.

„Путь". (1912—10—11). М. Сандомирскій. Марія Мнишекъ, поэмы—Н. Лишко. Крикъ лебедя, разск.—П. Мѣшковъ. Стихи—И. Сазоновъ. Въ десять вечера, разск.—Л. Зиловъ. Стихи.—І. Фальк-бергетъ. Одна изъ тяжелыхъ ночей.—Его же. У могилъ бѣдняковъ.—Н. Берперъ. Стихи.—Соболевъ. Творческій путь Чехова. (Оконч.). — С. Давыдовъ. М. А. Врубель, этюдъ.—И Поповъ. Памяти Н. Ф. Анненскаго. — Ю. Васильевъ. „Мертвыя души".—И. Поповъ. Общественная жизнь.—Л. Гальберштадтъ. Иностранное обозрѣніе.—Библіографія.

„Путь". (1912—12). И. Бѣлоусовъ И. А. Бунину, стих. — Б. Лазаревскій. Страшное, разск. — А. Черемновъ. Жемчуга, статья.—П. Сухотинъ. Весенній лучъ, разск.—П. Ашукинъ. Мечта о зимѣ, стих.—Н. Мѣшковъ. Поэзія Ив. Бунина.—Литературный архивъ: 1) Письма Жемчужникова; 2) стих. И. Бунина.—Ю. Соболевъ. На могилѣ Грибоѣдова, очеркъ.—Н. Новинскій. Д. П. Маминъ-Сибирякъ, замѣтка.— Критическіе этюды: 1) П. Ашукинъ. Новое изд. Тютчева, 2) А. Болконскій. О „Жатвѣ".—П. Степаненко. На родинѣ, очерки.—Л. Гальберштадтъ. Иностранное обозрѣніе.— Библіографія. — Содержаніе „Пути" за 1912 г.

„Русская Мысль". (1912—10). З. Гиппіусъ. Романъ-царевичъ. Исторія одного начинанія. (Продолж.).—Д. А. Абельдиевъ. Тѣнь вѣка сего. Записки Адашева. (Продолж.). — Д. С. Мережковскій. Александръ I., ром. (Продолж.).—Р. Демель. Слѣпая любовь, разск. Перев. Ф. О. Ельяшевичъ.—Н. Клюевъ. Два стихотворенія.—В. Брюсовъ. Алтарь побѣды. Повѣсть IV вѣка. (Оконч.).— М. В. Одинцовъ. Философія религіознаго дѣйствія. Сёренъ Керкегоръ.—Я. Л. Законодательные итоги перваго „конституціоннаго пятилѣтія".—П. Рыссъ. Между небомъ и землей. Изъ американскихъ впечатлѣній. С. П. Рапопортъ. Хулители и хвалители демократіи.—А. А. Кориловъ. Семейство Бакунинныхъ. (По неизданнымъ матеріаламъ).— А. И. Шингаревъ. Законодательная инициатива членовъ Госуд. Думы и Госуд. Совѣта.—В. И. Вернадскій. Изъ исторій идей.—Въ Россіи и за границей.—Критическое обозрѣніе.

„Русская Школа" (1912—9). П. Жулевъ. Современный читатель изъ народа.—А. Вишняковъ. Очерки современной французской школы. Очеркъ II.—Проектъ реформы средней школы. (Докладъ Совѣщ., образов. Гос. Думою). (Оконч.).— Н. Бахтинъ. Руссо и его педагогическія воззрѣнія (По поводу 200-лѣтія).—П. П. Малиновскій. Очерки по исторіи начальной школы.—М. Новорусскій. Музей и школа.—Е. Соломинъ. Задачи преподаванія ручного труда въ учительскихъ семинаріяхъ.— В. Колпаковъ. Методическія бесѣды по теоріи пѣнія съ краткими свѣдѣніями изъ элемент. теоріи музыки и гармоніи.—Н. Румянцевъ. Первый международный педагогическій конгрессъ въ Брюсселѣ.—П. Румянцевъ. Библіографія.—Н. С. М. Новости иностранной литературы.—Критика и библіографія.—Педагогическая хроника.

„Русское Богатство". (1912—10) В. Кокосовъ. Не жизнь. — М. Н. Розановъ. Ж. Ж. Руссо и

демократическій идеалъ жизни. — Посмертное стихотв. К. М. Фофанова.— А. Прибылева. Изъ воспоминаній о П. Ф. Якубовичъ.— В. Мякотинъ. Очерки соціальной исторіи Малороссіи. (Продолж.).— В. Гольцамеръ. Арно Строцци. — В. Муйжель. Враги. — Н. К. Изъ окна вагона, стих.— Е. Сталинскій. Соціализмъ и крестьянство во Франціи.— О. Крюковъ. Въ нижнемъ теченіи.— В. Ш. Кризисъ бельгійскаго либерализма. — А. Пругавинъ. На родинѣ и на чужбинѣ.— В. Лебедевъ. Обезоруженная нація или вооруженная? — Діонео. Изъ Англіи.— А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни. — С. Елпатьевскій. П. Ф. Анненскій. — Отзывы по поводу смерти А. Ф. Анненскаго. — Новыя книги.

„Свободное Воспитаніе“. (1912—13—1). Н. Горбуновъ-Посадовъ. Никогда не останавливаться!— С. Богдановичъ. Этюды о воспитаніи. — С. Дурылинъ. На экзаменѣ школы.— Проф. О'ши. Мысли по поводу воспитанія и обученія дѣтей.— Ф. Гинзбургъ. Живая работа въ школѣ. Перев. съ нѣм. М. Левитина.— Д-ръ Г. Гордонъ. Отчего наша молодежь кончаетъ такъ часто самоубійствомъ.— Гр. Черкезовъ. Пріюты д-ра Бернардо въ Лондонѣ.— Н. Остлэн. Къ вопросу о реформѣ учительскихъ семинарій.— Половой вопросъ въ школѣ этической культуры въ Нью-Іоркѣ. Съ англ. Н. К.— Фр. Олькотъ. О раціональной работѣ съ дѣтьми въ библіотекахъ. — Ф. Олькотъ. Разсказываніе, какъ одинъ изъ видовъ работы съ дѣтьми въ общественной библіотекѣ. Съ англ. Л. Ш.—Школа библіотекарей дѣтскихъ библіотекъ. —Съ англ. Н. К.—Введеніе ручного труда въ народныя школы. Съ англ. Л. Ш.— Ал. Фарафонтовъ. Самоотравленіе.—Отовсюду.

„Современный Міръ“. (1912—10). И. Потапенко. Туманъ, повѣсть.— В. Кожевниковъ. Петербургъ. стих.— А. Бибикъ. Къ широкой дорогѣ, ром. (Продолж.) — С. Клычковъ. Осень. Стих. — А. Соловьевъ-Семикинъ. День Макара Павловича. очеркъ. — А. Липецкій. Осенью въ паркѣ, стих.—А. Беннетъ. Святая любовь, ром. Перев. съ англійск. А. Даманской. — С. Мциришвили. Тюремные силуэты. Съ грузинск. перев. автора.— Демьянъ Бѣдный. Басни: 1) Невѣсты. 2) Кларнетъ и рожокъ.— Ортодоксъ. Душевная трагедія Л. Н. Толстого, какъ основа его вѣроученія.— Л. Войтоловскій. Очерки психологіи коллективизма. (Продолж.)— Е. Смирновъ. Націонализмъ въ третьей думѣ. — А. Коллонтай. Новые законы страхованія материнства. — Спектаторъ. Хемницкій партейтагъ германской соціалъ-демократіи.— Г. Цыперовичъ. Профессіональный интернаціоналъ.— В. Антоновъ. Будущее Италіи.— Л. Клейнбортъ. „Русская мысль“ и судьбы интеллигенціи.— К. Вейдемюллеръ. За рубежомъ, война. — І. Ларскій. Вопросы текущей жизни. Именитая оппозиція. — Вл. Вольскій. Поучительная кампанія.— Ник. Іорданскій. Націонализація Суворина. — Вл. Кранихфельдъ. Литературные отклики.— Критика и библіографія.

Письмо въ редакцію.

М. Г. г. Редакторъ!

Въ началѣ 1912 года вышла въ свѣтъ книжка г. А. П. Медвѣдкова „Краткая исторія педагогики“, очень скоро получившая компетентное одобреніе двухъ ученыхъ комитетовъ. Ознакомившись съ этой „Краткой исторіей педагогики“, я нашелъ, что она представляетъ собою рѣдкій по своей безцеремонности литературный плагіатъ. Авторъ, сдѣлавъ вырѣзки изъ 2—3 книгъ по исторіи педагогики, связалъ ихъ, какъ попало, обнаруживъ слабую свою освѣдомленность по вопросу и даже недостаточную твердую грамотность.

Особеннаго вниманія со стороны г. Медвѣдкова удостоились мои „Очерки по исторіи педагогики“, выпущенные много въ 1910 году. Г. Медвѣдковъ выбросилъ только всѣ главы по исторіи русской педагогики, чѣмъ и облегчилъ одобреніе своей книги ученно-комитетскими рецензентами. По рецензенты независимой печати неоднократно, разбирая книгу г. Медвѣдкова, вспоминали о моей книгѣ, и, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, останавливались въ недоумѣніи относительно очевидной близости между двумя книгами, готовые объяснить эту близость общностью какого-то одного источника. Это и побудило меня печатно заявить, что въ моей книгѣ нѣтъ ни одной фразы, не принадлежащей мнѣ, за исключеніемъ цитатъ, отмѣченныхъ кавычками, тогда какъ г. Медвѣдковъ списывалъ буквально, дѣлая ошибки только по невниманію, небрежности, незнанію.

Страницы 3, 6, 8, 10, 12, 15, 28, 32, 37, 48, 49, 77—79, 84—87, 101, 102, 112, 113, 128, 134, 137—142, 171, 188, 189, 196, 212, 215, 217, 238, 239, 245, 249, 252, 256, 258, 262, 263—265, 278, 280, 281, 287, 288, 294 въ книгѣ г. Медвѣдкова соотвѣтствуютъ источнику ихъ на стр. 1—6, 8, 9, 13, 14, 16, 17, 31—33, 25, 26, 39, 40, 48, 56, 57 — 64, 86, 91, 92, 94, 97, 100, 108, 109, 113, 179 — 184, 201, 203, 204, 207, 209, 211 — 213, 240—242 251—254 въ моихъ „очеркахъ“.

Характеръ „работы“ Медвѣдкова очень ярко выступаетъ въ такихъ примѣрахъ (ихъ можно было указать до десятка): у меня говорится, что „Фребель сроднился съ природой и усвоилъ тотъ образный языкъ, которымъ Амосъ Каменскій призывалъ учиться у природы“, г. Медвѣдковъ въ своей скоропалительности пишетъ, что „Фребель сроднился съ природой“ усвоилъ „даже ея образный языкъ“ („Очерки“ стр. 97, „Краткая исторія“, стр. 215).

Не желая входить въ сношенія съ г. Медвѣдковымъ, я считаю нужнымъ обратиться къ содѣйствію такого органа, какъ „Бюллетени литературы и жизни“, чтобы отмѣтить для свѣдѣнія читающей публики своеобразное явленіе *литературы и жизни*.

С. Золотаревъ.

Издатели: { В. Крандіевскій. В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Иностранная литература.

471. **Жоржъ-Сандъ.** Замокъ Пиктордю.
472. **Жоржъ-Сандъ.** Крылья мужества.
473. **Додэ.** Прекрасная Нивернеза.
474-476. **Доджъ.** Серебряные коньки.
478. **Гофманъ.** Щелкунчикъ и мышиный царь.
479-480. **Сенкевичъ.** Старый слуга. Ганя.
481-482. **Ж.-Сандъ.** Маленькая Фадетта.
483. **Де Местръ.** Параша - Сибирячка.
484-485. **Гауфъ.** Избранныя сказки.
486-490. **Сенкевичъ.** Въ пустынѣ и въ дебряхъ.
491-497. **Мало.** Безъ семьи.
498-500. **Жюль Вернъ.** Съ земли на луну.
701. **Уайльдъ.** Герцогиня Падуанская.
702-705. **Флоберъ.** Мадамъ Бовари.
706. **Раффи.** Джалаледдинъ.
707. **Реймонтъ.** Изъ дневника.
708-711. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ I.
712. **Агаронянъ.** Матери и др. разсказы.
713. **Мопассанъ.** Пышка и др. разск.
714. **Крагъ.** Стефанъ Iернъ. Собака.
715-716. **Деларю-Мардрюсъ.** Изступленная.
717. **Мопассанъ.** Нездѣшній и др.
718-721. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ Томъ II.
722. **Мендесъ.** Лесбія и др. разск.
723. **Верга.** Исторія одной малиновки.
724-727. **Вассерманъ.** Исторія юной Ренаты Фуксъ.
728. **Мопассанъ.** Пветта.
729-731. **Дюма-сынъ.** Дама съ камеліями.
732. **Михаэлисъ.** Опасный возрастъ.
733-734. **Шиллеръ.** Разбойники.
735. **Мольеръ.** Скупой.
736-737. **Лоти.** Исландскій рыбакъ.
738. **Молль.** Разсказъ о рабѣ-евреѣ.
739-742. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ Томъ III.
743. **Мопассанъ.** Домъ Телье и др.
744-747. **Бласко Ибаньесъ.** Мертвые повелѣваютъ.
748. **Верлэнъ.** Избран. стихотворенія.
749-752. **Ожешко.** Меиръ Эзофовичъ.
753. **Диккенсъ.** Рождественская пѣснь.
754-757. **Реймонтъ.** Мужики. Ч. IV.
758. **Диккенсъ.** Колокола.
759-761. **Лагерлефъ.** Домъ Лиліекроны.
762. **Михаэлисъ.** Эльзи Линдтнеръ.
764-766. **Пшибышевскій.** Сумерки.
767. **Кастельнуово.** Рыцари непорочной.
768-769. **Андрэ.** Мужскія письма.
771-773. **С. Михаэлисъ.** 1812-й годъ (Вѣчный сонъ).
774. **Мопассанъ.** Напрасная красота.
775-780. **Г. Манъ.** Охота за любовью.
781. **Мопассанъ.** Оливковый садъ и др.
782-783. **Гейерстамъ.** Власть женщины.
784-785. **А. Ренье.** Необычайные любовники.
786. **Джекъ Лондонъ.** Лунный ликъ.
791-793. **Тетмайеръ.** Яносикъ Непдза Литмановскій.
802-805. **Флоберъ.** Саламбо.

Русская литература.

570. **Жуковскій.** Наль и Дамаянти.
571. **Жуковскій.** Рустемъ и Зорабъ.
572. **Слово о полку Игоревѣ.**
573. **Маркъ Криницкій.** Пошлость.
574. **Пѣсни каторги.** Собр. В. Гартевельдъ.
575-577. **Нарѣжный.** Бурсакъ.
578. **Богдановичъ.** Душенька.
579. **Ленскій.** Левъ Гурычъ Синичкинъ.
580. **Мей.** Царская невѣста.
581. **Мей.** Псковитянка и др.
582-583. **Отечественная война въ русской поэзіи.** Сборникъ. Составили **Н. Бродскій и К. Сидоровъ.**
584. **Гусевъ-Оренбургскій.** Капитанъ Кукъ. Жалоба. Данилушка. Портретъ.
585. **К. Ковальскій.** Жизнь-мгновеніе.

Справочный отдѣлъ.

601-604. **Французско - русскій карманный словарь** съ приложеніемъ французской грамматики (произношеніе, ороографія, этимологія и словообразованіе). Составили **Н. Бронштейнъ и О. Румеръ.** Цѣна въ переплетѣ 50 коп.

604-605. **Русско - французскій карманный словарь,** съ приложеніемъ французскихъ разговоровъ. Составилъ **Н. Бронштейнъ.** Цѣна въ переплетѣ 50 к.

Научно-популярная литература.

651. **Э. Пименова.** Наполеонъ I.
652. **Т. Богдановичъ.** Александръ I.
653-657. **Гр. де-Сегюръ.** Походъ въ Россію.
659. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. I.
660. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. II.
662. **Г. Швабъ.** Миоы классической древности. Походъ агронавтовъ.
663. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. III.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

664. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. IV.
665-666. **Л. Гартманъ.** Паденіе античнаго міра.
667. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. V.
668. **Платонъ.** Апологія Сократа. Критонъ.
669. **Дж. Уотсонъ.** Наслѣдственность.

Подробные каталоги высылаются безплатно.

Цѣна каждаго номера 10 к. ◆ Продажа вездѣ.

Заказы не менѣе, чѣмъ на 1 р. 50 к. исполняются Главной Контор. наложен. платежомъ.

Главная конт. кн-ва „**ПОЛЬЗА**“ **В. Антикъ и К°.**

Москва, Козицкій пер., д. № 42.

Т-во скоропечатни А. А. ЛЕВЕНСОНЪ.

Москва, Трехпрудный, с. д. Телефонъ 503-88.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1092 ГОДА,

изданное Румянцевскимъ музеемъ,

воспроизведено буква въ букву, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей пергамента, письменъ, украшеній и переплета.

Изданіе выпускается ко дню 50-лѣтняго юбилея существованія Румянцевскаго музея въ Москвѣ, въ 1912 г., въ ограниченномъ количествѣ. Цѣна 100 р. экземп.

Викторъ Михайловичъ Васнецовъ.

Русскія пословицы и поговорки въ рисункахъ художника, исполненныхъ въ 1866, 1867 и 1868 годахъ. Текстъ **І. К. Линдемана.** ◆ Художественный альбомъ заключаетъ въ себѣ 75 пословицъ и поговорокъ. Рис. появляются въ печати впервые. ◆ **ЦѢНА** въ перепл. **10 р.**

Итальянскія сказки подъ редакц. **М. Горькаго,** пер. **Андреевой,** ц. 1 р. 25 к. (съ рис.).

Американскіе синдикаты — М. И. Назаревскій, ц. 2 р. 80 к.

Словарь иностранныхъ словъ, 2-е изд., ц. 1 р. 50 к.

Русско-англійскіе разговоры, ц. 1 р. 25 к.

Французско-русскій словарь. Ц. 2 р.

Луиза, постановка оперы **С. И. Зимина** (съ рис.), ц. 2 р. 50 к.

Подорожникъ, ц. 75 к.

Сумерки русской литературы — Б. В. Назаревскаго, ц. 75 к.

Золотой пѣтушокъ, текстъ **А. С. Пушкина,** рисунки: а) худ. Билибина, цѣна 1 р. 20 к.; б) худ. Зворыкина, ц. 75 к.

„МОСКВА“, роскошно иллюстрир. альбомъ, разм. 6 × 7¾ вер., съ текстомъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ языкахъ. Цѣна въ папкѣ 4 р. экземпляръ.

Изданія „ОКТО“:

Письма Л. Н. Толстого, ц. въ пер. 2 р.

„Библіотека классиковъ“: Шекспиръ, I и II т., **Гомеръ, Байронъ,** I и II т., **Гете,** цѣна за томъ 2 р. 50 к. (Гомеръ—3 р. 50 к.)

Мольеръ, Шиллеръ печатаются. Принимается подписка на всю библіотеку (12 томовъ) на слѣд. условіяхъ: цѣна 31 р., задатокъ 2 р., а затѣмъ при полученіи каждаго тома 2 р. 50 к. (соч. Гомера 3 р. 50 к.) Задатокъ вычитается при доставленіи послѣдняго тома.

Историческіе очерки — А. А. Кизеветтеръ, ц. 3 р.

Образы прошлаго — М. О. Гершензонъ, ц. 3 р.

Гете — „Фаустъ“ (отд. вып.), ц. 1 р.

Байронъ — Чайльдъ Гарольдъ, ц. 50 к.

Байронъ — Донъ-Жуанъ, ц. 1 р.

Всѣ книги книгоиздательства высылаются въ переплетахъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва: Тверская, д. 29, кв. 46.

НОВЫЯ КНИГИ:

Князь Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Т. I. Пер. съ франц. Редакція и вступительная статья А. Кизеветтера. Цѣна 2 р. 50 к. **П. Моранъ.** Павелъ I до восшествія на престолъ. Пер. съ франц. Н. Ширяевой. Цѣна 3 р. **Де-Ремюза.** Мемуары. Т. I Редакція и вступит. статья С. Ф. Фортунатова. Цѣна 2 р. **Шуазель-Гуффье.** Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Пер. съ франц. З. Мировичъ. Вступительная статья А. Кизеветтера. Цѣна 1 р. 50 к. **Жераръ де-Нерваль.** Сильвія, Октавія, Изида, Аврелія. Пер. съ франц. Е. С. Уренѣусъ. Редакція и вступительная статья П. Муратова Цѣна 1 р. **Ж. К. Гюисмансъ.** Собр. соч. Т. III. Парижскіе арабески. Пер. Ю. Спасскаго. Цѣна 1 р. **Н. Русовъ.** Озеро. Романъ въ 2-хъ част. Изданіе второе. Цѣна 1 р. **Н. Русовъ.** „Любовь возвращается“. Романъ. (Выйдетъ въ ноябрѣ). **Ф. М. Клингеръ.** Жизнь, дѣянія и гибель Фауста. Пер. съ нѣм. со вступ. статьей и примѣчан. А. Лютера. (Выйдетъ въ ноябрѣ). **Л. Круковская.** Н. А. Морозовъ. Біографическій очеркъ. Цѣна 40 к.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ № 131-43.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

Самый дешевый изъ ежемѣсячн. журн., доступный широкимъ кругамъ читателей.

НОВЫЙ

12 КНИГЪ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСѢХЪ 12 КНИГЪ

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Повѣсти, разск., статьи по вопрос. науки, искусства, самообраз., педагогики, исторіи, рецензіи о нов. книг., при участіи выдающихся литерат. и научн. силъ.

Въ каждой книгѣ будетъ даваться по одному рисунку въ три краски на веленевой бумагѣ.

6 КНИГЪ приложеній, по 128 стран. каждая, въ которыхъ будутъ даны произведенія современ-иностран-ул ОНА СИНКЛЕРА, БЛАСКО ИБАНЬЕСА, КАРИНЪ МИХАЭЛИСЪ, ЯК. ВАССЕРМАННА и др. **БЕЗПЛАТНО** ныхъ извѣстн. ныхъ писателей: **6 КНИГЪ**

18 КНИГЪ въ годъ, изъ которыхъ въ журналѣ свыше 50 печатн. лист. и въ приложеніяхъ 48 печатн. лист. На 1 годъ—2 руб. 20 коп., на ½ г.—1 руб. 20 коп. **18 КНИГЪ**

20 КНИГЪ Получатъ новые годовые подписчики, подписавшіеся **ДО 1 ДЕКАБРЯ 1912 г.** въ томъ числѣ ноябрьскую и декабрьскую кн за 1912 годъ. **20 КНИГЪ**

Адресъ для переводовъ: С.-Петербургъ, Владимірскій просп., № 19.

Открыта подписка на 1913 годъ

Самый дешевый изъ толстыхъ журналовъ, до 300 страницъ убористаго шрифта при участіи лучшихъ литературныхъ силъ.

12 КНИГЪ „НОВАЯ ЖИЗНЬ“ 12 КНИГЪ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Въ 1913 году будутъ печататься оригинальные романы: Ан. Крандіевской, фантастическій романъ Ник. Березина, романы новѣйшихъ англійск., франц. и нѣмецкихъ авторовъ. Въ 1912 году печатались романы Ѳедора Сологуба, П. Соловьевой (Allegro), Як. Вассерманна Фридриха Хуха и друг.

12 КНИГЪ полное собран. сочин. (3840 стран.) популяр. америк. писат. въ единств. авторизъ. перев. І. А. Маевскаго и по тапу его изданія, стоющаго въ отдѣльн. прод. 16 р. **ДЖЭКА ЛОНДОНА** **12 КНИГЪ**

24 КНИГИ въ годъ, что въ общемъ составитъ за годъ около 380 листовъ печатнаго матеріала. На 1 годъ (съ прилож.) 7 р. 20 к. на ½ г.—4 р. **24 КНИГИ**

Разср.: 3 р. при под., 2 р. 20 к. 1 марта и 2 р. 20 к. 1 іюля

На 1 г. (безъ прилож.): 4 р. 90 к. Разср.: 3 р. при подп., 2 р. 1 іюля.

26 КНИГЪ получатъ новые годовые подписчики, подписавшіеся **ДО 1 ДЕКАБРЯ 1912 г.** въ томъ числѣ ноябрьскую и декабрьскую кн. за 1912 годъ. **26 КНИГЪ**

Подписавш. совмѣстно на „НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ“ и „НОВУЮ ЖИЗНЬ“ платятъ: на 1 годъ (съ прилож.) 9 р. Разср.: 4 р. при подп. 3 р.—1 марта и 2 р. 20 к.—1 іюля.

На 1 г. (безъ прилож.)—6 р. 60 к. Разср.: 3 р. при подп., 2 р.—1 марта и 2 р.—1 іюля.

Подробные проспекты со списк. сотрудниковъ безпл. ☐ Пробные №№—за 2—7-коп. мар.

ПОДПИСКА ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Адресъ для переводовъ: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 19.

Всѣ обязательства за 1912 годъ выполнены.

СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ 1912 ГОДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный журналъ новаго типа

(4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ большого формата въ два столбца.

Задача журнала „Бюллетени Литературы и Жизни"— по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Все временное, скоропреходящее, хотя бы и сенсаціонное, но нехарактерное для жизни человѣческаго духа, журналомъ „Бюллетени" совершенно игнорируется, какъ ненужный балластъ, только затемняющій подлинное лицо жизни. Наоборотъ, изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ, главнымъ образомъ, то, что не носитъ характера случайности, а имѣетъ *длительный интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.* Библіографическій отдѣлъ журнала „Бюллетени" представленъ въ такомъ, можно сказать, исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ общихъ журналовъ. Библіографія въ томъ видѣ, какъ она ведется въ „Бюллетеняхъ", необход. для самаго широкаго круга читателей.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„Утро Рос.": „Журналъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ періодическій органъ, дѣйствительно, новаго типа, потребность въ которомъ ощущалась давно, о чемъ своевременно особенно энергично высказались еще Достоевскій и Гл. Успенскій. Въ журналѣ сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью — журналами, газетами и новыми книгами..." *„Рус. Вѣд."*: „Бюллетени" довольно хорошо справляются со своею задачею... Они знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явленіями современной жизни"... *„Бирж. Вѣд."*: „По Бюллетенямъ хорошо можно слѣдить за движеніемъ въ современной литературѣ, за подъемами литературы, за ея паденіемъ, за всѣми обрѣтеніями и потерями"... *„Русск. Школа"*: „Бюллетени" дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюллетени" оказываютъ огромную услугу"... *„Огни"*: „Бюллетени" завоевываютъ себѣ все большія и большія симпатіи публики. Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культурными запросами, который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журналѣ. Онъ даетъ въ каждомъ номерѣ статьи о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ, о всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ литературой, наконецъ, о всѣхъ новыхъ книгахъ, о всѣхъ журналахъ"... *„Рус. Сл."*: „Въ журналѣ запечатлѣна вся литературная жизнь года". При этомъ ему „нельзя отказать въ значеніи хорошаго справочника, пользованіе которымъ облегчается соотвѣтствующими указателями"... *„Совр. Сл."*: „Бюллетени" переплетены теперь въ два изящныхъ тома и представляютъ собой обзоръ минувшаго года въ литературномъ, художественномъ и идейномъ отношеніи... Задача журнала имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе"... *„Голосъ"*: „Бюллетени" отмѣчаютъ все болѣе или менѣе выдающееся во всѣхъ отрасляхъ науки и литературы... Въ журналѣ сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли"

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ЖУРНАЛА РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 3 р. Допускается разср.: 1 р.—къ 1 сент., 1 р.—къ 1 янв. и 1 р.—къ 1 мая. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учителей при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала подписная цѣна на годъ — 2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почт.-телеграфн. учрежден. имперіи. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. ═══ Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Продажа производится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ, въ газетн. кіоскахъ и на ст. жел. дор.

Книгоиздательства приглаш. присылать исключительно на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ библіограф. свѣдѣній. ═══ Имѣются полн. компл. журн. „Бюллетени" за 1910 — 11 и 1911 — 12 гг. Цѣна комплекта 1-го года — 2 р., 2-го — 3 р. съ пересылкой.

Цѣна за оба комплекта въ переплетѣ (3 тома)—6 р. 50 к.

Адресъ конт. и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. 1-е отд. конт.: Тверской бульв., д. 26, кн. маг. „Трудъ С. Скирмунта". 2-е отд. конт.: С.-Петербургъ, Стремянная, д. 6, кн. складъ „Провинція".

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидикой. Телефонъ 131-34.

ц. 20 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 6. Ноябрь. 1912.

(Четвертый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1) Все въ этомъ мірѣ относительно.

2) Естествоиспытатель въ защиту своей философіи.

3) Имѣетъ ли право на самоуваженіе современный писатель.

4) Изъ литературной старины. (Пушкинъ и Дельвигъ.—Булгаринъ.—Чаадаевъ.—Литературные нравы Пушкинской эпохи).

5) Изъ воспоминаній Кони. (Л. Толстой.—Тургеневъ.—Достоевскій, Гончаровъ и критики.—Писемскій.—Вл. Соловьевъ).

6) Толстой среди своихъ школьниковъ.

7) Маминъ-Сибирякъ. (Къ его юбилею и смерти).

8) Къ юбилею И. А. Бунина.

9) Палачъ „на покоѣ“.

10) Французская мысль въ поискахъ раціональной морали.

11) Идея „Всемірнаго мозга“.

12) Инстинктъ и разумъ.

Отзывы о книгахъ.—Новыя книги.—Содержаніе журналовъ.—Книги, поступ. въ редакцію.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Тверской бульв., д. 26, книжн. маг. „Трудъ“. Тел. 34-54. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція“.

МОСКВА.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ и СКЛАДЪ

„ТРУДЪ С. СКИРМУНТА“

Москва, Тверской бульваръ, д. 26. Телеф. 34-54.

КНИГИ-ПОДАРКИ

Къ предстоящему празднику РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА и НОВАГО ГОДА магазиномъ высылаются всѣ книги-подарки, списокъ которыхъ печатается и по выходѣ изъ печати будетъ разсылаться безплатно по первому требованію.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
1 строка петита . . 50 к.

№ 6 — Ноябрь 1912 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к.; на 3 м.—90 к.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За-границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора:
Москва. Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67

Все въ этомъ мірѣ относительно.

„Человѣкъ — мѣра всѣхъ вещей".
Протагоръ.

Міръ представляется человѣку такимъ, а не инымъ исключительно въ зависимости отъ его теперешней человѣческой организаціи. Если бы эта организація измѣнилась въ ту или другую сторону, то, несомнѣнно, въ соотвѣтствіи съ этимъ измѣнилось бы и представленіе о мірѣ. Словомъ, „человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей".

Объ этой субъективности нашего міропредставленія говоритъ, между прочимъ, въ послѣдней своей работѣ М. Аксеновъ *) и для наглядности иллюстрируетъ эту идею нѣкоторыми фантастическими допущеніями относительно коренныхъ измѣненій въ теперешней организаціи человѣческаго существа.

Мысли, высказываемыя по этому поводу М. Аксеновымъ, не новы, они заимствованы у академика фонъ-Бэра и были уже напечатаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но, несомнѣнно, мысли эти и теперь, особенно въ виду выдвигаемаго наукой „принципа относительности", представляютъ значительный интересъ и поэтому мы рѣшаемся отмѣтить ихъ на страницахъ „Бюллетеней".

Мы получили отъ природы нѣсколько вполнѣ опредѣленныхъ мѣръ времени—годъ, мѣсяцъ, сутки. Но основы мѣры времени мы черпаемъ въ самихъ себѣ. Обычная минимальная мѣра времени, называемая секундой и опредѣляемая нами искусственно, дана намъ нашей пульсаціей, біеніемъ нашего сердца, совершающимся при нормальныхъ обстоятельствахъ у взрослаго здороваго человѣка съ математической точностью.

*) См. его недавно вышедшую книгу: „Опытъ метагеометрической философіи".

Но настоящею основною мѣрою времени, которою орудуетъ наше сознаніе, служитъ гораздо меньшая, психическая мѣра его, а именно—ею служитъ время, потребное для воспріятія производимыхъ на наши чувства внѣшнимъ міромъ впечатлѣній. Вотъ почему секунда можетъ показаться намъ продолжительною, если мы въ теченіе ея пребываемъ въ состояніи напряженнаго ожиданія.

Скорость нашего чувственнаго воспріятія, или (что все равно) слѣдующей за нимъ реакціи на него нашего организма, есть наша настоящая естественная мѣра времени. У сангвиника то и другое совершается скорѣе, чѣмъ у флегматика, а потому первый живетъ скорѣе второго, т.-е. онъ проживаетъ въ теченіе одного и того же времени больше, чѣмъ второй. Но у перваго и пульсъ бьется скорѣе, чѣмъ у второго. У кролика пульсація совершается вдвое скорѣе, чѣмъ у человѣка, а у коровы вдвое медленнѣе. Значитъ, у кролика слѣдованіе ощущеній и движеній совершается гораздо скорѣе, чѣмъ у коровы, а именно—вчетверо, и потому онъ въ теченіе одного и того же времени проживаетъ вчетверо больше, чѣмъ корова, живетъ вчетверо скорѣе ея.

Только потому, что вышесказанная основная наша мѣра времени (равная $^1/_6$—$^1/_{10}$″) есть наша естественная минимальная мѣра его, намъ и кажется, что минутно созерцаемый нами, хотя бы множество разъ, предметъ, напримѣръ, животное, есть нѣчто постоянное, неизмѣнное по величинѣ и по виду. Созерцаемое нами такимъ образомъ животное въ дѣйствительности далеко не неизмѣнно. Не только находится въ непрестанномъ движеніи его кровь, но въ теченіе одной минуты оно нѣсколько разъ вдохнуло кислородъ и выдохнуло углекислоту, путемъ транспираціи потеряло много входящихъ въ его организмъ веществъ и вообще въ этотъ періодъ времени въ его организмѣ совершилось

такое множество невидимыхъ нами измѣненій, что если бы мы наблюдали его вооруженные соотвѣтственною мѣрою времени, мы подмѣтили бы и измѣненія въ его внѣшнемъ видѣ.

Если мы теперь вообразимъ, что жизнь человѣка течетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ то имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, то увидимъ, что всѣ совершающіеся въ природѣ процессы предстанутъ предъ нимъ въ иномъ видѣ. Теперь человѣкъ достигаетъ глубокой старости, проживъ 80 лѣтъ, или 29200 дней и ночей. Допустимъ, что весь циклъ его жизни совершалася бы въ $^1/_{1000}$ этого времени. Тогда дряхлость наступала бы для него, когда ему было бы 29 дней. Но онъ ничего не потерялъ бы изъ своей внутренней жизни, если бы она текла въ соотвѣтственной мѣрѣ скорѣе, если бы его пульсъ бился скорѣе въ 1000 разъ. При такихъ допущеніяхъ онъ долженъ бы былъ, какъ и мы, воспринимать въ промежутокъ времени между двумя ударами своего пульса 6—10 впечатлѣній, но онъ долженъ бы былъ воспринимать многое, нами не воспринимаемое, и наоборотъ. Онъ былъ бы, напримѣръ, въ состояніи совершенно свободно слѣдить взоромъ за пролетающей мимо него ружейной пулей, невидимой нами потому, что она мѣняетъ мѣсто слишкомъ быстро, чтобы мы могли видѣть ее въ опредѣленномъ мѣстѣ; но онъ ничего не могъ бы знать о смѣнѣ временъ года. Насколько же иною показалась бы ему наша природа? „Вотъ великолѣпно сіяющее на небѣ свѣтило“, сказалъ бы онъ въ старости, „восходящее, на нѣкоторое время заходящее и затѣмъ снова на немъ восходящее, чтобы изливать свѣтъ и тепло. Это я созерцаю уже 29-й разъ. Но на небѣ было еще другое свѣтило, которое появилось на немъ, когда я былъ еще крошечнымъ ребенкомъ, и которое было сперва совсѣмъ узенькимъ серпомъ, но затѣмъ дѣлалось все шире и все дольше пребывало на небѣ, пока сдѣлалось совсѣмъ круглымъ, и тогда лило свѣтъ всю ночь, свѣтъ хотя и слабѣйшій, чѣмъ свѣтъ дневного свѣтила, но достаточно яркій, чтобы указывать путь. Но это ночное свѣтило стало уменьшаться и восходить все позднѣе, пока наконецъ не исчезло. Оно исчезло, и наступили черныя ночи“.

Такой взглядъ былъ бы вполнѣ натураленъ со стороны существа, которое имѣло бы возможность мыслить и наблюдать только въ теченіе мѣсяца и родилось бы въ новолуніе. Понятно, что о смѣнѣ временъ года такой *мѣсячный человѣкъ* не могъ бы имѣть никакого представленія, по крайней мѣрѣ онъ не могъ бы почерпнуть о ней понятія изъ своего собственнаго опыта. Но если бы онъ могъ воспользоваться въ этомъ отношеніи опытомъ своихъ предшественниковъ, напримѣръ, такъ, какъ мы пользуемся опытомъ нашихъ предковъ, т.-е. путемъ преданія и письменности, то онъ, если бы жилъ лѣтомъ, услышалъ бы или прочиталъ бы съ изумленіемъ, что были эпохи, въ которыя вся земля была покрыта бѣлымъ, холоднымъ веществомъ, снѣгомъ, вода была въ твердомъ состояніи, деревья были лишены листвы и царилъ лютый холодъ, что затѣмъ стало тепло, потекла вода, зазеленѣла земля, одѣлись листвой деревья. Онъ, по всей вѣроятности, отесся бы къ разсказамъ объ этомъ съ точно такимъ же сомнѣніемъ, съ какимъ относимся мы къ разсказамъ о томъ, что находящіеся въ большей части нашего умѣреннаго пояса слѣды указываютъ на то, что тысячи лѣтъ назадъ цѣлыя страны этого пояса были покрыты толстымъ слоемъ льда, и что, наоборотъ, содержащіеся въ угольныхъ пластахъ Гренландіи остатки растеній указываютъ на то, что было время, когда въ ней царилъ тропическій климатъ.

Вообразимъ теперь себѣ, что человѣческая жизнь текла бы еще скорѣе въ 1000 разъ. Тогда она равнялась бы 40 минутамъ, и только въ случаѣ достиженія человѣкомъ глубокой старости—42 минутамъ. Если бы при этомъ не послѣдовало никакого измѣненія во всей остальной природѣ, то она должна бы была показаться въ этомъ случаѣ человѣку опять другою, чѣмъ она казалась ему въ предыдущемъ случаѣ. Такой эфемерно существующій человѣкъ не могъ бы подмѣтить роста травы и цвѣтовъ, не говоря уже о деревьяхъ; они должны бы были казаться ему неизмѣнными. Въ продолженіе своего существованія онъ не могъ бы составить себѣ ни малѣйшаго понятія о смѣнѣ дней и ночей. Если бы среди такихъ минутныхъ людей явился философъ, родившійся, напримѣръ, въ лѣтній день, въ 6 часовъ вечера, то онъ на склонѣ своей жизни сказалъ бы внукамъ своимъ: „Когда я родился, лучезарное свѣтило, отъ котораго, повидимому, исходитъ всякая жизнь, стояло на небѣ выше, чѣмъ теперь. Съ того времени оно ушло на западъ и все опускается. Надобно предположить, что смѣнится еще одно-два поколѣнія, и оно исчезнетъ совсѣмъ. Тогда настанетъ царство сковывающаго все холода, тогда настанетъ конецъ міра, по крайней мѣрѣ конецъ человѣческаго рода“.

Какія же измѣненія въ органическомъ мірѣ могъ бы подмѣтить человѣкъ, живущій 40—42 минуты? Мы уже сказали, что для такого человѣка были бы неизмѣнны травы и цвѣты. Онъ не могъ бы воспринимать движенія жи-

вотныхъ и членовъ ихъ тѣла. Эти движенія были бы для его быстро воспринимающаго глаза слишкомъ медленными, чтобы онъ могъ созерцать ихъ непосредственно. О нихъ онъ могъ бы узнать только посредственно, путемъ умозаключенія, подобно тому, какъ мы, не имѣя возможности непосредственно воспринимать своимъ глазомъ движенія небесныхъ свѣтилъ, заключаемъ о немъ, основываясь на ихъ удаленіи и приближеніи къ нашему горизонту. Весь органическій міръ показался бы безжизненнымъ такому человѣку, если бы, напримѣръ, подлѣ него не прокричалъ воспринимаемымъ имъ голосомъ какой-нибудь представитель животнаго царства, и въ высокой степени вѣроятно, что вѣчнымъ показался бы онъ ему, существу, которое думало бы, что можетъ предсказать закатъ солнца, но не имѣло бы никакого основанія вѣрить въ его восходъ. Живыми казались бы ему только существа ему подобныя, вслѣдствіе чего на него должна бы была чрезвычайно сильно вліять мысль о вѣроятной ихъ съ исчезаніемъ солнца гибели. Какъ безутѣшна и скучна должна бы была казаться ему вся природа! Зато ему были бы доступны утѣхи иного, чѣмъ намъ, рода. Конечно, такой человѣкъ не могъ бы слышать всѣхъ слышимыхъ нами звуковъ, если бы его ухо было организовано подобно нашему; но онъ могъ бы воспринимать звуки, нами невоспринимаемые; онъ могъ бы даже слышать свѣтъ, который мы теперь видимъ, если бы его ухо было организовано соотвѣтственнымъ для этого образомъ. Мы слышимъ какъ звучатъ тѣла, а вмѣстѣ съ ними и воздухъ, если они совершаютъ не менѣе 14—16 и не болѣе 48000 колебаній въ секунду, т.-е. въ промежутокъ времени между двумя ударами нашего пульса. Мы не слышимъ ни болѣе быстрыхъ, ни болѣе медленныхъ колебаній. Изъ числа воспринимаемыхъ нашимъ ухомъ колебаній быстрѣйшія называются высокими, медленнѣйшія низкими тонами. Но мы предполагаемъ жизнь человѣческую ускорившеюся въ 1000 разъ. Значитъ, звукъ, совершающій 48000 колебаній въ промежутокъ времени между двумя ударами нашего пульса и представляющій для насъ самый высокій, какой мы можемъ воспринять, тонъ, совершалъ бы 48 колебаній въ промежутокъ времени между двумя ударами пульса человѣка, который жилъ бы такою ускоренною жизнью, и принадлежалъ бы для него къ самымъ низкимъ тонамъ. Представляя себѣ затѣмъ минутнаго человѣка, мы мысленно ускорили всѣ наши процессы еще въ 1000 разъ, т.-е. придставили себѣ наши жизненные процессы ускорившимися въ 1000000 разъ. Человѣкъ, живущій такою жизнью, не слышалъ бы, конечно, всѣхъ нами слышимыхъ звуковъ; онъ слышалъ бы звуки несравненно болѣе высокіе, производимые несравненно быстрѣйшими колебаніями. Такія колебанія дѣйствительно существуютъ въ природѣ, хотя мы ихъ не слышимъ, а видимъ. Свѣтъ производится безконечно быстрыми колебаніями нѣкотораго, наполняющаго все міровое межатомное пространство вещества, называемаго эоиромъ. Колебанія его такъ быстры (ихъ считаютъ сотнями биллліоновъ въ секунду), что, конечно, они остались бы невоспринимаемыми нашимъ ухомъ, если бы оно было даже въ милліонъ разъ воспріимчивѣе, чѣмъ теперь. Но мы могли бы представить себѣ нашу жизнь ускорившеюся въ такой степени, что воспринимаемыя нами теперь въ качествѣ свѣта и цвѣтовъ колебанія эоира сдѣлались бы нами слышимыми, предполагая обладаніе нами достаточно чувствительнымъ для ихъ воспріятія органомъ слуха. А развѣ не можетъ быть въ природѣ еще иныхъ колебаній, нами совсѣмъ невоспринимаемыхъ? Движутся планеты, въ числѣ ихъ и наша земля, съ значительною быстротою въ эоирѣ, а—слѣдовательно, приводится ими въ движеніе и эоиръ. Можетъ быть, въ межпланетномъ пространствѣ существуютъ воспринимаемые не нашимъ ухомъ звуки; можетъ быть, существуетъ воспринимаемая не нашимъ, а совсѣмъ инымъ ухомъ „гармонія міровъ“.

До сихъ поръ мы, оставляя неизмѣнною жизнь внѣшняго міра, представляли себѣ ускорившеюся, какъ бы сжатою, человѣческую жизнь. Представимъ теперь себѣ обратный процессъ; представимъ себѣ жизнь человѣческую замедлившеюся, произведемъ мысленно ея растяженіе. Допустимъ, что нашъ пульсъ бился бы 1000 разъ медленнѣе, чѣмъ теперь, и что для чувственнаго нашего воспріятія потребовалось бы въ 1000 разъ больше, чѣмъ теперь, времени; соотвѣтственно этому конецъ нашей жизни наступалъ бы не въ 80 лѣтъ, а въ 80000 лѣтъ, такъ какъ съ измѣненіемъ заимствуемой нами изъ сферы нашихъ жизненныхъ процессовъ нашей мѣры времени измѣняется и все наше міросозерцаніе, то при вышесказанномъ допущеніи періодъ нашей жизни въ одинъ годъ имѣлъ бы для насъ такое же значеніе, какое имѣютъ теперь для насъ $8^3/_4$ часа нашей жизни. Слѣдовательно, мы могли бы тогда въ теченіе немного болѣе 4 часовъ нашего тогдашняго внутренняго времени созерцать, какъ растаялъ бы покрывающій зимою почву снѣгъ, вскрылись бы рѣки и зашумѣли бы ручьи, зазеленѣла бы трава и запестрѣли бы цвѣтами поля, одѣлись бы ли-

ствою, принесли бы плоды и затѣмъ снова обнажились бы деревья. Тогда мы буквально созерцали бы ростъ; зато тогда многіе процессы развитія, напримѣръ, процессъ развитія гриба, остались бы для насъ почти непримѣтными; мы замѣтили бы многія растенія только по достиженіи ими полной стадіи развитія, подобно тому, какъ теперь мы замѣчаемъ струю бьющаго вверхъ фонтана, подлѣ котораго стоимъ, только по достиженіи ею предѣльной своей высоты. Въ такой же степени должны бы были казаться намъ при вышесказанномъ допущеніи эфемерными и животныя, особенно низшія. Но что въ особенности должно бы было породить въ насъ тогда идею о непрестанномъ универсальномъ измѣненіи, такъ это было бы то обстоятельство, что тогда въ теченіе соотвѣтствующихъ періоду теперешняго лѣтняго нашего времени четырехъ часовъ день непрерывно смѣнялся бы ночью, свѣтлая минута—полуминутою темною и солнце въ теченіе одной минуты совершало бы весь свой по небу путь, а въ слѣдующую за нею полуминуту было бы нами невидимо. Тогда солнце при кажущейся быстротѣ своего движенія должно бы было оставлять за собою огненную полосу, подобно тому, какъ оставляютъ ее для насъ за собою свѣтящіеся метеоры.

Если мысленно замедленную, растянутую нами въ 1000 разъ жизнь человѣка представимъ себѣ замедленною, растянутою еще въ 1000 разъ, то увидимъ, что природа явится предъ нимъ опять въ иномъ видѣ. У человѣка, который жилъ бы такою жизнью, могло бы въ теченіе года имѣть мѣсто всего-на-всего 189 воспріятій, такъ какъ для каждаго его воспріятія потребовалось бы почти дважды 24 нашихъ часа. При такихъ условіяхъ мы не могли бы узнать ничего относительно правильной смѣны дня и ночи; да мы не могли бы ни разу увидѣть солнца, какъ солнца: оно казалось бы намъ подобно тому, какъ теперь кажется намъ совершающій быстрое круговое движеніе раскаленный уголь свѣтящеюся круговою линіею, только свѣтящеюся на небѣ дугою, и такъ какъ свѣтъ оставляетъ въ нашемъ глазу гораздо болѣе продолжительное, чѣмъ мракъ, впечатлѣніе, то эта дуга не исчезала бы для насъ на небосклонѣ и ночью. Тогда относительно кажущагося движенія солнца мы могли бы по большей мѣрѣ замѣчать, особенно зимою, правильно возвращающееся моментальное ослабленіе свѣта; мы видѣли бы непрерывно вспыхивающую зарницу, и это еще вопросъ, могли бы мы тогда при помощи всего своего глубокомыслія и всѣхъ своихъ научныхъ средствъ узнать, что земля освѣщается вращающимся вокругъ нея огненнымъ шаромъ, а не огненнымъ кольцомъ (что говорила бы намъ видимость), восходящимъ и заходящимъ надъ нею. Вѣдь намъ непремѣнно были бы тогда извѣстны времена года, но они оказались бы намъ чрезвычайно быстротечными, потому что тогда въ теченіе $31^1/_2$ удара нашего пульса предъ нами совершалась бы смѣна всѣхъ временъ года. Тогда въ продолженіе 10 ударовъ нашего пульса (10 тогдашнихъ внутреннихъ нашихъ секундъ) мы видѣли бы въ нашихъ широтахъ землю покрытую снѣгомъ, затѣмъ въ теченіе какихъ-нибудь $1^1/_2$ удара его созерцали бы таяніе снѣговъ, въ теченіе другихъ 10 его ударовъ видѣли бы, какъ земля и деревья покрываются зеленью, выростаютъ цвѣты и плоды и, наконецъ, какъ въ теченіе остальныхъ 10 его ударовъ исчезаютъ зелень, цвѣты, плоды и водворяется царство осени съ ея стужей и дождями.

Мы нарочно старались въ предыдущемъ не надѣлять человѣка новыми способностями, которыя давали бы ему возможность познанія сторонъ природы, скрытыхъ отъ него теперь; ни разу мы не надѣляли его какимъ-нибудь новымъ чувствомъ; ни разу мы не надѣляли его утонченными органами воспріятія, напримѣръ, микроскопическимъ или телескопическимъ глазомъ; ни разу мы не надѣляли его орудіями воспріятія для насъ сокровеннаго, напримѣръ, восхожденія въ растеніи почвенной влаги и превращенія ея, напримѣръ, въ виноградной лозѣ въ сахаръ, или процесса питанія и увичтоженія частями тѣла крови; наконецъ, ни разу мы не надѣляли его способностью проникновенія во внутреннюю сущность вещей, постиженія первой причины и конечной цѣли процессовъ природы. Мы брали человѣка такимъ, каковъ онъ есть, и только показывали, какою бы была для него созерцаемая нами природа, если бы онъ обладалъ не такою, какъ теперь, мѣрою времени.

Естествоиспытатель въ защиту своей философіи.

Въ журн. „Природа“ (кн. X) напечатана интересная и очень горячая статья (перев. съ англ.) Виктора Вогана подъ заглавіемъ „Философія естествоиспытателя“. Статья вся цѣликомъ направлена противъ современныхъ идеалистическихъ философскихъ теченій. Но въ ней Воганъ скорѣе защищается, чѣмъ нападаетъ. Онъ защищаетъ и отстаиваетъ свои позиціи,

позиціи философіи естествоиспытателя противъ натиска „безпочвенныхъ, потусторонникъ мечтателей-философовъ“.

Намъ,—пишетъ авторъ,—могутъ сказать, какое право имѣетъ естествоиспытатель на философію? Онъ, который проводитъ свои дни въ изученіи грубыхъ матеріальныхъ вещей, что онъ знаетъ о высшей жизни? Какое право онъ имѣетъ говорить съ какою-нибудь авторитетностью о великихъ проблемахъ жизни? Что можетъ знать онъ объ идеализмѣ? Между идеализмомъ и матеріализмомъ предполагается глубокая бездна, черезъ которую ни одинъ человѣкъ въ здравомъ умѣ не попытается перекинуть моста. Естествоиспытатель можетъ быть лишь молчаливымъ послѣдователемъ идеалиста, но онъ не имѣетъ права внести что-либо свое, указать какіе-либо пути, какъ бы разумно его указаніе ни было бы. Идеалистъ, предполагается, живетъ въ болѣе высокой плоскости, чѣмъ бѣдный матеріалистъ-естественникъ. Первый паритъ въ облакахъ. Его пища—нектаръ Олимпа, и онъ одѣтъ въ блестящую одежду философскихъ теорій, развиваемыхъ изъ его внутренняго сознанія.

Что я не искажаю дѣйствительнаго отношенія современнаго идеалистическаго философа къ современному точному знанію, можно видѣть изъ слѣдующей цитаты, взятой изъ книги „Проблема Жизни“ профессора Эйкена изъ Іены. Говоря о теоріи эволюціи, профессоръ Эйкенъ замѣчаетъ:

„Мы не касаемся теоріи съ ея научной стороны, но исключительно со стороны ея отношенія къ образу жизни. Теорія эволюціи, главнымъ образомъ, теорія естественнаго отбора, которая осмѣлилась выступить съ новымъ и оригинальнымъ взглядомъ на оцѣнку жизни. Всецѣло уподобляя человѣка природѣ, теорія эта оставляетъ образъ жизни человѣка исключительно тѣмъ силамъ, которыя кажутся контролирующими образованія естественныхъ типовъ. Поэтому отъ жизни отнято все то, что давало ей внутреннюю цѣнность и достоинство: форма, какую принимаетъ жизнь, опредѣляется исключительно окружающими условіями, и форма эта выживаетъ постольку, поскольку она оказалась полезной въ борьбѣ за существованіе. Ходъ впередъ обусловленъ тѣмъ, что свойства, образовавшись случайно, удерживаются на основаніи ихъ полезности, наслѣдуются и съ теченіемъ времени вырабатываются въ виды. Но такъ какъ не можетъ быть никакого внутренняго пріобрѣтенія отъ этой пользы, то и не можетъ быть никакой радости въ добрѣ и красотѣ ради нихъ самихъ. Все, что мы пріобрѣтаемъ, это—просто увеличенныя средства самосохраненія. Внутренняя жизнь теряетъ всю независимую цѣнность. Единственное право—право сильнѣйшаго; вся гуманность, въ частности вся забота о слабыхъ и страждущихъ явилась бы ослабленіемъ силъ въ борьбѣ и поэтому просто была бы вреднымъ безразсудствомъ. Если что-нибудь остается намъ дѣлать въ этомъ слѣпомъ смѣшеніи сталкивающихся силъ, такъ только то, чтобы сдѣлать борьбу за существованіе по возможности сильной, упорной, безжалостной, такъ чтобы все неприспособленное было вырвано, уничтожено и чтобы процессъ отбора происходилъ быстрѣе“.

Такова оцѣнка ученія объ эволюціи, данная однимъ изъ передовыхъ и современныхъ философовъ. Замѣтьте, что онъ говоритъ объ естествоиспытателѣ, *осмѣливающемся* предложить нѣчто касающееся проблемы жизни. Безразсудный, какое право онъ имѣетъ дѣлать предположенія, касающіяся высшей жизни? Онъ долженъ былъ бы знать, что царство философіи далеко за предѣлами владѣній точныхъ наукъ, которыя заняты исключительно матеріальными вещами.

Ученый авторъ противится полному уподобленію человѣка природѣ. Это даетъ право предполагать, что онъ считаетъ человѣка сверхъестественнымъ. Если такъ, то въ чемъ это сверхъестественное, можемъ мы спросить? Если человѣкъ не формируется условіями, при которыхъ онъ рождается, его предками и тѣми, среди кого онъ живетъ, его окружающей обстановкой, скажите, пожалуйста, что же обусловливаетъ его формированіе? Откуда тогда различныя расы и разновидности? Если въ человѣкѣ было бы что-нибудь сверхъестественное, нѣчто независимое отъ естественныхъ условій, почему тогда существуютъ физическія различія, интеллектуальныя неравенства и моральныя различія между различными народами и между послѣдовательными поколѣніями одной и той же націи? Профессоръ Эйкенъ говоритъ, что предположеніе, будто типы человѣка опредѣляются естественными условіями, отнимаетъ отъ жизни все, что даетъ ей внутреннюю цѣнность и достоинство. Типы людей существуютъ. Это не можетъ быть отрицаемо. Если они не явились въ результатѣ естественныхъ причинъ, что за сверхъестественные агенты вызвали ихъ существованіе? Существуютъ хорошіе и плохіе типы людей,—тогда должны быть хорошіе и плохіе духи. Поистинѣ философія проф. Эйкена является духовнымъ пережиткомъ примитивнаго человѣка, который вѣрилъ въ геоцентрическую вселенную: Олимпъ, населенный богами, добрыми и злыми; лѣса, наполненные сатира-

ми, нимфами и феями. Если бы ученый авторъ зналъ побольше о точныхъ наукахъ, онъ былъ бы болѣе философомъ. Онъ говоритъ о внутренней жизни, теряющей всю независимую цѣнность, если человѣкъ продуктъ внѣшнихъ условій. Я вывожу отсюда, что онъ дѣлаетъ внутреннюю жизнь сверхъестественной частью человѣка. Совершенно невозможно сказать, что онъ разумѣетъ подъ внутренней жизнью. Если онъ разумѣетъ умственныя способности человѣка, мы знаемъ хорошо, что онѣ находятся подъ вліяніемъ естественныхъ условій. Ударьте человѣка по головѣ и придавите его черепъ, и умственныя способности разстроены. Подъ вліяніемъ такого яда, какъ алкоголь, человѣкъ можетъ сдѣлаться безумнымъ. Если подъ внутренней жизнью онъ разумѣетъ нравственность человѣка, то опять существуетъ масса показаній, что нравственность человѣка испытываетъ сильное вліяніе внѣшнихъ условій. Безумный не отвѣчаетъ за свои преступленія и человѣкъ отъ какого-нибудь посторонняго тѣла, попавшаго въ его мозгъ, можетъ стать лжецомъ, воромъ или убійцей.

Осужденіе точныхъ наукъ профессоромъ Эйкеномъ за ихъ жестокость можетъ быть объяснено только тѣмъ предположеніемъ, что ему не удалось полностью ознакомиться съ ученіемъ объ эволюціи. Развѣ наука евгеника, предметъ которой обезпечить болѣе сильнымъ и здоровыхъ родителей для неродившихся еще, жестока? Развѣ всѣ наши усилія обезпечить населенію чистую воду, нефальсифицированную пищу, гигіеническія жилища, коротко говоря, улучшить жизнь съ каждой возможной стороны, жестоки? Если мы улучшимъ наши породы лошадей, коровъ, собакъ и пр., оставляя ихъ безъ крова въ суровую погоду, то никто же не предполагаетъ улучшать типы людей тѣмъ же самымъ способомъ.

Никакая философія, развившаяся изъ внутренняго сознанія, никогда не сдѣлала человѣку и половины того добра, которое обезпечено ему открытіемъ агентовъ заразы. Фактически ни одно важное открытіе точныхъ наукъ не обошлось безъ вліянія на улучшеніе жребія человѣка.

Изобрѣтеніе печатанія повсюду посѣяло знаніе. Открытіе свѣтильнаго газа прогнало преступленія съ улицъ большихъ городовъ. Телеграфъ и телефонъ ускорили разысканіе преступника. Паръ и электричество вертятъ колеса промышленнаго міра и распредѣляютъ продукты всѣхъ климатовъ. Улучшенныя машины уменьшили число часовъ рабочаго дня и тяжесть работы приняли на себя съ плечъ рабочаго. Коротко говоря, я не знаю ни одного научнаго открытія, которое не принесло бы какого-нибудь физическаго, интеллектуальнаго или моральнаго улучшенія въ мірѣ, и конечно, этого же нельзя сказать о чемъ-либо другомъ.

Краеугольнымъ камнемъ моей философіи является ученіе объ эволюціи, справедливость которой была такъ много разъ и категорически доказана геологическими, эмбріологическими и біологическими показаніями. Я не буду пытаться доказать здѣсь вѣрность этой теоріи. Я считаю это уже сдѣланнымъ.

Безконечное число вѣковъ шло это развитіе... Высочайшимъ продуктомъ этого удивительнаго и сложнаго процесса явился человѣкъ. Наука не только учитъ, но и ясно показываетъ все это. Человѣкъ, хотя и далекъ отъ совершенства, достигъ стадіи, гдѣ онъ сталъ самымъ сильнымъ и непосредственнымъ агентомъ въ эволюціи... Естественный отборъ широко замѣнился человѣческимъ отборомъ, и кто скажетъ, что это не естественно? Но самое лучшее изъ всего тотъ фактъ, что самъ человѣкъ-животное, да, весь безъ остатка животное, и поэтому способенъ къ улучшенію путемъ воспитанія, отбора и улучшенія окружающихъ условій. Если бы человѣкъ былъ даже только частью иной природы, чѣмъ животное или сверхъестественнымъ и былъ бы внѣ вліянія естественныхъ и контролируемыхъ условій, тогда надежда на его улучшеніе не могла бы быть такой большой. Сверхъестественная сила, если бы таковая была, такая сила, которую человѣкъ не можетъ знать, не можетъ изучать, не можетъ измѣнять, и если бы такая сила контролировала судьбу расы, попытки человѣка улучшить свой родъ были бы безплодны. Философія, основанная на такой вѣрѣ, никуда не приведетъ, не побуждаетъ ни къ какому хорошему дѣлу, безплодна и мертва отъ начала. Съ другой стороны, увѣренность, что самъ человѣкъ самый сильный факторъ въ эволюціи, должно вызвать лучшія усилія въ каждомъ человѣкѣ, заинтересованномъ въ благосостояніи его рода... Если моя работа можетъ помочь въ улучшеніи условій моего товарища-человѣка, въ настоящемъ или будущемъ поколѣніи, то здѣсь лежитъ побудительная причина дѣлать все это для достиженія цѣлей. Кто можетъ сказать, что ученіе о происхожденіи человѣка отъ болѣе низкихъ животныхъ унижаетъ его?

Наоборотъ, это показываетъ, *что* человѣкъ сдѣлалъ даже при маломъ просвѣщеніи прошлыхъ вѣковъ и это показываетъ на высоту, на которую онъ вполнѣ резонно можетъ разсчитывать подняться въ будущемъ...

Ученіе объ эволюціи учитъ, что окружающая обстановка—сильный факторъ въ модификаціи и улучшеніи видовъ, а опытъ надъ растеніями и животными подтверждаютъ это положеніе и притомъ такъ категорически, что ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сомнѣвается въ этомъ. Моя философія, поэтому, указываетъ путь, по которому я могу выполнять дѣйствительную и продолжительную службу. Сообразно съ этимъ нужно отдавать всѣ свои лучшія силы на улучшеніе условій, въ которыхъ живутъ люди. Это должно быть однимъ изъ самыхъ сильныхъ мотивовъ въ работѣ естествоиспытателя. Это главнымъ образомъ должно направлять дѣла всѣхъ образованныхъ мужчинъ и женщинъ. Старинная латинская поговорка „Salus populi suprema lex est", которую я перевелъ бы „благосостояніе народа должно быть высочайшимъ нашимъ дѣломъ",—хорошій девизъ, подъ которымъ мы должны жить и работать.

Невѣжество плохое окружающее условіе, и поэтому мы должны работать, чтобы измѣнить его. Невѣжество должно быть замѣненно знаніемъ, а это сдѣлаетъ насъ свободными и сильными. То знаніе, которымъ мы можемъ пользоваться, самое лучшеее. Одинъ изъ историковъ Англіи сказалъ: „Знаніе, которое мы можемъ употребить съ пользой, и есть реальное знаніе, все остальное виситъ, какъ пыль вокругъ мозга или высыхаетъ, какъ капли дождя на камняхъ".

Естествоиспытатель, даже если бы онъ былъ заурядный матеріалистъ безъ всякой вѣры въ сверхъестественное, безъ всякой мысли о какомъ-либо личномъ существованіи за гробомъ, имѣетъ свои мечты о будущемъ. Онъ мечтаетъ о времени, когда орудія разрушенія будутъ настолько сильны и вѣрны въ своихъ дѣйствіяхъ, что война станетъ невозможной и міръ превратится въ одну большую общину просвѣщенныхъ, умственно развитыхъ человѣческихъ существъ, живущихъ въ мирѣ и единеніи. Онъ не стремится посылать души на небеса, но превратить землю въ небеса. Онъ мечтаетъ о времени, когда земледѣліе будетъ настолько совершеннымъ, что урожаи будутъ доставлять плоды и хлѣбъ и въ такомъ изобиліи, какого міръ никогда еще не видалъ. Онъ мечтаетъ о времени, когда преждевременныхъ смертей не будетъ, когда боли и страданія будутъ устранены мудростью человѣка. Онъ мечтаетъ объ этихъ вещахъ не съ надеждой, что онъ лично можетъ принять участіе въ нихъ, но съ радостью, что онъ можетъ способствовать ихъ наступленію для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ него.

Наука учитъ болѣе дѣйствительно, чѣмъ любая религія когда-либо дѣлала, необходимости подать руку помощи тѣмъ, кто въ нуждѣ...

Когда мы заглянемъ внизъ въ глубину, изъ которой поднялся человѣкъ, начавши хотя только съ историческихъ ступеней, и гдѣ многіе изъ нашего рода все еще пребываютъ, мы содрогнемся, но когда мы взглянемъ на высоты, до которыхъ можетъ онъ еще дойти, мы наполнимся надеждой и радостью. И если мы только представимъ себѣ, что каждый можетъ внести что-нибудь въ прогрессъ націи, проблема жизни запечатлѣетъ на насъ полную надежды и постоянную рѣшимость работать въ этомъ направленіи.

Люди смертны, но человѣкъ безсмертенъ. Индивидуумъ имѣетъ только временное существованіе, но воспроизводительная клѣтка продолжается чрезъ всѣ поколѣнія. Индивидуальное вліяніе на расу не ограничивается прямой линіей, но человѣкъ своими словами и дѣлами можетъ дать направленіе росту своего сосѣда и потомству его. Такимъ пониманіемъ жизнь въ высшей степени облагораживается и облекается божественностью, о которой ни одна религія не мечтала. Такое пониманіе жизни указываетъ на братство и взаимозависимость всѣхъ людей. Оно дѣлаетъ отдѣльнаго человѣка важнымъ факторомъ въ великой драмѣ созданія. Такое пониманіе образуетъ индивидуальную совѣсть изъ обязанностей къ роду человѣческому и вооружаетъ индивидуума средствами для выполненія этихъ обязанностей. Такое пониманіе даетъ личности цѣнность и достоинство, далеко оставляющее за собой то, чѣмъ награждаютъ эту личность разныя философіи, центральнымъ ученіемъ которыхъ является надежда на будущее вознагражденіе или боязнь будущаго наказанія. Моя философія практическая, рабочая философія, которая, совершенно понятая и осуществляемая, приведетъ къ миру, доброму согласію и братской любви всѣхъ народовъ на землѣ. Она не приведетъ къ воображаемымъ небесамъ съ улицами, вымощенными золотомъ и драгоцѣнными камнями, но принесетъ всѣмъ обитателямъ земли жизнь радости и справедливости.

Философія естествознанія имѣетъ дѣло лишь съ этимъ міромъ и съ этой жизнью. Она касается каждаго условія жизни. Она должна проникать въ наши мысли и вліять на наши дѣла. Она опредѣляетъ наши правила поведенія. Она побуждаетъ человѣка дѣлать наибольшее изъ того, что онъ можетъ...

Условія жизни заставляютъ людей быть братьями. Зависимость индивидуума отъ общества и обязанности общества по отношенію къ

индивидууму въ настоящее время болѣе тѣсны и реальны, чѣмъ были въ прошломъ.

Наивысшія добродѣтели человѣка выросли изъ его пороковъ. Сначала сильный защищалъ себя, свою семью, свое имущество физической силой. Когда умъ его развился, онъ обезпечилъ себѣ эту защиту изданіемъ и исполненіемъ закона, но теперь и этого недостаточно и онъ вынужденъ необходимостью практиковать гуманность по отношенію къ своему менѣе счастливому брату. Матеріальное улучшеніе всѣхъ классовъ и условій жизни требуется философіей точныхъ наукъ, и это улучшеніе должно наступить и наступитъ.

Какъ видите, моя философія всецѣло матеріалистическая. Я вѣрю, что человѣкъ развился изъ болѣе низкихъ формъ животной жизни, что онъ прогрессировалъ медленно и трудно, со многими атавистическими отклоненіями, отъ дикаго животнаго до условій сравнительно цивилизованныхъ, что онъ будетъ продолжать итти по пути, по которому онъ шелъ въ теченіе безконечнаго числа поколѣній и что это въ концѣ концовъ приведетъ человѣчество на вершину горы и въ обѣщанную землю человѣческаго совершенства.

Средствами для этого, какъ учитъ наука, являются: расширять область знанія, уничтожать болѣзни, уменьшать боль и страданія, уменьшать тяжесть бѣдноты, просвѣщать другихъ, заставлять силы природы быть послушными волѣ человѣка, увеличивать производительность почвы, заставлять человѣка болѣе думать о его братѣ. Всѣ эти вещи естествознаніе дѣлало и дѣлаетъ. Быть даже послѣднимъ и неизвѣстнымъ работникомъ въ великой арміи людей, дѣлающихъ это дѣло, есть привилегія, дающая полное удовлетвореніе и радующая сердце каждаго человѣка.

Имѣетъ ли право на самоуваженіе современный писатель?

Прекрасную статью по искренности и задушевности тона напечаталъ въ кіевскихъ „Огняхъ“ (№ 45) Андрей Сохинъ. Статья посвящена вѣчно старому и вѣчно новому вопросу, вопросу о томъ, долженъ ли писатель всѣ свои писанія оправдывать собственною жизнію, или же онъ въ правѣ читателю говорить одно, а своею жизнію доказывать совершенно противоположное.

Два года тому назадъ,—пишетъ г. Сохинъ,—французскій профессоръ Logé на одной изъ своихъ лекцій по русской литературѣ разсказывалъ, какъ курьезъ, вызывающій лишь смѣхъ и веселое недоумѣніе, что какая-то русская дѣвушка изъ Рязанской губ. письмено спросила у него о его міровоззрѣніи. И передъ небольшой аудиторіей въ Collège de France старый профессоръ, съ дѣтскимъ любопытствомъ, искренно разводя руками, съ милой игривостью говорилъ: „Чудаки эти русскіе, право... И какое-такое міросозерцаніе имъ нужно? Я, наприм., профессоръ, читаю лекціи, пишу книги, живу, а потому и умру... Что жъ еще? Міросозерцаніе! Даже трудно передать это слово по-французски“...

Профессоръ былъ въ миломъ замѣшательствѣ и забавно выражалъ его, а небольшая кучка французовъ слушала старика и тоже не понимала и въ душѣ дивилась непостижимой странности русской дѣвушки, ищущей міросозерцанія.

Да, французамъ оно не нужно. Они пережили свою молодость, когда жить—значило искать правду, жаждать подвига, не отворачиваться отъ страданія; все это теперь уже давно позади и грустно и одиноко свѣтитъ за ихъ спиной. Вы не найдете въ современной Франціи самоубійствъ, вызванныхъ неудовлетворенностью и угасшей надеждой обрѣсть небо и Бога, вы услышите лишь неудержимый, торжествующій смѣхъ, увидите, какъ люди жадно, захлебываясь, пьютъ охмеляющее вино наслажденій, потому что во всемъ отчаялись, какъ стремительно кружатся въ веселой пляскѣ, потому что хоть на минуту боятся оглянуться.

Да, французамъ не нужно міросозерцаніе. А русской дѣвушкѣ оно нужно, необходимо, во что бы то ни стало... О, я понимаю, чего добивалась она отъ франц. профессора и какое огромное, волнующее содержаніе вкладывала въ это неуклюжее слово—міросозерцаніе. Она не требовала у стараго ученаго оправданія и опредѣленія смысла мірового историческаго процесса, не просила осмыслить зло и ужасы жизни; въ этомъ отношеніи она, можетъ быть, скажетъ больше любого французскаго профессора, потому что ни одной минуты не могла бы насчитать въ своей сознательной духовной жизни безъ твердаго отвѣта на всѣ эти вопросы. Нѣтъ, не за этимъ обратилась она къ Logé. Русская дѣвушка просила профессора подѣлиться съ ней своими взглядами *на осмысленность его личной жизни*, какъ отстаиваетъ онъ ея цѣнность и право на самоуваженіе передъ голосомъ собственной совѣсти. Она спрашиваетъ—все ли сдѣлано, когда на-

писана книга? Все ли сказано, когда громко и гордо сказано—ученый? Ей рисуется не только профессоръ въ общепринятомъ смыслѣ, все дѣло жизни котораго исчерпывается научнымъ творчествомъ и чтеніемъ лекцій; она не можетъ допустить, чтобы онъ въ своемъ сердцѣ, для себя самого, во имя потребностей своего духа, не рѣшилъ вопросовъ добра, человѣчности, гуманности, религіи. Но вглядываясь въ его личную жизнь, она видитъ только мирное, сонное, безсодержательное прозябаніе, въ которомъ не сказывается никакое практическое отношеніе ко всѣмъ этимъ вопросамъ, замѣчаетъ лишь сытое самодовольство въ мантіи ученаго, и оттого пораженная нѣмымъ укоромъ своей чуткости, спрашиваетъ.—Въ чемъ же, въ чемъ проявилось его міросозерцаніе?

Вотъ чего, думается мнѣ, добивалась русская дѣвушка. И я, выросшій на той же почвѣ, пившій изъ тѣхъ же ключей мысли и чувства, съ тѣмъ же обращаюсь къ современнымъ писателямъ и оттомъ же спрашиваю ихъ. Я ничего не знаю и не хочу знать въ эту минуту, не хочу скрываться за ширмами логическихъ ухищреній, ибо не въ этомъ послѣдняя, все договаривающая, честная искренность, и по всей правдѣ спрашиваю: гдѣ учительство въ жизни современныхъ писателей? Вы помните тревожныя слова великаго толстовскаго сомнѣнія. „Что будетъ, если я сдѣлаюсь болѣе знаменитымъ, чѣмъ Пушкинъ и Шекспиръ, чѣмъ всѣ писатели въ мірѣ? Что же тогда?“ Я знаю, Толстой говорилъ это совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, вопросъ ставился имъ передъ лицомъ ужаснувшей его смерти. Но развѣ не знаменательно, что писательство не закрыло для него всѣхъ прорѣхъ, оставались еще обнаженныя щели въ жизнь, въ міръ личнаго подвига, въ царство личнаго воплощенія правды и красоты, которыхъ искалъ его неутомленный духъ! И, значитъ, быть писателемъ — это еще не все для самого писателя; выходитъ, стать Шекспиромъ, Пушкинымъ, Толстымъ,—значитъ, не завершить еще развитія могучаго, уравновѣшеннаго духа, не создать еще осмысленности своей жизни.

Такъ думали мы всегда и того всегда требовали отъ Толстого. Мы радовались красотѣ его творчества, но не переставали ждать отъ него величія дѣла каждый день, обращаясь туда, гдѣ жилъ одиноко мыслитель, мы молились: „яви чудо, учитель!“ и осуждали его втайнѣ, а иногда и громко, устами своихъ передовыхъ людей, что онъ не все сдѣлалъ, что жизнью своей попралъ онъ собственную проповѣдь, что лишь взоромъ видитъ и ищетъ далекій, обѣтованный берегъ, но не пришелъ еще къ нему. Но и осуждая, мы надѣялись все же, что скажется въ немъ призваніе учителя, и онъ сброситъ съ себя тяжесть земныхъ, обычныхъ, нашихъ, для насъ непредолимыхъ препятствій и, покинувъ семью, домъ, дѣтей, съ посохомъ, какъ возставшій изъ прошлыхъ вѣковъ пророкъ уйдетъ и явитъ чудо и слова, какъ нѣкогда другой, докажетъ величайшее, что нѣтъ большей цѣнности на землѣ, какъ цѣнность подвига и исканія правды. Мы не могли жить безъ этой надежды, намъ нужно было, во что бы то ни стало, нужно было знать, что Толстой и въ личной жизни проявилъ самоотверженіе, любовь, непротивленіе злу, иначе мы не повѣрили бы его искренности и ужъ въ Толстомъ усомнившись, несомнѣнно усомнились бы въ необходимости и святости всякаго идеала. И Толстой, слившій біеніе своего сердца съ томленіемъ сердецъ милліоновъ, ни могъ не догадываться о нашихъ молитвахъ и ожиданіи, не могъ ни чувствовать нашихъ сомнѣній и развѣялъ ихъ и укрѣпилъ въ насъ нашу вѣру въ идеалъ, въ любовь, въ красоту подвига, бросивъ намъ, какъ даръ, свою смерть въ Астаповѣ.

Не того ли ждемъ мы и отъ современныхъ писателей? Правда, мы привыкли говорить, что таланту все прощается, что намъ нѣтъ дѣла до личной жизни писателя, художника, философа, но вѣдь это только вынужденное лицемѣріе наше, но никакъ не выраженіе истинной, подлинной сущности нашихъ требованій къ нимъ. Говоря такъ, мы лишь склоняемся передъ фактомъ, разсказываемъ, что видимъ вокругъ, оправдываемъ съ мучительной, съ глубокой и затаенной болью нашу вѣру въ нихъ, чтобы не остаться лицомъ къ лицу съ пустотой, съ роковымъ самооплеваніемъ, отъ котораго нѣтъ и не можетъ быть защиты.

И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что вѣчные вопросы жизни стали обычными, неуходящими для писательской мысли, образовали кругъ ихъ умственной дѣятельности, объемлющей весь міръ отъ края до края; но въ то же время не писатели ищутъ на практикѣ разрѣшенія этихъ вопросовъ, чтобы на ихъ поступкахъ былъ отблескъ вѣчной справедливости, безконечности, духовной красоты, чтобы осуществлялась въ нихъ цѣлостно вѣра, выстраданное убѣжденіе—эти искатели земныхъ подвиговъ меньше всего въ писательской средѣ. Будто все то, чего такъ страстно добивается въ своихъ писаніяхъ, къ чему такъ громко зоветъ современный писатель — будто все это ему, какъ человѣку, ему лично и не нужно вовсе? Творческій міръ его полонъ напряженія мысли и боренія духа, жизнь же бѣдна волей и чувствомъ, худосочна и безцвѣтна.

Нѣтъ каторги Достоевскаго, помѣшательства Глѣба Успенскаго, нѣтъ безумія Гаршина, обходящаго русскую землю въ поискахъ за правдой, нѣтъ метаній и самоистязаній Гоголя, сжигающаго дѣтище своего духа. Творчество перестало быть жречествомъ, отъ Бога и святости, и самъ писатель уже не скажетъ, какъ нѣкогда Ибсенъ, что на него свыше возложена его жизненная задача, и только лелѣетъ въ себѣ гордое сознаніе своей случайной одаренности и исключительности среди людей. Несущаяся мимо него огромная, непроцѣженная жизнь увлекаетъ за собой только его мысль, она судорожно бѣжитъ за ней, а самъ онъ, судьба его остается внѣ его выводовъ. Онъ съ любопытствомъ смотритъ на толстовцевъ, интересуется революціонерами всякаго толка, изучаетъ религіозныя исканія — но самъ никогда не станетъ бунтаремъ дѣла, непротивленцемъ въ мірѣ живыхъ отношеній, никогда не увѣруетъ горячо и не уйдетъ въ пустыню. Онъ пишетъ книги и занятъ изданіемъ ихъ и подсчетомъ дохода. Слоняется по редакціямъ, выступаетъ на вечерахъ, гдѣ веселящейся публикѣ между танцами и летучей почтой читаетъ свои стихи и разсказы. За утреннимъ кофе бѣгло просматриваетъ газету или журналъ — нѣтъ ли критической статьи о немъ, подхватываетъ послѣднюю литературную сплетню, хлопочетъ о семьѣ и дѣтяхъ, организуетъ для себя всякія профессіональные фонды и кассы взаимопомощи... и такъ изо дня въ день, впитавъ всѣ правила торной, неяркой, спокойной и выгодной жизни, ничтожный въ сводѣ своего самопроявленія, урѣзанный, обугленный, предается онъ нашимъ земнымъ, обычнымъ радостямъ и заботамъ. Ни одного властнаго поступка, который возвысился бы надъ обыденщиной, ни одного могучаго, покоряющаго чувства, которое выявило бы красоту души, жаждущей обрѣсти самое себя, вспыхнуть сжигающимъ ее огнемъ, призваніемъ... И это учитель, вознесенный на вершины нашей любовью и восторгомъ, нашими исканіями! Не кроется ли тутъ какое-то огромное, убивающее, дьявольское недоразумѣніе, нелѣпость, издѣвательство надъ собой и другими? Вселенскій храмъ, куда приходитъ молиться человѣчество, гдѣ ищетъ тихой торжественности, чистоты и цѣломудрія, а надъ нимъ, облеченная въ тогу, съ письменами нашихъ завѣтныхъ, безсмертныхъ чаяній маленькая, хихикающая, самодовольная фигура... Нѣтъ ли тутъ невыносимаго, развращающаго вліянія, котораго не вытравить сотней университетовъ и школъ, не побѣдить никогда и ничѣмъ?

... Современный писатель проклялъ наши города, оскорбленный ихъ бездушной громадой, мертвой и давящей; онъ отвернулся отъ нашей культуры, оттого, что развѣяла она по вѣтру всю яркость, стерла ею угловатость отдѣльной личности; онъ не призналъ нашей вѣры, потому что въ ней нѣтъ сіянія чуда; онъ посмѣялся надъ нашей добродѣтелью, надъ ея притязаніями, ибо есть среди насъ грѣхъ и порокъ; семью, любовь, наши школы и науку, нашъ трудъ и нашъ отдыхъ, наши зори и нашъ закатъ — все проклялъ современный писатель, камня на камнѣ не оставилъ, грозной сохой взбороздилъ всю жизнь и бунтъ свой, смѣхъ и негодованіе нестираемымъ клеймомъ позора выжегъ на нашемъ лицѣ. Мы не оставались равнодушными, мы никогда не были безучастными, и жалоба Щедрина, что нѣтъ связи между читателемъ и писателемъ никогда не была правдой. Эта близость всегда существуетъ. Она явно прорывается въ годы великой власти воли и дѣйствія, но и въ эпохи сумрачнаго молчанія она невидимо живетъ, ибо всякое слово, искреннее и захватывающее, отлагается въ душѣ и растетъ въ ней. Мы не оставались равнодушными и впивали въ себя всю скорбь и муку, обвѣявшія творенія писателя. И намъ стало казаться, что городъ душитъ насъ и заслоняетъ даль неба, и оттого захотѣлось шири свободныхъ полей: и мы перестали кичиться своей душевной одаренностью, потому что помнили, что „стыдно быть хорошимъ“; и мы стали алкать Божьяго знаменія, чудеснаго проявленія нашей божественности и безсмертія... И, встрепенувшись, дрогнувъ пробудившейся душой, мы стали задыхаться безъ правды, чуда и любви и на слова писателя, сдавленные тьмой, безысходностью, отвѣтили самоубійствами, сумасшествіемъ, необычайной душевной напряженностью, шатаньями. По всей нашей жизни прошелъ гулкій, неумолкаемый стонъ и сказался въ ней невиданный подвигъ. Даже дѣти наши, въ томъ возрастѣ, когда нѣкогда они говорили бы только „мы любимъ васъ, мама и папа, мы любимъ всѣхъ въ мірѣ“,—даже дѣти наши въ этомъ возрастѣ знаютъ тревогу неудовлетворенности, смутнаго неразрѣшающагося безпокойства, и хватаются за наши руки и идутъ, мечутся вмѣстѣ съ нами и тоже жаждутъ чего-то, невѣдомаго имъ, но прекраснаго и исцѣляющаго... И въ такое время, когда на Олимпѣ тѣ же вертлявыя фигуры въ дымкѣ суеты и повседневной озабоченности, какія попадаются намъ на нашихъ собственныхъ улицахъ грѣха и запустѣнія, не спросимъ ли мы, какъ онъ, писатель, въ своемъ личномъ существованіи, въ судьбѣ своего собственнаго дня и собственной ночи, разрѣшилъ тѣ же вопросы о смыслѣ жизни, жаждѣ подвига,

какими только что волновалъ насъ, мучилъ, въ нестерпимомъ вихрѣ кружилъ и сердце и мозгъ? Вѣдь онъ не знаетъ больше того, что сказалъ въ своей книгѣ, не уталъ про себя невѣдомаго намъ слова мудрости и всезнанія, чѣмъ же онъ, онъ защитился отъ тѣхъ кошмаровъ, какими населилъ наше воображеніе и сонъ прогналъ съ нашихъ глазъ? Мы не можемъ, мы не хотимъ вѣрить, что эти вопросы представляютъ для него только теоретическій интересъ, не смѣемъ допустить, что это лишь зыбь въ его крови, проходящее, скоро утихающее волненіе. Еще юношами мы идемъ учиться не только слову его, но и жизни; мы все время убѣждаемъ себя, что онъ совсѣмъ, совсѣмъ другой, непохожій на насъ, что онъ пишетъ не только изъ-за славы, богатства, почета, но не разстался бы съ писательствомъ и тогда даже, когда оно сопряжено было бы съ плахой, крестной мукой, болью; мы оберегамъ эту вѣру, какъ святыню, ибо, осмѣянные, сами въ отчаяніи посмѣялись бы надъ ней, растоптанные, сами потоптали бы въ грязь своего Бога.

И оттого теперь, когда учитель обезцѣниваетъ наше исканіе правды своимъ ничтожествомъ, охлаждаетъ нашъ восторгъ своей малостью и фарисействомъ, мы не можемъ ни пожаловаться, не можемъ ни крикнуть, что обмануты въ самомъ дорогомъ и неоцѣненномъ; мы говоримъ, что намъ чудится страшное, будто самъ учитель не вѣритъ въ то, къ чему зоветъ, и украдкой смѣется про себя надъ нашей недогадливой искренностью и слишкомъ ревнивой прямолинейностью...

Скажите же, гдѣ подвигъ жизни современнаго писателя, чтобы увѣровать въ него до конца? Гдѣ Голгофа его, чтобы прійти къ нему и поклониться?

Изъ литературной старины.

Въ восьмидесятыхъ годахъ скончался сенаторъ, инженеръ-генералъ бар. А. И. Дельвигъ, двоюродный братъ извѣстнаго поэта, завѣщавшій Румянцовскому музею опубликовать его мемуары—„Мои воспоминанія“, но не раньше 1910 г. Теперь отпечатанъ первый изъ пяти томовъ, и здѣсь передъ нами на нѣкоторыхъ страницахъ оживаетъ пушкинская эпоха вмѣстѣ съ ея вдохновителемъ, мелькаютъ разные знакомые литературные дѣятели тѣхъ далекихъ годовъ. Авторъ мемуаровъ, какъ близкій родственникъ поэта Дельвига, имѣлъ возможность отрокомъ и юношей близко наблюдать тогдашній литературный міръ какъ въ Петербургѣ, такъ отчасти и въ Москвѣ.

Пушкинъ и Дельвигъ.

Пушкинъ въ дружескомъ обществѣ былъ очень пріятенъ и ко мнѣ,—пишетъ баронъ А. И. Дельвигъ,—съ самаго перваго знакомства очень привѣтливъ. Дельвигъ со всѣми товарищами по лицею былъ одинаковъ въ обращеніи, но Пушкинъ обращался съ ними разно. Съ Дельвигомъ онъ былъ вполнѣ друженъ и слушался, когда Дельвигъ его удерживалъ отъ излишней картежной игры и отъ слишкомъ частаго посѣщенія знати, къ чему Пушкинъ былъ очень склоненъ. Съ нѣкоторыми же изъ своихъ товарищей лицеистовъ, въ которыхъ Пушкинъ не видѣлъ ничего замѣчательнаго и въ томъ числѣ съ М. Л. Яковлевымъ, обходился нѣсколько надменно, за что ему часто доставалось отъ Дельвига. Тогда Пушкинъ видимо на нѣсколько времени измѣнялъ свой тонъ и съ этими товарищами.

Лѣто 1830 г. Дельвиги жили на берегу Невы, у самаго Крестовскаго перевоза. У нихъ было постоянно много посѣтителей. Французская іюльская революція тогда всѣхъ занимала, а такъ какъ о ней ничего не печатали, то единственнымъ средствомъ узнать что-либо было посѣщеніе знати. Пушкинъ, большой охотникъ до этихъ посѣщеній, но постоянно отъ нихъ удерживаемый Дельвигомъ, котораго онъ во многомъ слушался, получилъ по вышеозначенной причинѣ дозволеніе посѣщать знать хотя ежедневно и привозить вѣсти о ходѣ дѣлъ въ Парижѣ. Нечего и говорить, что Пушкинъ пользовался этимъ дозволеніемъ и былъ постоянно веселъ, какъ говорятъ, въ своей тарелкѣ.

На вечерахъ Плетнева я видалъ многихъ литераторовъ и въ томъ числѣ А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Пушкинъ и Плетневъ были очень внимательны къ Гоголю. Со стороны Плетнева это меня нисколько не удивляло, онъ вообще любилъ покровительствовать новымъ талантамъ, но со стороны Пушкина это было мнѣ вовсе непонятно. Пушкинъ всегда холодно и надменно обращался съ людьми мало ему знакомыми, не аристократическаго круга и съ талантами мало извѣстными. Гоголь же тогда не напечаталъ еще своего перваго творенія „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ и казался мнѣ ничѣмъ болѣе, какъ учителемъ въ какомъ-то женскомъ заведеніи, плохо одѣтымъ и ничѣмъ на вечерахъ Плетнева не выказывавшимся. Я и не подозрѣвалъ тогда въ немъ великой его геніальности.

Булгаринъ.

Пушкина приводила въ негодованіе народившаяся въ 20-хъ годахъ особаго рода французская литература, состоявшая изъ записокъ и воспоминаній самыхъ безнравственныхъ и грязныхъ личностей. Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ „Литературной Газеты“ онъ упоминалъ о скоромъ появленіи „Записокъ парижскаго палача Самсона“, которыхъ онъ ожидаетъ съ отвращеніемъ и спрашиваетъ между прочимъ: „На какомъ звѣриномъ ревѣ объяснитъ Самсонъ свои мысли“?

Но эта статья о запискахъ Самсона, написанная Пушкинымъ въ Петербургѣ, и напечатанная въ отсутствіе Дельвига была только подготовленіемъ къ другой, присланной Пушкинымъ изъ Москвы къ Дельвигу съ тѣмъ, чтобы послѣдній ее напечаталъ въ томъ номерѣ, который долженъ былъ выйти въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, 6-го апрѣля, въ видѣ краснаго яичка для Булгарина. Эта статья, мастерски написанная, говоритъ о появленіи книги „Записки шпіона Видока“. Въ статьѣ довольно прозрачно показано было сходство французскаго шпіона съ Булгаринымъ.

На третій день по появленіи этой статьи Пушкина мы съ А. А. Дельвигомъ зашли въ книжную лавку Слепина, который намъ разсказалъ, что наканунѣ у него былъ Булгаринъ, взбѣшенный этою статьею, божась, крестясь и кланяясь низко передъ висѣвшею въ лавкѣ иконою, хотя онъ былъ католикъ, что между Видокомъ и имъ ничего нѣтъ общаго. Потомъ спрашивалъ: „Неужели въ этой статьѣ хотѣли представить меня?“ и прибавлялъ: „Нѣтъ, я въ кофейняхъ не бываю“ [1]).

Статья эта надѣлала много шуму, но только литераторамъ былъ понятенъ намекъ въ ней на Булгарина. Чтобы сдѣлать его понятнымъ и публикѣ, были написаны разныя эпиграммы и стихотворенія, въ которыхъ имя Видока ставили рядомъ съ Фигляринымъ, подъ которымъ Булгаринъ былъ довольно извѣстенъ всей читающей публикѣ.

Съ этою цѣлью была написана Пушкинымъ, ходившая въ рукописи въ Москвѣ и Петербургѣ, эпиграмма, начинавшаяся стихами:

Не то бѣда, что ты полякъ;
Костюшка ляхъ, Мицкевичъ ляхъ,

и кончавшаяся стихомъ:

Но то бѣда, что ты Видокъ Фигляринъ.

[1]) У Пушкина было сказано: „Видокъ возбуждаетъ въ кофейняхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ, officiers a la demi solde“.

Булгаринъ, опасаясь, чтобы эта эпиграмма не появилась въ печати и чтобы черезъ это не объяснились намеки на него въ статьѣ Пушкина о запискахъ шпіона Видока, напечаталъ ее въ издававшемся имъ и Гречемъ журналѣ „Сынъ Отечества“ и „Сѣверный Архивъ“ и послѣдній стихъ измѣнилъ слѣдующимъ образомъ:

„Но то бѣда, что ты Фаддей Булгаринъ“,

черезъ что потерялась вся соль и цѣль эпиграммы и она дѣлалась пасквилемъ.

Булгаринъ при этомъ замѣчалъ, что поэтъ, котораго прославляютъ великимъ, распускаетъ въ публикѣ сочиняемые имъ пасквили.

Пушкинъ былъ очень разсерженъ этимъ поступкомъ Греча и Булгарина, говорилъ, что непремѣнно подастъ на нихъ жалобу за напечатаніе, безъ его согласія, написаннаго имъ стихотворенія, и на сдѣланное ими въ немъ измѣненіе. Пушкинъ былъ увѣренъ, что ихъ подвергнутъ взысканію и, между прочимъ, по какому-то неизвѣстному мнѣ закону, внесенію въ приказъ общественнаго призрѣнія по 10 р. ассиг. за каждый стихъ, а такъ какъ они одинъ стихъ ошибкою раздѣлили на два, то за эту ошибку съ нихъ взыщутъ еще лишнихъ 10 р., что особенно его забавляло. Чѣмъ это дѣло кончилось, я не знаю.

Въ это время Пушкинъ, вслѣдствіе безпрестанныхъ нападковъ на его аристократическое направленіе, написалъ знаменитое стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Моя родословная“, въ которомъ первыя шесть строфъ посвящены роду Пушкиныхъ, а послѣднія три строфы роду Ганнибала, отъ котораго происходила мать Пушкина.

Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ мѣщанинъ.
Что жъ онъ въ семьѣ своей почтенной:
Онъ на Мѣщанской дворянинъ.

Послѣдній стихъ намекаетъ на то, что жена Булгарина была взята изъ тѣхъ непотребныхъ домовъ, которыми изобилуетъ Мѣщанская улица.

Книгопродавецъ Смирдинъ, переведя свой магазинъ въ новое помѣщеніе, пригласилъ къ обѣду на новоселье 120 человѣкъ. Между ними были Крыловъ, Жуковскій, Плетневъ, Сомовъ, Воейковъ, Гречъ, Булгаринъ. Дельвига въ это время уже не было въ живыхъ. Въ концѣ обѣда, когда порядкомъ выпили, нѣкоторые изъ гостей потребовали, чтобы Воейковъ прочиталъ строфы, написанныя имъ въ послѣднее время въ дополненіе къ весьма знаменитому тогда его стихотворенію: „Сумасшедшій домъ“. Воейковъ, сидѣвшій противъ Греча

и Булгарина, долго отказывался, но, наконецъ, согласился и прочелъ слѣдующее:

Тутъ кто? Гречъ, нахалъ въ натурѣ,
Изъ чужихъ лохмотьевъ сшитъ,
Онъ цыганъ въ литературѣ,
А въ торговлѣ книжный жидъ.
Вспоминая о прошедшемъ,
Все дивлюся я тому,
Да зачѣмъ онъ въ сумасшедшемъ,
Не въ смирительномъ дому?
Тутъ кто? Гречева собака
Увязалась какъ-то съ нимъ,
То Булгаринъ забіяка,
Съ рыломъ мосичьимъ своимъ.
Но на чемъ же онъ помѣшанъ?
Совѣсть умъ убила въ немъ;
Все боится быть повѣшенъ
Или высѣченъ кнутомъ.

На этомъ Воейковъ остановился. Когда говорили ему, что есть еще нѣсколько стиховъ о Булгаринѣ, онъ увѣрялъ противное, но, наконецъ, согласился исполнить общее требованіе и прочелъ слѣдующіе стихи:

Сабля въ петлѣ, а французскій
Крестъ зачѣмъ же онъ забылъ?
Вѣдь его онъ кровью русской
И предательствомъ купилъ.

Какъ нарочно въ этотъ день Булгаринъ въ петлицѣ фрака имѣлъ анненскую саблю, а французскаго креста на немъ не было.

Послѣдніе стихи, прочтенные Воейковымъ, были про Полевого:

Онъ благороденъ, какъ Булгаринъ.
Онъ безкорыстенъ такъ, какъ Гречъ.

Эта сцена разнеслась по городу и дошла до Императора, который былъ сю недоволенъ, что, какъ говорили, и выразилъ Жуковскому.

Въ 1830 году въ октябрьскомъ номерѣ „Литер. Газ.“ Дельвигъ перепечаталъ новые стихи К. де-ла-Виня (имѣвшіе отношеніе къ франц. революціи), не предполагая въ нихъ ничего противоцензурнаго. Однако, онъ ошибся: его потребовалъ къ себѣ Бенкендорфъ, гроза всѣхъ литераторовъ. Послѣдній самымъ грубымъ образомъ, и въ присутствіи жандармовъ, обратился къ Дельвигу съ вопросомъ: „Что, *ты* опять печатаешь недозволенное?“ И сказалъ затѣмъ, что онъ троихъ друзей: Дельвига, Пушкина и Вяземскаго уже упрячетъ если не теперь, то вскорѣ, въ Сибирь. Дельвигъ-де собираетъ у себя молодыхъ людей, при чемъ происходятъ разговоры, которые возстановляютъ ихъ противъ правительства. Когда Дельвигъ возразилъ, что собирающееся у него общество говоритъ только о литературѣ, что большая часть бывающихъ у него посѣтителей или старѣе его, или однихъ съ нимъ лѣтъ, такъ какъ ему всего 32 года отъ роду, и что онъ между знакомыми своими не находитъ никого, кто бы могъ рѣшиться на ложные доносы, Бенкендорфъ сказалъ, что доноситъ Булгаринъ и если онъ знакомъ съ Бенкендорфомъ, то можетъ и подавно быть знакомъ съ Дельвигомъ. На возраженіе послѣдняго, что Булгаринъ у него никогда не бываетъ, а потому онъ его не считаетъ своимъ знакомымъ и полагаетъ, что Бенкендорфъ считаетъ Булгарина своимъ агентомъ, а не знакомымъ, Бенкендорфъ раскричался, выгналъ Дельвига словами: „вонъ, вонъ, я упрячу тебя съ твоими друзьями въ Сибирь“.

Дельвигъ намѣренъ былъ подать жалобу Государю на Бенкендорфа, но тогдашній тов. мин. вн. д. Блудовъ отговаривалъ его отъ этого, доказывая, что можно жаловаться Государю на всѣхъ, даже на самого Государя, но не на Бенкендорфа, что подобная жалоба поведетъ Дельвига только къ большимъ непріятностямъ, а онъ, имѣя жену и дочь, обязанъ стараться ихъ избѣгать. Блудовъ при этомъ бралъ на себя объяснить все Бенкендорфу и довести его до того, что онъ пріѣдетъ извиниться передъ Дельвигомъ и что дозволено будетъ продолжать изданіе „Литературной Газеты“. Дельвигъ, въ душѣ увѣренный въ справедливости Государя, съ трудомъ согласился не подавать жалобы.

Дѣйствительно, вскорѣ пріѣхалъ къ Дельвигу служившій при III Отдѣленіи канцеляріи Государя, чиновникъ 4-го класса Боголюбовъ и приказалъ доложить, что онъ съ порученіемъ отъ Бенкендорфа. Означенный чиновникъ имѣлъ репутацію класть въ свой карманъ дорогія вещи, попадавшіяся ему подъ руку въ домахъ, которые онъ посѣщалъ. Дельвигъ вслѣдствіе этого сказалъ мнѣ, чтобы я убралъ со стола дорогія вещи, но таковыхъ, кромѣ часовъ и цѣпочки, не было, и я ушелъ съ ними изъ кабинета Дельвига, такъ какъ его разговоръ съ чиновникомъ долженъ былъ происходить безъ свидѣтелей.

Гречъ потомъ разсказывалъ, что Дельвигъ напрасно такъ огорчается поступкомъ Бенкендорфа, что все-таки время сдѣлало свое и Бенкендорфъ могъ обойтись съ Дельвигомъ хуже, приводя въ примѣръ обращеніе съ нимъ, Гречемъ, графа Аракчеева по поводу статьи, помѣщенной нѣкогда въ издаваемомъ имъ „Сынѣ Отечества“ о конституціи, хотя онъ не преминулъ въ этой статьѣ упомянуть, насколько всякая конституція была бы вредна для такого государства, какъ Россія. Аракчеевъ позвалъ къ себѣ Греча, пригласилъ его сѣсть и когда онъ не садился, то схватилъ его за оба плеча и, насильно посадивъ, спросилъ

его: что такое онъ напечаталъ о конституціи, и, не выслушавъ отвѣта Греча, сказалъ ему: „Вѣдь ты, Николай Ивановичъ, учился у ученыхъ нѣмцевъ, а я у попомаря“, и, ударивъ Греча по носу книжкою, въ которой была помѣщена статья о конституціи, прибавилъ: „А онъ училъ меня, что конституція кнутъ; такъ, по нашему конституція — кнутъ, ученый Николай Ивановичъ“.

Извиненіе Вепкендорфа нисколько не подѣйствовало на Дельвига къ лучшему. Онъ, всегда хворый и постоянно принимающій лекарства, заболѣлъ сильнѣе прежняго, такъ что пользовавшій его докторъ запретилъ ему выходить изъ дома. Нравственное состояніе Дельвига было самое грустное. Онъ впалъ въ апатію, не хотѣлъ никого видѣть, кромѣ самыхъ близкихъ, и принималъ постороннихъ лицъ весьма рѣдко.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ скончался. Боясь, что смерть Дельвига убьетъ его мать и желая ее хоть нѣсколько къ этому подготовить, друзья усопшаго просили Булгарина, чтобы онъ въ ближайшемъ номерѣ своей „Сѣверной Пчелы“ не извѣщалъ о смерти поэта, но Булгаринъ не исполнилъ этой просьбы...

Еще слышалъ я, что Булгаринъ, послѣ суда надъ декабристами, чтобы отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе, выдалъ двухъ сыновей родной своей сестры, но доносъ не понравился Императору Николаю Павловичу, и молодые люди отдѣлались тѣмъ, что были посланы на службу въ отдаленные города.

Чаадаевъ.

П. Я. Чаадаевъ имѣлъ весьма пріятное лицо, красивую наружность и вполнѣ аристократическія манеры. Достаточно было его видѣть одинъ разъ, чтобы уже никогда не забыть. Онъ, растративъ довольно значительное состояніе, полученное отъ родителей и отъ разныхъ родственниковъ, оправдывалъ это тѣмъ, что ожидалъ скорой смерти и потому будто бы не берегъ состоянія. Я думаю, что онъ былъ просто нерасчетливъ, каковымъ остался и послѣ своего разоренія.

Для поддержанія своего существованія онъ безпрерывно дѣлалъ долги, возможность уплатить которые была весьма сомнительна. Имѣя уже весьма малыя средства и живя во флигелѣ дома Левашевыхъ, нанятомъ имъ за 600 р. асс. (171 р. сер.) въ годъ, которыхъ Левашевы никогда не получали, онъ нанималъ помѣсячно весьма элегантный экипажъ, держалъ камердинера, которому дозволялось заниматься только чистою работою. Вся прочая работа по дому была поручена женщинѣ и другому человѣку, который не только чистилъ сапоги Чаадаева, но и его камердинера. Нечего и говорить, что Чаадаевъ былъ всегда одѣтъ безукоризненно. Перчатки онъ покупалъ дюжинами. Когда, надѣвъ первую перчатку купленной дюжины, онъ находилъ ее не вполнѣ элегантною для его рукъ, то бросалъ всю дюжину, которою завладѣвалъ его камердинеръ и продавалъ въ семьѣ Левашевыхъ. Это напоминаетъ мнѣ слѣдующій о Чаадаевѣ анекдотъ. Въ бытность лейбъ-гусарскимъ офицеромъ онъ зашелъ въ Петербургѣ въ магазинъ, чтобы купить какую-то бездѣлицу. Продавецъ не обращалъ на него вниманія, отвлеченный продажею довольно цѣнной вазы. Чаадаевъ, чтобы обратить на себя вниманіе, разбилъ эту вазу и немедля заплатилъ за нее.

Въ домѣ Левашевыхъ Чаадаева, какъ новаго знакомаго и какъ человѣка дѣйствительно замѣчательнаго, принимали съ особеннымъ уваженіемъ. Онъ немедля воспользовался этимъ, чтобы играть въ домѣ первостепенную роль. Чаадаевъ до того привыкалъ къ мѣстамъ, которыя онъ выбиралъ для себя, что если пришедшіе прежде его занимали эти мѣста, то онъ явно выказывалъ неудовольствіе, былъ неразговорчивъ и скоро уходилъ. Это случалось съ нимъ не только въ домѣ Левашевыхъ, но и въ другихъ домахъ, и въ англійскомъ клубѣ, гдѣ онъ сидѣлъ обыкновенно на диванѣ въ маленькой каминной комнатѣ. Когда его мѣсто было занято другими или когда въ этой комнатѣ, въ которой обыкновенно не играли въ карты, ставили столъ для карточной игры, Чаадаевъ выказывалъ явное неудовольствіе и во время крымской войны называлъ лицъ, занимавшихъ его мѣсто или игравшихъ въ этой комнатѣ въ карты, башп-бузуками.

Въ англійскій клубъ Чаадавъ пріѣзжалъ всегда въ опредѣленные часы. Къ обѣду по средамъ и субботамъ онъ пріѣзжалъ, когда всѣ уже сидѣли за столомъ. Въ другіе дни онъ пріѣзжалъ въ клубъ въ полночь, и многіе замѣчали, что онъ не входилъ въ комнаты клуба прежде перваго 12 часового удара.

Съ знакомыми Чаадаевъ былъ учтивъ, но вообще весьма сдержанъ, съ людьми малаго образованія, не фешенебельными и въ особенности съ тѣми, которые не пользовались хорошею репутаціею, онъ велъ себя гордо, за что не былъ любимъ нѣкоторою частью московскаго общества. Каждый понедѣльникъ по вечерамъ собиралось у него самое избранное мужское общество, несмотря на скромность по-

мѣщенія, занимаемаго Чаадаевымъ и на его отдаленность отъ центра города. Впослѣдствіи это собраніе было также по понедѣльникамъ, но между первымъ и пятымъ часомъ пополудни. Всѣ лица чѣмъ-нибудь замѣчательныя, при проѣздѣ черезъ Москву, непремѣнно заѣзжали къ Чаадаеву. Онъ даже замѣчалъ, что тѣ изъ его прежнихъ товарищей, значительно повысившихся въ государственной службѣ, которые не заѣзжали къ нему, не получали въ слѣдующій годъ служебной награды. Онъ обращалъ постоянное вниманіе на это повышеніе своихъ товарищей, часто находя, что они по своему образованію и способностямъ ихъ не заслуживаютъ и говорилъ про дослужившихся до генеральскихъ чиновъ, когда они получали новыя награды: „а вѣдь я зналъ его просто капитаномъ“, не обращая вниманія на то, что съ того времени прошли десятки лѣтъ.

Образъ мыслей Чаадаева былъ либеральный въ томъ смыслѣ, какъ либерализмъ понимали у насъ въ то время. Онъ, конечно, желалъ свободы и просвѣщенія, но это для избраннаго общества. Онъ не понималъ нуждъ народной массы и, кажется, мало о ней заботился.

Тогда существовали двѣ литературныя партіи, именно: западниковъ и славянофиловъ. Обѣ очень уважали Чаадаева, который, конечно, принадлежалъ къ первой партіи. Онъ былъ съ нею солидаренъ и въ отношеніи къ улучшенію народнаго быта, такъ какъ между этими партіями была между прочимъ и та разница, что славянофилы поставили себѣ главною задачею освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, а западники объ этомъ мало думали. Вообще Чаадаевъ былъ человѣкъ не практичный. При этомъ мнѣ припоминается частое его ко мнѣ обращеніе послѣ того, что я назначенъ былъ въ 1852 г. начальникомъ Московскихъ водопроводовъ. Онъ говаривалъ мнѣ:

— Вы знаете, какъ я васъ люблю и какъ я радъ, что вы живете въ Москвѣ, но право не могу понять вашего здѣсь назначенія; я съ ребячества жилъ въ Москвѣ и никогда не чувствовалъ недостатка въ хорошей водѣ; мнѣ всегда подавали стаканъ чистой воды, когда я этого трѣбовалъ.

Эти слова вовсе не были съ его стороны натяжкою. Онъ дѣйствительно полагалъ, что если онъ всегда имѣлъ чистую воду въ Москвѣ, то и всѣ ее имѣли.

Чаадаевъ, гонимый правительствомъ, постоянно былъ его оппонентомъ и любилъ это выказывать. Совершенное незнаніе Россіи, потребностей народа и привычка къ оппозиціи довели его до того, что съ вопареніемъ Императора Александра II, когда начали ходить слухи объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ мнѣ неоднократно говорилъ, что намѣренъ запереться дома, такъ что только изрѣдка будетъ видѣться со мною и съ самыми близкими ему людьми, съ тѣмъ, чтобы заняться сочиненіемъ, въ которомъ онъ докажетъ необходимость сохраненія въ Россіи крѣпостного права. Къ чести Чаадаева, постигшая его въ началѣ 1856 г. смерть помѣшала ему написать это сочиненіе, если только онъ дѣйствительно намѣренъ былъ осуществить свои слова.

Чаадаевъ былъ убѣжденъ, что его знакомство съ А. С. Пушкинымъ съ того времени, когда послѣдній былъ еще въ лицеѣ, имѣло сильное вліяніе на развитіе генія Пушкина, и потому всегда порицалъ тѣхъ, кто писалъ о Пушкинѣ, не посовѣтовавшись предварительно съ нимъ и въ особенности сильно за это нападалъ на П. И. Бартенева (впослѣдствіи издателя „Русскаго Архива“).

Въ концѣ декабря 1838 г. я получилъ отъ Чаадаева альманахъ на 1839 г., въ которомъ была помѣщена извѣстная лебединая пѣснь партизана поэта Давыдова. Онъ осмѣивалъ тогдашнее московское общество. Въ этой пѣснѣ, между прочимъ, были слѣдующіе стихи:

Маленькій аббатикъ,
Что въ гостиныхъ бить привыкъ
Въ маленькій набатикъ.

Въ присланномъ мнѣ экземплярѣ Чаадаевъ написалъ противъ этихъ стиховъ: „это я“.

Чаадаевъ постоянно посѣщалъ французскія представленія, которыя бывали два раза въ недѣлю: по средамъ и субботамъ. Онъ никогда не отходилъ отъ своего кресла и всегда ожидалъ, чтобы къ нему подходили, но въ этотъ вечеръ измѣнилъ этому строго соблюдаемому правилу. Увидавъ меня въ другомъ ряду креселъ, онъ немедля подошелъ ко мнѣ и заговорилъ о стихахъ Давыдова съ неудовольствіемъ. Они вообще были дурно приняты московскимъ обществомъ, которое находило неприличнымъ смѣяться надъ тѣми, которые находятся на дурномъ счету у правительства, и тѣмъ какъ бы стараться ему подслужиться.

Литературные нравы пушкинской эпохи.

Ты скотина, но, право, скотина лихой
И скотство понутру мнѣ твое...

Стихи эти, изъ одной пародіи Дельвига, были написаны въ видѣ эпиграфа на сборникѣ статей подъ заглавіемъ „Хамелеонистика“, которыя являлись въ журналѣ „Славянинъ“, издававшемся извѣстнымъ тогда литераторомъ

и публицистомъ, авторомъ „Сумасшедшаго дома“, А. О. Воейковымъ. Эти статьи Дельвигъ приказывалъ вырывать и сшивать вмѣстѣ. Остальныя статьи „Славянина“ не читались, а выбрасывались. Разъ Воейковъ, найдя въ кабинетѣ Дельвига раскрытою связку статей „Хамелеонистики“, вообразилъ, что это номеръ его „Славянина“, чему очень обрадовался, но впослѣдствіи замѣтилъ свою ошибку, прочитавъ эпиграфъ на оберткѣ брошюры. Воейковъ, знаменитый своимъ „Сумасшедшимъ домомъ“, вообще пользовался дурною репутаціею, но кружокъ лучшихъ тогдашнихъ литераторовъ держалъ его при себѣ на привязи, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ цѣпную собаку, выпустить на противную литературную партію.

А какую энергію развивала „противная партія“, можно судить по слѣдующему сообщенію автора „Моихъ воспоминаній“.

Еще въ 1829 г.,—говоритъ онъ.—во многихъ журналахъ стихотворенія Пушкина подвергались брани, а въ нѣкоторыхъ задѣвали и личность автора, но въ 1830 г., съ появленіемъ „Литературной Газеты“, брань сдѣлалась еще ожесточеннѣе. Конечно, вмѣстѣ съ Пушкинымъ такому же ожесточенному преслѣдованію журналистовъ подвергались Дельвигъ, Баратынскій и нѣкоторые изъ сотрудниковъ „Литературной Газеты“. Писались цѣлыя статьи о Рянушкинѣ, Африканѣ, Желтодомовѣ, Оомѣ Пищалинѣ, Мартиринѣ, баронѣ фонъ-Габенихѣ, Лѣнтяевѣ; подъ этими именами подразумѣвались Пушкинъ и Дельвигъ.

У Дельвиговъ на ихъ вечерахъ, чисто литературныхъ, устраивавшихся два раза въ недѣлю, собиралось много писателей. Говорили здѣсь по-русски, а не по-французски, какъ это было тогда принято въ обществѣ. Обработка нашего языка (замѣчаетъ авторъ) много обязана этимъ литературнымъ собраніямъ.

Бывалъ на этихъ вечерахъ и Гнѣдичъ. Онъ читалъ превосходно стихи, но какъ-то слишкомъ театрально. Я помню его декламирующимъ: „На все смотрю я мрачнымъ окомъ“. А такъ какъ онъ былъ кривъ, то это производило на меня особое впечатлѣніе.

На литературныхъ вечерахъ Дельвига никогда не говорили о политикѣ, потому что большая часть общества была занята литературою, а частью и потому, что катастрофа 14 декабря была еще очень памятна. Размножившіеся же вновь учрежденные жандармы и шпіоны III отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, *въ числѣ которыхъ были и литераторы*, не давали о ней забывать.

Въ книгѣ барона А. И. Дельвига попадаются нѣкоторые отрывки стихотвореній и эпиграммы, до сихъ поръ мало или совсѣмъ неизвѣстные, рисующіе отношенія писателей того времени и ихъ настроенія.

Вотъ, напр., эпиграмма Дельвига на піиту Б. М. Ѳедорова:

У Ѳедорова Борьки
Мадригалы горьки,
Комедіи тупы,
Трагедіи глупы,
Эпиграммы сладки
И, какъ онъ, всѣмъ гадки.

На эту эпиграмму Ѳедоровъ отвѣчалъ:

У Дельвига Антонки
Скверны стишонки.

Братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ, съ наружностью „негра, окрашеннаго бѣлою краскою“, тоже былъ стихотворцемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ гурманомъ и любителемъ выпить. Дельвигъ въ сотрудничествѣ съ Баратынскимъ написалъ стихотвореніе, начинавшееся слѣдующей строфой:

Нашъ пріятель, Пушкинъ Левъ,
Не лишенъ разсудка,
И съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ грудями утка
Намъ покажутъ и безъ словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка (bis).

А вотъ стихи изъ пѣсни того же Дельвига „Давидъ“, которая приписывалась тогда другому поэту:

Любилъ плясать король Давидъ.
А что же Соломонъ?
Онъ о прыжкахъ не говоритъ,
Вино все хвалитъ онъ.
Великій Соломонъ!

Извѣстный острословъ и эпиграммистъ С. А. Соболевскій очень не нравился женѣ Дельвига своимъ „нахальствомъ“, и потому, дабы избѣгнуть частыхъ его посѣщеній, она его не принимала въ отсутствіи мужа. Но это не помогло: онъ входилъ въ кабинетъ Дельвига, ложился на диванъ и читалъ до обѣда, а когда Дельвигъ возвращался домой, то онъ входилъ вмѣстѣ съ нимъ и оставался обѣдать.

Читая лежа на диванѣ, Соболевскій часто засыпалъ. Разъ онъ заснулъ, читая пѣсни Беранжера. Книга выпала изъ его рукъ и была объѣдена большою собакою Дельвига. По этому случаю за обѣдомъ была сочинена пѣсня съ припѣвомъ:

Собака съѣла Беранжера.
А Беранжеръ собаку съѣлъ;

т.-е. Беранжеръ большой мастеръ писать пѣсни, онъ на этомъ, какъ выражаются въ простонародьи, собаку съѣлъ.

А. П. Кернъ, бывшая когда-то предметомъ обожанія Пушкина, въ 1827 г. была уже менѣе хороша собою, и Соболевскій однажды за

ужиномъ у Дельвиговъ, гдѣ присутствовала и она, говорилъ, что на Керн трудно пріискать рифму, и ничего не могъ придумать лучшаго, какъ:

У мадамъ Керны
Ноги скверны...

Какъ-то разъ,—вспоминаетъ авторъ мемуаровъ,—вздумалось Пушкину, Дельвигу, Яковлеву и нѣсколькимъ другимъ ихъ сверстникамъ по лѣтамъ показать младшему поколѣнію, т.-е. мнѣ 17-лѣтнему и брату моему Александру 20-лѣтнему, какъ они вели себя въ наши годы и до какой степени молодежь сдѣлалась вялою сравнительно съ прежней.

Была уже темная августовская ночь. Мы всѣ зашли въ трактиръ на Крестовскомъ островѣ; съ нами была и жена Дельвига. На террасѣ трактира сидѣлъ какой-то господинъ совершенно одинокимъ. Вдругъ Дельвигу вздумалось, что это сидитъ шпіонъ и что его надо прогнать. Когда на это требованіе не поддались ни братъ, ни я, Дельвигъ самъ пошелъ заглядывать на тихо сидѣвшаго господина то съ правой, то съ лѣвой стороны, возвращался къ намъ съ остротами насчетъ того же господина и снова отправлялся къ нему. Братъ и я всячески упрашивали Дельвига перестать этотъ маневръ. Что ежели этотъ господинъ дастъ пощечину? Но наши благоразумные уговоры ни къ чему не повели. Дельвигъ довелъ сидѣвшаго на террасѣ господина своимъ приставаньемъ до того, что послѣдній ушелъ. Если бы Дельвигъ послушался насъ, то, конечно, Пушкинъ или кто-либо другой изъ бывшихъ съ нами ихъ сверстниковъ по возрасту замѣнилъ бы его. Тѣмъ страннѣе покажется эта сцена, что она происходила въ присутствіи жены Дельвига, которую надо было беречь, тѣмъ болѣе, что она кормила своею грудью трехмѣсячную дочь. Прогнавъ неизвѣстнаго господина съ террасы трактира, мы пошли гурьбою, а съ нами и жена Дельвига, по дорожкамъ Крестовскаго острова, и нѣкоторые изъ гурьбы приставали разными способами къ проходящимъ мужчинамъ, а когда братъ Александръ и я старались ихъ остановить, Пушкинъ и Дельвигъ намъ разсказывали о прогулкахъ, которыя они по выпускѣ изъ лицея совершали по петербургскимъ улицамъ и объ ихъ разныхъ при этомъ проказахъ, и глумились надъ нами, юношами, не только ни къ кому не придирающимися, но даже останавливающими другихъ, которые 10-ю и болѣе годами васъ старѣе. Я очень боялся за брата Александра, чтобы онъ не разсердился на приставшихъ къ прохожимъ, а въ особенности на глумившихся надъ нами Пушкина и Дельвига, и, по своей вспыльчивости, не поссорился бы съ кѣмъ-либо, но все обошлось благополучно.

Прочитавъ описаніе этой прогулки, можно подумать, что Пушкинъ, Дельвигъ и всѣ другіе съ ними гулявшіе мужчины, за исключеніемъ брата Александра и меня, были пьяны, но я рѣшительно удостовѣряю, что этого не было, а просто захотѣлось имъ встряхнуть старинкою и показать ее намъ, молодому поколѣнію, какъ бы въ укоръ нашему болѣе серьезному и обдуманному поведенію.

Изъ воспоминаній А. Ѳ. Кони.

Вышелъ уже второй томъ разностороннихъ очерковъ, записокъ, статей и рѣчей А. Ѳ. Кони, объединенныхъ общимъ заглавіемъ: „На жизненномъ пути“. Во второй книгѣ собраны личныя воспоминанія автора и его отзывы о корифеяхъ нашей литературы. Нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ мы и перенесемъ на страницы „Бюллетеней“.

Толстой.

Очеркомъ, посвященнымъ Л. Н—чу и написаннымъ еще за нѣсколько лѣтъ до его кончины, открывается книга. Въ свою очередь, очеркъ этотъ открывается эпизодомъ, — величественно-прекраснымъ, какъ та обстановка, гдѣ онъ имѣлъ мѣсто, — эпизодомъ, который на читателя теперь, въ годовщину— увы, уже вторую — смерти великаго писателя, производитъ особое впечатлѣніе.

Большинство путешественниковъ, посѣщающихъ Швейцарію, — разсказываетъ А. Кони, — конечно, знаетъ высокую гору на озерѣ Четырехъ Кантоновъ, съ которой на высотѣ 6.000 футовъ открывается удивительный видъ на лежащую внизу равнину, изрѣзанную желѣзными дорогами, — на поэтическій Люцернъ, — на зеленовато-голубыя озера, обрамленныя гордыми скалами, и на цѣпь Альпъ Бернскаго Оберланда. Величественнымъ блистаньемъ ихъ бѣлоснѣжныхъ вершинъ при восходѣ солнца ѣздятъ спеціально любоваться, проводя для этого ночь на вершинѣ Риги, въ гостинницахъ, устроенныхъ на площадкѣ, именуемой Риги-Кульмъ.

Раннее утро и холодный воздухъ большой горной высоты заставляютъ обыкновенно всѣхъ ежиться и кутаться, быть хмурыми и скупиться на слова, покуда внезапно брызнувшіе лучи восходящаго солнца не заблистаютъ на алмазныхъ коронахъ окружающихъ гигантовъ и не

вызовутъ выраженій общаго и шумнаго восхищенія. Не разъ наслаждался этой незабываемой картиной и я, ожидая среди собравшихся со всѣхъ концовъ свѣта туристовъ торжественнаго момента, когда надъ сгустившимся въ долинахъ и ущельяхъ туманомъ и предразсвѣтными тѣнями весело загорятся и заблистаютъ снѣжныя выси. У всѣхъ въ это время на устахъ, да, вѣроятно, и на умѣ, бывало одно и то же, потому что надъ всѣмъ личнымъ господствовала одна общая мысль о томъ, что должно вотъ-вотъ произойти... Но когда я посѣтилъ Риги-Кульмъ въ послѣдній разъ лѣтомъ, въ началѣ прошлаго десятилѣтія, произошло нѣчто необычное. Собравшіеся въ очень раннее утро на вершинѣ обмѣнивались оживленными вопросами и замѣчаніями, въ которыхъ сквозила несомнѣнная тревога по поводу чего-то, что должно было неминуемо, къ общей печали, свершиться. Это *что-то* было напечатанное въ вечернихъ газетахъ извѣстіе, что Левъ Николаевичъ Толстой, бывшій въ это время тяжко боленъ, находится въ безнадежномъ состояніи, и что ежечасно надо ожидать его кончины. И люди, съѣхавшіеся изъ разныхъ странъ,—нѣмцы, англичане, испанцы и, въ особенности, американцы были удручены однимъ и тѣмъ же. Ихъ предъ восходомъ вѣковѣчнаго свѣтила тревожила мысль о томъ, что, быть можетъ, въ это время уже закатилось духовное свѣтило...

Тургеневъ.

А. О. Кони вплотную подводитъ насъ къ тому, что „можно было бы по справедливости назвать драмой жизни“ автора „Вешнихъ водъ“.

Въ 1843 г. двадцатипятилѣтній Тургеневъ услышалъ знаменитую пѣвицу Полину Віардо—и уже на всю жизнь подпалъ подъ обаяніе ея голоса и всей ея крупной, властной личности. „Сѣлъ на краешекъ чужого гнѣзда“, какъ съ горечью выразился однажды самъ онъ.

— Ну, и что же?—могутъ намъ сказать—(говоритъ г. Кони)—вѣдь онъ былъ счастливъ въ этомъ заколдованномъ кругу! — Едва ли можно отвѣтить на это: да, былъ!—Къ сожалѣнію, онъ самъ трогательно, избѣгая личныхъ упрековъ и до гроба оставаясь вѣрнымъ владычицѣ сердца, давалъ, однако, поводы думать, что этотъ заколдованный кругъ далъ ему очень немногое и, быть можетъ, лишилъ его многаго, необходимаго его нѣжной душѣ. Его письма друзьямъ представляютъ въ этомъ отношеніи весьма важный матеріалъ. Печаль по отсутствію своей собственной семьи начинаетъ сквозить въ нихъ довольно рано. Уже въ концѣ 1856 года онъ жалуется на то, что осужденъ на одинокую *цыганскую* жизнь; что ему не свить своего гнѣзда, а между тѣмъ онъ слишкомъ старъ, чтобы не имѣть такого; что онъ словно *вывихнутый* изъ жизни и въ чужомъ воздухѣ разлагается, какъ мерзлая рыба при оттепели. Въ 1857 г. онъ пишетъ Некрасову изъ Парижа: „Ты видишь, что я здѣсь, т.-е., что я сдѣлалъ именно ту глупость, отъ которой ты меня предостерегалъ... Но поступить иначе было невозможно. Впрочемъ, результатомъ этой глупости будетъ, вѣроятно, то, что я раньше пріѣду въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ. Нѣтъ, ужъ точно: этакъ жить нельзя! Полно сидѣть на краешкѣ чужого гнѣзда. Своего нѣтъ — ну и не надо никакого. Боже мой! Какъ мнѣ хочется поскорѣй въ Россію! Довольно, довольно, полно!“ А въ 1858 г. онъ пишетъ: „Во всякомъ случаѣ, если я буду живъ, я въ концѣ мая въ Петербургѣ: *никакія* силы не удержатъ меня здѣсь болѣе. Полно — перестань, ты заплатилъ безумству дань!“ Гораздо позже, въ 1878 году, онъ пишетъ Л. Н. Толстому: „Радуюсь вашему семейному благополучію. Точно: тяжелыя и темныя времена переживаетъ теперь Россія; но именно теперь-то и совѣстно жить на чужбинѣ—это чувство во мнѣ все сильнѣе и сильнѣе—я поѣду на родину, не размышляя вовсе о томъ, когда сюда вернусь, да и не желая скоро вернуться“. И рядомъ съ этимъ приходится видѣть, какими прочными цѣпями и какъ подчасъ безжалостно онъ окованъ. Его „не отпускаютъ“ въ 1861 г. въ Россію, гдѣ только что совершилось освобожденіе крестьянъ и куда его страстно влечетъ, такъ что „лихорадка колотитъ и досада душитъ“. Въ 1868 году его настоятельно призываютъ въ Баденъ-Баденъ изъ Парижа отъ одра умирающаго друга — Герцена и запрещаютъ вернуться назадъ. И въ томъ же 1868 году, тамъ же, въ Баденъ-Баденѣ, онъ, находившій, что „человѣкъ, который считаетъ себя писателемъ и пишетъ больше, чѣмъ на одномъ своемъ родномъ языкѣ, — несчастный, жалкій и бездарный субъектъ“, сочиняетъ три французскихъ либретто къ опереткамъ госпожи Віардо и двѣнадцать разъ выступаетъ въ качествѣ Людоѣда, въ рыжемъ парикѣ на почтенныхъ сѣдинахъ, въ домашнихъ спектакляхъ въ ея домѣ передъ—какъ онъ выражается — „чрезвычайными“ особами. Что это давалось ему не легко, видно изъ его письма къ Пичу, въ которомъ онъ говоритъ: „Долженъ сознаться, что во мнѣ что-то дрогнуло, когда я въ роли моей лежалъ на полу и замѣтилъ легкую

усмѣшку традиціоннаго презрѣнія на неподвижныхъ губахъ надменной прусской кронпринцессы. Несмотря на то, что я здѣсь *вообще не избалованъ почтительнымъ отношеніемъ ко мнѣ*, тѣмъ не менѣе мнѣ показалось, что это уже слишкомъ". Въ письмахъ къ Борисову въ 1871 г. изъ Парижа онъ говоритъ: „Я не успѣлъ еще здѣсь оглядѣться, какъ слегъ, а Віардо на нѣсколько дней уѣхали погостить къ друзьямъ на берегъ моря, и такимъ образомъ я очутился вдругъ одинъ въ этомъ страшеннѣйшемъ городищѣ! Но мнѣ было недурно, я отдохнулъ. Только ночи были скверныя. Ну, да все ничего". А въ 1878 г. онъ—шестидесятилѣтній старикъ—пишетъ Флоберу, что дамы семейства Віардо должны провести двѣ недѣли на берегу моря и послали его разыскивать для нихъ что-нибудь подходящее.

Лѣтомъ слѣдующаго—1879—года А. Кони въ Парижѣ, собравшись на завтракъ къ Стасюлевичамъ, заѣхалъ за Тургеневымъ. Наверху,—пишетъ онъ,—меня встрѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ и ввелъ въ свое помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ комнатъ. На немъ была старая, довольно потертая бархатная куртка. Царившая въ комнатахъ „оброшенность" непріятно поразила меня. На маленькомъ закрытомъ роялѣ и положенныхъ на него нотахъ лежалъ густой слой пыли. Штора стариннаго прямого образца однимъ изъ своихъ верхнихъ угловъ оторвалась отъ палки, къ которой была прикрѣплена, и висѣла поперекъ окна, загораживая отчасти свѣтъ, очевидно, уже давно, такъ какъ на ея складкахъ замѣчался такой же слой пыли. Расхаживая во время разговора съ хозяиномъ по комнатѣ, я не могъ не замѣтить, что въ сосѣдней небольшой спальнѣ все было въ безпорядкѣ и не убрано, несмотря на то, что былъ уже второй часъ дня. Мнѣ невольно вспомнился стихъ Некрасова: „Но тотъ, кто любящей рукой не охраненъ, не обезпеченъ"... Видя, что оживленная бесѣда съ Тургеневымъ, очень интересовавшимся событіями и ходомъ дѣлъ на родинѣ, можетъ насъ задержать, я напомнилъ ему, что насъ ждутъ.—„Да, да,—заторопился онъ,—сейчасъ я одѣнусь!" — и черезъ минуту вошелъ въ темно-сѣромъ пальто изъ какой-то матеріи, напоминавшей толстую парусину. Продолжая говорить, онъ хотѣлъ застегнуться и машинально искалъ пуговицы, которой уже давно на этомъ мѣстѣ не было. „Вы напрасно ищете пуговицы,— замѣтилъ я, смѣясь,— ея нѣтъ!" „Ахъ!—воскликнулъ онъ:—и въ самомъ дѣлѣ! Ну, такъ мы застегнемся на другую",—и онъ перевелъ руку на одну петлю ниже, но соотвѣтствующая ей пуговица болталась на ниточкахъ, за которыми тянулась выступившая наружу подкладка. Онъ добродушно улыбнулся и, махнувъ рукою, просто запахнулъ пальто продолжая разговаривать. Когда, спускаясь съ лѣстницы, мы стали приближаться къ дверямъ бель-этажа, за ними раздались звуки сильнаго контральто. Тургеневъ вдругъ замолкъ, шепнулъ мнѣ: „Ш-ш!" и смѣнилъ свои тяжелые шаги тихой поступью, а затѣмъ остановился противъ дверей, быстрымъ движеніемъ взялъ меня ниже локтя своей большою, покрытой рѣдкими черными волосами рукою и сказалъ мнѣ, показывая глазами на дверь: „Какой голосъ! До сихъ поръ!" Я не могу забыть ни выраженія его лица, ни звука его голоса въ эту минуту: такой восторгъ и умиленіе, такая нѣжность и глубина чувства выражались въ нихъ... За завтракомъ онъ былъ очень веселъ, много разсказывалъ о Зола и о Додэ и ядовито подсмѣивался надъ первымъ изъ нихъ, когда я обратилъ его вниманіе на то, что одна изъ послѣднихъ корреспонденцій Зола въ „Вѣстникѣ Европы" о наводненіяхъ въ долинѣ Луары есть въ сущности повтореніе того, что разсказано авторомъ въ одномъ изъ раннихъ его произведеній, въ „Contes à Ninon", подъ названіемъ Histoire du grand Méméric. „Да, да,—сказалъ онъ.— Зола не прочь быть именинникомъ и на Онуфрія и на Антона!" Подъ конецъ наша собесѣдница какъ-то затронула вопросъ о бракѣ и шутливо просила Тургенева убѣдить меня наложить на себя брачныя узы. Тургеневъ заговорилъ не тотчасъ и какъ бы задумался, а потомъ поднялъ на меня глаза и сказалъ серьезнымъ и горячимъ тономъ: „Да, да, женитесь, непремѣнно женитесь! Вы себѣ представить не можете, какъ тяжела одинокая старость, когда поневолѣ приходится пріютиться на краешкѣ чужого гнѣзда, получать ласковое отношеніе къ себѣ, какъ милостыню, и быть въ положеніи стараго пса, котораго не прогоняютъ только по привычкѣ и изъ жалости къ нему. Послушайте моего совѣта! Не обрекайте себя на такое безотрадное будущее!" Все это было сказано съ такимъ плохо затаеннымъ страданіемъ, что мы невольно переглянулись. Тургеневъ это замѣтилъ и вдругъ сталъ собираться уходить, повидимому, недовольный вырвавшимся у него заявленіемъ. Мы стали его удерживать, но онъ сказалъ: „Нѣтъ, я и такъ засидѣлся. Мнѣ надо домой. Дочь m-me Viardot больна и въ постели. Можетъ оказаться нужнымъ, чтобы я съѣздилъ къ доктору или сходилъ въ аптеку". И, запахнувъ свое пальто, онъ торопливо распростился съ нами и ушелъ.

Если къ этому добавить разсказъ одного

изъ друзей писателя, пріѣхавшаго послѣ долгой разлуки повидать monsieur Tourdenef (такъ звала его прислуга Віардо) въ St. Germain — о его сконфуженномъ видѣ, когда на его повторную просьбу прислать что-либо, чтобы угостить пріѣзжаго, ему отвѣчали черезъ лакея рѣшительнымъ отказомъ, такъ что пришлось ограничиться предложеніемъ стакана воды съ оказавшимся подъ рукою сахаромъ, — или разсказъ другого посѣтителя, изумленнаго раздавшимся вслѣдъ Тургеневу изъ окна дома Віардо рѣзкимъ повелительнымъ и не стѣсненнымъ ничѣмъ окрикомъ: „Jean!“ — то станетъ особенно понятною переданная покойнымъ В. П. Чичеринымъ одна изъ бесѣдъ его съ Тургеневымъ въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Чичеринъ заговорилъ какъ-то о необходимости выходить изъ фальшивыхъ положеній въ жизни, т.-е. о томъ, что такъ кратко выразилъ Александръ Дюма-сынъ, сказавшій: „on traverse une position équivoque, on ne reste pas dedans“.—„Вы думаете?!—съ грустной ироніей воскликнулъ Тургеневъ: — изъ фальшивыхъ положеній не выходятъ! Нѣтъ-съ, не выходятъ! Изъ нихъ выйти нельзя!“

Достоевскій, Гончаровъ и критика.

Въ серединѣ 60-хъ годовъ, при появленіи „Преступленія и наказанія“, критика — по словамъ А. Кони—не благоволила къ Достоевскому.

Его роману не было посвящено, сколько мнѣ помнится, ни одного серьезнаго разбора, въ то время, какъ произведеніямъ „идейныхъ бесллетристовъ“, имена которыхъ нынѣ „Ты, Господи, вѣси“, оказывалось милостивое вниманіе. Въ нѣкоторыхъ пренебрежительныхъ отзывахъ о романѣ даже указывалось, что это „клевета на молодое поколѣніе“, которое, будто бы, воплощено въ Раскольниковѣ, представляющемъ изъ себя простого убійцу для грабежа. Находились даже люди, съ развязностью утверждавшіе, что Достоевскій написалъ „доносъ на молодежь“. — Но „il tempo è un galantuomo“—говорятъ итальянцы—и оно посѣщало дѣйствительными событіями жизни подтвердитъ творческій вымыселъ автора „Мертваго Дома“ и „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“. 12-го января 1866 года, когда первая часть романа уже была напечатана, но еще не вышла въ свѣтъ („Русскій Вѣстникъ“ всегда выходилъ со значительнымъ опозданіемъ) — въ Москвѣ студентъ Даниловъ зарѣзалъ ростовщика и его служанку, — а черезъ тринадцать лѣтъ то же самое по отношенію къ своему кредитору и его прислугѣ свершилъ молодой и блестящій гвардейскій офицеръ Ландсбергъ.

Подобное пришлось испытать, нѣсколько позже и Гончарову. Къ „Обрыву“ критика отнеслась во многихъ случаяхъ съ суровостью совершенно незаслуженнаго разочарованія. Нашлись рецензенты, сильнѣйся дать почувствовать „маститому“ автору, что Тарпейская скала находится недалеко отъ Капитолія. Ему не пришлось, подобно Тургеневу за „Отцовъ и дѣтей“ и Достоевскому за „Преступленіе и наказаніе“, выслушать тупые и злобные упреки въ оклеветаніи молодого поколѣнія,—это было бы въ концѣ шестидесятыхъ годовъ уже устарѣлымъ пріемомъ, — но пришлось узнать, что онъ нѣвѣжъ крѣпостного права, что онъ не понимаетъ и совершенно не знаетъ русскаго человѣка и русской жизни и на ряду съ этимъ выслушать упрекъ въ томъ, что, рисуя образъ своей „бабушки“, онъ дошелъ до того, что „даже не пощадилъ ея святыхъ сѣдинъ“.

Писемскій.

Яркое воспоминаніе оставила во мнѣ поѣздка къ Писемскому вмѣстѣ съ Куликовымъ (товарищемъ-студентомъ) въ августѣ 1865 года. Онъ жилъ тогда въ одной изъ дачныхъ окрестностей Москвы. Хозяинъ прямо спросилъ насъ: „Вы чего хотите: пойти погулять или послушать мою новую драму „Былые Соколы“? Конечно, мы избрали второе, тѣмъ болѣе, что достаточно утомились отъ путешествія по пыльной дорогѣ.

Писемскій былъ въ халатѣ, широко распахнутомъ на груди надъ разстегнутой на верхнія пуговицы рубашкой. Его могучая, всклокоченная голова и все его неприхотливое одѣяніе придавали ему нѣсколько дикій характеръ. Онъ началъ немедленно читать, щурясь по временамъ отъ косыхъ лучей заходящаго солнца, заглядывавшихъ въ окно. Читалъ онъ, какъ всегда, превосходно, все болѣе и болѣе увлекаясь стремленіемъ дать въ голосѣ и интонаціяхъ живое изображеніе дѣйствующихъ лицъ. Къ концу перваго дѣйствія онъ сталъ декламировать на память, лишь изрѣдка заглядывая въ рукопись и, такъ сказать, играя свое произведеніе. Въ промежутки между дѣйствіями онъ сидѣлъ молча, съ задумчивымъ и подчасъ мрачнымъ видомъ, понуривъ голову и видимо торопясь отдохнуть. Мы тоже сидѣли молча, какъ зачарованные, чувствуя, что всякіе вопросы и разговоры обыденнаго содержанія были бы неумѣстны и шли бы вразрѣзъ съ настроеніемъ автора, которое постепенно заражало и охватывало насъ. А солнце все

спускалось, лучи его заиграли на потолкѣ; наконецъ, оно ушло за лѣсъ, и стали быстро наступать августовскія сумерки. Тьма сгущалась, а Писемскій продолжалъ читать или, вѣрнѣе, играть свою драму. Одинъ изъ насъ сдѣлалъ движеніе, чтобы зажечь свѣчи, но Писемскій сердито взглянулъ и сдѣлалъ повелительный жестъ рукой, какъ бы говорившій: „сиди и слушай!“ Онъ кончилъ, когда уже было почти совсѣмъ темно. Лишь постепенно привыкшіе къ этой темнотѣ глаза наши могли различать его крупную фигуру... Онъ уже не сидѣлъ, а стоялъ у стола и говорилъ послѣдній монологъ ньянцы-актера въ одной изъ трущобъ московской „Грачевки“, начинавшійся и кончавшійся словами: „Люди вы бѣдные, — люди вы скверные!“ Мы не рѣшались прервать молчанія и тогда, когда онъ кончилъ, только выразительно пожали его похолодѣвшую руку, не находя словъ, чтобы выразить то глубокое впечатлѣніе, которое произвело на насъ его произведеніе въ связи съ его мастерской передачей.

Я никогда впослѣдствіи не читалъ и не слышалъ ничего, что бы производило такое потрясающее впечатлѣніе трагизмомъ своего сюжета и яркими, до грубости реальными, красками. Въ этой драмѣ былъ соединенъ и, такъ сказать, скованъ воедино тяжкій и непзбѣжный рокъ античной трагедіи съ мрачными проявленіями русской жизни, выросшей на почвѣ крѣпостного права. Откровенность нѣкоторыхъ сценъ, совершенно необычная въ то время, напоминала по своей манерѣ иныя мѣста въ Шекспировскихъ хроникахъ. Я помню сцену, гдѣ жена и мать, заподозрѣвъ связь своего мужа съ дочерью, беретъ послѣднюю за руку и въ присутствіи мужа, окинувъ ее внимательнымъ взоромъ, говоритъ ей тономъ, не допускающимъ возраженій: „Ты беременна“! Дочь выноситъ пристальный взглядъ матери и отвѣчаетъ рѣшительно: „Да!“ — „Отъ него?“ — спрашиваетъ мать, показывая дочери на ея отца. „Отъ него“, — отвѣчаетъ спокойно дочь. По тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ такая пьеса, конечно, не могла появиться не только на сценѣ, но и въ печати. И дѣйствительно, когда черезъ много лѣтъ я прочелъ въ печати „Былыхъ Соколовъ“, я не нашелъ въ нихъ даже отдаленнаго сходства съ тѣмъ, что мы слышали отъ Писемскаго въ памятный августовскій вечеръ. То, что онъ намъ читалъ тогда, было словно положено въ щелокъ, который выѣлъ всѣ краски и на все наложилъ одинъ сѣренькій колоритъ. Самый сюжетъ былъ измѣненъ, смягченъ и всѣ его острые углы обточены неохотною и потерявшею къ своему произведенію любовь рукою. Контуры типическихъ, властныхъ и суровыхъ лицъ оказались очерченными слабѣе и далеко не производили прежняго впечатлѣнія.

— Ну, теперь идите пить чай къ женѣ, — сказалъ намъ Писемскій, — а я приду немного спустя.

Внизу, у чайнаго стола съ кипящимъ самоваромъ и закусками насъ встрѣтила Екатерина Павловна и стала разспрашивать о впечатлѣніи, произведенномъ чтеніемъ, но затѣмъ, заслышавъ шаги спускавшагося внизъ мужа, прервала насъ, сказавъ: — „Пожалуйста, не будемъ объ этомъ говорить: онъ слишкомъ много надъ этимъ задумывается“...

Писемскій вошелъ въ просторномъ лѣтнемъ платьѣ, но безъ галстука. Разспрашивая Куликова о его семейныхъ дѣлахъ, онъ отстранилъ рукой налитый ему стаканъ чаю и, наливъ большую рюмку водки, выпилъ ее залпомъ, ничѣмъ не закусивъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ повторилъ то же самое и угрюмо замолчалъ, неохотно отвѣчая на вопросы. Черезъ десять минутъ онъ выпилъ третью рюмку. Я взглянулъ вопросительно на бѣдную Екатерину Павловну. Она съ печальной улыбкой въ отвѣтъ мнѣ пожала плечами и съ затаеннымъ страданіемъ посмотрѣла на мужа.

— Алексѣй Ѳеофилактовичъ, — сказалъ я, — зачѣмъ вы это дѣлаете? Вѣдь это вамъ вредно.

Онъ тяжело посмотрѣлъ на меня и снова протянулъ руку къ графину.

— Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ? — присоединился ко мнѣ Куликовъ. — Вспомните, какъ вы бывали больны въ Петербургѣ.

Писемскій молчаливо налилъ четвертую рюмку, „опрокинулъ“ ее, взялъ маленькій кусочекъ хлѣба и, помолчавъ, вдругъ оживленнымъ и вмѣстѣ жалобнымъ голосомъ, съ очевиднымъ волненіемъ сказалъ, обращаясь къ моему пріятелю: „Понимаешь ты, я безъ этого не засну! не могу я спать безъ этого. Они — вотъ тѣ, о комъ я вамъ читалъ, не даютъ мнѣ спать. Стоятъ вокругъ меня и предо мной всю ночь и смотрятъ на меня, — и живутъ и не даютъ мнѣ заснуть! И не могу я безъ этого, — понимаешь?“ Онъ тряхнулъ косматой головой, какъ бы стараясь освободиться отъ созданныхъ его творчествомъ образовъ... и потянулся къ пятой рюмкѣ...

Вл. Соловьевъ.

Однажды, зимою 1899 года, я нашелъ Соловьева за обѣдомъ у Стасюлевича въ особенно оживленномъ и веселомъ настроеніи. Послѣ

обѣда онъ предложилъ подвезти меня ко мнѣ, на Невскій, такъ какъ ѣхалъ самъ на Пески. Передъ отъѣздомъ я разсказалъ ему слышанный мною наканунѣ довольно правдоподобный анекдотъ о комическомъ недоразумѣніи между свѣтской дамой, пріѣхавшей на богомолье въ бѣдный, но съ весьма строгимъ „житіемъ“ братіи монастырь — и отцомъ экономомъ изъ крестьянъ, котораго она разспрашиваетъ о составѣ монастырской трапезы и о томъ, какой же у нихъ „дессертъ“, и который понимаетъ это словно совершенно своеобразно и для слуха свѣтской дамы весьма неожиданно. Соловьевъ заливался смѣхомъ до слезъ, до боли и продолжалъ покатываться со смѣху и сѣвъ на извозчика, такъ что тотъ нѣсколько разъ оглядывался на него. Когда мы подъѣхали къ моей квартирѣ, онъ сказалъ мнѣ, что охотно зашелъ бы ко мнѣ и выпилъ бы стаканъ краснаго вина. Оставивъ его на минуту, чтобы распорядиться о винѣ, я едва узналъ, вернувшись въ свой кабинетъ, въ поблѣднѣвшемъ человѣкѣ съ тревожнымъ и блуждающимъ взоромъ — недавняго радостнаго и шутливаго Соловьева. „Что съ вами, Владиміръ Сергѣевичъ? вы больны?“ Онъ отрицательно покачалъ головой и закрылъ глаза рукой. Принесли вино, но онъ рѣзкимъ движеніемъ отодвинулъ налитый стаканъ и, помолчавъ, вдругъ спросилъ меня, вѣрю ли я въ реальное существованіе дьявола, и на мой отрицательный отвѣтъ сказалъ: „а для меня это существованіе несомнѣнно: я его видѣлъ, какъ вижу васъ“... Когда и гдѣ? — Да здѣсь, сейчасъ, и прежде нѣсколько разъ... Онъ говорилъ со мною... У васъ, Владиміръ Сергѣевичъ, разстроены нервы: это просто галлюцинаціи. — Повѣрьте, что я умѣю отличить обманъ чувствъ отъ дѣйствительности. Сейчасъ это было мимолетно, но нѣсколько времени назадъ я видѣлъ его совсѣмъ близко и говорилъ съ нимъ. Возвращаясь изъ Гангѣ на пароходѣ и вставъ рано утромъ, я сидѣлъ въ своей каютѣ на постели, медлительно, задумываясь по временамъ, одѣвался и вдругъ, почувствовавъ, что кто-то находится возлѣ меня, оглянулся. На смятыхъ подушкахъ, поджавъ ноги, сидѣло сѣрое существо и смотрѣло на меня желтыми колючими глазами. Я тотчасъ понялъ, *кто это*, и тоже сталъ смотрѣть на него въ упоръ.—„А ты знаешь,— сказалъ я ему,—что Христосъ воскресъ?!“—„Христосъ-то воскресъ, — отвѣчалъ онъ, — но тебя-то я осѣдлаю!“ и, вскочивъ мнѣ на спину, сжалъ мою шею и придавилъ меня къ полу. Задыхаясь въ его объятіяхъ и подъ нимъ, я сталъ творить заклинаніе Петра Могилы, и онъ сталъ слабѣть, становиться легче, наконецъ, руки его разжались, и онъ свалился съ меня... Въ ужасномъ состояніи я выбѣжалъ на палубу и упалъ въ обморокъ... А теперь прощайте: поѣду на Пески“. Но обычное суевѣріе было ему чуждо. Мнѣ вспоминается обѣдъ 13-го мая 1900 года. Я нѣсколько опоздалъ и засталъ собравшихся, а также хозяевъ—въ нѣкоторомъ смущеніи. Оказалось, что престарѣлый поэтъ А. М. Жемчужниковъ, пріѣхавшій обѣдать, ни за что не хотѣлъ остаться, такъ какъ за столъ должно было сѣсть тринадцать. Наконецъ, его удалось уговорить и побѣдить тѣмъ, что былъ поставленъ четырнадцатый приборъ, и на него шутя положена послѣдняя книжка „Вѣстника Европы“ въ качествѣ четырнадцатаго гостя. „Вамъ хорошо, господа,— сказалъ, усаживаясь, наконецъ, Жемчужниковъ:— вы всѣ моложе меня, а мнѣ вѣдь скоро восемьдесятъ лѣтъ, и я все-таки люблю жизнь—и въ особенности природу— и не хочу умирать. Тутъ поневолѣ станешь суевѣренъ“.—„Да вѣдь,—перебилъ его, весело смѣясь, Соловьевъ,—обыкновенно умираетъ самый младшій, а младшій-то здѣсь я, такъ что вы не безпокойтесь: если тринадцать такое роковое число, то я отбуду повинность за васъ“. И дѣйствительно, черезъ два съ половиной мѣсяца онъ неожиданно для всѣхъ отбылъ эту повинность въ подмосковномъ имѣніи князя Трубецкого... Весною предшествующаго года одна талантливая петербургская художница писала въ своей мастерской его портретъ. Все время сеансовъ онъ былъ чрезвычайно веселъ, шутилъ, заливался своимъ дѣтскимъ смѣхомъ и говорилъ, что, вѣруя въ ученіе о сорокадневномъ пребываніи души умершаго на землѣ, думаетъ, что на это время она облекается формой птицы. „Я буду, конечно, филиномъ, — говорилъ онъ, — и стану своимъ видомъ и крикомъ пугать людей, а вамъ обѣщаюсь, если моя душа вселится въ птицу, прилетѣть объ этомъ сказать“. Онъ отказался немедленно взять подаренный ему художницей оконченный портретъ, прося оставить его покуда въ мастерской. Въ дни, слѣдовавшіе за его кончиной, художница пріѣхала на нѣсколько времени съ дачи въ Петербургъ и, ночуя въ комнатѣ, сосѣдней съ мастерской, услышала въ послѣдней ночью какой-то странный шумъ, а когда поутру вошла туда, то увидѣла, что порывомъ вѣтра раскрыто итальянское окно, и передъ портретомъ Соловьева лежитъ, распростершп крылья, какая-то довольно крупная птица, влетѣвшая ночью и убившаяся, ударившись съ разлета о раму портрета Соловьева.

Толстой среди своихъ школьниковъ.

Одинъ изъ этихъ бывшихъ яснополянскихъ школьниковъ — теперь уже 60-лѣтній старикъ, крестьянинъ-извозчикъ Василій Морозовъ — описалъ, еще нѣсколько лѣтъ назадъ, впечатлѣнія своихъ давноминувшихъ школьныхъ лѣтъ, по просьбѣ самого Л. Н., говорившаго, что ему нужно эти воспоминанія кому-то послать. Морозовъ написалъ. Но почему-то рукопись его до сихъ поръ не попадала въ печать, несмотря на то, что даже Чертковъ и Сергѣенко брались „пристроить“ ее...

Теперь воспоминанія Морозова — въ сокращенномъ видѣ — пріютились въ „Рус. Сл.“

Иныя подробности изъ того, что разсказываетъ ученикъ Толстого про своего покойнаго учителя, представляютъ несомнѣнный біографическій интересъ.

„Въ перемѣны намъ всегда давали чай на завтракъ. Тутъ были игры и веселье.

— Кто скорѣе выбѣжитъ наружу? — командовалъ учитель.

Мы всѣ съ крикомъ и визгомъ бѣжимъ взапуски по лѣстницѣ за Л. Н. Онъ прыгаетъ по ступенямъ, убѣгая отъ насъ. Мы разбѣгаемся по всѣмъ дорожкамъ сада, валимъ другъ-друга въ снѣгъ.

— Ну, всѣ меня валите! Свалите или нѣтъ?

Окружаемъ Л. Н., цѣпляемся за него, подставляемъ ему ноги, кидаемъ въ него снѣгомъ, вскарабкиваемся ему на спину, стараясь повалить. Но онъ, какъ сильный волъ, возитъ насъ. Черезъ нѣсколько времени отъ усталости или въ шутку онъ валится въ снѣгъ. Восторгъ неописуемый. Мы засыпаемъ его снѣгомъ и наваливаемся на него: „мала куча!“ Если жить въ такомъ весельѣ, не увидишь, какъ вѣкъ пройдетъ. Иногда онъ ложился на снѣгъ и говорилъ:

— Ну, бейте меня по спинѣ кулаками!

Мы начинаемъ его тузить, а онъ выкрикиваетъ: „Вотъ хорошо! Вотъ еще, здѣсь! Ниже, повыше!“. А мы заливаемся смѣхомъ и бьемъ его. Потомъ онъ встанетъ и скажетъ: „Довольно!.. Вотъ хорошо!“.

Въ школѣ Л. Н. такъ усердно иногда занимался съ нами, что забывалъ о завтракѣ. За шалости, непослушаніе и лѣнь онъ никого не наказывалъ. Но порядокъ у насъ былъ всегда образцовый. Когда на ученика нападалъ столбнякъ, и онъ не хотѣлъ отвѣчать, Л. Н. говорилъ ему: „Прыгай по комнатѣ!“. Бралъ его за руки и прыгалъ съ нимъ вмѣстѣ. Всѣ хохотали, и столбнякъ проходилъ.

Мы сблизились съ Л. Н., какъ варъ съ дратвой, были съ нимъ неразлучны. До полночи сидѣли у него на террасѣ. Онъ разсказывалъ намъ про войну, про то, какъ тетушку его въ Москвѣ поваръ зарѣзалъ, какъ его на охотѣ было медвѣдь заѣлъ, а мы ему про колдуновъ, да про лѣсныхъ чертей, про старуху Копылову — колдунью. Но Л. Н. колдуновъ не боялся, и мы всегда ему удивлялись: „Какой ты безстрашный!“.

Иногда играли въ лапту со Л. Н. Онъ разсказывалъ намъ сказки, пѣлъ пѣсни, прикладывая слова къ намъ:

Ужъ ты, Васька, карапузъ,
Кабы скушалъ ты арбузъ,
То-то бъ ты подросъ...

Л. Н. любилъ пѣть и играть на фортепіано, а у меня былъ хорошій голосъ. Мы пѣли съ нимъ любимую пѣсню:

Съ тобою вдвоемъ
Сколь счастливъ я.
Поешь ты лучше соловья.
И ключъ по камушкамъ течетъ,
Къ уединенью насъ влечетъ.

Наступила весна. Школу распустили. Однажды Л. Н. предложилъ мнѣ путешествіе въ Самарскую губернію, на кумысъ. Я и мой товарищъ Черновъ согласились поѣхать. Тетушка Л. Н. дала намъ по рублю. Сестра положила мнѣ рубашку въ запасъ и жестяной складень. Я сказалъ про складень тетушкѣ Л. Н. Татьянѣ Александровнѣ. Она была религіозная.

— Ахъ, какой ты хорошій мальчикъ, Морозовъ, — похвалила она.

Л. Н. прильнулъ къ щекѣ тетушки. Долго они цѣловались. Л. Н. расчувствовался, а тетушка была въ слезахъ. Жалостно было смотрѣть на нихъ.

До Твери ѣхали на машинѣ. Въ Твери на вокзалѣ было много народу. Мы держались за полы Л. Н., чтобы не потеряться. Въ багажномъ отдѣленіи былъ безпорядокъ. Л. Н. подалъ квитанцію, а багажный сказалъ: „Успѣешь, — видишь, сколько господъ“. Л. Н. подалъ квитанцію другому, третьему, но вездѣ былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Успѣешь“. Идетъ господинъ въ красномъ картузѣ. Л. Н. даетъ ему квитанцію и жалуется на багажнаго: „Квитанцію не берутъ, да еще грубятъ. Поторопите ихъ. Я ѣду съ дѣтьми, у нихъ головы кружатся“. Начальникъ сказалъ: „Успѣете, дѣти ваши не помрутъ“. Тогда Л. Н. раздражительно сказалъ: „Повторяю, я ждать не могу“. Начальникъ замѣтилъ: „Фу, какой тяжелый человѣкъ. Шумиха!“. Л. Н. разгорячился и сорвался: „Вы знаете, съ кѣмъ говорите и кого оскорбляете? Я — графъ Левъ Толстой“.

И назвалъ себя авторомъ какого-то сочиненія. А потомъ пригрозилъ начальнику станціи, что онъ напишетъ про него въ газетахъ. Начальникъ опустилъ руки по швамъ и залепеталъ: „Простите, ваше сіятельство“. Онъ проводилъ насъ до извозчика и все время сконфуженно говорилъ: „Простите, виноватъ“. А Л. Н. ему читалъ нотацію: „Нельзя такъ поступать ни съ кѣмъ. Графъ можетъ постоять за себя, а бѣдный крестьянинъ боится вашей пуговицы. Вы его оттолкнете, да еще взведете на него какую-нибудь вину“. Начальникъ жаловался на безпокойство службы, на нервное разстройство. Говорилъ, что онъ семейный, у него пятеро дѣтей, мать-старуха.

Дорогой Л. Н. говорилъ намъ:

— Вотъ я его какъ пробралъ. Онъ все говорилъ: простите да виноватъ, а мнѣ стоило бы просить у него прощенія за мою несдержанность и гордость.

Парохода я и Черновъ испугались. Со страху забились мы въ каюту. А потомъ спрашивали Л. Н.: „Какъ же мы ночью поѣдемъ? Наткнемся на что-нибудь?“. — „А складничекъ у тебя цѣлъ?“ — спросилъ Л. Н. „Цѣлъ“. — „Ну, и надѣйся на него“. — „Да и складничку въ водѣ мѣсто найдется; тоже потонетъ“, — опасался я. Л. Н. долго трунилъ надо мной.

Наконецъ, мы въ башкирской степи. Тутъ приволье, кумысъ, солнце, скуластые башкиры. На другое утро послѣ пріѣзда Л. Н. всталъ во всемъ бѣломъ: въ рубашкѣ и въ подштанникахъ. Волосы въ бородѣ и на головѣ взбудоражилъ. Черновъ шепнулъ мнѣ на-ухо:

— Вотъ страшилище-то, настоящее привидѣніе!

Я сказалъ Л. Н.:

— Выйди изъ кибитки, пострашай башкиръ!

— Надо бы повязать клѣтчатый платочекъ, тогда они подумаютъ, что это колдунья Копылова, — сказалъ Л. Н.

Башкиры полюбили Л. Н. Онъ бесѣдовалъ съ ними объ Аллахѣ, шутилъ и участвовалъ во всѣхъ ихъ играхъ. Играли часто въ чехарду. Л. Н. былъ легкій, перепрыгивалъ высоко, ловчѣе всѣхъ. Иногда онъ боролся съ башкирами. Бороться онъ былъ большой охотникъ. Былъ онъ сильный, богатырь, и не было у него противниковъ. Только одинъ башкиръ былъ ему равенъ по силѣ. Во время борьбы башкиры собирались изо всѣхъ кибитокъ. Многіе стояли за „русскаго князя“, другіе — за своего башкирина.

Каждый день мы ходили по степи со Л. Н. Разъ мы далеко отошли и наткнулись на дорогу. Л. Н. сказалъ: „Пойдемте по дорогѣ. Гдѣ-нибудь здѣсь село“. Мы спросили: „Зачѣмъ?“ — „Можетъ, тамъ есть что новенькаго“.

Пошли и на дорогѣ нашли черную деревенскую свиту. Л. Н. взялъ ее и сказалъ, что, можетъ, найдемъ, кто потерялъ. „Небось, баба какая плачется о ней“. Онъ надѣлъ свиту на себя и поднялъ воротникъ. А мы всю дорогу смѣялись надъ нимъ, дергая его за свиту то съ одной, то съ другой стороны, и спрашивали: „Дядя, ты откуда?“ А онъ отвѣчалъ: „Я-то? Пензенскай“.

Нашли село. Вошли въ одну избу. Сидѣлъ тамъ человѣкъ, рыжій, безрукій по самое плечо. Онъ читалъ рваную книжку, безъ обложки и безъ начальныхъ листовъ. Разговорились мы. Безрукій сказалъ:

— У насъ праздникъ, служба идетъ, народъ весь на богомольѣ. А вы какой вѣры?

— Мы православные.

— А мы старообрядцы. Вѣра одна. Только у васъ пишется Богородица, а у насъ — Христородица. Изъ-за этого наши святые подрались на вселенскомъ соборѣ. Нашъ — Арій, а вашъ — Николай. Да вы откуда путь держите? Изъ Томска? Ссыльнопоселенцы?

— Нѣтъ, мы тульскіе, — сказалъ Л. Н.

— Значитъ, срокъ откатали и на родину въ Тулу?

— Мы не ссыльные. Мы пріѣхали сюда на кумысъ, къ башкирамъ.

Потомъ безрукій сказалъ, что онъ былъ на войнѣ въ Севастополѣ, тамъ ему и руки оторвало.

— Я и самъ тамъ былъ, — сказалъ Л. Н.

— Значитъ, ты тоже солдатъ?

— Немного чиномъ повыше.

— Фельдфебель аль унтеръ-офицеръ на старшемъ окладѣ?

— Я былъ вольноопредѣляющимся.

— Вольноопредѣляющимся? Да вы изъ какой твари будете?

Л. Н. расхохотался. Мы съ Черновымъ подхватили животы.

— Я изъ твари дворянъ, — отвѣтилъ Л. Н.

— Гм... — промычалъ безрукій и произнесъ: — Что же вы до такого опущенія дошли?

— А въ чемъ ты видишь опущеніе?

— Не вижу барства въ васъ никакого. Ну, да Богъ съ вами — сказалъ онъ, — я это такъ... А въ какомъ мѣстѣ ты былъ въ Севастополѣ?

Л. Н. разсказалъ, гдѣ онъ былъ. Безрукій съ восторгомъ слушалъ разсказъ и спросилъ:

— А ты не раненъ, не контуженъ?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ.

— Значитъ, и ты никого не ранилъ и не убилъ?

— Думаю, что нѣтъ, я плохой былъ воинъ.

— Значитъ, въ ямочкѣ сидѣлъ, укрывался.

— Нѣтъ, меня, какъ молодого офицера, не допускали.

— Да, конечно, отъ молодятинки-то проку нѣтъ. Вашъ братъ на волѣ носъ деретъ выше головы, а тамъ шю-лю, шю-лю, а сами подъ телѣгу. На войнѣ вы совсѣмъ другіе, податливые. Съ солдатомъ обходитесь какъ съ братомъ роднымъ: землячокъ да землячокъ. Вмѣстѣ трубку курите и сухарь пополамъ грызете.

— А нравятся тебѣ такіе офицеры?

— Съ обхожденіемъ нравятся. За такихъ офицеровъ поневолѣ стоишь. Мы одного штабсъ-капитана всей ротой уговаривали: „Ваше благородіе, не ходите съ нами, оставайтесь, мы безъ васъ умремъ“. — „Нѣтъ, — говоритъ,— мнѣ съ вами умереть веселѣе“.

Безрукій разошелся, сталъ разсказывать о страшныхъ севастопольскихъ бояхъ.

— Помню, осколкомъ попало мнѣ въ плечо и, какъ мясникъ топоромъ, отхватило, — совсѣмъ съ ружьемъ рука отлетѣла.

Л. Н. непріятно было слушать его. Безрукій говорилъ, что безъ войны нельзя.

— Нашъ Царь бѣлый, а тотъ басурманъ,— какъ же безъ войны?

А. Л. Н. ему въ отвѣтъ.

— Но Богъ у всѣхъ одинъ, и нѣтъ разницы между людьми.

Вошла въ хату женщина съ мальчикомъ и стала раздѣваться. Л. Н. спросилъ:

— Не узнаете ли, чья это свита?

— А ты что, какъ дитя, заботишься, чья, чья, — сказала баба. — Вѣдь, не укралъ ее, возьми себѣ, твое счастье.

— Нѣтъ, я вамъ оставлю ее, — можетъ, найдется тотъ, кто потерялъ.

— Жалко тебя, — сказала баба, — ничего тебѣ не перепадетъ, все бы сорвалъ двугривенничекъ.

— Да мнѣ этого не надо.

— Какъ же, дитя, не надо. Свита двѣ трояшки стоитъ.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ,

(Къ его юбилею и смерти.)

Много столѣтій тому назадъ судьба вотъ какимъ образомъ позабавилась надъ однимъ большимъ поэтомъ. Всю жизнь онъ боролся съ равнодушіемъ своихъ современниковъ, ждалъ признанія своего таланта и мечталъ о славѣ, заслуженной славѣ. Наконецъ, пришла она, слава, и пришла во всемъ блескѣ—съ высоты трона: шахъ, шахъ самъ—дѣло было въ Персіи,—торжественно шлетъ поэту щедрые дары. Нагруженные подарками верблюды уже входятъ въ городскія ворота, въ западныя ворота Тусы, гдѣ жилъ поэтъ.

А на востокъ распростерлися въ Тусѣ
Тоже ворота—для трупа Фирдуси...

Исторія эта теперь, черезъ много столѣтій, повторилась. Только — уже не въ Персіи, а у насъ. И уже не шахъ посылаетъ къ несчастному поэту людей своихъ съ караваномъ верблюдовъ, а русское общество, русская литература — свои депутаціи; но тоже „входитъ въ городскія ворота караванъ верблюдовъ, нагруженныхъ щедрыми дарами“: вереница разсыльныхъ съ юбилейными телеграммами. А въ „восточныя ворота“...

Участникъ одной изъ этихъ запоздалыхъ депутацій, А. Измайловъ, такъ передаетъ въ „Рус. Сл.“ свое впечатлѣніе отъ недавняго юбилея Мамина-Сибиряка, юбилея печальнѣйшаго изъ печальныхъ:

„Юбилей Д. Н. Мамина-Сибиряка былъ репетиціей его похоронъ. Кто зналъ дѣйствительное положеніе его, тотъ зналъ, что этимъ юбилейнымъ статьямъ суждено сыграть роль некролога. Ихъ почти можно было писать такъ, какъ пишутъ некрологи, безъ соображенія о томъ, что юбиляръ ихъ прочтетъ. Маминъ былъ живъ, но сознаніе оставляло его.

За недѣлю до юбилея большой, старый другъ Мамина, Фидлеръ спросилъ его:

— Можно къ тебѣ притти на именины поздравить тебя?

Маминъ давно уже лежалъ на одрѣ послѣдней болѣзни. Временами онъ не узнавалъ самыхъ близкихъ, но Фидлера онъ узналъ и ясно отвѣтилъ:

— Всегда.

— Но я приду не одинъ; придутъ и еще нѣкоторые изъ твоихъ друзей.

— Всегда, — повторилъ Маминъ, и было ясно, что полное сознаніе при немъ.

Но потомъ положеніе ухудшилось. Мы, принесшіе ему привѣтъ литературныхъ собратій, не знали, удастся ли даже войти къ нему. Но на вопросъ жена Д. Н. отвѣтила:

— Хорошо.

И мы вошли въ его маленькую спальню, гдѣ пахло наркотиками. Ему впрыскивали морфій и кокаинъ. Боже мой, и это былъ юбиляръ! На постели съ приподнятой головой лежалъ Маминъ, — тѣнь прежняго Мамина, — больной старикъ съ большой головой, на тон-

кой, дѣтской шеѣ, на которой жалко обрисовывались мускулы, судорожно и напряженно двигающій брови, точно онъ хотѣлъ что-то вспомнить и понять, и не могъ. Тутъ были старые, прошедшіе рядомъ съ нимъ жизнь, друзья его: Потапенко, Карповъ, Венгеровъ, Овсянико-Куликовскій. Онъ смотрѣлъ на насъ, кажется, никого не узнавая. Фидлеръ бережно присѣлъ на его кровать и ласково, какъ ребенка, спросилъ его о здоровьѣ.

— Можно тебѣ прочитать нѣсколько словъ?

Фидлеръ, потомъ Венгеровъ прочитали отрывки адресовъ. Онъ молчалъ, только напряженно поднималась и опускалась посѣдѣвшая бровь. Дошло ли до сознанія его то, что ему говорили? Понялъ ли онъ, что его чествуютъ, что къ нему слетѣлись сотни телеграммъ? Ничего нельзя сказать. Только, когда жена спросила его, не усталъ ли онъ, онъ ясно сказалъ:

— Очень усталъ.

Такъ кончилось это чествованіе, которое было репетиціей похоронъ. Всѣ вышли отъ него, всѣ нескладно жались по угламъ. Кромѣ комитета, было здѣсь нѣсколько редакторовъ-издателей, друзей его, знакомыхъ дамъ, была группа свѣжей веселой молодежи — депутація отъ сибирскаго студенческаго землячества, пришедшая поздравить своего земляка. Въ сосѣдней столовой былъ накрытъ столъ, но почти никому не шелъ кусокъ въ горло, а телеграммы шли и шли, и росла ихъ горка, и были здѣсь всѣ имена: отъ Короленко, отъ Горькаго и всевозможныхъ учрежденій, отъ Академіи Наукъ и Литературнаго фонда до далекихъ сибирскихъ редакцій.

Какъ жутко было смотрѣть на эти запоздалые привѣты, которые были бы еще года два назадъ такой радостью для этого умирающаго, а теперь звучали безсмысленной и злой насмѣшкой. Кому они были нужны? Ни ему, ни семьѣ, ни свидѣтелямъ похоронаго праздника.

— Вы изнемогли?—спросилъ я дочь писателя, ту Аленушку, съ именемъ которой связана чудесная книжка трогательныхъ сказокъ Мамина.

— Мы мало спали, мы давно потеряли различіе между днемъ и ночью,—отвѣчала она.— У насъ давно „безконечный день."

Еще недѣлю продолжался этотъ „безконечный день". Еще недѣля прошла, прежде чѣмъ живой трупъ сталъ настоящимъ трупомъ.

И закрылись за нимъ „восточныя ворота"...

Почему же Д. Н. Маминъ, несомнѣнно крупный талантъ, оставался всю жизнь въ тѣни, а подъ конецъ жизни даже обреченъ былъ на полное забвеніе и замалчиваніе критикой? И. Игнатовъ въ „Рус. Вѣд." даетъ этому слѣдующее объясненіе:

„Маминъ по роду своего таланта не принадлежалъ къ писателямъ, которые волнуютъ и мучатъ, „какъ своеправный чародѣй". Онъ былъ слишкомъ объективенъ, слишкомъ далекъ отъ вмѣшательства во внутреннюю жизнь своихъ героевъ. Они, эти герои, были живыми людьми; они двигались, чувствовали, жили, никогда не возбуждая сомнѣнія въ своемъ дѣйствительномъ существованіи, всегда привлекая къ себѣ интересомъ своихъ переживаній. Интересомъ, а не сочувствіемъ. Отъ читателя они были далеки чуждостью своего внутренняго міра, своеобразностью своихъ тревогъ, всѣмъ своимъ бытомъ, всѣми своими привычками. Великолѣпный изобразитель движенія массъ, тонкій наблюдатель и художникъ въ описаніи различныхъ фигуръ, составляющихъ эти массы, Маминъ занималъ читателя, раскрывалъ передъ нимъ новое, заставлялъ съ нетерпѣніемъ ожидать дальнѣйшаго, — но его собственныя волненія, его личныя переживанія оставались незнакомы читателю: строго и неизмѣнно хранилъ онъ доступъ къ нимъ, ничѣмъ не выдавая своего присутсвія. Онъ, естественно, не могъ быть среди тѣхъ писателей, которые говорятъ одинокой душѣ читателя, которые заставляютъ если не литься слезы, то биться сердце, которые не разъ перечитываются.

И тѣмъ не мевѣе это былъ очень большой талантъ, можетъ-быть, одинъ изъ самыхъ крупныхъ среди оставшихся въ живыхъ писателей. Если бы при своей способности рисовать широкія полотна съ ярко очерченными отдѣльными фигурами Маминъ сохранилъ изобразительный даръ до нашего времени, если бы тяжелая болѣзнь не отвлекла его отъ литературы, мы увидали бы, можетъ-быть, осуществленіе тѣхъ напрасныхъ попытокъ, которыя дѣлаются теперь, — изобразить недавно пережитые нами годы. Изъ всѣхъ писателей современности, среди которыхъ есть, конечно, первоклассные таланты, можетъ-быть, талантъ Мамина наиболѣе подходилъ бы къ изображенію хаоса стремленій, который характеризовалъ эту эпоху.

Но свойства этого сильнаго, объективнаго и здороваго таланта были далеки отъ того, что требуется современнымъ истерзаннымъ и жаждущимъ откливка на свои терзанія читателемъ, — и для современнаго читателя въ Маминѣ умираетъ не любимецъ, не властитель думъ, а въ лучшемъ случаѣ только уважаемый и признанный талантъ. Такова печальная судьба объективнаго творчества, можетъ-быть, слишкомъ деликатно и боязливо относящагося къ дѣйствительности и не рѣшающаго показать

автора, изъ страха фальсифицировать изображаемое.

„Наиболѣе непогрѣшимый критикъ—время", писалъ когда-то Бѣлинскій. Пройдутъ годы, и время-критикъ укажетъ то мѣсто, которое долженъ занимать въ исторіи русской литературы только-что скончавшійся писатель. Но для насъ, которымъ не суждено читать рѣшающія статьи непогрѣшимаго критика, Маминъ—„одинъ изъ тѣхъ, которые рождаются, а не дѣлаются, одинъ изъ самыхъ сильныхъ художниковъ для большихъ полотенъ за цѣлый рядъ послѣднихъ лѣтъ".

Къ вышепоставленному вопросу подходитъ также и Гр. Петровъ, въ своей статьѣ „Заслуженный праздникъ" („Рус. Сл."), и по-своему рѣшаетъ его.

„Читая страницу за страницею произведенія Д. Мамина, вы не можете ни замѣтить, что писатель, помимо таланта, кромѣ красочности и жизненности пера, еще и человѣкъ большого ума. Отдѣльныя попутныя замѣчанія, сравненія, мѣткія выраженія, фразы, даже иныя слова, щедро разсыпанныя, говорятъ о сильномъ умѣ. Съ этой стороны, перечитывая теперь заново произведенія Д. Мамина, я вспоминалъ ни въ чемъ другомъ не схожаго съ нимъ скандинавскаго писателя Стриндберга. У Стриндберга также, помимо всего другого, въ произведеніяхъ поражаетъ читателя большой и густой умъ писателя. Но при этомъ сходствѣ тутъ же и большое различіе. У Стриндберга вы чувствуете умъ западно-европейскій, культурный, насыщенный знаніемъ. У Д. Мамина—умъ русскій, природный, умъ, такъ-сказать, голый.

Отъ этой русской „голости" — голости и большого таланта нашего писателя и голости всей русской жизни, — и выходитъ, да и вышло, что громадная, собственно прирожденная творческая сила таланта Д. Мамина, какъ ни много она дала, какъ ни ярко порою показывала тебя, все же не проявила себя во всю доступную ей величину. Ни по условіямъ развитія, окружающей обстановки, ни по условіямъ и обстановкѣ художественнаго творчества послѣ Д. Маминъ не могъ дать и не далъ в с е г о, на что онъ по природнымъ дарованіямъ былъ способенъ. Эта богатѣйшая уральская золотоносная литературная жила, Д. Маминъ проходилъ и прошелъ предъ русскимъ читателемъ не исчерпаннымъ цѣликомъ. Значительныя силы остались непроявленными.

Одинъ изъ героевъ Д. Мамина, молодой начинающій писатель, говоритъ:

— Дѣло въ томъ, что мною задумана цѣлая серія романовъ на манеръ „Ругоновъ" Золя.

— Вздоръ!—обливаетъ его холодною водою пріятель.—Предпріятіе почтенное, но неисполнимое: Россія—не Франція... Тамъ въ самомъ воздухѣ виситъ культура... Прибавьте къ этому наше полное незнаніе жизни и, главное, отсутствіе жизни. Ну, гдѣ эта, наша жизнь? Всю жизнь мы просиживаемъ по своимъ норамъ и по норамъ помираемъ. Гдѣ-то тамъ, далеко, люди живутъ, а мы только облизываемся или носимъ платье съ чужого плеча. Непріятно, а правда...

И какъ произведенія Д. Мамина, такъ и его личная литературная судьба, при которой талантъ Д. Н., будь Д. Маминъ американскимъ Джекомъ Лондономъ, гремѣлъ бы непрерывно, служитъ грустнымъ тому доказательствомъ.

Я не случайно обмолвился именемъ Джека Лондона, моднаго сейчасъ у насъ американскаго писателя. Назвалъ его намѣренно. Дмитрій Наркисовичъ Маминъ — нашъ, русскій Джекъ Лондонъ, только, — я сказалъ бы, — Джекъ Лондонъ болѣе талантливый, болѣе широкій, болѣе разнообразный.

Возьмите „Уральскіе разсказы", „Сибирскіе разсказы" Мамина-Сибиряка, его „Золото", „Приваловскіе милліоны", „Дикое счастье" и другіе,—міръ золотоискателей, людей далекаго сурового пустыннаго края. Это міръ и Джека Лондона; у него Аляска, Клондайкъ, снѣжные берега Юконы, у Мамина-Сибиряка—Уралъ, Сибирь, тайга, Чусовая. У героевъ одна цѣль, одинаковыя мѣста дѣйствія, но какъ все по-разному! По-разному потому, что разны сами герои, разна сама жизнь, породившая и воспитавшая ихъ.

У Джека Лондона герои—народъ жесткій, суровый, кованный изъ стали, сильный. Если и хищникъ, то богатырь-хищникъ, отборный хищникъ. Хищникъ-Наполеонъ, изъ котораго при удачѣ выходятъ Морганы, Карнеджи, Рокфеллеры, короли стали, хлопка, желѣзныхъ дорогъ, потрясатели міровой биржи. Черты лица рѣзкія крупныя, выразительныя. Есть что схватить и талантливымъ перомъ изобразить.

Герои нашихъ Урала, Сибири, герои пріисковъ, силава по рѣкамъ — жалкая мелочь или убогая забитая нищета, или дикое и жалкое, мелкое самодурство. Золотоискатели наши — изголодовшееся уральское или сибирское крестьянство, истощенное, обнищалое спившееся. Золотопромышленники—чаще всего люди, одичавшіе отъ случайно привалившаго дикаго счастья. Прочтите, напримѣръ, въ „Сибирскихъ разсказахъ" очеркъ „Кладъ", гдѣ говорится о дикихъ похожденіяхъ двухъ сибирскихъ зо-

лотопромышленниковъ въ Петербургѣ. Это всѣ тѣ же рѣшетниковскіе Пила и Сысойка, только Пила и Сысойка разбогатѣвшіе.

Какъ талантливъ писатель ни будь, но описаніе жизни сѣрыхъ, убогихъ Пилы и Сысойки онъ никогда не сдѣлаетъ такимъ красочнымъ, кричащимъ, какъ описаніе жизни, напримѣръ, Наполеона.

„Мертвымъ душамъ“ Гоголя, конечно, далеко до „Одиссеи“ Гомера, но это не потому только, что дарованія Гоголя ниже Гомеровыхъ. Гомеръ—Гомеромъ, но и разница между Чичиковымъ и Одиссеемъ также много значитъ. Изъ похожденій Чичикова на фонѣ жизни Коробочекъ, Собакевичей и Поздревыхъ никакой Гомеръ не создастъ „Одиссеи“.

Такъ и герои, жизнь, бытъ, ароматъ, температура, общественный климатъ среды Д. Н. Мамина. Яркимъ, крикливымъ, броскимъ въ глаза Джекомъ Лондономъ тутъ не развернешься, выставочныхъ героевъ, сыновъ солнца и дочерей снѣга не вырисуешь. Сѣрыхъ Пилу и Сысойку съ ихъ сѣрою жизнью приходится и воспроизводить тусклыми красками. Жухлыми, тусклыми становятся и мысль, и творчество, и даже техника“.

Причина непопулярности крылась отчасти и въ самой личности скончавшагося писателя—благородно-скромный, скромный до застѣнчивости, чувствовавшей органическое отвращеніе ко всякому „показу“. Тотъ же Гр. Петровъ рисуетъ такую картину:

„Лѣтъ десять тому назадъ въ Петербургѣ, образовались и лѣтъ пять продолжались товарищескіе литературные обѣды. Помню, въ серединѣ одного изъ такихъ обѣдовъ кто-то изъ служащихъ сообщаетъ, что пришло нѣсколько студентовъ, которые желаютъ видѣть господъ писателей.

— Кого именно? — спросило нѣсколько недоумѣвающихъ голосовъ.

— Всѣхъ вообще,—пояснилъ докладчикъ.

— Попросите войти, — чуть не въ одинъ голосъ радушно пригласили всѣ обѣдавшіе.

Были покойный романистъ-историкъ Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, гг. Потапенко, Баранцевичъ, еще человѣкъ десять писателей съ именами на всю Россію.

Минутъ черезъ пять явились гости, три—четыре франтоватыхъ, молодыхъ, безусыхъ студента. Непринужденно раскланялись, назвали свои фамиліи и съ большою развязностью заявили.

— Мы къ вамъ, господа, представителями. Отъ молодежи, студенчества. Назрѣваютъ событія, нужны вѣскія слова. У студенчества также есть, что сказать, и мы рѣшили говорить: хотимъ издавать журналъ. Обсуждая программу и вообще веденіе журнала, мы, между прочимъ, и надумали, что нелишнее было бы пригласить и писателей съ именами. Направились сегодня, навѣдались въ двухъ—трехъ мѣстахъ, — нѣтъ никого дома. Спрашиваемъ: „гдѣ?“ Говорятъ: „на литературномъ обѣдѣ“. Мы и рѣшили:

— Дай,—думаемъ,—сразу захватимъ всѣхъ. Потому и рѣшились побезпокоить васъ здѣсь.

„Писатели съ именами“ любезно пригласили молодежь къ столу, охотно обѣщали свое содѣйствіе.

— Тогда наша миссія исполнена, — быстро поднялись юные гости. — Мы торопимся далѣе по дѣламъ. Приносимъ благодарность.

Бойкіе молодые люди вышли, а писатели остались въ какомъ-то недоумѣніи. Чувствовалась въ душѣ легкая горечь. Всѣ молчали,—кто потупясь въ раздумьѣ, кто оглядывая исподлобья сосѣдей.

— Каково?—тряхнувъ головою и съ искрами юмора въ живыхъ глазахъ, глянулъ Д. Н. Маминъ вслѣдъ ушедшимъ. — Какой смѣлый народъ пошелъ! На губахъ материно молоко не обсохло, усами еще не обзавелись, а уже журналъ *свой* затѣваютъ, собираются говорить *свое* слово на всю Россію и, между прочимъ, —замѣтьте,—*между прочимъ*, считаютъ *нелишнимъ* пригласить нѣсколько писателей съ именами. Осчастливили, удостоили, а затѣмъ мотнули хвостиками и адью: имъ некогда!

— Да я въ ихъ годы, на ихъ мѣстѣ, попади студентомъ въ общество, подобное нашему теперь, — я бы подъ столъ спрятался отъ смущенія, не зналъ бы, куда притулиться, сидѣлъ бы хоть сутки, а тутъ глядите-ка, какіе моншеры: сразу не меньше какъ съ журнала, и всю крупную литературную рыбу только на пристяжку. Эти далеко пойдутъ. Не догонишь. Свезти,—ничего не свезутъ, ничего и не вывезутъ, но сами далеко проберутся. Рѣзваки!—посвисталъ Дмитрій Наркисовичъ Маминъ.

Я вспомнилъ эту сцену наканунѣ литературнаго праздника Д. Н. не для опредѣленія развязныхъ молодыхъ людей, которые ничего и не сказали, и не написали, и даже не начинали, а для выясненія настроенія заслуженнаго литературнаго гвардейца, стараго писателя дѣйствительно добраго стараго литературнаго времени.

— Имѣйте уваженіе къ литературѣ и къ вашей литературной работѣ, — писалъ В. Бѣлинскій Ѳ. М. Достоевскому въ началѣ литературной дѣятельности послѣдняго. — Только уважая сами литературу и вашу творческую

работу въ литературѣ, вы сможете заслужить уваженіе читателя къ вамъ.

Наши современныя литературныя знаменитости справляютъ десятилѣтніе, чуть не пятилѣтніе юбилеи. О каждой новой, не написанной даже еще, а только задуманной вещи трубятъ на весь міръ. Больше интересуются и интересуютъ собою, нежели литературою.

Авторъ полусотни книгъ, добрый десятокъ изъ которыхъ является цѣннымъ украшеніемъ русской литературы, Д. Маминъ даже заслуженный имъ четвертьвѣковый праздникъ утаилъ въ свое время".

Къ юбилею И. А. Бунина.

„Бунинскіе дни" дали обильную литературу. Какъ полагается, печать удѣлила вниманіе и творчеству его, и біографіи, и подробностямъ юбилейныхъ празднествъ, и отзывамъ юбиляра въ интервью — о современной нашей поэзіи и другихъ вопросахъ.

Творчество Бунина слишкомъ ясно и просто для того, чтобы вызывать споры и глубокія, волнующія читателя, критическія изслѣдованія. Всѣ, что писали и пишутъ о дѣятельности этого поэта-беллетриста, подвизающагося на литературной нивѣ вотъ уже четверть вѣка, легко сходятся въ опредѣленіи его музы и мѣста въ литературѣ.

Ученикъ Пушкина (и, до нѣкоторой степени, Тютчева), „родственникъ", братъ по духу Тургенева и Чехова, послѣдняго въ особенности. Но, устанавливая эти связи, никто не отказываетъ таланту Бунина въ самобытности. Онъ, по общему признанію, „пѣвецъ листопада". Дама его сердца одѣтая въ пурпуръ и золото Осень. Ранняя осень, съ ея увяданіемъ, запустѣніемъ, ранніе сумерки — вотъ въ чемъ, главнымъ образомъ, видятъ характеръ поэзіи и отчасти прозы Бунина. Онъ типичнѣйшій представитель той категоріи людей, которые живутъ не мечтой будущаго, а памятью прошлаго, для которыхъ высшая прелесть бытія въ тихой тоскѣ по уходящемъ, невозвратномъ или несбывшемся, въ подведеніи грустнаго итога жизни. И критики цитируютъ его стихи:

... Люблю и смѣхъ и радость
Но въ радости моей—всегда тоска,
Въ тоскѣ всегда—таинственная сладость.

По словамъ А. Измайлова, у Бунина ночная душа, „лепестки" которой раскрываются лишь тогда, когда къ нему подходятъ тьма и одиночество. Въ огромномъ своемъ большинствѣ стихи его — какія-то пѣсни стараго холостяка, одинокаго бобыля, который точно всѣхъ пережилъ, все растерялъ.

А одинъ изъ провинціальныхъ критиковъ эпиграфомъ для своей статьи о Буниѣ беретъ его собственное признаніе:

Весь міръ я люблю, но люблю
одиноко.
Одиноко вездѣ и всегда.

Но, хотя и одиноко — онъ все же *любитъ* „весь міръ". Грусть Бунина совершенно чужда раздраженія, озлобленія, отчаянія. Душа его все пріемлетъ, какъ должное, все прощаетъ со всѣмъ примиряется.

Отмѣчая эту тихую, свѣтлую грусть и задумчивую нѣжность, какъ преобладающій мотивъ его поэзіи, критики вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркиваютъ необыкновенное спокойствіе бунинской печали — нѣкоторую суховатость, даже холодность его стихотвореній, ихъ трезвенную разсудочность. Буниѣ прежде всего — поэтъ-созерцатель.

Но Буниѣ не только пѣвецъ „Листопада" (названіе перваго сборника его стиховъ): онъ еще какъ прозаикъ, пѣвецъ „Суходола" (такъ называется послѣдній сборникъ его разсказовъ), пѣвецъ „Деревни". Здѣсь умѣстно привести слова Л. Козловскаго изъ „Рус. Вѣд." „Суходолъ", — говоритъ онъ, — пошелъ много дальше чеховскаго „Оврага". Въ „Оврагѣ" еще есть источникъ жизни, правда, жестокой, грубой, но все-же живой. „Суходолъ" — это дѣйствительно высохшій долъ жизни, сухое дно оврага, воды уже нѣтъ и слѣда, осталась лишь грязь и по ней ползаютъ назойливыя, сонныя мухи. Мы не имѣемъ права требовать отъ художника, чтобы онъ изображалъ жизнь такъ, а не иначе: онъ изображаетъ ее такою, какою видитъ. Но мы можемъ ставить вопросъ, почему же онъ видитъ ее такою.

Предвзятой идеи, тенденціи въ изображеніи деревни у Бунина нѣтъ. Почему же онъ видитъ въ ней одно уродливое, больное и разлагающееся? Буниѣ — художникъ-живописецъ, глаза котораго ищутъ яркихъ пятенъ и опредѣленныхъ очертаній. Уродливое ярче, рельефнѣе выступаетъ въ нашей жизни, въ особенности въ жизни деревни, находящейся въ процессѣ ломки, перерожденія; умирающее, разлагающееся старое имѣетъ вполнѣ опредѣленныя формы, тогда какъ живое, рождающееся еще не вылилось въ одну изъ такихъ формъ. Взоръ, скользящій лишь по поверхности явленій, можетъ его и не замѣтить. Нашъ авторъ схватываетъ и зарисовываетъ то, что бросается въ глаза: огромную уродливую голую мужицкую ступню съ искривленными пальцами, черныя съ искривленными пальцами руки старика,

по которымъ ползаютъ мухи, и желтую, длинную, тощую грудь, которую сосетъ ребенокъ губами, до крови изъѣденными мухами, и старуху съ вытекшимъ глазомъ, и пѣтуха, клюнувшаго этотъ глазъ. И все это стоитъ передъ нашимъ взоромъ, но все это не составляетъ картины народной жизни. И „Суходолъ“ не картина Руси, хотя въ ней и есть все то, о чемъ разсказываетъ нашъ авторъ, но всѣ эти отдѣльные штрихи, вѣрно зарисованные, нужно еще объединить въ общую картину жизни. Это большая задача, которой хватило бы на цѣлую жизнь проникновенной художественной работы.

Среди юбилейныхъ статей выдѣляется статья Т. Ардова („Утро Россіи“) „своими юбилейными мыслями“ (такъ озаглавлена она), мыслями не столько о самомъ И. А. Буниѣ, сколько объ истинномъ поэтѣ, писателѣ вообще и отношеніи къ нему почитателей. То, что высказывается здѣсь, напоминаетъ извѣстную статью Мережковскаго объ „обезьяньихъ лапкахъ“.

Были минуты (на юбилейныхъ торжествахъ), — пишетъ Т. Ардовъ,— когда мнѣ было больно за него, невыразимо тяжело отъ того неуклюжаго непониманія, которымъ въ эти минуты былъ окруженъ писатель.

Я увидѣлъ прежде всего одно удивительное явленіе: со всѣхъ сторонъ приходили къ писателю, который четверть вѣка служилъ своему призванію, разные люди съ привѣтомъ. И чуть не всѣ эти люди (по крайней мѣрѣ многіе!) приносили не одинъ только этотъ свой привѣтъ, приходили не затѣмъ, чтобы въ день писательскаго праздника въ почтеніи склониться предъ писателемъ: они приходили съ страннымъ намѣреніемъ сказать ему, что именно они желали бы передѣлать въ его творческой личности. И каждый изъ нихъ приносилъ свои указанія и свои мѣрки.

Большинство тутъ, конечно, руководилось любовью къ писателю; всѣ они любятъ талантъ И. А. Бунина. Но по свойственной людямъ слабости каждый хочетъ любить въ немъ больше всего то, что ему самому близко и понятно. Однихъ прельщаетъ въ его творчествѣ то утвержденіе бытія, то славословіе жизни, которое иногда въ такихъ полныхъ звукахъ льется въ его поэзіи; а вотъ остальное — не такъ „нравится“. И они приходятъ и начинаютъ громогласно желать, чтобы И. А. Бунинъ такъ сказать „исправился“ во всемъ остальномъ и чтобы написалъ, наконецъ, „радостную“ и утвердительную книгу.

Другимъ еще болѣе опредѣленно нравится просто „веселье“. „И. А. Бунинъ воспѣлъ грусть забытыхъ усадебъ, воспѣлъ осеннее умираніе, воспѣлъ смерть, ну „словомъ все“ воспѣлъ, а вотъ веселья не воспѣлъ. Пожелаемъ же ему, чтобы онъ сталъ, „наконецъ, пѣть веселье!“. И изъ вѣжливости, изъ особаго „приличія“, допускаемаго ради общественности на собраніяхъ и банкетахъ, куда стекается смѣшанная публика,—оратору хлопаютъ точно такъ же, какъ и тому, кто говорилъ передъ нимъ, и всю „цѣнность“ И. А. Бунина видѣлъ въ его грусти и скорби.

Въ третьихъ вселяетъ восторгъ то, что въ творчествѣ Бунина отражена грусть уголковъ старой, прежней помѣщичьей Россіи, и ужъ эти кромѣ, какъ „поэтомъ забытыхъ усадебъ“, никакъ его звать не желаютъ. А четвертые именно въ этомъ видятъ отрицательное условіе для популярности: тяготѣніе къ „аристократизму“ и даже чуть-ли не крѣпостному праву.

Пятымъ, говоря вообще, очень по сердцу, что въ произведеніяхъ писателя-юбиляра чувствуется Россія, народъ, пахнетъ землей и слова у него такія настоящія, русскія, и имъ хотѣлось бы, чтобы онъ такъ и „оставался русскимъ по преимуществу“, изобразителемъ деревни, и имъ уже „улыбается возможность сблизить его хоть съ натяжкой съ Глѣбомъ Успенскимъ, съ „завѣтами“. И эти жестоко ревнуютъ его къ любимымъ дальнимъ морямъ, къ мачтамъ кораблей, къ Іудеѣ, къ константинопольской Айя-Софіи, ко всѣмъ его восточнымъ странствіямъ.

А есть и такіе, которымъ именно этотъ-то бунинскій порывъ къ Востоку, то, что вотъ такой „русскій“ писатель любитъ, изучаетъ и понимаетъ духъ Востока, представляется очень естественнымъ и цѣннымъ и важнымъ, и они готовы уже просить его: „Пишите больше о Востокѣ, пойте Востокъ, странствуйте, смотрите, возвращайтесь къ намъ обогащенный“.

И вотъ приходятъ всѣ эти люди и говорятъ, говорятъ горячо, убѣжденно, отъ сердца и съ любовью къ писателю. Сколько мѣрокъ шаблоновъ, штемпелей тутъ пришлепывается къ нему, каждый тянетъ его къ себѣ, на свою сторону, въ свой толкъ, въ свою группу и, прочитавъ свое привѣтствіе или адресъ, садится удовлетворенный, какъ тотъ субъектъ изъ „Записокъ Пикквикскаго клуба“, который испортилъ благородное созданіе природы — придорожный камень — и радовался, что написалъ на немъ: „Къ сему мѣсту приложилъ свое тавро Дикъ Билль“.

Когда звучали всѣ эти рѣчи (да и вообще за эти дни), я невольно думалъ: „А, вѣдь, Бунинъ-то, можетъ-быть, гораздо, гораздо больше, чѣмъ его считали и считаютъ вотъ здѣсь“. Я ду-

малъ такъ потому, что ужъ очень это по-моему хорошій знакъ, когда къ писателю нельзя приспособить ни одной этикетки такъ, чтобы она пришлась какъ разъ! Это — какъ бываютъ такія фигуры, къ которымъ не подходитъ готовое платье хотя бы „лучшей фирмы“. Не подходитъ, да и все тутъ. И „номеръ“ тотъ и „размѣръ“ тотъ, и даже „сидитъ недурно“, а вотъ не подходитъ, не станетъ носить человѣкъ; надо шить „на заказъ“.

И мнѣ захотѣлось обратить вниманіе собранія на неумѣстность всѣхъ нашихъ „указаній“ и въ особенности на неосновательность всѣхъ указаній критики, которыхъ столько было сдѣлано И. А. Бунину. Мы говоримъ, и писатель глядитъ на насъ растроганный нашей заботливостью о его талантѣ, но, должно быть, и грустный. Благодаритъ и первыхъ и пятыхъ и шестыхъ, слушаетъ всѣ „призывы“, а самъ думаетъ и не можетъ не думать про себя:

„Знаю. И то я знаю, и это я знаю. Какъ сказалъ Будда: „И то хорошо, и это хорошо“, а я... я все-таки останусь самимъ собою. Останусь самимъ собою, не взирая ни на что: ни на нападки враговъ, ни на совѣты друзей, останусь навсегда самимъ собою.“

Мнѣ припомнились тутъ слова Пушкина:

„Ты царь, живи одинъ. Дорогою свободной
„Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ...

Вотъ формула, вотъ геніальное опредѣленіе поэта, писателя, творческой личности, въ которомъ всегда содержится отвѣтъ на всѣ упреки, на всѣ совѣты впрячься въ ту или иную программу.

Творческая личность, это — дѣйствительно нѣкоторая царственная сила, которая свободна и въ самой себѣ обрѣтаетъ свои законы. То, чѣмъ отличается писатель отъ толпы другихъ людей, то, что сдѣлаетъ его писателемъ, лежитъ въ его личности; если же онъ перестанетъ быть самимъ собою, если погубитъ свою личность, то что сдѣлаетъ его писателемъ? Такъ бываетъ въ жизни; все истинно даровитое остается „самимъ собою“. Школы и литературныя увлеченія мѣняются, проходятъ, какъ волны; мѣняется и творчество писателей, но въ перемѣнахъ своихъ оно подчинено особымъ своимъ законамъ, лежащимъ въ личности, которая остается сама собою! И чѣмъ даровитѣе писатель, тѣмъ святѣе онъ блюдетъ свою эту самостоятельность, „самость“.

Какъ говоритъ тотъ же Будда:

— „Если человѣкъ дорожитъ собою, пусть онъ заботливо охраняетъ себя,— пусть бодрствуетъ онъ въ мудрые ночные часы“.

И еще:

— „Нашъ господинъ — наше „я“ — гдѣ же можно найти лучшаго владыку? *Подчинивъ себя себѣ, человѣкъ найдетъ лучшаго спастителя*“.

Такъ съ „человѣкомъ“, но еще болѣе *такъ* съ писателемъ, настолько такъ, что тотъ только и есть истинный художникъ, кто совсѣмъ не слушаетъ „голосовъ міра“, а покорно повинуется царственной волѣ своей творческой личности. Онъ долженъ, какъ философъ Сковорода, имѣть право передъ смертью сказать: „Міръ ловилъ меня, но не поймалъ“. А это трудно, о, какъ трудно писателю жить въ мірѣ и не стать добычею міра, не отдать ему своей писательской личности. Оттого-то и говорятъ, про писательство, что оно — *подвигъ*; и именно въ этомъ-то главное подвижничество, мука, Голгоѳа писателя. Оттого-то и говорятъ, что писатель „несетъ свой крестъ“; онъ несетъ свою судьбу, несмотря *ни на что*; и путь его всегда будетъ усѣянъ шипами и терніемъ, что бросаютъ ему подъ ноги и враги и друзья, и литературныя школы, и политическія партіи, и критика, и общество. И онъ долженъ пройти по этимъ шипамъ, онъ долженъ *побѣдить*; писатель, какъ это ни ужасно звучитъ, находится въ борьбѣ съ обществомъ, онъ заставляетъ его слушать и понимать себя, онъ его побѣждаетъ.

Такъ именно прошла жизнь лучшихъ писателей: они оставались самими собою. Таковъ былъ Пушкинъ, таковъ былъ Гете, таковъ былъ... таковы были всѣ, кого міръ чтитъ, какъ пророковъ и учителей. Намъ въ Россіи не нужно даже смотрѣть на Западъ и въ исторію, чтобъ найти такіе образы: даже среди современныхъ поэтовъ мы можемъ найти людей, которые готовы были всѣмъ пожертвовать, чтобъ только остаться самими собою. А Чеховъ?.. онъ чуть было совсѣмъ не „пожертвовалъ“ всѣми симпатіями читающаго общества, а стало быть и успѣхомъ ради своей свободы. Да и пожертвовалъ; оттого и умеръ рано, но зато и писалъ хорошо!...

И вотъ пробѣгая путь, пройденный Буниннымъ, я вижу, что и его судьба осѣнила тѣмъ же знакомъ писательскаго благословенія, и онъ — изъ тѣхъ, что остаются самими собой до конца.

Творчество свободно. Творчество боговдохновенно. Надо сказать болѣе: творчество божественно. Поэтъ, писатель творитъ, какъ природа, какъ Богъ, и въ самомъ себѣ находитъ свои законы.

Ахъ, это вовсе не предрѣшаетъ вопроса о сферѣ творчества, о матеріалѣ: можно писать корявыхъ мужиковъ и можно писать лиліи и хризантемы, можна писать полетъ вѣтра и рус-

скіе желѣзнодорожные полустанки, рѣку Іордань и „барышню-проститутку“, что угодно и какъ угодно.

Пусть кажется толкѣ, что то или другое противорѣчиво. Такъ и должно быть, противорѣчивость — признакъ всѣхъ талантовъ; истина выростаетъ только изъ противопоставленія лжи себѣ самой. Въ природѣ противорѣчій нѣтъ, а есть лишь ступени, по которымъ восходитъ истина. А творецъ, художникъ, обреченъ стремиться всегда къ высшей ступени, и значитъ непремѣнно пойдетъ отъ положенія къ противорѣчію, а отъ него къ новой красотѣ или „правдѣ“.

Интервьюеръ изъ „Гол. М.“ получилъ отъ Бунина такой отвѣтъ на вопросъ, какъ онъ смотритъ на литературу нашихъ дней:

„Долженъ признаться, что меня, за немногими исключеніями, современная литература совсѣмъ не удовлетворяетъ. Русская литература сейчасъ европеизируется. Я, конечно, не противъ этого; но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что эта европеизація дала пока лишь самые незначительные результаты. Дѣло въ томъ, что то, что происходитъ сейчасъ въ западной литературѣ, тоже не Богъ вѣсть, какъ цѣнно. Мы же стараемся гнаться за модой. Къ пресловутымъ стилизаціи и схематизаціи я отношусь вполнѣ отрицательно. Это все порожденія мертваго сердца. Когда человѣку нечего сказать, то онъ обычно толкуетъ объ исканіяхъ формы, прячется за стилизацію и т. д.

Вы замѣчаете, между прочимъ, что русская литература за послѣдніе годы, можетъ быть въ связи съ общественными теченіями, какъ-то растерялась и не знаетъ, что сказать? Въ ней появилось что-то нервное, честолюбивое. Это какая-то боязнь отстать отъ послѣдняго крика моды.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну странность въ характерѣ современной литературы. Я подразумѣваю, что она даетъ много пищи для разсужденій критикамъ, но зато, мнѣ кажется, она утратила способность непосредственнаго воздѣйствія на душу читателя. Между тѣмъ, цѣль литературы заключается именно въ непосредственномъ, эмоціональномъ воздѣйствіи. И вотъ этого-то эмоціональнаго, органическаго элемента слишкомъ мало въ произведеніяхъ современныхъ писателей, но зато въ нихъ болѣе, чѣмъ надо, элемента головного“.

Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ другой — попедѣльничной—газеты, Ив. Бунинъ высказался о нашей поэзіи, въ частности, о поэтическихъ „достиженіяхъ“ послѣднихъ лѣтъ. „Я считаю, что русская поэзія остановилась въ своемъ развитіи на Фетѣ, Ал. Толстомъ. А послѣднія пятнадцать лѣтъ представляютъ пустое мѣсто.

Мнѣ говорятъ, будто форма стиха сдѣлалась теперь совершеннѣе, рифма богаче, поэтическіе образы смѣлѣе...

Все это въ высшей степени спорно, рискованно, а, главное, искусственно и непріятно.

Если сравнить того же Пушкина „солнце русской поэзіи“, съ существующими стихотворцами (я не буду называть имена), то... какое можетъ быть сравненіе?

У кого изъ современныхъ поэтовъ вы найдете болѣе музыкальный стихъ, чѣмъ, положимъ, въ стихотвореніи. „Для береговъ отчизны дальней“, или развѣ встрѣтите въ русской поэзіи послѣднихъ лѣтъ такіе смѣлые, мощные образы, къ въ пушкинскомъ „Обвалѣ“?

Что касается разнообразія размѣра или богатства рифмы, то и въ этомъ отношеніи трудно соперничать хотя бы съ Мееемъ и Минскимъ.

Разница та, что у послѣднихъ просто и естественно, въ то время какъ нынѣшніе блещутъ надуманными стихотворными „ухабами“.

Палачъ „на покоѣ“.

Каждый человѣкъ, много поработавшій въ жизни, стремится, въ концѣ-концовъ, къ отдохновенію, къ созерцательному покою. И чѣмъ напряженнѣе была работа, тѣмъ сладостнѣе мечта о полномъ отъ нея освобожденіи.

Палачъ... Къ позору нашему, такая профессія еще сохранилась у насъ. Профессія— одна изъ самыхъ противоестественныхъ, разлагающихъ душу человѣческую въ самой ея основѣ.

Палачу, какъ и всякому профессіоналу, свойственно, конечно, также мечтать о покоѣ.

Но... возможенъ ли для палача-профессіонала вообще какой-либо покой? Можетъ ли человѣкъ, усердно „поработавшій“ надъ уничтоженіемъ жизни человѣческой, вновь испытать радость бытія? Не обрекъ ли онъ себя тѣмъ самымъ на вѣчную муку?

Какъ разъ объ этомъ подробно разсказалъ намъ покойный уже теперь писатель, В. Я. Кокосовъ *). Разсказалъ онъ о томъ, какъ палачъ, загубившій нѣсколько десятковъ „смертниковъ“ (до сотни не хватило только шести), съ сознаніемъ исполненнаго „долга“, пріѣхалъ, наконецъ, въ родную деревню „на покой“ и что изъ этого его „покоя“ вышло.

*) См. его разсказъ „Не жизнь“ въ X кн. „Рус. Бог.“ за текущій годъ.

Начинается разсказъ сценкой, похожей на сонъ, на фантастику.

Въ Угрюмовскомъ волостномъ правленіи получилось отъ крестьянина Василія Жучкова, содержащагося за что-то въ тюрьмѣ, письмо на имя жены его Степаниды такого содержанія, что люди, услышавъ это письмо, прочитанное вслухъ писаремъ, ушамъ своимъ не вѣрили.

Арестантъ, ушедшій въ тюрьму нищимъ, оставившій въ деревнѣ жену съ ребятами тоже въ нищенскомъ, полуголодномъ состояніи, вдругъ, послѣ обычныхъ крестьянскихъ „почтеній“ и „низкихъ поклоновъ“, сообщаетъ:

„Отъ трудовъ праведныхъ посылаемъ супругѣ Степанидѣ Ивановнѣ сто рублей кредитными билетами красненькихъ бумажекъ на расходъ хозяйственнаго благополучія, съ увѣдомленіемъ, имѣемъ наличныя деньги на черный день три тысячи, пятьсотъ рублей въ банковой книжкѣ собственнаго имени крестьянина Василья Михайлова Жучкова съ переложеніемъ на случай христіанской кончины на любезную нашу супругу Степаниду Ивановну, дабы памятовала, сколь дорога она при жизненности нашему супружескому сердцу. Еще повелѣваемъ супругѣ нашей занести въ волостное правленіе душевную очистку недонмочной повинности, подсмотрѣть добротную корову съ лошадью на разводъ хозяйства, двѣсти сосновыхъ бревенъ отъ пяти верховъ въ отрубѣ для намѣренной постройки новой избы, старая въ хозяйствѣ не годится. Еще повелѣваемъ супругѣ нашей въ запрестолъ Господень храмового праздника подать батюшкѣ отцу Григорью пять рублей на наше здравіе, споминъ души смертію упокоенныхъ неизвѣстнаго происхожденія панихиду по обѣтамъ отслужимъ при прибытіи, съ записью въ поминанье упокоенныхъ на вѣчныя времена. Любезному дѣдушкѣ Егору Парамоновичу, бабушкѣ Акулинѣ Степановнѣ низкій поклонъ, братцамъ: Ивану, Петру Михайловичамъ, дядиной крестной Олимпіадѣ Ивановнѣ съ супругами, любезному куму Захару Тарасовичу, кумушкѣ Лизаветѣ Васильевнѣ съ бабушкой Пелагеей, внучатами сродственниками низкій поклонъ, дабы ожидали нашего благополучнаго возвращенія. Еще увѣдомляемъ для спокойнаго терпѣнія родственные дары, подношенія не преминемъ раздать по прибытіи безъ всякаго промедленія, памятуя на всякъ часъ живота кровное родство, свойство, приближенность ближающихъ сердцу родственниковъ. Еще увѣдомляемъ супругу нашу въ скоромъ собственномъ возвращеніи въ родныя мѣста изъ тюремной неволи трехгодичнаго заключенія, къ Покрову Богородицы прибудемъ съ окончеными сроками, отъ добрыхъ людей въ одежныхъ нарядахъ отставать не будемъ. Шелковая, алая капаусовая рубаха съ камешковыми запонами одна, голубого, шелковаго цвѣта со складочными переборами одна, кумачевыхъ красныхъ цвѣтовъ четыре, плисовыхъ шароваръ трое, полубархатокъ одна пара съ позументами, двѣ поддевки на шелковыхъ подкладкахъ, пиджаковъ двѣ пары по праздничному времени, кавказскій поясъ восемьдесятъ четвертой пробы подъ черпять съ серебряными наковками, два шелковыхъ крученыхъ пояса съ голубыми кистями съ кумачевыми рубахами, серебряные часы съ двумя закрышками въ четырнадцати каменьяхъ съ анкеромъ, серебряная цѣпь черезъ шею къ часамъ для плюшевой жилетки, двое саноговъ лаковой формы съ раструбными голенищами до колѣнныхъ сгибовъ, два суконныхъ картуза, котиковая зимняя шапка новаго фасона въ достаточной наличности. Дражающей супругѣ нашей Степанидѣ Ивановнѣ шерстяное платье въ темный сатиновый цвѣтъ, шелковый полушалокъ головного убора, турецкая ковровая шаль, полусапожки на красныхъ сафьянахъ съ другими разными матеріями прибудутъ съ ними совокупно въ должномъ порядкѣ съ чайными приборами: самоваромъ, сахарной головой, двумя банками помады, сладкой водкой для семейнаго порядка, со всѣхъ сортовъ городскихъ закусокъ, о чемъ всемѣрно извѣщаемъ. Заключительное наше положеніе тюремной неволи, милостями начальства, перешло на нашу справедливую сторону: за усердную двухгодичную службу имѣемъ одобрительный патентъ съ номерами за казенной печатью, съ прописаніемъ доброкачественныхъ поведеній по тюремнымъ распорядкамъ отъ начала принятія должности. Въ дѣлахъ, расчетахъ съ казенной подрядностью выдавались форменныя расписки послѣ каждаго приключенія, съ этой стороны остаемся въ спокойномъ состояніи, обезпеченность законная съ соизволенія высшаго начальства. Законный супругъ, отецъ прикровитель дѣтей, крестьянинъ Угрюмовской волости того же селенія Василій Михайловичъ Жучковъ, по безграмотству и личной просьбѣ со словъ просителя писалъ писарь тюремной канцеляріи Егоръ Степановъ Грошиковъ руку приложилъ“.

Кошмарное, ошеломляющее письмо это, естественно, разнеслось по деревнѣ тоже кошмарнаго новостью, вызывая толки, суды и пересуды, предположенія, догадки и объясненія, соотвѣтствующія событію.

— Слыхалъ, дядя Дмитрій, о Жучковѣ? — спрашивалъ пожилой мужикъ у сосѣда.—Разбогатѣлъ человѣкъ, въ тысячахъ.

— Слыхать—слыхалъ, разобрать дѣломъ не могу, мудреное разсказываютъ.

— Откуда у Жучкова деньги появилися? Острожнымъ арестантамъ жалованья не платятъ.

— Чудакъ ты человѣкъ! Начальство награждало: потрафилъ...

— Старикъ Лапшиковъ не одобряетъ Жучкова, называетъ чортовымъ слугой.

— Старикъ—человѣкъ правильный, всѣми уважаемый, восемьдесятъ пять годовъ прожилъ на бѣломъ свѣтѣ, его словамъ вѣрить можно.

— Однако, не своимъ умомъ догадался Жучковъ деньги въ острогѣ зарабатывать, — безъ дозволенья начальства шагу въ острогѣ не ступишь. Мудреныя дѣла, мудреныя!..

— Леталъ Василій къ Степанидѣ огненнымъ зміемъ,—разсказывала семидесятилѣтняя старуха, бабка-повитуха Марина Карповна, — своими глазаньками видѣла, какъ онъ въ печную трубу Степанидиной избы впередъ головой опускался. Обличье человѣчье, хвостъ коровій, борода, рога козлиные; въ правой лапѣ мѣшокъ съ деньгами, въ лѣвой — удавная веревка.

— За что Жучковъ, Марина Карповна, деньги получалъ въ острогѣ? — спрашивали женщины.

— За христіанскія душеньки бралъ онъ деньги, за изводъ рода человѣческаго,—отвѣчала старуха. — Но дьявольскимъ велѣньямъ хваталъ человѣка за шейшку, обвертывалъ веревку кругомъ души христіанской, затягивалъ черезъ колѣно, пока не будетъ шевелиться. Кругомъ стоятъ невидимые супостаты, на подносахъ деньги кучами наложены, а онъ христіанскую душу удавливаетъ.

— Боязно, бабушка,—вскрикнула одна изъ женщинъ.

— Бойся, милая, душегубовъ, самъ Господь ихъ проклялъ на семи соборахъ.

— Жучковъ пять рублей прислалъ отцу Григорью на прикладъ престолу Господнему.

— Для отвода глазъ сдѣлалъ, болѣзная, для отвода глазъ: силенъ нечистый, заберетъ въ лапы, до смертоньки не отпуститъ, унесетъ въ геену огненную!..

У общественнаго колодца съ ведрами на коромыслахъ толпятся женщины, дѣвушки, слышится скрипъ „журавля“, плескъ воды, сливаемый съ гуломъ торопливаго говора.

— Подарковъ везетъ видимо-невидимо; сундукъ съ желѣзной оковкой до верху набитъ шелковыми сатинами съ позументомъ.

— Неужели?!—Ставятся ведра на землю, напрягается вниманіе.

— Закуражится Степанида Ивановна, рыло отворотитъ, не подступайся!

— Какъ она съ палачомъ спать будетъ на одной постели? Съ просонковъ, пожалуй, удавитъ.

— Я съ отпѣтымъ спать бы не согласилась.

— Нешто онъ отпѣтый?

— Отпѣтый, Марьюшка, отпѣтый, въ осиновомъ гробѣ попъ отпѣвалъ — съ Іудой христопродавцемъ вмѣстѣ проклятъ святыми угодниками, — въ храмъ Божій ихъ не допускаютъ.

— Мужики наши чего смотрятъ? Зачѣмъ допускаютъ на жительство отпѣтаго человѣка?

— Говорятъ, у Жучкова хвостъ на задахъ выросъ, похожъ на собочій кругляшикъ, полтора верха длиной.

— Неужели? Кто тебѣ разсказывалъ?

— Бабушка Марина Карповна, собственными, говоритъ, глазаньками видѣла.

— Страсти Господни!

— Намъ чего бояться?

— Вдругъ обворожитъ колдовствомъ!

— Святая молитва, крестъ Господень защитятъ отъ супостатовъ...

— Васька-а-а! Васька-а-а! — надсаживаясь, кричалъ стоявшій у воротъ десятилѣтній мальчикъ.

— Чаа-а-во-о тебѣ-ѣ? — доносится тягучій отвѣтный вопросъ.

— Пойдемъ завтра палачихину избу смотрѣть, огненный змій на трубѣ сидитъ... страшенный!

— Бою-ю-сь!

— Собирается насъ много, возьмемъ въ руки по камню, въ случаѣ чего... убѣжимъ, позапрячемся.

— Бою-ю-юсь!..

Степанида скоро замѣтила перемѣну односельчанъ: у ней заискивали, льстили въ глаза, восхваляли ея достоинства, мало-по-малу она начала и сама измѣняться въ собственныхъ глазахъ, гордиться Васильемъ, его непонятными заслугами, нажитымъ богатствомъ.

— Будетъ съ насъ,—наголодались, приняли униженій, пора самимъ пожить въ довольствѣ!— Заходила въ лавку Макарыча, ее встрѣчали съ поклонами: покупала крупчатой муки, пряниковъ, конфектъ, изюму, постнаго, скоромнаго масла, для ребятъ кренделей.

— Со дня на день поджидаю Василья Михайловича,—говорила она громко,—съ дорожки выпить, закусить понадобится. Пишетъ въ письмѣ: кромѣ сладкой водки, въ ротъ другой не беретъ, съ собой везетъ для обихода; закусокъ городскихъ изготовилъ видимо-невидимо.—

Нагруженная покупками съ поднятой головой выходила она изъ лавки; ее провожали поклонами, подмигивая говорили другъ другу шопотомъ:

— Залетѣла ворона въ золочены хоромы!

Около развалившейся Жучковской бани толпятся ребятишки, толкая другъ друга, подбадривая, боязливо выглядываютъ изъ-за угла, широко раскрытыми глазами оглядываютъ крышу избы.

— Смотри, смотри, Сеняха: огненный змій на трубѣ... шевелится.

— Гдѣ?.. Врешь?.. Неужели?.. Покажи, Васюха!

— На трубѣ сидитъ, не видишь что ли?

— Сиди-и-итъ... Ей-богу сидитъ... Зеленый, съ лапами...

— Шевелится?.. Покажи, Митяха.

— Изъ пасти полмя пышетъ, искры столбомъ вылетаютъ...

— Подойдемъ поближе.

— Боязно, какъ бы не укусилъ!

— Чего бояться? Перекрестить, сейчасъ разсыпется, провалится сквозь землю.

— Не надо креститься, дай посмотрѣть, мы не видали.

— Гляди на трубу. Видишь? Не мигай глазами, не куксись: не любитъ онъ человѣческихъ слезъ...

Жучковъ пріѣхалъ за пять дней до Покрова.

Принимая мѣшки отъ ямщика, ставя самоваръ, откупоривая бутылку водки, приготовляя закуску, Степанида не отводила глазъ отъ сидѣвшаго за столомъ мужа, три года отсутствовавшаго, подмѣчала перемѣны въ лицѣ, жестахъ, разговорной рѣчи. Побѣлѣвшіе на головѣ и бородѣ волосы, съ проборомъ по срединѣ, гладко причесанные, блестѣли масляной смазкой, заполнявшей избу запахомъ духовъ, раздражающихъ обоняніе. Степанида, усиленно втягивая носомъ воздухъ, думала: „не нюхивала, не слыхивала, чтой-то съ Васильемъ надѣлалось?..“ Подстриженная, расчесанная волосокъ къ волоску борода, закрученные усы, полное лицо съ толстыми губами, кумачевая красная рубаха, плисовые шаровары, шелковый поясъ съ кистями, серебряная черезъ шею цѣпочка отъ часовъ, придавали ему видъ ухарскій. Глубокія морщины на лбу, на щекахъ, поперечныя складки около угловъ рта, опасливые огоньки въ безпокойно бѣгающихъ глазахъ, непроизвольныя подергиванія плечами, вздрагиванія лицевыхъ мышцъ указывали женѣ на огромную перемѣну. Не сладко, видно, жилось въ острогѣ Василью, сильно измѣнился въ лицѣ. Выпивая и закусывая, Жучковъ торопливо задавалъ женѣ вопросы, не дожидаясь отвѣта, говорилъ о другомъ, снова возвращался къ оставленной мысли.

— Плохо жилось?.. Голодали?.. Слышалъ въ острогѣ, передавали... Постарѣла ты, Степанида... хе, хе, хе... спала съ тѣлесъ... въ чемъ душа держится... Знаешь присловье? Мужъ любитъ жену здоровую, братъ сестру богатую... Не печалься! Нагуляешь тѣло на хорошихъ харчахъ,—слава тебѣ, Господи, явился твой Василій не съ пустыми руками. Три года не видѣлись!—Сберегалъ я себя, законовъ Господнихъ не нарушилъ, соблюдалъ брачную чистоту... Не плачь, Степанида, не реви голосомъ: не люблю я, когда реветъ человѣкъ... наслушался ревовъ... съ меня довольно... Не реви при мнѣ, ребятамъ воспрещай... Выпей стаканчикъ, поздравь съ пріѣздомъ... миновала бѣдность, слава Господу, на нашъ вѣкъ съ тобой хватитъ. Выпей, говорю, не краденое, собственныхъ трудовъ, — онъ хмѣлѣлъ, — выпивка господская: привыкъ я къ заморскимъ коньякамъ, русское вино не помогало при работѣ.

— Умоленный нашъ... упрошенный... соколъ ясный... возвратился! — голосила Степанида.

— Не реви говорю, не разстраивай сердца; воешь, какъ голодный волкъ! — Въ его глазахъ мелькнуло безуміе звѣрства, лицо поблѣднѣло. Степанида сразу затихла. — Выпей стаканчикъ... ревѣть не моги... Пришибу... Не пожалѣю... Появляются, ночами появляются... Павихиду служить надо, съ поминовеньемъ... Сядь рядкомъ... По близости, три года не видались... денно, нощно держалъ на памятяхъ. Поцѣлуй, Степанида... Обойми... Съ нашимъ удовольствіемъ. Новую избу поставимъ, заведемъ лошадь, корову, ребятъ соберемъ въ кучу, будетъ имъ чужихъ людей обслуживать. Что говорятъ обо мнѣ въ деревнѣ? Завидуютъ? Ха, ха, ха...—засмѣялся онъ пьяно-раскатистымъ смѣхомъ. „Василій Жучковъ чорту душу продалъ, далъ кровяную расписку“... Дурраки... Деревенщина... Чего они понимаютъ? Не слушай ихъ, Степанида... Темный народъ, кромѣ навозовъ ничего не видывали. Службу служилъ Жучковъ, соблюдалъ казенный интересъ... рѣшалъ измѣну... дѣйствовалъ закономъ... казнилъ крамольниковъ... Три съ половиной тысячи въ банкѣ... Патентъ имѣемъ съ казенной печатью... „Не обезпокаивайся, Жучковъ, напишемъ бумаги, дѣйствовалъ по законамъ, не забудемъ твоей службы“... говорили мнѣ большіе генералы. Не слушай дураковъ, Степанида, деревня—ругатель извѣстный, облаять человѣка ничего не стоитъ... Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ... Кто кого пере-

тянетъ—посмотримъ! Поклонятся Жучкову въ ноги голоштанники, генералъ ободрилъ, называлъ „опорой“. „Самонужнѣйшій есть ты, Жучковъ, человѣкъ, безъ тебя правосудья государственныя остановятся, истинно-русскій православный, христіанинъ“... Медаль обѣщали... Золотую... Онъ оньянѣлъ, лицо горѣло, глаза налились кровью, слова вырывались съ запинками.—Немного не хватило... до сотни... медаль не дали... Привыкалъ къ работѣ съ большой натужкой, — съ трудомъ выговаривая слова, какъ въ забытьи говорилъ Жучковъ:— не спори-илось: живой онъ... крамольникъ... шевелится... Мальчишко одинъ... шея длинная... въ лицѣ ни кровинки... дрожитъ... тяжела-ая ра-бо-о-та... Пододвинься, Степанида... выпей съ законнымъ супругомъ... шерстяное тебѣ платье, полусапожки, двѣ банки помады... Ты за кого меня почитаешь?!.- крикнулъ онъ бѣшенымъ голосомъ. — Я твой глава... уничтожу... три тысячи въ банкѣ!—со всего размаху ударилъ онъ кулакомъ по столу.

— Полно, не гнѣвайся, Василій Михайловичъ, куда я безъ тебя дѣнусь съ ребятами? Послалъ ты десять красненькихъ,—съ разстановкой говорила охмѣлѣвшая Степанида, — письмо прислалъ, отъ деревенскихъ отбою не было, сбѣгались смотрѣть, какъ на невидаль... старики, старухи... Старшина заходилъ, писарь... ребята отъ окошекъ не отходятъ, ругаются... „Живодерница... Удавница... Палачиха...“ Ребятамъ нашимъ проходу не даютъ, обижаютъ... „Палачово отродье... Палачата отпѣтые“... Обидно, Василій Михайловичъ, я— честная жена... не баловалась, дожидалась...

Она плакала горькими пьяными слезами, раскачиваясь въ разныя стороны, монотонно выговаривала: „О, я несчастная! О, я горемычная“...

— Не оп-паса-айся Степанида... Найдемъ управу... отъ вышняго... Постилай постель... Самъ губернаторъ хвалилъ... стоялъ на одной линіи съ Жучковымъ... Господинъ прокуроръ... Развязывай мѣшокъ, высыпай... отъ трудовъ справедливыхъ.—Степанида развязала, встряхнула: посыпались свертки, пакеты, тючки, перевязанные суровыми нитками.—Никого не забылъ... сродственниковъ... дѣдушку Семена...— говорилъ онъ заплетающимся языкомъ:—крестную мать... Появляются въ видѣньяхъ... одинъ... другой... третій... не пускай ихъ, Степанида... на равней зорькѣ... два столба съ перекладиной... опасливый народъ... крамола... Почитаетъ Жучкова высшее начальство,—чего намъ бояться? Общественникамъ пять ведеръ вина на радостную встрѣчу... въ ноги покланяются... урядникъ, исправникъ... безъ всякихъ ограниченій...

Дѣйствительно, „ограниченій“ этотъ внѣзапный „богачъ“ со стороны деревенскаго начальства — писаря, старшины, урядника, священника никакихъ не зналъ. Наоборотъ, имѣлъ отъ нихъ даже своеобразный „почетъ“ и „уваженіе“, которое обычно въ жизни сопряжено съ тысячами, съ достаткомъ. Но и презрѣніе при этомъ же шло на „богача“ со всѣхъ сторонъ, отчужденіе отъ него всего того, что только есть въ деревнѣ истинно „людского“, добропорядочнаго.

Приходъ Жучкова въ Покровъ Богородицы въ переполненную народомъ церковь взволновалъ молящихся; тысячи глазъ устремились на него въ одну точку: стоявшіе у лѣваго клироса ребята пугливо шарахнулись; псаломщикъ Петръ Григорьичъ поперхнулся на „Господи помилуй“ сорокъ разъ, сбился со счета... Изъ толпы молящихся раздался истерическій выкрикъ: „Мать Пресвятая Богородица, Заступница! Въ храмѣ Божьемъ появился!..“ Слышался дѣтскій плачъ, полугромкое успокаиванье матери: „не бойся, доченька, не бойся“. Отъ проходившаго Жучкова боязливо сторонились. Одѣтый въ шелковую, краснаго канауса рубаху, плюшевые шаровары, лаковые сапоги выше колѣнъ, въ резиновыхъ галошахъ, плюшевую зеленую жилетку съ каменными пуговицами, суконную на распашку поддевку, съ серебряной цѣпочкой черезъ шею, котиковой шапкой въ рукѣ, напомаженными волосами, издавая отъ себя „хорошій духъ“, онъ вызывалъ растерянное настроеніе. Задніе ряды молящихся приподнимались на носкахъ, вытягивали шеи, прищуривая глаза. Всѣ жадно слѣдили за каждымъ движеніемъ Жучкова.

Съ пучкомъ восковыхъ свѣчей въ рукахъ Жучковъ пробрался сквозь толпу къ иконостасу; положивъ передъ мѣстными иконами по три земныхъ поклона, вставлялъ въ подсвѣчникъ зажженную свѣчу, снова клалъ поклоны; отошелъ къ правому клиросу; молился, не вставая съ колѣней. Поднесенная сторожемъ Жучкову на блюдѣ священная просфора вызвала растерянное удивленіе.

— Благословите, о. Григорій! Прошу отслужить благодарственный молебенъ Покрову Богородицы,— просилъ Жучковъ послѣ окончанія обѣдни.

— Сейчасъ отслужимъ.

Жучковъ стоялъ на колѣняхъ, кланялся въ землю, взмахивалъ опускавшимися волосами. Большинство изъ церкви не выходили, напряженно слѣдили за нимъ, его шевелящимися губами, опускавшимися волосами; три серебря-

ныхъ рубля, положенные на тарелку послѣ молебна, вызвали гулъ удивленія...

Вопреки надеждѣ войти въ общую колею деревенскихъ сосѣдскихъ отношеній, онъ чувствовалъ къ себѣ глухо-враждебное настроеніе: его сторонились, никто изъ честныхъ жителей не поздравлялъ съ праздникомъ, не приглашали въ гости, видимо избѣгали встрѣчъ, разсматривали, какъ невиданнаго звѣря. Злоба охватывала душу, явилось желаніе выместить обиду, показать „деревенщинѣ“ свое значеніе, заставить поклониться, унизить, показать пренебреженіе Жучкова.

— Я вамъ покажу...—бушевало въ груди,— на колѣняхъ будете ползать, просить вспоможенія... проживу безъ вашей компаніи, кланяться не буду.

Жучковъ ѣздилъ въ окрестныя селенія; людская молва его опередила: его встрѣчали сотни любопытныхъ глазъ, выглядывавшихъ изъ-за заборовъ, домовыхъ уголковъ, амбарушекъ, бань. Ребятишки десятками бѣжали за его пошевнями, по улицамъ неслись громкія восклицанія: „Удавникъ пріѣхалъ!“ — Останавливая лошадь, онъ выскакивалъ изъ саней, грозя кнутомъ, бѣшено кричалъ:

— Я васъ, пострѣлята, всѣхъ передушу, свяжу одной веревкой, — пострѣлята разсыпались въ разныя стороны, издалека доносилось визгливое, протяжное: „удаавни-икъ!..“ „Палаачъ!..“ „Отпѣ-ѣ-ты-ый!“ Ему приходилось ѣздить по деревнѣ, розыскивая домъ, въ который бы пустили ночевать, покормить уставшую лошадь, напиться чаю.

— Пустите ночевать пріѣзжаго!—стуча въ оконную раму кнутовищемъ, говорилъ запоздавшій въ дорогѣ, прозябшій Жучковъ.

— Чей такой? Откуда, куда ѣдешь?..

— Угрюмовскій, Жучковъ Василій.

— Жучко-о-въ?

— Справедливо, Жучковъ Василій; пустите ночевать, за кормъ заплачу деньги.

— Мѣстовъ нѣтъ, проѣзжай дальше!—Жучковъ ѣхалъ дальше, слѣдомъ неслись въ темнотѣ громкіе разговоры выбѣжавшихъ къ воротамъ хозяевъ.

— Этотъ самый што ли удавникъ?

— Онъ самый, истинный Богъ, правда!

— Коломъ его изъ деревни, — всякая погань повадилась разъѣзжать.

— Деньговъ, говорятъ, привезъ видимо-невидимо.

— Извѣстно привезъ, совѣсть продалъ за пятакъ, задушилъ, слышно, народу христіанскаго больше сотни.

— Больше сотни? Царица небесная! Почему въ острогъ его не засадили? — наивно спросила семидесятилѣтняя старуха.

— Такихъ не садятъ въ остроги, бабушка,— награждаютъ, такое настало время; душегубамъ почетъ, слава, богачество, праведникамъ кнутъ съ нагайкой. Развѣ не слыхала, какіе нынче ходѣи? Кровь сосутъ, человѣческія слезы пьютъ ковшами, издѣваются надъ міромъ православнымъ, нѣтъ на нихъ ни управы, ни суда, расплодилось ихъ, что вшей на гашникѣ!

Въ пятой, десятой избѣ пускали ночевать изъ любопытства, чтобы ближе взглянуть на Ваську Жучкова, о которомъ шла молва на сотни верстъ въ окружности. Хозяева суетились, ставили самоваръ, готовили Жучкову яичницу и вдогонку ругательски-ругали живодера, заплатившаго за ночевку двадцать-тридцать копеекъ, когда ожидали чуть не десятка рублей. „Христопродавная порода, живодерникъ, насосался человѣческой крови, раздулся, какъ водочный боченокъ“! О гостѣ палачѣ-ночевщикѣ съ ранняго утра дѣлалось извѣстнымъ по деревнѣ, десятками набирались въ избу, садились, стояли, молча разсматривали плотную, сутулую фигуру „живодерника“, подчасъ дѣлали громкія замѣчанія. „Гляди, гляди, какъ онъ мясо проглатываетъ... не по нашему: жомкнулъ разъ, другой... готово...“ — „Чего ему не жомкать? дѣло привышное“. „ — Накопилъ капиталъ въ острогѣ на душахъ христіанскихъ, за каждую душу большія деньги выкладывались!“ — „Кто ему платилъ? — „Кто? Извѣстно,—кому онъ, стало быть, потрафлялъ, тотъ и платилъ“.

При выѣздѣ изъ деревни Жучкова сопровождала толпа ребятишекъ, подростковъ, которые часто улюлюкали, съ хохотомъ, свистомъ кидали вдогонку мерзлый шевякъ, попадающійся камень, небольшую палку.

— Живо-о-одери-икъ!.. Кровопивецъ! Продажная шкура!..

Скрытая, открывавшаяся ненависть, лесть, заглазная ругань, злорадство, озорство, изо дня въ день повторяющіеся случаи ругательной клички „палачъ“, „палачиха“, „живодерная порода“,—ругательства изъ-за угла, въ полѣ, лѣсу, въ своей и чужихъ деревняхъ, общая настороженность, отсутствіе „душевной“ бесѣды между хорошими сосѣдями, пріятельскаго кружка на распашку, гдѣ можно открыть душу, высказать сомнѣнія, надежды, горести, радости,—все это глубокимъ гнетомъ лежало на душѣ Жучкова. Онъ становился мрачнымъ, подавленнымъ, не могъ найти выхода, да и не искалъ его: онъ чувствовалъ, сознавалъ—лопнули, прекратились, испортились старыя кре-

стьянскія связи, надежды, интересы, поперекъ дороги лежали трупы казненныхъ, удавленныхъ его руками, накопленныя кровяныя, „живодерныя“ деньги.

Возвращаясь изъ поѣздокъ домой, Жучковъ требовалъ отъ Степаниды водки, молча садился за столъ, пилъ рюмку за рюмкой, мало закусывая: рѣдко предлагалъ женѣ выпить рюмочку „съ устатковъ“. Степаниду грызло видимое отчужденіе сосѣдей, обида, горечь; въ особенности угнетало сознаніе опорченности; создавалось въ душѣ враждебное чувство къ мужу, не сумѣвшему защитить жену и ребятъ отъ посторонихъ оскорбленій. Боязнь мужа заставляла сдерживать накопившуюся обиду, но нерѣдко появлялись ссоры на почвѣ ежедневныхъ столкновеній съ окружающей средой односельчанъ.

— Живемъ, что оглашенные, хуже всякихъ проходимцевъ: ни мы къ добрымъ людямъ, ни они къ намъ!—жаловалась Степанида.

— Ходи, коли охота пришла, кто тебѣ помѣха? Показаться въ добрые люди не стыдно,— одѣться есть во что, не нищими-убогими живемъ.

— Слава твоя помѣха: прославленнымъ шибко вернулся,—скоро добрые люди въ домъ пускать не будутъ, будутъ захлопывать передъ носомъ двери. Живемъ хуже разбойниковъ.

— Молчи, Степанида, не разстраивай сердца, худо тебѣ будетъ!

— Чего мнѣ молчать! Сидѣлъ въ острогѣ, добрые люди не брезговали, знали, что сидишь по несчастному случаю, жалѣли, меня съ ребятами не забывали, хлѣбомъ-солью не брезговали, сейчасъ обѣгаютъ, хуже разбойниковъ.

— Погоди, придетъ время, въ ноги поклонятся!

— Дожидайся, такъ тебѣ и поклонились. За какія такія заслуги христіанскія?.. Опоганилъ себя и меня съ ребятами, только и слышишь: „палачиха!“ „живодерница!“ „подавитесь кровяными деньгами!“ Охъ я, несчастная! Дѣтушки мои родимыя, умолепныя, упрошенныя, за отцовъ грѣхъ несете поруганье!

Взбѣшенный, пьяный, свирѣпый отъ упрековъ, онъ звѣрски набрасывался на жену, таскалъ за волосы, пиналъ, ругался, колотилъ ременнымъ съ бляхами поясомъ.

— Убью, убью, задушу... Молчи, проклятая... Для кого я работалъ?

— Удавникъ!.. Палачъ!.. Проклятый людьми и Богомъ человѣкъ. Пей мою кровь!.. Подавись!.. — кричала избитая, истерзанная женщина.—Деньги твои проклятыя! Чудинъ братъ, дьявольское отродье, спать съ тобой боязно,— удавишь по привычкѣ..

— Удавлю! Удавлю змѣю подколодную, задушу собственными руками!..—Съ грохотомъ летѣли со стола тарелки, ножи, чашки, сохранялась въ рукахъ бутылка водки, которую онъ, выскочивъ изъ избы, жадно опоражнивалъ черезъ горлышко. Опухшій — съ синебагровымъ лицомъ, налившимися кровью глазами, посинѣлыми губами онъ былъ страшенъ для встрѣчавшихся по дорогѣ, — всѣ бѣжали, сторонились, какъ отъ зачумленнаго.

Окончилось это страшное существованіе страшнаго для всѣхъ человѣка полубезуміемъ, въ припадкѣ котораго Жучковъ покончилъ съ собою...

Оказывается, настоящій покой для палача— только въ смерти.

Французская мысль въ поискахъ раціональной морали.

Какъ извѣстно, французская школа, послѣ разрыва между государствомъ и церковью, сдѣлалась учрежденіемъ исключительно свѣтскимъ, доступъ въ которое совершенно закрытъ для католическаго духовенства.

По сдѣлавъ школу свѣтскою, — пишетъ по этому поводу въ ноябрьской кн. „Вѣст. Евр.“ Бѣлоруссовъ.—т. е. исключивъ изъ нея и церковное вліяніе и религіозное преподаваніе, замѣтили, что лишили школу могучаго воспитательнаго средства. Въ теченіе вѣковъ и вѣковъ церковь воспитывала подрастающія поколѣнія въ духѣ началъ христіанской культуры, культивировавъ умы и душу, т. е. формировала личность, прививая ей путемъ школьнаго и внѣшкольнаго воздѣйствія извѣстный строй мыслей и чувствъ, и такимъ образомъ стимулировала извѣстное поведеніе въ жизни. Эта задача достигалась церковью - воспитательницей благодаря удивительно разработанной и гармонически связанной системѣ церковно-религіозныхъ дисциплинъ, включавшихъ въ свой составъ и христіанскую догматику, и христіанскую космологію, и метафизику, и мораль. Дисциплины эти не только обращались къ уму воспитываемаго, но и воздѣйствовали на всю его эмоціональную природу.

Когда изъ системы школьнаго преподаванія морали выпала основная идея о Богѣ, объ обязанностяхъ по отношенію къ Богу, — все ученіе о морали оказалось безъ основы. Нужно быть трудолюбивымъ; нужно помогать другимъ; нужно поступаться своими интересами въ пользу высшихъ интересовъ справедливости и об-

щества; нужно отбывать воинскую повинность, платить налоги, жертвовать даже жизнью на пользу родинѣ, защищая ея цѣльность и неприкосновенность. Нельзя брать чужого; нельзя портить принадлежащія другимъ вещи; нельзя убивать; нельзя вообще пренебрегать интересами и нуждами другого. Почему? Христіанская мораль говорила ребенку: потому, что Богъ такъ положилъ. Божья воля и Божій законъ опредѣлили, что̀ грѣхъ и что̀ добродѣтель. Обращаясь съ тѣми же моральными утвержденіями къ взрослому, церковь не просто опиралась на божественный законъ, но представляла цѣлую метафизическую и моральную систему, центромъ которой все-таки являлась идея Божества, какъ абсолютнаго добра, въ его отношеніи къ міру и къ человѣку. Но внѣ этой идеи — почему нельзя брать чужого, почему нужно трудиться, почему надо исполнять тѣ или иныя обязательства и обязанности, включенныя въ программу личной и гражданской морали? Да, наконецъ, какія изъ обязанностей должны и могутъ быть включены туда? Иначе: что морально и что имморально? Гдѣ граница добра и зла? Чтобы учить этому, надо знать самому.

Такимъ образомъ передъ свѣтскимъ обществомъ вообще, передъ третьей республикой въ частности возникъ цѣликомъ вопросъ о свѣтской морали, о морали внѣрелигіозной,—проблема, которою былъ занятъ уже Гюйо въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. Съ тѣхъ поръ работа теоретической и прикладной мысли въ этой области не ослабѣвала во Франціи. Интересъ къ вопросамъ религіи и морали получилъ чрезвычайно напряженіе среди представителей научной мысли, въ Сорбоннѣ, въ философскомъ обществѣ, среди педагоговъ, среди дѣятелей республики, заинтересованныхъ судьбами школы и задачами народнаго воспитанія.

Французская научная мысль считаетъ мораль и моральное чувство производнымъ соціальныхъ отношеній и видитъ источникъ ихъ въ обществѣ, въ его жизни и нуждахъ. То мѣсто, которое въ системахъ религіозной морали занимаетъ идея Божества — мѣсто высшаго и священнаго моральнаго авторитета,— въ концепціяхъ соціологовъ, изслѣдующихъ проблемы морали, занимаетъ идея общества, высшей и опредѣляющей коллективной индивидуальности. Для Дюркгейма, главы французской соціологической школы, самая идея Божества, составляющая опорный пунктъ религіозной морали, является лишь трансформированной идеей общества, мыслимаго символически.

Выводъ, что мораль — явленіе общественнаго порядка, имѣетъ большую цѣнность, но онъ недостаточенъ для построенія положительной морали. Чтобы поступать морально, мало знать, что нормы добра и зла стоятъ въ связи съ нуждами и потребностями высшаго общественнаго коллектива: нужно имѣть опредѣленныя моральныя представленія и соотвѣтственныя имъ влеченія. Положительная, и тѣмъ болѣе педагогическая мораль, имѣетъ задачей дать первыя и воспитать послѣднія. Именно въ этомъ направленіи и работаетъ французская педагогическая мысль.

Къ какимъ же результатамъ пришла она? Создала ли она систему морали, способную по своей широтѣ и жизненности замѣнить религіозную мораль, изгнанную изъ школы и жизни?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо коснуться небольшого числа сочиненій, представляющихъ собою отчасти руководства свѣтской морали для школьнаго употребленія, отчасти изслѣдованія по общимъ вопросамъ педагогической морали. Для нашей цѣли излишне излагать ихъ цѣликомъ и анализировать во всемъ ихъ объемѣ. Совершенно достаточное представленіе о ходѣ французской педагогической мысли въ нашей области мы получимъ, остановивъ наше вниманіе на одномъ какомъ-либо отдѣлѣ морали — напр., на отдѣлѣ, трактующемъ объ общественныхъ обязанностяхъ человѣка.

Передо мной,—продолжаетъ Бѣлоруссовъ,— четыре руководства морали. Беру книжку Феликса Тома, Les éléments de morale. Нахожу въ ней перечисленіе общественныхъ добродѣтелей — справедливости, доброты, уваженія къ правамъ другихъ, солидарности, взаимопомощи и т. д., и затѣмъ разсужденіе, имѣющее цѣлью внушить ученику необходимость, обязательность этихъ качествъ. Тома утверждаетъ, во-первыхъ, что соціальныя добродѣтели отвѣчаютъ естественнымъ чувствамъ людей. Альтруистическія чувства свойственны природѣ человѣка и являются источниками мира, порядка, счастья. Затѣмъ онъ развиваетъ положеніе о соціальномъ долгѣ, идею котораго во французской литературѣ особенно тщательно разработалъ Леонъ Буржуа въ своей книгѣ „Solidarité“ (Парижъ, 1900 г.). Согласно этой идеѣ, каждый человѣкъ — неоплатный должникъ передъ обществомъ, которому онъ всѣмъ обязанъ; долгъ этотъ уплачивается выполненіемъ соціальныхъ обязанностей, практикой солидарности. Наконецъ, въ-третьихъ, идетъ кантіанскій аргументъ равнаго достоинства всякой человѣческой личности: „чтобы понять необходимость справедливости и соціальныхъ чувствъ, недостаточно, однако, видѣть въ намъ подобныхъ нашихъ кредиторовъ, а въ себѣ — ихъ

должника, или разсматривать ихъ какъ товарищей, соединившихся во имя общаго интереса; надо прежде всего видѣть въ нихъ такихъ же, какъ мы, людей, личность которыхъ столь же достойна, какъ наша, и одинаково священна".— Слабость всей этой пестрой аргументаціи очевидна. Во-первыхъ, большинство положеній ея спорно или можетъ быть оспариваемо. Спорно положеніе объ альтруистичности нашей природы: эгоистическія чувства и противообщественные инстинкты столь же естественны, какъ и эгоистическіе. Спорно положеніе о „долгѣ обществу"; оно совершенно неубѣдительно для тѣхъ, у кого общество много беретъ и кому мало даетъ. Кантіанское положеніе о равной цѣнности и равномъ достоинствѣ каждой человѣческой личности много говоритъ философствующему уму, но оно слишкомъ абстрактно, чтобы руководить движеніями обыкновеннаго человѣка или ребенка, особенно въ томъ случаѣ, если какіе-либо могучіе интересы или чувства внушаютъ ему „антиобщественное" поведеніе. Въ общемъ вся аргументація Тома лишена и единства, и силы, и той глубины, которая способна пересоздавать и культивировать имморальную душу; она лишена, поэтому, серьезнаго воспитательнаго значенія.

Въ книжкѣ Жакобе: „Devoirs" мы встрѣчаемъ нѣсколько иную концепцію. Общественныя добродѣтели и понятіе о справедливости коренятся, по мнѣнію автора, во-первыхъ, въ личномъ, эгоистическомъ стремленіи къ свободѣ и праву для себя; во-вторыхъ, въ чувствѣ симпатіи; въ-третьихъ, въ указаніяхъ разума— разумъ показываетъ, что требуя для всякаго всю мѣру свободы, согласную съ равной свободой остальныхъ, я создаю условія наиболѣе благопріятныя для сохраненія и поддержанія общества, всѣ члены котораго сознаютъ свои интересы. Наконецъ, въ-четвертыхъ, справедливость является общественнымъ коррелятивомъ равноцѣнности всякой разумной личности.

Особенностью этой аргументаціи является открытое обращеніе къ эгоизму, къ расчету личныхъ выгодъ. Нужно быть общественно добродѣтельнымъ, потому что это единственное условіе, при которомъ можно разсчитывать, что наши интересы будутъ соблюдаться другими. Дѣлай добро другимъ, чтобы его дѣлали тебѣ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, не бываетъ ли иногда выгоднымъ сдѣлать зло другимъ, аргументаціи Жакобе можно поставить общій упрекъ: опираясь на теорію разумнаго эгоизма, на теорію выгодъ и убытковъ, она не имѣетъ ничего общаго съ моралью и не воспитываетъ моральныхъ чувствъ и наклонностей, такъ какъ послѣднія всегда безусловны и императивны. Моральное утвержденіе: „нельзя убивать другого". Имморальное утвержденіе: „Нельзя убивать другого, потому что иначе и другой убьетъ меня".

Двѣ слѣдующія книги строятъ теорію морали на соціологическихъ основаніяхъ. „La Morale à l'école", руководство морали М. Пайо, кладетъ въ основу всей своей аргументаціи идею соціальнаго прогресса, желаніе принять участіе въ которомъ онъ и стремится вызвать въ ученикѣ. Принять участіе въ громадномъ процессѣ соціальнаго совершенствованія можно только понимая его цѣли, его направленіе. Эти цѣли и это направленіе опредѣляютъ, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать, что хорошо, и что дурно. Это во-первыхъ, во-вторыхъ, такъ какъ соціальный прогрессъ совершается работой всего общественнаго и даже болѣе—всего человѣческаго коллектива, то участіе въ этой работѣ приводитъ къ соціальной коопераціи, къ сотрудничеству и ко всѣмъ соціальнымъ добродѣтелямъ, вытекающимъ изъ сотрудничества.

Рей и Дюбю, авторы книги „Les leçons de Morale", не считаютъ возможнымъ принять въ качествѣ краеугольнаго камня ученія о морали идею соціальнаго прогресса, какъ такового. Идея соціальнаго прогресса не адекватна идеѣ прогресса добра. Не все черно въ прошломъ, не все хорошо въ настоящемъ. Рядъ культурныхъ измѣненій, совершившихся во времени и составляющихъ содержаніе того, что мы называемъ прогрессомъ, подлежитъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія добра, и потому самъ по себѣ не можетъ служить его критеріемъ. Источникомъ морали можетъ служить, поэтому, не просто солидарность, и не просто участіе въ соціальномъ процессѣ, а солидарность во имя добра, во имя направленія соціальнаго процесса къ добру. Въ книжкѣ Рея и Дюбю, такимъ образомъ, впервые ставится вопросъ объ идеалѣ, о добрѣ, какъ цѣли, въ которой должна быть направлена дѣятельность, а слѣдовательно, и жизнь человѣка и общества. Рей и Дюбю выводятъ свѣтскую мораль изъ низинъ расчета и изъ тумановъ ничего не говорящихъ абстракцій въ область великихъ цѣлей, благородныхъ достиженій, способныхъ направлять колеблющуюся волю человѣка, способныхъ внушить ему тотъ энтузіазмъ, безъ котораго не существуетъ единства и постоянства дѣйствій. Они категорически отказываются аргументировать моральныя предписанія соображеніями выгоды и убытка, и нигдѣ въ своей книжкѣ не апеллируютъ къ эгоистическимъ чувствамъ. Въ качествѣ „моральнаго аргумента" они опираются на утвержденіе, что соціальный прогрессъ есть сино-

нимъ прогресса добра, морального прогресса. Братство и солидарность, по ихъ мнѣнію, являются естественнымъ результатомъ соціальной эволюціи, находясь, такъ сказать, на продолженіи соціальной кривой.

Допустимъ на минуту, что это утвержденіе не противорѣчитъ наблюдаемому въ дѣйствительности, и спросимъ: неужели воззрѣніе, что „братство и солидарность находятся на продолженіи соціальной кривой“, можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для дѣятельности и жизни въ духѣ братства и справедливости? Что моральнаго въ преклоненіи передъ фактомъ? И развѣ моральныя чувства нормальнаго человѣка покоятся на его теоретическихъ представленіяхъ о природѣ соціальной эволюціи? Достаточно поставить эти вопросы, можно не отвѣчать на нихъ. Очевидно, что сложность и глубина явленій моральнаго порядка не стоитъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ скудостью, искусственностью, теоретичностью аргументаціи этого лучшаго изъ учебниковъ школьной свѣтской морали. Недостаточность этой аргументаціи обнаружится съ особой ясностью, если мы поставимъ себѣ вопросъ: въ чемъ видятъ свѣтскіе моралисты двигательную силу своихъ теоретическихъ представленій объ адекватности человѣческой личности, о соціальномъ прогрессѣ и т. д.? Вѣдь для того, чтобы эти идеи стали дѣйственнымъ основаніемъ моральныхъ поступковъ, нужно, чтобы въ человѣкѣ выросло стремленіе согласовать съ ними свои поступки; другими словами — онѣ должны воздѣйствовать не только на умъ, но и на волю. Правда, Рей и Дюбю думаютъ, что ихъ мораль даетъ „всѣмъ мыслящимъ людямъ, всѣмъ совѣстливымъ людямъ, стремящимся осуществлять свои убѣжденія и принимать участіе въ дѣлѣ соціальнаго усовершенствованія“ цѣнное орудіе эмансипаціи совершенствованія. Отсюда, однако, слѣдуетъ, что ихъ мораль есть мораль для моральныхъ. А для неморальныхъ, для тѣхъ, кто не „мыслитъ“, кто не стремится осуществлять свои теоретическіе взгляды, кто равнодушенъ къ соціальному прогрессу? Очевидно, такого рода мораль лишена воспитательнаго значенія, а если имѣетъ его, то только для рѣдкихъ экземпляровъ человѣческой породы, одушевленныхъ отъ колыбели желаніемъ соціальнаго добра.

Отъ учебниковъ перейдемъ къ книгамъ теоретическаго характера, посвященнымъ тому же вопросу. Изъ нихъ остановимся на двухъ. Сначала на книгѣ Бело: „Etudes de morale positive“, стоящей на точкѣ зрѣнія очень распространенной у французскихъ свѣтскихъ моралистовъ и намъ уже знакомой. „Морально то, что соціально полезно“ — т. е. то, что полезно для цѣлаго, частью котораго является человѣкъ. „То, что соціально полезно, является предметомъ желанія человѣчества“,— т. е. воля громаднаго большинства людей стремится къ тому, что полезно цѣлому; общеполезное автоматически становится цѣлью человѣческихъ желаній, влеченій и достиженій. Это послѣднее утвержденіе цѣнно въ томъ отношеніи, что оно вводитъ въ разсужденіе моментъ очень важный, но большинствомъ свѣтскихъ моралистовъ оставляемый въ сторонѣ: какимъ образомъ выводъ анализирующаго ума — въ нашемъ случаѣ, напр., идея соціальнаго прогресса,— превращается въ двигательную силу человѣческихъ поступковъ, въ руководящій идеалъ? Бело отвѣчаетъ: автоматически. Анализирующій умъ изслѣдуетъ соціальныя явленія и открываетъ законы ихъ эволюціи, опредѣляющіе общественно-полезное и общественно-вредное: но это общественно-полезное и общественно-вредное въ свою очередь опредѣляетъ содержаніе воли человѣчества, т. е. и то, къ чему человѣчество стремится, его идеалъ, его цѣли, и то, отъ чего оно отворачивается, что считаетъ зломъ, грѣхомъ и т. п. Поэтому достаточно, по мнѣнію Бело, показать и доказать человѣческому уму, что то-то и то-то общественно-полезно — и немедленно въ человѣческой волѣ должно возникнуть стремленіе достигнуть указаннаго. Во всякомъ случаѣ, моральная цѣнность его тѣмъ самымъ будетъ установлена. Психологически общественно-полезное превращается въ лично-желаемое, въ причину человѣческихъ дѣйствій (моральныхъ); человѣкъ опытнымъ путемъ приходитъ къ убѣжденію, что, живя въ обществѣ, онъ только опираясь на общественныя силы, можетъ достигнуть поставленныхъ себѣ цѣлей. Общество является необходимымъ и всеобщимъ средствомъ всякихъ индивидуальныхъ дѣйствій и достиженій, необходимымъ условіемъ дѣятельности и жизни; общество, съ его нуждами, становится въ концѣ-концовъ верховной цѣлью, удовлетвореніе общественныхъ нуждъ, достиженіе общественно-полезнаго ложится въ основу „желаннаго“, формируя и содержаніе морали, и характеръ идеаловъ. Этотъ порядокъ разсужденій ничѣмъ не отличается отъ старомоднаго утилитаризма, немножко подновленнаго и подкрашеннаго.

Отъ книги Бело перейдемъ къ другой, очень интересной и характерной для послѣдняго времени — къ работѣ Дельвольва: „Rationalisme et tradition“. Книга носитъ подзаголовокъ, опредѣляющій ея содержаніе: „Изысканіе условій дѣйственности свѣтской морали“. Этотъ подзаголовокъ свидѣтельствуетъ о томъ, что автору

ея и преподаваніе свѣтской морали въ школѣ, и большинство установившихся конструкцій свѣтской морали кажутся лишенными „условій дѣйственности“. Должно замѣтить, что взглядъ этотъ довольно распространенъ. Другою особенностью книги Дельвольва является то, что за образецъ морали дѣйственной, т. е. способной оказывать вліяніе на людей и руководить ихъ дѣйствіями, онъ беретъ традиціонную, т. е. религіозную мораль. Не даромъ же господствовала она надъ міромъ въ теченіе долгихъ вѣковъ. Своей моральной концепціи Дельвольвъ предпосылаетъ, поэтому, анализъ традиціонной морали.

Традиціонная мораль опирается на религіозное чувство и на религіозныя идеи; въ нихъ черпаетъ она свою силу, позволявшую ей въ теченіе вѣковъ руководить поступками людей. Мы никогда, поэтому, не поймемъ ея дѣйственной силы, если не уяснимъ себѣ психологическихъ корней религіозности. Три порядка чувствъ питаютъ въ человѣкѣ религіозность. Это, во-первыхъ, страхъ смерти, общій всему человѣчеству и тѣмъ болѣе сильный, чѣмъ утонченнѣе чувствительность и богаче душевная жизнь. Это, во-вторыхъ, тяжесть жизненной борьбы, и невѣрность ея результатовъ. Чѣмъ сильнѣе въ человѣкѣ стремленіе къ гармонической, счастливой жизни, чѣмъ сильнѣе боязнь страданія, тѣмъ невыносимѣе ожесточенная жизненная борьба; нерѣдко это чувство невыносимости достигаетъ степени настоящаго отчаянія. Третій порядокъ чувствъ стоитъ въ связи съ ощущеніемъ дисгармоніи дѣйствующихъ въ насъ силъ, дисгармоніи между нашими желаніями, цѣлями, которыя мы себѣ ставимъ, и средствами достиженія ихъ нашими силами, дисгармоніи между нашимъ вѣчнымъ стремленіемъ къ внутренней и внѣшней свободѣ — и детерминизмомъ, управляющимъ нашими чувствами и дѣйствіями. Смерть, необезпеченность и мучительность жизни, наша внутренняя слабость и противорѣчивость — вотъ три главныя формы зла и три главныхъ источника страданія. Это трехликое зло — выраженіе нашей относительности, нашего несовершенства, нашей слабости. И единственный способъ побѣдить это зло заключается въ томъ, чтобы слить наше существованіе и насъ самихъ съ какой-либо высшей формой бытія, абсолютной, совершенной и цѣлостной. Эту побѣду надъ зломъ и даетъ намъ вѣра, даетъ религія, единящая насъ съ Божествомъ. Религіозное чувство, сведенное къ своимъ элементамъ, даетъ человѣку ощущеніе, что онъ „составляетъ часть высшаго, чѣмъ онъ, существа, дѣйствующаго въ мірѣ внѣ его и способнаго притти къ нему на помощь“. Разъ достигнуто это ощущеніе Бога въ мірѣ, исчезаетъ жгучее страданіе и отчаяніе. Смерть не страшна, потому что она постигаетъ лишь несовершенную и внѣшнюю форму; ожесточенная жизненная борьба перестаетъ быть страшной, такъ какъ она представляется теперь лишь поверхностною рябью, не нарушающей теченія могучаго и спокойнаго потока жизни. Чувство безпомощности и противорѣчивости умолкаетъ, такъ какъ за человѣкомъ ощущается божественная сила и божественная воля, исполненіе велѣній которой даетъ спокойствіе и увѣренность. „Связь человѣка съ Божествомъ и сознаніе этой связи, отвѣчаютъ потребности освобожденія отъ зла: догматы жизни вѣчной, единенія людей въ Богѣ и господствующей въ мірѣ Божественной любви парализуютъ дѣйствіе трехъ указанныхъ выше формъ вытекающаго изъ нашей природы зла“, Религія даетъ человѣку громадное утѣшеніе, внутренній миръ, ясность путей и цѣлей жизни, указанныя высшей волей: она разрываетъ связь между нимъ и невѣрными, низшими, индивидуальными цѣлями, пріобщая его къ цѣлямъ высшимъ и общимъ; она поднимаетъ тонъ его душевной жизни, увеличиваетъ его моральную силу. „Я, признаюсь,— пишетъ Дельвольвъ,— увѣренъ, что подобный результатъ не можетъ быть достигнутъ помимо глубокаго единенія человѣческаго существа, горестно сознающаго свою относительность и слабость, съ высшей формой бытія, свободной отъ человѣческихъ недостатковъ. Я принужденъ, такимъ образомъ, заключить, что чувство божественнаго, идея Божества имѣетъ абсолютную практическую цѣнность, т. е. цѣнность, независимую отъ преходящихъ душевныхъ состояній людей, но стоящую въ связи съ всеобщими и постоянными въ нашей цивилизованной средѣ психологическими состояніями“. Слѣдуетъ ли отсюда,—спрашиваетъ онъ,— что мы должны исповѣдывать то или другое теологическое credo, или класть въ основу нашей морали элементы, оторванные отъ теологическихъ или мистическихъ системъ? Конечно,— нѣтъ. Упадокъ вѣры въ современномъ обществѣ есть слѣдствіе сказавшагося противорѣчія религіозныхъ доктринъ нашимъ научнымъ знаніямъ и нашему опыту. Съ этимъ фактомъ нельзя не считаться, и безполезно реставрировать знаніе теологической морали; но въ то же время надо воспользоваться тѣми выводами, которые даютъ намъ анализъ условій дѣйственности религіозной морали, и построить нашу новую свѣтскую моралъ въ согласіи съ психологическими потребностями человѣка. Надо, иными словами, транспонировать идею божественнаго изъ области сверхъестественнаго въ

область естественнаго, свести Божество съ неба на землю.

Какъ же достигнуть этого? Для этого прежде всего необходимо замѣстить духовную связь человѣка съ трансцендентальнымъ существомъ связью съ реальнымъ существомъ, объективно существующимъ, познаваемымъ, родственнымъ намъ, но высшимъ, цѣли котораго, не противорѣча индивидуальнымъ человѣческимъ цѣлямъ, заключаютъ ихъ въ себѣ,—съ существомъ, обладающимъ могучими силами, обезпечивающими окончательное торжество его цѣлей въ жизни. Этой задачѣ отвѣчалъ бы, по мнѣнію Дельвольва, религіозно-пантеистическій взглядъ на міръ, какъ на единое цѣлое, живущее единой и цѣльной жизнью, цѣлое, частью котораго является каждый отдѣльный мыслящій и чувствующій человѣкъ. Чувство связи съ цѣлымъ дается намъ въ „чувствѣ природы“, въ эстетическомъ чувствѣ, въ соціальномъ инстинктѣ. Чувство природы психологически связываетъ насъ съ „большимъ кругомъ“ космоса. Соціальный инстинктъ связываетъ насъ съ „малымъ кругомъ“, въ которомъ мы заключены—съ обществомъ. Эти чувства и эти инстинкты даны; они показатели того реальнаго единства, которое существуетъ въ матеріальной, соціальной и индивидуальной природѣ, приводимой въ движеніе едиными силами, эволюціонирующей къ однѣмъ и тѣмъ же всеобщимъ цѣлямъ. Сознаніе единства мірового процесса и напряженность космическаго и соціальнаго чувства—основные элементы того религіознаго воззрѣнія на міръ, которое должно и можетъ замѣнить супранатуралистическія религіи и послужить основаніемъ для морали, свободной отъ мистическихъ элементовъ.

Такова одна изъ нелишенныхъ интереса концепцій свѣтской морали, пришедшихъ на смѣну морали утилитарной и морали соціалитарной.

Что касается самихъ преподавателей „свѣтской морали“, т. е. народныхъ учителей, то направленіе ихъ въ этомъ вопросѣ опредѣлилось вполнѣ ясно.

Если народный учитель,—пишетъ Бѣлорусовъ,—не „человѣкъ въ футлярѣ“, не Тартюфъ, и не лицемѣръ, онъ можетъ преподавать мораль только тогда, когда самъ имѣетъ опредѣленные моральные устои и взгляды, и въ этотъ послѣднемъ случаѣ онъ будетъ воспитывать своихъ учениковъ именно въ духѣ своихъ убѣжденій. Профессіональный долгъ поставилъ передъ учителемъ задачу выяснить для себя основы свѣтской морали, т. е. принциповъ личнаго и гражданскаго поведенія. Но доктрина, охватывающая и личное поведеніе человѣка, и соціальное поведеніе гражданина, представляетъ собою законченное философское и соціальное міровоззрѣніе. Отсюда слѣдуетъ, что именно на отысканіе такого міровоззрѣнія должны были направиться усилія лучшей, по крайней мѣрѣ, части учителей. Она и нашла его въ соціализмѣ и въ родственномъ ему синдикализмѣ,—и для этого было много очень вѣскихъ причинъ.

Во-первыхъ, теоріи эти всего болѣе отвѣчаютъ соціальному положенію интеллигентовъ-пролетаріевъ, какими чувствуютъ себя учителя народной школы. Во-вторыхъ, идеалистическій характеръ, присущій этимъ концепціямъ, стремящимся осуществить на землѣ своего рода „царствіе Божіе“, сообщаетъ адептамъ ихъ тотъ энтузіазмъ, безъ котораго всякое міровоззрѣніе и всякая мораль представляютъ собою кучу абстрактныхъ выкладокъ или мертвыхъ предписаній. Въ третьихъ, соціализмъ выводитъ человѣка изъ низшихъ личныхъ и мелкихъ интересовъ на высшую плоскость классовыхъ и общечеловѣческихъ задачъ, интересовъ и достиженій, и потому болѣе, чѣмъ какая-либо другая свѣтская доктрина способенъ служить основаніемъ для глубокаго моральнаго воздѣйствія, приближаясь, въ этомъ отношеніи, къ теологическимъ системамъ. Общая черта тѣхъ и другихъ—наличность далекаго и высокаго идеала, вѣра въ него, готовность принести въ жертву свои личные интересы высшимъ интересамъ цѣлаго, чувство связи своей личной жизни съ жизнью этого цѣлаго. Въ современномъ буржуазномъ и свѣтскомъ обществѣ соціалистическая доктрина возрождаетъ религіозный элементъ, столь присущій человѣческой природѣ, но возрождаетъ его въ формѣ свободной отъ супранатурализма. Онъ является, поэтому, чрезвычайно удобной базой для педагогическаго воздѣйствія вообще и для воздѣйствія на дѣтей соціально-неудовлетворенныхъ классовъ въ особенности.

Идея «Всемірнаго мозга».

М. Горькій въ послѣдней кн. „Современника“ предлагаетъ вниманію русской интеллигенціи грандіозный проектъ, возникшій на Западѣ, проектъ Интернаціональной Лиги, которая должна сгустить, соединить въ себѣ всю энергію лучшихъ людей міра, представителей всѣхъ націй, собрать всю силу ихъ благороднѣйшихъ стремленій, теперь зачастую безплодно разсѣивающихся въ пространствѣ, и направить ее

противъ всѣческихъ „золъ современной соціальной системы“.

Онъ пишетъ:

„Капиталистическія государства, въ борьбѣ своей противъ стремленія народныхъ массъ къ соціальной справедливости, все чаще прибѣгаютъ къ мѣрамъ варварскимъ, жестокимъ и кровавымъ.

Мѣры эти, ожесточая трудовой народъ, вызываютъ въ немъ законное чувство мести и рѣзко отрицательное, анархистическое отношеніе къ самой идеѣ государства, какъ организаціи духовной и физической дѣятельности людей, на началахъ разума, свободы и справедливости.

Становятся все болѣе возможными гражданскія войны, а рядомъ съ этимъ мы наблюдаемъ быстрый ростъ другого грознаго явленія: европейскій капиталъ, понуждая цивилизацію къ обратному движенію на Востокъ, разбудилъ къ жизни многомилліонныя массы азіатскихъ народовъ, это грозитъ жестокимъ отпоромъ со стороны Азіи, которую капитализмъ Европы хочетъ ограбить и поглотить, это грозитъ длительной и кровавой борьбою расъ, на почвѣ многообразныхъ противорѣчій экономическаго, религіознаго и бытового характера.

Современныя завоевательныя и безчеловѣчныя тенденціи европейскаго и американскаго капитализма угрожаютъ существованію культуры и цивилизаціи; во всякомъ случаѣ, капитализмъ способенъ создать и уже создастъ всѣ условія, способныя задержать процессъ превращенія европейской культуры въ культуру общечеловѣческую, планетарную.

Живя въ атмосферѣ всеобщей вражды, кровавыхъ столкновеній и постояннаго ожиданія соціальныхъ катастрофъ — человѣчество Европы не можетъ быть духовно здоровымъ, а именно теперь, когда его работою разбужены всѣ народы нашей планеты, человѣку необходимо имѣть хорошій запасъ интеллектуальнаго и физическаго здоровья.

Къ счастью нашему, лучшіе и сильнѣйшіе умы Европы понимаютъ эту необходимость и подъ вліяніемъ могучаго духовнаго роста европейской демократіи постепенно проникаются сознаніемъ, что наступило время рѣшительной борьбы съ анархистическими и анти-культурными вліяніями капитализма.

Недавно почтенный Вильгельмъ Оствальдъ, знаменитый ученый и философъ, посѣялъ въ мірѣ плодотворную идею необходимости создать въ мірѣ всенародный центральный органъ мышленія — „Всемірный мозгъ“, который, думая обо всемъ, за всѣхъ и вмѣстѣ со всѣми, ввелъ бы въ хаосъ современныхъ соціальныхъ отношеній ясное и здоровое интеллектуальное начало.

Ходъ мыслей Оствальда таковъ:

„Человѣчество дѣлится на народы и національныя группы, отграничиваясь другъ отъ друга болѣе или менѣе скрытой враждой, подчеркивая свои племенныя различія, забывая общечеловѣческое въ себѣ. Но результаты мозговой дѣятельности людей науки и искусства уже получили вполнѣ интернаціональный, общечеловѣческій характеръ. Открытіе радія не есть заслуга какой-либо одной націи, надъ вопросомъ объ искусственномъ питаніи работаютъ ученые всѣхъ странъ, какъ и надъ другими вопросами столь же глубокаго значенія. Научное творчество независимо отъ особенностей той или иной націи — опытная наука совершенно объективна“.

Оствальдъ полагаетъ, что эту строго-научную объективность возможно внести въ область соціологіи и политики, если люди практической дѣятельности и люди, способные къ синтезу, объединятся въ одной организаціи; онъ думаетъ, что въ мірѣ возможна свободная, независимая кооперація теоретиковъ и практиковъ, которая и займетъ въ организмѣ человѣчества роль „центральнаго органа“, роль мірового мозга. Блестящій теоретикъ, создатель философской системы Оствальдъ тотчасъ же принялся за практическое осуществленіе своей идеи и вмѣстѣ съ Рихардомъ Демель, знаменитымъ поэтомъ, Уптономъ Синклэръ, романистомъ, и Фредерикомъ ван-Эдэнъ, голландскимъ ученымъ, разослали разнымъ ученымъ и литераторамъ Европы слѣдующее воззваніе:

„Нижеподписавшіеся, мужчины и женщины, преданные дѣлу соціальнаго прогресса, образовали интернаціональную организацію, подъ именемъ Интернаціональной Лиги, съ цѣлью координировать свои условія, собрать ихъ въ одинъ фокусъ и сдѣлать болѣе дѣйствительными формы агитаціи противъ золъ современной соціальной системы“.

„Мы начинаемъ съ деклараціи, что наше отношеніе къ этой соціальной системѣ — активное: опредѣляя его утвержденіемъ, что отрицаемъ частную собственность, какъ несправедливость по отношенію къ естественнымъ источникамъ благосостоянія и отрицаемъ соціальное первенство и всѣ условія, отсюда проистекающія. Мы полагаемъ, что отнынѣ бѣдность отнюдь не является необходимостью, но можетъ быть извлечена соціальными дѣйствіями, и потому мы требуемъ для жертвъ ея права протеста и права борьбы съ нею“.

„Въ странахъ, гдѣ приняты свобода мнѣній и агитаціи, мы стоимъ за конституціонную си-

стему управленія, всеобщее образованіе, всеобщее избирательное право и свободу стачекъ; въ странахъ, гдѣ отрицаются основныя политическія права, мы санкціонируемъ революціонный образъ дѣйствій, которымъ въ теченіе всей исторіи народы требовали и утверждали свою свободу. Мы должны соблюдать въ этомъ отношеніи величайшую осмотрительность, но, имѣя передъ собою примѣры Турціи, Португаліи и Китайской революціи, мы не можемъ призывать поклонниковъ прогресса не противиться злу".

„Въ намѣренія Лиги отнюдь не входитъ давать преимущество какой бы то ни было партіи, сектѣ, формѣ или мнѣнію. Мы охотно принимаемъ въ свои члены либераловъ и радикаловъ, соціалистовъ и сингль-таксеровъ, анархистовъ и синдикалистовъ. Наша цѣль дѣйствовать наиболѣе широкими путями, такъ, чтобы всѣ люди гуманитарныхъ идей могли и должны были бы притти къ одному соглашенію, чтобы въ нашихъ собраніяхъ и изданіяхъ мы давали самую полную свободу выраженію всевозможныхъ взглядовъ всѣхъ нашихъ членовъ. Существуютъ основные принципы справедливости и свободы, относительно коихъ согласны всѣ люди, революціонно-мыслящіе, и вотъ, когда совершаются великія преступленія противъ человѣчества, или когда ихъ пытаются совершить, приверженцы прогресса всякаго рода должны позабывать свои разногласія и объединяться для общихъ выступленій".

„Первое основаніе для нашего предложенія есть именно то, что въ настоящій моментъ огромное количество человѣческихъ усилій пропадаетъ за отсутствіемъ какого-либо агентства для координаціи и всемірности такихъ выступленій. Капитализмъ скоро станетъ интернаціоналенъ, и права человѣка должны быть поддержаны противъ правъ собственности, а тѣмъ, кто стоитъ за высшую жизнь, необходимо организовать и интернаціонализовать свое вліяніе. Мы, напримѣръ, полагаемъ, что существуй такое агентство, способное добиться правды и немедленно распространить ее по всему свѣту, возможно было бы предупредить и предотвратить убійство Ферера въ Испаніи и Котоку въ Японіи. Мы полагаемъ, что если бы со стороны многихъ народовъ явился мощный и дѣйствительный протестъ, подобныя преступленія были бы предотвращены, и наши современныя, гражданскія права, добытыя необыкновеннымъ трудомъ — ограждены отъ насилій".

„Практическіе планы нашей Лиги слѣдующіе:

„Первое — организовать бюро, съ компетентнымъ составомъ секретарей и переводчиковъ и составлять, поддерживать и пополнять списки лицъ, заинтересованныхъ въ прогрессѣ; списки писателей, издателей, публицистовъ, корреспондентовъ и общественныхъ дѣятелей всякаго рода, склонныхъ относиться симпатично къ нашей работѣ; списокъ газетъ, журналовъ, политическихъ партій, трэдъ-юніоновъ и обществъ, желающихъ объединиться съ нами, или интересующихся нами, желающихъ получать отъ насъ сообщенія. Мы такого бюро не знаемъ и полагаемъ, что учрежденіе такового въ настоящее время уже само по себѣ является достаточнымъ основаніемъ для существованія нашей организаціи".

„Второе — мы полагаемъ издавать и печатать бюллетени, изъ коихъ наши сочлены освѣдомлялись бы о прогрессѣ нашей работы и имѣли возможность обладать жизнедѣятельной освѣдомленностью о нашихъ планахъ и дѣйствіяхъ въ минуты какой-либо наступившей опасности".

„Третье — назначить центральное мѣсто для собраній, въ которомъ всѣ члены Лиги могли бы собираться въ лѣтнее время недѣли на двѣ, на три, для обмѣна мнѣній и плановъ, а также для обсужденія дѣятельности Лиги".

„Предполагается, что данная программа представляетъ собою мнѣнія, въ которыя каждый работникъ дѣла соціальнаго прогресса можетъ любезно внести свои поправки. Предпріятіе предполагается вести на широкихъ и опредѣленныхъ основаніяхъ, и каждаго убѣдительно просятъ помочь совѣтомъ и участіемъ дѣлу въ этой ранней порѣ его, чтобы оно могло руководствоваться и основываться такимъ образомъ, чтобы внушить къ себѣ довѣріе и заслужить уваженіе гуманистовъ всего міра".

Какъ видите — Лига ставитъ себѣ цѣлью организовать въ мірѣ какъ бы нѣкій интернаціональный парламентъ, въ коемъ каждая нація будетъ представлена ея теоретиками и практиками, каждый классъ будетъ имѣть выразителей своихъ культурныхъ интересовъ, и гдѣ всѣ люди Разума и Дѣянія будутъ дружно и согласно искать путей къ творчеству политической и соціальной справедливости, которая тѣмъ болѣе сознается народами, чѣмъ тяжелѣй попираютъ ее командующіе классы".

Надобно предвидѣть, что эта затѣя можетъ показаться утопіей, можетъ вызвать къ себѣ отношеніе насмѣшливое и скептическое. Навѣрное найдутся бойкіе люди, которые вспомнятъ анти-демократическую выдумку Э. Ревана о мудрецахъ, вооруженныхъ всѣми тайнами науки и деспотически управляющихъ міромъ.

Но огромная культурная цѣнность идеи Оствальда ничего не теряетъ отъ насмѣшекъ и очень много можетъ выиграть отъ разумной, серьезной и всесторонней критики. Какъ бы ни

относиться къ ней — она является неоспоримымъ доказательствомъ въ пользу того факта, что среди лучшей интеллигенціи міра, такъ же, какъ и среди демократіи, все быстрѣй растетъ сознаніе необходимости единенія людей, необходимости координаціи ихъ творческихъ силъ — въ мірѣ растетъ сознаніе братства людей, единства ихъ цѣлей.

На воззваніе В. Оствальда уже сочувственно откликнулось немало ученыхъ, практическихъ дѣятелей и литераторовъ. Нѣкоторые уже внесли дополненія къ воззванію Оствальда, расширяющія и концентрирующія задачи Лиги:

„XX вѣкъ будетъ великимъ вѣкомъ синтеза всѣхъ наукъ. Онъ построитъ чудесное зданіе науки соціальной, интернаціональной и всемірной, единственно могущей помѣшать войнѣ и гарантировать миръ всѣмъ людямъ".

Есть много основаній смотрѣть на эти слова д-ра Ж. Феликса, какъ на пророчество, которое исторія хочетъ оправдать: стремленіе европейской мысли къ синтезу всѣхъ данныхъ творчествомъ человѣчества фактовъ, стремленіе къ интернаціонализму все ярче и сильнѣй разгорается въ Европѣ.

Вслѣдъ за манифестомъ Оствальда появилось воззваніе группы молодыхъ ученыхъ-естественниковъ, объединившихся въ организацію, названную ими „Интернаціоналъ Мысли". Воззваніе это говоритъ:

„Разсматривая науку, какъ колоссальный синтезъ, всѣ части котораго тѣсно зависятъ одна отъ другой „Интернаціоналъ Мысли" будетъ преслѣдовать цѣль изученія природы отъ атома до человѣка, отъ сырой матеріи до появленія мысли, приближающейся къ своему наиболѣе абсолютному совершенству въ соціалистической организаціи".

Несомнѣнно, что эти единовременно зародившіяся организаціи сольются воедино, и что въ дальнѣйшемъ „Интернаціональная Лига" Оствальда привлечетъ къ себѣ и всѣ организаціи съ едиными цѣлями, какъ, напримѣръ, общество „Свободныхъ мыслителей" съ Пресансе во главѣ, „Ассоціація Франциска Ферера" — въ Нью-Іоркѣ, „Ассоціація раціоналистической прессы", — въ Лондонѣ, „Институтъ интернаціональной интеллигенціи" — въ Нью-Іоркѣ, а также англійскіе комитеты „Pro Persia", „Pro Armenia", и всѣ общества и группы этого типа.

Такимъ образомъ, XX вѣкъ ставитъ передъ собою совершенно новую задачу сліянія во единую силу всего добраго, умнаго и честнаго, что создано работою предшествовавшихъ вѣковъ. Въ темномъ хаосѣ соціальныхъ отношеній на нашихъ глазахъ зарождается какъ бы новое гордое свѣтило — солнце, созданное изъ умовъ и волъ лучшихъ людей современности.

Все это люди точнаго знанія и не кабинетные мечтатели, но непосредственные участники въ дѣлѣ жизни — всѣ они члены тѣхъ или иныхъ организацій гуманитарнаго характера, не однажды выступавшіе противъ нарушенія справедливости; нынѣ имъ стало ясно, что проповѣдь гуманизма въ тѣхъ формахъ, какъ она ведется, не въ силахъ ввести въ жизнь существенныя измѣненія, и вотъ они идутъ дальше гуманизма.

Я считаю также нужнымъ подчеркнуть, что лигисты — люди зрѣлаго возраста: Оствальду — 60 лѣтъ, Демелю — за 50, и почти всѣ, присоединившіеся къ нимъ, переступили сорокалѣтній возрастъ.

А мы, русскіе, въ юности громогласно заявляемъ о „непріятіи" міра, но къ сорока годамъ покорно принимаемъ всѣ щелчки и пощечины со стороны грубой силы, одѣвшей насъ; въ двадцать лѣтъ мы непримиримые революціонеры, а въ сорокъ кричимъ, что „уже разувѣрились въ соціализмѣ" — основѣ культуры будущаго, выработанной всею исторіей человѣчества. Наши анархическія заявленія о „непріятіи міра" надо понимать, какъ нашъ отказъ отъ всего наслѣдства исторіи, отъ всѣхъ правъ и обязанностей, выработанныхъ для насъ силой духа человѣческаго, всей его работой на протяженіи тысячелѣтій, и этотъ отказъ есть свидѣтельство о нашемъ варварствѣ, о нашей духовной нищетѣ.

Но, къ счастью, это свидѣтельствуетъ только о юношеской нашей торопливости, мѣшающей намъ оцѣнить всемірную работу, сдѣланную до насъ и для насъ.

Вотъ уже на протяженіи семидесяти лѣтъ мы судорожно мечемся отъ Бѣлинскаго, Добролюбова и Чернышевскаго къ Достоевскому и Толстому, отъ нихъ къ Ницше и Марксу и сквозь всѣ организаціи и ученія живого и дѣятельнаго Запада, снова возвращаемся къ мертвымъ, безплоднымъ идеямъ русскаго анархизма, къ настроеніямъ, которыя губятъ насъ, отрывая отъ общемірової жизни, источника творческой энергіи.

Мы проходимъ именно сквозь творчество Запада, не только не умѣя дополнить его и нашей работой увеличить цѣнность общечеловѣческаго труда, но крайне медленно усванвая опытъ Европы, рѣдко впитываемъ его глубоко, на всю жизнь. Въ области идей мы ведемъ себя, точно капризныя дамы въ магазинахъ модныхъ матерій — каждый старается схватить кусокъ оригинальнѣе, поповѣй рисункомъ, чтобы внутренно одѣться непохоже на сосѣда.

Одѣваемся въ новыя идеи всегда не по росту, быстро треплемъ ихъ и снова остаемся въ собственныхъ, сѣрыхъ лохмотьяхъ пассивнаго анархизма.

Такъ толчемся мы изъ года въ годъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ; неудачи наши ничему не учатъ насъ, а только озлобляютъ, и мы публично обвиняемъ другъ друга въ ошибкахъ, авантюризмѣ, невѣжествѣ, неискренности.

Передъ русской интеллигенціей стоятъ задачи огромной важности и прежде всего задача ея организаціи.

Если многоопытные люди Запада считаютъ возможнымъ организовать всю духовную работу современнаго человѣчества, координировать всѣ воли, направленныя къ утвержденію на планетѣ нашей началъ Разума и Справедливости — мы, подростки въ семьѣ народовъ Европы, — должны, наконецъ, понять необходимость организаціи своихъ силъ, понять необходимость и намъ координировать нашу культурную работу.

Направленіе, въ которомъ мы должны развивать свои силы, еще разъ указано намъ лучшей интеллигенціею Запада, которая все глубже понимаетъ неизбѣжность пути къ соціализму, какъ основѣ и душѣ новой культуры.

„Ничего нѣтъ безъ основанія, почему оно есть“ — эта старая, неоспоримая истина не можетъ быть отвергнута только потому, что нѣкоторые, слишкомъ капризные „мальчики безъ штановъ“, разочаровались и разувѣрились въ соціализмѣ, которымъ уже опіодотворена земля. Плодъ этотъ не можетъ быть устраненъ путемъ аборта и никакимъ другимъ путемъ насилія, какъ въ свое время не могло быть устранено изъ міра христіанство, несмотря на всю жестокость мѣръ, направленныхъ къ борьбѣ противъ него. Мы должны разъ навсегда сказать себѣ, что мы — европейцы и должны непрерывно, дѣятельно учиться у Запада жить, работать, а — главное — мы должны, наконецъ, понять непререкаемое значеніе мысли почувствовать великую красоту того момента, когда мысль и воля, слитыя во единую энергію, творчески вступаютъ въ жизнь.

Вотъ предъ нами возникаетъ грандіозная попытка объединить въ единое цѣлое всѣ мысли и воли, направленныя къ реорганизаціи жизни на планетѣ нашей — эта попытка должна привлечь наше вниманіе, здѣсь мы найдемъ чему поучиться.

И прежде всего въ этомъ движеніи западной интеллигенціи наше вниманіе должно остановиться на высокой оцѣнкѣ разума и воли, которую ясно чувствуешь въ манифестѣ лигистовъ—намъ всего болѣе не хватаетъ именно увѣренности въ непобѣдимой силѣ разума и воли, силамъ, создающимъ истину и красоту.

Линія развитія человѣчества не имѣетъ предѣла; все болѣе стремительно уходя въ будущее, она влечетъ къ нему все большее количество психической энергіи, и мы,—люди, вмѣстилища мірового разума,—мы являемся источниками этой энергіи, нашими усиліями создается новая жизнь.

А смыслъ и радость бытія—въ непрерывномъ стремленіи къ новымъ истинамъ и новой красотѣ.

Инстинктъ и разумъ.

(Къ пониманію душевной жизни животныхъ.)

Статья Е. Елачича „Современная зоопсихологія и ея значеніе“ (въ „Соврем.“) знакомитъ насъ съ тѣми — важными и для изученія человѣческой психики, а именно ея происхожденія — результатами, какихъ уже успѣли достигнуть представители строго научной, объективной сравнительной психологіи. Отъ ихъ изслѣдованій сильно пострадали муравьи и пчелы: эти высокопрославленныя насѣкомыя оказались низведенными съ пьедестала...

Еще въ концѣ XVIII вѣка, — пишетъ названный авторъ, — одновременно съ общимъ постепеннымъ развитіемъ всѣхъ отраслей біологическихъ наукъ, начала развиваться и научная зоопсихологія. Бюффонъ, Реймарусъ и въ особенности Ламаркъ высказывали весьма справедливые взгляды на психику животныхъ и, взаимно пополняя другъ друга, подошли въ общемъ довольно близко къ правильному пониманію ея и къ отличію явленій инстинктивныхъ отъ явленій разумныхъ. Уже тогда выяснялась огромная разница въ психикѣ животныхъ, съ одной стороны, и человѣка, съ другой, а также и различіе въ психикѣ разныхъ животныхъ. Уже тогда указывалось, что животныя въ поступкахъ своихъ руководятся преимущественно инстинктомъ, дѣятельностью безсознательною или лучше сказать — лишенною цѣлепониманія.

Но вотъ въ серединѣ XIX вѣка выступаетъ Дарвинъ и порожденная имъ школа дарвинистовъ. Хотя эволюціонныя идеи Ламарка все еще не получаютъ должнаго признанія, но зато само эволюціонное ученіе укрѣпляется незыблемо и быстро получаетъ всеобщее признаніе, хотя сначала и исключительно подъ флагомъ ортодоксальнаго дарвинизма. И эта быстрая побѣда дарвинизма, имѣвшая и имѣющая такое огромное значеніе въ исторіи развитія

человѣческой мысли, имѣвшая такое неоцѣнимое значеніе для укрѣпленія и развитія эволюціоннаго ученія, — эта побѣда знаменуетъ по отношенію къ воззрѣніямъ на душевную дѣятельность животныхъ не прогрессъ, а совершенно очевидный теперь регрессъ, затормозившій развитіе сравнительной психологіи чуть ли не на полстолѣтія и породившій длинную вереницу заблужденій какъ въ самой біологіи, такъ и въ наукахъ, въ томъ или иномъ отношеніи связанныхъ съ нею.

Скромное первоначальное стремленіе Дарвина найти, несмотря на разительное различіе, нѣкоторыя сходныя черты въ психикѣ человѣка и животныхъ было оставлено далеко позади, и теперь дарвинисты установили полное единство въ психикѣ всего животнаго міра, ибо вплоть до коралловъ, губокъ и одноклѣточныхъ у всѣхъ нашли чисто человѣческій разумъ, память и этику. У насѣкомыхъ обнаружили не только умъ, много превосходящій умъ необразованнаго человѣка, но нашли высокое развитіе государственности, нравственности и любви, до которыхъ человѣчеству въ его массѣ еще очень далеко.

Но какая цѣна этимъ разсужденіямъ, когда они основаны на невѣрно понятыхъ фактахъ, а не на объективномъ разсмотрѣніи душевной дѣятельности животныхъ? Вѣдь подобными разсужденіями, которыя совершенно одинаково дискредитируютъ какъ самую зоопсихологію, такъ и автора, ею подкрѣпляющаго свои доводы, можно было доказывать и опровергать все, что угодно. И неудивительно поэтому, что передовые соціологи, передовые психологи и историки постепенно стали приходить къ выводу, что при рѣшеніи вопросовъ человѣческой психологіи и соціологіи надо совсѣмъ отказаться отъ мысли базировать ихъ на данныхъ сравнительной психологіи.

Къ такому же полному отрицанію возможности и надобности для пониманія человѣческой психики, этики и соціологіи обращаться къ міру животныхъ пришла постепенно и совершенно другая, новая школа психологовъ, стремящаяся привести всю человѣческую психику къ простымъ физико-химическимъ факторамъ и пошедшая по этому пути быть можетъ слишкомъ далеко и, по состоянію современной науки, еще слишкомъ даже опрометчиво.

А между тѣмъ какъ бы мы ни смотрѣли на дѣло, а все же факты остаются фактами, и происхожденіе человѣка отъ не-человѣка перестало быть гипотезой, а стало прочно установленною научною теоріею. И въ такомъ случаѣ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что при постепенномъ развитіи отъ своихъ далекихъ предковъ не-человѣковъ, человѣкъ эволюціонировалъ и въ тѣлесномъ и въ психическомъ отношеніи. И какъ тѣло двуногаго человѣка есть лишь сильно измѣненное тѣло четвероногаго (или четверорукаго) звѣря, такъ же точно и душа человѣка должна быть лишь очень сильно измѣненною душою древняго звѣря. И основу эту, основу, изъ которой постепенно развился высокій и гордый духъ человѣка, намъ знать необходимо, если мы хотимъ вполнѣ понять сложную психику современнаго человѣка. И разумѣется, что ознакомленіе съ научною, объективною зоопсихологіею можетъ дать въ этомъ отношеніи дѣйствительно цѣнные матеріалы.

Въ тѣлѣ человѣка мы знаемъ цѣлый рядъ рудиментарныхъ, остаточныхъ органовъ, — эти ослабленныя, полуутраченныя наслѣдія органовъ, нѣкогда у далекихъ предковъ нашихъ бывшихъ въ дѣйствіи и въ полномъ развитіи. Этихъ рудиментарныхъ органовъ въ тѣлѣ человѣческомъ немало. Часть ихъ „молчитъ“, а нѣкоторые, какъ извѣстно, нерѣдко даютъ еще знать о своемъ присутствіи. Но какое же мы имѣемъ право предполагать, что въ психикѣ человѣка нѣтъ тоже своихъ рудиментовъ, своихъ остатковъ и пережитковъ свойствъ душевной природы нашихъ далекихъ предковъ? Вѣдь инстинкты и другія психологическія особенности созидаются, измѣняются и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе совершено такъ же и по тѣмъ же законамъ наслѣдственности, какъ и всѣ чисто тѣлесные признаки. И нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что у человѣка такіе психическіе рудименты имѣются, что они сидятъ у него глубоко и даютъ о себѣ знать гораздо сильнѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Но о психологіи нашихъ дочеловѣческихъ предковъ, отъ которыхъ мы пока еще не имѣемъ никакихъ остатковъ, мы не можемъ имѣть никакихъ непосредственныхъ знаній. Тутъ эта отсутствующая „психологическая палеонтологія“ можетъ быть замѣнена исключительно изученіемъ психологіи животнаго міра вообще, и психологіи животныхъ, ближе всего по своему развитію къ человѣку стоящихъ, въ частности. Но разумѣется, для того, чтобы эта психологія животныхъ могла быть использована въ этомъ отношеніи, она должна быть строго научною, она должна быть строго и вполнѣ объективною, а не представлять изъ себя собраніе субъективныхъ разсужденій за животныхъ, толкуемыхъ къ тому же каждымъ авторомъ по своему и по сравненію съ человѣкомъ.

На этотъ путь строго научнаго изученія психологіи животныхъ и встала современная объ-

ективная сравнительная психологія, незамѣтно вернувшаяся къ Ламарку и продолжающая постепенное развитіе науки по его завѣтамъ. „Но пусть лучше истина, разъ узнанная, долго борется, не получая признанія“... говорилъ Ламаркъ, и примѣнительно къ истинамъ, имъ добытымъ, это понятіе „долго“ обнимаетъ собою промежутокъ времени почти въ цѣлое столѣтіе.

Ученіе о психологіи животныхъ, какимъ оно создалось увлеченіями дарвинистовъ, стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ эволюціонной теоріей. Если традиціи въ развитіи разума, этики и прочихъ элементовъ психики наблюдаются въ порядкѣ — млекопитающія, птицы, некультурные люди, муравьи и пчелы, культурные люди, то ясно, что ни о какомъ эволюціонномъ ученіи не можетъ быть и рѣчи.

Но, разумѣется, эволюціонное ученіе стоитъ непоколебимо твердо, а антропоморфическая зоопсихологія должна разсѣяться какъ туманъ, и должна разсѣяться именно при свѣтѣ эволюціоннаго ученія, укрѣпленію и научному обоснованію котораго такъ безконечно много содѣйствовалъ великій Дарвинъ и не менѣе великая рать его послѣдователей.

Современная научная, объективная зоопсихологія съ совершенною очевидностью указываетъ, что въ эволюціи психики во всемъ животномъ мірѣ нѣтъ никакихъ странныхъ скачковъ, и что уровень развитія психики у каждой данной группы животныхъ стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ развитіемъ ихъ тѣлесныхъ особенностей и съ высотою положенія ихъ въ общей системѣ или лѣстницѣ животнаго царства.

И въ частности психика такъ называемыхъ общественныхъ насѣкомыхъ стоитъ вполнѣ на уровнѣ психики вообще всего класса насѣкомыхъ, и психика эта безспорно ниже, чѣмъ у любого теплокровнаго животнаго (птицы или млекопитающаго).

Какія основанія имѣемъ мы считать улей или муравьиную кучу за государство — монархическое у пчелъ, и республиканское у муравьевъ?

Въ стаѣ перелетныхъ птицъ мы видимъ дѣйствительно нѣкоторое раздѣленіе труда, когда, напримѣръ, однѣ птицы ѣдятъ, а другія посмѣнно ихъ сторожатъ отъ враговъ. Раздѣленіе труда на самомъ дѣлѣ представляетъ собою одну изъ основъ человѣческаго общежитія. Но вѣдь какъ всѣ птицы стаи, или всѣ звѣри одного стада, такъ и всѣ люди одинаковы по своей тѣлесной и психической организаціи (если, конечно, не считать индивидуальныхъ особенностей). И вотъ среди этихъ одинаковыхъ особей происходитъ дѣйствительное раздѣленіе труда, и одинъ беретъ на себя трудъ земледѣльца, другой — трудъ воина, токаря, пекаря, портного, правителя и т. д. Но тотъ, кто сегодня былъ воиномъ, можетъ завтра стать земледѣльцемъ, а потомъ и правителемъ. Въ видахъ общей выгоды—трудъ дѣлится между другъ другу подобными индивидуумами. А у муравьевъ и термитовъ индивидуумы ихъ „кастъ“ не сходны, не подобны другъ другу. Они рѣзко отличаются своею прирожденною физическою организаціею и уже въ силу ея ни къ какому иному труду не способны. Разница огромная, а сходство съ явленіями человѣческой жизни чисто поверхностное, наружное. У насѣкомыхъ мы имѣемъ то, что правильнѣе называютъ физіологическимъ (въ отличіе отъ психическаго) раздѣленіемъ труда и обязанностей, которое гораздо больше сходно съ раздѣленіемъ труда между органами тѣла. Физическія различія между плодовитыми особями муравьевъ, рабочими и воинами такъ велики, что если бы всѣхъ трехъ изучали, не зная ихъ взаимоотношеній, то, безъ сомнѣнія, наблюдатели причислили бы ихъ не только къ различнымъ видамъ, но къ различнымъ родамъ или даже семействамъ, и никакъ бы ни заподозрили, что это члены одного „государства“.

На это глубокое различіе въ физической организаціи слѣдуетъ обратить особое вниманіе, такъ какъ этого одного уже достаточно, чтобы нельзя было форму общежитія муравьевъ и пчелъ признавать за общество. Вѣдь не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что обществомъ мы должны назвать только собраніе особей, не отличающихся другъ отъ друга болѣе, чѣмъ самцы отъ самокъ и дѣти отъ взрослыхъ. Общество, состоящее изъ индивидуумовъ разныхъ видовъ, немыслимо. Вѣдь иначе пришлось бы допустить существованіе общества, состоящаго изъ коровъ, собакъ, людей, лошадей, куръ и утокъ, только потому, что всѣ они живутъ вмѣстѣ, и каждый играетъ въ совмѣстной жизни опредѣленную роль.

Обществомъ, конечно, можно назвать только собраніе совершенно физически другъ другу подобныхъ особей одного и того же вида. Но и при этомъ, разумѣется, не всякое собраніе одинаковыхъ особей можно признать за общество, а только такое, гдѣ имѣется еще и нѣкоторая внутренняя организація и раздѣленіе труда между индивидуумами, общество составляющими. И такого „общества“, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, мы не встрѣчаемъ нигдѣ во всемъ животномъ царствѣ, кромѣ самыхъ высшихъ животныхъ — у позвоночныхъ. Но и въ средѣ позвоночныхъ общественность имѣется лишь у нѣкоторыхъ представителей

самаго высшаго класса — у млекопитающихъ, такъ какъ только у нихъ, а именно у стадныхъ животныхъ, мы встрѣчаемъ постоянно совмѣстно живущихъ особей одного и того же вида съ яснымъ раздѣленіемъ обязанностей между членами. Даже у птицъ нѣтъ настоящей общественной жизни, такъ какъ у птицъ нѣчто сходное съ обществомъ наблюдается лишь временно и преходяще во время трудныхъ годичныхъ перелетовъ.

Само собою разумѣется, что настоящая общественная жизнь возможна лишь для такихъ животныхъ, у которыхъ имѣется достаточно высоко развитая психика, средства общенія, личное узнаваніе, и т. д., — и ничего такого нѣтъ у насѣкомыхъ.

И пчелъ и муравьевъ считаютъ прекрасными архитекторами. Но на самомъ дѣлѣ строительство ихъ со строительствомъ человѣка не имѣетъ въ психологическомъ отношеніи ничего общаго, такъ какъ всѣ постройки насѣкомыхъ, а также знаменитое гнѣздостроительство птицъ, производится чисто инстинктивно. Человѣкъ для того, чтобы что-нибудь построить, долженъ предварительно научиться этому искусству; онъ долженъ перенять умѣніе строить отъ другихъ; человѣкъ, начиная строить, всегда знаетъ, что и зачѣмъ онъ строитъ. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ строительствѣ животныхъ. Умѣніе строить именно такъ, какъ это свойственно данному виду животныхъ, животному врождено, какъ врождены ему всѣ остальные инстинкты. Ни муравей, ни пчела, ни птица ничему научиться въ теченіе жизни своей не можетъ, и молодая особь, впервые строющая, хотя бы она никогда не видала постройки себѣ подобныхъ, строитъ такъ же совершенно и прекрасно, какъ и самая якобы „опытная старая особь“. Птицы, которыхъ вывели въ инкубаторѣ изъ яицъ, при наступленіи половой зрѣлости спариваются, и, если только имѣются налицо всѣ подходящія нормальныя условія ихъ жизни, онѣ начинаютъ строить и, несмотря на то, что онѣ никогда не видали никакого гнѣзда, что онѣ понятія не могутъ имѣть, зачѣмъ вообще нужно гнѣздо, такъ какъ вѣдь даже и яицъ-то еще нѣтъ,—онѣ все же строятъ гнѣздо, ничѣмъ не отличающееся по формѣ и совершенству отъ гнѣзда птицъ даннаго вида. Только при выборѣ мѣста для гнѣзда птицы отчасти руководятся болѣе высокими психическими актами, проблесками разумности и пользуются личнымъ опытомъ, все же остальное есть результатъ чистаго инстинкта. Пчелы и муравьи не проявляютъ никакихъ даже проблесковъ иныхъ высшихъ психическихъ актовъ, и все строительство ихъ — слѣпой инстинктъ. Пчела не можетъ построить ничего иного и никакъ иначе, чѣмъ именно правильную пчелиную соту, и соты эти строятся и ремонтируются одинаково безупречно, какъ любой пчелою, такъ и тою, которая строитъ впервые.

Профессоръ Вл. Ал. Вагнеръ производилъ чрезвычайно тщательныя наблюденія надъ шмелями, постройки которыхъ не менѣе удивительны, чѣмъ постройки пчелъ. Однажды онъ принесъ изъ лѣса соты, взятые изъ гнѣзда шмелей, и умертвилъ всѣхъ взятыхъ особей. На другой день изъ одного изъ коконовъ вывелся молодой шмель, который, такимъ образомъ, впервые увидѣлъ свѣтъ уже въ плѣну (соты были помѣщены въ коробку) и никого изъ себѣ подобныхъ никогда не видалъ. Выйдя изъ кокона и обсохнувъ, молодой шмель сталъ ходить по сотамъ и, найдя нѣкоторые изъ нихъ поломанными, сейчасъ же приступилъ къ ихъ починкѣ, что и произвелъ безукоризненно. На другой день ему подложили воску, часть воску отъ поломанныхъ ячеекъ была въ гнѣздѣ, и изъ этого воску шмель началъ строить своеобразную восковую баночку или стаканчикъ. Такого сооруженія въ гнѣздѣ не было ни одного. Тѣмъ не менѣе молодой шмель весьма скоро построилъ совершенно правильную восковую баночку точно такую, какую позднѣе можно найти въ любомъ шмелиномъ гнѣздѣ. Шмели собираютъ въ нихъ медъ на зиму для перезимовывающей самки. Такимъ образомъ, на второй или третій день отъ рожденія молодой „неопытный“ шмель воздвигаетъ постройку (восковую баночку), которая должна служить для меда (котораго онъ никогда не видалъ) собираемаго съ цвѣтовъ (которыхъ онъ никогда не видалъ) и служащаго для запаса на зиму, при чемъ о существованіи зимы и надобности собиранія для кого-то запасовъ молодой шмель, очевидно, не можетъ имѣть никакихъ знаній, ни малѣйшаго представленія.

Этотъ примѣръ, какъ нельзя лучше, иллюстрируетъ дѣйствительную природу дѣятельности насѣкомыхъ. Характерною чертою инстинктивной дѣятельности именно и является: 1) врожденность умѣнія при извѣстныхъ условіяхъ совершать опредѣленныя жизненно необходимыя и часто очень сложныя дѣйствія, 2) невужность для безукоризненно правильнаго совершенія этихъ дѣйствій ни опыта, ни обученія, такъ какъ врожденный инстинктъ всегда совершенъ *) и 3) полное отсутствіе цѣлепониманія

*) Можно привести цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ, что инстинкты именно должны быть сразу совершенными, такъ какъ полусовершенство было бы гибельно для животныхъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя осы строятъ свои домики-

вершаемыхъ дѣйствій. И всѣ эти чудные мелиные соты, всѣ эти сооруженія муравьевъ „дворцами, кладовыми, корридорами и конбедями“,—все это лишь шаблонно возводимыя, всегда одинаковыя постройки, строить которыя именно такъ, а не иначе, побуждаетъ насѣкомыхъ унаслѣдованный отъ предковъ инстинктъ. А сами эти удивительные инстинкты, разумѣется, сложились, развились медленно и постепенно по законамъ эволюціи.

Сходно обстоитъ дѣло и съ „взаимопомощью“ пчелъ и муравьевъ.

Профессоръ Вл. Вагнеръ, изучая строительство шмелей, наблюдалъ совмѣстное сооруженіе восковой крыши гнѣзда. Тщательно зарисовывая очертанія постепенно увеличивающейся въ размѣрахъ строющейся крыши, онъ ясно могъ убѣдиться, что постройка велась далеко не равномѣрно, что очертанія принимали самую разнообразную форму, такъ какъ много разъ выстроенное одними вновь разрушалось другими.

„Наблюдая за дѣятельностью той или иной отдѣльной особи“, пишетъ Вл. Вагнеръ, „можно выяснить, несмотря на крайнюю неустойчивость ихъ работы, что здѣсь при постройкѣ восковой крыши дѣятельность эта сполна представляетъ собою работу особи, какъ таковой, за свой страхъ въ отвѣтъ на получаемыя ею внѣшнія раздраженія и почти съ такимъ же правомъ можетъ быть названа „общественной“, съ какою дѣятельность цвѣтка—самопожертвованіемъ въ интересахъ вида. Работая надъ устройствомъ крыши, которая, въ концѣ концовъ получитъ значеніе не личное только, а „общественное“, каждый шмель работаетъ въ сущности только для себя, безъ всякаго отношенія къ другимъ мотивамъ. Работая сообща, шмели тѣмъ болѣе мѣшаютъ другъ другу исполнять работу, какъ ее сдѣлалъ бы каждый изъ нихъ въ отдѣльности, чѣмъ большее число ихъ работаетъ въ одномъ мѣстѣ одновременно. Дѣлая какую-нибудь работу изъ воска, шмель таскаетъ кусочки этого матеріала изъ сосѣднихъ мѣстъ; иногда собирая его изъ коконовъ, иногда, какъ въ данномъ случаѣ, отламывая его отъ крыши гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ того мѣста, гдѣ онъ работаетъ самъ“. Собственной работы шмель никогда на разрушаетъ, но онъ спокойно отламываетъ кусочекъ воска отъ участка крыши, построенной не имъ. Такъ, мѣшая другъ другу, таская другъ у друга воскъ и разрушая для этого работу сосѣда-шмеля, шмели все же медленно двигаются впередъ, и въ концѣ концовъ постройка заканчивается. Но какая же это „взаимопомощь“ при совмѣстной „общественной“ работѣ?

И можно привести много примѣровъ, ясно доказывающихъ, что и въ простыхъ, и въ болѣе сложныхъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ насѣкомыхъ всегда имѣется налицо лишь сумма дѣятельности отдѣльныхъ болѣе другъ другу мѣшающихъ, чѣмъ помогающихъ особей, а не взаимная помощь и не солидарный трудъ. Что общественныя насѣкомыя другъ другу никогда не помогаютъ въ минуту опасности—это тоже не подлежитъ никакому сомнѣнію. Сколько разъ закапывали (опыты Фореля) живыхъ муравьевъ такъ, чтобы они сами не могли выбраться, но чтобы головы ихъ торчали наружу. И десятки, сотни муравьевъ того же муравейника проходили мимо, иные даже трогали ихъ своими усиками, но ни одинъ не предпринималъ даже попытки освободить ихъ, тогда какъ выкопать товарищей муравьи могли бы въ одну минуту. Но они могли бы это сдѣлать физически, а психически они этого сдѣлать не могутъ, ибо дѣйствуютъ лишь по велѣніямъ врожденныхъ инстинктовъ, а инстинкта выкапывать товарища не имѣется. Кому не приходилось самому наблюдать (напримѣръ, во время лѣтнихъ чаепитій на дачѣ, на балконѣ), что прилетающія на запахъ варенья или меда пчелы и осы вязли въ жидкомъ варенья или медѣ? И вотъ вязнущая пчела дѣлаетъ всѣ усилія къ спасенію, и никогда ни одна изъ рядомъ (на краю сосуда) стоящихъ пчелъ не обратитъ вниманія на гибель „возлюбленной сестры“ и не сдѣлаетъ никакой попытки спасти ее, а спокойно будетъ продолжать ѣсть сладкую жидкость.

Всѣ эти трогательные разсказы и описанія самоотверженности, любви и милосердія насѣкомыхъ, о которыхъ повѣствуютъ нѣкоторые крайніе антропоморфисты, все это сплошной вымыселъ и смѣсь наивнаго непониманія съ простой ложью.

Давно уже было извѣстно, что муравьи кормятъ другъ друга. Одинъ муравей (голодный),

---

ячейки и передъ откладываніемъ яичка притаскиваютъ туда парализованную добычу, напримѣръ, паука. Когда изъ отложеннаго яичка выйдетъ гусеница, она будетъ кормиться рядомъ лежащею живою пищею — парализованнымъ пауком. Оса парализуетъ паука однимъ уколомъ въ главный нервный узелъ паука, отчего тотъ сразу теряетъ способность двигаться, но и не умираетъ. Этотъ уколъ наносится съ поразительною точностью и молодою осою, впервые видящею паука, и не имѣющею ни малѣйшаго понятія о томъ, что именно паукъ нуженъ для прокармливанія ея потомства, тогда какъ она сама питается совсѣмъ иною пищею. Здѣсь учиться осѣ не приходится; неполное совершенство инстинкта укола невозможно, такъ какъ при неправильномъ уколѣ паукъ самъ схватитъ осу и, съѣвъ ее, тѣмъ самымъ прекратитъ всѣ дальнѣйшіе ея опыты. Но врожденный инстинктъ всегда совершененъ.

приближаясь къ другому, ударяетъ его своими усиками по его усикамъ, и тотъ, если онъ самъ сытъ, въ отвѣтъ на это потрогиваніе усиками отрыгиваетъ часть своей пищи и кормитъ голоднаго. Нечего и говорить, какъ эти факты толковались антропоморфистами, которые утверждали, что одинъ муравей вѣжливенько говоритъ другому, проситъ, а тотъ понимаетъ его и, движимый страданіемъ, дѣлится своею пищею и т. д. Но вотъ другой рядъ фактовъ. На муравьяхъ нерѣдко встрѣчаются маленькіе (по относительно размѣровъ муравьевъ — довольно большіе) паразиты изъ породы клещей. Паразиты эти очень стѣсняютъ муравьевъ въ ихъ движеніяхъ и иной разъ, если ихъ окажется на одномъ муравьѣ нѣсколько, лишаютъ муравья возможности передвигаться. Если бы муравьи могли понимать то, что они дѣлаютъ, какъ просто было бы имъ освободить себя и товарища своего отъ этого назойливаго сѣдока. Но „умные“ муравьи никогда этого не дѣлаютъ. Паразиты эти не высасываютъ кровь муравьевъ, а питаются весьма своеобразно. Они имѣютъ относительно довольно длинные усики, очень по формѣ своей похожіе на усики муравьевъ. И вотъ, когда къ муравью А, на которомъ сидитъ паразитъ, подойдетъ другой муравей Б, то паразитъ съ А ударитъ своими усиками по усикамъ муравья Б, и тотъ сейчасъ же отрыгиваетъ свою пищу и начинаетъ кормить паразита. Для всякаго непредубѣжденнаго человѣка ясно изъ этого, что муравей не понимаетъ того, что онъ дѣлаетъ, кого и зачѣмъ онъ кормитъ, а производитъ этотъ актъ кормленія (или вѣрнѣе просто отрыгиванія пищи), какъ рефлекторный и лишенный всякаго цѣлепониманія отвѣтъ на постукиваніе своихъ усиковъ другими усиками. Или, быть можетъ, и этотъ случай антропоморфисты будутъ толковать въ томъ смыслѣ, что паразиты научились говорить по-муравьиному и обманываютъ муравьевъ, прося на „муравьиномъ языкѣ“ корма? Или скажутъ, что въ этомъ фактѣ ясна высокая разумность и добродѣтель муравьевъ, которые, очевидно, вполнѣ прониклись заповѣдью „любите враговъ вашихъ“?

Инстинктивные поступки, совершаемые животными въ естественныхъ условіяхъ нормальной жизни, поражаютъ насъ своею несомнѣнною цѣлесообразностью, совершенствомъ и точностью. И вотъ эта то ихъ высокая цѣлесообразность, несомнѣнно, и обманываетъ многихъ наблюдателей, считающихъ, что цѣлесообразность акта есть доказательство цѣлепониманія со стороны того, кто этотъ актъ совершаетъ. Эволюціонное ученіе достаточно ясно обнаруживаетъ намъ, какъ произошла въ мірѣ живыхъ существъ ихъ поразительная цѣлесообразная психическая и тѣлесная приспособленность къ условіямъ жизни. Но наблюдая удивительно цѣлесообразное строеніе и функціонированіе, напримѣръ, кишечника, мы не заподозриваемъ его въ цѣлепониманіи, но многіе охотно дѣлаютъ это, наблюдая цѣлесообразные поступки низшихъ животныхъ.

Какъ только мы вносимъ въ наблюденія элементы опыта, какъ только насѣкомое, напримѣръ, поставлено въ несвойственныя ему условія — ясно обнаруживается вся его безпомощность, невозможность примѣниться, полное непониманіе цѣли своихъ поступковъ.

Изученіе психологіи животныхъ вообще, изученіе законовъ происхожденія инстинктовъ, наслѣдственной передачи ихъ, ихъ развитія и угасанія, изученіе взаимоотношенія разума и инстинкта, даже помимо своего самостоятельнаго научнаго интереса, можетъ имѣть громадное значеніе для пониманія человѣческой психологіи, которая все же, несмотря на поразительное развитіе у человѣка разума, оттѣснившаго всѣ инстинкты на задній планъ, все же состоитъ изъ смѣшенія разума и инстинктовъ, которые унаслѣдованы отъ далекихъ до-человѣческихъ предковъ, и далеко не совсѣмъ еще погасли даже въ культурномъ человѣкѣ и нерѣдко властно и неудержимо даютъ о себѣ знать.

И несомнѣнно, что современная объективная зоопсихологія, вернувшаяся, наконецъ, къ продолженію, расширенію и углубленію идей, заложенныхъ еще сто лѣтъ тому назадъ великимъ Ламаркомъ, даетъ психологіи и соціологіи человѣка неоцѣнимый матеріалъ, который въ корнѣ измѣнитъ многія воззрѣнія, державшіяся вѣками, и который поможетъ объяснить многое, что казалось непонятнымъ.

Нельзя отрекаться и забывать свою родословную, нельзя забывать, что мы унаслѣдовали отъ предковъ близкихъ и далекихъ и многое хорошее и многое дурное. И только, когда мы, какъ слѣдуетъ, дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, что есть въ насъ, людяхъ, наслѣдіе психики далекаго предка — до-человѣка, или, иными словами, когда мы поймемъ, что же есть еще въ насъ звѣринаго, только тогда намъ станутъ вполнѣ ясными особенности чисто человѣческой психики, и только тогда мы будемъ достаточно дорожить этимъ чисто человѣческимъ въ человѣкѣ.

Отзывы о книгахъ.

192. Лихтенберже, Андрэ. 136.7

Мой маленькій Тротъ. Сочиненіе, увѣнчанное Франц. Акад. Монтіоновской преміей. Пер. съ 56 франц. изд. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Ц. 60 к.

Трогательная маленькая книжка о душѣ ребенка—можетъ сдѣлать для воспитанія больше многихъ ученыхъ докладовъ. „А. Лихтенберже,—говорится въ предисловіи,—дѣлаетъ попытку изобразить въ рядѣ небольшихъ сценъ душевныя переживанія ребенка, вызываемыя словами и поступками окружающихъ лицъ безъ всякаго намѣренія со стороны послѣднихъ“. Появленіе такой книжки въ настоящее время можно горячо привѣтствовать. Живой, мѣстами остроумный разсказъ всякій взрослый, даже не интересующійся вопросами воспитанія, прочтетъ съ интересомъ, многія же интеллигентныя матери не безъ пользы для себя. Переводъ хорошъ. Книжка издана прилично и доступна по цѣнѣ. Все это вмѣстѣ съ ея цѣннымъ содержаніемъ должно обезпечить ей самое широкое распространеніе. (*Е. П. „Жизнь для Вс.“ 1912—10*).

* **Селли, Джемсъ.** 15:371

См. порядк. № 200.

193. Козьминыхъ-Ланинъ. 331(47.31)

Грамотность и заработки фабрично-заводскихъ рабочихъ Москов. губ. Матеріалы по статистикѣ Москов. губ. Выпускъ IV. Изд. моск. губ. зем. М. 1912 г.

Въ настоящемъ изданіи содержатся статистическія таблицы, разработанныя инженеромъ К.-Л. о грамотности и заработкахъ фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губерніи. Основаніемъ для настоящаго изслѣдованія послужили данныя о 69368 фабрично-заводскихъ рабочихъ, собранныя заполненіемъ отдѣльной карточки для каждаго изъ нихъ. Обслѣдованіе коснулось 47-ми промышленныхъ заведеній. Таблицы содержатъ данныя на 1-е января 1909 г. Таблицы о грамотности и заработкахъ составлены по производствамъ, полу и возрасту ко времени изслѣдованія и первоначальнаго поступленія въ промышленное заведеніе. Къ изданію написано предисловіе завѣдующимъ статистическимъ отдѣленіемъ московской губернской земской управы П. А. Вихляевымъ, въ которомъ дѣлаются нѣкоторые интересные выводы, вытекающіе изъ таблицъ. Таблицы иллюстрируютъ процессъ нарастанія грамотности по мѣрѣ перехода отъ старшихъ возрастныхъ группъ къ младшимъ. Наблюдается также увеличеніе грамотности дѣвочекъ. По мнѣнію г. В., въ этомъ играло роль не только развитіе земскаго школьнаго дѣла въ губерніи, но и пробужденіе самодѣятельности самого рабочаго класса послѣ общественнаго перелома 1905 года, въ созданіи котораго рабочій классъ принималъ горячее участіе. Другое явленіе, которое можно констатировать на основаніи статистическихъ данныхъ таблицъ, это—постепенное повышеніе возраста первоначальнаго поступленія рабочихъ на фабрику. За послѣднее 10-тилѣтіе выдвигается въ качествѣ преобладающаго возраста поступленія въ промышленное заведеніе возрастъ 15—17 лѣтъ. Это явленіе крайне благопріятно для дѣла развитія народнаго образованія въ Московской губерніи. Это устраняетъ антагонизмъ между школой и мастерской и создаетъ благопріятную конъюнктуру для осуществленія повышеннаго типа обученія. Авторомъ приведены выдержки изъ нѣкоторыхъ писемъ (анкетнаго характера), полученныхъ имъ отъ московскихъ промышленниковъ. Авторы писемъ категорически подтверждаютъ, что образованіе должно повысить качественную и количественную продуктивность труда рабочихъ, сократить число несчастныхъ случаевъ, уменьшить порчу машинъ и значительнымъ образомъ улучшить взаимныя отношенія между фабрикантами и рабочими. Настоящій трудъ г. Козьминыхъ-Ланина является продолженіемъ высокоцѣннаго изслѣдованія автора о фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губерніи. (*И. Гордапскій. „Рус. Вѣд.“ 1912—250*).

Многочисленныя таблицы нѣсколько сухи, однообразны, но кто возьметъ на себя трудъ, подольше остановиться на нихъ и вдуматься въ ихъ значеніе, тотъ не пожалѣетъ о затраченномъ времени и получитъ нравственное удовлетвореніе. Работы г. К.-Л. важны и для статистика и экономиста, а для санитарнаго врача онѣ пріобрѣтаютъ особую цѣнность. (*Д. Зейлигеръ. „Гиг. и Санит.“ 1912—15—16.*)

194. Кулыжный, А. Е. 334

Союзы и крестьянство. Библ. „Хуторянина“. Полтава. 1913. Ц. 20 к. Стр. 92.

Брошюра предназначена служить цѣлямъ популяризаціи идей коопераціи и практическаго осуществленія кооперативныхъ начинаній. За общимъ очеркомъ о формахъ и видахъ сельскохозяйственной коопераціи слѣдуютъ приложенія справочнаго характера самаго разнообразнаго содержанія—отъ устава потребительскихъ обществъ до образцовъ прошеній, требуемыхъ для подачи администраціи. Кромѣ того, къ брошюрѣ приложена небольшая замѣтка проф. А. Ѳ. Фортунатова о томъ, „что читать по коопераціи“. (*„Совр. Сл.“ 1912—172*).

195. [. . . . .] 334(02)

Курсы по коопераціи. Изд. подъ ред. А. А. Мануилова, Моск. городского университета имени А. Л. Шанявскаго. Ц. 1 р. 75 к.

Въ первомъ, вышедшемъ уже томѣ настоящаго изданія помѣщены лекціи, читанныя въ 1911—1912 академическомъ году проф. М. И. Туганъ-Барановскимъ, проф. В. Я. Желѣзновымъ, проф. А. Н. Анцыферовымъ, С. Ф. Войцѣховскимъ и

проф. А. О. Фортунатовымъ. Въ своемъ предисловіи проф. А. А. Мануиловъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ цѣль этихъ лекцій, организованныхъ городскимъ университетомъ имени А. Л. Шанявскаго: „Эти курсы имѣютъ цѣлью ознакомленіе слушателей съ теоретическими основами кооперации, съ развитіемъ кооперативныхъ учрежденій на Западѣ Европы, съ организаціей, положеніемъ и практикой ихъ въ Россіи. Программа курсовъ расчитана на лицъ съ общеобразовательной подготовкой не ниже средней школы и кромѣ того, знакомыхъ съ основными вопросами права и политической экономіи. Главная задача курсовъ по кооперации состоитъ въ подготовкѣ руководителей и организаторовъ кооперативнаго движенія, каковыми являются устроители и управители кооперативовъ, земскіе спеціалисты по кооперации, агрономы, инструкторы по кооперации, статистики, учителя, инспектора мелкаго кредита, секретари сельскохозяйственныхъ Обществъ, лекторы по кооперации, ревизоры и т. п.“ Изданіе лекцій продолжаетъ дѣло курсовъ, расширяя ихъ аудиторію и давая возможность провинціальнымъ дѣятелямъ ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Всѣ курсы написаны популярнымъ языкомъ и легко читаются. Пожелаемъ широкаго распространенія этому изданію. (*С. Прокоповичъ. „Рус. Вѣд.“ 1912—250*).

196. Пажитновъ, К. А. 339(4)

Современная дороговизна на Западѣ и въ Россіи. Харьковъ. 1912.

Книга посвящена злободневному во всемъ цивилизованномъ мірѣ вопросу. Трудъ этотъ касается собственно дороговизны главныхъ пищевыхъ продуктовъ. Мы находимъ въ немъ данныя о движеніи цѣнъ за нѣсколько десятилѣтій въ главнѣйшихъ иностранныхъ государствахъ и въ Россіи, о сравнительной стоимости жизни и о потребленіи нѣкоторыхъ продуктовъ на Западѣ и въ Россіи, о причинахъ дороговизны и мѣрахъ борьбы съ нею государствъ, муниципалитетовъ и кооперативныхъ организацій потребителей. Въ изложеніи этихъ предметовъ, однако, не всегда соблюдается надлежащая пропорціональность. Статистическія, напр., данныя о движеніи цѣнъ въ Россіи за продолжительное время могли бы не ограничиваться цѣнами ржаного хлѣба въ Москвѣ и на мясо—въ Москвѣ и Петербургѣ, а исторія борьбы съ дороговизной (мяса и хлѣба) нашихъ столичныхъ муниципалитетовъ ничего бы не потеряла отъ исключенія подробностей, мало интересныхъ для обыкновеннаго читателя; глава о причинахъ дороговизны могла бы полнѣе представить положеніе этого важнаго вопроса въ наукѣ. Въ противоположность остальнымъ главамъ книги г. П., гдѣ авторъ является болѣе или менѣе умѣлымъ регистраторомъ даннаго явленія, въ главѣ о причинахъ дороговизны г. П. не столько излагаетъ чужіе взгляды, сколько критикуетъ ихъ и развиваетъ собственныя на этотъ счетъ мнѣнія. Освѣщая различныя стороны жгучаго вопроса о дороговизнѣ предметовъ питанія широкихъ массъ, книга г. П. отвѣчаетъ естественному интересу къ этому вопросу. (*„Вѣст. Евр.“ 1912—11*).

197. Гуляевъ, А. И. 34(075)

Краткій учебникъ законовѣдѣнія. Пособ. для учениковъ средн. учеб. зав. Спб., 1912. Стр. 172+IV. Ц. 75 к.

Къ довольно значительному числу учебниковъ законовѣдѣнія, появившихся съ 1905 г. когда этотъ предметъ вошелъ въ программу среднихъ учебн. завед., прибавился еще одинъ. Цѣль его, какъ говорится въ предисловіи, дать общій обзоръ того, что ученикъ слышалъ въ классѣ. Учебникъ этотъ служитъ лишь для повторенія и усвоенія сущности тѣхъ основныхъ положеній, которыя были разработаны въ классѣ вмѣстѣ съ преподавателемъ. По словамъ автора, обширный учебникъ по законовѣдѣнію можетъ сдѣлать объясненія преподавателя въ классѣ ненужными и дать поводъ къ недостаточному вниманію учениковъ къ этимъ объясненіямъ. Въ соотвѣтствіи съ вышеуказанною цѣлью книги, она носитъ названіе „краткаго учебника“ и „пособія для учениковъ“.

Въ книгѣ г. Г. изложено все соотвѣтствующее программѣ гимназій и реальныхъ училищъ, выработанной Мин. Нар. Просв. въ 1905—1906 годахъ. Такъ, въ книгѣ заключаются слѣдующіе отдѣлы: общаго ученія о правѣ и государствѣ, элементовъ русскаго и государственнаго гражданскаго и уголовнаго права; имѣется такъ же краткій очеркъ судебнаго права,—судоустройства и гражданскаго и уголовнаго процессовъ.

Неудачными и невѣрными выраженіями учебникъ изобилуетъ. Поэтому новый учебникъ г. Г. не составляетъ цѣннаго вклада въ нашу учебную литературу по законовѣдѣнію и безъ серьезныхъ исправленій не можетъ быть рекомендованъ даже и въ качествѣ конспекта для усвоенія учениками услышаннаго въ классѣ отъ преподавателя. (*В. К. „Журн. Мин. Юст.“ 1912—8*).

198. Бернашевскій, А. 343.1

Судъ въ старину и въ наше время. М. 1912.

Это положительно хорошая брошюра, живо и толково написанная, необыкновенно приспособленная для цѣлей „всеобщаго обученія“. Ее смѣло можно рекомендовать. Автору пришла счастливая мысль изложить исторію процесса въ картинахъ, и этотъ способъ даетъ всему изложенію образность и живость. Въ своемъ заключеніи авторъ говоритъ: „Кровная месть, судъ Божій, судъ князя, судъ въ московскомъ приказѣ, земскій судъ, волостной и окружный судъ. Не много потребовалось мѣста для перечисленія этихъ судовъ,—всего какихъ-нибудь двѣ строки. А сколько нужно было времени, чтобы отъ кровной мести и самосуда люди дошли до теперешнихъ судовъ. Минула ни одна сотня лѣтъ, пока сложилось и окрѣпло государство, появилась сильная общественная власть, которая сплотила всѣхъ жителей страны, установила законный порядокъ для веденія судебныхъ дѣлъ“. Говоря о судѣ дореформенномъ, Бернашевскій замѣчаетъ: „При помощи взятокъ легко было добиться какого угодно рѣшенія или замять, затянуть дѣло на долгіе, долгіе годы. Бѣдному человѣку трудно было найти правду на судѣ. Мы имѣли хорошіе суды, благородное судейское сословіе, хорошую прокуратуру и чистую адвокатуру. Но политика можетъ испортить намъ суды, если уже не навесла много вреда“. (*Проф. Л. Е. Владимировъ. „Р. Рос.“ 1912—248*).

199. Кисъ, Э. 366.1

Основныя черты современнаго массонства. Пе-

реводъ съ французскаго. Изд. „Прометей". Стр. 139. Ц. 1 р.

Книга эта не только даетъ оцѣнку значенія массонства для развитія и утвержденія въ человѣчествѣ прогрессивныхъ идей и началъ свободы, равенства и братства, но и содержитъ въ себѣ исторію этого замѣчательнаго международнаго братства. Массонство имѣетъ за собою выдающіяся заслуги. Скоро исполнится два вѣка, какъ оно является почти во всѣхъ странахъ міра воспитателемъ большого числа людей, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ общества. По словамъ Жюля Ферри, массонство „содѣйствуетъ прежде всего развитію солидарности, проводя ее на практикѣ; но, главнымъ образомъ, другая черта этого учрежденія даетъ ему такое значеніе: духъ равенства, который составляетъ самую сущность его ученія и его практики. Главная характерная черта, главное соціальное значеніе массонства заключается въ томъ фактѣ, что здѣсь въ одномъ и томъ же храмѣ соединяются богатый и бѣдный, ученый и невѣдающій". Утверждая равенство, массонство явилось могущественнымъ противникомъ деспотизма во всѣхъ его видахъ и страшнымъ врагомъ религіознаго фанатизма. Утвержденіе началъ равенства передъ закономъ, свободы мнѣній и совѣсти, уничтоженіе обособленности государства и болѣе тѣсное его сближеніе съ другими государствами, братство расъ и народовъ, любовь къ миру, пламенное желаніе смягчать бѣдствія, вызываемыя войнами, при невозможности утвердить на землѣ вѣчный миръ—вотъ въ чемъ заключалась программа, которую осуществляли массоны. Понятно, что вліяніе ихъ было особенно ощутительно въ такія историческія эпохи, какъ, напр., великая французская революція, когда съ чрезвычайной силой обострялась вражда и борьба между разумомъ и свободой, съ одной стороны, и религіознымъ фанатизмомъ и политическимъ деспотизмомъ, съ другой. Популярное, простое и ясное изложеніе книги дѣлаетъ ее доступною широкимъ кругамъ читающей публики. (*И. И. „Вятск. Р." 1912—208*).

Современную среднюю русскую публику кормятъ съ церковныхъ каѳедръ и газетныхъ листковъ такимъ тенденціознымъ вздоромъ о массонствѣ, что можно только привѣтствовать каждую книгу, стремящуюся пролить свѣтъ на эту организацію, несомнѣнно, играющую роль въ міровой исторіи. Къ сожалѣнію, книга К. не удовлетворяетъ и не особенно строгимъ требованіямъ. Это—брошюра, написанная въ защиту массоновъ, указывающая ихъ роль въ пропагандѣ началъ свободы, разума, космополитизма, освобожденія свѣтскаго общества отъ власти духовенства, равенства національнаго и расоваго. Но, брошюра написана поверхностно и безтолково. Приводятся обрывки фактовъ, неизвѣстно для какой цѣли взятыхъ, другъ съ другомъ не связанныхъ. Краткій, якобы, историческій очеркъ превращается въ туманное пятно. Массонство, какъ организація, постоянно и видимо намѣренно смѣшивается съ поступательнымъ ходомъ развитія идей гуманности и началъ международнаго права. Переводъ варварскій. (*И. „Рѣчь". 1912—290*).

200. Селли, Джемсъ. 371:15

Педагогическая психологія. Пер. съ 5-го англ. изд. подъ ред. А. А. Громбаха. Стр. V+626+XI. Изд. „Міръ". М. 1912. Ц. 3 р.

Появившійся новый переводъ очень извѣстной на Западѣ книги лондонскаго маститаго психолога С. является для нашей педагогической литературы отраднымъ событіемъ. Этотъ трудъ совершенно заново переработанъ; онъ увеличился почти вдвое и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говоритъ С. въ своемъ предисловіи, онъ „стремился къ тому, чтобы возможно правильнѣе было представлено современное состояніе психологіи и педагогической мысли". С., со своей глубокой эрудиціей, разносторонне использовалъ разнообразныя изслѣдованія послѣдняго десятилѣтія; богато использованъ новый педагогическій матеріалъ—слѣды работъ Эббингауза, Штерна, Мейманна, Грооса, Торндайка, О'Ши, Бине и др. чувствуются на каждомъ шагу. Педагогическія частности не заглушаютъ широкихъ философско-психологическихъ концепцій автора. Планъ сочиненія С. построенъ соотвѣтственно обычной группировкѣ психологическаго матеріала. Книга распадается на четыре основныя части: I Душа и ея развитіе; II. Развитіе разума; III. Развитіе эмоцій и IV. Развитіе воли и характера. По словамъ самого автора, назначеніе книги—служить „введеніемъ въ психологію" и вскрыть связь психологіи съ педагогикой. Педагогическая психологія даетъ много для того, чтобы можно было обоснованно разобраться въ довольно извилистомъ лабиринтѣ современныхъ педагогическихъ теченій, и такая книга, какъ ее далъ намъ С., для педагога можетъ служить надежнымъ путеводителемъ. (*Г. Веберъ. „Вѣст. Восп." 1912—7*).

* **Алчевская, Х. Д.** 371:92(А)

См. пор. № 224.

201. Кемпбеллъ, Н. Е. 537(01)

Современная электрическая теорія. Перев. съ англ. Б. Р. Абрамсона и М. Я. Якобсона, съ доп. и измѣн. подъ ред. заслужен. профес. И. И. Боргмана. Изд. „Образованіе". Спб., 1912. Стр. VIII+470. Ц. 2 р. 50 к.

Трудъ проф. представляетъ собой попытку систематизировать „современныя воззрѣнія на строеніе физическихъ тѣлъ и на природу электрическихъ, магнитныхъ и свѣтовыхъ явленій". Правда, многіе отдѣлы, разсматриваемые авторомъ, еще только находятся въ періодѣ изученія и далеко не получили окончательной формы: въ силу этого нѣкоторыя положенія автора, можетъ быть, подвергнутся еще ломкѣ или будутъ измѣнены. Тѣмъ не менѣе книга даетъ обстоятельную картину всѣхъ важнѣйшихъ явленій природы. Въ русскомъ переводѣ, согласно разрѣшенію автора, произведены измѣненія во многихъ мѣстахъ подъ редакц. проф. Боргмана. Хотя въ предисловіи авторъ указываетъ на возможно малое примѣненіе математики въ книгѣ, все же многія страницы заполнены формулами; книга, несомнѣнно, предназначена для подготовленнаго читателя. Языкъ перевода нѣсколько тяжелъ; издана книга хорошо. (*А. Лѣтникъ. „Рус. М." 1912—10*).

202. Кюри, М. 546

„Открытіе радія". Рѣчь, произнесенная при полученіи Нобелевской преміи по химіи 11 декабря 1911 г. въ Стокгольмѣ. Изд. журн. „Міръ открытій". Спб. 1912. Ц. 25 к.

Въ настоящей книжкѣ г-жа К. даетъ краткій очеркъ по исторіи работъ, направленныхъ къ открытію радія. Тутъ попутно мы вкратцѣ знакомимся съ работами надъ изученіемъ радіоактивныхъ явленій, произведеннымъ лордомъ Беккерелемъ, П. Кюри и Рутерфордомъ. Затѣмъ она разсматриваетъ радій и полоній какъ химическія вещества, указывая, какимъ образомъ фундаментальное предположеніе, что радіоактивность является свойствомъ матеріальнаго атома, привело къ открытію новыхъ химическихъ элементовъ, какъ это же предположеніе, созданное Рутерфордомъ и Содди, оказало огромныя услуги при установленіи теоріи радіоактивныхъ трансформацій атомовъ. Однимъ изъ самыхъ выдающихся тріумфовъ этой теоріи явилось подтвержденіе Рамзаземъ и Содди на опытѣ, что гелій, присутствующій всегда въ радіоактивныхъ минералахъ, является однимъ изъ конечныхъ продуктовъ въ превращеніи радія. Въ заключеніе авторъ останавливается на новой химіи радіоактивныхъ веществъ, которая является предѣломъ точности нашихъ измѣреній и по справедливости можетъ называться химіей невѣсомаго. Въ концѣ книжки приведена таблица радіоактивныхъ элементовъ, съ ихъ средней долговѣчностью, излученіемъ и способностью проникновенія. Книжка написана хорошо и читается съ живѣйшимъ интересомъ. („*Нов. Вр.*“ *1912—13158*).

203. Тахтаревъ, К. М. 571

Очерки по исторіи первобытной культуры. Изъ серіи „народнаго университета“. Съ пред. М. И. Ковалевскаго. Изд. 2-е, „Польза“. М. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Книга просто и увлекательно трактуетъ о „тотемизмѣ“, составляющемъ основную черту „общественности“ каменнаго вѣка. На основаніи многочисленныхъ научныхъ данныхъ, полученныхъ путемъ наблюденій надъ современными намъ племенами австралійцевъ и др. дикихъ народовъ, рисуется стройная, вполнѣ понятная, несложная жизнь первобытнаго человѣка—охотника. Тотемизмъ—таинственная связь племени съ одушевленными или неодушевленными предметами—ярко окрашиваетъ каждый шагъ „дикаря“, какъ болѣе высокія религіозныя воззрѣнія „историческихъ“ народовъ окрашиваютъ ихъ общественную жизнь. Тотемическое воззрѣніе—результатъ матеріальной зависимости отъ природы, обусловливавшей характеръ пропитанія человѣка каменнаго періода. Добываніе пищи — главная забота племени—естественно сплеталось съ религіозными обрядами, представлявшими видъ чародѣйства, въ родѣ существующаго и теперь въ деревнѣ „пережина“ полей и т. п. Наравнѣ съ этимъ, основной чертой „охотничьяго тотемическаго быта является групповой бракъ, связанный съ родовыми понятіями и строемъ первобытнаго общества. Книга цѣнна для широкихъ слоевъ читателей своимъ отчетливымъ объясненіемъ этихъ важныхъ фактовъ исторіи человѣческой жизни. Въ концѣ помѣщена глава о развитіи дальнѣйшихъ общественныхъ формъ — патріархально-пастушескихъ и осѣдло-земледѣльческихъ. Въ книгѣ много иллюстрацій. (*И. Ог—овъ.* „*Голосъ*“ *1911—252*).

204. Бенуа, Ал. 75(09)

Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Ч. I. В. I. Изд. „Шиповникъ“ Спб. 1912.

Книга эта написана не раціонализирующимъ Gelerhter'омъ, а художникомъ, знающимъ процессъ творчества по личному опыту и тонко разбирающимся во всѣхъ вопросахъ техническаго мастерства, что придаетъ ей особенную, обще-культурную цѣнность. Элементъ новизны вноситъ и самый методъ, который авторъ полагаетъ въ основу своего труда: это—„исторія произведеній, а не творцевъ“,—исторія самой живописи, какъ процесса накопленія техническихъ и эстетическихъ цѣнностей, классифицирумой по главнѣйшимъ ея сюжетамъ. Бенуа ставитъ своей задачей изучить эволюцію жанра — пейзажа, портрета и бытовой живописи—на протяженіи всего историческаго прошлаго. Написанная очень яснымъ и мѣткимъ языкомъ, она даетъ увлекательное и красивое изложеніе эволюціи пейзажа, начиная отъ первобытнаго искусства. Отличаясь отъ обычнаго сухого тона монументальныхъ исторій искусствъ своей яркой живостью и непосредственностью, текстъ Бенуа въ то же время сопровождается солидными библіографическими и техническими примѣчаніями. Очень хорошо, что эти библіографическія указанія помѣщены внизу каждой страницы, а не въ концѣ текста, какъ у Вермана и Мутера, что чрезвычайно затрудняетъ пользованіе ими. Многочисленныя репродукціи подобраны очень интересно и умно и зачастую сопровождены наглядно—поясни тельнымъ текстомъ. Все это дѣлаетъ книгу Бенуа явленіемъ большой литературной важности. (*Я. Т.* „*Совр. М.*“ *1612—9*).

Въ вышедшемъ пока, первомъ выпускѣ исторія пейзажной живописи доведена до середины XIV вѣка. Изложеніе интересное и вполнѣ научное. Для полнаго усвоенія мыслей автора полезна извѣстная подготовка. Внѣшность изданія безукоризненна. Прекрасная слоновая бумага, новый красивый шрифтъ и масса иллюстрацій, превосходно исполненныхъ, ставятъ это изданіе „Шиповника“ въ ряду лучшихъ нашихъ художественныхъ изданій. (*„Волынь“. 1912—171*).

Замыселъ изданія огроменъ. Если онъ будетъ завершонъ, можно будетъ говорить въ Россіи о подлинно научной постановкѣ живописи. Такія изданія, какъ „Исторія искусствъ“ Гнѣдича, кажутся работой дилетана передъ этимъ тонкимъ анализомъ изощреннаго, художественнаго критика. (*Измайловъ „Рус. Сл.“ 1912—248*).

205. Всеволодскій-Гернгроссъ, В. 792(47) „1812“

Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны. Спб. 1912. Ц. 3 р. 75 к.

Какое многообѣщающее заглавіе и какіе печальные результаты! Авторъ въ предисловіи совершенно справедливо замѣчаетъ, что „исторія русскаго театра въ началѣ XIX столѣтія не разслѣдована и не написана еще“. Тѣмъ интереснѣе познакомиться съ изслѣдованіемъ, которое по самому заглавію своему обѣщаетъ дать если не всю эту „еще не разслѣдованную и не написанную исторію“, то хотя бы часть ея. Пробѣгая дальше предисловіе, читатель заинтересовывается еще больше. „Данная эпоха въ исторіи нашего театра имѣетъ одну характерную и общую для всей жизни русской черту: это—подъемъ національной силы, побѣдившей натискъ Запада“. Для всѣхъ сколько-нибудь знакомыхъ съ тѣмъ, что представлялъ изъ себя русскій театръ въ первой четверти и даже въ первой половинѣ

XIX вѣка, это заявленіе о „подъемѣ національной силы“, характеризующемъ исторію нашего театра въ описываемую эпоху, должно показаться необыкновенно интереснымъ: оно такъ мало похоже на всѣ выведенныя читателями заключенія изъ знакомства съ театромъ того времени. Интересъ еще болѣе увеличивается, когда черезъ нѣсколько страницъ авторъ вновь подтверждаетъ: „Жизнь театра того времени въ Россіи ознаменована вторженіемъ и торжествомъ французскаго искусства и французскихъ актеровъ до полнаго господства надъ всеобщимъ вкусомъ и затѣмъ фактическимъ изгнаніемъ ихъ и художественной и моральной побѣдой надъ ними русскаго искусства въ лицѣ его лучшихъ представителей“. Начинаемъ слѣдить за „изгнаніемъ“, „художественной и моральной побѣдой“ и на стр. 39-й читаемъ: „Враждебное къ французамъ отношеніе продлилось у театральной администраціи впрочемъ, какъ и во всемъ русскомъ обществѣ, очень недолго. Едва прошли времена брани и народной ненависти, какъ уже всѣ начали опять думать о французскомъ спектаклѣ, котораго существованіе для высшаго петербургскаго общества необходимо“. Это очень доказательное для главной темы сообщеніе. Далѣе идетъ еще лучше. Въ дѣлѣ „художественной и моральной побѣды“ русскаго театра надъ французскимъ игралъ, по мнѣнію автора, большую роль кн. Шаховской, котораго онъ такъ характеризуетъ: „Онъ перепробовалъ всѣ роды драматической словесности, заимствовалъ содержаніе пьесъ изъ театровъ всѣхъ образованныхъ націй, примѣривалъ ихъ на русскій вкусъ и ладъ“. Но самымъ большимъ доказательствомъ освобожденія русскаго театра отъ ига французовъ около эпохи Отечественной войны авторъ считаетъ игру Семеновой. Разсказавъ извѣстную исторію обученія Семеновой у Гнѣдича, переходъ знаменитой артистки отъ менѣе искусственной чистки къ пѣвучей декламаціи, заимствованной у m-lle Жоржъ, и внушенной Гнѣдичемъ, авторъ прибавляетъ: „Самородный талантъ Семеновой, прошедшій черезъ указанія всѣхъ лучшихъ русскихъ сценическихъ педагоговъ и писателей того времени и претворившій въ себѣ школу французскаго театра сразу нѣсколькихъ поколѣній, и, наконецъ, Жоржъ былъ противопоставленъ русской дѣйствительностью иноземнымъ вліяніямъ и успѣхамъ и вышелъ изъ этого поединка съ великой частью какъ для самаго себя, такъ и для пробудившагося русскаго національнаго духа“.

Съ такимъ успѣхомъ доказываетъ авторъ „художественную и моральную побѣду“ русскаго театра въ эпоху Отечественной войны. Внѣ же основной, недоказанной и недоказуемой общей идеи, книга могла бы имѣть интересъ, какъ собраніе фактовъ, заимствованныхъ изъ печатныхъ источниковъ, если бы эти факты были представлены въ нѣсколько большемъ порядкѣ. (*И. Игнатовъ. „Рус. Вѣд.“ 1912—250*).

206. Уэллсъ, І. 793

Игры на полу. Съ рисунками Синклера. Перев. съ анг. С. Г. Займовскаго. Ц. 1 р. 25 к.

Въ этой книжкѣ авторъ разсказываетъ о томъ, какія игры на полу затѣвалъ онъ со своими сыновьями и что имъ для этихъ игръ служило хорошимъ матеріаломъ. Главную основу составляли планки, доски и кирпичики, не тѣ „жалкіе“, которые продаются въ магазинахъ, а заказанные плотнику по опредѣленному размѣру и въ возможно большомъ количествѣ. Остальныя игрушки расположены по степени ихъ пригодности въ разныхъ играхъ: оловянные солдатики и штатская публика, паровозы и вагоны занимаютъ тутъ первыя мѣста, а пасхальныя яйца, утконосъ и киви вмѣстѣ съ картонами, раковинами, толстыми книгами, „превосходной желобчатой бумагой, въ которую завертываютъ бутылки“, употреблялись по мѣрѣ надобности при созданіи тѣхъ міровъ, которые возникали по волѣ участниковъ игръ. Сегодня доски и кирпичики были островами индѣйцевъ, завтра—громоздились высокими горами, тамъ шли на постройку городовъ, и не было конца разнообразнымъ комбинаціямъ, гдѣ дѣйствительность переплеталась съ самой пылкой фантазіей. Подробно въ книгѣ описаны двѣ игры: „игра въ чудесные острова“ и „постройка городовъ“. Здѣсь уже наглядно показано, какъ осуществлялись смѣлые замыслы. Дѣлу нерѣдко мѣшалъ недостатокъ разнообразія въ современныхъ дѣтскихъ игрушкахъ, а авторъ своей книгой хочетъ подать „добрую мысль“ игрушечнымъ фабрикантамъ лучше приспособить ихъ товаръ къ играмъ подобнаго рода, а „какому-нибудь родителю или дядѣ“ помочь выбирать игрушки для подарковъ. Надо думать, что интересный опытъ автора книги открываетъ немалую помощь тѣмъ, кто интересуется дѣтской жизнью. Книжку можно рекомендовать не только родителямъ и всѣмъ желающимъ покупать игрушки, но и дѣтямъ, научившимся хорошо читать и понимать прочитанное. (*А. Г. „Рус. Вѣд.“ 1912—214*).

Очень изящно изданная книжечка съ массой мелкихъ и крупныхъ рисунковъ... Если воспитатель не знаетъ, какъ приняться за дѣло, пусть онъ прочтетъ книгу У. Онъ найдетъ въ ней указанія, какъ создать интересную, захватывающую игру... Наши дѣти, въ особенности мальчики лѣтъ 9—11, прочтутъ ее съ удовольствіемъ и если не сумѣютъ оцѣнить ея юморъ, то во всякомъ случаѣ захотятъ примѣнить ея идею къ своимъ играмъ. (*Н. Кирпичникова. „Для Нар. Уч.“ 1912—14*).

207. Демель, Рихардъ. 83—1

Собраніе сочиненій. Авторизов. пер. съ дополн. автора для русскаго изд. Вступительная статья Ю. Айхенвальда. Т. I и II пер. Л. Горбуновой. Изд. К. Ф. Некрасова. М., 1912. Ц. 1 р. 20 к. за томъ.

Среди современныхъ поэтовъ Германіи Рихардъ Демель представляетъ одну изъ наиболѣе видныхъ и внутренне значительныхъ фигуръ.

Какъ поэтъ, Демель имѣетъ крупныя заслуги—онъ одинъ изъ творцовъ современнаго нѣмецкаго стиха. Отъ природы не лишенный нѣкоторой склонности къ ложной красотѣ слишкомъ звонкаго слова, онъ однако успѣшно осилилъ своимъ сознательнымъ вкусомъ это безсознательное тяготѣніе. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи Демель осилилъ и облагороженную звучность, устремившись къ пластической четкости простого и вольнаго стихосложенія, заимствованной имъ отчасти у французовъ и прежде всего, у Верхарна. Все написанное поэтомъ отмѣчено яркой и самобытной индивидуальностью, а потому переводъ сочиненій Демеля на русскій языкъ представляется предпріятіемъ цѣннымъ и интереснымъ. Въ первыхъ 2 томахъ передъ нами только образчикъ

очень недурнаго перевода прозы поэта. Въ I томѣ даны: автобіографія автора, 3-хъ актная трагедія „Спутникъ человѣческій“ и теоретическій трактатъ: „Трагизмъ и драма“. Во второмъ—рядъ новеллъ. Вступительная статья Айхенвальда даетъ въ общемъ правильный и яркій образъ Демеля. (*О. Степунъ. „Рус. М.“ 1912—10*).

208. Ролланъ, Ромэнъ. 84—3

Жанъ Кристофъ. Современный романъ. Т. I—III. Заря. Утро. Юность. Изд. „Вечерній звонъ“. М. 1911—12 г. Ц. за томъ 80 коп.

Этотъ многотомный романъ французскаго писателя принадлежитъ по своему типу къ серіи тѣхъ классическихъ романовъ XIX в., которые всѣ указуютъ на гетевскаго Вильгельма Мейстера, какъ на свой идеальный прообразъ. Удачно сочетая свое человѣческое участіе къ герою романа съ обязательной безучастностью этической формы повѣствованія, медленно, обстоятельно и спокойно, съ вдумчивой заботливостью микрокосмическаго построенія, развертываетъ передъ читателемъ длинную исторію тяжелаго восхожденія одинокой человѣческой жизни къ ея подлинному назначенію музыканта-художника. Свое повѣствованіе авторъ начинаетъ съ младенческихъ дней героя, не отступая даже и передъ задачею психологическаго анализа души новорожденнаго. Затѣмъ онъ переходитъ къ дѣтству маленькаго Кристофа, развертывая его слагающуюся душу въ цѣломъ рядѣ картинъ дома, церкви и лѣса и соотвѣтствующихъ имъ проблемъ. Онъ интересно слѣдитъ за пробужденіемъ и угасаніемъ религіознаго чувства въ ребенкѣ и за первыми ударами внѣшней жизни, раскалывающими все человѣчество на двѣ половины—приказывающихъ и подчиняющихся; описываетъ смутное возникновеніе первыхъ творческихъ порывовъ и замысловъ художника и ихъ упорную борьбу съ корыстными видами отца Кристофа. Далѣе идутъ страницы, посвященныя артистическому успѣху перваго публичнаго выступленія и первымъ мукамъ непосильно-тяжелой борьбы за существованіе, большимъ, жестокимъ впечатлѣніямъ смерти и возмущенію противъ воли Всевышняго, юной дружбѣ, нѣжной, какъ первая любовь, но болѣе безкорыстной, и первымъ радостямъ и разочарованіямъ любви. Два женскихъ портрета Сабины и Адки заканчиваютъ третій томъ. Всѣ эти событія авторъ искусно и талантливо группируетъ вокругъ одной проблемы: анализа внутренняго облика Кристофа. (*О. Степунъ. „Рус. М.“ 1912—10*).

209. де-Гурмонъ, Реми. 84.09

Книга масокъ. „Грядущій день“. Ред. А. Л. Волынскаго, перев. г-жи Блиновой и М. А. Кузмина. Ц. 2 р. 50 к.

По этой книгѣ масокъ въ свое время читающая публика Франціи, а за ней Европы и у насъ, въ Россіи, впервые знакомилась съ новой литературой и съ удивленіемъ узнавала, что есть на свѣтѣ писатели, ей совершенно невѣдомые: Метерлинкъ, Верхарнъ, Ренье, Франсисъ Жаммъ, Мореасъ, Тайадъ, Лафаргъ, Гюставъ Канъ, Клодель, Поль Форъ (названный въ настоящее время „принцемъ поэтовъ“), Стюартъ Мерриль и мн. др.

Двѣ книги подлинника соединены въ русскомъ переводѣ въ одинъ томъ. Воспроизведены также и характерные портреты-маски, нарисованные Валлотономъ. (*„У. Рос. 1912—248*).

Въ большомъ томѣ до пятидесяти характеристикъ современныхъ литературныхъ знаменитостей Франціи. Онѣ бѣглы, сдѣланы рѣзкими штрихами, какъ и портреты властителей современныхъ думъ. Но нѣкоторыя изъ нихъ блестящи. Русскаго читателя поразитъ въ нихъ удивительно благожелательный тонъ критика. Рѣшительно никому онъ не портитъ крови и всѣмъ находитъ сказать пріятное. Въ то же время здѣсь много правды и немало мѣткихъ словъ. (*Измайловъ „Рус. Сл“. 1912—218.*)

210. Деледда, Грація. 85—3

„Одиночество“. Новеллы. Перев. и изд. І. А. Маевскаго. М. 1912. Ц. 60 к.

Сборникъ новеллъ Деледда, названный по имени первой изъ нихъ „Одиночество“, примыкаетъ къ тому роду современной итальянской литературы, который тѣсно связанъ съ отличительными особенностями тѣхъ или другихъ частей Италіи, съ желаніемъ передавать въ художественной формѣ весь складъ мѣстной жизни, нравы, обычаи, вѣрованія, народную психологію, разнообразные діалекты. Эта бытовая и этнографическая струя, привлекающая писателей главнымъ образомъ своею необычайною, яркою, колоритною стороною, но соединяющая нерѣдко съ теплымъ, сочувственнымъ отношеніемъ къ народной массѣ, занимаетъ видное мѣсто въ творчествѣ современныхъ итальянскихъ прозаиковъ и поэтовъ. Когда мы читаемъ новеллы, тотчасъ же бросается въ глаза близкое знакомство беллетристки съ особенностями жизни ея любимой Сардиніи, хотя изрѣдка въ этихъ новеллахъ показываются все-же фигуры представителей городского населенія или интеллигенціи, главные герои—люди изъ народа: старые и молодые крестьяне, сторожъ угольнаго склада, пастухъ, бродяга, переодѣтый монахомъ, рыбакъ, знахарка, слывущая колдуньей... По большей части у всѣхъ этихъ лицъ есть много первобытнаго, близкаго къ природѣ, непосредственнаго и въ любви и въ ненависти. Иногда плохо вѣрится, что предъ нами современная жизнь — столько пережитковъ отдаленнаго прошлаго сохранилось въ обычаяхъ, міросозерцаніи и взаимныхъ отношеніяхъ этихъ подавленныхъ довѣріями и невѣжествомъ людей. Передъ нами—обособленный, точно отрѣзанный отъ всего міра уголокъ, населеніе котораго мало интересуется тѣмъ, что дѣлается на материкѣ... Среди новеллъ, входящихъ въ составъ, этого сборника, есть живо и не безъ таланта написанныя, подчасъ отводящія извѣстное мѣсто психологическому анализу („Одиночество“. „Отъ безсѣлья“, „Снадобье“): сравнительно слабѣе чрезмѣрно растянутая „Сантиментальная новелла“. Переводъ читается въ общемъ легко, но попадаются такія выраженія, какъ „онъ выныряетъ на поверхность“, „Узилище“, „Музыкоманъ“. (*Ю. В. „Рус. Вѣд.“ 1912—202*).

211. [. . . . .] 85—3.

Итальянскія сказки. Пер. М. Андреевой, подъ ред. М. Горькаго. Изд. тов. скоропеч. А. Левенсонъ. М. 1912. Ц. 1. р. 25 к.

Первое, что привлекаетъ вниманіе въ этой книжкѣ, это—ея довольно красивый внѣшній видъ, производящій благопріятное впечатлѣніе. Хорошая бумага, четкій шрифтъ, недурные рисунки и заставки художника К. Спасскаго,— все это дѣлаетъ „Итальянскія сказки“ вполнѣ

пригодными по своему внѣшнему облику для юныхъ читателей. Въ составъ книги входитъ семь сказокъ: „Фея-Цвѣтокъ“, „Сказка о золотомъ перышкѣ“, „Баба-Яга“, „Король Громъ“, „Мастеръ“, „*Что починитъ—что испортитъ*“, „Дочь людоѣда“, „Куколка“.

Въ общемъ специально итальянскій колоритъ почти не чувствуется въ тѣхъ сказкахъ, которыя теперь появились въ русскомъ переводѣ; нѣтъ въ нихъ и ярко выраженнаго бытового элемента, столь сильнаго въ тѣхъ русскихъ сказкахъ, гдѣ элементъ мифическій и фантастическій занимаетъ, наоборотъ, очень мало мѣста. Преобладаетъ обычный, не пріуроченный къ опредѣленной странѣ или народности сказочный тонъ, разрабатываются темы и сюжеты, которые могли бы фигурировать въ фольклорѣ любой страны, дѣйствіе происходитъ въ условной сказочной обстановкѣ... Знакомясь съ содержаніемъ сказокъ, мы иногда наталкиваемся лишній разъ на такого рода мотивы, которые могутъ быть отмѣчены въ народномъ творчествѣ различныхъ племенъ и національностей, восходятъ, очевидно, къ глубокой старинѣ. Въ общемъ большинство произведеній, входящихъ въ составъ настоящаго сборника, можно признать пригоднымъ и для дѣтскаго чтенія,—конечно, если имѣть въ виду не самыхъ маленькихъ дѣтей, которымъ не все въ книгѣ будетъ понятно, такъ какъ иныя сказки имѣютъ, напримѣръ, извѣстную идейную основу,—а нѣкоторые эпизоды могутъ показаться слишкомъ страшными или мрачными. Въ иныхъ случаяхъ, къ сожалѣнію, не особенно удачныя детали или не вполнѣ удовлетворительныя развязки портятъ впечатлѣніе, производимое всѣмъ предыдущимъ; нѣсколько хромаетъ подчасъ и фантастика... Общую окраску главныхъ сказокъ слѣдуетъ, однако, признать гуманною, пробуждающею состраданіе къ несчастнымъ и обездоленнымъ. Переводъ сдѣланъ вполнѣ литературно и читаются сказки легко. (*Ю. Веселовскій. „Вѣст. Восп“. 1912—7.*)

212. Ибаньесъ, Бласко. 86—3

„Мертвые повелѣваютъ“. Романъ, пер. съ исп. Хавкиной. Изд. „Польза“. М. 1912. Ц. 40 к.

Центръ завязки романа лежитъ въ философіи побѣды индивидуализма надъ властью прошлаго. Бытовая сторона выражена недостаточно, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ страницъ, которыя посвящены описаніямъ нравовъ жителей острова Ибисы. Съ художественной точки зрѣнія романъ — достоинства не перваго сорта. Дѣйствующія лица мало жизненны, не сохраняются въ памяти читателя. Главное достоинство романа—въ постановкѣ интереснаго вопроса о власти мертвыхъ... (*В. Т. „Нов. Журн. для Вс.“ 1912—10.*)

213. Ибаньесъ, Бласко, 86—3.

Собраніе сочиненій. Томъ XVI. „Востокъ“. М. 1912. „Совр. Пробл.“. Ц. 1 р. 50 к.

Совершенно особнякомъ стоитъ эта книга среди тѣхъ произведеній талантливаго испанскаго беллетриста, которыя до сихъ поръ переведены по-русски. Если бы не знать, что ее написалъ Бласко Ибаньесъ, нельзя было бы догадаться объ этомъ. „Востокъ“, самое большее, является да и то въ отдѣльныхъ случаяхъ, полубеллетристическимъ произведеніемъ, гдѣ мѣстами прорывается все же талантъ романиста. Передъ нами—путевыя замѣтки, иногда отводящія главное мѣсто чисто фактической сторонѣ, иногда проникнутыя извѣстнымъ лиризмомъ, облеченныя въ красивую форму, передающія то или другое настроеніе автора. Хотя книга озаглавлена „Востокъ“, но всѣ первыя ея главы — около трети всего сочиненія — изображаютъ такія страны, города и мѣстности, которые не имѣютъ ничего общаго съ восточной жизнью. Двѣ трети книги заняты описаніемъ турецкой столицы, ея дворцовъ, мечетей, кладбищъ, уличной жизни, праздниковъ, придворныхъ церемоній, обломковъ историческаго прошлаго. Когда мы читаемъ нѣкоторыя яркія, подчасъ красочныя и поэтическія страницы, напоминающія нѣсколько манеру Пьера Лоти, какъ лѣтописца своихъ скитаній по экзотическимъ странамъ, намъ тотчасъ же бросается въ глаза извѣстная двойственность, сказывающаяся во взглядахъ и оцѣнкахъ автора. Восточную жизнь онъ разсматриваетъ и нерѣдко осуждаетъ съ точки зрѣнія культурнаго передового европейца, и въ то же время своей экзотичностью и своеобразнымъ колоритомъ турецкій Востокъ подкупаетъ его, какъ художника и нерѣдко онъ начинаетъ его идеализировать. (*Ю. В. „Рус. Вѣд.“ 1912—158*).

214. Ковалевскій, П. М. 891.7—1.

Стихи и воспоминанія. Посмер. изд. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

О Павлѣ Михайловичѣ Ковалевскомъ, забытомъ писателѣ пятидесятыхъ — шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, у насъ вспомнили за послѣдніе годы, когда въ „Русской Старинѣ“ стали появляться его необыкновенно живыя и остроумно написанныя воспоминанія. Первое собраніе его стиховъ, хотя и очень неполное, можно только привѣтствовать. Краткое, слишкомъ краткое біографическое вступленіе относитъ К. „къ почти забытой теперь плеядѣ эстетиковъ чистой воды и стилистовъ сороковыхъ годовъ, свято хранившихъ чистоту русскаго языка. На скромной лирикѣ К. лежитъ печать душевной искренности и доброты. Онъ не выходитъ обыкновенно изъ круга переживаній обыденнаго человѣческаго существованія, обыденныхъ страданій незадачливой жизни, семейныхъ потерь, заботъ и нужды, Муза его настроена, большей частью, элегически. Картины родной природы, нѣжно имъ любимой, обвѣяны тихой меланхоліей. Въ цѣломъ книга его—не только сборникъ хорошихъ, непритязательныхъ по формѣ стиховъ, но симпатичное поэтическое отраженіе одной изъ тѣхъ душъ, что красятъ жизнь своей кристальной чистотою. Къ сборнику приложенъ портретъ К. (*„Вѣст. Евр.“ 1912—10*).

215. Тардовъ, В. Г. 891.7—1.

Стихи. Изд. „Триптихъ“ М. 1912 г. Ц. 1 р.

Въ стихахъ г. Т. чувствуется не только поэтическій темпераментъ, но и поэтическая мысль—свойство рѣдкое въ новѣйшихъ стихотворныхъ сборникахъ. Однако, нѣсколько прочувствованныхъ и законченныхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ книгѣ, разбросаны по разнымъ отдѣламъ: сборникъ разнообразенъ по содержанію, далеко не равноцѣнному. Лучшее въ немъ— это стихи, внушаемые поэту русской природой и русской жизнью. Въ этихъ стихахъ — подлинное слія-

ніе образа и слова, лирическаго волненія и отчетливой фантазіи. Несравненно слабѣе стихи отвлеченно-задуманные, философствующіе. Свободно сдѣланы переводы съ персидскаго. Въ общемъ, книга даетъ цѣльное представленіе о художественныхъ вкусахъ и стремленіяхъ автора; владѣя современной поэтической техникой, г. Т. въ лучшихъ стихотвореніяхъ сборника достигаетъ своеобразія и непосредственнаго напряженія. (*В. Волькенштейнъ. „Совр. М.“ 1912—9.*)

216. Рунова, О. 891.7—3.

Летящія тѣни. Разсказы. Изд. „Новь“. Спб. 1912. Стр. 239. Ц. 1 р.

Небольшая книжка подводитъ итоги многолѣтней литературной работѣ: разсказы г-жи Р. печатаются въ журналахъ съ конца восьмидесятыхъ годовъ. Естественно поэтому, что они написаны въ старой манерѣ, но, никто, познакомившись съ „Летящими тѣнями“, не назоветъ ее устарѣлой; этотъ простой и ясный реализмъ исполненъ честности, которая не старѣетъ. Разсказы г-жи Р. не чужды недостатковъ, которые легко было замѣтить въ нашей старой реальной беллетристикѣ; есть здѣсь тенденціозность, есть подчасъ преувеличенія, и риторика, и сентиментальность. Но зато есть и свои достоинства—достоинства не только школы, но и художественной личности. Нельзя назвать наблюденія г-жи Р. однообразными и сферу ея наблюденій узкой, но, несомнѣнно, одно впечатлѣніе объединило всѣ ея попытки понять и возсоздать жизнь; это впечатлѣніе жестокости. Не люди жестоки въ этихъ разсказахъ — авторъ склоненъ забыть объ ихъ личной жестокости: — жестокъ бытъ, жестока среда. Картину русскаго провинціальнаго міра, развернутую г-жей Р. можно безъ всякаго преувеличенія назвать безпросвѣтно-мрачной. Страшно русское захолустье въ этихъ разсказахъ: помѣщичья ли усадьба, уѣздная ли канцелярія, купеческій ли домъ, чиновничья ли семья — все это трагически-мрачно, тупо, безобразно — и прежде всего жестоко! Это, конечно, узко-личныя воспоминанія, но и съ ними нельзя не считаться, когда знаешь, что имѣешь предъ собой наблюдателя правдиваго и рѣшительнаго, когда чувствуешь, что авторъ готовъ нести отвѣтственность за свою правду, что онъ суровымъ опытомъ тяжелой жизни заплатилъ за право найти сочувствующаго и понимающаго читателя. (*„Рус. Бог.“ 1912—10.*)

Книга эта должна быть отмѣчена вниманіемъ читателей, должна добиться заслуженнаго успѣха... Столько въ ней темперамента, столько драматизма, столько такта и умѣнья справляться съ самыми сложными и трудными положеніями, столько власти надъ читателями, что не хочется говорить о мелкихъ недочетахъ. „Павлюкъ“, „Неправда“. „Пастораль“, „Сѣрое“ — какіе все сильные, энергичные, изумительные разсказы. (*А. Юж—инъ „Всеобщ. Ж.“ 1912—1.*)

217. Свирскій, А. 891.7—3

Разсказы. Т. IV. Изд. „Освобожденіе“. Спб., 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Если въ этомъ писателя нѣтъ „глубины“, то и Богъ съ нею. Но довольно, вполнѣ довольно и того, что онъ — талантливый, изобразитель жизни, будничной, повседневной жизни, маленькихъ людей, рабочихъ, ремесленниковъ, арестантовъ, всевозможной городской мелкоты. Этотъ бытъ—родная сфера г. С., и въ немъ онъ чувствуетъ себя легко и свободно, какъ рыба въ водѣ, безъ малѣйшаго напряженія. Фабула безъ натянутой выдумки, естественная какъ сама жизнь, развертывается непринужденно: мягкій юморъ вооруженъ тонкой наблюдательностью, умѣньемъ подмѣчать характерное. Въ г. С. много теплоты и нѣжности, переходящей иногда, къ сожалѣнію, въ приторную сантиментальность. Стиль его простъ и этиченъ: это, быть можетъ, старомодный, но невычурный, ясный, неизмѣнно хорошій языкъ умнаго, непретенціознаго повѣствованія. (*И. Л. „Нов. Журн. для Вс.“ 1912—10*).

218. Семеновъ, С. Т. 891.7—3

Крестьянскіе разсказы. Т. I — VI. Изд. „Посредника“. М. 1912.

Пишетъ г. С. спокойно, яснымъ и самымъ простымъ, какой только возможенъ, языкомъ. Онъ и чувствуетъ спокойно, и въ его пониманіи крестьянскаго житья нѣтъ отчаянія, нѣтъ безпросвѣтнаго пессимизма. Онъ не сантименталенъ, счастливо избѣгаетъ судорожныхъ выкриковъ и мелодрамы, но зато не даетъ и глубоко захватывающихъ драмъ. Онъ не чуждъ назидательности. По дорогѣ онъ поучаетъ крестьянъ, какъ имъ устраивать свою жизнь, какъ пахать землю и какъ быть трезвыми. Писательское лицо г. С. серьезно и должно быть симпатичнымъ тѣмъ, которые считаютъ, что именно такого рода разсказы нужны крестьянамъ. Для насъ онъ представляется нѣсколько далекимъ отъ подлиннаго крестьянскаго быта; онъ все же интеллигентъ, и его работа комнатная: онъ пишетъ, исходя не изъ крестьянской жизни, не изъ постоянно-напряженнаго и непосредственнаго ея ощущенія, а скорѣе для крестьянской жизни. Въ произведеніяхъ г. С. идея пользы всегда преобладаетъ надъ художественнымъ результатомъ. (*П. Кожевниковъ. „У. Рос.“ 1912—218*).

О художественномъ значеніи разсказовъ г. С. говорить много нельзя: они, конечно, не подходятъ подъ понятіе художественности людей съ новымъ направленіемъ, отрицающимъ бытъ, а всѣ разсказы г. С. только и можно назвать бытовыми, и бытъ въ его разсказахъ описанъ вѣрно и правдиво, отражаетъ настроеніе соврем. крестьянства; у него въ разсказахъ встрѣчаются и положительные и отрицательные типы. (— *въ „Путь“. 1912—12*).

219. Соболевскій, С. А. 891.7—8

Эпиграммы и экспромты. Подъ ред. В. В. Каллаша. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

С. Соболевскій, „неизвѣстный сочинитель всѣмъ извѣстныхъ эпиграммъ“, близкій другъ Пушкина, кн. В. Одоевскаго и др., пріятель Проспера Мериме, въ ряду литературныхъ дѣятелей прошлаго вѣка занимаетъ мѣсто не послѣднее и какъ талантъ, и какъ оригинальная личность. Въ немъ переплелись достоинства и недостатки старой барской культуры. Давно слѣдовало дать собраніе его остроумныхъ шутокъ, затерянныхъ въ старыхъ рукописныхъ сборникахъ и историко-литературныхъ изданіяхъ, но въ свое время бывшихъ у всѣхъ на устахъ. Редакторъ настоящаго перваго собранія произведеній проситъ смотрѣть на это собраніе, какъ „на предварительное и черновое“. Въ этомъ качествѣ оно не вызываетъ особыхъ упрековъ. Укажемъ лишь, что напрасно не сдѣлано хотя попытки дать

эпиграммы С. въ хронологической послѣдовательности. Редакторъ снабдилъ всѣ стихотворенія необходимыми примѣчаніями. Жаль, что вступительный очеркъ С. излишне кратокъ. (*„Вѣст. Евр.“ 1912—10*).

С. обладалъ тонкимъ вкусомъ, язвилъ своими эпиграммами явленія, дѣйствительно достойныя осмѣянія, и въ его стихахъ проходитъ передъ нами цѣлый рядъ лицъ, игравшихъ въ свое время немаловажную роль.—Историческое значеніе его эпиграммъ должно быть признано безспорнымъ, и можно быть только благодарнымъ г. К. за его изданіе. (*В. Брюсовъ. „Рус. М.“ 1912—9*).

220. Горнфельдъ, А. Г. 891.7.09

О русскихъ писателяхъ Т. I. Минувшій вѣкъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Для г. Г., какъ онъ заявляетъ въ предисловіи, методъ стоитъ впереди другихъ задачъ и даже важнѣе результатовъ изслѣдованія.

За исключеніемъ большихъ статей—характеристикъ Тютчева, Аксакова, и Кущевскаго, сборникъ посвященъ частнымъ вопросамъ, по преимуществу связаннымъ съ изученіемъ путей и пріемовъ творчества поэтовъ. Критикъ, во всеоружіи теоріи, увѣренно подходитъ къ явленіямъ литературы, углубляя пониманіе уже установившихся иногда взглядовъ и оцѣнокъ. Полемическій характеръ носитъ замѣтка о реализмѣ, направленная противъ извѣстной рѣчи Валерія Брюсова о Гоголѣ: „Испепеленный“. Умѣло и умно вскрыты логическія ошибки, приведшія г. Брюсова къ отрицанію гоголевскаго реализма. Съ наибольшимъ одушевленіемъ написана въ сборникѣ г. Г. статья объ „Эстетикѣ Глѣба Успенскаго“. Но отъ умнаго, разсудительнаго анализа и артистичныхъ критическихъ пріемовъ г. Г. все-таки вѣетъ холодкомъ. (*„Вѣст. Евр.“ 1912—XI*).

Общимъ характеристикамъ отдѣльныхъ писателей въ настоящемъ сборникѣ удѣлено далеко не все мѣсто; добрая половина книги занята статьями, посвященными не столько писателямъ, сколько изученію пріемовъ художественнаго и вообще литературнаго творчества. Повидимому, эта тема наиболѣе интересна самому автору, его увлекаетъ анализъ процесса созданія литературныхъ произведеній, подчасъ даже мелочи въ этомъ анализѣ, но этой своей пытливостью и любовью изучать авторъ удивительно заражаетъ и читателя. Въ этомъ смыслѣ литературныя работы г. Г. отличаются той серьезностью, которая идетъ въ разрѣзъ съ установившейся у насъ въ послѣднее время склонностью къ легкому фельстонизму въ литературной критикѣ. Статьи г. Г. показываютъ, однако, что эта серьезность вполнѣ совмѣстима съ превосходнымъ изложеніемъ, публицистической живостью стиля и удачнымъ подборомъ темъ... Изъ статей, посвященныхъ общимъ характеристикамъ, нѣсколько особнякомъ стоитъ очеркъ о забытомъ нынѣ авторѣ нашумѣвшаго когда-то романа „Николай Негоревъ“ Кущевскомъ. (*„Совр. Сл.“ 1912—1727*).

221. Адамовъ, А. 9(53)

Иракъ Арабскій. Бассорскій вилайэтъ въ его прошломъ и настоящемъ. Стр. 616. Спб. 1912 годъ. Ц. 4 р. 50 к.

Поставленная авторомъ этого серьезнаго и солиднаго труда цѣль дать возможно полное описаніе Ирака Арабскаго, затронувъ всѣ стороны жизни послѣдняго, достигнута вполнѣ. Въ десяти главахъ ясно и популярно, съ полнымъ знаніемъ трактуемаго предмета, изложены данныя, касающіяся географіи, административнаго устройства, этнографіи, исторіи, торговли и экономическаго положенія этой турецкой окраины. Живое и яркое описаніе быта арабовъ-мусульманъ, христіанъ и евреевъ, а равно и природы долины Тигра, Евфрата и Шатэль-араби убѣждаетъ, что авторъ лично наблюдалъ мѣстную жизнь, видѣлъ воды этихъ рѣкъ и растущія по ихъ берегамъ финиковыя пальмы и испыталъ зной месопотамской пустыни. Интересныя свѣдѣнія сообщаются имъ о таинственной сектѣ саввейцевъ, или субба, такъ называемыхъ христіанъ Іоанна Крестителя.

Непосредственное знакомство съ краемъ придаетъ его труду особую цѣнность.

Прошлому Ирака Арабскаго, служившаго въ теченіе трехъ съ лишнимъ вѣковъ яблокомъ раздора между Турціей и Персіей и ареной борьбы арабовъ съ турками, посвящены 4 главы. Въ остальныхъ шести главахъ говорится о настоящемъ положеніи этой обширной турецкой провинціи, представляющей большой современный интересъ, какъ конечный участокъ будущей Багдадской желѣзной дороги и какъ центръ шіитскаго паломничества, куда ежедневно направляются тысячи нашихъ подданныхъ изъ Закавказья, главнымъ образомъ, и отчасти паломники изъ Бухары. Къ книгѣ приложены въ переводѣ на русскій языкъ два мирныхъ трактата Порты съ Персіей 1823 и 1847 гг. и соглашеніе 5 марта 1903 года о продолженіи Анатолійской желѣзной дороги до Персидскаго залива. Имѣются алфавитный указатель и библіографія 103 названія. Всѣ приложенные въ книгѣ фотографическіе снимки прекрасно исполнены. (*А. М. „Россія“. 1912—2136*.

222. Давыдкинъ, М. и Селезневъ, И. 91(075)

Географія для народныхъ училищъ. Со многими рис. въ текстѣ и двумя раскраш. картами. Ц. 45 к.

Авторы находятъ, что учебникъ долженъ служить лишь дополнительнымъ пособіемъ при преподаваніи и помогать ученику закрѣплять въ памяти тѣ свѣдѣнія, которыя онъ пріобрѣтаетъ изъ бесѣдъ съ учителемъ, изъ его разсказовъ и чтеній. Лежащая передъ нами книга вполнѣ удовлетворяетъ этой цѣли. Написана она просто, толково и обнимаетъ весь тотъ циклъ знаній, который преподается въ народныхъ училищахъ подъ общимъ именемъ географіи. Нѣкоторыя сухость и краткость изложенія не могутъ быть поставлены ей въ упрекъ, разъ это только конспектъ уроковъ, которые притомъ же по мысли авторомъ должны постоянно иллюстрироваться наглядными пособіями. Книга издана очень хорошо и снабжена массою весьма недурныхъ рисунковъ. Послѣ каждой главы поставленъ рядъ вопросовъ, которые помогаютъ ученику сознательно относиться къ прочитаному и провѣрять собственныя знанія. (*„Совр. Сл.“ 1912—1727*).

223. Курдовъ, К. М. 91(47)

Отечествовѣдѣніе. Россія сравнительно съ главнѣйшими государствами міра. Съ 38 діагр., 10 картогр., 8 карт. и пѣск. красками и рисунками. Изд. г. Сытина. М. 1912. Стр. 152. Ц. 1 р. 25 к., въ коленк. перепл. 1 р. 40 к.

Написать занимательный курсъ сравнительной географіи, гдѣ по самому существу дѣла приходится имѣть дѣло съ массой цыфръ, которыя, такъ или иначе, должны уложиться въ головѣ учащагося или читателя, является дѣломъ въ высшей степени труднымъ. И главнымъ недостаткомъ почти всѣхъ существующихъ учебниковъ по сравнительной географіи является именно сухость изложенія, состоящаго сплошь и рядомъ въ голомъ перечисленіи цыфрового матеріала. К. удалось избѣжать этого недостатка. Цыфры у него вездѣ переведены на языкъ діаграммъ и картограммъ. Всѣ діаграммы въ книгѣ К. исполнены очень умно и даже остроумно. Курсъ г. К дѣлится на три отдѣла: а) физико-географическій обзоръ, в) населеніе и с) народное хозяйство; послѣдній отдѣлъ разбивается также на три части: а) географія промышленности, в) географія торговли и с) географія транспорта и пути сообщенія. (*„Вѣст. Эн.“ 1912—10.*)

Учащіеся (старшихъ классовъ), а также лица, занимающіяся самообразованіемъ, найдутъ въ книгѣ г. К. цѣнное пособіе по изученію географіи и культурнаго состоянія Россіи сравнительно съ другими государствами. Многочисленныя картины діаграммы и др. рода наглядные рисунки, исполненные красками, удачно дополняютъ текстъ. (*„Сарат. Вѣст.“ 1912—134*).

Ученикъ вынесетъ изъ этого руководства самое цѣнное свѣдѣніе: онъ сумѣетъ ясно представить себѣ значеніе Россіи въ ряду другихъ государствъ и мѣстностей со стороны выгодъ или невыгодъ ея, преимуществъ и дефектовъ въ условіяхъ ея географическаго положенія по сравненію съ остальнымъ міромъ. Важное преимущество этого учебника заключается также въ солидной обработкѣ статистической и культурной сторонъ предмета, а отдѣлъ народнаго хозяйства занимаетъ здѣсь—и по праву—первенствующее мѣсто. (*О. Л—ръ. „У. Рос.“ 1912—144.*)

Учебникъ г. К. можно только привѣтствовать и пожелать ему поскорѣе замѣнить тѣ блаженной памяти, учебно-воспитательныя традиціи, когда воспитательныя силы Россіи опредѣляли вяземскими пряниками, калужскимъ тѣстомъ, производствомъ деревянныхъ колесъ, глиняныхъ горшковъ и т. д. (*Вл. Б. „Рус. Вѣд. 1912—128.*)

224. Алчевская, Х. Д. 92(А):371

Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминанія. М. 1912. Ц. 2 р.

Весь доходъ отъ изданія поступитъ въ фондъ имени Х. Д. Алчевской на нужды воскресныхъ школъ.

Весною текущаго года въ Харьковѣ дружно чествовалось пятидесятилѣтіе педагогической и просвѣтительной дѣятельности Х. Д. Алчевской. Распорядительной комиссіей по устройству чествованія выпущенъ теперь большой томъ. въ который входитъ весьма разнообразный, а мѣстами и очень интересный матеріалъ. Онъ характеризуетъ, какъ личность почтенной дѣятельницы, такъ и условія, въ которыхъ проходила ея работа, а также личность нѣкоторыхъ видныхъ писателей, приходившихъ въ соприкосновеніе съ г. Алчевской. Передъ нами длинный рядъ дневниковъ, замѣтокъ, записей, впечатлѣній, школьные дневники, дневникъ объ уходѣ за ранеными во время турецкой войны, воспоминанія о встрѣчѣ съ писателями. Лично Х. Д. рисуется какъ горячая энтузіастка, жившая любимымъ дѣломъ. Въ цѣломъ томъ „Передуманнаго и пережитого“ составляетъ цѣнный вкладъ въ исторію народнаго просвѣщенія на Руси. (*„Вѣст. Евр.„ 1912—XI*).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеней“ по одному экземпляру всѣхъ выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ.

Общія сочиненія [0]

602 [. . . . .] 016:372/3

Указатель учебныхъ руководствъ—пособій для низш. и сред. уч. зав. Въ двухъ частяхъ Ч. I—книги для учащихся. Ч. II—книги для преподавателей. Сост. и изд. книжн. маг. В. И. Пенкина. Кіевъ 1913. Стр.-столбц. 396. Ц. 40 к.

603. Васильевъ, В. Н. 025

Библіотечное дѣло. Руководство для устройства и содержанія въ порядкѣ общественныхъ, земскихъ, школьныхъ и частныхъ библіотекъ. Часть III. Отчетность: общая, кассовая, статистика. Съ таблицами и поясненіями изъ практики общ. и город. библіотекъ. Спб. 1912. Изд. М. О. Вольфъ. 142 стр. Ц. 90 к.

Философія [1]

604. Мюллеръ, Максъ, проф. 1(34)

„Философія Веданты“. Перев. съ англійск. И. Ф. Наживина. Вып. II. Изд. „Зеленая палочка“. М. 1912. Стр. 130. Ц. 40 к.

605. Уильдонъ, Карръ. 1(Б)

Философія Бергсона. Перев. съ англ. П. Румеръ. М. 1913. Изд. „Творчество“. Стр. 61. Ц. 30 к.

Содержаніе: Отъ переводчика. Философія и жизнь. Интеляектъ и матерія. Инстинктъ и умъ. Интуиція. Свобода. Духъ и тѣло.—Творческая эволюція. Библіографія.

606. Бѣляевъ, В. А. 1(Э)

Философія Рудольфа Эйкена. Спб. 1912. Стр. 93.

* **Эрнъ, Вл.** 1:92(С)

См. порядк. № 707.

607. Челпановъ, Г., проф. 146:151

Мозгъ и душа. Критика матеріализма и очеркъ современныхъ ученій о душѣ. М. 1912. Изд. 5-е. Стр. 319. Ц. 1. 50 к.

608. Богдашевскій, Д. прот. 149.918

Нѣсколько словъ о теософіи. Кіевъ. 1912. Изд. Кіев. Просвѣт. О-ва. Стр. 11.

609. Агаджанянцъ, К. С. 151(01)

Основныя проблемы при изученіи душевныхъ явленій. Пятигорскъ. 1912. Стр. 52. Ц. 25 к.

* **Челпановъ, Г.,** проф. 151:146

См. порядк. № 607.

610. Щукаревъ, А. Н., проф. 165

Проблемы теоріи познанія. Изд. „Матезисъ“. Одесса. 1913. Стр. 137. Ц. 1 р.

Изъ предисловія: „Книжка представляетъ собою собраніе лекцій, читанныхъ авторомъ въ 1907 г. на физико-математическ. факультетѣ Моск. Ун—та. Содержаніе ея представляетъ собою разборъ и попытки рѣшенія основныхъ проблемъ теоріи познанія, главнымъ образомъ, тѣхъ изъ нихъ, которыя близко соприкасаются и даже входятъ сполна въ область естествознанія“.

611. Freud., S., prof. Dr. 176(01)

Три статьи о теоріи полового влеченія. (Психотерапевтическая библіотека подъ ред. д-ровъ Н. Е. Осипова и О. Б. Фельцмана. Вып. III). М. 1912. Изд. „Наука“, 2-е. Стр. 116 + 1 портр. Ц. 75 к.

612. Форъ, І. 179.9

Милосердіе. Пер. М. Слонова. М. 1912. Изд. М. Слонова. Ц. 40 к.

Религія [2]

* **Антоновъ, Н. Р.** свящ. [2:3:92](47)

См. порядк. № 703.

613. Друммондъ, Генри. 244

Городъ безъ храма. Перев. съ англ. Кіевъ. 1912. Изд. религіозно-философ. о-ва. Стр. 26. Ц. 15 к.

614. Новгородскій, Павелъ. 244

Райскіе цвѣты съ Русской Земли. Сборникъ назидательныхъ повѣствованій о жизни и дѣятельности благочестивыхъ людей нашего времени. Сергіевъ Посадъ. 1912. Стр. 316. Ц. 1 р.

615. Розановъ, В. В. 28(04)

Люди лунnаго свѣта. Метафизика христіанства. Спб. 1912. Изд. 2-е. „Новое Время“. Стр. 297. Ц. 2 р. 50 к.

616. Толстой, Л. Н. 28(075)

Ученіе Христа, изложенное для дѣтей. Изд. 3-е. М. 1911. Стр. 96. Ц. 20 к.

* **Черткова, А.** 281.93.01:78

См. порядк. № 666.

Соціальныя науки [3]

* **Антоновъ, Н. Р.,** свящ. [3:2:92](47)

См. порядк. № 703.

617. Долгорукихъ, А. [3:5](47)

Россія и пути прогресса. Опытъ приложенія естественно-научныхъ, біологическихъ знаній къ разрѣшенію семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ вопросовъ. Вып. 1-й. М. 1912. Изд. „Копейка“. Стр. III + 77. Ц. 60 к.

618. Боголѣповъ, С. Г. 301

Историческіе слѣды прогресса въ связи съ современной культурой. М. 1912. Стр. 44.

619. Герье, В. 328(47)
Значеніе третьей Думы въ Исторіи Россіи. Ч. I. Спб. 1912. Стр. 98. Ц. 50 к.

620. Данскій, Б. Г. 331.823
Страхованіе рабочихъ. Съ приложеніемъ текста страховыхъ законовъ 23 іюня 1912 г. Спб. 1912. Стр. 120. Ц. 20 к.

Содержаніе: Соціальное страхованіе. Законъ о страхованіи отъ болѣзней. Законъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. Присутствія и совѣтъ по дѣламъ страхованія рабочихъ. Краткій обзоръ законовъ 23 іюня 1912 г. Страховые законы 23 іюня 1912 г.

621. Игнатовъ, Л. Н. 331.825:66
Къ вопросу объ охранѣ жизни и здоровья рабочихъ, занятыхъ въ химическихъ производствахъ. М. 1912. 30 стр. съ чертеж. Ц. 30 к.

622. Филипповъ, Ю. Д. 332.6
„Биржа", ея исторія, современная организація и функціи. Спб. 1912. Стр. 202. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Опредѣленіе понятія биржи. Исторія биржи. Виды биржъ и ихъ организація. Котировка. Биржевыя сдѣлки. Биржи въ главнѣйшихъ государствахъ. Биржа въ Россіи. Литература предмета.

623. В. Ч. 342(02)
Конспектъ теоріи государственнаго права. Составл. по программѣ Университета и Коммерческаго Института. М. 1912. Стр. 44. Ц. 60 к.

624. Сергѣичъ, П. 343.1
Уголовная защита. Практическія замѣтки. Изд. 2-е, перераб. и дополн. Спб. 1913. Стр. 243. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Общія замѣчанія. Приготовленіе къ защитѣ. Пріемы защиты по нѣкоторымъ отдѣльнымъ преступленіямъ. Нѣсколько словъ о судебн. слѣдств. Допросъ свидѣтелей. Подсудимый. Постановка вопросовъ. Предсѣдатель. Нѣсколько словъ о защитительной рѣчи.

625. Викторскій, С. И. 343.1(02)
Русскій уголовный процессъ. М. 1912. Изд. А. А. Карцева, 2-е испр. и доп. Стр. XVII + + 404 + 13 + II. Ц. 3 р. 50 к.

626. Бернгарди, Фр. 355„18:19"
Современная война. Томъ I и II. Перев. съ нѣм. А. Адариди. Спб. 1912. Изд. Березовскаго. Стр. XII + 262 + VIII + 333. Ц. 1 р. 75 к. и 2 руб.

* **Таубе, М. Ф.** 37(47):92
См. поряд. № 704.

* **[. . . . .]** 372/3:016
См. поряд. № 602.

627. Соколовъ, Леонидъ. 372.4
Практическая методика объяснительнаго чтенія. Руков. къ разработкѣ матеріала по книгѣ Кл. Лукашевичъ „Сѣятель". Гг. 1—4 Кіевъ—1913. Стр. 308. Ц. 1 р. 60 к.

628. Мейръ, Эмануэла, д-ръ. 396
Отъ дѣвочки къ женщинѣ. Предисл. проф. И. П. Побѣдинскаго. Изд. Столяръ Л. А. Пер. съ нѣм. Д-ра І. Я. Ляховскаго и М. Я. Гольденвейзера. Стр. XIX+132. Ц. 1 р. 10 к.

Филологія. [4]

629. [. . . . .) 4(061)
Записки Императорскаго Новороссійскаго университета Историко-филологическаго факультета. Выпускъ VII подъ ред. проф. А. П. Доброклонскаго. Вилинскій, С. Г. Житіе св. Василія Новаго въ русской литературѣ. Ч. II. Тексты житія. Одесса—1911. 1018 стр. Ц. 8 р. 60 к.

Чистыя науки. [5]

* **Долгорукихъ, А.** [5:3](47)
См. поряд. № 617.

630. Раудэ, Ѳеодоръ. 511(01)
Ариѳметика. Краткій курсъ теоріи ариѳметики. Изд. „Атласъ". Кіевъ. 1913. Стр. 104. Ц. 25 к.

631. Гуревичъ, Л. 513(024.7)
Какъ я училъ моего мальчика геометріи. Первые уроки геометріи для дѣтей. Новое воспитаніе и образованіе. Подъ ред. П. Горбунова-Посадова. Вып. XXIII. М. 1912. Изд. 2-е. 76 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

632. Перрье, Эдмондъ 523.4
Жизнь на планетахъ. Пер. съ франц. Л. Перхуровой. Изд. Л. А. Столяръ М. 1913. Стр. 96+VI. Ц. 45 к.

Содержаніе: Прологъ. Обсѣмененіе земли зародышами, явившимися со звѣздъ. Рожденіе жизни. Составъ нашей планетной системы. Необитаемыя планеты. Венера. Марсъ. Обитатели Марса.

633. Эдсеръ, Эдвинъ. 53(01)
Общая физика. Основныя свойства матеріи. Перев. заслуж. проф. Имп. Спб. у-та И. И. Боргмана. Изд. „Естествоиспытаніе". Спб. 1913. Стр. VIII+615. Ц. 3 р. 80 к.

634. Писаржевскій, Л. В., проф. 54
Учебникъ химіи съ 90 рис. въ текстѣ. Изд. „Природа". М. 1913. Стр. 311. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ предисловія: „Въ основу этого учебника положены: атомистическая гипотеза, періодическая система элементовъ и теорія строенія".

635. Кюри, m-m, проф. 546
Радіоктивность. Томъ I. Выпускъ II. Переводъ М. Пирожкова. Спб. 1912. Изд. „Наука и Жизнь". 203—408 стр. Съ портр. Ц. 2 р.

636. Клоссовскій, А., проф. 551.5
Современное состояніе вопроса о предсказаніи погоды. Спб. 1913. 48 стр.

637. Фино, Жанъ. 572
Агонія и смерть человѣческихъ расъ. Пер. съ франц. Л. Перхуровой. Изд. „Универс. кн-во" Л. А. Столяръ. М. 1913. Стр. 120. Ц. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. Что такое французская раса? Объ арійскомъ заблужденіи. Латинская раса? Химія невѣсомыхъ. Мы забываемъ о нашихъ безсмертныхъ душахъ. Существуетъ ли коллективная психологія народовъ? Всѣ народы были уже родственны между собой, прежде чѣмъ сдѣлаться братьями. Курьезы краніологіи. Въ лабораторіи народовъ. Черепа подвергаются вліянію среды. Заключеніе.

638. Тихомировъ, А. 573.2(02)
Допустимо ли предположеніе о животномъ происхожденіи человѣка? М. 1912. 71 стр. Ц. 40 к.

639. Оиелянскій. В. Л. 578
Основы микробіологіи съ 354 рис. Изд. 2-е. Спб. 1913. Стр. 445. Ц. 3 р.

640. Новорусскій, М. 589(023)
Грибы. Всѣмъ доступный разсказъ о грибахъ и ихъ жизни. Спб. 1913. Стр. 63. Ц. 30 к.

641. Никоновъ, Л. 591.1
Жизнь растеніи въ простѣйшихъ опытахъ. Изд. 3-е. Спб. 1912. Стр. 64. Ц. 30 к.
Содержаніе: Предисл. къ 1-му изд. Предисл. къ 2-му изд. Предисл. къ 3-му изд. Введеніе. Сѣмя. Корень. Листъ. Стебель. Органы размноженія растеній. Перечень приборовъ, посуды и матеріаловъ.

Прикладныя науки [6]

642. Никифоровъ, М. О., проф. 611(02)
Основы патологической анатоміи. Элемент. курсъ общей и частной патологической анатоміи съ 813 рис. 4-е испр. и дополн. изд. Карцева, А. А. М. 1912. Стр. 917. Ц. 5 р. 80 к.

643. Toldt, Carl, проф. 611(084)
Анатомическій атласъ для студентовъ и врачей. Перев. подъ ред. д-ра-мед. К. З. Яцуты, прозектора и. в.-м. академіи. Вып. 5-й. Ученіе о сосудахъ. Изд. „Практическая Медицина", 7-е, испр. и дополн. Спб. 1913. Стр. 741. Ц. 6 р.

644. Васильевъ, М., д-ръ 613(02)
Конспектъ по гигіенѣ. Состав. соглас. програм. Медиц. Испытат. Комисс. Спб. 1912. Изд. 2-е. Кн. маг. Анисимова. Стр. 208. Ц. 1 р. 25 к.

645. Хорошенко, Вас. 616.89
Объ отношеніи лобныхъ долей мозга къ психологіи и психопатологіи. (Докл. 1-му съѣзду Рус. союза психіатровъ и невропатологовъ созван. въ память С. С. Корсакова М. Сессіи 1911 г. М. 1912. Стр. 42. Ц. не обознач.

646. Carasquilla, Sabastian, проф. 617.3
Гигіена зубовъ. Перев. подъ ред. д-ра Коварскаго. М. 1912. 21 стр. Ц. 30 к.

647. Hasslauer, Wilhelm, д-ръ. 617.8
Отіатрія практическаго врача. Съ 124 рис. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ примѣч. д-ра мед. Е. Б. Блюмонау. Спб. 1913. Изд. „Практ. Мед.". Стр. 364. Ц. 2 р. 50 к.

648. Eckert, д-ръ. 618.9
Кратк. учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Перев. съ нѣмец. подъ ред. и съ примѣч. д-ра мед. А. А. Киселя. Изд. „Космосъ". М. 1913. Стр. 136. Ц. 75 к.

649. Энгельмейеръ, П. К., инж.-мех. 62(01)
Философія техники. Вып. II. „Современная философія". Стр. 160. Ц. 80 к.
Содержаніе: Вступленіе. — Недовольство раціонализмомъ. Ревизіонизмъ въ философіи. IV междунар. конгр. по философіи (Болонья, 1911 г.) Итоги Болонскаго конгресса. Историческ. приближеніе философіи къ жизни. Франсисъ Бэконъ, Рене Декартъ, Блэзъ Паскаль, Иммануилъ Кантъ, В. Б. Карпентеръ, Гуго Мюнстенбергъ, Эдуардъ Гартманъ, Листеръ Уардъ, Эрнстъ Махъ и махизмъ, В. Джемсъ и прагматизмъ. Интуиціонизмъ, Эмиль Бутру, Анри Бергсонъ. Зарожденіе философіи техники. Эрнстъ Каппъ, Альфредъ Эспинасъ, Фредъ Бонъ. Дилетантизмъ.—Заключеніе.

650. Энгельмейеръ, П. К., инж.-мех. 62(01)
Философія техники. Вып. III. „Наша жизнь". Стр. 94. Ц. 80 к.
Содержаніе: Вступленіе. Наша жизнь Разумъ. Житейскій здравый смыслъ Чувство истины Личность. Вѣра и разумъ. Нравственность. Банкротство науки. Заключеніе.

651. Васильевъ, Н. К. 633
Частное земледѣліе. Ученіе о полевыхъ и луговыхъ культурныхъ растеніяхъ. Спб. 1912. Изд. А. Ф. Девріена. Стр. VIII + 367. Съ рис. Ц. 2 р.

652. Барберонъ, Г. А. 634.6
Виноградство. Томъ I. Изд. Главн. Упр. Удѣл. Спб. 1912. Стр. IX + 612 + VII. Съ рис. Ц. 4 р.

653. Жилины, Е. и И. 635
Какъ сдѣлаться хорошимъ огородникомъ. Составлено по Люкасу. „Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь". Подъ ред. П. Горбунова-Посадова. Книжка 18-я. М. 1912. Изд. 4-е. Стр. 100. Съ рис. Ц. 25 к.

654. Кельнеръ, О., проф. 636
Кормленіе сельско-хозяйственныхъ животныхъ. Руководство, составленное на основаніи физіологическихъ изслѣдованій и практическихъ наблюденій. Полный перев. съ 6-го нѣм. посмер. изд. подъ ред. Петра Широкихъ. Съ вступленіемъ И. О. Широкихъ. Кіевъ. 1912. Изд. журнала „Хозяйство". Стр. 711 + XIII. съ портр. Ц. 3 р. 50 к.

655. Абозинъ, И. И. 636.5
Доходное птицеводство въ мелкихъ хозяйствахъ. Спб. 1912. Изд. А. Ф. Девріена. Стр. 176. Съ 34 рис. Ц. 75 к.

656. Ламтевъ, Н. Н., инж. 654.6
Какъ самому устроить телефонъ. Практическое руководство для любителей электротехниковъ. Спб. 1913. Изд. А. Ф. Сухова. Стр. 24. Съ рис. Ц. 25 к.

657. Видеманъ, К. И. 657
Банковая бухгалтерія. Часть первая. Выпускъ I. Спб. 1912. Изд. 3-е, испр. и доп. Стр. 202. Ц. 1 р. 25 к.

658. Васильевъ, М. И. 658(02)
Курсъ коммерческихъ вычисленій. Спб. 1913. Тип. В. Д. Смирнова. Стр. 80.

659. Коварскій, К. 674/6
Выжиганіе по дереву, кожѣ и папкѣ. Спб. 1913. Изд. М. П. Петрова. Стр. 39. Съ рис. Ц. 30 к.

660. [. . . . .] 68
Въ помощь ремесленной школѣ, сельскому хозяину, кустарю и ремесленнику. Изд. П. Д. Сытина. Отдѣлъ промышленнаго образованія. М. 1912. Стр. 40.

661. Василевичъ, В. 684
Какъ построить гнутую мебель кустарнымъ способомъ. Практическое руководство по выдѣлкѣ кустарной гнутой мебели. Спб. 1913. Изд. Петрова. Стр. 14. Съ 14 рис. Ц. 20 к.

Изящныя искусства. [7]

662. [. . . . .] 7:8](08)
Студія Импрессіонистовъ. Альманахъ. Кн. I-я ред. Н. И. Кульбина. Изд. И. П. Бутковской. Стр. 126. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: Восточный мотивъ, Шлитъ-Рыжова.—Яванскій кукольный театръ, Балльеръ. —Гроза, Борисякъ, А. А.—Царевна и Луна, Гидони.—Ея пѣсни, Риглеръ, М. А.—О живописи музыки, Борисякъ, А. А.—Пѣснь весны, Нечаевъ, В. И. — Праздно-голубой, Бурлюкъ, Н. Д.—Есть звуки, что кричатъ намъ съ самаго рожденія, Н. Д. Бурлюкъ.—Заклятіе смѣхомъ, Хлѣбниковъ.— Представленіе любви, мелодрама въ 3-хъ дѣйств., Евреинова, Н. М.—Иллюстраціи.

663. [. . . . .] 75(44)„1812:1912"
„Сто лѣтъ французской живописи" (1812 — 1912). Изд. „Аполлона". Спб. Стр. 54. Ц. 8 р.
Содержаніе: Предисловіе — „Сто лѣтъ французской живописи", ст. кн. А. К. Шервашидзе. — „Отъ Давида до Сезанца", ст. Arsène Alexandre. — „Выставка-музей", ст. Александра Бенуа. Списокъ иллюстрацій.

664. Миролюбовъ, А. Д., свящ. 78
Музыка—даръ неба. М. 1912. Стр. 31. Ц. 30 к.

665. Эйгесъ, К. 78(01)
Статьи по философіи музыки. Кн. I. М. 1912. Стр. 95. Ц. 1 р.
Содержаніе: Вмѣсто предисловія. Музыка и эстетика. Основная антиномія музыкальной эстетики. Музыка, какъ одно изъ высшихъ мистическихъ переживаній. Красота въ искусствѣ. Основные вопросы музыкальной эстетики.

666. Черткова, А. 78:281.93.01
Что поютъ русскіе сектанты. Сборникъ сектантскихъ напѣвовъ съ текстомъ словъ. Вып. III. Отд. III. Духовные стихи и распѣвы разныхъ сектъ. М. 1912. Изд. Юргенсона. Стр. 59. Ц. 1 р.

* **Мясковскій, Н.** 78:92(Б+Ч)
См. порядк. № 705.

667. Миролюбовъ, А. Г. свящ. 783
Начинающій регентъ. М. 1912. Стр. 80. Ц. 50 к.

Литература. [8]

* [. . . . .] 8:7](08)
См. порядк. № 662.

668. [. . . . .] 8—8
Ключи счастья. Избранныя произведенія русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Спб. 1912. Стр. 671. Ц. 2 р.

669. Диккенсъ, Чарльзъ. 82—3
Большія надежды. Иллюстрир. романы въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгунова. Спб. 1912. Изд. П. В. Луковникова. Стр. 95. Съ рис. Ц. 40 к.

670. Лондонъ, Джэкъ. 82(73)—3
Дочь снѣговъ. Романъ. Авториз. перев. съ англ. І. А. Маевскаго. Полное собраніе сочиненій. Томъ XII. М. 1912. Изд. І. А. Маевскаго. Стр. 311+8 нен. Ц. 1 р.

671. Іенсенъ, В. 83—3
Градива. Фантастич. приключ. въ Помпеѣ. Перев. съ нѣм. Вѣры Борской, подъ ред. д-ра М. В. Вульфа. Одесса. 1912. Изд. „Жизнь и душа". Стр. 180. Ц. 1 р.

672. Манъ, Г. 83—3
Минерва. Романъ. Перев. съ нѣм. А. Полоцкой. „Универс. библ." М. 1912. Изд. III. „Польза", В. Антикъ и К°. Стр. 271. Ц. 30 к.

673. Аданъ, Поль. 84—3
Полное собраніе сочиненій. Томъ VIII. Огни шабаша. Романъ. Перев. А. Венгерова. М. 1912. Изд. „Сфинксъ". Стр. 342+II. Ц. 1 р.

674. Мендесъ, Катюль. 84—3
Собр. соч. Т. VII. Парижскія чудовища. Изд. „Сфинксъ". Перев съ франц. В. Ладыженской. М. 1912. Стр. 429. Ц. 2 р.

675. Рупнель, Г. 84—3
Поно. Ром. въ 3-хъ част. Изд. „Звѣзда", пер. съ франц. В. Крив—ской. М. Стр. 213. Ц. 1 р.

676. Овидій. 87—1
„Героини". Пер. проф. О. Ф. Зелинскаго. Изд. М. Г. Корнфельда. Спб. 1913. Стр. 223 Ц. 2 р.

677. Ганецкій, Н. 891.7—1
Изгнанникъ. Поэма и стихотворенія. Спб. 1912. Стр. 104. Ц. 80 к.

678. Завьяловъ, Иванъ. 891.7—1
Брату-товарищу. Книга стиховъ. М. 1912. Стр. 190. Ц 1 р.

679. Сазоновъ, Глѣбъ. 891.7—1
„Органъ" II-я книга стиховъ. 1912. Стр. 149. Ц. не обознач.

680. Ге, Г. Г. 891.7—2
Сборникъ пьесъ. Томъ I. 1912. Изд. Ком. Отд. 4-е. Стр. 207. Съ портр. Ц. 2 р.
Содержаніе: Трильби. Казнь. Набатъ.

681. Левицкій, П. К. 891.7—2
„Слѣпой". Драматическая поэма въ трехъ дѣйств. М. 1912. Стр. 64. Ц. 1 р.

682. Туркинъ, Н. 891.7—2
Русская душа. Комедія въ 4 дѣйств. М. 1912. Изд. „Златоцвѣтъ". Стр. 79. Ц. 1 р.

683. Алтаевъ, А. 891.7—3
Въ великую бурю. Историческій романъ изъ временъ Англійскаго Короля Карла I и Оливера Кромвеля. Для дѣтей старшаго возраста. Спб. 1912. Стр. 280. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

684. Богдановъ, А. 891.7—3
Инженеръ Мэнни. Фавтаст. ром. Изд. С. Доброватовскаго и А. Чарушникова. М. 1913. Стр. 148.

685. Гуревичъ, Фанни. 891.7—3
Дѣвичье. Разсказы. Съ предисловіемъ П. Пильскаго. Одесса. 1912. Стр. 146. Ц. 1 р.

686. Засодимскій, П. 891.7—3
Отецъ и дочь. Повѣсть. М. 1912. Изд. 3-е. П. Д. Сытина. Стр. 128. Съ рис. Ц. 60 к.

687. Ивашкевичъ, А. 891.7—3
Русскія дѣти въ Манджуріи. Разсказы изъ пережитаго на Дальнемъ Востокѣ въ 1897 — 1900 гг. Спб. 1912. Изд. А. Ф. Девріена. Стр. 316. Съ рис. Ц. 2 р.

688. Лебедевъ, Вл. П. 891.7—3
Въ чести и въ неволѣ. Историческая повѣсть.

М. 1913. Изд. Кн. скл. Л. В. Клюкина. Стр. 116. Съ рис. Ц. 65 к.

689. Милицына, Е. 891.7—3

Разсказы. Т. III. Изд. М. Некрасова. 1913. Стр. 294. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Страшная сказка. Ожиданія. Скрывной. Своимъ путемъ. Въ сборнѣ. Въ ожиданіи приговора. Призраки. Ночь. Старики. Стихотворенія въ прозѣ.

690. Нар—скій, Н. 891.7—3

„Подрядчики и инженеры". Изъ воспоминаній десятника Поморцева. Оренбургъ. 1913. Стр. 117. Ц. 30 к.

691. Новиковъ, Иванъ. 891.7—3

Разсказы (1905—1912 гг.). Изд. „К-ва писателей". М. 1912. Стр. 260. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Пчелы-причастницы. Пѣтухъ. Въ слободѣ. Зеленая. Юда-разбойникъ. Сватовство за Грушу. Чудо св. Николая. Мадонна Біанка. Жанна д'Аркъ. Варенька изъ Прилѣпъ. Наяда въ пруду. Троицкая кукушка. Крестъ на могилѣ.

692. Селецкій, Г. Г. 891.7—3

Морскіе разсказы. Т. II. 1912. Стр. 128. Ц. 80 к.

Содержаніе: Въ центрѣ тайфуна. Въ каютъ-компаніи стаціонера. На эмигрантскомъ пароходѣ. Пятнадцать секундъ. Морская практика. Аккерманъ.

693. Семеновъ, Вл. 891.7—3

Расплата. Трилогія. I. Портъ-Артуръ и походъ 2-й эскадры. Спб. 1912. Изд. 5-е, посмертное. VIII+420+IV стр. и 1 портр. и 4 карты. Ц. 3 р.

694. Ѳедоровъ-Давыдовъ, А. 891.7—3

Русскія народныя сказки. Т. II. Изд. Сытина. М. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

* **Клокова, М.** 891 . 79 : 92 (Ш)

См. порядк. № 708.

Исторія и географія [9]

695. Гиро, Поль. 9 (37)

Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь римлянъ. Пер. съ франц. подъ ред. С. П. Моравскаго. Изд. 2-е, испр. Съ 107 рис. Изд. Сытина. М. 1913. Стр. 608. Ц. 3 р.

696. Гиро, Поль. 9 (38)

Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь грековъ. Пер. съ 5-го франц. Съ 88 рис. Изд. кн. м. К. Н. Николаева. Стр. 496. М. Ц. 3 р.

697. Либровичъ, С. Ф. 9 (47)

Императоръ подъ запретомъ. Двадцать четыре года русской исторіи. Спб. 1912. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Стр. 164. Съ рис. Ц. 1 р.

698. Левнеръ. И., 9 (47) „1812" : (×924)

Отечественная война 1812 года и евреи. Луганскъ. 1912. Стр. 16.

* **Кубанинъ, С.** 9 (47) : 92 (П)

См. порядк. № 706.

699. Бородкинъ, М. 9 (47 . 1)

Исторія Финляндіи. Время Екатерины II и Павла I. Спб. 1912. Стр. XXXI + 446. 7 кар. Ц. 4 р.

700. Адамовъ, А. 9 (53)

Иракъ Арабскій. Бассорскій вилайэтъ въ его прошломъ и настоящемъ. Спб. 1912. Стр. IV+616. Ц. 4 р. 50 к.

701. Хольцовъ, Л. С. 9 (73)

Современная Америка. Историко-географическій политическій и экономическо - статистическій очеркъ Сѣверо-Американскихъ Соед. Штатовъ. Спб. 1912. Изд. Тов. Междунар. Биб-ка. Стр. XII+447 + 80. Съ картою и діагр. Ц. 3 р.

702. Кругликовъ-Гречаный, Л. Н. 901

Методика исторіи. Изд. 3-е, испр. и дополн. Кіевъ. 1913. Изд. авт. Стр. 150. Ц. 1 р. 10 к.

703. Антоновъ, Н. свящ. 92 : 2 : 3] (47)

Русскіе свѣтскіе богословы и ихъ религіозно-общественное міросозерцаніе. Т. I. Спб. 1912. Стр. LVI — 426. Ц. 2 р.

Содержаніе: Вопросъ о церкви и интеллигенціи въ литературѣ, жизни и обществѣ. Н. П. Аксаковъ, С. Д. Бабушкинъ, Н. А. Бердяевъ, С. Н. Булгаковъ, гр. П. А. Валуевъ, А. В. Васильевъ. Мирная борьба съ соціализмомъ, какъ задача для церкви и духовенства по указанію представителей первой группы свѣтскаго богословія.

704. Таубе, М. Ф., бар. 92 : 37 (47) „18"

Три столпа русскаго самобытнаго просвѣщенія прошлаго столѣтія: Хомяковъ, Достоевскій и епископъ Ѳеофанъ, затворникъ Вышенскій. Харьковъ. 1912. Стр. 42.

705. Мясковскій, Н. 92 (Б + Ч) : 78

Чайковскій и Бетховенъ. М. 1912. Изд. ред. еженед. „Музыка". Стр. 14, съ 2 порт. Ц. 15 к.

706. Кубанинъ, С. 92 (П) : 9 (47)

Емелька Пугачевъ. „Біографич. биб.". М. 1912. Изд. „Островъ". Стр. 85. Ц. 10 к.

707. Эрнъ, Вл. 92 (С) : 1

Григорій Савичъ Сковорода. Жизнь и ученіе. Изд. „Путь". М. 1912. Стр. 342. Ц. 2 р.

Содержаніе: Ч. I. Прологъ на небѣ. Прологъ на землѣ. Годы юности и ученія. Заграничное странствіе. Неопредѣленность. Основныя черты душевнаго склада. Жизненное рѣшеніе. Дружба съ Ковалинскимъ. Странническій посохъ. Учительство и писательство. Послѣдніе годы. Смерть. Ч. II. Вводныя замѣчанія. Антропологическая точка зрѣнія. Hieroglyfica, emblemata simbola. Проблема Библіи. Ученіе о внутреннемъ человѣкѣ. Ученіе о мірѣ. О Богѣ. Мистическая мораль. Прикладная мораль. Педагогическія идеи. Сковорода и церковь. Заключеніе. Сковорода и послѣдующая русская мысль.

708. Клокова, М. 92 (Ш) : 891 . 79

Пѣвецъ Украйны Т. Г. Шевченко. Біографическій очеркъ. М. 1912. Изд. Школьной биб-ки. Стр. 104. Съ рис. и портр. Ц. 30.

Содержаніе журналовъ.

„Аполлонъ“. (1912—8). Н. Романовъ. Эскизы genre'а и этюды. А. Иванова въ Румянцевскомъ музеѣ,—Кн. С. Волконскій. Изъ книги: „Выразительный человѣкъ“— сценическое воспитаніе жеста (по Дельсарту). — Я. Тугенхольдъ. О портретѣ. — Хроника: Jean de Gourmont. Письма о франц. литературѣ.—Н. Гумилевъ. Письма о русской поэзіи. — Художественныя вѣсти съ Запада.

„Богословскій Вѣстникъ“. (1912—10). С. С. Глаголевъ. Отсутствіе религіознаго образованія въ современномъ обществѣ — В. А. Троицкій. Вопросъ о Церкви въ полемикѣ блаж. Августина противъ донатистовъ.—М. М. Тарѣевъ. Критика экономическаго ученія Маркса. — Кондаменъ. Вавилонъ и Библія. Перев. И. П. Цвѣтковой, подъ ред. С. С. Глаголева. — П. Д. Протасовъ. Повѣствованія въ московскомъ храмовомъ зодчествѣ конца XVII в.—С. Противники христіанскаго аскетизма въ западной церкви конца IV и начала V вѣка. — Т. Новозавѣтное понятіе праведности и святости по сравненію съ классическимъ, раввинскимъ, филоновскимъ и ветхо-завѣтнымъ. Журналъ Собраній Совѣта Моск. Дух. Академіи.—Указатель къ журналу „Богосл. Вѣст.“ (Второе десятилѣтіе 1902—1911 г.).

„Вѣстникъ Европы“. (1912—11). Е. Чириковъ. Изгнаніе, ром. (Продолж.).—М. В. Крестовская. Въ Ольховатомъ. Изъ дневника. (Оконч.)—В. Береншгамъ. Изъ записокъ адвоката.—О. Зѣлинскій. Трагедія вѣрности.—І. Черновъ. Тайныя общества въ эпоху іюльской монархіи и второй республики.—Х. Венавенте. Изъ разсказовъ. Перев. Хавкиной.—Г. Деледда. Запертая дверь. Перев. съ итальянск. П. Кибальчичъ.—О. Леонидовъ. Черная дама, стих.—Вѣра С. и Р. Стихотворенія.—К. Михаэлисъ. Мать, разск. Перев. съ нѣм. З. Журавской.—Х. Г. Уэллсъ. Дверь въ стѣнѣ, разск. Перев. съ англ. З. Журавской.— А. Мануиловъ. Новѣйшее законодательство о земельной общинѣ. Его характеристика и результаты.—Н. Котляревскій. Изъ исторіи общественнаго движенія 60-хъ годовъ.—Бѣлоруссовъ. Въ поискахъ раціональной морали.—А. Пругавинъ. „Бабушка“ въ ссылкѣ.—М. Сафоновъ. Послѣднія извѣстія изъ ссылки.—М. Ковалевскій. Освободительное движеніе на Балканахъ.—Н. Карѣевъ. Изъ новѣйшей литературы по исторіи французской революціи. — Л. Слонимскій. Изъ пропілаго.—С. Адріановъ. Критическіе наброски.— И. Жилкинъ. Провинціальное обозрѣніе.—К. Арсеньевъ. Передъ открытіемъ Четвертой Думы.— Литературное обозрѣніе.—П. Бочковскій. Францишекъ Палацкій. (1798—1876).— Иностранное обозрѣніе.—Вопросы общественной жизни.—Библіограф. листокъ.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“. (1912—11). Заграничная хроника: І. Общественная жизнь: Конецъ Триполитанской войны. Миръ между Италіей и Турціей. Взгляды новаго германскаго посла въ Лондонѣ, кн. Лихновскаго. Итоги пребыванія франц. премьеръ-министра въ Россіи. Красный Крестъ. Борьба съ рекламой во Франціи. Впечатлѣнія отъ путешествія на дирижаблѣ. Неудачный прыжокъ на парашютѣ съ колонны Побѣды въ Берлинѣ. Лондонскіе нищіе - художники.—П. Историч. новости: Робеспьеръ и женщины. Библіотекарь на о. св. Елены.—ІІІ. Изъ области науки: Хромотерапія или свѣтолѣченіе. Сколько ѣстъ и пьетъ человѣкъ.—Э. Серао. Глава камморы, ром. Съ итальянск. — А. Конанъ-Дойль. Затерянный міръ. Съ англ.—Записки современниковъ 1812 г.— К. Гелльруппъ. Вѣчные странники. Съ голланд.—Г. Гауптманъ. Атлантида. Съ нѣм.—Г. афъ-Гейрстамъ. Тайна лѣса. — Р. Домановичъ. Уничтоженіе страстей. Съ серб. — С. Матавиль. Встрѣча. Съ серб. — Даръ женщины. Съ англ.—К. Эттлингеръ. Путешественникъ.

„Вѣстникъ Мѣстнаго Самоуправленія“. (1912—1). Задачи журнала.—С. Сперанскій. Деревня и городъ.—Е. Звягинцевъ. Земская школа и народный трудъ. — Ан. Андріевскій. Земское самоуправленіе и юридическая помощь населенію.— Что сдѣлала 3-я Гос. Дума для городовъ.—Н-нъ. Историч. обзоръ дѣятельности земствъ Московск. губ. за 50 л.—Оффиціальный отдѣлъ.— Хроника земствъ и городовъ.—Корреспонденціи.—Обзоръ печати.—Библіографія.

„Вѣстникъ Мѣстнаго Самоуправленія“. (1912—2). Е. Звягинцевъ. Бюрократизація земской школы —Л. Брюхатовъ. Что сдѣлала 3-я Гос. Дума для земства.—С. Сперанскій. Моск. Городск. Дума въ 1909—1912 г.г. — Л. Б. По поводу земской юбилейной выставки.—Хроника земствъ и городовъ.—Корреспонденціи.—Обзоръ печати.—Бюджетъ и задолженность городовъ.

„Вѣстникъ Мѣстнаго Самоуправленія“. (1912—3). Ф. Даниловъ. Земская жизнь. — Е. Звягинцевъ Къ вопросу объ организаціи земскихъ учительскихъ курсовъ. — С. Сперанскій. Моск. Город. Дума въ 1909—1912 г.г. — Хроника земствъ и городовъ.—Корреспонденціи.—Обзоръ печати.

„Вѣстникъ Теософіи“. 1912—11). А. Безантъ. Основы религіи и этики. Перев. В. Пушкиной.— Ведантасара. Перев. съ санскритск. И. М.— Ч. Ледбитеръ. Ясновидѣніе. Перев. М. Станковичъ. — Alba. Изъ дневника теософа. — Н. Г. Стих. — Разсказъ драматурга. Перев. съ англ. Е. П.—С. Гедройцъ. Стих.—А. Унковская. Письмо о музыкѣ.—П. Кохановъ. Стих.—В. Пушкина. Обзоръ теософической литер.—В. М. Хроника теософическаго движенія.—Н. Т. Хроника жизни. Н. Т. Изъ газетъ и журналовъ.—Ч. Полякъ. Симметрія и ритмъ. Перев. Эссель.— М. Каменская. Письмо изъ Адіара.—Вопросы и отвѣты.— Alba. Отзывы о книгахъ.

„Для Народнаго Учителя“. (1912—17). **М. Лавге.** Картины школьной жизни Мюнхена. — М. Безперстовъ. Дѣтскій клубъ при Сыромятническомъ 3-мъ мужскомъ училищѣ въ Москвѣ.—А. Титовъ. О рисованіи въ начальной школѣ.— Маминъ-Сибирякъ.—Чествованіе И. А. Бунина. —Е. Барановъ. Изъ жизни народныхъ учителей на Кавказѣ.—Н. Рыбниковъ. Деревенскій и городской школьникъ. — „О совмѣстномъ обученіи“.—Задачи всероссійскаго съѣзда по семейному воспитанію.—Д. М. Б—нскій. Первые шаги дѣтей въ начальной школѣ.—Библіотечная практика. — Работы въ Москвѣ по народному образованію. — Изъ писемъ учителей. — Письма съ мѣстъ.—Библіографія.

„Жизнь для Всѣхъ“. С. Басовъ. Изъ „Крымскихъ сонетовъ“, стих.—В. Муриновъ. Человѣкъ съ трещиной, разск.—Изгнанникъ. Надъ землей туманъ клубится, стих. — Д. Волковъ. Дурная трава, разс.—В. Костылевъ. На товарной стан-

дія, разск. — В. Липовскій. Быль, стих.—З. Мезенцева. Шмуль изъ Злынки, этюдъ.—Н. Рубакинъ. Бесѣды о самообразованіи.—Проф. Б. И. Словцовъ. Основныя задачи физіологіи, статья — А. Гинкенъ. Какъ слѣдуетъ читать? — Б. П. Брюлловъ. Бытъ въ русской живописи.—В. Поссе. Въ поискахъ Россіи.—В. Поссе. Общественная жизнь: „Шумитъ Марица“, „Правое“ представительство „лѣваго“ народа. — И. Власовъ. Очерки деревенской жизни.—А. Архангельскій. Голосъ жизни: Объ „отцахъ“ и „дѣтяхъ“. — В. Тепловъ. Библіотечное дѣло у насъ и на Западѣ.—Е. Вагнеръ. Учительскій дворецъ.—Товарищеская бесѣда.—Библіографія.

„Журналъ Министерства Юстиціи“. (1912—8). П. Н. Гусаковскій. Вознагражденіе за вредъ, причиненный недозволенными дѣяніями.—Э. М. Книповичъ. О бракѣ и личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по финляндскому праву. — Н. А. Ифландъ. Условное оправданіе по дѣламъ о тайныхъ похищеніяхъ чужой собственности.—В. Э. Эрштремъ. О задаткѣ. (Оконч.). —В. І. Громовъ. Судебный слѣдователь. (Продолж.).— Хроника. — П. Ф. Ставровичъ. Кассаціонная практика.—С. В. Завадскій. Кассаціонная практика по прибалтійскому праву.—Литературное обозрѣніе. — Библіографія.—Ф. Ельяшевичъ. Изъ иностранныхъ журналовъ.

„Завѣты“. В. Ропшинъ. То, чего не было, ром. (Продолж.).—К. Треневъ. Владыка. — И. Новиковъ. Крестъ на могилѣ.—А. Нэксе. Пэлле—завоеватель.—Городецкій, Клюевъ, Верхоустинскій. Стихи.—Н. Сухановъ. По вопросамъ нашихъ разногласій. — А. Окуловъ. Окно въ Европу. — Л. Закъ. Производительная кооперація въ Великобританіи.—В. Черновъ. Этика и политика.—В. Малахіева-Мировичъ. О смерти въ современной поэзіи.—И. Гиммеръ. Урожайныя перспективы. —Лагуновъ. Изъ жизни потребительской кооперація Юго-Зап. края. — Ст. Вольскій. Ирландскій гомъ-руль и Ульстерская оппозиція. — А. Дерманъ. Джекъ Лондонъ.—Р. Ивановъ-Разумникъ. Памяти Л. Н. Толстого. — Онъ-же. Два юбилея.—Библіографія.

„Запросы Жизни“. (1912 — 44). Проф. М. П. Чубинскій. Государств. Дума и интересы закона.— Я. Ѳ. Пантелѣевъ. Къ вопросу о проливахъ.— В. Я. Богучарскій. Декабристъ - изгнанникъ о Россіи и славянахъ.— А. Ковровъ. (Берлинъ). Реабилитація русскаго студенчества.— Кэтти Э-дъ. Свадьба въ гаремѣ.— За недѣлю.— Соц.-экономич. обозрѣніе. — Журналъ журналовъ.— Наука и техника.— Библіографія.

„Запросы Жизни“. (1912 — 45). В. Я. Богучарскій. Балканская федерація. — С. В. Аникинъ. О хулиганахъ въ деревнѣ.— Зритель. Цвѣты „разъясненія“.— К. М. Оберучевъ. Ходъ военной кампаніи.— М. П. Невѣдомскій. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.— Г. Гауптманъ. Терпимость.— За недѣлю.— Соціально-экономич. обозрѣніе. — Наука и техника.— Библіографія.—Фельетонъ.

„Историческій Вѣстникъ“. (1912 — 11). Н. А. Лаппо-Данилевская. Жена министра, ром. (Продолж.)—Е. К. Андреевскій. Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ. (Продолж.).—П. Гнѣдичъ. Свобода духа, повѣсть. (Продолж.).—А. Кауфманъ. Изъ журнальныхъ воспоминаній Литер. характеристики и курьезы. (Продолж.).—В. Умановъ-Каплуновскій. Двуногій звѣрь. Изъ человѣч. документовъ. (Продолж.).—А. Соколова. Одинъ изъ литературныхъ могикановъ. — Х. Толшемскій. Анекдотическій архіепископъ. (Изъ недавняго прошлаго). С. У—цъ. Мертвая зыбь. (Путевыя впечатл.).—В. Рудаковъ. Князь Д. М. Пожарскій и его усыпальница. — Ю. П. Плющевскій - Плющикъ. Продолженіе исторіи Петергофской дачи № 2.—Б. Глинскій. Періодъ твердой власти. Историч. очерки. (Продолж.).—М. Лебединскій. Первый госпиталь въ Абиссиніи. (Изъ личныхъ воспом.).—Критика и библіографія. — Заграничныя историч. новости и мелочи. — Смѣсь. — Некрологи.

„Новая Жизнь“. (1912—10). Нашимъ читателямъ.—П. Соловьева. (Allegro). Стихотв.—Ал. Богдановъ. Передъ разсвѣтомъ, разск.—Д. Мережковскій. Зимнее лѣто, стих.—М. Премировъ. Гость, разск.—Н. Клюевъ. Стихотв.—Я. Вассерманъ. Романъ мужчины сорока лѣтъ. (Продол.).— Перев. съ рукописи З. Венгеровой.—Ѳ. Сологубъ. Слаще яда, ром. (Продолж.).—А. Чеботаревская. Любовь въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX в.—Е. Адамовъ. Печальная Испанія.—П. Берлинъ. Изъ прошлаго русской взятки.—А. Ковровъ. Германская соц.-дем. послѣ выборовъ 1912 г. (Письмо изъ Германіи).—Л. Клейнбортъ. О промышленномъ подъемѣ. В. Карпинскій. Къ послѣднимъ съѣздамъ мира.—Критика и библіографія.

„Новый журналъ для всѣхъ“. (1912—10. Нашимъ читателямъ.—И. Рукавишниковъ. Тиранъ.—А. С. Гринъ. Жизнь гнора.—В. Брусянинъ. Кладбищенскіе люди.—Н. Вавулинъ. Мироново заклятье.— Н. Бруни, З. Гиппіусъ, С. Городецкій, А. Рубакинъ. Стихотворенія.—С. Патрашкинъ. Наполеонъ и Толстой.—И. Сазоновъ. Новое движеніе въ Германіи.—Л. Герасимовъ. „Потѣшные“ на Западѣ.—А. Вознесенскій. Сближеніе города съ деревней.—Ст. Ивановичъ. Текущая жизнь. О чемъ говорятъ выборы?—П. Б. Страницы прошлаго.

„Педагогическое Обозрѣніе“. (1912—7). А. Барковъ. Средняя школа въ Германіи. (Изъ личныхъ впечатлѣній).—К. Лебединцевъ. Вопросъ о дробяхъ въ курсѣ ариѳметики.—В. Мурзаевъ. Творческій элементъ въ объяснительномъ чтеніи художественныхъ произведеній въ начальной школѣ.—П. Мижуевъ. Школа и общество въ Англіи.— М. Раша. Изъ практики новыхъ школъ въ Германіи.—Хроника школьной жизни.—Заграничная хроника.—N. Изъ школьной практики.—Критика и библіографія.

„Педагогическій Сборникъ“. (1912—11). Я. Н. Ктитаревъ. Вопросы религіи и морали въ русской художеств. литературѣ.—Е. Лозинскій. Воспитаніе вождей.—А. Постниковъ. Робертъ Майеръ и механическій эквивалентъ теплоты.—В. А. Бернацкій. По поводу учрежденія судовъ чести въ военно - учебномъ вѣдомствѣ.—Критика и библіографія.

„Русская Мысль“. (1912—11). Э. Стуксъ. Мистерія. Перев. съ нѣм. Ѳ. Сологуба и Чеботаревской.—З. Гиппіусъ. Романъ-царевичъ. Исторія одного начинанія. (Продолж.). — М. Кузминъ. Стихотв.—Д. А. Абельдяевъ. Тѣнь вѣка сего. Записки Адашева. (Продолж.). — Д. С. Мережковскій. Александръ I., ром. (Продолж.).—К. Федернъ. Маски и жертвы, новелла. Ф. О. Ельячевичъ.—А. Блокъ. Шаги командора, стихотв.— О. Зѣлинскій. Идея возмездія въ античной трагедіи и жизни. — Б. Кистяковскій. Органъ земскаго союза „вольное слово“ и легенда о немъ.— А. Корниловъ. Эпоха отечественной войны и ея значеніе въ новѣйшей исторіи Россіи.—А. Ду-

нинъ. Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры. Гр. Л. Н. Толстой и толстовцы въ Самарской губ.—А. Изгаевъ. На перевалѣ. Что дальше?—П. Струве. А. И. Гучковъ и Д. Н. Шиповъ.—С. Булгаковъ. На выборахъ. (Изъ дневника).—Въ Россіи и за границей.—Критическое обозрѣніе.

„Свободное Воспитаніе“. (1912 — 13 года — 2). А. Зеленко. Современные реформаторы образованія и воспитанія. Англія III. Школы либеральной буржуазіи.—С. Дурылинъ. Изъ размышленій о совмѣстномъ воспитаніи.—Ф. Ганзбергъ. Живая работа въ школѣ.—Е. Іорданская. Общество содѣйствія дошкольному воспитанію.—Н. Накашидзе. Лѣнь.—В. Мурзаевъ. „Вредный“ предметъ и какъ его обезвредить.—И. Гутеръ. Планъ организаціи дѣтскаго трудового сада въ Москвѣ.—Опытные классы при лейпцигскихъ народныхъ школахъ. Съ нѣм. Л. Ш.—Н. К. Кинематографъ и школа.—Школьные сады. В. С. Д—въ. Изъ книги и жизни. Иллюстраціи дѣтскихъ книгъ.—А. Рябининъ. Отзывы о книгахъ: „Образоват. поѣздки въ средней школѣ“.—Съѣздъ по семейному воспитанію.—П. К. Отовсюду.—Изъ журналовъ и газетъ.—Къ вопросу объ устройствѣ школьныхъ садовъ.

„Современникъ“. (1912—10). Н. Вольный. Весеннія узоры, разск.—Л. Старкъ. Птица-ночь, Вечеромъ, Ночью. стих. — Е. Ляцкій. Любовь и запросы личнаго счастья въ жизни Н. Г. Чернышевскаго. Изъ біографич. очерковъ по неизданнымъ матеріаламъ.—Шоломъ-Алейхемъ. Блуждающія звѣзды, ром.—М. Гершензонъ. Братья Кривцовы. Дворянская хроника по неизданнымъ матеріаламъ.—Г. Дж. Уэльсъ. Бракъ, ром. Авторизов. перев. М. Ликіардопулло.—Е. Аничковъ. Коллективизмъ, сверхъ-человѣчество и сверхъ-любовь, очеркъ.—П. Бурже. Воскресеніе, разск.—А. Амфитеатровъ. Дрогнувшая ночь, ром.—З. Корецкая. Ея превосходительство, разск.—М. Горькій. Издалека.—А. Гусаковъ. Двѣ поѣздки въ деревню. — Г. Цыперовичъ. Индустріальный абсолютизмъ.—Е. Елачичъ. Современная зоопсихологія и ея значеніе.—В. Стан—ичъ. Минмыя побѣды и дѣйствительныя пораженія. По поводу выборовъ въ Госуд. Думу.—А. Амфитеатровъ. Благоденственное житіе.—В. Водовозовъ. Итоги и факты. — П. Бороздинъ. Историч. замѣтки. 1812 г. въ юбилейной литер. — Новыя книги. — Хроника заграничной жизни.

„Украинская Жизнь“. (1912—10). А. Н. Луначарскій. Объ національномъ вообще и украинскомъ движеніи въ частности. — В. Дорошенко. Украинская академія наукъ.—Л. Василевскій. (Плохоцкій). Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній.—Л. Н. Жебуневъ. Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати.—А. О. Саликовскій. Одна изъ очередныхъ задачъ.—С. А. Буда. Украинскій театръ.—С. Ф. Русова. Національный вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи.—Дм. Донцовъ. Еще о русскомъ либерализмѣ.—С. А. Ефремовъ. Что и требовалось доказать. (Письмо изъ Кіева).—На Украинѣ и внѣ ея.—Библіографія.—Содерж. украинскихъ журналовъ.—Литерат. лѣтопись.—Отвѣты читателямъ „Укр. жизни.“

„Что и какъ читать дѣтямъ“. (1912 — 2). В. Мушниковъ. Къ вопросу о томъ, „какъ“ читать дѣтямъ.—Обзоръ книгъ, изданныхъ къ столѣтію отечеств. войны.—Обзоръ книгъ по географіи Балканскихъ государствъ. — Разборъ журнала „Ученикъ“.—Отзывы о книгахъ.—Отъ Организаціоннаго Комитета по созыву 1-го Съѣзда по семейному воспитанію. — По поводу Съѣзда по семейному воспитанію.

Книги, поступившія въ редакцію.

Изд. К. Ф. Некрасова.

Ж. Гюисмансъ. Парижскіе арабески. 1 р.
Шуазель-Гуффье, гр. Историческіе мемуары объ Импер. Александрѣ и его дворѣ. 1 р. 50 к.

Изд. К. И. Тихомирова.

Н. Лебедевъ. Простыя слова къ простымъ пчеловодамъ. Вып. II и III. 12 к. и 7 к.
С. Плотниковъ. Грунтовая культура арбузовъ 7 к.
С. и В. Сокульскія. Работы изъ глины. 60 к.

Изд. „Посредникъ“.

А. Зоновъ. Календарь для каждаго. 20 к.
Францманъ. Объ алкоголизмѣ. 8 к.
Солтъ Г. Мясо или плоды? 5 к.
Его же. Гуманитарное ученіе или гуманитаризмъ. 6 к.
Е. Лозинскій. Вегетаріанство и воспитаніе. 25 к.

А. Выдринъ и М. Виленкинъ. Законъ о правѣ застройки. Изд. „Школа“. 80 к.
Дж. Кришнамурти. У ногъ Учителя. 30 к.
А. Безантъ. Братство религій. Изд. журн. „Вѣст. Теос.“ 50 к.
Е. Писарева. Памяти А. П. Философовой. Изд. „Теос. общества“. 75 к.
Э. Святскій. Подъ сводомъ хрустальнаго неба. Изд. „Теос. Общ—ва“. 1 р.
Ф. ля-Дантекъ. Хаосъ и міровая гармонія. Изд. „Звѣзда“ 50 к.
Э. Фагэ. Что читать. Изд. 3-е. „Звѣзда“. 50 к.
А. Обуховъ. Свободное воспитаніе и дисциплина. 40 к.
С. Подъячевъ. Разсказы. Кн. IV. Изд. „Освобожденіе“. 1 р. 25 к.
Японская лирика. Перев. Брандта. 40 к.
И. Моховъ. Справочникъ для студентовъ Моск. Коммерч. Инст. Изд. автора. 35 к.
П. Жанэ. Психическій автоматизмъ. Изд. „Начало“. 3 р.
Л. Левенвельдъ. Спиритабулизмъ и спиритизмъ. Изд. „Начало“. 65 к.

Изд. „Шиповникъ“.

Альманахъ. Кн. 18. 1 р. 25 к.
Л. Городецкій. Ива. Стихи. 2 р.
Э. Мейерсонъ. Тожественность и дѣйствительность. 3 р. 50 к.

Изд. „Посредникъ“.

Л. Бессель. Какъ я путешествовалъ по Абиссиніи. 30 к.
Н. Кабановъ. Краткій русско-эсперантскій словарь. 40 к.
Л. Н. Толстой. О писателяхъ и о книгахъ. Вып. I — VI.
Тадассу Мисава. Великій реформаторъ воспитанія и образ. Ж.-Ж. Руссо. 10 к.
Умственное развитіе дѣтей, поступающихъ въ Московскія городскія школы. 10 к.

Энгельмейеръ. Философія техники. Вып. II и III по 80 к.
Г. Сазоновъ. Органъ. Вторая книга стиховъ.
Н. Нар—скій Подрядчики и инженеры. 30 к.
Ю. Филипповъ, Биржа. 1 р. 50 к.
П. Левицкій. Слѣпой. Драма. 1 р.
П. Г. Данскій. Страхованіе рабочихъ. 20 к.
К. Н. Васьковъ. Отчетъ о 1-мъ Всерос. съѣздѣ и выставкѣ по библ. дѣлу.
Онъ же. Отчетъ о дѣятельности библіотекъ Сиб. ж. д.
А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. Русскія народныя сказки. Т. I и II. Изд. Сытина. По 1 р. 20 к.
Г. Уильдонъ Карра. Философія Бергсона. Изд. „Творчество". 30 к.
Е. Милицына. Разсказы. Т. III. Изд. Некрасова. 1 р. 25 к.
С. Слобожанскій. Европа. Географич. хрестоматія. Ч. I. Изд. Вятск. Т—ва. 1 р. 10 к.
П. Петровичъ. Хлопководство въ Закавказьѣ.
Г. Брандесъ. Что такое національное чувство? Изд. „Нижегор. Ежег." 10 к.
И. Новиковъ. Разсказы (1905—1912). Изд. „Книгоизд. Писат." 1 р. 25 к.
И. С. Симоновъ. Гр. Д. А. Милютинъ и военно-учебн. вѣд. Изд. ж. „Пед. Сб." 40 к.
Онъ же. На память о ген.-фельдм. русск. арміи Д. А. Милютинѣ. Изд. ж. „Пед. Сб." 45 к.
Н. Александровъ, прот. Библія и естествознаніе по вопросу о происхожденіи міра. Изд. Казначеева и Симонова. 45 к.
Е. Звягинцевъ и Бернашевскій. Діаграммы, ихъ значеніе для школы и популяризаціи. 10 к.
А. В. Селивановъ. Матеріалы для исторіи рода рязанскихъ Селивановыхъ. Ч. I. 3 р. 50 к.
А. Я. Ефименко. Краткая русская исторія. Изд. Я. Башмаковъ и К°. 25 к.
Р. Л—цъ. Мои пѣсни. Сборн. стих. 60 к.
Б. Евдокимовъ. Цвѣтная фотографія. Изд. Карбасникова. 85.
П. О. Рабиновичъ. Курсъ электричества. Изд. Карбасникова. 1 р. 10 к.
С. Н. Прокоповичъ. Прерванная рѣчь. Изд. „Наука". 20 к.
В. Филоненко. Р. Г. Игнатьевъ.
П. Гиро. Частная и общественная жизнь грековъ. Изд. О. И. Поповой. 60 к.
Ф. Г. Бернетъ. Маленькій лордъ Фаунтльрой. Изд. О. И. Поповой. 50 к.
Г. Онрудъ. Малышъ. Изд. О. И. Поповой. 30 к.
„Наука побѣждать". Генералиссимуса Суворова. Изд. В. Жукова. 1 р. 25 к.
Указатель учебныхъ руководствъ и пособій для низшихъ и среднихъ учебн. завед. Изд. кн. маг. В. И. Пенкина. 40 к.

Издатели: { В. Крандіевскій. / В. Носенковъ.
Редакторъ В. Крандіевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ПРОВИНЦІЯ"

С.-Петербургъ, Стремянная ул., д. № 6.

I. Проф. ХРИСТОФЪ ЗИГВАРТЪ.

Томъ I: Ученіе о сужденіи, понятіи и выводѣ. **ЛОГИКА** Томъ II, въ двухъ выпускахъ: Ученіе о методѣ.

Переводъ съ 3-го посмертнаго нѣмецкаго изданія I. А. Давыдова.

Цѣна каждой отдѣльной книжки по 2 р. 50 к. За всѣ три книги вмѣстѣ цѣна 6 р.

Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признана подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. **Изъ отзывовъ о книгѣ:** „Сочиненіе Зигварта не только представляетъ наиболѣе продуманный компендіумъ нашей науки, но и большинство лучшихъ изъ современныхъ нѣмецкихъ логиковъ въ сущности послѣдователи Зигварта. Мы считаемъ полезнымъ рекомендовать особому вниманію гг. преподавателей... логику Зигварта". (Профессоръ *Н. Ланге*, Учебникъ логики, предисловіе, стр. 3—5). „Можно сказать, что съ появленіемъ этой „Логики" для исторіи нашей дисциплины наступила новая эпоха. Это было осуществленіе давно назрѣвшей реформы... Зигвартъ впервые положилъ въ основу логики глубокую психологію мышленія и въ то же время принципіально и послѣдовательно „преобразовалъ ее съ точки зрѣнія ученія о методѣ". Этимъ онъ открылъ новые пути. Книга имѣетъ универсальное значеніе для науки. Таково и было ея вліяніе. Ни одна изъ философскихъ дисциплинъ не избѣжала опредѣляющагося вліянія этой логики. Для положительныхъ наукъ не малое значеніе имѣетъ то критическое уясненіе ихъ основныхъ принциповъ, которымъ онѣ обязаны глубокому и остроумному анализу этого методолога". (Профес. *Генрихъ Майеръ*; изъ біографическаго введенія къ 3-му посмертному изданію Логики Зигварта).

Спеціальность склада исполненіе заказовъ для разнаго рода библіотекъ. Подробные каталоги по требованію безплатно.

Для лекцій и народныхъ чтеній свѣтовыя картины и волшебные фонари въ мастерской **С. А. Баранова.**
Москва, Малая Сухаревская площ., д. 6. Тел. 110-70. Мастерская имѣетъ слѣдующіе каталоги: 1) Общій каталогъ по всѣмъ отраслямъ знаній — ц. 1 р.; 2) Тотъ же каталогъ сокращённый — безплатно; 3) Каталогъ по сельскому хозяйству — ц. 50 к., земствамъ безплатно; 4) Каталогъ волшебныхъ фонарей — безплатно; 5) Юбилейный каталогъ 1812 — 1912 гг.— безплатно; 6) Печатается спеціальный каталогъ для средней школы. Срочное изготовленіе картинъ для лекцій.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ. Открыта подписка на 1913 г. Самый дешевый, ежемѣсячный доступный широкой массѣ читателей, издающійся шестой годъ. 2 руб. 20 коп. въ годъ. Краткій перечень сотрудниковъ беллетр. отд.: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, И. Буниннъ, В. Вересаевъ, О. Дымовъ, Б. Зайцевъ, А. Купринъ, С. Кондурушкинъ, О. Миртовъ, В. Муйжель, И. Потапенко, А. Серафимовичъ, графъ А. Толстой, Танъ, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ, и др.; научно-попул. и критич. отд.: проф. Е. Аничковъ, И. Берлинъ, прив.-доц. А. Генкель, проф. С. Венгеровъ, Л. Клейнбортъ, Е. Колтоновская, И. Лернеръ, А. Луначарскій, И. Рубакинъ, академ. Д. Овсянико-Куликовскій, проф. И. Озеровъ, проф. В. Сперанскій, проф. Е. Тарле, проф. М. Туганъ-Барановскій, М. Энгельгардтъ, К. Чуковскій и друг. На 1913 годъ подписчики получатъ: 12 книгъ журнала, содержащихъ повѣсти, разсказы, стих., статьи по вопросамъ науки, искусства, самообразованія, педагогики, исторіи, рецензіи о новыхъ книгахъ и проч. 6 книгъ безплатн. прилож., по 128 стр. каждая, въ которыхъ будутъ даны произведенія современныхъ извѣстныхъ иностранныхъ писателей: Уптона Синклера, Бласко Ибаньеса, Каринъ Михаэлисъ, Як. Вассермана и др. 12 картинъ безпл. приложенія въ три краски, на велененой бумагѣ: снимки съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и портреты писателей. Размѣръ каждой картины—форматъ страницы журнала.

Подписная цѣна: 2 р. 20 к. въ годъ и 1 р. 20 к. въ полгода. Подробные проспекты со списк. сотрудниковъ безпл. Пробные №№ за двѣ 7-коп. марки. Подписка во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтов. отдѣл. Имперіи. Всѣ обязательства за 1912 годъ выполнены. Адресъ для переводовъ: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 19, „Новый Журналъ для Всѣхъ". До 1 декабря 1912 г. льготная подписка: новые годовые подписчики, подписавшіеся до 1 декабря, получатъ, кромѣ журнала и безпл. прилож. въ 1913 г., еще ноябрьскую и декабрьскую книжки за 1912 г.

Ред.-изд. *И. М. Розенфельдъ.*

Новая Жизнь. Открыта подписка на 1913 г. на самый дешевый изъ толстыхъ ежемѣс. журн., до 300 стр. уборист. шрифта, при участіи лучш. литературн. силъ. 4-й годъ изд. 4 р. 90 к. безъ прилож. 7 р. 20 к. съ 12 кн. прилож. Краткій перечень сотрудниковъ беллетр. отд.: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, Д. Айзманъ, И. Буниннъ, В. Вересаевъ, З. Гиппіусъ, С. Городецкій, Д. Мережковскій, О. Дымовъ, Бор. Зайцевъ, А. Купринъ, О. Миртовъ, В. Муйжель, С. Сергѣевъ-Ценскій, Оедоръ Сологубъ, гр. А. Н. Толстой, Танъ, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ и др. Обществ.-полит., критич. и научн. отд.; проф. Е. Аничковъ, Ю. Айхенвальдъ, В. Агафоновъ, П. Берлинъ, С. Венгеровъ, Л. Клейнбортъ, Антонъ Крайній, А. Луначарскій, Л. Мартовъ, Н. Рубакинъ, проф. М. Туганъ-Барановскій, К. Чуковскій, М. Энгельгардтъ, П. Юшкевичъ и др. На 1913 годъ подписчики получатъ: 12 книгъ журнала, въ которыхъ будутъ напечатаны романы: А. Крандіевской, И. Потапенко, фантаст. ром. Н. Березина, новѣйшіе романы выдающ. иностран. писат., повѣсти, разсказы, статьи по вопрос. литерат., науки, искусства, общ.-полит. и проч. 12 книгъ безпл. прил. полн. собр. соч. попул. америк. беллетр. Джека Лондона, въ единств. авторизов. пер. І. А. Маевскаго, съ біогр. и портрет., стоющ. въ отд. продажѣ—16 р. 12 книгъ сост. свыше 3840 стран. текста.

Цѣна: на 1 годъ—7 р. 20 к., на полгода—4 р. (Разср.: 3 р.—при подп., 2 р. 20 к.—1 марта и 2 р.—1 іюля). Безъ прилож.: на 1 годъ — 4 руб. 90 коп., на полгода — 2 р. 70 к. (Разср.: 3 руб. при подп. и 1 р. 90 к.—1 іюля).

Совмѣстная подписка на „Новый Журн. для Всѣхъ" и „Новую Жизнь" (съ прилож.) на 1 годъ—9 р. (Разср. 4 р.—при подп., 3 р.—1 марта и 2 руб.—1 іюля). На „Новый Журналъ для Всѣхъ" и „Новую Жизнь" (безъ прил.): на 1 годъ 6 р. 60 к. (Разср.: 3 р. при подп., 2 р.—1 марта и 1 р. 60 к.—1 іюля). Подробн. просп.—безплатно. Пробные №№ за двѣ 7-ми коп. марки. Всѣ обязательства за 1912 годъ выполнены. Подписка принимается во всѣхъ книжн. магазинахъ и почтов. отдѣл. Имперіи. Адресъ для переводовъ: С.-Петербургъ, Владимірскій, 19. К-ра журн. „Новая Жизнь". До 1 декабря 1912 г. льготная подписка: новые годовые подписчики, подписавшіеся до 1 декабря, получатъ, кромѣ журнала и безпл. прил. въ 1913 г., еще ноябрьскую и декабрьскую книжки за 1912 г.

Ред.-изд. *И. М. Розенфельдъ.*

Принимается подписка на 1913 г. на грузинскія церковно-общественныя изданія журнала

„ГАНТІАДИ" и газ. „ШИНАУРИ САКМЕЕБИ".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за оба изданія — 8 руб. въ годъ; отдѣльно на журналъ „ГАНТІ-АДИ" — 5 руб., на газету „ШИНАУРИ САКМЕЕБИ" — 4 руб. Адресъ: г. Кутаисъ, Казаковская, № 17.

Подписка на **С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ** въ 1913 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.			Съ казен. приб.	
	на 1 г.	6 мѣс.	1 мѣс.	на 1 г.	6 мѣс.
Съ доставкой по городской почтѣ . . .)					
Съ пересылкой иногородн. . . . .)	6 р.	3 р.	1 р.	14 р.	7 р.
За границу	20 р.	10 р.	2 р.	28 р.	14 р.

Желающіе выписать газету на срокъ менѣе 6 мѣс. вносятъ подписную плату въ размѣрѣ **одного рубля** за каждый мѣсяцъ.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Годовая подп. — только съ 1-го января по 31 декабря.

Подписка на газету съ „Прибавл. къ С.-Петерб. Вѣдом." (казенныя объявленія) только годовая или полугодовая. Въ розничную продажу „Прибавл." не поступаютъ.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ просятъ обозначать требованіе о высылкѣ газеты **на самомъ переводѣ**, а не въ отдѣльномъ письмѣ.

При перемѣнѣ адреса городскимъ подписчикамъ слѣдуетъ прислать прежній, или № подписного билета, а иногороднимъ—прежній адресъ, или прислать бандероль, подъ которой высылается газета. За перемѣну адреса уплачивается: съ городского на иногородній — 60 коп., съ иногороднаго на иногородній—40 коп. При перемѣнѣ городского или иногородн. адреса на заграничный доплачивается почтовыхъ расходовъ 1 р. 20 к. въ мѣсяцъ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Шпалерная, № 26. Редакторъ-издатель кн. Э. Э. Ухтомскій.

ШКОЛА и ЖИЗНЬ единственная еженедѣльная общественно-педагогическая газета съ ежемѣсячными приложеніями. Открыта подписка на 1913 г. 3-й г. изданія. Задача газеты: тѣсное единеніе школы съ жизнью и семьи со школою; свободное развитіе всѣхъ видовъ школы, отъ высшей до низшей. Въ число безплатныхъ приложеній на 1913 г., не менѣе 80 печ. лист., входятъ, между прочимъ, трактатъ о воспитаніи Джона Локка, сборникъ статей самаго выдающагося представители эксперим. психологіи Стэнли Холла и другія классическія произведенія, необходимыя не только каждому педагогу, но и всѣмъ, интересующимся школой и воспитаніемъ. **Программа газеты:** 1) Статьи по вопросамъ: а) организаціи школы и школьнаго законодательства, б) общепедагогической теоріи и практики. 2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія. 3) Фельетонъ, характеризующій по преимуществу внутреннюю жизнь школы или популяризующій различныя стороны званія. 4) Обзоръ печати. 5) Хроника образованія; дѣятельность законодательныхъ учрежденій, правительства и т. д. 6) Хроника школьной жизни въ Россіи и за границей. 7) Обозрѣніе спеціальной литературы, русской и иностранной. 8) Объявленія. Освѣщеніе всего, что касается умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія, школьнаго и дошкольнаго, какъ въ Россіи, такъ и за границей, обезпечивается сотрудничествомъ профессоровъ, преподавателей средней и низшей школы, земск. и город. дѣятелей, членовъ Г. Думы и Г. Совѣта, дѣятелей разл. обществъ и родительскихъ организацій. Въ газетѣ участвуютъ между прочимъ: проф. М. Алексѣнко, Х. Алчевская, акад. В. Бехтеревъ, проф. И. Боргманъ, И. Бѣлоконскій, проф. В. Вагнеръ, В. Вахтеровъ, акад. В. Вернадскій, В. Гердъ, проф. Н. Гредескулъ, проф. Д. Гриммъ, проф. В. Данилевскій, Я. Душечкинъ, Е. Звягинцевъ, проф. П. Каптеревъ. проф. М. Капустинъ, проф. Н. Карѣевъ, проф. А. Кизеветтеръ, проф. М. Ковалевскій, акад. А. Кони, проф. Н. Лапге, А. Липовскій, Н. Лубенецъ, проф. П. Лучицкій, проф. А. Мануйловъ, П. Милюковъ, Н. Михайловъ, проф. А. Нечаевъ, акад. Д. Овсянико-Куликовскій, Ф. Ольденбургъ, А. Острогорскій, проф. Л. Петражицкій, А. Петрищевъ, И. Петрункевичъ, проф. А. Посниковъ, А. Пругавинъ, Г. Россолимо, Н. Рубакинъ, М. Стаховичъ, І. Титовъ, Д. Тихомировъ, графъ И. Толстой, Н. Тулуповъ, проф. Г. Хлопинъ, В. Чарнолускій, проф. Г. Челпановъ, Н. Чеховъ, П. Шестаковъ, А. Шингаревъ, акад. И. Янжулъ и др. и изъ иностранныхъ ученыхъ: проф. Ренэ Вормсъ, Шарль Жидъ, извѣстный французскій педагогъ Бьюссонъ, де-Гревъ, Томассенъ и др. Редакція газеты имѣетъ корреспондентовъ въ разныхъ городахъ и за границей и спеціальныхъ корреспондентовъ въ Г. Совѣтѣ и Г. Думѣ.

Подписная цѣна: Съ доставкой и пересылкой на годъ 6 р., на 6 м.—3 р., на 3 м.—2 р. Для учащихъ въ начальныхъ училищахъ допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. и къ 1 февраля, 1-му марту, 1-му апрѣля и 1-му мая по 1 руб.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ, Петербургъ, Кабинетская, д. Губернскаго Земства, № 18, во всѣхъ почт.-тел. отдѣл. и въ солидн. книжн. магаз. Объявленія: Строка нонпарели впереди текста 60 коп., позади—30 коп.

Редакторъ: *Г. А. Фальборкъ.* Издатели: *Н. В. Мышковъ и Г. А. Фальборкъ.*

ЕСЛИ ВЫ ЗА НЕБОЛЬШІЯ ДЕНЬГИ ХОТИТЕ ИМѢТЬ

для себя или Вашихъ дѣтей много хорошихъ книгъ, дающихъ возможность пополнять образованіе и способствовать саморазвитію, знакомящихъ со всѣми новинками науки, литературы и современной цивилизаціи, дающихъ серьезныя и полезныя на практикѣ свѣдѣнія; если Вы хотите знать все, чѣмъ интересуется міръ, правду о русской жизни и политикѣ, то выпишите извѣстный, всегда выполняющій свои обязательства (издается одиннадцатый годъ) журналъ

(Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ)

„Вѣстникъ Знанія"

8 р. безъ перес. 9 р. съ перес. въ годъ

Въ 1913 году подписчики „Вѣстн. Зн." получаютъ:

52 №№

еженед. иллюстр. газеты-журнала

НЕДѢЛЯ

„ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ", знакомящей со всѣмъ совершающимся на свѣтѣ (политика, міровыя событія, новости литературы) и освѣщающей народныя нужды. Главная задача „Недѣли"—не скрывать правды отъ народа. Въ „Недѣлѣ" даются подписчикамъ безплатно юридическіе, образовательные и др. совѣты. (Можно „Недѣлю" выписывать и отдѣльно отъ „Вѣстн. Зн." Цѣна въ годъ 3 р., четверть года 75 к.).

12 книгъ „Вѣстн. Знанія", ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала, въ общедоступной формѣ знакомящаго съ прогрессомъ человѣчества.

Отдѣлы: естественно-научный, историко-географическій, соціально-экономическій, философіи, математики, психологіи, педагогическій, литературно-художественный (съ отдѣльными цвѣтными картинами), критическій, сельско-хозяйственный, новыхъ изобрѣтеній, юридическій, медицинскій, познанія Россіи, популярно-научный, одинаково интересный взрослымъ и дѣтямъ старшаго возраста. Сотрудники журнала и приложеній—профессора и извѣстные литераторы—дѣлаютъ „Вѣстникъ Знанія" единственнымъ дѣйствительно научнымъ, но популярнымъ журналомъ.

Въ приложеніяхъ къ „Вѣстн. Знанія" дается цѣлая библіотека по всѣмъ отраслямъ знанія:

„ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ КУЛЬТУРНОЙ РАБОТЫ". Альбомъ портретовъ и картинъ, виды и проч. съ описан. (Это приложеніе получатъ только подписавшіеся не позже января).

ИЛЛЮСТРИР. ИСТОРІЯ УКРАИНЫ, проф. Грушевскаго, въ 4 выпускахъ.

ЛЕКЦІИ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ И ФИЛОСОФІИ, проф. Геккеля.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго.

ГИГІЕНА ДУХА. Физіологія мозга. Гигіена ребенка, мужчины, женщины. Половой вопросъ и проч., проф. Клестона съ дополненіями проф. Фореля, въ 2 вып.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФИЗИКА, проф. Бернштейна.

ПСИХОЛОГІЯ И УЧИТЕЛЬ, д-ра Мюнстерберга или др.

СОЧИНЕНІЯ ЛОПЕ-ДЕ-ВЕГА: „Дороѳея", „Любовь и честь".

КАВКАЗСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ.

ЛАТЫШСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ.

Сверхъ того, подписчики, въ зависимости отъ избраннаго ими абонемента (при подпискѣ указывать № абонемента), получатъ слѣдующія капитальныя сочиненія:

1-й абонементъ: 12 выпуск. иллюстрированной біографической библіотеки

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ,

жизнеописанія знамен. людей всѣхъ временъ и народовъ со статьями по экономикѣ, политикѣ и пр. проф. М. Ковалевскаго, проф. Туганъ-Барановскаго и др. Много рисунковъ и отдѣльныхъ цвѣтныхъ картинъ.

Сочиненія Ч. ДАРВИНА:

Кругосвѣтное путешествіе на кораблѣ Бигль. Въ 4 выпускахъ, съ рисунками.

2-й абонементъ: въ 16 выпускахъ

МІРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА,

соч. д-ра К. БУССЕ.

Литература китайцевъ, японцевъ, египтянъ, индусовъ, персовъ, евреевъ, арабовъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ, германцевъ, возрожденія Италіи, Англіи, Франціи, Испаніи и др. Литература славянъ: чеховъ, поляковъ, русскихъ, болгаръ и др. Роскошное изданіе со многими рисунк. и около 60 отдѣльныхъ картинъ и хромотипій.

3-й абонементъ: въ 16 выпускахъ

КНИГА ПРИРОДЫ

и ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Солидн. трудъ въ 9 част.: ч. I и II. Пространство и время, бар. Швейгеръ-Лерхенфельда; ч. III. Мельница жизни, проф. Оствальда; ч. IV. Колыбель жизни, проф. Шенихена; ч. V. Обитаемые міры, проф. Мейера; ч. VI—IX. Психологическ. эволюція человѣчества, проф. Вундта. Роскошн. изд., около 600 рис. и 60 отд. картинъ и хромотипій. (Въ книжн. магаз. будетъ стоить 15 руб.).

4-й абонементъ: 12 выпусковъ

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ.

4 вып. ПРАКТИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДІИ (руководство по ремесламъ, хозяйству, домоводству, полезные рецепты и проч.). Въ 1913 г. въ этомъ изданіи будетъ дана книга

ПРАВА РУССКАГО ГРАЖДАНИНА,

какъ ихъ опредѣлять, какъ ихъ осуществлять, какъ ихъ отстаивать. Съ образц. прошен. и пр. Сост. прис. пов. П. А. Брюнелли.

5-й абонементъ: въ 16 выпускахъ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ИСТОРІЯ РЕЛИГІЙ,

съ древнѣйш. временъ до нашихъ дней, проф. Шантепиде-ля-Сосей. Роскошное изданіе, около 600 рис. и 60 отдѣльныхъ картинъ и хромотипій. (2 большихъ тома).

ПРЕМІЯ: Вносящіе всѣ деньги до января имѣютъ право на премію книгами на 2 руб. (по особому каталогу), уплачивая лишь за пересылку. Каждый подписчикъ, доплачивая 4 р. 50 к. (за гран. 6 р.) можетъ получить сочиненія, входящія въ любой изъ абонементовъ, сверхъ того, который онъ выбралъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на „Вѣстн. Зн." съ газетою „Недѣля" и всѣми прилож. (необходимо точно указывать, какой абонементъ) **въ годъ 8 р., съ перес. 9 р., за гран.** (черезъ загран. почтамты) **12 р. Разсрочка: при подп. 3 р., 10 марта, 10 іюня, 10 августа—по 2 р. ПОДРОБНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ БЕЗПЛАТНО.**

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., 40, Контора „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ".

НАША ЗАРЯ.

Открыта подписка на 1913 годъ (IV годъ изд.) на ежемѣсячный общественно-политическій журналъ соціалъ-демократическаго направлен. авторовъ: П. Б. Аксельрода, В. Базарова, М. Б—ова, А. Балабановой (Италія), Б. Богданова, быв. чл. 2-ой Гос. Думы Г. Бѣлоусова, Ф. Дана, К. Дмитріева, К. Залевскаго, Д. Заславскаго, В. Ежова, А. К. Ерманскаго, Ст. Ивановича, А. Коллонтай, Д. Кольцова, В. Коссовскаго, В. Левицаго, В. Львова-Рогачевскаго, В. Майскаго, Евг. Маевскаго, быв. чл. 2-ой Гос. Думы В. Мандельберга, Л. Мартова, А. Мартынова, П. Маслова, В. Мирова, А. Михайлова, М. Нахимсона, М. Невѣдомскаго, Ортодоксъ Мих. Павловича (Волонтера), Петра П. (Англія), Л. Пилецкаго, А. Потресова (Старовѣра), Б. Радина-Кнуньянца (Статьи о „ликвидаторствѣ“). Н. Р—кова, Вл. Розанова, Е. Смирнова, Н. Троицкаго, М. Хейсина, Евг. Чарскаго, Ю. Чацкаго, Н. Череванина, Velox и мн. друг. **Условія подписки:** на 1 годъ—3 р., (за гран.—4 р.), на ½ г.—1 р. 80 к. (за гр.—2 р. р. 30 к.), на 3 мѣс.—1 р. (за гр.—1 р. 30 к.), на 1 мѣсяцъ—35 к. (за границу—45 к.). Отд. книжка въ продажѣ—30 к., (двойная—45 к.), за гран.—40 к. (двойная—60 к.). Комплекты 1910 г. (безъ 5—6 кн.—разошед.)—2 р., 1911 г.—(безъ 1-й кн.—разошед.) 2 р. 50 к. съ пересылкой въ Евр. Россію. Рабочимъ, приказчик. и народн. учит. 15% скидки. Адресъ конт. и ред.: Спб., Николаевская, 2, кв. 43. Тел. 159-15.

„Вѣстникъ Теософіи“.

Открыта подписка на 1913 годъ на религіозно-философско-научный журналъ. (Шестой годъ изданія.) „Вѣстникъ Теософіи“ возникъ въ отвѣтъ на религіозные запросы духа, которые являются однимъ изъ важнѣйшихъ знаменій нашего времени. Наше время проникнуто тревогой исканія потому, что духъ человѣческій переросъ существующія нормы жизни, что онъ стремится къ инымъ болѣе нравственнымъ отношеніямъ человѣка къ человѣку, требуетъ болѣе широкаго простора для своего выросшаго сознанія и его уже не можетъ удовлетворять ни слѣпая вѣра, ни научное безвѣріе. Возмужалый духъ требуетъ новой оцѣнки своихъ стремленій и идеаловъ, проведенной черезъ строгое сознаніе и черезъ запросы выросшей общественной совѣсти. Удовлетворить эти исканія, отвѣтить на эти запросы можетъ лишь то ученіе, которое способно соединить въ единомъ научно-религіозномъ синтезѣ всѣ стороны—общественныя, научныя и духовныя—жизненнаго творчества. Такимъ синтезомъ является Теософія, перекинувшая мостъ изъ глубины вѣковъ въ раскрывающіяся дали будущаго. Задача нашего журнала освѣтить—по возможности—всѣ области жизни ея свѣтомъ и познакомить русскихъ читателей съ сокровищами ея ученій, которыя раскрываютъ передъ нами духовное творчество всѣхъ вѣковъ и народовъ. Лежащія въ основѣ Теософіи доказательства духовнаго единства всѣхъ міровыхъ религій, изъ котораго вытекаетъ и единство, братство всего человѣчества, и глубокая наука о душѣ, раскрывающая скрытыя свойства сложной природы человѣка, ведутъ къ новому міропониманію и призываютъ всѣхъ къ объединенной работѣ на пользу расширившихся запросовъ жизни. Программа журнала: 1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія; 2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ; 3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей; 4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія; 5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала, по вопросамъ теософіи, психологіи и др.; 6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ. Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8°, не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей А. А. Каменской, при участіи Анни Безантъ, доктора Рудольфа Штейнера, Alba, П. Н. Батюшкова, Н. К. Бояновуса, Н. Бронницкой, А. Дана, А. Ф. Вельцъ, Вендъ, А. В. Гардеръ, Н. Гернетъ, М. Каменской, Е. М. Кузьмина, Е. Лившакъ, Н. Лихачевой, К. Латынина, И. Мандціарли, В. Молокиной, В. Меркурьевой, Е. Писаревой (Е. П.), В. Н. Пушкиной, М. Самохвалова, М. Станюковичъ, Д. Страндена, Н. А. Трофименко, Б. Ф., А. В. Унковской, П. Д. Успенскаго, Н. И. Эрасси, Эссель и др. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ. Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія статьи: „Тайна Доктрина“ Е. П. Блаватской (извлеченія), „Путь къ посвященію“, А. Безантъ, „Теософія и современныя теченія въ наукѣ и соціологіи“, доктора Рудольфа Штейнера, „Ясновидѣніе“, Ч. Ледбитера, статьи по сравнительному изученію религій (оригинальныя и переводныя) и рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ искусства, педагогики, философіи и др. отдѣламъ.

Цѣна 6 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за ½ года—3 р. 50 к., за 3 мѣсяца—2 р. 20 к. Отдѣльный № 75 к. За перемѣну адреса городского на городской—20 к., городского на иногородній и обратно иногороднаго на городской—50 к. Подписка за границу принимается только годовая: цѣна 10 р. Подписка для иногородныхъ только черезъ контору Редакціи. Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (СПБ., Ивановская, 22, кв. 24) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 2—4 ч. дня и по воскресеньямъ отъ 11—12 ч. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только до 1 января 1913 года. По дѣламъ редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 ч. дня.

Отъ редакціи. Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, невостребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

ЗАВѢТЫ.

Вышелъ № 7 журнала. Содержаніе: То, чего не было. В. Ропшина. Владыка. К. Тренева. Крестъ на могилѣ. И. Новикова. Пэлло завоеватель. А. Пэксе. Стих. Городецкаго, Клюева, Верхоустинскаго. По вопросамъ нашихъ разногласій. П. Суханова. Окно въ Европу. А. Окулова. Производительная кооперація въ Великобританіи. Л. Зака. Этика и политика. Виктора Чернова. О смерти въ современной поэзіи. В. Малахіевой-Мировичъ. Урожайныя перспективы. И. Гиммора. Изъ жизни потребительской кооперація Юго-Зап. края. Лагунова. Ирландскій гомъ-руль и Ульстерская оппозиція. Ст. Вольскаго. Джекъ Лондонъ. А. Дермана. Памяти Л. Н. Толстого. Р. Иванова-Разумника. Два юбилея. Его же. Библіографія. Книжныя новости. №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 разосланы подписчикамъ и продаются въ стол. и пров. кн. магазинахъ. Въ выходящихъ №№ напечат. произвед.: М. Горькаго, И. Бунина, С. Сергѣева-Ценскаго, М. Пришвина, В. Вишневскаго, В. Ропшина, М. Коцюбинскаго и др.; статьи: Лункевича, Чернова, Лагарделя, Морозова, Мстиславскаго, Качоровскаго, Огановскаго, Ракитникова, Прибылевой (Корбы), Вѣчева, С. Зака, Шрейдера, Амари, Скиоа, Суханова и др. Условія подписки: съ апрѣля до конца года 8 руб., на 3 мѣсяца 3 руб., отдѣльн. кн. 1 руб. Открыта подписка на 1913 годъ: на 12 мѣс. 10 руб., на 1/2 года 5 руб., на 1/4 г. 2 р. 50 к., отд. кн. 1 руб. Подписавшіеся на весь 1913 годъ имѣютъ право получить №№ за 1912 годъ, вмѣсто 8 руб., за 5 руб. Въ виду ограниченнаго количества оставшихся №№ за 1912 г. подписчики будутъ удовлетворяться въ порядкѣ послѣдовательности подписки. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, Косой пер., 11, уг. Соляного. Телефонъ 193-27; въ Москвѣ—въ конторѣ В. И. Печковской (Петровскія линіи), а также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи по цѣнѣ редакціи, безъ доплаты за пересылку денегъ. Въ Москвѣ складъ журнала—кн. маг. „Наука“, Б. Никитская.

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1913 годъ** (двадцать второй годъ изданія). Въ 1913 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ на прежнихъ основаніяхъ по нижеслѣдующей программѣ: I. Творенія св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ (св. Максима Исповѣдника). II. Оригинальныя изслѣдованія, статьи и замѣтки по наукамъ богословскимъ, философскимъ, историческимъ и общественнымъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи и видныхъ представителей внѣ-школьнаго богословія. III. Изъ современной жизни: научно-богословское обозрѣніе важнѣйшихъ событій изъ Церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ. IV. Хроника академической жизни: отчеты о магистерскихъ диспутахъ, объ ученыхъ юбилеяхъ, о работѣ научныхъ академическихъ обществъ и кружковъ и о различныхъ перемѣнахъ во внѣшней и внутренней жизни нашей Академіи. V. Библіографія, рецензія и критика выдающихся новинокъ какъ русской, такъ и иностранной богословско-философской и церковно-исторической литературы. VI. Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься, съ отдѣльной нумераціей страницъ, труды выдающихся представителей церковной жизни въ ея недавнемъ прошломъ (преднамѣчаются: Автобіографическія записки Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Митрополита Московскаго, и недавно, послѣ многихъ и успѣшныхъ разысканій найденное Толкованіе на Апокалипсисъ Архимандрита Ѳеодора (Бухарева),—главный трудъ его жизни). VII. Протоколы Совѣта Академіи за 1912 годъ.

Органъ высшей Церковной школы, „Богословскій Вѣстникъ“ самымъ положеніемъ своимъ призывается къ неуклонному служенію методами и орудіями науки, интересамъ св. Церкви Раскрывать нетлѣнныя сокровища Сокровищницы Истины и углублять пониманіе ихъ въ современномъ сознаніи, уяснять вѣчное и непреходящее значеніе церковности, показывать, что она есть не только моментъ и фактъ исторіи, но и непреложное условіе вѣчной жизни—такова прямая, положительная задача этого служенія Церкви. Но положительная задача неизбѣжно связывается съ задачею отрицательною,—съ борьбою противъ расхищенія духовнаго достоянія Церкви, съ расчисткою Церковныхъ владѣній отъ всѣхъ чуждыхъ природѣ ея силъ, покушающихся на ея собственность и на самое ея существованіе. Съ 1913-го года начнется въ „Б. В.“ **Переводъ Твореній св. Максима Исповѣдника.** Въ качествѣ приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“, подписчикамъ его въ 1913 году будутъ предложены пятая и шестая части **ТВОРЕНІЙ ПРЕП. ЕФРЕМА СИРИНА.** Всѣмъ подписчикамъ будетъ разослана безплатно брошюра проф. Д. Ѳ. Голубинскаго.—Руководство къ пасхаліи. Кромѣ того, въ редакціи остается ограниченное количество нижепоименованныхъ изданій, одно изъ которыхъ можетъ быть выслано безплатно, по указанію подписчика. Изданія эти слѣдующія: 1°, Проф.-Протоіер. А. В. Горскій,—Слова. 2°, Объ Антихристѣ. 3°, Св. Левъ, папа Римскій. 4°, Указатель къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“. первое десятилѣтіе 1892 г.—1901 г. Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ 5 и 6 части твореній препод. Ефрема Сирина **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.** Прим. Безъ пересылки—семь рублей, за границу—десять. Допускается разсрочка на два срока: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 4 руб.; для подписавшихся на журналъ безъ приложенія разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 3 руб. За перемѣну адреса 20 коп. Прим. Подписчики „Богословскаго Вѣстника“ со всѣхъ изданій редакціи пользуются скидкой отъ 20—30% въ зависимости отъ размѣровъ заказа. Журналъ „Прибавленія къ изданію твореній св. отцовъ въ русскомъ переводѣ“ за имѣющіеся годы высылаются подписчикамъ со скидкой 50% съ цѣнъ каталога. Адресъ редакціи: Сергіевъ Посадъ, Московской губ., въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ священникъ Павелъ Флоренскій.

Жизнь для всѣхъ.

Открыта подписка на 1913 г. IV годъ изданія.

Редакція ставитъ своей задачей облегчить мыслямъ и чувствамъ широкихъ массъ русскаго народа объединиться съ мыслями и чувствами выдающихся представителей человѣчества въ ихъ творчествѣ истины и справедливости. „Жизнь для всѣхъ“ выходитъ въ двухъ изданіяхъ. Подписчики 1-го изданія получаютъ 12 книжекъ журнала (2000 страницъ убор. печати) съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги и 3 приложенія: Н. А. Рубакинъ—„Исторія земли“; М. Слобожанинъ — „50-лѣтіе земства“ (обширный трудъ, дающій обзоръ дѣятельности земства за 50 лѣтъ); В. А. Поссе—„Исторія царствованія Николая II“. (Исторія царствованій Александра II и Александра III, изданную, какъ приложеніе къ 1912 году, новые подписчики на 1913 годъ могутъ получить за приплату 50 коп.). Цѣна 1-го изданія на годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб. Подписчики II-го изданія получаютъ тѣ же 12 книжекъ журнала, тѣ же три приложенія и кромѣ того 12 томовъ, въ которые войдутъ: 1) „Жизнь Россіи“. (Подробное описаніе страны и ея населенія.) Въ 1913 году будутъ разосланы томы съ краткимъ описаніемъ всей Россіи и съ подробными описаніями Петербурга (научный, художественн. и общественн. путеводитель), Сибири и Дальняго Востока. 2) Сочиненія Фр. Ницше: „Такъ говорилъ Заратустра“ въ переводѣ Ю. М. Антоновскаго и „Афоризмы“. Къ сочиненіямъ будетъ приложенъ очеркъ „Жизнь и творчество Ницше“. 3) Максъ Штирнеръ. Полный переводъ сочиненія: „Единственный и его собственность“, и очеркъ его жизни и творчества съ критикой его ученія. 4) І. Фихте. Переводъ его популярнаго труда „Назначеніе человѣка“ и очеркъ его жизни и творчества. 5) Л. Н. Толстой. „Путь жизни“. Педагогическія статьи. Разсказы и переводы для дѣтей. „Ученіе Христа“. Очеркъ жизни и творчества Л. Н. Толстого. Цѣна II-го изданія (12 книжекъ журнала и 15 томовъ приложеній) 6 руб. 60 коп. съ доставкой и пересылкой. За приплату 3 р. 60 к. подписчики, какъ I-го, такъ и II-го изданія, получаютъ еще 12 томовъ соч. Л. Н. Толстого (всѣ художественныя произведенія, написанныя послѣ 1880 г. и главнѣйшія религіозно-философскія, въ изящномъ изданіи съ иллюстраціями. Деньги слѣдуетъ посылать въ С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 22, редакціи „Жизнь для всѣхъ“. Въ „Жизни для всѣхъ“ ежегодно печатаются отчеты о доходахъ и расходахъ по изданію. Чистый доходъ издатель обязуется отдавать на культурныя дѣла по указанію подписчиковъ. Въ журналѣ принимаютъ участіе на ряду съ извѣстными литераторами и учеными, народные учителя, земцы, рабочіе и крестьяне. Связь между сотрудниками и подписчиками поддерживается „Товарищеской бесѣдой“ и „Голосами Жизни“. За исполненіе условій подписки принимаетъ на себя отвѣтственность Влад. Александр. Поссе. С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 22.

Редакторъ-издатель *В. А. Поссе.*

Народное Образованіе.

Ежемѣсячный педагогическій журналъ. Изданіе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ. Открыта подписка на 1913 годъ. Годъ изданія XVIII. Въ 1913 году журналъ будетъ издаваться по слѣдующей, утвержденной Святѣйшимъ Сунодомъ, программѣ: I. Очерки, разсказы, характеристики, воспоминанія изъ школьной жизни („Уголки школьной жизни“). II. Статьи по общимъ вопросамъ народнаго образованія. III. Статьи по вопросамъ педагогики и дидактики. IV. Обозрѣніе русской и заграничной литературы по вопросамъ воспитанія и обученія. V. Изъ школьной практики (практическія указанія по методикѣ учебныхъ предметовъ начальной школы; примѣрные уроки; планы занятій; замѣтки по училищевѣдѣнію). VI. Школьное дѣло на мѣстахъ (извѣстія, сообщенія и замѣтки). VII. Извѣстія учебнаго музея церковныхъ школъ. VIII. Изъ переписки съ читателями. Почтовый ящикъ. IX. Библіографическій листокъ. X. Школьное пѣніе (статьи о преподаваніи пѣнія; библіографическія замѣтки и ноты). Кромѣ книгъ журнала подписчики получатъ въ видѣ отдѣльныхъ приложеній: 1) Школьный календарь на 1913—1914 учебный годъ. 2) Книжки для учительской библіотеки (содержанія руководственно-педагогическаго) и книжки для ученической библіотеки (дѣтскіе разсказы, сборники стихотвореній). 3) Ноты для класснаго пѣнія. 4) Рисунки и снимки съ картинъ. Многія статьи и книжки (особенно, научнаго содержанія) иллюстрируются рисунками и чертежами. 5) Учебныя карточки. Въ журналѣ принимаютъ участіе А. И. Анастасіевъ, Н. Н. Бахтинъ, Н. Бочкаревъ, проф. А. А. Бронзовъ, проф. Д. И. Введенскій, проф. А. А. Дмитріевскій, Н. С. Дрентельнъ, К. Д. Дубровскій, К. В. Ельницкій, Я. И. Ковальскій, А. А. Коринфскій, свящ. А. Кулясовъ, Кл. Лукашевичъ, П. Н. Луповъ, А. П. Налимовъ, Н. Новичъ, И. И. Полянскій, М. М. Поповъ-Платоновъ, В. Розенбергъ, Я. Рудневъ, свящ. Е. Сосунцовъ, Н. Тичеръ, В. Федоровъ, проф. В. Шимкевичъ, С. Шохоръ-Троцкій, акад. М. В. Яновскій и многіе другіе. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ допущенъ въ народныя библіотеки и читальни, — равно и въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. На международной Выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ 1904 года журн. „Народное Образованіе“ удостоенъ золотой медали.

Подписная цѣна на журналъ **ТРИ РУБЛЯ** за годъ съ пересылкою. Въ виду того, что журналъ „Народное Образованіе“ дастъ ежегодно 2 тома свыше 700 страницъ каждый, кромѣ Календаря и безплатныхъ приложеній, указанная цѣна три рубля является до послѣдней степени пониженной и равняется почти заготовительной стоимости изданія. Такимъ понижевіемъ цѣны Редакція старается сдѣлать журналъ доступнымъ для выписки начальнымъ учителямъ, при ихъ современномъ скудномъ годовомъ бюджетѣ. Подписка принимается въ книжной лавкѣ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ (СПБ., Кабинетская, 13). Иногородніе подписчики благоволятъ адресовать требованія такъ: СПБ. Кабинетская ул., д. № 13, въ Редакцію журн. „Народное Образованіе“.

Редакторъ *П. Мироносицкій.*

Журналъ уголовнаго права и процесса,

издаваемый въ С.-Петербургѣ. Второй годъ изданія. Принимается подписка на 1913 годъ при Русской Группѣ Международнаго Союза Криминалистовъ при ближайшемъ участіи: М. Н. Гернета, А. А. Жижиленко, Е. М. Кулишера, Н. Н. Люблинскаго, В. Д. Набокова, Н. Н. Полянскаго и М. П. Чубинскаго, и при постоянномъ сотрудничествѣ: М. Л. Гольдштейна, О. О. Грузенберга, Н. В. Давыдова, Л. М. Зайцева, М. М. Исаева, А. Д. Киселева, В. Н. Новикова, А. А. Піонтковскаго, В. Д. Плетнева, П. С. Пороховщикова, Н. Н. Розина, Е. Д. Синицкаго, Г. Б. Сліозберга, Л. Я. Таубера, В. Н. Ширяева и др. Программа журнала: I. Вопросы науки уголовнаго права и процесса вмѣстѣ съ вспомогательными дисциплинами. 1) Уголовная антропологія, 2) уголовная статистика, 3) уголовная политика и соціологія. 4) тюрьмовѣдѣніе. 5) наука уголовной полиціи). II. Текущіе вопросы уголовно-правовой жизни. III. Судебная практика. IV. Хроника русская и иностранная. V. Библіографія. VI. Университеты и юридическія общества. VII. Труды Международнаго Союза Криминалистовъ и его Русской Группы.

Въ 1912 г. въ журналѣ помѣщены статьи: М. Н. Гернета. Елены Г-гъ А. А. Жижиленко, Л. М. Зайцева, Т. О. Зейлигеръ. М. М. Исаева, Е. М. Кулишера, П. Н. Люблинскаго, В. Д. Набокова, Вячеслава Новикова, Н. А. Окунева, С. П. Ордынскаго, В. Д. Плетнева, Н. Н. Полянскаго, Н. Н. Розина, В. В. Станкевича, Статистика, В. Финка, Д. А. Червонецкаго, М. П. Чубинскаго. В. Н. Ширяева, Г. Н. Штильмана и др.; положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Сената (Общ Собр. Угол. Ден. и его отдѣл.) за 1911 г.; отчеты о засѣданіяхъ Спб. Юридическаго Общества; труды Русской Группы Международнаго Союза Криминалистовъ; приложеніе—стенографич отчетъ о засѣданіяхъ IX Общаго собранія Русской Группы Междун. Союза Кримин. (Новымъ подписчикамъ на 1913 г. приложеніе высылается безплатно). „Журналъ Уголовнаго Права и Процесса“ выходитъ четыре раза въ годъ.

Подписная цѣна: на годъ—4 р., полгода—2 р., отдѣльная книжка—1 р. 25 к. Подписка и объявленія принимаются въ Конторѣ Журнала и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Адресъ конторы: СПБ., Литейный пр., 28. Телеф. 41-61. Адресъ редакціи: СПБ., Дегтярная ул., 22. Телеф. 558-50. Издатель *В. Д. Набоковъ.* Редакторъ *Н. Н. Зайцевъ.*

Союзъ Потребителей.

11-й годъ изданія. Посвященный интересамъ русской кооперации вообще и потребительской въ частности. Выходитъ 36 разъ въ годъ. Открыта подписка на 1913 г. На журналы „Союзъ Потребителей“ и „Объединеніе“, Изданія Московскаго Союза Потребительныхъ Обществъ. Въ „Союзѣ Потребителей“ помѣщаются указанія и совѣты для практическихъ дѣятелей кооперации, а также корреспонденціи съ мѣста изъ жизни потребительныхъ обществъ. Журналъ обращаетъ особенное вниманіе на ознакомленіе своихъ читателей съ положеніемъ и развитіемъ кооперации за границей.

Подписная цѣна: за годъ — 3 р., за ½ г. — 1 р. 60 к., 3 мѣсяца — 85 к. Всѣ подписчики „Союза Потребителей“ получаютъ, кромѣ того, 24 №№ популярнаго, кооперативнаго журнала „Объединеніе“. Сброшюрованные экземпляры „Союза Потребителей“ за 1904, 1905, 1906, 1908, 1909, 1910 и 1911 гг. по 2 р. 50 к. съ пересылкой.

ОБЪЕДИНЕНІЕ.

Общедоступный иллюстрированный кооперативный журналъ. III годъ изданія. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 20 страницъ. Статьи и замѣтки по кооперации, вопросамъ рабочей и крестьянской жизни, повѣсти, разсказы, стихотворенія. Изложеніе и содержаніе журнала приноровлено къ пониманію и нуждамъ рабочихъ и крестьянъ, составляющихъ главную массу членовъ въ Потребительныхъ Обществахъ. Потребительныя Общества, желающія упрочить свое положеніе путемъ поднятія интереса къ Обществу въ средѣ членовъ и окрестнаго населенія, имѣютъ возможность это сдѣлать путемъ выписки за счетъ Общества и раздачи членамъ и покупателямъ журнала „Объединеніе“.

Подписная плата при отдѣльной подпискѣ 1 р. 20 к. въ годъ съ пересылкой. Для О-въ, выписывающихъ по одному адресу „Объединеніе“ для безплатной раздачи своимъ членамъ назначена слѣдующая расцѣнка.

При выпискѣ 3 экземл. за годъ	2 р.	При выпискѣ 60 экземпл. за г.	26 р.
„ „ 5 „ „ „	3 „	„ „ 100 „ „ „	35 „
„ „ 10 „ „ „	6 „	„ „ 150 „ „ „	55 „
„ „ 15 „ „ „	8 „	„ „ 200 „ „ „	65 „
„ „ 20 „ „ „	10 „	„ „ 300 „ „ „	90 „
„ „ 25 „ „ „	12 „	„ „ 400 „ „ „	115 „
„ „ 30 „ „ „	14 „	„ „ 500 „ „ „	140 „
„ „ 40 „ „ „	18 „	„ „ 1000 „ „ „	270 „
„ „ 50 „ „ „	22 „		

Подписная плата, начиная отъ 50 экз., можетъ быть вносима въ разсрочку по четвертямъ го[illegible]. Подписка принимается: въ конторѣ редакціи — Москва, Новая Переведеновка, домъ Московск[illegible]го Союза Потребительныхъ Обществъ. Кіевъ. Агентура Московскаго Союза. Подолъ, Спасская, № [illegible]. Ростовъ-на-Дону. Агентура Союза. Малый Проспектъ, № 43. Въ лавкахъ Потребительныхъ Обществъ, въ книжныхъ магазинахъ и черезъ почтовыя учрежденія.

Редакторъ *В. И. Зельгеймъ.*

Вѣстникъ Народнаго Образованія

12 №№. Открыта подписка на 1913 г. (III г. изданія). Ежемѣсячный информаціонный, справочный и библіографическій журналъ. Издается при ближайшемъ участіи В. И. Чарнолускаго. Общіе вопросы образованія и воспитанія.—Дошкольное образованіе.—Начальная и высшая начальная общеобразовательныя школы.—Низшая профессіональная школа.—Образованіе учащаго персонала.—Внѣшкольное образованіе. — Самообразованіе.—Дѣтское чтеніе. Отдѣлы журнала:—Законы, циркуляры, сенатск. разъясненія. — Библіографія новыхъ книгъ и статей по нар. образованію, учебниковъ и учебн. пособій. — Рефераты и сводъ рецензій о новыхъ книгахъ и журналахъ по нар. образованію.—Сводъ отзывовъ: о научно популяр. книгахъ и общихъ журналахъ; о дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. — Списки: произведеній, допущ. въ учебн. заведенія; изъятыхъ произведеній; просвѣтит. обществъ и учрежденій. — Хроника,— Изъ литературы и жизни.—Изъ практики для практики.—Изъ статистики просвѣщенія.—Вопросы и отвѣты.—Сообщенія и заявленія.—Объявленія. Подписная цѣна: 1 р. 50 коп. съ пересылкой.—Отдѣльн. номеръ — 20 к. (можно 2-коп. марк.). — Желающіе получить квитанцію, оплачиваютъ герб. сборъ (5 к.).—Подписка принимается во всѣхъ почтово-телегр. учрежденіяхъ по редакц. подписн. цѣнѣ.—Книжн. магазины удерживаютъ 5%.—Подробн. проспекты—безплатно. Полный комплектъ журнала за 1911—1912 гг. (15 №№)—2 р., для подписывающихся до 1 янв. 1913 г.—1 р. 25 к. Адресъ редакціи и конторы: Спб., Невскій, д. 126, кв. 12. Ред.-изд. *Е. Ф Проскурякова.*

Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики

выходитъ 24 раза въ годъ отдѣльными выпусками, въ 24 и 32 стр. каждый, подъ редакціей приватъ-доцента В. Ф. Кагана. Программа журнала: Оригинальныя и переводныя статьи изъ области физики и элементарной математики. Статьи, посвященныя вопросамъ преподаванія математики и физики. Опыты и приборы. Научная хроника. Разныя извѣстія. Математическія мелочи. Темы для сотрудниковъ. Задачи для рѣшенія. Рѣшенія предложенныхъ задачъ съ фамиліями рѣшившихъ. Упражненія для учениковъ. Задачи на премію. Библіографическій отдѣлъ: обзоръ спеціальныхъ журналовъ; замѣтки и рецензіи о новыхъ книгахъ. Статьи составляются настолько популярно, насколько это возможно безъ ущерба для научной стороны дѣла. Предыдущіе семестры были рекомендованы: Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для гимн. мужск. и женск., реальн. уч., прогимн., городск., уч., учит. инст. и семинарій; Главн. Упр. Военно-Учебн. Зав.—для военно-уч. заведеній; Учен. Ком. при Св. Синодѣ—для дух. семинарій и дух. училищъ. Пробный номеръ высылается за одну 7-коп. марку. Важнѣйшія статьи, помѣщенныя въ 1911 г. 46-й семестръ: Проф. О. Д. Хвольсонъ. Современное положеніе вопроса объ эопрѣ. Прив.-доц. В. Каганъ. О представленіи цѣлаго числа въ видѣ суммы одинаковыхъ степеней цѣлыхъ чиселъ. В. Рамзай. Опредѣленія безконечно малыхъ количествъ вещества. В. Лиманъ. Постановка преподаванія математики въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Пруссіи. Проф. Пойнтингъ. Свѣтовое давленіе. Проф. Д. М. Синцовъ. Съѣздъ въ Миланѣ 5—7 сен. 1911 г. Проф. Ретгерфордъ. Единицы радіоактивности. Прив.-доц. С. О. Шатуновскій. Объ одномъ рядѣ, служащемъ для вычисленія π^2. Проф. Д. М. Синцовъ. Послѣдній трудъ, посвященный Евклиду. Проф. Беккерель. Эволюція вещества и міровъ. П. Пюизе. Мѣсто солнца между звѣздами. Н. Васильевъ. Объ осяхъ инерціи въ твердомъ тѣлѣ. К. Л. Новая серія книгъ по методикѣ точнаго знанія. Э. Фишеръ. Новѣйшіе успѣхи и задачи химіи. Г. Пуанкаре. Эволюція законовъ. Б. Цомакіонъ. Варіанты доказательствъ нѣкоторыхъ теоремъ элементарной геометріи. Ф. Генкель. Джорджъ Дарвинъ и его творенія. К. Крюзе. Точка пересѣченія высотъ треугольника. Н. Влодаверъ. Варіанты доказательства теоремы Пиоагора. О. Перронъ. Объ истинѣ и заблужденіи въ математикѣ. Проф. Д. Синцовъ. Первый Всероссійскій Съѣздъ преподавателей математики.—47-й семестръ: Проф. А. В. Васильевъ. Математическое и философское преподаваніе въ средней школѣ. Проф. М. Планкъ. Новыя термодинамическія теоріи. Ж. Гадамаръ. Функціональное исчисленіе. Я. Успенскій. Способъ для быстраго вычисленія корней изъ чиселъ съ большой точностью. Я. Ретгерфордъ. Нормальная мѣра радія и ея примѣненіе при радіоактивныхъ измѣреніяхъ. Прив.-доц. С. О. Бернштейнъ. Историческій обзоръ развитія понятія о функціи. Проф. А. А. Майкельсонъ. Новѣйшіе успѣхи спектроскопическихъ методовъ. Ф. Энрикесъ. Математика и теорія познанія. В. Романовскій. О геометрическихъ построеніяхъ, при помощи циркуля и постоянной прямой. Проф. Д. Бертло. Ультрафіолетовые лучи и біологическіе процессы. П. С. Флоровъ. Теорема Якова Бернулли. Дж. Бруни. Труды Я. І. Вантъ-Гофа. П. Свѣшниковъ. Рѣшеніе квадр. и куб. уравненій съ цѣлыми коэффиціентами при помощи послѣдовательныхъ вычитаній. Проф. К. А. Поссе. О согласованіи программъ математики въ средней и высшей школѣ. Проф. В. Б. Струве. Къ вопросу о согласованіи программъ математики въ средней и высшей школѣ. Проф. Д. Синцовъ. О согласованіи программъ математики средней и высшей школы. Прив.-доц. В. Ф. Каганъ. І-й Всероссійскій Съѣздъ преподавателей математики. М. Якобсонъ. II-й Менделѣевскій Съѣздъ.

Условія подписки: Подписная цѣна съ пересылкой: за годъ 6 руб., за полгода 3 руб. Учителя и учительницы низшихъ училищъ и всѣ учащіеся, выписывающіе журналъ непосредственно изъ конторы редакціи, платятъ за годъ 4 руб., за полугодіе 2 руб. Допускается разсрочка подписной платы по соглашенію съ конторой редакціи. Книгопродавцамъ 5% уступки. Тарифъ для объявленій: за страницу 30 руб.; при печатаніи не менѣе 3 разъ—10% скидки, 6 разъ—20%, 12 разъ—30%. Журналъ за прошлые годы по 2 руб. 50 к., а учащимся и книгопродавцамъ по 2 р. за семестръ. Отдѣльные номера текущаго семестра по 30 к., прошлыхъ семестровъ по 25 к. Адресъ для корреспонденціи: Одесса. Въ редакцію „Вѣстника Опытной Физики".

„ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ".

Открыта подписка на 1913 г. на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ. Годъ XVIII. Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня—іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ. Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ Одобренъ за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній; Учебнымъ Комитетомъ Министерства Торговли и Промышленности рекомендованъ въ библіотеки коммерческихъ учебныхъ заведеній. Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и. т. под.) и географіи; 2) аквaріумъ и террaріумъ; 3) библіографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы. Въ журналѣ были помѣщены статьи: И. Я. Акинфіева, А. П. Артари, проф. П. И. Бахметьева, В. Н. Болдырева, Л. И. Бородовскаго, проф. А. О. Брандта, В. В. Богданова, проф. В. А. Вагнера, П. Вольногорскаго, П. Н. Вакуловскаго, проф. С. П. Глазонапа, М. И. Голенкина, В. И. Граціанова, проф. А. С. Догеля, М. П. Демкова, Л. П. Елагина, Е. В. Жадовскаго, Б. М. Житкова, В. Р. Заленскаго, проф. П. Ю. Зографа, П. О. Золотницкаго, А. П. Иванова, проф. П. Ѳ. Кащенко, П. М. Кипиовича, проф. П. П. Кузнецова проф. П. А. Каблукова, В. В. Кистяковскаго, проф. Н. М. Кулагина, проф. А. Коженникова, М. А. Коженниковой, проф. А. Н. Краснова, А. Ф. Лайстера, М. Э. Мендельсона, С. П. Меча, проф. П. В. Насонова, Г. А Надсона, проф. А. М. Никольскаго, К. Д. Посилова, проф. А. П. Павлова, А. П. Рождественскаго, проф. В. В. Сапожникова, К. А. Сатунина, проф. К. К. Сентъ-Илера, М. М. Сіязова, В. П. Таліева, проф. К. А. Тимирязева, проф. А. А. Тихомирова, П. Р. Фрелберга, проф. П. А. Холодковскаго, проф. В. М. Шимкевича, П. Ю. Шмидта, проф. Я. П. Щелкановцева, проф. А. Эйхенвальда, Э. В. Эриксона и нѣкоторыхъ друг.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою и пересылкою **4** руб. **50** коп.; на полгода съ пересылкою и доставкою **2** руб. **50** коп.; за границу **7** руб. За ту же цѣну можно получать журналъ за 1903—1910 гг.; за остальные годы (1896—1902) по **4** р. за каждый годъ съ перес. Выписывающіе всю серію за первыя 10 лѣтъ платятъ **35** р. съ перес. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ **75** коп. каждая. Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удержать за комиссію и пересылку денегъ только **20** коп. съ каждаго годового полнаго экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается. При непосредственномъ обращеніи въ контору допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. 50 коп. и къ 1 іюня 2 руб. Другихъ условій разсрочки не допускается. Контора Редакціи: Москва, Донская ул., д. Даниловой, кв. № 3.

Редакторъ-издатель *М. П. Вараввa.*

XVI-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ НА** XVI-й годъ изданія.

ИЗВѢСТІЯ ПО ЛИТЕРАТУРѢ

НАУКАМЪ и БИБЛІОГРАФІИ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ

Необходимый журналъ для интеллигентныхъ читателей, издаваемый Т-вомъ М. О. Вольфъ.

Каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ: 1) **Иллюстр. статьи** по вопросамъ литературы, науки и библіографіи. 2) **Литературныя воспоминанія** и біографіи, съ портретами, автографами и пр. 3) **Критическіе очерки** о новыхъ книгахъ и новыхъ течен. въ литерат. въ Россіи и за границею. 4) **Историко-литературныя изслѣдованія.** 5) **Статьи по техникѣ чтенія.** 6) **Обзоръ** текущей литературы русской и иностранной. 7) **Иллюстраціи:** снимки съ выдающихся книгъ, портреты, виды, библіотечные знаки, каррикатуры и пр. и пр. 8) **Хроника** литературнаго міра въ Россіи. 9) **Русскія книжныя новости.** 10) **Вѣсти** Франціи, Германіи, Англіи и др. странъ. 11) **Россика** (свѣдѣнія о переводахъ на иностран. языкъ. 12) **Новости** по библіот. дѣлу и библіогр. 13) **Отзывы и рецензіи** о новыхъ книгахъ. 14) **Справки,** касающіяся книгъ. 15) **Ежемѣсячные каталоги** новыхъ книгъ русскихъ, франц., нѣмецк., англ.

Приложенія: Систематическіе каталоги по разнымъ отраслямъ знаній, общимъ и спеціальнымъ, иллюстрированные проспекты новыхъ книгъ, анкеты по вопросамъ, касающимся чтенія литературы и пр.

1 р. Годовая подп. цѣна „Извѣстій по литературѣ" и „Вѣстника Литературы", съ дост. и перес. Съ перес. за границу—1 р. 50 к. (=4 франка). **1 р.**

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ: 1) Гост. Дв., 18 и 2) Невскій пр., 13; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій Мостъ, 12, д. Джамгаровыхъ и 2) Моховая ул., 22, д. Чижова и Курдындиной (противъ университета).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА **1913** г. на **СТАРѢЙШІЙ** изъ **ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ** журналовъ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“ издаваемый при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній.

49-й г. издан. Выходитъ ежемѣс. книж. отъ 6 до 10 печат. листовъ.

Въ неофиціальной части 1912 года были, между прочимъ, помѣщены статьи: **Я. Н. Ктитаревъ.** Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ. **А. Барсовъ.** Литература послѣ Гоголя. „Обрывъ“ Гончарова. **А. Флёровъ.** О типѣ нужнаго для школы изданія произведеній художественной литературы. **М. Г. Попруженко.** Матеріалы по методикѣ анализа безконечно-малыхъ въ средней школѣ. **Вл. Шидловскій.** О желательности сообщенія историческихъ свѣдѣній по исторіи математики въ нашей средней школѣ. **А. Постниковъ.** Мовометрическій способъ опредѣленія коэффиціента истиннаго расширенія жидкостей. **М. Фотъ.** Иностранные языки и хоровыя упражненія. **М. фонъ-Критъ.** Физическое воспитаніе и физическое образованіе, ихъ цѣли, факторы и средства. **В. Чернышевъ.** Мысли К. Д. Ушинскаго объ обученіи и наставникахъ. **Евг. Лозинскій.** Воспитаніе вождей. **К. Житомірскій.** Педагогическія увлеченія. **В. Волынцевичъ.** Психологія переходнаго возраста. **А. Щепинскій.** Психологія футбола и другихъ игръ. **М. В. Соболевъ.** Наши дѣтскіе журналы за 1911-й годъ. **К. Лѣпиловъ.** Объ эстетическомъ развитіи учащихся. **И. С. Симоновъ.** Гр. Д. А. Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. Статьи, замѣтки и рецензіи: **Ал. Ник. Острогорскаго, П. Ѳ. Каптерева, Н. С. Дрентельна, Н. И. Полянскаго, М. В. Соболева, Н. Бахтина, К. Лѣпилова, М. Г. Попруженко, В. Буданова, С. Бернштейна, Н. Саввина, М. Приселкова, Н. Поиотило, А. Налимова, Евг. Лозинскаго, Вл. Шидловскаго, Н. К. Михайловскаго, С. Траилина** и др. Подписная цѣна съ доставкой 5 р. Иногородніе адресуютъ въ редакцію. *СПБ., Тучковъ пер., д., 11, кв. 11.* Редакторъ **И. С. Симоновъ.**

XXIV г. изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ **1913** г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ ставитъ своею **ЗАДАЧЕЮ** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ отзывы о новыхъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ книгахъ и др. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знаній и искусства, литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и проч.

Въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, акад. В. М. Бехтеревъ, Ю. А. Бунинъ, акад. И. А. Бунинъ, Ю. А. Веселовскій, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, А. Г. Дауге, Е. А. Звягинцевъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, П. С. Коганъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Е. І. Лозинскій, А. И. Лотоцкій, прив.-доц. П. И. Люблинскій, С. П. Мельгуновъ, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Ф. Михайловъ, проф. А. П. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, проф. И. Г. Оршавскій, Г. Роковъ, С. Ф. Русова, П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, Б. И. Сыромятниковъ, В. Я. Улановъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, Л. Б. Хавкина-Гамбургеръ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолускій, Н. В. Чеховъ, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, Е. П. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе другіе.

Журналъ выходитъ **9 разъ** въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки — **5** р., съ доставкой и пересылкой — **6** р., въ полгода — **3** р., съ пересылкой за границу — **7** р. **50** к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки — **5** р.

Земствамъ, городскимъ самоуправленіямъ, просвѣтительнымъ и учительскимъ обществамъ при подпискѣ не менѣе чѣмъ на 5 экземпляровъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5% подписной цѣны, и при подпискѣ болѣе чѣмъ на 10 экземпляровъ въ размѣрѣ 10%. Уступки эти дѣлаются при непремѣнномъ условіи высылки денегъ *непосредственно въ редакцію.*

Плата за объявленія въ журналѣ: 30 руб. за страницу и **15** руб. за полстраницы.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ ***Н. Ф. Михайловъ.***

СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ 1912 ГОДА
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на двухнедѣльный журналъ новаго типа
(4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ большого формата въ два столбца.

Задача журнала „Бюллетени Литературы и Жизни"—по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Все временное, скоропреходящее, хотя бы и сенсаціонное, но нехарактерное для жизни человѣческаго духа, журналомъ „Бюллетени" совершенно игнорируется, какъ ненужный балластъ, только затемняющій подлинное лицо жизни. Наоборотъ, изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ, главнымъ образомъ, то, что не носитъ характера случайности, а имѣетъ *длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.* Библіографическій отдѣлъ журнала „Бюллетени" представленъ въ такомъ, можно сказать, исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ общихъ журналовъ. Библіографія въ томъ видѣ, какъ она ведется въ „Бюллетеняхъ", необход. для самаго широкаго круга читателей.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„Утро Рос.": „Журналъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ періодическій органъ, дѣйствительно, новаго типа, потребность въ которомъ ощущалась давно, о чемъ своевременно особенно энергично высказались еще Достоевскій и Гл. Успенскій. Въ журналѣ сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью—журналами, газетами и новыми книгами..." „Рус. Вѣд.": „Бюллетени" довольно хорошо справляются со своею задачею... Они знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явленіями современной жизни"... „Бирж. Вѣд.": „По Бюллетенямъ хорошо можно слѣдить за движеніемъ въ современной литературѣ, за подъемами литературы, за ея паденіемъ, за всѣми обрѣтеніями и потерями"... „Русск. Школа": „Бюллетени" дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюллетени" оказываютъ огромную услугу"... „Огни": „Бюллетени" завоевываютъ себѣ все большія и большія симпатіи публики. Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культурными запросами, который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журналѣ. Онъ даетъ въ каждомъ номерѣ статьи о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ, о всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ литературой, наконецъ, о всѣхъ новыхъ книгахъ, о всѣхъ журналахъ"... „Рус. Сл.": „Въ журналѣ запечатлѣна вся литературная жизнь года". При этомъ ему „нельзя отказать въ значеніи хорошаго справочника, пользованіе которымъ облегчается соотвѣтствующими указателями"... „Совр. Сл.": „Бюллетени" переплетены теперь въ два изящныхъ тома и представляютъ собой обзоръ минувшаго года въ литературномъ, художественномъ и идейномъ отношеніи... Задача журнала имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе"... „Голосъ": „Бюллетени" отмѣчаютъ все болѣе или менѣе выдающееся во всѣхъ отрасляхъ науки и литературы... Въ журналѣ сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли". „Иллюстр. Обозр. Голоса Москвы": „Бюллетени безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ. Кромѣ живости и широты, проявляемыхъ въ подборѣ статей, интересныхъ для чтенія и самообразованія, „Бюллетени" являютъ собой рѣдкій, необходимый каждому читающему и пишущему человѣку, справочникъ. Все то, что погребено за годъ въ затерянныхъ вырѣзкахъ, промелькнувшихъ отзывахъ и статьяхъ, вновь воскресаетъ въ „Бюллетеняхъ" и оказываетъ незамѣнимую услугу въ литературной работѣ. Можно только привѣтствовать дѣло „Бюллетеней" и пожелать имъ наибольшаго распространенія".

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ЖУРНАЛА РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 3 р. Допускается разср.: 1 р.—къ 1 сент., 1 р.—къ 1 янв. и 1 р.—къ 1 мая. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учителей при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала подписная цѣна на годъ—2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почт.-телеграфн. учрежден. имперіи. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. ═══ Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Продажа производится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ, въ газетн. кіоскахъ и на ст. жел. дор.

Книгоиздательства приглаш. присылать исключительно на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ библіограф. свѣдѣній. ═══ Имѣются полн. компл. журн. „Бюллетени" за 1910—11 и 1911—12 гг. Цѣна комплекта 1-го года—2 р., 2-го—3 р. съ пересылкой. **Цѣна за оба комплекта въ переплетѣ (3 тома)—6 р. 50 к.**

Ъ конт. и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. 1-е отд. конт.: Тверской бульв., д. 26, кн. маг. „Трудъ С. Скирмунта". 2-е отд. конт.: С.-Петербургъ, Стремянная, д. 6, кн. складъ „Провинція".

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.

AP
50
B54
Biuŀŀeteni literatury i zhizni.
g. 4, no. 4-6

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED